

ROMA AMOR



О КЛЕМАН – БЕСЕДЫ

С ПАТРИАРХОМ АФИНАГОРОМ

Оливье КЛЕМАН

**БЕСЕДЫ
С
ПАТРИАРХОМ
АФИНАГОРОМ**

Перевод с французского
Владимира Зелинского

Брюссель 1993



*Историческая встреча 5 января 1964 г. в Иерусалиме
папы Павла VI и патриарха Афинагора I*

Печатается с разрешения издательства Fayard и автора,
профессора Оливье Клеман.



для русского издания

Издательство «Жизнь с Богом»

© Foyer Oriental Chrétien

206, Avenue de la Couronne

1050 Bruxelles 5 – Belgique

Bruxelles 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

С чувством искренней радости и благодарности Богу и всем сотрудникам, которые участвовали в осуществлении этого проекта, издательство «Жизнь с Богом» предлагает читателям замечательный труд французского православного профессора Оливье Клемана «Беседы с патриархом Афинагором» (Paris, Fayard, 1969).

Оливье Клеман родился в неверующей семье и долго изучал экуменические вопросы. В возрасте 30 лет обратился в христианство и крестился в православной Церкви. Сильное влияние на него оказал Владимир Лосский. Ему особенно близки греческие отцы Церкви, интуитивные мысли Бердяева и молитвенное представительство святого афонского старца Силуана о спасении всего рода человеческого. Он преподает в парижских экуменических институтах, читает доклады, пишет статьи, издает книги, успеху которых способствует не только его блестящий стиль и эрудиция, но и стремление осуществить заветное желание Христа: «Да будут все едино» (Ин 17.21).

Русским читателям он оказал неоценимую услугу тем, что бережно донес до нас свидетельство жизни и мысли патриарха Афинагора, у которого провел лето 1968 года.

Патриарх – верный представитель восточной традиции и культуры, человек богато одаренный, стойкий и уравновешенный. Он жертвенно служит Богу, Церкви и людям. Прекрасный педагог, он умеет воспитывать верующих, указывать путь единения с Богом и Пресвятой Богородицей, почитаемой Заступницей Константинополя. В трудных обстоятельствах он борется с несправедливостями, воодушевляет, организует. Вселенская широта ума сочетается у него с

любвеобильным сердцем: «все народы хороши, я всех люблю», – нередко говорит он, рассказывая о своем пастырском и экуменическом опыте, вдохновленном словами Христа: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил Вас» (Ин 15.12).

Афинагор – своего рода византийский Сократ, напоенный живой водой христианства. По сократовскому методу он предлагает слушателям путеводную нить для размышлений, а затем останавливается... потому что солнце уже клонится к западу... чтобы собеседники сами продолжали взращивать семена, посеянные им.

Патриарха и Клемана сближает любовь к истине и делу христианского единства. Собеседникам чуждо желание навязывать свое мнение или прибегать к подтасовкам. Оба они начитаны и не боятся постоять за истину. Так, например, Клеман смело утверждает, что Львовский Собор 1945 года, принесший столько вреда Церкви, как Западной, так и Восточной, не был законным и нельзя возлагать на православную иерархию ответственность за его созыв, как это утверждалось на Востоке.

О. Клеман отдает явное предпочтение православию. Он ознакомился с ним только в зрелом возрасте и хорошо изучил русских богословов XX века, но не уделил много внимания предыдущему периоду, когда корифеями русской богословской мысли были такие ученые, как Болотов, Бриллиантов, Глубоковский, Голубев, Поснов, Светлов и другие профессора четырех Духовных Академий. Но в России о них не забыли. Русские православные наблюдатели на первой сессии Второго Ватиканского Собора обратились к принимавшим их католикам с просьбой найти на Западе рукопись лекций по церковной истории профессора М.Э. Поснова.

В высказываниях патриарха все объективно. Он обладал, как Паскаль, редким искусством согласовывать противоположности. Ему также свойственно понимание психологии восточных народов.

Сравнивая эkkлeзиологию патриарха Афинагора и О. Клемана, который уже во второй главе своей книги начинает объяснять «что такое православная Церковь?» и противопоставлять ей католичество, сразу чувствуется, что их суждения не во всем тождественны. Однако при внимательном изучении книги О. Клемана видно, как перспектива смещается под действием слов патриарха. Мудрость его проявляется в том, что он не дает категорических ответов, а предлагает самому собеседнику убедиться в том, что мысль можно выразить иначе и может быть лучше.

О. Клеман, как некоторые православные и многие протестанты, представляет себе Церковь как федерацию независимых поместных Церквей. Афинагору же свойственно более традиционное понимание Церкви, близкое эkkлeзиологии Владимира Соловьева, утверждавшего, что «несмотря на девять веков отчуждения, непреодолимых препятствий к единению нет». Афинагор I и Павел VI не теряли надежды на возможность отслужить вместе литургию во славу Пастыреначальника Христа. Спорные вопросы между Восточной и Западной Церквями В. Соловьев «изучал в течение восьми лет по первым источникам, т.е. по Актам Соборов и по творениям древних церковных писателей и учителей Церкви – греческих и латинских». Так, он пришел к заключению, что «как ни глубока пропасть между нашей и Западной Церковью, все-таки она вырыта не Божьими, а человеческими руками. Разделение Церквей – это Божие попущение, а не Божья воля. Божья воля неизменна: да будет едино стадо и един Пастырь. Итак, можно и должно прилагать

все свои старания к тому, чтобы был засыпан этот пагубный ров, разделивший стадо Христово» (Письма, том 2 стр. 54). В другом письме он утверждает: «Истинная церковность зависит от присутствия апостольского преемства, от православной веры во Христа, как Сына Божия и Сына Человека, и, наконец, от полноты таинств. Все это одинаково находится и у нас и у католиков. Следовательно и мы и они составляем вместе единую, Святую Кафолическую* и апостольскую Церковь, несмотря на нынешнее историческое временное разделение, не соответствующее истине дела и поэтому тем более печальное» (Письма, т. 2, стр. 105).

Вопрос о примате Петра уже много раз обсуждавшийся историками Церкви не нашел еще окончательного разрешения. Читателю было бы интересно ознакомиться с книгой православного профессора о. Иоанна Мейендорфа: «Православие в современном мире» Нью-Йорк 1991. В этой книге приводятся свидетельства о примате Петра, патриарха Антиохийского, в письме патриарху Михаилу Керулларию: «На Петре великая Церковь Божия зиждется». Еще более ясные тексты встречаются у св. Феофилакта Болгарского, жившего в начале XII века, в его трудах на Четвероевангелие: «... после Меня ты – камень и утверждение Церкви».

Сам патриарх Фотий являлся в этом отношении первым и очень значительным примером: «На Петре, – пишет он, – покоятся основы веры». «Он есть глава апостолов». Как и последующее византийское бого-

* Греческая буква Θ (фита) соответствует на русском языке букве «ф», а на западных языках «th». Этим объясняется, что греч. слово «католикос» (вселенский) передается по-русски: кафолический, а на западных языках – католический (catholicus).

словие, Фотий не знал искусственно-полемического противоположения между Петром и его исповеданием. Петр есть камень Церкви, потому что он произнес исповедание веры в Божество Спасителя. На фотиевом Соборе (879-880) были даже употреблены такие выражения: «Господь поставил его главой всех Церквей, говоря: паси овцы Моя».

В 1950 году, в Париже состоялся обмен мнений по вопросу о Филиокве между католическими и православными богословами; преподаватели православного Богословского Института были против учения о Филиокве. Однако никто из них не смог показать, что эти их личные мнения являются выражением общепринятого православного учения. Больше того, никто из них не счел нужным познакомить своих католических оппонентов с тем, что говорилось и писалось православными учеными раньше. Не было сделано даже намека на то, что исследования православных богословов приводили их уже давно к совершенно иным выводам.

Епископ Кассиан (Безобразов), бывший ректор православного богословского института в Париже, в статье «О созыве Вселенского Собора (см. Вестник Р.С.Х.Д., Париж, 1959, № 52) пишет, что Филиокве «не составляет непреодолимого препятствия к церковному единству» (с Римом). Ибо «толкование Филиокве (и от Сына) в смысле *per filium* (через Сына), предложенное еще в Византийскую эпоху и защищаемое многими современными богословами могло бы привести к устранению первого препятствия» (к единству).

В нашем веке экуменизм развивался разными путя-

ми по веянию Духа Божия, с тех пор как мы осознали, что наши грехи являются главной причиной разделения и что собственными силами мы не способны восстановить единство.

В конце XIX века папа Лев XIII объявил, что для восстановления единства следует прежде всего прибегнуть к сугубой молитве. Он установил девятидневное моление (октаву) Святому Духу, т.е. неделю молений о единстве христиан, от праздника Вознесения до св. Пятидесятницы, «когда апостолы единодушно пребывали в молитве к Святому Духу с Марией, Матерью Иисуса» (Деян 1.14).

В начале XX-го века в Греймуре близ Нью-Йорка, англиканский францисканец Джеймс Ваттсон стал вместе со своей общиной посвящать восемь дней (18-25 января) молитвам о христианском единстве. Его примеру последовали христиане разных исповеданий, включая католиков и православных. В первый раз в истории стали возноситься к небу единодушные молитвы христиан различных деноминаций, чтобы прекратился соблазн разделения и было достигнуто единство, соответствующее воле Божией, теми путями, какими Богу будет угодно нам указать. Эта формулировка, принадлежащая французскому аббату Кутюрье (столетие со дня рождения которого мы празднуем в 1993 году) помогла устранить камень преткновения на пути к совместной молитве.

«Христианское единство, – писал о. Кутюрье, – есть начинание, превышающее человеческие силы; оно будет великим чудом Божественного милосердия. Об этом чуде должны молиться все христиане, ибо все в той или иной степени виновны в разделении». Ко Христу он обращался с мольбой: «Да будут все едино... я грешник молюсь Тебе Твоей молитвой. Она – мое единственное утешение. Когда? Как будет осуществ-

влено единство? Это Твое дело; вера обязывает меня только молиться с Тобой, в Тебе, чтобы осуществилось Твое единство, которого Ты всегда желал и которое Ты уже давно бы осуществил, если бы все, и я в том числе, не препятствовали Твоему свету сиять в мире».

Призывы о. Кутюрье были услышаны. Его понимание недели молитв о единстве оказалось ключом, открывшим двери для участия в ней всем христианам, по словам шведского пастора Розендаля. «Великая мистическая сила о. Кутюрье, – говорил он, – его вера в победоносную силу молитвы». Откликнулись многие монашеские ордена разных исповеданий и таким образом созданся невидимый монастырь – тысячи монашеских общин, постоянно молящихся о единстве. Молитвенный порыв захватил и мирян: от христиан всех деноминаций стало возноситься одновременно к небу моление о преодолении разделений и единении во Христе. Укорененные в молитве, попытки сближения оказались плодотворными. Постепенно в отношениях между христианами стало преобладать доброжелательство. Именно во время недели молений о единстве, в январе 1959 г., папа Иоанн XXIII объявил о созыве Второго Ватиканского Собора, ставшего вехой на пути к единству.

Согласно кардиналу Сьененсу, роль богословов-экуменистов можно сравнить с работой ледоколов, пробивающих ледяную кору застывших формул, чтобы обрести живую воду, приемлемую для всех. И этот труд необходим. Но есть и другой, доступный всем способ: быть лучами солнца Божия, под влиянием которых тает лед, иными словами, согреть любовью атмосферу холода и отчуждения.

Все мы должны взять на себя ответственность за

*исполнение молитвы Спасителя о единстве христиан
и содействовать ему молитвой, смиренной любовью,
словом и делом.*

И. ПОСНОВА

ВВЕДЕНИЕ

Книга эта – рассказ о встрече. Той встрече, которую автор хотел бы разделить со своими читателями, приобщив их к определенному строю духовной жизни. С тех пор как высокая фигура Афинагора I появилась на телевизионных экранах и в иллюстрированных еженедельниках, христиане Запада, а благодаря средствам массовой информации и толпы людей, сумели по-своему почувствовать, что и «православный» Восток под пластом всех склерозов и расколов, принесенных историей, сохраняет верность христианскому единству, которую патриарх символически облек в слова и жесты примирения. Для цивилизации, которая пятится к смерти, по-обезьяньи копируя молодость, иконописное лицо Афинагора заговорило о старости, насыщенной мудростью, и – кто знает? – может быть стало каким-то знаком преображения и самой смерти. «Архетип старого мудреца», как сказал бы Юнг, мудреца, умеющего дать почувствовать, что жизнь, завершаясь, превосходит себя, и что в глубине вещей лежит не небытие, а любовь.

Прошли годы с тех пор, как я, родившийся в атеизме, как другие рождаются в Церкви, отправился в это духовное паломничество в страну Востока и совершил решающий шаг в своей жизни, приняв крещение в православной Церкви. Я наблюдал за действиями патриарха и видел, сколь они плодотворны. За ночью души, ныне переживаемой Западом, мистической ночью, по выражению Хуана де ла Крус, мне открывалась иная сторона христианства, менее шумная, но более молитвенная, тяготеющая к своим «восточным» корням. Я видел и то, как некоторые бунтари понимали наконец, что единственное настоящее отчуждение – это отчуж-

дение, которое лишает человека бесконечного. Вот почему, когда мне предложили написать эту книгу, я принял это предложение как призыв к служению единству.

Долгие летние недели 1968 года я провел с патриархом, сначала в Стамбуле, затем на Принцевых островах и на богословском факультете в Халки, куда он приезжал немного передохнуть, воспользовавшись тишиной каникул. Поначалу он опасался встретить во мне одного из тех интеллектуалов, что хоронят жизнь под книгами (некоторые даже полагают что похоронили Бога), одного из тех богословов, которых он не любит за то, что само начало Жизни они обращают в отвлеченное понятие и оружие для полемики. Я молча выжидал, погружившись в ритмы безмолвия, уважения и открытости, столь значимые на Востоке. И встреча состоялась. Патриарх увидел, что внимание мое обращено к нему прежде всего как к человеку, а не к образу, в котором он должен выступать. Он ощутил во мне любовь к своему народу и любовь к Византии. Но нас сблизило нечто еще более глубокое: за внешними границами Церквей мы по-разному угадывали в свете Евангелия новый лик Неведомого, Живого, делающийся прозрачным в истории, ставшей планетарной, и в космосе, распахнувшемся перед нами в своей бесконечности. Афинагор, любящий игру слов, сказал мне однажды, что я богослов... милосердный (Clément), а милосердие, между прочим, есть одно из лучших имен Божиих. С этого дня он стал считать меня своим. «Здесь вы – мой монах, вы должны мне повиноваться». И я был послушен, как бы обретя в нем отца. И когда он того хотел, я присаживался рядом с ним, как ученик у ног учителя. «Так старый человек исповедуется молодому», – сказал он мне однажды.

Х

И потому в наших беседах ничего не придумано. Разумеется, я не брал у патриарха никаких интервью и никогда не позволял себе делать какие-либо записи, когда он говорил со мной. Но у сердца хорошая память. Записывая все, что относится в этой книге собственно к разговорам, я поступал подобно античным историкам: восстанавливал речь, отталкиваясь от духа, от глубинных намерений говорившего. Я сблизил и скоординировал высказывания патриарха, прибегая иной раз и к недавним его посланиям, развивавшим его мысль. Но этой мысли, точнее, словам патриарха, я пытался вернуть своеобразие его речи. Я действовал не столько как фотограф, сколько как живописец, что хочет передать в облике тайну существования личности.

Единственное, что мешало мне писать, была сама форма диалога. Это слово, которым выражает себя все то, чем действительно славен Запад, подразумевает равенство партнеров. Восток, внося в человеческие отношения горячую простоту, неведомую нам более, сохранил чувство уважения. Когда слушаешь человека – патриарха, старца, мудреца, – отношения почтительности в вертикальном, а не горизонтальном смысле складываются сами собой. Я более слушал, чем говорил. Более спрашивал, чем утверждал. Мое участие в разговорах с патриархом следует воспринять скорее как отражение его слов, как эхо, что звучало порой словами, а порой молчанием.

Чтобы верно понять человека и его слова, их нужно было вернуть в тот духовный мир, из которого они вышли. В остальном же, если не в области языка, то в области духа роль переводчика мне знакома. Это предопределило и структуру книги. Сначала мы вкратце представим читателю православную Церковь, – речь о ней мы продолжим в других главах, затем расскажем

об основных вехах жизни Патриарха. Однажды вечером в Халки я слышал как он беседовал в саду со своей сестрой об их детстве. Он немало рассказал и мне о своем жизненном пути. Глубокими корнями уходит он в землю той страны, история которой мало известна на Западе. Эти рассказы служат фоном для картины, иногда импрессионистической, иногда тщательно выписанной, как в некоторых «примитивах». Затем наступает черед самих бесед. В них, я надеюсь, можно будет ощутить, до какой степени Дух, составляющий живое Предание Церкви, может стать *juvenescens*, «омолаживающим», как писал во II-ом веке пришедший с Востока ученик ученика Иоанна Богослова, первый епископ Лионский. Третья часть будет посвящена деяниям патриарха, и прежде всего обновлению экуменических контактов, замкнутых до сих пор рамками диалога между католиками и протестантами. Последняя часть покажет патриарха в деле собирания православных Церквей, в той его деятельности, что должна способствовать пробуждению православного самосознания, обращенного к единению христиан.

Эта книга – жест благодарности. Благодарности патриарху Афинагору, помогшему мне, по любимому его выражению, «разоружиться», избавиться от противостояний и тайных страхов, и указавшему в нашей истории пути пророческого творчества. Благодарности православной Церкви, моей духовной родине, призванной ныне за пределами ее национальных границ стать смиренной свидетельницей Церкви нераздельной, где тайна и свобода не пререкаются, но перекликаются друг с другом. Благодарности всем, кто мысленно подвиг меня к написанию этой книги, к этому служению: преосвященному митрополиту Мелетию, представителю вселенского патриарха, митрополиту XII

Галльскому, Шарлю Оранго и Жану Шевалье из издательства Fayard. Наконец благодарности Византии, той Византии, чье существование ныне подобно свету погасшей звезды, последним излучением которой является, может быть, патриарх Афинагор.

О. КЛЕМАН

Часть Первая

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗОВУТ АФИНАГОР

ФАНАР

В Стамбуле, когда выходишь из новых кварталов и пересекаешь мост по самой середине Золотого Рога, там, где на другой стороне гигантская автострада как бы по живому телу рассекает византийскую и турецкую плоть старого города, проходя под акведуком Валента, который столь по-римски, победно перешагивает ее, нужно свернуть направо и выйти на улицу, идущую вдоль Золотого Рога. Ныне это промышленный район, где обрабатывается древесина, которую привозят на судах из прибрежных лесов Малой Азии. Повсюду – лесопильные заводы, визг металла, вгрызающегося в стволы, грузовики, разъезжающие в пыли или в грязи, ангары, загроможденные досками. То там, то здесь с небольшого пустыря открывается вид на суживающийся залив, на пыльный скверик вдоль пристани, у которой всегда пыхтят тяжело нагруженные пароходики, обслуживающие побережье. Взгляд ваш добирается до старой стены Феодосия и улицы Гробниц, священной земли Эйюпа, где погиб при тщетной осаде города последний спутник Пророка. Баржи вытаснены на берег, где среди старых бидонов они ожидают новой покраски. Летом, когда среди пузатых фелюг здесь купаются дети, платаны уже желтеют. Напротив, на другом берегу тихого водного потока, на холме, покрытом желтой травой и белыми стеллами, – мусульманское кладбище. У его подножия – судоверфи, грохот молотков по железу. На берегу, где

мы стоим, склон так же быстро подымается. Оставив позади красноватые развалины морской стены, ныне почти исчезнувшей, мы выходим к живописным турецким домам с деревянными ярусами. Перед нами открывается вся панорама жизни средиземноморской метрополии. Летом каждый поливает улицу перед своим порогом, от фасада к фасаду тянутся виноградники и глицинии, перед домом громоздятся дыни и арбузы. Далее улицы, неровно выложенные камнями, переходят в сельские дороги. Смоковницы, руины старой мечети, рядом с гробницами – каменные цветы для женщин, столбики, взбухающие на конце тюрбанами, для мужчин. Грузовики и американские автомобили почти не решаются забираться сюда, здесь больше животных, чем машин; встречаются прекрасные лошади с хомутами, украшенными голубым бисером от дурного глаза; морские птицы и грифы кружатся над отбросами.

На полусклоне, внезапно и как бы совершенно не к месту, вырастает гигантское строение из красного кирпича, которое могло бы сойти за оксфордский колледж, если бы не увенчивалось куполом и на верху стен его не было черного греческого орнамента гигантских размеров. Это главный лицей греческого патриарха – *Rum Patrikanesi*.

Сам патриархат располагается в более укромном месте. Совсем неподалеку от причала «Фенер» под деревьями пролегает тихая улочка. Со стороны холма лестница ведет к садам, располагающимся ярусами до самой византийской стены. Мы выходим на маленькую площадь, раскинувшуюся между церковью и фонтаном, укрытом огромным деревом. Справа – несколько современных зданий, весьма сдержанных по стилю. Слева – очень простой собор, построенный в XVIII веке, с абсидой, кое-где поросшей травой, затем аллеи

сосен, кипарисов, роз. В притворе – великолепная византийская мозаика, изображающая Богородицу с Младенцем. Его лик кажется серьезным и взрослым. Служба заканчивается. Молящиеся выходят из храма; как обычно летом, среди них много паломников и туристов. Появляется высокий старик в черном, на его голове – черный клобук, какой носят православные монахи. Все, кто хочет, может следовать за ним, туристы или бродяги, попеременно. Полсотни человек направляется вместе с ним к современным зданиям. Мы проходим через сады, по аллеям, выложенным белой и черной галькой. Проходим мимо жасмина, поднимаемся по высокой лестнице. Человек усаживает всех в просторной зале, а сам устраивается за столом. Приносят большие запотевшие стаканы со свежей водой, куда кладут чайную ложку сахарной массы. Не надо размешивать, говорит он, лучше съесть сначала сахар, а потом выпить воду. Затем он начинает говорить и говорит долго глухим и твердым голосом. Он говорит о времени, в котором мы живем, как об эпохе человеческого единения. «Все народы хороши, все расы. Все должны найти свое место в человеческом единстве. Я принадлежу всем народам. Закваской единства человеческого рода должно стать единство христиан. Объединение человечества служит выражением и одновременно поиском достигнутого нами полного единства во Христе, в Котором все мы – члены друг друга. Я принадлежу всем Церквам или скорее к единой Церкви, Церкви Христовой. Единственное богословие – это возвешение Христа Воскресшего, Который воскрешает нас и дает нам силу любить. Люди вскоре достигнут Луны, но смысл жизни неизвестен им. Мы, христиане, не должны ничего бояться. Нам не о чем просить, нечего навязывать, но мы должны свидетельствовать о том, что жизнь имеет смысл,

что она безмерна, что она открывается в вечность. Потому Бог есть, Бог существует, и, Он, Неведомый, – Друг наш».

Вы уже узнали этого старика: это патриарх Афинагор I, архиепископ Константинопольский, первый по чести в православной Церкви.

ЧТО ТАКОЕ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ?

Православная Церковь существует в живой и неразрывной связи с древней Церковью. Она никогда не ведала разрыва не только духовного, но и исторического с апостольскими общинами, и многие из ее епископских кафедр являются «апостольскими престолами». Не по достоинствам своим, но по милосердию Божию она сохраняет верность Отцам Церкви как великим свидетелям Предания, равно как и догматам семи Вселенских Соборов, собиравшихся на Востоке во времена нераздельной Церкви.

В конце первого тысячелетия между христианским Востоком и христианским Западом усилился процесс *отчуждения* (estrangement), как говорит отец Конгар, и между 1014 и 1204 годами этот процесс привел к трагическому разделению, которое «православным» Востоком ощущается как удаление Рима. Громадное влияние на раскол оказали и культурные факторы, ныне устаревшие или устаревающие. Однако, с православной точки зрения причины раскола носят духовный характер; древняя Церковь понимала римский примат как «председательство в любви», осуществляющее общение поместных Церквей, как евхаристических общин совершенно равных по достоинству. Однако, начиная с грегорианской реформы, в процессе веков достигшей своего апогея на Первом Ватиканском Соборе, Рим преобразил свой примат в абсолютную власть над вселенской Церковью и наделил папу «непосредственной и подлинно епископской юрисдикцией» над всеми верующими. Соответственно латинское богословие стало склонно заменять отношение взаимности между Сыном и Духом Святым, «этими двумя десницами Божиими», отношением односторонней зависимости («Дух исходит и от Сына»), что несомнен-

но, усилило значение иерархии, священства *in persona Christi*, в ущерб свободному пророчествованию мирян. Критерий истины не вполне одинаков в «католичестве» и «православии»; в первом случае, это определение, провозглашаемое папой *ex cathedra*; во втором – это присутствие Духа Святого, пребывающего в таинственном Теле Христовом. Это присутствие облечено, разумеется, в конкретные формулы учительской власти, но эта власть находится в тесном взаимодействии со всем народом Божиим и его живым «ощущением Церкви». В 787 году Седьмой Вселенский Собор перечислил условия, которые делают собор действительно вселенским: он должен быть признанным папой, проводиться с согласия патриархов и выражать общий интерес всей Церкви. С православной точки зрения новая латинская экклезиология нарушила равновесие трех этих начал.

В VII веке ислам захлестнул, но не разрушил полностью старые патриархаты Ближнего Востока, и столица Византийской империи, Константинополь, на долгие века сделалась центром православной жизни и мысли. Центром миссионерским, ибо после обращения славян и румын христианская миссия раскинулась на территории от Балкан до полярного круга. Центром цивилизации, где культура стремилась стать прообразом Иерусалима небесного. Грандиозная литургическая поэма, сложенная в VI и VII веках, была создана эллинизированными сирийцами, умевшими соединить патетику и чувственную образность, присущую народам Библии. Именно эта поэма, столь погречески сочетавшая в себе благозвучие с поэтикой света, в качестве «византийского обряда» не юридически, но фактически стала единственным обрядом Православной Церкви. Византийское богословие, пло-

дотворность которого раскрывается для нас все больше и больше, следуя по пути Отцов Церкви, окончательно завершает преобразование эллинизма в горниле библейского Откровения. Святой Григорий Палама, учение которого было одобрено на Константинопольских Соборах 1341 и 1351 годов, отличает непостижимую *сущность* Бога от Его *энергий*, или *нетварного света*, в котором Он отдает Себя целостному человеку, как его телу, так и душе, и тем самым становится реально доступным нам. В своих мистических размышлениях о Духе Святом Византия в лице святого Симеона Нового Богослова возвращается к видению пророков, а стяжанием Духа называет «жизнь во Христе» – по наименованию книги светского богослова XIV века Николая Кавасилы – т.е. участие в «таинствах», в коих Воскресший отдает Самого Себя.

Будучи синтезом Востока и Запада, Византия по очереди была разрушена и тем, и другим. Латиняне овладели Константинополем в 1204 году в ярости отщепенства. Турки овладели им в свою очередь в 1453 году в ярости очищения. Они и положили конец существованию непрочной византийской империи, оправившейся было после первого разгрома.

С давних пор Церковь отделяла свою судьбу от судьбы империи, временного своего пристанища. «Исихастское» обновление XIV века (от греческого слова *hésychia*: безмолвие и мир соединения с Богом), ставшее мощным духовным движением, не только посеяло семена света в православном мире, но породило внутреннюю реформу, позволившую Восточной Церкви приспособиться к османскому владычеству, а в XVI веке избежать расколов христианского Запада. Константинопольский патриарх, со времен турецкого завоевания несущий ответственность перед султаном

за «христианский народ» империи, продолжал пользоваться первенством чести среди представителей всех православных Церквей и регулярно собирал на соборах восточных патриархов и их епископов... Монастырская республика на Афоне остается духовным сердцем православной эйкумены, отовсюду принимая послушников, повсюду рассылая свидетелей Духа, подлинных внутренних миссионеров Церкви. В собственном смысле миссия среди нехристиан оказалась возложенной на Русскую Церковь, которая одна могла действовать в условиях полной свободы, в рамках новой православной империи, каковой стало теперь русское государство. Миссия развивалась на территории всей северной Азии вплоть до самой Америки, достигнув в XVIII и XIX веках Алеутских островов, Аляски, Китая, Японии. Она сопровождалась громадной работой по переводу Писания и литургических текстов, подобной труду греческих миссионеров, которые создали кириллицу и старославянскую письменность, послужившую евангелизации славянских народов.

В отношениях с христианским Западом православие с XV по начало XIX века проходит долгий период изоляции и самообороны. Ничто еще не заменило ему византийской культуры и ее вечно возрождающегося гуманизма, этой родины осмысления и выражения ее веры. С другой стороны, контрреформация устремляется на Восток; и отнюдь не воля к диалогу между двумя Церквями движет ею, но воля к завоеванию. Так происходит отторжение от православия целых областей, присоединенных к Риму при сохранении прежней литургии. Польские и австрийские власти со всей государственной бесцеремонностью содействуют образованию «униатских» Церквей, которые впоследствии стали камнем преткновения между католичеством и

православием и пережили трагическую судьбу, не завершенную и по сей день...

Несмотря на то, что школьное православное богословие окажется зараженным проблемами своих противников, самосознание Церкви будет жить в литургии и духовной жизни; великие соборы XVII века, собиравшиеся в Яссах, в Москве, в Иерусалиме, отстаивают перед лицом протестантов сакраментальную природу Церкви, а перед лицом католиков – «эпиклектическую» структуру таинства: Дух Святой, смиренно «призываемый» священниками и народом (*épiclese* означает призывание), прелагает хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы.

Искушение этой эпохи – дурно усвоенное византийское наследие, которое порождает сакрализацию царства и национальный мессианизм: «Москва – Третий Рим». Испытание было преодолено – если и не всегда в сознании верующих, то по крайней мере в глубинном сознании Церкви – на большом Московском Соборе (1666-1667), осудившем русских «староверов», приверженцев царства «белого царя» и законнического христианства, религии буквы, закона, обряда и т.п. Ослабленная этим расколом, Русская Церковь оказывается не в состоянии помешать Петру Великому упразднить Московский патриархат и заменить его Синодом, управляемым правительственным чиновником-мирянином. XVIII век – трагический период для православия: в Константинополе патриархат становится игрушкой в дворцовых и посольских интригах; в России Церковь порабощена государством, внесшим жесткие ограничения в жизнь монастырей.

Возрождение наступило на стыке XVIII и XIX веков благодаря новому пробуждению «исихазма». От Афона до Греции, от Греции до румынских княжеств, от Молдавии в Россию пролагает путь это движение,

нашедшее свое выражение в составлении и переводах «Добролюбия», обширной антологии мистического богословия, пронизанного особым светоносным духовным опытом. Это обновление соединяется в России с потребностью в созерцании, коренящейся в самой гуще народа, в особенности в женской среде, а в греческом мире – начиная с Космы Этолийского – с социальным служением и просвещением народа. На пороге XIX века Никодим Святогорец, Паисий Величковский и Серафим Саровский, как бы в противовес нарождающемуся торжеству голого разума, свидетельствуют о сияющем опыте Духа Святого. Внезапно пробуждается исключительно личностное и харизматическое призвание к «старчеству» («старец» – *geronda* по-гречески). Среди мирян «духовник» распространял «молитву Иисусову» и был наставником, помогающим другим нести молитвенный подвиг в современном мире.

В XIX веке христианские народы на Балканах приобрели независимость, и благодаря ей возникли национальные Церкви, не свободные, однако, от следов того церковного национализма, который как язва разъедает и сегодняшнее православие. Константинопольский Собор 1872 года столь же тщетно, сколь и недвусмысленно заклеил его под именем «филетизма». И все же встреча с Западом и – независимо от нее – обновление духом «Добролюбия», вызвали активное пробуждение православной мысли. Отцы Церкви переводятся на русский и румынский языки; Филарет Московский постоянно опирается на них в своих проповедях; Послание восточных патриархов, объединившихся вокруг патриарха Константинопольского, предостерегает папу от догматического определения непогрешимости, настаивая на том, что истина сохраняется всем народом Божиим; Хомяков и мыслители-

славянофилы определяют основные направления экклезиологии соборности; наконец, в пророчествах и прозрениях от Достоевского до Бердяева происходит и преодоление современного атеизма... Когда в романе Достоевского убийца и проститутка, открыв Евангелие, со слезами на глазах читают повествование о воскрешении Лазаря, мы чувствуем, что здесь, как бы впервые, христианское слово обращается к современному атеисту. И каждый православный верующий произносит те же слова, уподобляя себя разбойнику и блуднице, когда дерзает приступить к причастию.

Промышленная цивилизация и аналитические и утопические системы мысли, порожденные ею, со всей силой обрушились на православие, и без того плохо приспособившееся к современному миру. Оно сохраняло свою духовную профетическую основу среди прозорливцев, но в народных массах оставалось архаичным. Славянофильство попыталось построить православную «соборность», однако реформы и прежде всего реформы Александра II, которые могли бы этому способствовать, не были доведены до конца, и само славянофильство скатилось к утраченной сельской идиллии, не способной повернуться лицом к промышленной цивилизации, ставящей свои проблемы и набиравшей темп в России в начале этого века. В Греции в оттоманскую эпоху Церковь вдохнула жизнь в существование самостоятельных общин, она сумела сплотить их, явить их красоту, однако прозападная элита независимой Греции либо не знала народной жизни, либо пренебрегала ею, чем порождала распад, иной раз переходивший в неистовство. И потому понятно, что коммунизм – не как наука, но как мессианская утопия – нашел глубокий отклик в народах, прежде всего в русском, прошедшем через незрелую секу-

ляризацию и подсознательно сохранявшем православное упование Царства. Следует сказать, что столкновение коммунизма и христианства в России, а затем и в странах народной демократии, носило чисто духовный характер. Православная Церковь в этих странах, не связывая себя ни с какой экономической и социальной системой, просто безоговорочно приняла новый социалистический порядок. Но в силу самой этой позиции, отягощенной, правда, определенным сервилизмом (судить о котором могут лишь те, кто знает по опыту законы выживания при *продолжительном* тоталитарном режиме), Церковь выявила саму суть проблемы, которая есть прежде всего проблема назначения человека, принимающего или отвергающего мир духа. Русская Церковь в промежуток между двумя войнами испытала самое страшное гонение из тех, что когда-либо знала история христианства. Благодаря своей гражданской лояльности она, не заключив ни малейшего компромисса в вероучительном плане, получила в советском обществе весьма ограниченные права гражданства. Ей была предоставлена только свобода отправления культа в противовес свободе антирелигиозной пропаганды, и потому ее непрерывное молитвенное служение осталось единственным и поразительным свидетельством о себе самой... Новая попытка удушения, не кровавая, но безжалостная, в 1959 и 1964 годах, явным образом провалилась, хотя и повлекла за собой закрытие многих церквей...

В то же время рассеяние миллионов православных всех национальностей, в особенности греков и русских, в наш век придало православию неоспоримый географический универсализм. В Париже русская религиозная философия принесла свои плоды и сообщила новые импульсы западной мысли. Владимир Лосский во Франции, о. Георгий Флоровский, о. Иоанн

Мейендорф в Соединенных Штатах вновь раскрыли и разъяснили для нашего времени великий патристический и паламитский синтез. Павел Евдокимов в Париже и о.Александр Шмеман в Нью-Йорке стремятся, исходя из этого синтеза и великих поисков русской религиозной философии, творчески разрешить проблемы зарождающейся планетарной цивилизации... В арабском православии пророческое движение Православной Молодежи, спонтанно вылившееся из недр христианского народа, обновило жизнь Церкви, завоевало доверие мусульман и ныне ищет разрешения трагических проблем стран третьего мира, не утратив при этом духовного смысла православной традиции. В Греции большая апостольская работа была проведена православными братствами, однако нынешний режим контролирует и укрепляет извне определенные формы православной жизни, ныне особенно нуждающейся в новом освобождении духа. Румынская Церковь, прошедшая, как и Русская, через суровые испытания в 60-х годах, провела замечательную работу по осмыслению православия при встрече Востока и Запада. Едва ли не повсюду в рассеянии, но в особенности во Франции и в Соединенных Штатах, Запад ищет встречи с православием, дабы осознать и разделить с ним то самое существенное, что способно соединить всех...

Совсем нетрудно было бы подвести отрицательный итог этой долгой истории: искушение религиозным национализмом, этические и политические расколы в рассеянии, общая слабость интеллектуальной работы, отсутствие свободы в странах, расположенных по ту сторону железного занавеса, трудное приспособление к современному миру в Греции, отсутствие координации в рассеянии. Но есть две нити, свидетельству-

ющие о непрерывности и невидимой плодотворности этой истории, и нитей этих ничто не могло порвать. Первая из них – золотая нить преподобных, каковыми были уже в XX веке святой Нектарий Эгинский († 1920) и старец Силуан Афонский († 1938); вторая же – пурпурная нить мучеников: «новомучеников» оттоманского периода, бесчисленных мучеников в России 20-х и 30-х годов (но в те же годы на глазах у многих людей неведомым сиянием «обновляются» старые иконы), или мучеников Сербии времен Второй мировой войны. Эти знаменья крови и света всегда сопутствуют друг другу согласно древнему изречению: «Даждь крови и приими дух».

Православие сохранило ощущение тайны и всегда неохотно выражало ее догматически. Догмат, вопреки искушениям падшего разума, что смешивает или разделяет и стремится к обладанию, хранит в себе непостижимость Бога Живого, Который через любовь становится доступным всему нашему существу, а не одному только разуму. Вот почему догмат построен на антиномии и прославлении; он органически входит в литургическое славословие и в ту область реальности, что открывается созерцанием. Как говорили в старину: «богослов – тот, у кого чистая молитва, у кого чистая молитва, тот – богослов». В сердце православной мысли и духовной жизни лежит пасхальная радость: Бог воплощенный, Бог распятый смертью победил смертью. Он позволил аду и смерти – этим двум силам, неотъемлемым от здешнего нашего удела – овладеть Собой, и как ничтожную каплю ненависти Он растворил их в пылающей бездне богочеловеческой любви. Прославленное тело Господа соткано из нашей плоти, из всей плоти земли, из безмерности космоса, в Нем преображенной. После Пятидесятницы это про-

славленное Тело, которое есть уже новое небо и новая земля, в Духе Животворящем приходит к нам в таинствах Церкви, в Церкви как таинстве Воскресшего. Однако это присутствие, которое объемлет Собою и животворит мир, из уважения к свободе нашей остается сокрытым. «Бог может все, – говорили Отцы, – кроме того, чтобы принудить человека любить». Только при достижении личной святости делается зримой эта сокровенная работа Духа. Только святость может приобщить нас к ней, и не только нас, но и все, что нас окружает, «ускоряя» ее окончательное проявление в мире.

Бог Живой, Который отдает Себя в Церкви, есть Пресвятая Троица. Догмат о Троице – святая святых православного богословия, потому только он и есть богословие в настоящем сиянии Слова. Он открывает, что Бог Живой есть одновременно непостижимая бездна и полнота любви, абсолютное единство, совпадающее с абсолютным же разнообразием. Бог пребывает по ту сторону всякого образа и всякого понятия. Однако вся реальность Бога раскрывается в Его любви, и человек обретает смысл только в образе Божиим, в нем запечатленном, в своей причастности к Тройческому Союзу. Подобно тому, как единый Бог существует в Трех «Лицах», и число три здесь не является шифром, но знаком абсолютного различия, инаковости, законченной и преодоленной одновременно, так и человек – расколотый грехом, но собранный в Телес Христовом – един во множестве личностей, внутренне озаренных пламенем Пятидесятницы. Спасение личное совпадает со спасением всеобщим. Вот почему духовная жизнь в Православии на вершинах своих выражает себя молитвой о том, чтобы все были спасены, «даже и змеи, даже и бесы», по слову святого Исаака Сирянина.

Та непреложная достоверность, которую открывает нам вера, должна питать и наш опыт. Этот опыт в основе своей прежде всего сакраментален и литургичен. Литургия же направлена не только к тому, чтобы возвещать Царство, но и к тому, чтобы – в сиянии красоты – приближать и само реальное его присутствие. Вот почему икона составляет неотъемлемую часть литургии. Она несет свидетельство как о святости личности, так и о тайне мира грядущего. Она напоминает о том, что Бог сделался Ликом, и человек в общении с Воскресшим обретает подлинное свое лицо.

Богатейшая византийская литургия соткана из библейских текстов и святоотеческих размышлений о них. В поэзии, перенасыщенной символами, она облекает в события то, что Библия говорит о Боге, и от деяния Его возносит нас к бездонной Его природе. «Господи, помилуй!» – «Слава тебе, Боже!» – вот равновесие, что лежит в основе литургии: кающийся становится сослужащим, «человеком литургическим».

Поэтому и литургия служилась всегда на местном языке. Православная Церковь, будучи многоязыкой, никогда не ведала феномена единого языка, подобного латыни в католичестве. Если существует явное расхождение между языком церковнославянским и нынешними славянскими языками, то лишь в силу исторической инерции.

Все причащаются хлебом и вином, Телом и Кровью. Дети, начиная с грудного возраста, приобщаются к христианству (т.е. получают крещение и конфирмацию или скорее миропомазание, которые слиты в одном обряде) и допускаются к причастию. Причащение, долгое время бывшее весьма редким, несмотря на обновление в духе «Добротолюбия» в начале века, в наше время все чаще становится еженедельным, в особенности в России, где эта тенденция стала спон-

танной и массовой, или в других странах, где она соединяется с духовным обновлением.

Всякий человек призван к духовному деланию, в котором он сознательно должен стать существом «литургическим или, по слову Апостола, «о всем благодарящим». Православная мистика, мистика трезвения, выдержанная в аскетическом и монашеском духе, остается для всех верующих (постриженных, т.е. предназначенных к «внутреннему монашеству» с самого дня крещения) нормой – пусть и нечасто достигаемой. Вечная жизнь начинается здесь, вместе со «вторым рождением» при крещении, и она раскрывает себя во всех смертях-воскресениях нашего существования. Эта жизнь не может быть ничем иным, кроме как соучастием – через «духовное» тело Христа – в самой жизни Божией и раскрытием повседневного существования в свете, исходящем от Лица Воскресшего.

Путь православия – путь «заповедей Христовых», заповедей блаженства: это путь смирения, бедности, путь слез и любви к врагам; и природа наша со всей ее страстностью распинается и преображается здесь, обращаясь в «теплоту» – не одних только чувств, но всего нашего существа. *Nepsis* – бдение и трезвение и *katanuxis* – мучительная сладость, теплота – таковы ключевые слова этой аскезы.

Православие не знает юридического или морального понятия заслуги. Святой – это грешник, видящий грехи свои и сознающий себя первым среди грешников и тем самым сделавшийся проводником святости Христа, «Освободителя» нашего, Который «един свят». «Дурачки», «Христа ради юродивые», сознательно бросают вызов серьезности и тяжести этого мира, вызывая насмешку с его стороны. Один из них целует пороги в жилищах подонков и проституток, но бросает камни в дома благомыслящих обывателей.

Другой, жестоко преследуемый, утверждает, что никогда не встречал человека, по-настоящему злого. Еще один в прошлом веке говорил, умирая: «Да будут все спасены. Вся земля да спасется».

Другой знак святости, особо близкий православной духовности, – любовь к врагам. Православие особо почитает смиренных «страстотерпцев», идущих на смерть с великим страхом, но и с великим упованием, со словами прощения палачам.

Вот почему самая употребительная из личных молитв, сливающаяся с ритмом дыхания – это покаянный возглас, соединяющий нас – благодаря имени Иисусову – с жизнью самой Пресвятой Троицы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

По милости Божией молитва эта воспламеняет сердце, делается «спонтанной», приводит человека к блаженному безмолвию (*hésychia*) союза с Отцом через Сына в Духе Святом. Человек весь *делается молитвой*. Он становится «мужем апостольским», который может порой исцелять или пророчествовать или читать в сердцах, «человеком духовным» (*pneumáticos*), а в силу этого и подлинным «духовником».

«Жить во Христе», «стать Духом», войти в «Тройческое общение» (*koinonia*) – все это лежит в основе тайны Церкви.

Единство Церкви – единство прежде всего евхаристическое, ибо Евхаристия реальнейшим образом включает верных в Тело Христово. И потому поместная Церковь, возглавляемая епископом, заключает в себе всю полноту Церкви единой. Епископ свидетельствует о том, что евхаристическое собрание, на котором председательствует он или священник, его заменяющий, отождествляется с первой Иерусалимской об-

щиной, с той горницей Тайной Вечери, и также через пространство и время – отождествляется оно и со всеми «совершениями» Евхаристии.

Затем единство Церкви понимается в духовном смысле – во всей конкретности действия и присутствия Духа Святого. Истина как печать этого единства не налагается извне, она свободно и сознательно принимается всяким преодолевающим свой эгоцентризм, дабы стать «причащающимся» в таинственном и неразделимом с ним общинном смысле слова. Ибо Дух покоится на сакраментальном Теле Христовом, проявляя себя в единстве веры и любви. Правила веры надлежит формулировать учительской власти в Церкви, однако ее решения должны быть «приняты» совокупностью народа Божия, осознающего их отнюдь не всегда автоматически, но порой с мучительными усилиями разума. Ибо каждый христианин – «духоносец» и потому ответственен за истину. Этим объясняется значительная роль, отводимая мирянам в преподавании богословия, в братствах, существующих в греческой Церкви, в проповеди, произносимой с благословения епископа.

Наконец, единство Церкви прежде всего «тринитарно»: по образу Пресвятой Троицы Церковь должна быть единой и разнообразной, т.е. сущностно и постоянно соборной, идет ли речь о согласии совести, соединяющем отдельных людей, или о согласии поместных церквей в Церкви вселенской.

В рамках этого согласия образуются своего рода центры, откуда можно наблюдать за живительным взаимообменом между поместными церквями. Обширные независимые содружества («автокефальные» Церкви), связанные общим происхождением и судьбой (как мир латинский, объединившийся вокруг Рима, египетский – вокруг Александрии, сирийский –

вокруг Антиохии, греческий – вокруг Константинополя), ныне чаще всего составляют национальные общины. Примас каждой из автокефальных Церквей (обычно называемый патриархом) – это епископ, который получает определенные права в силу консенсуса других и не может действовать без их согласия или по крайней мере без согласия синода, их представляющего. Первый епископ – Константинопольский – после временного отдаления Рима сохраняет первенство чести и должен – за пределами национальных границ – служить единству вселенской Церкви. Последствия антиримской полемики и современные националистические уклоны сделали это первенство весьма шатким. Афинагор I был велик тем, что он сумел найти опору для этого первенства в терпеливом изъятии любви.

Ныне православная Церковь являет собой федерацию Церквей-сестер, соединенных верой и таинствами, и стоящих по порядку чести: вселенский патриархат в Константинополе, апостольские патриархаты Александрии, Антиохии, Иерусалима, Московский патриархат, Церкви (возглавляемые патриархами) Сербии, Румынии и Болгарии, Церковь Греции, возглавляемая архиепископом – что служит знаком почтительности к вселенскому патриархату, от которого она долгое время зависела, – Церковь Грузии (возглавляемая католикосом – этот титул дается главам Церквей, находящимся за восточными границами византийской империи), Церковь Кипра, возглавляемая архиепископом, как и Церковь Албании (официально «погашенная» «культурной революцией»), Церковь Польши, Чехословакии и Финляндии; последняя, будучи только «автономной», находится под эгидой Константинополя. Наконец наместник монастыря святой Ека-

20

терины на Синае, получающий епископскую хиротонию из рук патриарха Иерусалимского, имеет ранг епископа и пользуется статусом автономности. Традиционные Церкви насчитывают таким образом 150 миллионов крещеных, говорящих на арабском, греческом, славянских, латинском (румынском), кавказских и финском языках. Сюда следует добавить и православную диаспору в странах Запада, насчитывающую приблизительно 7 миллионов крещеных: 4,5 миллиона в Америке (США и Канада), 500.000 в Центральной и Западной Европе (где греки ныне более многочисленны, чем православные русского происхождения) и столько же в Латинской Америке и в Австралии. Миссионерские Церкви насчитывают до 100 тыс. членов, и если ничего неизвестно о Китайской Церкви, то можно сказать, что православные общины существуют в Японии, в Корее, на Аляске, на Алеутских островах; черное православие ныне спонтанно возникло в Уганде.

Аристоклес Спиру родился 25 марта 1886 года в Цараплане, в Эпире. С первого дня – Дня Благовещения – он под сенью Матери Божией.

Эпир был частью Балкан, где под мягкой дланью оттоманской империи процветала тогда многонациональная цивилизация. В византийскую эпоху славянские племена проникли на эти равнины и были затем эллинизированы. Валашские пастухи кочевали в горах. Позднее возникли небольшие крепкие турецкие общины, и многие албанцы, перешедшие в ислам, помогали завоевателям. Странной была «азиатская» судьба албанцев. В их домах, как бы спрятавшись в теплой золе, дремлет большой уж-хранитель.

Он

Цараплана – славянское слово. После того, как Эпир был аннексирован Грецией, славянское наименование было заменено греческим, Вассиликон¹. Славяне долгое время жили в этом регионе, и пребывание их оставило множество следов не только в названиях местностей, но и в словаре. Большинство названий деревьев и рек, лесов и источников – славянские.

Мы жили по-восточному. В доме, который освещался керосиновой лампой, не было ни стульев, ни кроватей, только подушки и матрасы, которые вместе с покрывалами расстилались на ночь и вновь складывались по утрам. С наступлением ночи все собирались вокруг очага, сидя «по-турецки»...

Семейство патриарха принадлежало к тем крепким средним классам, близким к народу, что составляли силу эллинизма сначала в Византии, где они долгое время противились феодализации, а затем и под отто-

манским владычеством. Дед патриарха по отцу разводил баранов. Когда Афины стали столицей нового греческого королевства, он попробовал стать мясником. Это ему удалось, и потому его сын Маттеос смог выучиться на врача. В османской империи почти все врачи были греками. Турки им доверяли. «Здесь, в Стамбуле, – сказал мне патриарх, – они им доверяли всегда. Часто они даже предпочитали их и хранили им верность». Медицина становится наукой, служащей человеку. Это занятие подлинно христианское. Сделать своего сына врачом – для грека османской эпохи было большим и благородным делом. Маттеос поселился в Цараплане. Он был первым врачом, обосновавшимся в этой деревне.

Он

В деревне было около пятисот семейств, живущих на гористом плато, овеваемом ветром и занесенном снегом зимой. Мой отец был сельским врачом, и думаю, что врачом хорошим, потому что люди всегда доверяли его диагнозам. Он постоянно разъезжал по окрестным деревням, куда его звали.

Мать патриарха была дочерью кожевенного ремесленника, который с несколькими подмастерьями шил обувь.

Он

Моя мать была родом из Коницы, эмирского городка побольше Царапланы, насчитывавшего полторы тысячи семейств. Городок процветал благодаря изготовлению так называемых «евзонских» туфель с удлиненными носами, какие и я носил в то время.

Елени Макару получила образование. Она посещала частную греческую школу *Parthénagogion*, которую и окончила, получив диплом.

Он

В турецкую эпоху Церковь была ковчегом, спасшим язык и культуру греческого народа. Несмотря на все трудности, она предпринимала громадные усилия, чтобы привить ему какие-то знания. Первое высшее учебное заведение в Стамбуле было основано через год после турецкого завоевания в 1454 году патриархом Геннадием, который и сам был известным педагогом. В конце XVI века патриарх Иеремия II даже провел через собор решение о том, что епископы должны открывать школы. В последующие века образованные монахи, примиряющие в себе молитву и культуру, были страстными поборниками народного образования. Церковь была свободомыслящей и не боялась науки, она считала, что развитие образования делает веру более личной, более сознательной. Она взывала к солидарности христианского народа. Тех, кто был побогаче, увещевала заботиться о даровитых детях из бедных семей. Учителя, чаще всего миряне, составляли учебники, которые безвозмездно распределялись среди учащихся. В моей молодости каждый приход содержал свою школу, а города имели и собственные училища. Высшая школа в Янине, где я учился перед тем, как отправиться в Халки, была хорошо известна. Янина была крупным центром греческой культуры. Большой и прекрасный город со своим лицом, своей музыкой, своими танцами, своими легендами, город, целиком греческий, где турецкие судьи и администраторы должны были учиться греческому языку, чтобы исполнять свои обязанности.

В XV веке, когда великое византийское здание, три века подтачиваемое латинской колонизацией, рухнуло от одного удара, турки для того, чтобы организовать покоренные народы, прибегли к системе непрямого управления. Помимо того, Коран запрещал принудительное обращение «народов Книги», принимавших мусульманское владычество. Махмуд II Завоеватель, по примеру своих предшественников, покорявших христианские земли Ближнего Востока, начиная с VII века, решил дать «христианскому народу», который в его понимании был *Umma-al-Islam* – теократической общиной – настоящую внутреннюю автономию. Вскоре после взятия Константинополя, на церемонии интронизации патриарха Геннадия, он торжественно заявил: «Будь патриархом, сохраняй дружбу нашу и прими все привилегии, коими владели патриархи, твои предшественники». На самом же деле речь шла о привилегиях, куда более широких, ибо они распространялись и на область гражданской жизни, не отделимую для мусульманина от богоустановленного закона. Патриарх становится таким образом *millet-bachi*, «этнархом», главою христианского народа, ответственным за его поведение перед султаном. Этот *génos tôn christianôn* управлял собою по собственным законам; так, благодаря крепости приходской жизни, каждая деревня сама вершила своими делами. Это была община христианских семейств, символически отделенная как от дикой природы, так и от нехристианского мира часовнями и иконами, поставленными у ее границ.

Он

На высоком холме, возвышавшемся над деревней, как это часто бывает в православном мире, находи-

лась часовня святого Илии, потому что пророк Илия жил и молился в горах, которые сами подобны молитве природы. Первое, что люди видели, выходя утром из дома, были горы. И люди чувствовали себя как бы под их защитой.

До конца XVII века условия жизни христиан в оттоманской империи были унижительными, порой трагическими. Они не имели права носить оружие и должны были иметь опознавательные знаки на одежде. Им было запрещено жениться на мусульманках, однако они не могли воспрепятствовать мусульманам брать в жены христианских женщин. Чувствительное моральное давление побуждало их к переходу в ислам, и всякий раз для мусульман это был праздник, который отмечался с большим торжеством. Напротив, крещение мусульманина влекло за собой смерть как его самого, так и тех христиан, которые раскрыли ему Евангелие. Налог, который накладывался на всю деревню, нависал над *гауа*, «стадом», «паствой». Но тяжелейшим из налогов был налог на кровь. Каждый год офицеры-янычары обыскивали провинции и выбирали самых красивых и сильных мальчиков из родовитых семейств. Их увозили из дома, они получали исламское воспитание, с четырнадцати лет проходили военную и мистическую подготовку, пополняя затем ряды рыцарей священной войны, военного ордена янычаров.

Кровь проливалась также и теми, кого греческая Церковь называет «новомучениками». Речь идет о мученичестве отступника, отрекшегося было из-за честолюбивых планов или ради защиты детей, а затем внезапно вернувшегося к вере и открыто ее исповедовавшего; речь идет и о мученичестве мусульманина, вступившего в Церковь, и того, кто обратил его; и о

мученичестве, претерпеваемом иной раз за отказ перейти в ислам; и о мученичестве патриарха Григория V в 1821 году, коего сочли ответственным за греческое восстание и повесили на воротах патриархии... «Если кто-то спросит, – говорил Никодим Святогорец, – почему Бог пожелал явления новых мучеников в наше время, то я отвечу, это понадобилось для того, чтобы кровь мучеников напитала собою всю православную веру...»

Однако, в течение XVIII века, оттоманская империя изменялась, и в тот момент, когда ее культура достигла настоящей изысканности, в так называемую «эпоху тюльпанов», она потерпела и первые военные поражения на Украине и на Дунае. Турки по рождению сами вступали в орден янычаров, и налог на кровь мало-помалу исчез. За недостатком ренегатов империя должна была пользоваться услугами греков, занимавших высшие должности в государстве. В XIX веке эта тенденция еще более укрепилась и привела к мощному социальному возвышению греков, которые стали коммерсантами, врачами, адвокатами, инженерами, профессорами университета. Когда Афинагор I был ребенком, то министрами иностранных дел империи были греки Саввас Карафеодор-паша, затем Александр Карафеодори-паша. Десяток послов или полномочных представителей Порты были греками, и среди них Муссурус-бей, дед графини де Ноай. Греком был и личный врач султана Абдуль-Хамида, коего в качестве ученого медика тот же султан посылал к Луи Пастеру. Два с половиной миллиона греков жили тогда в независимой Греции и более восьми миллионов – в оттоманской империи. После ряда серьезных конституционных кризисов империя явным образом склонялась к установлению равного достоинства для всех этнических и религиозных групп. Для многих греков

этот «оттоманский» вариант, который они хотели бы заимствовать у многонационального государства Габсбургов, был единственным решением, при котором учитывалась бы разбросанность греков, а также их роль как социальной и интеллектуальной элиты. Но для того, чтобы понять их, как и для того, чтобы понять патриарха, нужно отыскать основания более глубокие: эти оттоманские греки не были националистами в современном смысле слова, скорее они были византийцами, сохранившими от Византии ощущение греко-православной вселенскости, к которой принадлежали не столько по своему этническому происхождению, сколько своим православием и своим греческим, хотя и служившим в качестве второго языка.

Он

Любая разнообразная, разноцветная цивилизация стремилась выразить себя на современный лад. Турки свалились на нас как снег на голову. Но и под снегом мы хранили тепло.

Он

Район, в котором я родился, был занят турками веком раньше Константинополя. В Цараплане были и христиане и мусульмане. И все жили в добром согласии. Единственному полицейскому-турку – я еще помню его имя: Али-Бей – нечего было делать. У нас не было ни ссор, ни стычек, ни тяжб. Христианские и мусульманские дети играли вместе. На крещение приглашались друзья-мусульмане, а они звали нас, когда праздновали обрезание сыновей. Это была библей-

ская жизнь, в которой все мы чувствовали себя детьми Авраама. На праздник жертвоприношения Ибрагима, т.е. Авраама, мусульмане закалывали барашка. Ну, а мы ели нашего пасхального агнца. День святого Георгия праздновался всегда особо. Рядом с нашим домом находилась посвященная ему церковь с древней иконой святого. Люди поднимались на холм, чтобы дождаться восхода солнца, а после литургии танцевали. Однако и для мусульман это был праздничный день, праздник Кидирле, аль Хидры, вечного зачинателя, явившегося иудеям под именем Илии, а христианам под именем Предтечи. Так по крайней мере говорили дервиши. Ну, а молодежь себе веселилась; в этот день полагалось качаться на качелях, чтобы день был удачным!

Братства дервишей играли большую роль в османской империи. Они были хранителями суфитской мистики, и своеобразие каждого из братств определялось в соответствии со способом призывания имени Божия. Именно здесь открылась возможность для духовно значимых встреч между исихастами и приверженцами *zîkr'a*, некоторые из которых придавали исключительное значение *nefes-Issa*, Дыханию Иисусову. Мусульмане или нет, люди охотно приходили к дервишу: побеседовать, за советом, за утешением, а то и за исцелением.

Он

Дервиши были очень достойными людьми, весьма терпимыми к христианству, обладавшими иной раз подлинным духовным опытом. Общины их назывались текиями. В Эпире их было множество. Их можно было принять за православных монахов: то же длин-

ное одеяние свободного покроя, волосы они, правда, стригли хотя и не всегда. В моей деревне жил дервиш, имя которого я помню: дервиш Ямилъ. Он часто приходил к нам в дом, садился с нами за стол. Моя мать и сестра очень любили его и не имели от него тайн. И он лучше знал их сердца, чем священник из нашей деревни.

Отца патриарха Маттеоса Спиру уважали и даже немного побаивались. Он казался суровым. Физически патриарх не очень похож на него. Несколько фотографий, которые от него остались, изображают человека коренастого, энергичного, не особенно кроткого, с лицом, окаймленным короткой бородкой, к феской на голове, как носили в османской империи после того, как новая эпоха покончила с тюрбанами.

Может быть, патриарх унаследовал от своего отца его самообладание и отсутствие какой бы то ни было снисходительности к себе.

Он

Мой отец был человеком верующим, но вера его была незаметной и сдержанной. Он не говорил о подобных вещах. Но он осенял себя крестным знаменiem перед едой и ходил в церковь по воскресеньям. С нами он был суров, но без жестокости. Благоволил он, собственно, только к дочери. Однако нас, мальчишек, если и бил когда, то только носовым платком!

У Спиру было трое детей. Аристоклес был старшим. Затем шел брат, младший двумя годами и умерший в 1948 году, и сестра, моложе патриарха на три года и живущая ныне в Афинах.

Отец мой был врачом. Но другие члены его семьи имели землю, разводили баранов, как это делал мой дед. В детстве я любил вырезать палки для пастухов.

У меня нет фотографии моей матери. При ее жизни еще не было деревенских фотографов. Но у меня зато есть фотография отца, который пережил ее. Я поместил эту фотографию в свой маленький портативный иконостас, с которым никогда не расстаюсь, когда отправляюсь куда-нибудь в дорогу.

По рассказам очевидцев мы знаем, что Елени была красива. Ее называли *Poulia* – «вечерняя звезда». Высокая и стройная, она обладала царственной походкой. Патриарх похож на нее. В нем есть ее благородство и, – когда он хочет того, – ее мягкость. И та же царственность осанки. Елени любили. О ней еще и по сей день вспоминают в Вассиликоне как о благодетельнице.

Дом и семья их матери в Конице привлекали многих детей.

В Конице жила Ефросина, наша бабушка по матери, и дядя, которого мы особенно любили, а также тетка, умевшая петь героические песни клефтов, которые всегда жили свободными в горах. Мы отправлялись в Коницу на каникулы. И как же мы их ждали!

В вере воспитала нас мать. Собственная ее вера была истовой, заразной. Вечерами, баюкая нас, она тихо напевала нам церковные песнопения. Она рассказывала нам о святом Косме, Косме Этолийце, пришедшем в Цараплану веком раньше.

Косма вырос в семье бедных крестьян. Он работал в поле. В 20 лет он ушел на Афон. Ушел, чтобы учиться, ибо на Афоне была одна из тех школ, которые для греческого народа сыграли роль подлинного университета. Затем он становится монахом, уходит в безмолвие, молится, плачет о грехах своих. В сорок пять лет Бог призывает Его идти в мир, дабы стать проповедником и наставником для народа. Но Бог ли зовет его в самом деле? Косма открывает Библию и читает: Не пекись об одном лишь своем спасении, но и о спасении других. Он находит старца «пустынножителя», живущего на самом краю святой горы. И человек Божий подтверждает то, что до сей поры было для него лишь внутренней достоверностью. И Косма отправляется в Константинополь, где патриарх одобряет его новое призвание. С этого времени и до мученического своего конца Косма пешком или верхом на муле колесит по всему греческому миру. На деревенской площади, где его встречает народ, он воздвигает большой крест и у подножия его вступает в беседу со своими слушателями. «Есть ли в этом собрании тот, кто любит братьев своих? Пусть он встанет и скажет мне об этом. Я хочу благословить его и попросить всех христиан простить его. – Я, отче святой, я люблю Бога и братьев моих. – Хорошо, сын мой. Да пребудет мое благословение с тобою. Как тебя зовут? – Костас. – Чем ты занимаешься? – Пасу овец. – Чтобы продать сыр, ты его взвешиваешь? – Взвешиваю. – Сын мой, ты научился взвешивать сыр, а я – любовь... Почем ты знаешь, что любишь братьев? Идя из одной деревни в другую, я только и говорю, что люблю Костаса, как собственные глаза. А ты, чтобы мне поверить, захочешь в этом убедиться. А у меня есть хлеб, а у тебя нет. Если я разделю его с тобой, это будет знаком того, что я люблю тебя, но если я съем весь мой

хлеб, а ты будешь голодать, это докажет, что любовь моя лжет... Любишь ли ты этого бедного ребенка? – Да, я люблю его. – Если бы ты любил его, ты купил бы ему рубашку, потому что ее нет у него. Твоя любовь обманывает. Но если хочешь, чтобы любовь твоя была из золота, одевай бедных детей...»

Ибо нужно стяжать «обе любви», любовь к Богу и любовь к ближнему. «Как ласточке нужны оба крыла для полета, так и нам нужны обе эти любви для нашего спасения».

Стяжать «обе любви» – значит также почитать женщину. «Сердце женщины легче смягчается... Господь родился от жены, чтобы благословить жену... Женщина равна мужчине. Она заслуживает столько же уважения, ибо зачастую делает дело, которое не способен делать мужчина».

Стяжать «обе любви» – значит претворить в жизнь поучение: «Есть ли в вашей деревне школа, где могли бы учиться ваши дети? – Нет, святой отец, у нас ее нет. – Соберитесь все и постройте хорошую школу. Потом назначьте совет для управления ею и поищите учителя. Пусть учатся все дети, бедные и богатые. Только тогда, когда твой ребенок выучится, его можно будет назвать человеком. Школа открывает церкви, школа открывает и монастыри».

Нужно цитировать Косму не жалея места, ибо то, что он говорил людям, совпадает в принципе с тем, что говорит Афинагор. И для того, и для другого две любви неразделимы; и в том, и в другом есть ощущение социальной ответственности, и почитание женщины, и любовь к образованию, и уверенность, что развитие его послужит и лучшему пониманию веры. Косма основал два лица и более двухсот общинных школ, причем одну из них в Цараплане. Он проявлял также живой интерес к технике и к ее изобретениям и делал

необычные предсказания (ведь умер он, не забудем, в 1779 году): «Люди увидят повозки без лошадей, бегущие быстрее зайца. Придет время, когда в Москве заговорят о Константинополе, как если бы их разделяла одна перегородка. Из одного места можно будет увидеть себя в другом, оставаясь как бы в одной комнате...» Это столь греческое почитание способностей человека присуще также и патриарху. Присуще, но не в качестве прометеевского опьянения, а в виде серьезного раздумья Софокла, знающего, что смерть и смысл жизни постигаются не здесь.

Аристоклес Спиру поступил в школу в Цараплане; ее веком ранее основал святой Косма.

Он

У меня была учительница, которая казалась мне очень красивой. Я увидел ее снова в 1963 году, когда вернулся в мою деревню во время путешествия по Греции. Почти столетняя, высохшая, слепая, но сохранившая весь свой разум. Я сказал ей, какой прекрасной казалась она мне, когда я был ребенком. И как поразило ее это запоздалое признание!

После двух лет царапланской школы Аристоклес с 1895 по 1899 год учится в *Схолархионе*, в Конице. Но в 1899 году все оборвалось – и школа, и почти сама его жизнь.

Он

Мне было тогда тринадцать лет. Моя мать и я заболели почти одновременно. Я потерял сознание; все перемешалось, и так прошли недели. Когда сознание

вернулось ко мне, я стал искать мать. Ее не было рядом. Мой отец сказал мне, что отослал мать в ее семью, в Коницу. «Не могли же мы иметь двух тяжело больных в одно время в одном доме». Я стал дожидаться возвращения матери. Я только начал выздоравливать, меня одолевала страшная усталость. Я был кожа да кости. Однажды зимой я грелся на солнце в углу двора. Входит какой-то человек и спрашивает: «Здесь живет Маттеос Спиру? Ну, знаешь, тот, у которого умерла жена». Так я узнал о смерти матери. Она умерла три месяца назад. Ей было тридцать семь лет. Я так и не оправился от горя. Мне ее всегда нехватает.

Моей сестре было десять лет, когда наша мать умерла. И вот, одаренная настоящим мужеством и крепким здоровьем, которое ей так понадобилось в трудной жизни, и тем доверием к Богу, что всегда было ей свойственно, она стала старшей по дому, маленькой матерью.

Часто втроем мы поднимались на высокий холм и смотрели в сторону Коницы, как мусульмане перед молитвой обращают лицо к Мекке. Коница – город нашей матери.

Только в 1901 году Аристоклес Спиру вернулся к учебе, на этот раз в высшей школе в Янине. В следующем году он решил поступать в богословскую школу в Халки, рядом с Константинополем. Смерть дважды посетила его, его собственная и смерть матери; матери, которую никто не мог заменить. Это мать своей верой и воспитанием заронила в ребенке чувство, что любовь сильнее смерти.

Августовским вечером 1968 года служилась всенощная, за которой я не видел патриарха. Обычно он не пропускал ни одной службы и приходил в церковь со звоном колокола. Он появился лишь в момент последнего благословения и спросил меня: «Видали вы здесь

мой патриарший трон?» Он повел меня в притвор и показал на скромное кресло под Богородичной иконой, серьезной и светлой. «Совсем рядом с Матерью», – сказал он мне.

ХАЛКИ

В сентябре 1903 года по рекомендации митрополита Янинского Аристоклес Спиру был принят в халкинскую школу. Там ему предстояло завершить среднее образование, а затем приступить к изучению богословия.

Халки – остров, расположенный рядом с Константинополем. Константинополь был тогда городом-космополитом в самом расцвете. Там проживало около полумиллиона греков, половина всего его населения. На севере Золотого Рога они создали новый, вполне европейский город, где образованные люди говорили по-французски, где женщины одевались по парижской, а мужчины по лондонской моде, а в кафе звучала итальянская музыка. Греческими были также города, что вытянулись к северу по берегу Босфора, с их ресторанами на лоне природы, куда в сезон заходили люди лениво посмотреть на морской поток, по которому беззвучно двигались огромные суда.

Он

Многие жители Эпира эмигрировали в Константинополь и его пригороды. Они становились бакалейщиками, мясниками, менялами. Одни, накопив состояние, возвращались домой. Другие оставались, и дети их иной раз делались врачами или адвокатами.

Те, кто был посмелей, уезжали по своей воле, почти подростками. Других же к этому вынуждала необходимость, отсутствие работы в самом Эпире; иной раз им приходилось оставлять там жен и детей. Ребенок вырастал, не зная своего отца, и вот приходил день, когда он отправлялся в Константинополь, чтобы его отыскать.

Каждый раз вся деревня провожала уезжавшего до границ своей земли. Провожали с песнями, которые надрывали душу: «Разлука живых хуже разлуки мертвых».

И наоборот, великой радостью было, когда кто-то возвращался домой еще молодым. Свахи считали мулов с тяжелой поклажей или лошадей, которых он вел за собой. Если их было много, они оповещали о том молодых девиц.

Один из моих дядюшек обосновался в деревне на берегу Босфора, в Мегалон Ревма, «большом потоке», как называли его по-гречески, в то время как турки называли его Арнавут Кой, албанская деревня, ибо туда приезжали и албанцы. Албания и Эпир расположены рядом; у нас было много албанцев, и много греков жило в тех местах, которым затем суждено будет стать Албанией. Дядя мой был бакалейщиком. Я ненадолго ездил к нему на каникулы. Мегалон Ревма стала в чем-то моей родной деревней.

Халки находится, однако, вдали от всех этих поселений. Мир и тишина соединяются здесь с красотой.

Представим себе горстку островов в Мраморном море. Их называли сначала «священниковы» из-за множества монастырей, затем «принцевы», потому что в византийскую эпоху сильные мира сего имели здесь свои резиденции, становившиеся иной раз и местами ссылки. Каждый остров имеет свой город, носящий то же наименование, занимающий много места, скажем, целый склон холма, широкую ложбину, мыс... Город живет морем, а не землей. Греки – народ моря, и потому острова в то время, когда патриарх учился там, были заселены почти исключительно греками. Халкинский «схоларх», местный островитянин, объяснил мне, как в заливах и протоках рыбаки отыс-

квивают рыбные косяки, ориентируясь по полету морских птиц. За исключением нескольких садов, здесь почти нет ни возделанных земель, ни ферм, но сразу же за городом начинаются необитаемые лесистые холмы. Земля усеяна мелкой охровой галькой; само слово Халки или Чалки происходит от греческого *chalis*, что значит медь. На этой земле, легкой и словно металлической, растут раскидистые и ветвистые сосны, чья кора тоже окрашена в красноватый цвет. Этот огонь, сокрытый в земле, в стволах и ветвях придает особую свежесть и выразительность повсюду встречающему нас морю. Монастыри и отшельнические скиты такие, как монастырь святого Георгия в Принкипо, как бы наделяют «пустыню» духовным содержанием. Поднимаясь из морской пучины, эти острова укоренены и в небе.

Ночью не знаешь уже, где небо, а где море. И освещенные города делают острова как бы огромными созвездиями. От школы, которая стоит на самом виду, мы как будто плывем в пространства, где собираются звезды, дабы «воскликнуть от радости», как сказано в Книге Иова.

В Халки, в маленьком городке, построенном в ложбине вокруг церкви святого Николая, есть просторные деревянные дома в турецком стиле и сады, хмельные от жасмина. Цветы жасмина, нанизанные на тонкие стебельки, распространяют аромат, который охватывает нас уже на пристани. Глубина моря у набережной столь велика, что здесь не слышно прибоя, а только тихое покачивание широких волн, отливающих темной синевой.

Школа находится в стороне, на холме, имеющем форму купола, который на расстоянии предстает как *otphalos*. Белые стены немного выше верхушек сосен. Школа является также и монастырем, посвящен-

ным Троице, ибо ученики ее, даже если они и решают стать женатыми священниками, живут в ритме монастыря. Сам монастырь возник куда раньше школы, он старше ее на целое тысячелетие. Основал его патриарх Фотий в IX веке, тогда как школа существует с 1844 года. В конце прошлого века землетрясение разрушило деревянные постройки, никого при этом не ранив, ибо, как рассказывал мне патриарх, все находилось в трапезной, оставшейся неповрежденной. Тогда были возведены нынешние каменные здания. Ансамбль просторен и красив. Он состоит из главного корпуса с двумя перпендикулярными крыльями. В пространстве, ограниченном ими, находится церковь, построенная не позднее XVIII столетия, с алтарем, обращенным к морю. Ряд могил, в том числе и нескольких патриархов, располагается полукругом вокруг этого алтаря.

Фронтон и вестибюль храма величественны. Но при входе, в глубине под двойным пролетом парадной лестницы – простая дверь, за которой в зеленом и золотом полумраке открывается длинный проход. Он ведет в церковь. И издалека видны силуэты двух лампад, горящих по обеим сторонам царских врат – одну перед иконой Христа, другую – перед иконой Богоматери.

Искусство барокко превратилось в этой церкви в нечто подобное сюрреалистической феерии. Иконостас, кафедра, патриарший трон, паникадило, светильники – все вырезано из дерева и покрыто золотом, всюду – легкая и точная резьба, изображающая крылатых животных. Над пюпитрами певчих – золотые драконы, несущие лампы. Над кафедрой вздымается бра, на котором сидит орел. Большой крест над иконостасом кажется парящим на двух пламенеющих крыльях.

Все пронизано тихим присутствием Матери Божией. Некоторые из Ее икон считаются прекраснейшими произведениями православного искусства. Так в притворе находится образ Богоматери Утешительницы и «Одигитрии», «Путеводительницы», ибо Она указывает на Сына, являющего Собой единственный Путь. «Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова... Мне глянули в душу очи Царицы Небесной, грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная сила чистоты и прозорливой жертвенности, – и знание страданий и готовность на вольное страдание, и та же вещая жертвенность виделась в недетских мудрых очах Младенца» (о.Сергий Булгаков, *Свет Невечерний*). Лики и руки изображены темными, пребывающими как бы в ожидании тайны, словно в долгой ночи солнцестояния, но черты ликов выписаны светлыми, почти резкими, как будто их прочертили птицы, чей полет возвещает рассвет незакатного дня.

Вокруг храма и школы раскинулся большой сад с соснами, кипарисами, маслинами, олеандрами, которые в действительности представляют собой густо красные лавровые деревья. Затем розы, жасмины... Монастырские сады на христианском Востоке символизируют собой своего рода «луг духовный», возвращение к раю. Мы привыкли к банальному противопоставлению Церкви и мира, однако существуют и уделы мира сего, непосредственно освещенные светом Церкви, где молитва и труд человека возвращают землю к ее истинной, райской природе. Нужно прежде всего открыть для себя истину земли, когда, соединясь с небом, она делается храмом Бога Живого. В *Братьях Карамазовых* Алеша после того, как «во сне» его покойный учитель позвал его на брак в Кану Галилейскую, дабы пить «новое вино, вино радости великой»,

выходит в монастырский сад: «Над ним широко, необоримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд... Свежая и тихая до неподвижности ночь облекла землю... Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная как бы соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг как подкошенный повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливаясь своими слезами и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. «Облей землю слезами радости твоя и люби сии слезы твои...» прозвело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны... Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров сошлись разом в душе его, и она все трепетала, «соприкасаясь мирам иным».

Он

Да, здесь я начал читать Достоевского. Это была одна из тех встреч, которые повлияли на меня сильнее всего. Какой громадный ум! И как он сумел увидеть в атеисте, притязающем быть сверхчеловеком, потерянного ребенка, душевнобольного, к которому приходит Христос, чтобы взыскать и спасти его в том аду, где он сам себя запирает. И Христос приносит ему подлинную свободу, а взамен просит только любовь.

Я составил себе также целую библиотеку французских книг, ибо выучил французский когда еще учился в Конице. Это было дешевое собрание, именовавшееся «национальная библиотека». Каждая книжка стои-

ла один пиастр. Так у меня собралась сотня книг. Более всех я любил Виктора Гюго и его роман *Отверженные*; книга, которая рассказала мне тогда о подлинном епископе, о человеке, знавшем о том, что молитва и любовь обязывают...

Еще две книги оказали на меня большое воздействие. Одна из них – *Парсифаль* Вагнера. Позднее я видел постановку *Парсифаля* в греческом театре в Америке. Но сначала я прочитал его здесь во французском переводе. *Парсифаль* – это поиск Грааля, который означает для меня единство. Потому что экуменизм, одно из самых значительных явлений XX века – это не что иное, в сущности, как поиск святого Грааля, той Чаши, от которой все мы сможем причаститься Крови Господней... Последние годы я вижу иногда Грааль во сне, вознесенным над всеми холмами, которые открываются с Фанара, на противоположном берегу Золотого Рога.

Другая книга, ставшая для меня откровением, это французский роман, ныне совершенно забытый, роман графини Брианкур, называвшийся, кажется, *Два корабля*. Автор построил свободный парафраз евангельской истории о чудесном лове. Два корабля – это лодки Петра и Иоанна. Иисус появляется на берегу и велит Петру бросить сети. Петр отвечает, что трудился всю ночь и ничего не поймал. Однако он повинуется. И сеть, которую он вытаскивает, до такой степени полна, что едва не рвется. Тогда Петр зовет на помощь Иоанна и Андрея, которые находятся рядом, в другой лодке. И они приходят, чтобы помочь ему собрать чудесный улов. То же самое происходит и сегодня: Петр призывает Иоанна на помощь, а иначе сеть Церкви порвется. Петр – это Рим, Иоанн – православие.

Эти книги пробудили меня. Потому что наши пре-

подаватели никогда не говорили нам о том, что в других Церквях может быть что-то хорошее, о всем богатстве христианского опыта, который они таят в себе, обо всем, что у нас есть общего с ними. Они говорили только об отличиях, о ересь. О том, что разделяет, но не о том, что соединяет. Это было обучение страху, страх же вызывает недоверие и презрение. Правда, нам надо было обороняться. В народе латиняне вызывали раздражение тем, что пытались использовать нашу слабость и давление ислама, чтобы обратить и перекрестить нас. В Константинополе во времена моих занятий богословием, католический священник всякий раз отворачивался, встречаясь со священником православным. Он поворачивал голову, не хотел его знать. Мне еще приходилось сталкиваться с этим в Соединенных Штатах. Например, в поезде, когда католический епископ или священник встречался со мной, он спешил пройти мимо, а если мы оказывались в одном купе, упорно игнорировал меня. И тем не менее уже в Халки я почувствовал, что началась новая эпоха, та, которую я называю ныне третьей эпохой Церкви, когда после времени ненависти и неведения мы возвращаемся к неделимой Церкви, обогащенной и углубленной...

В Халки почти не обучали великому Преданию нераздельной Церкви, Преданию святоотеческому. Поэтому в последние годы я основал институт патристических исследований в Фессалониках. Нас учили богословию абстрактному и полемическому. Конечно, существовало и Евангелие, с его неисчерпаемостью. Тогда я возымел обыкновение каждый день прочитывать по главе из Евангелия. На мое счастье наш преподаватель Нового Завета Вассилиос Антониадис сумел внушить нам любовь к слову Божьему...

Семь лет, которые я провел в Халки, объясняют мою привязанность к этому месту. Я возвращаюсь сюда немного отдохнуть, не столько как патриарх, сколько как бывший студент. В каком-то смысле я в чем-то еще халкинский монах...

Правда, кофе здесь был плохим. Я кончил школу, исполнившись отвращения к кофе. С тех пор, если я и пью его, то лишь по указанию врача, как лекарство!

В 1906 году Аристоклес Спиру узнал о замужестве своей сестры. Ей было шестнадцать лет, когда отец выдал ее замуж. Рано, слишком рано. Это «слишком рано» произносится патриархом с горечью: сестру ожидало раннее вдовство, жизнь ее не сложилась.

В следующую зиму в первый год обучения богословию юноша тяжело заболел. Его поразила какая-то болезнь внутренностей, причину которой врач не мог определить. Две недели он провел в лазарете, но напрасно. Он хирел и уже опасался, что ему придется бросить учебу. Но жизнь избавила его от этого нового испытания. Посещая со мной халкинский лазарет, патриарх шутливо рассказывал мне об обстоятельствах своего выздоровления. Однажды он увидел, что один из его приятелей пьет темную жидкость. «Вино? Как тебе удалось раздобыть?» – «Да нет, какое вино, это сироп из слив, лекарство». Аристоклес стал покупать чернослив и день за днем отдавал его больничной сестре, которая его готовила. Так он лечился шесть месяцев до окончательного исцеления. Он вернулся в больницу только на четыре дня на третьем году обучения богословию, и только на один день в последний год.

В 1908 году умер его отец. Ему было пятьдесят шесть лет. Умер внезапно, от остановки сердца. Возвращаясь из одного из обходов, он почувствовал себя плохо,

сошел с лошади, присел на камень у дороги. А затем сполз в пыль. Его нашли уже мертвым.

Аристоклес Спиру решил стать монахом. Но монахом не в монастыре, а в служении людям, как и его отец. Монахом и дьяконом, что значит слугой.

Служителем этих христианских народов, чье будущее с этого времени казалось более обеспеченным в османской империи. В 1908 году султан Абд-уль-Хамид под давлением Салоникской армии, поднятой реформаторами, вынужден был ввести в действие мертворожденную конституцию 1876 года, предоставлявшую равное достоинство в империи всем гражданам и общинам. В Стамбуле – взрыв ликования; все население высыпало на улицу: мусульмане, православные, армяне, католики – все братались, обнимались, плакали от радости, пели *Марсельезу*. Старый «красный султан», захотевший вскоре после этого установить автократию, был смещен, и империя как будто бесповоротно вступила на путь сознательного многонационального государства.

После смерти отца Аристоклес Спиру, даже и при дяде-бакалейщике, столкнулся с трудностями. Его средства были весьма ограничены. По воскресеньям, когда его товарищи по учебе отправлялись в Стамбул, ему приходилось оставаться в Халки. Бедность научила его дисциплине. Человек Церкви, говорит он, должен уметь быть бедным.

В марте 1910 года, после окончания занятий Аристоклес Спиру принес монашеские обеты и был посвящен в сан дьякона. При своем пострижении он выбрал имя Афинагор.

Почему именно Афинагор?

Я восхищался тогда архидьяконом на Фанаре, которого звали Афинагором. Я заинтересовался также апологетом, носившим это имя, одним из великих свидетелей ранней Церкви – он жил во II-ом веке – имевшим дар к слышанию Слова в древней мудрости и даже в поэтическом творчестве. Поскольку я не мог сохранить имени, данного мне при крещении, я выбрал имя Афинагор. Я познакомился с тем архидьяконом через общих друзей, и он проникся ко мне симпатией и духовным стал моим покровителем. Он полагал, что со дня на день будет назначен митрополитом и обещал взять меня в секретари. Но поскольку ничего подобного не происходило и ожидание затягивалось, я согласился стать помощником епископа города Монастир. А мой архидьякон стал-таки митрополитом, но через тринадцать лет после меня!

Мое новое имя имело одно неудобство: оно не фигурировало в календаре. Апологет был слишком большим другом поэтов, чтобы оставаться строгим богословом, так что он так и не был канонизирован. И оказалось, что у меня нет именин. Тем не менее, когда тот архидьякон стал митрополитом, он в конце концов отыскал святого Афинагора в календаре одной древней Восточной Церкви, кажется армянской. Он приложил старания к тому, чтобы ввести свой праздник в православный календарь. Ну а я, дождавшись его кончины, потихоньку удалил потом это новшество. И остался без именин до сего дня!

«Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написано новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». (Откр 2.17).

МОНАСТИР

В июле 1910 года молодой дьякон Афинагор поступает на службу к епископу Монастирскому, митрополиту Стефаносу. Тот поручает ему заботу о школах, тех самых школах, что спасли язык и культуру православного народа. Афинагор со страстью отдается этой работе. В Монастире он выражает собой традицию образованных монахов-учителей, воплощая истинный христианский сократизм, составляющий одну из линий жизни греческой Церкви. Традицию Космы Этолійца, которого тогда канонизировали.

Став во главе организации, ведающей просвещением, он получает и сан архидьякона. В 1912 году после смерти Стефаноса новый епископ Хризостом Кавуридис делает его начальником своей канцелярии. Афинагору только двадцать шесть лет, но его культура и активность производят впечатление. В нем чувствуется труженик-систематик, вникающий в детали и проводящий ночи за чтением, ибо его интересует буквально все. С этих пор у него устанавливается повседневный контакт с народом, и этот контакт никогда не прервется. Каждое утро вплоть до сегодняшнего дня дверь его открыта для всех. «Я – старый бюрократ, – любит говорить он, – я провел жизнь на службе у людей и знаю их».

Монастир в 1910 году воплощает собою все балканское разнообразие. Город насчитывает 30 тыс. турок, 15 тыс. греков, 5 тыс. болгар, 2 или 3 тыс. сербов. Врачами в нем также служат греки, и они пользуются доверием всех.

Здесь сложился тот же балканский конгломерат торговцев и полудеревенских жителей. Улочки с круглыми мостовыми, широкие пыльные улицы, на которых

лачуги стоят попеременно с благородными домами из резного дерева и которые в ярмарочные дни заполнены пестрой толпой, занятой и одновременно беззаботной. Сюда приходят албанцы с пышными усами и надменные валахи, что, спускаясь с гор, заходят в узкие и глубокие лавки или усаживаются в кафе, чтобы медленно перебирать четки, но четки не молитвы, а лени, чистого ритма праздности. Время от времени попадает большая мечеть с ее пустым и чистым пространством. И множество малых храмов, прижавшихся к земле, чтобы не превысить высоту соседних домов – согласно старому еще запрету завоевателей. На берегах реки турки посадили тополя, которые на этих вытянутых и зеленых Балканах напоминают им темное пламя анатолийских кипарисов...

Македония той поры – место встречи разного рода мистических ясновидцев, ведущих свою родословную от Авраама. На Афоне исихасты нисходят в «бездну сердца», дабы обрести в нем «нетварный свет», озаряющий лик Воскресшего. В Салониках последние каббалисты, чьи предки пришли сюда из Испании, разгадывают Библию как зашифрованный документ, дабы высвободить *Шехину* – таинственное Присутствие – из ее заточения... Там и здесь встречаются дервиши, стремящиеся «угаснуть» в призывании Имени, дабы через них зазвучало одно лишь имя Аллаха.

В Монастире находятся крупные *текии* орденов Мевлеви и Бекташи. Афинагор заводит дружбу с дервишами. И Мевлеви в силу достаточно редкого расположения приглашают его побывать на их духовных упражнениях. Основатель ордена Джелалль-Эддин не был ли назван Руми, Ромеем, т.е. византийцем? Не был ли он одним из друзей христиан, соединенным духовным братством с греческим монахом, недалеко от могилы

которого он и пожелал упокоиться в своей гробнице в Конья?

В комнате, предназначенной для молитвы, приглашенные усаживаются на узких диванах вдоль стен. Несколько музыкантов занимают места на эстраде. У одних в руках барабаны, у других флейты. Бронзовые барабаны с их низким и глухим звуком задают ритм. Флейты звучат жалобно, слезно-гнусаво, как бы исторгая душу из ее глубины. Шейх монотонно читает четверостишие *Мевлааны*, созданной Учителем, Джелалом-Эддин-и-Руми:

О день вставай, атомы танцуют.

Души, от любви безумные, танцуют.

Небесный свод, служа Ему, танцует.

Я скажу тебе на ухо, куда ведет этот танец.

Затем дервиши поднимаются. Ритм ускоряется, и все начинают вертеться на месте, все быстрее и быстрее. Одевание каждого танцовщика образует вокруг него темный круг. Тело вращается, мир вращается, но душа становится неподвижной осью, она освобождается от мыслей, она застывает в безмолвии и мире.

«Они кружатся в каком-то экстазе, – сказал мне патриарх. – И какие лица у них, какие взгляды! Лица, обращенные вовнутрь, бесконечно умиротворенные, полные света...»

Этот поучительный опыт встречи народов и религий оказал неизгладимое впечатление на будущего патриарха. Увы! Европа утратила пути единства. Рост идеологий насилия, разрушение традиционных форм общинной жизни, вызванное развитием индустрии и индивидуализмом, духовная опустошенность – все это дало выход коллективным страстям, выпусти-

ло из-под земли, древние божества почвы и крови, противопоставив их господству машин и скуки. На пороге XX века национализм утверждается как суррогат религии.

Трагедия, подстерегавшая Европу в 1914 году, для Балкан начинается уже в 1912. В скором времени она разрушит многонациональные государства и прежде всего оттоманскую империю.

В то время как либеральное развитие старой империи, казалось, двигалось уже к достойному разрешению греко-христианской проблемы, которое должно было учесть всю сложность и многообразие жизни, другое решение, инспирированное нарастающим европейским национализмом, назревало в течение века. Решение об образовании национального греческого государства на основе языка и, как предполагалось, расы.

Более сильные державы с самого начала навязали зарождающемуся греческому государству немецкую династию. Династия эта, весьма мало восприимчивая к реалиям религиозной и народной жизни страны, вознамерилась «цивилизовать» греков, навязать им идеалы буржуазной Европы во имя некой абстрактной преемственности по отношению к «светскому гуманизму» древней Греции. Централизованная администрация разрушила автономию деревенских общин. Образование чуралось православной традиции. Церковь была бесцеремонно отделена от Константинопольского патриархата. Епископы же, нередко затронутые порчей нравов, оставались пассивными перед лицом этого разрушения социальных и духовных структур народной жизни. Из ее среды возникали вдруг неотесанные проповедники из мирян, вроде мясника Папулакоса, проповедовавшие одновременно Еванге-

лие и мятеж. Движение жестоко подавляется, пророков, взявшихся за меч, бросают в тюрьму. Не было иного средства для того, чтобы победить разброд и тоску, кроме объединения народа под эгидой «Великой Идеи» в борьбе за освобождение всех греков и создания греческого государства, т.е. однородной империи.

Великая Идея по сути использует народную веру в восстановление христианской империи, но она может быть привлекательной и для греков, получивших западное образование и заменяющих ее политико-религиозное содержание идеологическим гуманизмом. Все, в том числе и византийский экуменизм, служит в ней лишь для подогрева национализма, представляющего собой лишь иной полюс индивидуализма. Родившись на почве, созданной наслоением религий и народностей Балкан, в Малой Азии, в самом Стамбуле, Великая Идея оказывается чреватой всякого рода насилием, неизбежно вызывающим ответные вспышки и, стало быть, новые, худшие бедствия. Ибо из руин оттоманской империи возникнет в свою очередь и турецкий национализм, который также захочет единства и национальной однородности.

В 1912 году Греция, Сербия и Болгария нападают на оттоманскую империю и вырывают у нее европейские провинции. В следующем году победители сталкиваются между собой при дележе добычи. Монастир остается в руках сербов. Но в это время французы высаживаются в Салониках и, для того, чтобы их сдержать, немецкие и австрийские войска вступают в Македонию. Они отходят в конце 1916 года, и французы на два года водворяются в Монастире. В конце 1918 года, город, названный Битоли, окончательно отходит к Югославии. Национализм торжествует. Начинаются испытания национальных меньшинств.

В этом испытании обнаруживается мужество Афинагора. Осенью 1916 года, когда Монастир находится под огнем союзников, в 1918 году, когда эпидемия тифа опустошает город, молодой дьякон, пренебрегая опасностью, не покидает тех, кто страдает. Он идет из дома в дом, заботится, помогает, утешает. Ни одна из националистических страстей не захватывает его в этой драме, когда небольшой македонский городок переходит из рук в руки различных европейских армий. У него нет страха, он спокоен и уравновешен. Всей душой преданный идее вселенскости, он отнюдь не мечтает об абстрактном слиянии «интернационалистов». Его интересует каждый народ. «В Монастире, – говорит он, – я знал многих славян. Я наблюдал также за немцами и австрийцами. Два года я прожил рядом с французами. Все народы хороши. Каждый заслуживает уважения и восхищения. Я видел, как люди страдают, как все нуждаются в любви. Если они бывают злыми, то это потому, что они не встретили настоящей любви, которая не тратит себя на слова, но изъясняет себя светом и жизнью. Я знаю и то, что есть темные бесовские силы, и иногда они овладевают людьми и народами. Но любовь Христа сильнее ада. В Его любви мы обретаем мужество любить людей. И нам становится ясно: для нашего существования необходимо и то, чтобы существовали все люди и все народы...»

В 1918 году ему исполняется тридцать два года. Он уже искушен в науке о человеке. Во французском военном госпитале, говорил он мне, он слышал, как раненые распевали модную в то время парижскую песенку. Она звучала приблизительно так: «Что такое жизнь? Счастья немного, страдания немного, немного любви, невезенья, везенья...» Он повторяет слова этой песенки не с меланхолическим, а скорее с теплым

чувством. Но он исправляет ее на свой манер: «много любви, много терпенья...»

С осени 1918 года в Монастире – сербская армия и сербское управление. Возникает Югославия. Параллельно Сербская Церковь включает в свою юрисдикцию завоеванные районы. Митрополита Хризостома деликатно просят устраниваться. Он удаляется на Афон. Афинагор сопровождает его. Шесть месяцев он будет разделять жизнь небольшой общины – *Келлион* – из Мелопотамуса, связанной с Великой Лаврой.

На востоке от Фессалоник в Эгейское море вдается как бы остров с тремя пальцевидными отростками. Восточный палец длиной приблизительно в шестьдесят километров и шириной в десять на самом краю завершается горой Афон высотой более двух тысяч метров. Здесь расцвела и сохраняется поныне великая созерцательная традиция православия.

Уже для древних греков это место было священным: скала как вызов на бой, брошенная Посейдону гигантом Афоном. И ныне Афон остается вызовом самодостаточному миру – в качестве последней из этих монашеских колоний, этих республик Духа, что появились в IV веке в Египте, дабы напомнить в тот момент, когда складывалась христианская империя, что конечный смысл христианства – это не устройство земли, но мучительно трудное восхождение Царства...

С X века монахи обосновываются на «Святой Горе», названной ими «садом Богородицы», куда, однако, строго возбранен доступ всякому иному женскому существу. В этом краю никто не рождается по плоти, здесь рождаются только в Духе для вечности. Владычное присутствие Богородицы, особо чтимую икону Которой имеет каждый монастырь, животворит эту внутреннюю метафору.

Сначала сюда явились отшельники, чей суровый подвиг обычно сопутствует более умеренному общепринятому пути. Первый монастырь – Великая Лавра – был основан в 963 году святым Афанасием Афонитом. Этот молодой трапезундский грек, любимец великого военачальника Никифора Фоки, резко порвал с миром и, обманув бдительность своего воспитателя, удалился к отшельникам на Афон. Однако те, как говорит его агиограф, отказались его принять: он был еще слишком юн и «гладколиц»; а обычай повелевает, чтобы «гребень держался в бороде послушника». – «Если дело только в этом, смотрите, гребень стоит», и молодой человек вонзил гребешок в свою щеку. Он был принят, и Никифор Фока, став императором, помог ему построить монастырь, дабы ввести духовную жизнь в русло общинной дисциплины и братской любви. С тех пор монахи стекаются сюда со всего православного мира: греки, грузины, южные славяне, с XI века – русские, до самого XIII века – итальянские бенедиктинцы, начиная с XIV века – румыны. Двадцать больших, почти независимых монастырей, располагаются на полуострове, образуя федерацию, управляемую их представителями, советом игуменов, находящимся в маленьком городке Кареес. Афон, с XIV века входящий в юрисдикцию Вселенского патриарха, составляет автономное государство, с 1912 года находящееся под протекторатом Греции.

Наряду с большими монастырями и в непосредственной связи с ними продолжали существовать другие формы подвижничества: от маленьких групп учеников, собравшихся вокруг выбранного ими учителя, до строгих отшельников, почти никогда не нарушающих безмолвия. Монахи живут скудно, трудами рук своих, возделывая землю, пользуясь дарами леса, овладевая

ремеслами, ритм которых способствует внутреннему сосредоточению.

Таким образом, Афон сохранил многообразные формы созерцания, соответствующего разнообразию личностных призваний или разным этапам одного и того же пути, от молитвы общественной до молитвы «чистой», которая, становясь «спонтанной», раскрывает в себе подлинную природу человека, ту природу, что только и способна выразить в конкретном лике и слове славословие всего мира. «В Новом Завете сказано, что человек и вся тварь суе поведет не волю, и все естественно въздыхает, стремится и желает войти в свободу чад Божиих; и это таинственное въздыхание твари и врожденное стремление душ есть внутренняя молитва..., она есть во всех и во всем...» (*Откровенные Рассказы Странника Духовному Своему Отцу*). *Стать молитвой* – таково предназначение человека, как назначение птицы – летать. И человек, ставший молитвой, пусть никому неведомый, затворившийся в глубине пещеры, восстанавливает великое единство божественного и человеческого и позволяет воде живой невидимо напоить собою весь мир и все дела человеческие.

На Афоне нет «устава» в западном смысле слова, однако здесь есть проложение пути и примеры, есть совместный духовный опыт, который создается в каждой общине по-своему и всегда допускает выход из нее для подвига, более трудного – наедине с Богом. Таким образом здесь соседствуют, иной раз соревнуясь или дополняя друг друга, Афон северный с его большими монастырями, рассеянными на лесистых холмах – ибо это одно из тех немногих мест, где сохранился первоначальный лес, отчасти благодаря запрету, изгоняющему коз – и Афон южный, поместившийся на склоне высокой горы из белого известняка. Афон

скалистых «пустынек» отшельничества и «калив» – хижин, где несколько монахов – чаще всего учитель с учениками – трудятся и молятся вместе.

Таким образом, по живым ступеням посвящения передается «искусство искусств и наука наук», путь безмолвия, позволяющий обрести «сердечное место», найти эту «землю сердца, где сокрыт источник воды живой – тот изначальный свет, что утрачен Адамом по непослушанию... Эта вода наполняет внутреннего человека божественной росой и Духом, человека же внешнего она предает огню» (Каллист II, *О Молитве*).

На христианском Востоке, существовавшем всегда в разнообразии юридически независимых поместных Церквей, Афон на самом высоком уровне выразил единство и вселенскость православия. К тому же афонские монахи дважды спасали православную Церковь: около 1300 и около 1800 годов.

В конце XIII века, после долгого периода упадка оживает исихазм, и святой Григорий Синаит доводит до совершенства «метод дыхания», соединив с ним и словесную формулу, вобравшую в себя все евангелие как исповедание и мольбу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Григорий указывает путь, целиком озаренный Духом: «Принимающий Духа и очищаемый Им... дышит жизнью Божественной, говорит ею и живет ею». (*О жизни созерцательной и о двух видах молитвы – О дыхании*). Это обновление позволяет святому Григорию Паламе отстаивать, вопреки рационалистическим толкованиям, реализм обожения, разъяснить таинственную антиномию между непостижимой сущностью Бога Живого и Его доступными нам энергиями, обосновать опытное богословие, призывающее ко всеобщему преображе-

нию в «нетварном свете». С Афона это движение проникает в духовенство и народ, производя в нем невидимую внутреннюю работу, что дает возможность православию пережить византийскую империю и избежать драматической истории Реформации.

При турецком владычестве Афон сохраняет свою автономию, выплачивая подать. Вслед за водворением «идиоритмической» системы в монастырях, при которой каждый следует своему «собственному ритму», его дисциплина ослабевает, так что за пределами богослужения исчезает вся общинная жизнь. Однако во второй половине XVIII века начинается второе обновление вместе с движением «коллиадов». Последние ищут глубину духовной жизни, укореняя ее в «тайнах», т.е. великих таинствах Церкви. Они особо почитают Евхаристию воскресного дня и ратуют за еженедельное причащение задолго до возникновения подобных устремлений на Западе. Они противятся умножению всякого рода околелитургических обрядов, в особенности благословения и потребления поминальных пирогов и кутьи – «колливов» (отсюда и прозвание их – «колливады», что в насмешку было дано этим реформаторам). На том же Афоне святой Никодим Святгорец составляет «Добротолюбие» – обширную антологию мистического богословия, ибо подлинное богословие для него всегда мистично. «Добротолюбие» – это своего рода энциклопедия «Света пресветлого», как бы противостоящая французской энциклопедии Просвещения и «ночной» энциклопедии Новалиса, в которых тоталитарные системы нашего века, возможно, обрели один из своих истоков... Переведенное вскоре на церковно-славянский, а затем на русский язык, «Добротолюбие» оплодотворит и греческое и славянское православие. Для некоторых пытливых умов оно станет живительной силой, которая смо-

жет напоить собою само познание в западном смысле, то познание, чей бурный рост казался поначалу лишь разрушительным. Сциентизму оно ответит наукой более целостной, упорядочивающей духовный опыт. Мятелю сыновей против отцов и репрессивной реакции последних оно противопоставит освобождающее отцовство *старца* или *geronda*. Такие монастыри, как Оптиная пустынь в России или Скиатос в Греции, наполняют новыми жизненными соками интеллектуальный поиск и художественное творчество. «Два Александра»: Пападиамантис и Морайтидис – были гостями Скиатоса, как Достоевский и Леонтьев гостили некогда в Оптиной пустыни.

Когда Афинагор прибыл на Афон, там насчитывалось семь тысяч монахов благодаря мощному притоку русских, начавшему затем иссякать из-за войны и революции. Среди русских монахов был один из самых больших мистиков XX века – *старец* Силуан. Этот крестьянин, едва умевший читать и работавший на мельнице неподалеку от Свято-Пантелеймонова монастыря, прошел один из самых необычных и, может быть, самых значительных духовных путей. В предельном своем смирении он видел себя в аду единственным осужденным. Однако ему открылось нечто более глубокое, чем ад: Господь милосердия. Христос явился ему и сказал: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся». И, не отчаиваясь, он молил Господа из своего ада о том, чтобы все были спасены и вкусили бесконечной сладости Духа. Этот человек, знакомый только с Афоном и одним уголком русской провинции, ходатайствовал в молитве своей за все человечество и в особенности за бесчисленные азиатские народы. Следование по пути Духа Святого для него подтверждалось только одним: евангельской способностью любить врагов своих.

Афон зачастую смущает Запад. Сегодня, когда политические обстоятельства крайне затрудняют приток новых насельников, в нем предпочитают видеть лишь живописную или даже теневую сторону: неопрятность, нескончаемые службы, искушения гомосексуализмом. Но вон тот рабочий, что трудится на мельнице, может быть, это и есть старец Силуан. Святость невидима. Однако она наполняет собой некоторые уголки нашего мира, и тот, кто умеет видеть, вскоре замечает, что безмолвие Афона насыщено святостью.

Келлион Милопотамоса, где в 1918 году оказался дьякон Афинагор, находится недалеко от Карея, на восточной стороне Афона. Он стоит на краю высокого отрога, и издали можно видеть его сторожевую башню, потому что в Средние века он, как и все афонские общины, должен был защищать себя от грабежей каталанцев и прочих «латинских» авантюристов. По странности судьбы этот маленький монастырь, где жил Афинагор I, дважды оказывал в своих стенах приют вселенским патриархам: святому Григорию V, коему предстояло умереть мучеником в 1821 году, и великому патриарху Иоакиму III, который оставил Милопотамос в 1901 году, чтобы взойти на престол и чтобы в следующем году опубликовать энциклику, ратующую за сближение всех христиан и постоянное взаимодействие православных Церквей. «Мы стремимся, – говорится в преамбуле, – к согласию между всеми православными Церквями по предмету столь важному, как пути сближения между всеми, кто верует в истинного Бога-Троицу, дабы пришел день, который непостижимым Своим произволением Господь соделает долгожданным днем единства всех». В 1902 году пожелание такого рода было новым и поистине про-

роческим. Именно оно определит все действия патриарха Афинагора.

С одной стороны море, откуда открывается вся панорама *Келлиона*. С другой – земля, неровная, изрытая оврагами и покрытая дубами, чьи листья светлы на обратной стороне, но темны и подобны камням со стороны, обращенной к солнцу. В монастырском саду растут лилии и деревья из Иудеи. Повсюду течет вода, которая вместе с осенними дождями заливает даже дороги для мулов, усеянные крупной галькой. Десяток монахов обрабатывает землю и служит литургию, совершая Евхаристию лишь по воскресным и праздничным дням. Чтение часов в установленное время, не слишком продолжительное, здесь умиротворяет, соединяет с красотой мира, к которой Афинагор бесконечно восприимчив. «Здесь славословит сама тварь», – говорит он иногда. Время теряет свою власть. В Милопотамосе по турецкому обычаю заход солнца приходится на двенадцать часов; но в Ивиرونе, основанном иберами с Кавказа (первоначальное наименование грузин), двенадцать часов – это восход солнца, как в Персии. Синяя бездна неба и моря топит в своей глубине круг дней и времен года.

Однако после этих месяцев внутреннего сосредоточения Афинагор убеждается в том, что для него поиск «сердечного места» станет долгим странствованием по земле людей. В Великой Лавре, от которой зависит *Келлион*, где протекала его афонская жизнь, он видел в главной церкви изображения святых воинов, написанные в XVI веке Феофаном, родоначальником критской школы, откуда выйдет и Эль-Греко. Святые воители в своих фантастических доспехах остаются неподвижно иератичными в самом разгаре битвы. «Я постоянно нападаю, наступаю, борюсь», – говорит

патриарх. Когда в марте 1919 года ему предлагают пост в высшем синодальном управлении, он принимает это предложение и покидает Афон. «Никакая форма деятельности не служит препятствием для любви Божией, – говорил тогда *старец* Силуан. – Апостолы любили Господа, и мир не мог помешать им в этом, хотя они и не забывали мира, работая и проповедуя для него».

Афинагор I пробыл на Афоне шесть месяцев: с октября 1918 года до марта 1919. Тогда он был дьяконом.

В 1930 году он вернулся сюда епископом на всеправославную конференцию, состоявшуюся в июне в Ватопедском монастыре.

В 1963 году он вернулся сюда вновь – уже патриархом – на тысячелетний юбилей афонского монашества, отмечаемый в связи с основанием Великой Лавры в 963 году. Это празднество было организовано по его желанию, и оно стало поистине праздником христианского единства, а также проявлением дружбы с созерцательными орденами христианского Запада.

«Афон – священное место. И я – отчасти афонский монах».

Афинагор I борется за то, чтобы монахи из славян и румын могли вернуться на Святую Гору и внести новую жизнь в ее вселенское служение. Он добился того, чтобы студенты-богословы из Америки, по обычаю приезжавшие в Грецию для занятий, могли побыть несколько месяцев в одном из афонских монастырей.

Путь патриарха скорее ближе к пути Космы Этолийца, т.е. пути активной любви, нежели к пути колливадов и пути «чистой молитвы». Однако он знает, что одно не бывает без другого, и что любовь не может изменить жизни, если ее не несет в себе, если ее не пи-

тает неслышная молитвенная поддержка. Только тайное присутствие тех, кто становится как бы столпами молитвы, воздвигнутыми между небом и землей, не дает миру разложиться и оплодотворяет историю, свидетельствуя о том, что последняя цель ее – переход в вечность, которая уже пламенеет в них. В начале XIX века сопротивление, с которым колливады столкнулись сначала на самом Афоне, вызвало их промыслительное рассеяние по всему греческому миру, где они сумели разжечь на островах и Пелопонесе очаги обновленной духовной жизни. Одним из таких очагов был иоанновский остров Патмос. И ныне в русле той же традиции на Патмосе живет один из тех духовных людей, кому доступно распознавание сердец и кто, как посланец Духа, несет свой поистине старческий и духовнический подвиг. Это отец Амфилохий. Свет, который исходит от него, делает его известным всей Греции и даже Западу. Он содействовал развитию женского монашества, соединяющего в себе созерцание и активную любовь, «молитву Иисусову» и социальное служение. Отец Амфилохий нередко бывает в Константинополе. Он – друг и духовник патриарха.

«ЗАЩИТНИК ГОРОДА»

В марте 1919 года архидьякон Афинагор назначается первым секретарем Святейшего Синода, который под началом архиепископа Афинского и примаса Греции управляет Церковью этой страны. Он живет в монастыре Петраки в самом городе. Служение Церкви он никогда не отделял от традиционного уклада монашеской жизни.

Его кругозор, как и призвание, не дают ему при этом замкнуться в Церкви «национальной». В это время при поддержке Константинополя только-только складывается экуменическое движение. Весной 1919 года делегация комиссии «Вера и церковное устройство», занимающаяся как раз вопросами вероучения, прибывает в Афины с целью добиться сотрудничества с Греческой Церковью. Архиепископ и четыре митрополита подписывают бумагу, выражающую уклончивое одобрение. Но Афинагор проявляет к этому вопросу такой интерес, что ему предлагают выучить английский язык, который, как можно было предположить, станет языком экуменического движения.

Решение это оказалось чреватым немалыми последствиями для будущего патриарха.

Тем не менее его жизненный путь еще не принял планетарного размаха, ибо ему предстояло ближе соприкоснуться со скорбной историей своего народа. Не для того, чтобы опутать себя национализмом, но того ради, чтобы выявить в Церкви ее профетическое и в первоначальном смысле дьяконское призвание, то призвание, о котором православие было склонно иногда забывать.

Греция поздно, и то через гражданскую войну, всту-

пила в великий мировой конфликт. Окончательный развал оттоманской империи, казалось, наконец открывал путь к осуществлению «Великой Идеи». В 1920 году Севрский договор дал Греции Восточную Фракию вплоть до границ Константинополя, оккупированную войсками союзников, а также – при условии проведения референдума в течение пяти лет – всю азиатскую Грецию вокруг Смирны. Турок, выведенных из себя всеми этими унижениями, Мустафа Кемаль сумел избавить от груза тяготевшего над ними прошлого. Греки недооценили противника и пытались загнать кемалевский «мятеж» в его горное логовище. Это был химерический реванш, *reconquista*, не имевший народной поддержки, потому что районы, где застряла греческая армия, были целиком мусульманскими. Турки, почувствовавшие угрозу самому своему существованию, подняли в Анатолии мощное восстание, и вот в августе 1922 года греческое наступление сломлено, турки переходят в наступление, европейцы уклоняются от участия, греческая армия разбита, Смирна сожжена. Азиатским грекам дается два дня для того, чтобы покинуть свою древнюю родину. Лозаннский договор от 24 июля 1923 года становится итогом этих гибельных событий. Греция уступает Малую Азию и Восточную Фракию. «Обмен населением» подразумевает и утверждает высылку двух миллионов греков. Гарантируется выживание лишь малой православной общины в Стамбуле, при условии, что она будет объединена исключительно на конфессиональной основе. Греция, оставленная великими европейскими державами, должна отказаться и от земель, также населенных ее сыновьями, но раздававшихся направо и налево оттоманской империей при ее закате: Кипр остается, таким образом, за Англией; Родос и Додеканез переходят к Италии, а Северный

Эпир закрепляется за Албанией как итальянским протекторатом. «Великая Идея» привела к самой губительной катастрофе в греческой истории со времен падения Константинополя. Азиатской Греции больше не существует – той Греции, что была Грецией изначально, Грецией Гомера и Гераклита, Грецией Иоанна, Грецией семи Церквей Апокалипсиса.

Два миллиона беженцев хлынуло в страну с пятью миллионами жителей. После падения монархии в 1922 году революционный комитет Пластираса распределяет среди бедных крестьян и беженцев владения богатых помещиков и монастырей. В 1924 году провозглашается республика.

Будущий патриарх изо дня в день наблюдает за этой драмой. Его симпатии – на стороне либералов Веницелоса и Пластираса, хотя он и не хочет быть членом какой-либо партии. «Со времен Перикла, – сказал он мне, – Греция – страна демократии». Демократия возложит на него и бремя новой ответственности. Но еще до ее прихода он получает благословение святого Нектария.

Святой Нектарий Эгинский – самая замечательная личность греческой Церкви начала XX века. Этот рабочий из Стамбула, ставший школьным учителем, затем монахом в Шио, сделал внезапно блестящую церковную карьеру. Его заметил богатый покровитель и помог ему уже после тридцати изучить богословие, затем представил его патриарху Александрии. И старый патриарх привязался к Нектарию, рукоположил его во священники, в епископы, затем сделал его митрополитом Пентапольским и назначил своим преемником. Но почти тотчас после этого все разбивается вдребезги. Из-за какой-то интриги, так и не выплывшей на поверхность, патриарх изгоняет Нектария,

даже не пожелав его выслушать. Вернувшись в Грецию, оказавшись мишенью всякого рода поношений, этот смещенный епископ так и остался в весьма странной, по церковным понятиям, ситуации. Однако он все приемлет безропотно. Приближаясь к пятидесяти годам, он получает скромные деревенские приходы. Однако свидетельства в его пользу доходят в конце концов и до Египта. Ему предлагают руководство богословской школой в Афинах, пребывающей в состоянии полного упадка. Он возвращает этой школе былую славу, находит необходимых преподавателей, поражая студентов своим смирением: прирожденный воспитатель, он никого не наказывает, кроме самого себя, подвергая себя ужасающим постам. Он проповедует в церквях Афин и Пирея. Этот «духовидец», *pneumatics*, умеющий читать в душах, иной раз пророчествует и исцеляет. Призывание имени Иисусова делается у него спонтанным. «Влечение к Богу, – пишет он, – рождается в сердце очищенном, откуда истекает благодать Божия». Его приемный сын Кости, который жив до сих пор, рассказывает, что не раз заставлял его ночью погруженным в молитву и окутанным сиянием. Иногда он просто смотрит на улицу и благословляет всех проходящих мимо. Но этот человек молитвы знает и цену действия. Будучи весьма образован, он пишет духовные труды о Библии и Церкви. Свои книги он издает на собственный счет и отправляет или вручает их тем, кому, по его догадке, они могут принести пользу. Он поддерживает братскую переписку с католиками и англиканами и борется за союз православных со старокатоликами. Он по мере сил стремится освободить политическую жизнь греков от борьбы кланов и коррупции, прививая своим духовным детям своего рода основы этики избирателей: «Хороший гражданин выражает свой выбор у избирательной ур-

ны голосом тайным и святым... Не возлагайте доверия своего на «князей, сынов человеческих, в них же нет спасения...» Предпочитайте людей добродетельных, надежных в жизни и в деле, строгих в слове, осмотрительных в поступках. Не выбирайте людей раздвоенных, суетных, корыстных, погрязших в материальном. Те, кто принимает парламент за торговлю, а не за служение многим, суть воры и разбойники. Таких держите подальше от власти и общественных дел».

В 1904 году на острове Эгине он из развалин восстанавливает старый монастырь, дабы поместить в нем некоторых из своих духовных дочерей. Четыре года спустя он оставляет руководство школой и окончательно обосновывается на Эгине, распределяя время между богослужением, составлением своих трудов, руководством монахинями и суровыми физическими работами. Вечерами, усаживаясь под сосной в монастырском дворе, он, как в кругу семьи, беседует со своими духовными дочерьми. «Однажды мы попросили батюшку объяснить нам, как творения, лишенные разума и голоса, – солнце, луна, звезды, свет, воды, огонь, море, горы – все, кого псалмопевец призывает славить Господа, как они могут делать это. Святой ничего не ответил. Несколькими днями позднее, за одной из вечерних бесед под сосной, он сказал нам: «Вы несколько дней назад просили меня объяснить, как прославляет Господа тварь. Так вот, прислушайтесь к ней». И мы внезапно оказались в преображенном мире, где отчетливо слышали каждое творение Божие, поющее песнь Господу на свой лад».

Когда Нектарий служил, он брал себе в помощь монахинь, рукоположенных им в иподиакониссы, которые подносили ему поручи и епитрахиль. Нововведение было неслыханным, и министерство культов от-

казывается признать новую общину. Нектарий не протестует. Он повинуется особым знакам, точно указывающим ему путь. Молитва заменяет ему сон. Он не видит снов, он видит реальность, но подобно слепым не противопоставляет видимое и невидимое.

В 1920 году за несколько месяцев до смерти Нектария с ним встретился будущий патриарх – приехал на Эгину, чтобы повидать его. Нектарий был уже болен, и монахини, рассказывал мне Афинагор, заботились о нем как родные. В окружении архиепископа Афинского о Нектарии говорили только хорошее. Но святые часто опрокидывают готовые представления о них. «Я увидел человека бесконечной доброты, преисполненного мира и молитвы», – вспоминает патриарх. Беседа была короткой из-за болезни Нектария. Но Афинагор получает его благословение.

20 сентября 1920 года после нескольких недель страданий Нектарий умер в Афинской больнице, в палате для неизлечимых и бедняков. Одиннадцать часов тело оставалось в палате и наполнилось благоуханием. Перед тем, как обмыть, с тела сняли старую вязаную фуфайку и положили на соседнюю кровать. Это была кровать паралитика, и паралитик встал, пошел и восславил Бога. С этого момента Нектарий постоянно является больным, зачастую и тем, кто о нем никогда не слышал. Одетый в простой подрясник, он дает советы и исцеляет. «Меня зовут Нектарий Эгинский», – говорит он. Его могила обрушилась, и тело было обнаружено нетленным. Тремя годами позднее медик-позитивист исследовал это тело в новой гробнице, мрамор которой исключал всякое «геологическое» объяснение; он нашел это тело не только нетленным, но и мягким, лишенным какой бы то ни было трупной ригидности. На этой гробнице совершаются исцеления.

20 апреля 1961 года патриарх Афинагор I актом канонизации провозгласил Нектария святым.

Он

Вскоре после моего посещения Эгины, один художник из Корфу сделал портрет Нектария. В Корфу же я познакомился с этим художником. Он подарил мне набросок этого портрета, оставляющий впечатление непосредственного присутствия. Я не сомневался, что придет день, когда в качестве патриарха мне придется канонизировать святого Нектария. Тогда я положил этот рисунок на свой письменный стол. И теперь он всегда на нем.

Греческая Церковь переживала в то время новый расцвет своей миссионерской деятельности благодаря отцу Евсевию Маттопулосу. Этот монах из Мега-спилеона, одного из духовных очагов, основанных колливадами, сумел противостоять тому чересчур профетическому уклону в духовной жизни, что привел к исключению из Церкви великих греческих реформаторов XIX века. Он исколесил всю страну, терпеливо собирая группы учеников, организованных им в 1911 году в братстве *Zoi* (Жизнь). Миряне или священники, связанные временными обетами, ввели в обиход частое причащение, ежедневное размышление над Библией, помощь ближним. Они вызвали к жизни ряд движений, по типу своему напоминающих Католическое Действие. Лишь гораздо позднее обнаружится ограниченность этого движения: пиетистский морализм, тенденция к самозамыканию в стороне от конкретной жизни Церкви. В 20-ые годы *Zoi* еще переживала свою весну. Члены ее, однако, должны были принимать на себя странное обязательство: никогда не становиться

епископами. Слишком много греческих епископов выглядело честолюбцами, занятыми своей карьерой, ибо долгое оттоманское владычество оставило порочные привычки. Раскол между апостольским обновлением и епископатом становился все более серьезным. Правительство Пластираса, действуя в реформаторском духе, рекомендовало Синоду (тогда еще не было отделения Церкви от государства) ставить епископов молодых, преданных народу, ничем не скомпрометированных. Так, Афинагор был поставлен епископом Корфу (Керкиры), митрополитом Керкиры и Паксоса. Ему было тридцать семь лет.

Прибыв на Корфу в феврале 1923 года, он застаёт хаос: тысячи беженцев живут в палатках, где попало, заполняют школы и больницы. Гражданская администрация перегружена. Что касается епископа, то его на острове не было уже много лет. Афинагор быстро отдаёт себе отчет в масштабах бедствия. Средства, имеющиеся в распоряжении Церкви, солидарность верующих он использует для того, чтобы в срочном порядке строить дома. Он добивается от префекта, передачи в распоряжение беженцев просторных городских казарм, построенных после 1815 года англичанами. В своей собственной резиденции он открывает медицинский центр, где персонал работает бесплатно или на средства епископа. Он устраивает там также бюро по трудоустройству, ибо недостаточно только разместить беженцев, нужно найти им и работу. Поскольку здесь работают и женщины, иногда даже с большей легкостью, епископ устраивает детские ясли и сады. Он увеличивает количество школ и классов в них, где вскоре находят свое место все дети беженцев. На Корфу был в то время лишь один лицей. При поддержке министра образования, бывшего, по

счастьем, уроженцем острова, Афинагор добивается строительства другого лица, а также технического колледжа. В 1924 году он основывает семинарию для подготовки священников и «преподавателей религии». Он хочет иметь образованное и ответственное духовенство, крепкие приходы, а не механическую сумму индивидов в качестве, как он выразился, «клиентов священника», низведенного до роли простого требоисполнителя. В 1929 году он учреждает учебный центр для беженцев из Северного Эпира...

Епископ не ограничивается материальной помощью. Он посещает беженцев, выслушивает их, ободряет. И здесь также он всегда держится наравне с ними. Редко ему удается перейти улицу, чтобы никто не остановил его.

И вот что еще характерно для него: отвращение к фарисейству. Столкнувшись с нищетой, что царит в некоторых кварталах, он отменяет на время правила поста. «Кто умирает с голоду, тому нечего поститься», – говорит он.

В августе 1923 года Муссолини решает положить конец греческим притязаниям на Додеканез. 31 августа итальянская эскадра подвергает бомбардировке старую крепость Корфу, затем высаживает войска для занятия города. В крепости почти не было гарнизона, но там было едва ли не 7000 беженцев из Малой Азии и 350 больных армянских детей (армяне, спасшиеся от геноцида, которому подвергся их народ во время и после мировой войны, смешались с греческими беженцами). После бомбардировки осталось 16 убитых и полсотни раненых. Население прячется, чиновники покидают город. Епископ отправляется в порт, убеждает рыбака отвезти его в лодке на эскадру. Его принимает адмирал Солари, который с ви-

дом хозяина осведомляется о том, каковы его желания. «Я прибыл сюда не для того, чтобы выражать желания, но для того, чтобы протестовать. Вы поступили дурно. Зачем вы открыли огонь по женщинам и детям? Они ничего вам не сделали. Если вам надо кого-то наказать, возьмите меня, епископа».

Мужество Афинагора вызывает уважение у итальянцев. На следующий день адмирал наносит ему визит и вручает пособие для потерпевших. По мнению обитателей Корфу, епископ избавил их от куда худших бед. Когда несколько недель спустя итальянцы уходят, его чествуют как «спасителя острова».

В то время, в период становления Республики, на Корфу кипели партийные споры. Роялисты обличали Афинагора как креатуру революционного режима. Разве не предложили ему место в Синоде? Однако он отказывается. Каковы бы ни были его симпатии, он не станет представителем какого-либо режима. Он будет слугой народа, стоящим над схваткой.

Здесь определяется его вселенское призвание. На острове, который веками был оккупирован венецианцами, живет достаточно католиков. Афинагор заводит дружбу с их епископом и не боится показаться на улице в его обществе, что в средиземноморской стране, где улицы сохраняют в себе нечто от агоры, имеет совершенно особый смысл. В 1926 году он принимает участие во всемирной Ассамблее YMCA в Хельсинки. YMCA – Христианская Ассоциация Молодых Людей, будучи в основном протестантской по своему составу, участвует в экуменической деятельности и оказывает безвозмездную помощь русской православной эмиграции, ее студенческим ассоциациям и изданиям религиозно-философских книг. В греческой Церкви,

как рассказывал мне патриарх, с недоверием относились к УМСА, видели в ней рассадник протестантского влияния. «Я же примкнул к этому движению, когда еще был дьяконом. Кроме того, в Хельсинки я представлял не столько греческую Церковь, сколько правительство».

Что же касается протестантского влияния, то УМСА дала возможность Афинагору открыть для себя русскую религиозную философию, философию Булгакова и Бердяева. Исходя из православного ощущения Духа Святого, они в рамках современной культуры искали такие пути мышления, которые вели бы не к противопоставлению, но к преображению.

Однако именно на Корфу, в самые первые трагические месяцы его нового служения, епископ сделал и наиболее важный шаг в сторону экуменизма. У армянских беженцев, спасшихся из ада, не было ни одного священника. И Афинагор лично причащал их.

«АМЕРИКА, АМЕРИКА»

Самым древним отпечатком греческой эмиграции в Америке могла быть только школа. Сегодня в Соединенных Штатах это «древнейшая из деревянных школ»: она была построена в 1680 году в Сент-Огюстене во Флориде, в то время испанской. Где-то около 1767 года небольшая группа греков основала «Новую Смирну». Первый же храм был возведен в 1864 году в Новом Орлеане, где возникла колония греческих купцов.

Но это были лишь отдельные островки. Однако, с конца XIX века и вплоть до Первой мировой войны огромные перемещения народов привели в западное полушарие миллионы средиземноморцев и славян, и эта «новая эмиграция» сделает из англосаксонской и протестантской страны космополитический континент, микрокосм человечества. Греки влились в это движение, достигшее своего апогея уже после войны, когда сотни тысяч беженцев из Азии эмигрируют в Соединенные Штаты. Центр греческих поселений располагается на Северо-Востоке, где многие из новоприбывших, не знающих ни слова по-английски, становятся неквалифицированными рабочими, в особенности на заводах Лоуэла и Массачусета. На этот раз дело уже не в отдельных, быстро ассимилирующихся авантюристах, но в целых общинах, сохраняющих всю структуру своей прежней жизни. С конца XIX века растет количество храмов в Нью-Йорке, Чикаго, Лоуэле.

Эти иммигранты, многочисленные в сравнении с населением их стран, составили незначительное меньшинство в Соединенных Штатах, оказавшееся на последних ступенях общественной лестницы, ибо сами Соединенные Штаты, столкнувшись с этим космополитическим вторжением, почувствовали угрозу той

идеи, которую они составили о себе самих, и стали цепляться за англосаксонский провинциализм XIX века. В силу этого социальная иерархия отразилась там и в аналогичной иерархии религиозных «деноминаций». Таким образом православие, представленное также украинцами из Австро-Венгрии, русскими, сирийцами и ливанцами, оказалось на самом низком уровне. Какое значение имело еще некое количество бедняков из Греции? Они сами считали себя временными поселенцами, довольные в общем и целом, что, принимая, их убеждают в том, что вскоре они вернутся на родину. Но самые смелые и оборотистые из них, а вскоре и дети других дадут более решительный ответ на американский *challenge* на языке Тойнби. Народ их уже привык сталкиваться с ситуациями такого рода, о чем говорит высокое положение многих греков в оттоманской империи. Пройдет немного времени, и греки сумеют занять прочное положение и в американской жизни, отлично приспособившись к ее условиям. Стать хорошими американцами, говорить по-английски, принять *auctoritas* Верховного Суда, участвовать в свирепой и лояльной конкуренции, поддерживать «добрососедские отношения» в *suburbs* в американском духе – все это не потребует от этих греков отречения ни от религиозных, ни от национальных корней. Большинство американцев-греков сохраняет верность православию. Здесь основываются все новые и новые церкви. К 1925 году существует уже две трети из нынешних приходов.

Первые из них находились в юрисдикции вселенского патриархата, поскольку он является одновременно и центром грекоязычного православия, и поскольку за пределами национальных границ он представляет собою универсальность Церкви. И все же в 1908 году Синод Греческой Церкви добивается юрисдикции над

своими приходами. Такое положение будет сохраняться до 1918 года из-за войны, разделившей Константинополь и Соединенные Штаты, к ущербу для верующих греков Америки, сотрясаемых политическими ветрами в своей среде.

Однако общее решение наметилось для всех православных *диаспор* Америки в местных рамках, т.е. в рамках «православной епархии», основанной Русской Церковью. Русские миссионеры, начиная с XVIII века, евангелизировали эскимосов и индейцев на Аляске и на Алеутских островах. После того, как Аляска была куплена Соединенными Штатами, епископская кафедра была перенесена в Нью-Йорк, куда прибывали православные разных национальностей. Так возникла ориентация на создание православной Церкви Америки, в которой греки, сохранив свою автономию, тоже заняли бы свое место. Но русская революция повлекла за собой развал этой «православной епархии». Для греков, не желавших отказываться от родного языка и стремившихся избежать включения в национальную Церковь, не оставалось другого прибежища, кроме вселенского патриархата.

После окончания войны вселенский патриархат посылает с миссией в Америку митрополита Мелетия, который заложил основы местной церковной организации. В 1922 году он был избран патриархом под именем Мелетия IV. Он тотчас решает восстановить юрисдикцию Фанара над греческими приходами в Америке и перегруппировать их в архиепископию, во главе которой он ставит своего предстоятеля, патриаршего «экзарха».

Совокупность этих решений смягчила, но не смогла полностью избавить американскую *диаспору* от силы воздействия греческой политической драмы. Архиепископство остается слишком слабым в организа-

ционном отношении, чтобы связать Церковь нейтралитетом. Экзархи, сменяющие друг друга, обречены на бессилие, возникают расколы, общины отделяются друг от друга и разделяются внутри себя. Однако в 1928 году после образования либерального правительства Веницелоса, получившего широкое одобрение греческого народа, и последовавшего вскоре после избрания на вселенский престол энергичного патриарха Фотия II, возникают предпосылки для оздоровления ситуации. 30 августа 1930 года Фотий II и его синод назначают митрополита Афинагора архиепископом американским. Он прибывает в Нью-Йорк 24 февраля 1931 года.

Из рассеяния изолированных и зачастую враждующих приходов Афинагор создает органическое единство, при котором местная автономия уравнивается управлением из центра. Как и на Корфу, он обнаруживает качества государственного человека, целиком служащего вере. Неутомимый труженик, он любит беседовать со своими сотрудниками, друзьями, гостями. Он без усталости расспрашивает обо всем. Со всех сторон он выслушивает советы и мнения, но, приняв решение однажды, он не позволяет смутить себя каким-либо сожалением или аргументом. «Я воюю, нападаю, всегда иду вперед!» – а вечером допоздна просиживает над книгами. Его культура требует постоянного обновления и приложения: он организует греческий театр, где играют Софокла, Еврипида, а также Вагнера и Римского-Корсакова, изучает основные труды отца Сергия Булгакова, с которым он заводит личное знакомство, когда тот приезжает в Соединенные Штаты.

Первые годы были трудными. К политическим неурядицам, к личным ссорам добавляются привычные

здесь независимость и безответственность, возникающие в приходах, зачастую весьма удаленных друг от друга, а иной раз, как на Северо-Востоке, и конкурирующих друг с другом. Под влиянием протестантских мнений миряне здесь все хотят контролировать сами и, видимо, не понимают более, какова должна быть роль священника или епископа. В Детройте возникла целая кампания против Афинагора. В Лоуэле на какой-то момент установилось даже раздельное управление.

Однако новый архиепископ оказался хорошо подготовленным к пониманию американской психологии и желания самостоятельности со стороны приходов. С давних пор принимая участие в работе Христианских Ассоциации Молодых Людей – в 1932 году он участвовал в их генеральной ассамблее в Кливленде – он был хорошо знаком с концепциями американского протестантизма. У него был и опыт приходского самоуправления в османскую эпоху. И уже на Корфу он делал упор на жизни общины и ответственности мирян.

Он начинает с того, что отстаивает независимость Церкви по отношению к событиям в Греции. И она, эта решительно отстаиваемая независимость, оказалась исключительно ценным приобретением архиепископства после установления диктатуры Метаксаса в 1936 году. Затем, после бурных дебатов, архиепископат получает от ассамблеи духовенства и мирян, собравшейся в Чикаго, принятие такой хартии, которая равномерно определяет в рамках целого степени ответственности тех и других.

Архиепископия дает основные направления, касающиеся пастырской и духовной работы, однако она находится в тесном сотрудничестве с Советом духовенства и мирян. Каждые два года собирается ассамблея архиепископии, состоящая из епископов, делегатов

от духовенства и мирян, причем представители последних должны быть более многочисленны, и этот соборный орган представляет собой высшую инстанцию, разрешающую основные вопросы.

Однако архиепископия будет особым образом связана с организацией приходов. «В Америке, – сказал он мне, – я организовал четыреста общин, которые я старательно отделил друг от друга». Каждая из них совместно управляется на трех уровнях: властью духовной, представленной священником, назначенным епископом после консультации с верующими, властью «царственного священства», представленной мирским председателем, избираемым всем приходом, и властью культуры и мудрости, представленной теми, кто занят преподаванием священных предметов. Каждая община имеет свою школу, свою женскую ассоциацию, занятую взаимопомощью и социальным служением, и свою молодежную ассоциацию. Все должны ощущать свою духовную и материальную ответственность за приходскую жизнь. Священник ни в коем случае не должен заниматься продажей таинств. Тот, кто хочет крестить своего ребенка или венчаться в церкви, должен быть членом общины и потому регулярно помогать ей. В противном случае, пусть подождет.

Жизнь общины следует по годовому кругу больших церковных праздников. Однако эти праздники должны слиться с конкретным человеческим существованием тех больших семейств, которые и есть общины, чтобы литургически окрасить их, пропитать их собою. «Таким образом, мы решили в Америке, что пасхальное время, те сорок дней до Вознесения, когда поют *Христос Воскресе* и особым образом прославляют Матерь Божию, станут также праздничными днями матери-христианки. И весь январь, со дня святого Василия Великого будет праздничным временем самой

общины, ибо Василий Великий был прежде всего пастырем...»

И благодаря святому Василию, архиепископу удалось справиться с финансовыми трудностями, вызванными «великим кризисом», когда епископские и приходские кассы были опустошены, и архиепископия оказалось в долгах.

«Я сказал им: я нашел благодетеля, который в самый большой и солидный из банков положил для нас капитал, который принесет нам 80.000 долларов в год. И кто же это? Святой Василий! В какой же банк? В сердце нашего народа! День святого Василия приносит ныне более 100.000 долларов в год греческой Церкви Америки».

Сам ставший американским гражданином, Афинагор, не колеблясь, принимается за то, чтобы привить православие на американской почве, оберегая лишь его догматическое и сакраментальное богатство. Но, не имея никакой склонности к отуреченной византийской музыке, и не открыв еще всего великолепия первоначального византийского распева (творческому возрождению которого он содействует ныне на Фанаре), он допускает – с известной долей либерализма – введение органа в храмы и даже исполнение *Свадебного марша* Мендельсона во время венчания!

Прежде всего он вносит ряд смелых изменений в статус священника. В Греции жалкое положение многих клириков, в особенности их костюм, необходимость отпускать бороду и волосы, иной раз закрывают дорогу к священству многим молодым людям, желающим при этом служить Церкви. Переносить подобный стиль в Соединенные Штаты – значит преграждать путь формированию местного духовенства. Но Афинагор хочет видеть пастырями молодых православных американцев, из греков или новообращенных. Он по-

звolyет священникам не носить широкой рясы – имеющей, впрочем, турецкое происхождение, – не носить бороды или длинных волос – знака гражданской власти в Византии, власти, унаследованной затем людьми Церкви в оттоманскую эпоху. Священники должны получать достойное вознаграждение от своих общин; и чтобы быть не только требоисполнителями, но и пастырями, они должны получить надлежащее образование. В 1937 году в Помфрете, штат Коннектикут, архиепископ основывает семинарию Святого Креста, студенты которой завершают свою учебу в Афинах или в Халки. В 1947 году семинария, рядом с которой возникает и богословская Академия Святого Василия, переносится в Бостон, для того, чтобы использовать культурные ресурсы этого города и близость лучших американских университетов. За несколько лет Академия сама станет крупным университетом, греческим университетом Америки, в котором богословский факультет соседствует с Колледжем наук и искусств.

В рамках изменения того же статуса священника, Афинагор подготавливает реформу, которая позволила бы рукополагать не только монахов и женатых людей, что отвечает неразрывной традиции православия со времен древней Церкви, но и давала бы возможность священникам жениться после их рукоположения. Архиепископ намеревался предложить эту реформу ассамблее духовенства и мирян как раз тогда, когда был избран патриархом.

Он заложил крепкую основу для будущего греческого православия в Америке. Под его руководством его преемники во главе с архиепископами Михаилом (1949-1958) и Иаковом продолжали начатое им дело и добились в большинстве штатов признания правосла-

вия в качестве «основной религии» (наряду с протестантизмом, католицизмом и иудаизмом). В настоящее время в Соединенных Штатах три с половиной миллиона православных, из которых два миллиона – греко-американцы. Чтобы как-то справиться со множеством национальных юрисдикций, архиепископ Иаков организовал консультативные встречи с участием всех православных епископов, проживающих в стране, что позволило организовать в 1960 году под его председательством постоянный орган *Standing Conference* канонических православных епископов Соединенных Штатов.

Но всякий успех чреват своими проблемами. Интеграция совершается на социологическом и психологическом уровне, и архиепископ Иаков произносит молитву, когда Никсон принимает президентскую присягу. Он произносит ее после протестантского пастора, католического кардинала, главного раввина, но до Билли Грэма. Однако та эпоха – время молодежных протестов и вызова *истэблишменту*. И здесь Афинагор I не сказал своего последнего слова; ныне он – глава Церкви, проявляющей, несомненно, наибольшее внимание к феноменам «Церкви независимой», процветающей в Соединенных Штатах. Другая проблема – языковая. Греческая церковь в Америке воздерживается от использования английского языка за богослужением. Патриарх знает, что ситуации могут быть различными, и если для одних нужен английский, то для других греческий. То, чем он жил, то, что он всеми силами поощрял – это чудо новой Греции в Америке, не столько этнической, сколько византийской, т.е. нераздельно соединившей в себе православие и греческий язык и свободно вписанной в многонациональные рамки. Он предвосхищает и иной синтез. Заняв патриарший престол, он стремится вдохнуть в свое служение поистине вселенский дух...

Будучи греческим архиепископом Америки, Афинагор был лично знаком с двумя президентами, возглавлявшими Соединенные Штаты в восемнадцатилетний период его пребывания в стране: Франклином Делано Рузвельтом и Гарри Труменом.

Свой первый визит Рузвельту он нанес весной 1931 года. Рузвельт был тогда губернатором штата Нью-Йорк, где находилась кафедра архиепископии. Восемнадцать месяцев спустя Рузвельт должен будет стать президентом.

Он

Когда я уходил, Рузвельт попытался подняться, но это ему не удалось из-за его паралича. Я подошел к нему и поцеловал его в лоб. И совершенно неожиданно для себя вдруг сказал: «В следующий раз я увижу вас уже в Белом Доме». Это предсказание осуществилось. Белый Дом был всегда открыт для меня, и я не раз виделся с президентом. «Ваша сила – это вера ваша», – сказал я ему однажды. Одна из наших встреч дала мне возможность ходатайствовать за Русскую Церковь. Это было в 1935 году, кажется, в тот момент, когда Литвинов находился в Соединенных Штатах с целью восстановления дипломатических отношений и заключения первого договора. Я сказал Рузвельту: «Вы – человек веры, вы должны защищать верующих. Умоляю вас, попросите, чтобы участь христианского народа в России была облегчена». Несколько месяцев спустя новая советская конституция провозгласила свободу отправления культа и возвратила гражданские права духовенству.

Афинагор хорошо знал и Гарри Трумена, с которым он продолжал переписываться. Он видел в нем «боль-

шого государственного деятеля и человека очень простого, исключительно смиренного». Трумен был самым незаметным из вице-президентов, лавочником, как его называли, который занялся политикой, потому что потерпел крах в своем деле. Внезапная смерть Рузвельта привела его к власти в момент решающего выбора; нужно было закончить войну, «реконвертировать» экономику, принять или отвергнуть социальную политику покойного президента. Трумен после ужасного и двусмысленного решения сбросить атомную бомбу на Японию ради скорейшего завершения конфликта, проявлял колебания в области внутренней политики. Война удесятирила производственную мощность страны. Ради чего государство должно вмешиваться, если процветание разрешало все проблемы? Новый президент сумел понять, что экономические механизмы слепы, и если отменить политику всеобщего благоденствия, «карманы бедности» сохранятся. Он вернулся к основным направлениям политики Рузвельта в новом контексте социальной справедливости *Fair Deal*. Афинагор I одобрил *Fair Deal*, как ранее он одобрил и *New Deal* Рузвельта, потому что ему были хорошо известны проблемы неимущего пролетариата, нищета некоторых сельских и городских районов. Я слышал, как он вспоминал о лачугах, где полуголые ребятишки играли рядом с кучей нечистот, которые никем не убирались... Поэтому когда Трумен выставил свою кандидатуру на президентских выборах, архиепископ на один раз отказался от своего невмешательства в политику и принял его сторону. Когда он сам, в свою очередь, был избран на вселенский престол, то на фотографиях нового патриарха, которые публиковались в иллюстрированных журналах, в его руках была «Программа Трумена».

Америка оставила неизгладимую печать на Афинагоре. Дело было не просто во влиянии, но в каком-то более глубоком сродстве. Соединенные Штаты предстали перед ним прежде всего как наконец-то удавшееся многонациональное государство. Отцы-основатели, бывшие крупными землевладельцами, образованными и либеральными, памятуя и о себе, позаботились о том, чтобы в Конституции, которую они составляли, сохранялись права меньшинств. Эта забота, система *checks and balances*, уважение местных свобод в рамках либеральной структуры позволило стране стать гигантским хитросплетением меньшинств. Судьба Афинагора вписана в катастрофу многонационального государства оттоманской империи и в успех огромной разноэтнической и многорелигиозной нации Соединенных Штатов. Можно сказать так: она соединена с крахом эллинизма азиатской Греции и с чудом эллинизма новой американской Греции. На Фанаре, летом, когда перед рабочим столом патриарха проходит столько посетителей и паломников, прибывших из этой Новой Греции, чувствуешь, как Америка словно приносит сюда свою деловитость и заземленность. Греки, когда-то прибывшие на ее гостеприимную землю разоренными, несущими как рану в сердце, сожженную Смирну, смогли обрести себя здесь, разбогатеть, построить свои церкви и школы, никому не мешая при этом своей инородностью, потому что все здесь иммигранты или потомки иммигрантов. На Фанаре я видел Скуросу, театрального магната, владельца четырехсот залов, разбросанных по всему североамериканскому континенту. «Он прибыл туда, когда ему было двенадцать лет, — объяснил патриарх. — Он не знал ни слова по-английски. Он продавал цветы у театральных подъездов». Я видел этого американского грека заседавшим в Верховном Суде штата Вискон-

син, хотя греческое население в этом штате исчисляется десятками тысяч, а немецкое – сотнями. В этом обществе, открытом и суровом, энергичный человек или спаянная община сами куют свою судьбу. Но я хотел бы рассказать об одной паре, прибывшей сюда, чтобы «повидать» патриарха, людях простых, лишенных светскости и интеллигентности. Он, мелкий технический служащий на фабрике, изготавливающей авторезину, плохо выбритый весельчак с черными ногтями, быстро скинувший пиджак. Она, более робкая, настоящая гречанка, отмеченная той особой женской красотой, которая с годами не разрушается, а как бы застывает в неподвижности. Оба они, так сказать, «технари», но люди глубоко верующие. Они полны горячей симпатии к старому человеку, разговаривающему с ними не только о смысле жизни, но также и об их городе, как будто он прогуливался там накануне.

Между Америкой и Афинагором существует своего рода тайное сходство. Оно – в способности без проблем соединять начало мистическое и практическое, духовное видение и эффективность. На рабочем столе патриарха на Фанаре можно видеть с одной стороны портрет святого Нектария, а с другой, рядом с *Мемуарами* Трумена, три небольших томика под названием *Mental Efficiency*.

Избрание Афинагора I было совершенно неожиданным. Дело в том, что в 1946 году вселенским патриархом был избран Максим, человек достаточно молодой. Ему было пятьдесят два года, и ожидалось, что он еще долго будет управлять Церковью. Но вскоре после этого он был поражен душевной болезнью – своего рода ужасом перед священным, – которая вынудила его к отречению. И вот после этого 1 ноября 1948 года был избран Афинагор I.

Афинагор регулярно посещает своего больного предшественника. «Перед тем как идти к нему, я никогда не забываю снять с себя все знаки моего сана, чтобы не причинять ему боли». Мне случалось видеть патриарха тотчас после этих визитов. Он был печален, долго хранил молчание. Однажды он рассказал мне, какой замечательный человек Максим, как остры его страдания, ибо кризисы, которые мучат его, переживаются при полном разуме. Я пустился в рассуждения о провиденциальной роли, выпавшей на долю нынешнего патриарха, которую он не мог бы сыграть без душевной болезни Максима. Жестом он заставил меня замолчать: «Кто знает? – сказал он, – кто знает?»

Афинагор I прибыл в Стамбул 26 января 1949 года на борту личного самолета президента Трумена. Его интронизация состоялась на следующий день.

Американская политика была направлена на примирение Турции и Греции в целях сдерживания сталинского проникновения на Балканы в тот момент, когда югославский раскол и окончание гражданской войны в Греции благоприятствовали их союзу. Афинагор I был фигурой, казалось, наиболее способной содей-

ствовать сближению греков и турок. В более широком плане от него ожидали, что его престиж поможет Константинопольскому патриархату создать в православном мире противовес влиянию патриархата Московского. Война и национальное сплочение, которое она вызвала, открыла возможность для реорганизации Русской Церкви, которая стремилась объединить вокруг себя Церкви-сестры, находившиеся, кстати, за железным занавесом. Традиционный престиж этих Церквей в арабском православии способствовал русскому проникновению на Ближний Восток. В 1948 году на праздновании 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви в Москве состоялось совещание с самым широким представительством православных Церквей, антизападная направленность которого была выражена со всей резкостью.

Однако история и неисповедимые ее судьбы с одной стороны, и ясновидческий дар Афинагора с другой, нарушили все эти расчеты и предвидения. Греко-турецкое сближение не выдержит кипрского кризиса. А новый патриарх станет апостолом всех православных Церквей, но не вопреки Москве, а вместе с ней.

Мы не знаем точной даты, когда был обращен в христианство маленький греческий городок Византия, и когда он получил епископскую кафедру. Как говорит предание, впрочем, достаточно позднее, христианскую общину здесь основал апостол Андрей. Патриарх Константинопольский Никифор в конце VIII века даже утверждал: «Апостол Андрей проповедовал Евангелие в Византии, учредил здесь культ и поставил епископа по имени Стахий, о котором говорит апостол Павел в Послании к Римлянам». 3 марта 357 г., вскоре после того, как Византия стала Константинополем, сюда были перенесены мощи Апостола. Анд-

90

рей «Первозванный» стал поэтому небесным покровителем города, где ему было посвящено пять церквей.

Однако Константинопольская кафедра вовсе не обязана своей значимостью этому не вполне исторически доказанному, легендарному апостольскому деянию. «Апостольскими кафедрами» вообще никого не удивишь на Востоке. Но превращение Византии в столицу христианской империи быстро сделало ее и великим духовным центром. Святой Григорий Назианзин, которого, за прославление им тайны Пресвятой Троицы, тайны, составляющей сердце подлинного «богословия», называют на Востоке «Богословом», в конце IV века, после господства арианских императоров, восстановил православие в столице. Он стал ее епископом и сыграл решающую роль в работе Второго Вселенского Собора, собравшегося в этом городе. Тот же Собор воздал особую честь Новому Риму: «Константинопольский епископ, – говорит третий его канон, – имеет первенство чести после епископа Римского, потому что Константинополь – это Новый Рим». Вскоре эта Церковь распространила свою юрисдикцию на область Фракии и Малой Азии. Святой Иоанн Златоуст, самый знаменитый среди тех, кто занимал эту кафедру, утверждал или отменял избрания епископов в этих районах, не вызывая ни у кого протеста против такого рода – уже «патриарших» – актов. В 451 году Четвертый Вселенский Собор был собран в азиатском пригороде Константинополя Халкидоне; он подтвердил правомочия нового патриарха и в своем двадцать восьмом каноне наделил его «прерогативами»*, равными прерогативам Рима. Канон 9 и 17 того же Собора признают определенное право апелляции к Константинополю. Наконец в VI веке епископ столицы принимает титул «вселенского патриарха», что никоим образом не влечет за собой отрицания римского

первенства, но подчеркивает связь, соединяющую патриархат с империей как с политической организацией христианской *ойкумены*. Эта вселенская роль была постепенно перенесена и в духовную сферу благодаря сохранению и углублению православной веры. Пятый и Шестой Вселенские Соборы, собиравшиеся в этом городе в 553 и 680 годах, стали важными этапами в выработке христологической доктрины. Значительную роль сыграли Соборы 1274, 1341 и 1351 годов, пролившие свет на тайну Духа Святого и благодати обоже-ния. На пороге второго тысячелетия Вселенский патриархат проделал огромную миссионерскую работу в славянских, румынских и кавказских землях. Он становится Церковью-Матерью всех православных Церквей, за исключением старых патриархатов Александрии, Антиохии и Иерусалима, ослабленных к тому же «монофизитским» расколом и вторжением ислама.

Начиная с XI века удаление от латинского мира сделало патриарха Нового Рима первоиерархом православной Церкви без всякого ущерба для традиционных прав епископа Римского, в случае если бы единство веры было восстановлено. В XIII веке титул этот звучит так: «Милостью Божией архиепископ Константинополя, Нового Рима и вселенский патриарх». После падения византийской империи, патриарх, как мы видели, становится «этнархом» православного народа, подчиненного оттоманскому владычеству. Он принимает титул «Его Святейшества» и печать *базилевса* : двуглавого орла, над которым возвышается крест.

* Слова «Ты – Петр и на этом камне воздвигну Церковь Мою» обращены Христом к апостолу Петру (Мф 16.18). «Примущества же престола Нового Рима основываются на том, что град, получивший честь быть градом царя и синклита... и в церковных делах будет возвеличен подобно ветхому Риму и будет вторым (М. Поснов, *«История Христианской Церкви»*, Брюссель 1964, стр. 295, 296.

Вплоть до XIX века, несмотря на все тяжкие испытания, выпадавшие на долю греков и славян, первенство Константинополя не вызывало возражений. Речь шла о первенстве в братской любви, которая отнюдь не навязывала себя поместным Церквям, но хранила их согласие. Начиная с VI века, взаимозависимость римского первенства и епископской коллегиальности сложилась на Востоке в систему «пентархии», т.е. согласия главных апостольских кафедр, следующих по порядку чести: Рима, Константинополя, Антиохии, Александрии, Иерусалима. После раскола в православии сохранился тот же традиционный канонический порядок. Вселенский патриарх служил порукой сотрудничества поместных Церквей в согласии с тремя восточными патриархами, которых он созывал на Соборы, куда их сопровождало множество епископов. Так собирались Соборы 1484, 1735, 1848 и 1872 годов, последние два из которых имели исключительное экклезиологическое значение. Независимость Русской Церкви никоим образом не нарушила этой организации. Томос 1589 года, учреждавший в этой Церкви патриаршество, который подписали патриархи Константинополя, Антиохии и Иерусалима и восемьдесят один митрополит, указывал, что «Московский патриархат, как и другие патриархаты, имеет своей главой и своим началом апостольскую кафедру Константинополя». Нестроения, возникшие в Русской Церкви в XVII веке, заставили патриарха Московского Никона обратиться с апелляцией к Константинополю с тем, чтобы утвердить решение поместного собора, что позволило апостольской кафедре еще раз подчеркнуть, что «вследствие поврежденности Римской Церкви, прерогативы ее перешли к Константинопольской кафедре, и что в случае конфликта между поместным первоиерархом и его епископами определяющим становится

решение патриарха Константинопольского, принятое в согласии с его восточными братьями».

Тем не менее упадок, а затем и крушение оттоманской империи в XIX и XX вв., обретение независимости народами во всей Юго-Восточной Европе, увеличение числа национальных Церквей в конце концов свело к минимуму непосредственную юрисдикцию Константинополя и сделало недействительным все то, что еще могло остаться от Пентархии. Фанар понимает, что необходимо провести реорганизацию и что первоначальные права и председательство вселенской кафедры могут сохранить свой смысл только в согласии со всеми Церквями-сестрами и лишь в служении их единству. Константинополь собирает две всеправославные конференции в 1923 и 1930 году с непосредственным представительством всех автокефальных Церквей. Однако трагическая ситуация Русской Церкви препятствует успеху этих попыток. В то же время многие сообщества, вышедшие из этой Церкви, путем эмиграции или установления новых границ, обращаются к Церкви Константинополя, которая, за пределами национальных групп, служит порукой вселенскости православия и в исключительных ситуациях становится последним оплотом. Вселенский патриарх в период между двумя войнами берет под свое покровительство Церкви, которым он дает автономию. Речь идет о Церквях польской, финской, прибалтийских стран, равно как и о Церкви основной частью русской эмиграции в Западной Европе. Однако, Московский патриархат не принимает этих решений и после 1945 года реорганизует по-своему те из этих Церквей, которые находятся по его сторону «железного занавеса». Он разрабатывает еkkлeзиологию, которая практически исключает существование какого-либо центра всеобщего согласия; и в этой перспективе «абсо-

лютного автокефализма» православие определяет себя как конфедерацию независимых Церквей, каждая из которых наделена безраздельным правом самостоятельных действий. Русская Церковь в этой конфедерации в силу своей численности, должна получить решающий вес.

1949: Константинополь и Москва представляют собой два различных понимания Церкви и принадлежат двум политическим мирам, находящимся в состоянии «холодной войны». С точки зрения «реалистических» наблюдателей православие стало как бы «двухглавным», оказалось перед угрозой раскола.

1969: собрано пять всеправославных конференций, происходит подготовка к вселенскому собору, и все это – при полном сотрудничестве Московского патриархата. Таков итог деятельности Афинагора I. Он сумел разрешить спорные вопросы, имевшиеся между Константинополем и Москвой. Из самостоятельных Церквей, возникших между двумя войнами, он, с согласия Московского патриархата, сохраняет под своей эгидой лишь Церковь Финляндии. В 1965 году он отказался от русского экзархата в Западной Европе в надежде, что русская диаспора станет организованным церковным целым. Он объединил православие, утверждая первенство Константинополя не как юридическую власть, которой добиваются или которую навязывают, но как жертвенное служение.

Если сегодня Константинопольская Церковь являет собой центр согласия ста шестидесяти миллионов православных, ее непосредственная юрисдикция распространяется лишь на три миллиона из них. Сила и гарантия чисто духовного ее присутствия утверждаются са-

мой этой диспропорцией, скорректированной, однако, недавним планетарным рассеянием греков, символизирующим новую ситуацию – и новое бремя ответственности – с коим столкнулось православие.

Непосредственная юрисдикция патриархата включает в себя Константинопольскую архиепископию и четыре митрополии (Халкидона, Деркона, Принцевых островов, островов Имброса и Тенедоса) в Турции; в Греции – четыре митрополии Додеканеза (принадлежавшего Италии до 1945 года) и патриарший экзархат на Патмосе, где монастырь непосредственно зависит от Константинополя; в рассеянии – четыре митрополии в Европе, архиепископию в Северной и Южной Америке, архиепископию в Австралии и Новой Зеландии. Критская Церковь наполовину автономна; ее митрополит назначается Константинополем после консультации с местным синодом. Финляндская Церковь самостоятельна: ее примас, архиепископ, выбирается духовенством и народом, затем утверждается патриархатом. Наконец монашеская республика на Афоне (где гражданская администрация, назначаемая греческим государством, играет все возрастающую роль) находится в верховной юрисдикции Константинополя.

«Константинополь – перекресток всего мира, – говорит патриарх. – Здесь встречаются Восток с Западом, Азия с Европой, но также и славянский Север с африканским Югом». Царственный город с местоположением столицы мира, пересеченный морским проливом, так что один берег его находится в Азии, другой в Европе. На передних холмах Юстиниан возвел храм Софии-Премудрости, дабы превзойти Соломона и сделать город символом Нового Иерусалима. Сулейман возвел свою мечеть, чтобы превзойти Юсти-

96

ниана, а Ахмед окружил эту мечеть шестью минаретами, чтобы сделать свою столицу новой Меккой. Все они стремились воплотить своего рода апокалиптическое видение завершенного града, где «кристаллизуются честь и слава народов», где само море – это не враждебная стихия, но река жизни. И само название города «Истанбул», официально введенное Ататюрком, разве не означает оно «обращенный к городу» *is tin bolin*, как говорили завоевателям византийские крестьяне, город, в котором началось созидание вечного Града?

«Мы, православные греки, живущие под турецким подданством, лояльные граждане, мы не просим ничего иного, кроме уважения Конституции, но мы знаем, что здесь мы у себя дома. Уже три тысячи лет».

Согласно Страбону, городом матерью Византии в начале первого тысячелетия до нашей эры была Мегра. «Мегрцы, предводительствуемые Визом, выслушав Дельфийского оракула, отправились на Север». Они расположились напротив другой греческой колонии – Халкидона, основанной, как сказал оракул, «слепцами», ибо они пренебрегли великолепным естественным портом Золотого Рога.

Константин, когда он преобразовал этот провинциальный город в столицу всей империи, возвел в центре его колонну, у подножия которой он сложил все те священные предметы, которые символизировали два призвания города – призвание быть новым Римом и знаменем нового Иерусалима: здесь зарыты топор Ноя, скала, из которой Моисей извлек воду, корзина умножения хлебов, сосуд для мира, принадлежавший евангельской блуднице, – и Палладиум, эта деревянная статуя Афины-Паллады, упавшая с неба, чтобы защитить Трою, и принесенная Энеем в Италию, за-

тем ставшая великим талисманом Рима. Так, в сердце этого города было как бы заложено воспоминание о космическом завете Ноя, о законе Моисеевом, о парадоксе Бога воплощенного, не отвергающего и блудницы, пришедшей помазать Его драгоценным миром – и воспоминание о Риме, силе земной, поставленной на служение Христу.

В 1105 году, когда в Византии тяга к пространству стала уступать место жажде Духа, колонна, на которой стояла статуя Константина, обрушилась. Но предметы, находившиеся у ее подножия, смешались с землей города, той почвой, что благодаря хранению стольких мощей и свидетельству стольких святых стала «землей небесной».

Византия мирская, столь обесславленная, была весьма многообразной по своему «человеческому составу», который мы еще отнюдь не изучили до конца. Ее следует сравнивать не столько с западноевропейским средневековьем, сколько с эпохой Возрождения и древнего гуманизма, ибо она и вправду время от времени переживала возрождение античного гуманизма, но последний был уравновешен, зачастую преобразен Светом христианства... Разве зодчие Святой Софии не были инженерами, влюбленными в геометрию, имевшими опыт использования силы волн и сжатия пара?

Византия была по-своему современна: государство и Церковь брали на себя расходы по медицинскому обслуживанию бедняков, а в больницах даже работали женщины-врачи. Правила городского строительства определяли широту улиц, сообразовывали с ландшафтом высоту домов и оставляли квартиры с видом на бесчисленные античные статуи, привозимые со всего греческого мира, не за самыми богатыми, но за самыми образованными.

Демократия Византии – демократия насильственная и утонченная. Никогда наследственный принцип, несмотря на весь престиж «порфирородных» князей не мог утвердить себя во главе государства. Кто угодно мог стать императором, если он был избран Сенатом, армией и народом, кто угодно мог стать императрицей, если ее избрал император; так известно, что самая мужественная и умная *basilissa* поначалу играла в самых низкопробных спектаклях, где лебеди клевали ее половые органы. Наконец цирковые игрища давали народу возможность дать выход своим страстям, когда он принимал сторону тех или иных партий, боровшихся на арене и обозначенных различными цветами, символизовавшими воздух, воду, землю и огонь. Иногда на этих игрищах происходили прямые разговоры, а порой даже драматические пререкания с самим императором.

Однако нам говорят о цезаро-папизме. Мы должны отдавать себе отчет в его границах.

Византийская Церковь никогда не знала теории «двух мечей». Она никогда не притязала на владение мечом государственным. Она согласилась с тем, что империя, по принципу «симфонии», служит лишь временным пристанищем Церкви на земле. Она пошла даже и на некоторое административное сращение Церкви и государства. Однако это сращение никогда не уничтожало строгой духовной границы между ними. Так в недрах ее возникло монашество, возникло как вызов христианской империи, вдохновляя и одновременно преодолевая ее. Монахи не были ни священниками, ни эрудитами – гуманистическая культура шла своим путем – но просто мирянами, одушевленными евангельским гуманизмом, и пророками грядущего Царства. Всю византийскую историю и культуру про-

низывает скрытое противоречие между имперской пышностью и монашеской бедностью. Ибо Церковь, внешним образом включенная в государство, признала в монашестве то, что ранее она прославляла в мученичестве: «нормальное» выражение христианской жизни, которое оспаривает самодостаточность этого мира. Монашеская молитва стала для православия источником приходского богослужения, как и образцом духовной жизни в целом.

Более того: всякий раз, когда императоры из соображений политических стремились навязать Церкви догматические компромиссы, монахи, воодушевляя пророчески весь народ Божий, воздвигали против государства подлинную Церковь исповедников, которая в конце концов побеждала. Побеждала не насилием, но мученичеством. Ибо «христианские» императоры были скоры на пролитие крови мучеников, в особенности в VIII веке, во время иконоборческих споров. И тогда были выкованы окончательные формулы: «Империя не должна принимать решений в области веры». «Миссия императоров – наблюдать за благом государства, но только пастырям надлежит наблюдать за делами Церкви». В это время в имперском искусстве триумфальный цикл, унаследованный от Поздней Империи и прославляющий императора победителя, уступил место теме *базилевса*, простирающегося у ног Христа.

И даже более того: Византийская Церковь, несмотря на всю свою слабость и порой раболепство, неуклонно отстаивала двойное требование свободы и справедливости. В этой перспективе, если власть государства поневоле основана на принуждении в силу греха, буйство которого она должна ограничить, то когда дело касается духа, то его, государство, ограничивает Церковь. Следует процитировать здесь свято-

го Иоанна Златоуста, являющего собой как бы образец патриарха Константинопольского. «Пока гражданская власть является властью меча и принуждения, власть пастыря будет властью слова и убеждения». «Я привык переносить преследования, но не преследовать, быть угнетенным, но не угнетать. Ибо Христос восторжествовал не распиная других, но сам будучи распятым». «Нет веры по принуждению», – напоминал в XIV веке Иоанн Кантакузин. Свобода при определенных исторических обстоятельствах не является удобством для Церкви. Она есть само содержание ее вести, потому что именно на Кресте проявило себя всемогущество Божие.

С требованием свободы соединяется требование справедливости. Греческие Отцы – святой Василий и святой Иоанн Златоуст – поняли буквально двадцать пятую главу Евангелия от Матфея и уравниали Христа с бедняком. Бог не сотворил одних богатыми, а других бедными; несправедливость сможет исчезнуть лишь тогда, когда блага земные окажутся в распоряжении всех. От святого Иоанна Златоуста в V веке до Афанасия II в XIX веке многие Константинопольские патриархи перед лицом сильных мира сего становились ходатаями и защитниками пролетариата огромного города. Лишь с великими западными расколами, отозвавшимися и на Востоке, замкнувшемся в своих литургических ритмах и как бы убаюканном ими, в нашем веке возникло трагическое противопоставление Христа-бедняка Христу Евхаристии.

В Стамбуле ничего не осталось от земного величия Византии. Исчезли дворцы и статуи. Сохранились только крепостные стены, форма города, как душа является формой тела, и на большой площади, где находился ипподром, «змеевидная колонна» и обелиск

Карнака. Обелиск с своей порфирной стрелой неведим и чист как безлика вечность. Сделанная из трех бронзовых переплетенных змей, колонна была открыта во времена Дельфов греческими полисами, чудесным образом одержавшими победу над персами при Саламине и Платее. Здесь вся судьба Византии: эта встреча между Востоком и Западом, небесным провозглашением вечного и земным требованием свободы для личности и для полиса. Синтез и преодоление заключены, может быть в этой богочеловечности, о которой свидетельствует Византия духа, как бы растворявшаяся в молитвенном стоянии.

«Византийская литургия, – говорит Луи Буйе, – это поистине священное празднество, где все начала христианского гуманизма, гуманизма не случайного, но единственно сущностного, служат прославлению Божию». Истинными творцами в Византии были не эти утонченные платоники или эти мастера в искусстве малых жанров, о которых постоянно вспоминают западные историки, но те музыканты, те поэты, те архитекторы, что с помощью целостного, литургического искусства низвели небо на землю воплощенным в непреходящей красоте.

Когда Мехмед II захватил Византию, она была лишь тенью себя самой. От миллиона жителей города осталось не более пятидесяти тысяч, и «паук плел свою паутину во дворцах», как ностальгически повествует *Фатих*, Завоеватель. Хорошо знакомый с мыслью древней Греции, он имел особую склонность к стоицизму. Не раз он заказывал свои портреты у итальянских живописцев. Два из этих полотен выставлены в музее Топкапи Сарай. На портрете художника Джентиле Беллини лицо поражает своей изысканностью и меланхолией, длинным и тонким носом, замкнутым

ртом. Этажом ниже на портрете кисти Констанцо ди Ферраро, подчеркнута массивность шеи и плеч. Тонкое лицо становится резким на фоне массивности. Орел отдыхающий, орел задумавшийся...

Топкапу Сараи. Сады, нависшие над морем павильоны, альбомы султанов и их миниатюры наводят на мысль о развитом строе чувств. Эта красота иная, отличающаяся от красоты византийской, красота не преображенного эроса, но эроса чувственно утонченного. За нею угадывается животная невинность, соединяющаяся всегда с определенной жестокостью, сексуальность тяжелая, лишенная нежности, но не лишенная ностальгии. Эту ностальгию выражают даже сады: здесь ощущается близость Персии, где сад носит имя *пардес*, *парадиз*... Сады, просвечиваемые насквозь, не густые, но глухо заросшие разнообразной зеленью, где каждое дерево, каждый цветок одиноко возносит себя в четырехугольном пространстве. Это пространство повсюду пронизано тихо пламенеющими розами и соразмерно посаженными хвойными деревьями, как бы раскрытыми жарой в их сокровенной сущности, ибо этот сад – сад запахов... В конце XVII века турки полюбили цветники из тюльпанов, куда ночью они выпускали черепах, к панцырю которых они прикрепляли свечи. «День, когда турки вошли в Константинополь, – рассказал мне патриарх, – был праздником святой Феодосии; по этому случаю церковь, посвященная ей, была украшена цветами. Завоеватели, увидев цветы, пощадили церковь и молящихся в ней. Они называли ее «церковью цветов».

Такова невинность жестокости, которая определяет Восток. На альбоме Сулеймана Великолепного цветущие миндальные или персиковые деревья образуют с кипарисами символическую конфигурацию жизни и смерти. И с такой же изысканной четкостью, выра-

женной в растительном мире, сражения и пытки представлены в саду: отрубленная рука, торчащая среди цветов, и как бы истекающая их кровью.

От своего кочевого прошлого, от долгой связи с животным миром, турецкое искусство сохранило поразительное восприятие хищника, которое запечатлено, скажем, в альбоме миниатюр Завоевателя. Острое видение мускулатуры, связок, суставов: животное сведено к сплетению мускулов, оно ощущается не как комочек вечности на японский манер, но как скрученность силы. Здесь можно угадать преемственность с хеттским и месопотамским искусством, на которую, не обращая внимания на насмешки, указал Ататюрк...

Любовь к цветам, жизненный порыв хищника, присутствие смерти. Здесь, в тени ислама, «под сенью Божией», существовала культура изысканная и суровая, умевшая создать истинную красоту.

Затем – встреча с современным Западом, подобная шоку, крушение оттоманской империи. Народ этот, в особенности в неимущих слоях, сумел обнаружить подлинное благородство, чувства, может быть, узкие, но интенсивные и чистые: любовь к земле, нежность отца к детям, целомудрие влюбленных и способность этих людей молчать, застыв в спокойной и строгой позе с темными глазами, плоскими и в то же время бездонными. Они были хорошими солдатами, хорошими поэтами, великими мистиками, однако умение ориентироваться в современном мире требует другого. Нередко греки и армяне пользовались ими по-своему, вот почему они их ненавидели.

Затем пришел Ататюрк. Патриарх научил меня понимать его величие. Из руин оттоманской империи и мусульманской империи он, прибегнув в кесареvu сечению, принял роды современной нации. Он отверг два искушения стран третьего мира: религиозный фа-

натизм и псевдорелигиозный коммунизм, который рациональный уклад современного мышления ставит на службу такому же фанатизму. Он проложил путь для современной Турции, терпимой, способной принять на себя ответственность за все пространство своей земли и своей истории. Но для того, чтобы гениальные замыслы были осуществлены в жизни, народу требуется пройти еще долгий и длительный путь.

Вот почему Стамбул, где с 1949 года живет Афинагор I – это город, в котором пересекаются и наслаиваются друг на друга разные миры, несколько не навязывая друг другу какого-то однообразия. Бейоглу, древняя Пера, космополитический город с его греческими и армянскими купцами, архитектурой 1900-ых годов, ныне несколько обветшалой, перерастает на севере в современные кварталы, где на холмах, нависающих над Босфором, тон задает уже молодая турецкая архитектура. Старый город, стоящий еще на византийской закладке, с несколькими греческими кварталами, старинный еврейский квартал со своими западными окраинами, ныне прорезан современными улицами, насильно окружен и еще более насильно пересечен гигантскими шоссейными дорогами. У вокзала, в районе Базара и на других окраинах все еще господствует Восток, «пролетаризированный» посредственной современной застройкой, однако заселенный тем людом, стиль жизни которого, медлительный и праздный, мы, европейцы, утратили. За фасадом больших городских артерий, придавших современный облик древнейшим путям, не изменившимся с IV века, стоят высокие деревянные дома, чуть-чуть расширяющиеся от одного этажа к другому, с окнами в форме гильотины, откуда выходят иногда изогнутые трубы дымоходов.

Город урчит, коротко лают тяжелые американские автомобили, которые работают здесь как маршрутные такси, глубоким басом ревут корабли.

Стамбул – песочные часы с двумя стрелками, два плавающих моста, пересекающих Золотой Рог и открывающихся по ночам, чтобы пропустить большие пароходы. Какой-то возглас раздается с Галатского моста, самого близкого к открытому морю. Внизу рыбак разжигает жаровню прямо на своей лодке и жарит для покупателей, ожидающих на набережной, рыбу, которую он только что поймал.

Холмы, протягивающиеся осью через старый город, покрыты широкими куполами. Эти холмы кажутся легкими и пористыми, сложенными из полых кирпичей – словно из птичьих костей. Они как бы воспроизводят очерченный минаретами Купол небесный, откуда влажный свет расстилается тончайшим облаком.

После «обмена населением» в Турции могли остаться только стамбульские греки. Лозаннский договор закреплял за еврейским и христианским меньшинством тот статус, который был у них в османскую эпоху, когда они жили под собственным «законом». Однако, когда Мустафа Кемаль в конце 1925 года принялся за проведение реформ, меньшинства добровольно отказались от своих привилегий в «предвидении скорого введения западного гражданского кодекса». Действительно, 17 февраля 1926 года Турция приняла швейцарский гражданский кодекс, дополненный в последующие месяцы итальянским уголовным кодексом. Тем временем новый закон делал обязательным преподавание турецкого языка в школах, так что новое поколение православных греков стало свободно говорить по-турецки, что было отнюдь не характерно для их предков.

Отказ от персонального статуса, которым христиане и евреи пользовались в османскую эпоху, был компенсирован в 1928 году. 10 апреля всякие ссылки на ислам были исключены из Конституции, Турция официально стала светской республикой. Это была эпоха, когда Ататюрк раскрепостил женщину, реформировал язык, ввел латинский алфавит, стремясь привить своей стране новое историческое сознание, соотносящееся не с исламом, но с историей земли и всех народов, ее населявших, начиная с хеттов, а затем, конечно, и византийцев...

3 декабря 1934 года секуляризация выразила себя символическим жестом: запретом ношения культовых одеяний за пределами богослужебных зданий. Только глава каждой из общин освобождался от этого запрета. Так и в наши дни можно видеть, как патриарх Афи-

нагор в большом монашеском подряснике запросто усаживается посреди простого турецкого люда на небольшом парходике, обслуживающем Принцевы острова...

Новая Конституция, введенная 9 июля 1961 года, сохранила за государством его светский характер. Статья 19 предоставляет каждому гражданину право «свободно следовать побуждениям своей совести, придерживаться любых религиозных верований и иметь собственные убеждения...» И статья 135 уточняет: «Законы Реформы, обеспечивающие сохранение светского характера государства, не поддаются никакому неконституционному толкованию».

И тем не менее страх, гордость и ненависть не исчезают так скоро.

Родившийся в оттоманской империи, новый патриарх был признан турецким гражданином и был доброжелательно встречен в Стамбуле, где пресса отнеслась к нему с симпатией.

С первых же шагов, столь непосредственных, но глубоко символичных, секрет которых известен только ему одному, он успокоил умы, разоружил всякое недоверие. Например, он решил, что патриархат, как и все общественные здания, будет украшен национальным турецким флагом. Он быстро добивается от правительства либерального закона, позволяющего лучше реорганизовать православные общины. В 1951 году ему удается организовать издание еженедельной газеты *Apostolos Andréas*, содержащей официальную информацию патриархата и живые размышления о сегодняшней религиозной жизни.

6 января 1952 года, с поощрения правительства, патриархат торжественно освятил Босфор, поскольку праздник Богоявления, т.е. Крещения Христа, соединяется в Православной Церкви с освящением воды.

Как нам было хорошо тогда! Отношения между турками и меньшинствами установились превосходные. На улице турки целовали мне руку, называли меня «отцом»... Впервые патриарху нанес визит премьер-министр. Я посещал наши школы, разделял трапезу с учениками. В то время мне чинили кое-какие трудности в связи с этими визитами. Тогда я попросил разрешения посещать турецкие школы, ибо они весьма интересовали меня, и мне его охотно дали. Посетив нашу школу, я отправлялся в одну из турецких...

В то же время патриарх содействовал развитию дружеских отношений между Турцией и Грецией. 28 февраля 1953 года в Анкаре был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Грецией, Турцией и Югославией. 9 августа 1954 года соглашения, заключенные в Бледе, предусматривали образование общей консультативной ассамблеи трех стран, собираемой поочередно в каждой из трех столиц.

В то время я мог говорить даже, что граница Турции проходит по Корфу, а Греция простирается до Кавказа... в то время существовал не только интенсивный туризм между двумя странами, но и культурные связи: греческие профессора приезжали сюда с чтением лекций, греческие актеры играли в Стамбуле и даже в Анкаре. Но возможность, которая тогда представилась, была упущена.

Все рухнуло из-за проблемы Кипра. Архиепископ Макариос – это, кажется, единственный человек, о

котором патриарх говорит иной раз с горечью: «Он не соразмерил своей ответственности. Ему не следовало становиться политиком».

В конце 1954 года с поощрения греческого правительства на Кипре подымается волна терроризма. 1 апреля 1955 года греки, живущие на острове, под руководством архиепископа пытаются, впрочем, тщетно, осуществить *энозис*, т.е. присоединение к Греции.

Турция обеспокоена как судьбой турецкого меньшинства на острове, так и собственной безопасностью. Воспринимая русских как исконных врагов, она видит в то же время, что крайне левые течения достаточно сильны как в Греции, так и на Кипре. Энозис должен стать вызовом турецкой обороне. «Кипр находится под животом Турции, – сказал мне патриарх. – Турция никогда не могла бы пойти на этот риск...»

Только после турецкой революции 1960 года можно было узнать о том, как была срежиссирована драма, разыгравшаяся в Стамбуле. 29 августа 1955 года в Лондоне дипломаты были заняты поиском решения кипрского вопроса. Греческий делегат упомянул, между прочим, что турецкий народ почти не интересуется Кипром. Турецкий министр иностранных дел, задетый за живое, телеграфировал в Анкару: требуются народные манифестации. Их подготавливают. 5 сентября в Салониках взрывом повреждено турецкое консульство и соседнее здание, в котором родился Мустафа Кемаль. Этот взрыв служит предлогом. На следующую ночь волна возмущения прокатывается по главным турецким городам. В Стамбуле она превращается в настоящий греческий погром. Его заправили, разъезжающие на грузовиках, снабжены адресами. Чернь, охваченная старым фанатизмом, придает делу неожиданный оборот. 2500 греческих жилищ и магазинов

разрушено, большая улица Перы – Истиклал Кадези – завалена обломками. Сотня церквей разграблена, десять из них сожжено, некоторые стерты с лица земли. Священники избиты, один – досмерти. Полиция и войска вмешиваются повсюду слишком поздно. За исключением Фанара, куда погромщики шли, чтобы все разметать и сжечь, и который был спасен как раз вовремя.

Для патриарха это было испытанием Иова. Все его усилия помирить греков и турок как в самом Стамбуле, так и путем сближения двух стран, разметены в прах. В Греции его абсолютная лояльность по отношению к турецкому государству вызвала кое у кого обвинения в предательстве греческого дела. В Турции его отказ осудить Макариоса в церковном плане стоил ему обвинений со стороны националистов и крайних экстремистов в том, что он является тайным сторонником *энозиса*.

После 6 сентября, если остановиться именно на этом дне, он отказывается от протестов. Он также не говорит об этом дне, который поставил под вопрос будущее его народа. Конечно, государство возместило убытки жертвам, помогло восстановить разрушенные церкви. Но доверие православного меньшинства было подорвано. И каждое обострение кипрской проблемы влекло за собой новое давление. То по соображениям удобства городского строительства собираются снести Фанар. То в 1964 году за «деятельность, направленную против безопасности государства» высылаются два члена Синода, оба – близкие сотрудники патриарха. Типография патриархата закрывается, и ее издания, в том числе и *Apostolos Andréas*, перестают выходить. Богословский факультет в Халки реквизируется в пользу военно-морской школы. По-

сле трех лет терпеливых переговоров патриарх добивается его возвращения, он обновляет и украшает здание, но все это лишь для того, чтобы узнать, что никакой иностранный студент не может более учиться здесь, что Халки тем самым лишается своей всеправославной и вселенской роли.

Греки, избравшие греческое подданство, высылаются из страны. Уезжают и многие из тех, кто имеет турецкое подданство.

Эту трагедию патриарх переживает с мучительной и кроткой ясностью. Он не теряет надежды. Уже много раз греки покидали Константинополь. В 1510 году их оставалось не более пяти тысяч. Затем они вернулись... При каждом случае патриарх настойчиво напоминает о политической лояльности православных как турецких граждан. Духовенству патриархата, рассеянному по всему свету, он запрещает заниматься политической деятельностью. Однако этот нейтралитет, знаменующий собой смирение перед политической реальностью и преодоление ее, означающий открытость ко всем, ныне вызывает враждебность к нему со стороны греческого военного режима. Этот режим хотел бы использовать духовенство диаспоры. Столкнувшись с бескомпромиссным отказом патриарха, он аннулировал права Константинополя на епархии Северной Греции.

Может быть, все эти превратности понадобились для того, чтобы патриарх выпрямился во весь рост. После того, как трагическая история отобрала у него все, ограбив его и надругавшись над ним, он стал человеком всего мира, слугой православного единства, единства христианского, единства человеческого.

Однако он остается прежде всего пастырем своего народа, бодрствующим рядом с ним. И только среди этого народа мы можем по-настоящему узнать его.

«ЕПИСКОП В ЦЕРКВИ И ЦЕРКОВЬ В ЕПИСКОПЕ»

Как глава Церкви «Константинополя – Нового Рима» патриарх не отделим от Святейшего Синода, состоящего из двенадцати митрополитов. На сегодняшний день они не могут представлять всех епархий, находящихся в юрисдикции вселенского патриархата, поскольку члены Синода должны быть лишь турецкими гражданами. После «обмена населением» большая часть их кафедр остается номинальной, по сути только четыре из них управляют реальными митрополиями. В поздневизантийскую эпоху Синод официально был сформирован из епископов, находившихся проездом в столице. Он так и остался официальным органом, куда кооптируются только епископы Турции.

Патриаршее управление охватывает два больших отдела. Большой викариат занимает архиепископия Константинопольская, секретариат по делам митрополий, полуавтономных или автономных Церквей, которые по всему миру находятся в ведении патриархии. Основной викарий и главный секретарь, оба в сане митрополита, имеют штат архидьяконов, дьяконов и светских сотрудников.

Патриарха избирает не Святейший Синод, а главный Синод, который еще в османскую эпоху объединял всех митрополитов патриархата и делегатов-мирян. После 1923 года для того, чтобы подчеркнуть исчезновение системы «этноархов» и сугубо поместный характер патриархата, только митрополиты Турции могут участвовать в большом Синоде. Избрание происходит в два этапа: сначала путем назначения трех кандидатов из епископов и архимандритов, имеющих турецкое гражданство, а во втором туре патриарх избирается из трех кандидатов.

Вселенский патриархат управляется совместно Святейшим Синодом и патриархом, и этим подчеркивается неизменно коллегиальная основа первенства последнего. Всякое решение принимается «патриархом в присутствии Синода». Синод собирается каждую неделю. Патриарх вырабатывает и представляет повестку дня, так что Синод рассматривает только те вопросы и только в том направлении, которые указывает патриарх. Но решение принимается большинством голосов, и патриарх не голосует, за исключением тех случаев, когда голоса разделяются поровну. Работа Синода подготавливается и продолжается двадцать одной комиссией, секретарями которых являются священники, дьяконы или профессора-богословы в сане или без сана. Самые важные из этих комиссий занимаются межправославными и межхристианскими связями, каноническим правом, финансами, диаконией, т.е. социальным служением. Патриарх со своей стороны располагает патриаршей центральной церковной комиссией, состоящей из десяти членов – двух митрополитов, пяти епископов, и трех архидьяконов «великой архидиаконии»...

Появление Афинагора I внесло дуновение свежего ветра в этот довольно замкнутый мирок. В Синоде царила психология гетто, он был ограничен лишь местными интересами. Новый же патриарх, напротив, ощущал православие всемирным, он был полон экуменических чаяний, нес в себе ритмы планетарной истории. После некоторой перестройки у него сложились устойчивые и почтительные отношения с Синодом, позволяющие ему отличать существенное от второстепенного, твердо отстаивая первое и уступая в последнем. Его окружение прониклось к нему особым уважением, благодаря тому воздействию его личности на окружающих, которое постепенно завоевало

ему всемирное признание; это сказалось прежде всего после 1961 года, т.е. после того как его политика объединения православия и диалога с Римом стала приносить свои плоды. С этого момента Синод под впечатлением того, что в один из самых трудных периодов во всей истории патриархата, его главе удалось выйти на сцену всемирной истории, стал целиком на его стороне.

Афинагор I содействовал вступлению в Синод людей сравнительно молодых, умеющих соединять с чувством ответственности солидную интеллектуальную и духовную подготовку. Таков митрополит Гелиополийский и Фирский Мелитон, в последние годы сыгравший столь важную роль в экуменической политике патриарха; митрополит Кирилл Халдейский, один из членов Синода, сопровождавший патриарха в его большом путешествии 1967 года, этакий большой, выдавший виды барин; митрополит Хризостом Мирский, которому едва исполнилось сорок лет. Секретариат возглавляется преосвященным Гавриилом Колоньским, одним из постоянных сотрапезников патриарха, человеком лет пятидесяти, поразившим меня своей необыкновенной добротой. Однако ближайшее окружение патриарха составляют не одни лишь люди Церкви. Крупный Стамбульский адвокат почти ежедневно бывает у него за обедом и держит его в курсе всех местных событий. В целом на Фанаре работает человек до шестидесяти, и их рабочий день оканчивается в пять часов вечерней. Всем подается одна и та же пища, будь то стол патриарха или садовника...

Помимо этого Афинагор I посвящает своему народу, непосредственным контактам с ним, большую часть своего времени. Начиная с десяти часов утра и до обеда, т.е. до часа дня, кто угодно может встретиться с ним. Достаточно написать свое имя на листочке,

который приносит ему дьякон, и потом дожидаться своей очереди. Каждый входит без всякого сопровождения. Когда патриарх кончает беседу с посетителем, он звонит, и входит следующий. Помимо летних месяцев, с характерным для них большим наплывом туристов или паломников, на приемах у патриарха бывают почти исключительно православные из Стамбула.

Он знает и часто посещает также свои «общины».

Как и в Соединенных Штатах патриарх добивается, чтобы каждый приход был единым и самостоятельным целым, строящимся на равновесии трех властей: власти священника, власти царственного священства, представленной мирянином, председателем комитета, состоящего из пяти-семи членов, избираемых каждые два года и занимающихся финансовой частью; и, наконец, власти культуры и совета учителей, поскольку школа всегда находится рядом с церковью, в одном из соседних зданий. Как и в Америке, каждый приход имеет свою молодежную и женскую ассоциацию; последняя в Стамбуле мне кажется особенно важной, именно женщины организуют для школьников бесплатные обеды. Патриарх ввел здесь также праздничные периоды: один из них пасхальный, – посвящен матери, другой в октябре – отцу, третий, приуроченный ко дню Трех Святителей – школе, четвертый, после праздника святого Василия – самим приходам.

Вся эта деятельность опирается на присутствие не только религиозного, но и этнического меньшинства, хотя, как мы увидим, между православным и греческим в Стамбуле не всегда можно провести знак равенства. Однако патриарх стремится найти пути к тому, что в секуляризованном обществе могло бы стать основой свободной «христократии».

Помимо приходов патриархат располагает в Стам-

буле десятью лицами, одной больницей и одним сиротским приютом.

Афинагор I знает всех и вся. Когда едешь с ним по улицам Стамбула, он указывает вам то на церковь, то на небольшой магазин, то на дом, где живет такая-то семья. Когда возникают пробки, и машина останавливается на минуту, редко бывает, чтобы один или два человека не подбежали к нему, чтобы попросить благословения.

Известно также, хотя сам он никогда о том не говорит, что инкогнито он посещает самых страждущих для помощи и утешения.

Он регулярно служит и проповедует в своих приходах. Время, когда я был в Стамбуле, было временем Успенского поста, и Афинагор каждый раз служил вечерню в одном из своих приходов, где он неизменно читал акафист Матери Божией. Мне хотелось бы рассказать о таких встречах, куда он брал и меня, чтобы познакомить со своим народом.

8 августа 1968 года мы были в Арнавут Кой, где жил когда-то дядя патриарха, когда тот еще учился в Халки. Это поселок на берегу Босфора. «Это немного и моя деревня», – говорит Афинагор, и благодаря этому «немного», как можно заметить, ему принадлежит много деревень, много монастырей, много стран! Храм здесь просторен и под его стенами погребено четыре патриарха и несколько греков, оказавших важные услуги оттоманской империи. Как и большинство современных церквей Стамбула, храм, построенный по типу собора, имеет резной иконостас, который в 1955 году погромщики тщетно пытались спалить. Направо от царских врат – большая икона Христа, налево – Богородицы, рядом со Христом – Иоанн Предтеча, это изображение «деисусного чина» весьма распро-

странено в Константинополе. В других формах «деи-сусный чин» можно встретить во всем православном мире, он символизирует Церковь, но также, согласно Павлу Евдокимову, как бы две стороны Христа, во-бравшего в Себя всю человеческую природу – Марию как архетип женственности и Иоанна Крестителя, при-шедшего в духе Илии как воплощение мужественной творящей силы.

Церковь полна народу. Патриарх в простом черном подряснике прислуживает местному священнику в качестве чтеца. Народ присоединяется к пению, в особенности к возгласу прославления: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблажен-ную и пренепорочную и Матерь Бога Нашего, чест-нейшую Херувим и славнейшую без сравнения Сера-фим, без истления Бога Слова родшую, сущую Бого-родицу Тя величаем». Богослужение кончается, па-триарх благословляет детей, беседует с верующими. Затем все собираются в современной и светлой ком-нате, где происходят собрания. Люди усаживаются вокруг духовенства, пьют прохладительные напитки. Патриарх подымается и, не повышая голоса, без малей-шего ораторского эффекта, начинает говорить, слов-но обращаясь к каждому. Он говорит о привязанно-сти к «своей деревне». Затем комментирует Еванге-лие дня. «Я предпочитаю, – скажет он мне на обрат-ном пути, – говорить о Евангелии как бы в семейном кругу, где все могут отдохнуть, утолить жажду, а не в храме, где жарко, и верующим приходится стоять. Там нет стульев, но я попрошу их поставить, я не люблю этих бесполезных усилий». Я думаю об Иисусе, Кото-рый усаживал людей на траву...

Сегодняшнее евангельское чтение – рассказ о Мар-фе и Марии. Их не нужно противопоставлять, говорит патриарх, они дополняют друг друга. Обе они являют

собой образ христианской женщины, деятельной и преданной как Марфа, и той, что не забыла «благую часть», присев у ног Господа как Мария, в храме ли, или где угодно...

Когда мы выходим, верующие провожают патриарха до машины. С другой стороны улицы несколько молодых турок, столпившись, молча смотрят на патриарха. Один из них плюет – явно в его сторону. Патриарх пристально и кротко всматривается в него и подымает руку то ли для приветствия, то ли для благословения.

9 августа патриарх отправляется в храм святых Константина и Елены, расположенный в излучине, образуемой на юго-востоке старого города Мраморным морем и крепостной византийской стеной, вблизи бывшего здесь когда-то Студитского монастыря. Церковь, разрушенная в 1955 году, была вновь построена по старому плану. Тщательно обточенные камни вставлены в старые стены. Чаще всего они изображают крест, воздвигнутый первым христианским императором и его матерью. Легенда рассказывает, что Елена не могла найти места, где был зарыт крест, пока острый запах пучка травы не указал ей места: базилик, трава императрицы, *басилиссы*...

Епископ этого района – в его ведении находятся пять приходов и однадцать церквей – объясняет мне, что император Ираклий в VII веке, отобрав у персов подлинный крест, посадил его недалеко отсюда с драгоценной реликвией. И народ пел: «О чудо дивное! чтобы нести Всевышнего как лозу, напоенную жизнью, крест, вознесшийся над землей, в сей день является всем. И мы влекомы к Богу, им разрушается смерть навсегда. Дерево непорочное! Им Христа прославляем и обретаем бессмертную пищу Эдема».

В этом народном квартале живет простой люд, и этот храм так же полон, как и вчерашний. В конце богослужения, которое по благословению патриарха возглавляет местный епископ, патриарх выходит к людям, окруженный детьми: как старое дерево, одевшееся цветами весной. Он выходит из храма, держа две маленькие ручки в своих больших и длинных руках. Каждый ребенок держит за руку другого и таким образом патриарх как бы несет на себе целую лозу юной жизни. Порывшись в своих карманах, он всех одаряет конфетами.

Все собираются здесь не в зале для собраний – сегодня слишком жарко – а во дворе, находящемся пониже храма, который поддерживается большими выступами с той стороны, с какой холм спускается к морю. Стулья и столы поставлены в беседке – «под виноградником и смоковницей», – как в библейские времена. Наступает вечер, ветер свежее; долгими криками и большими взмахами крыльев стрижи словно убаюкивают наступающую ночь. Дабы поддержать это малое стадо, что как будто ежится от своей отгороженности, патриарх через время и пространство соединяет его с незримым сонмом святых. Он говорит о вселенском православии, обитающем ныне на пяти континентах. Он вызывает в памяти святые образы, невидимо населяющие эти места: Симеона Нового Богослова, этого ясновидца всеприсутствующего света, и этих «ациметов» Студитского монастыря, которые служили таким образом, что сон никогда не прерывал их службу (хотелось бы сказать «бессонную» службу, ибо эта община никогда не засыпала целиком, и монахи сменяли за богослужением друг друга). «И небо и земля навсегда сплетены воедино их молитвой», – говорит патриарх.

Затем Афинагор I, отправивший между тем свою

машину в аэропорт для встречи гостя, уезжает на Фанар на такси.

Во влахернском храме, куда мы отправляемся 13 августа, находится *hagiasma*, святой источник. Гроза покрыла гляncем сад, чувствуется сильный запах земли. Стройный ряд из сосен и смоковниц окружен красным буйством цветов; в центре находится водоем; здесь тот же тип библейского сада, сада Благовещенья... Церковь невелика и проста, она украшена прекрасными, совсем свежими и тем не менее вполне традиционными фресками. Однако взгляд не останавливается на церкви, его притягивает зияние, большой край нефа, перед самым входом в который как бы открывается утроба земли. Подземный свод, под которым струится вода, наполняет обширное углубление, образуя грот и бассейн одновременно. Хрусталь воды на белом камне. Все здесь как бы служит для того, чтобы вставить в оправу плодоносную первозданность материи.

«Вода течет бесконечно, она неисчерпаема, даже в летние засухи», – говорит мне патриарх. На краю источника, у полного водоема, стоят стаканчики. После службы мы долго пьем эту неиссякаемую воду...

Эту первоначальную прозрачность материи, материи этих вод, символически распахнутых Духу, замутил наш грех. Но вот она раскрывается в Деве-Матери, открывающей Слову плоть земли. Материя есть свет, говорит нынешняя наука. Свет, что стремится быть озаренным, а не разложенным. На фресках Богородица источает чистоту белизны. Я думаю об одном другом, прожившем десять лет на Патмосе, прислуживая отшельнику и в своем переводе византийской литургии именовавшем Богородицу «белейшая». Фрески напоминают, что неподалеку отсюда стояла

большая Влахернская церковь, где хранились ризы Матери Божией. И здесь Андрей, во Христе юродивый, увидел, как она простирала над городом слезный омофор своего заступничества. Луи Массиньон любил сопоставлять это явление с тем, которое предстало двум маленьким пастухам в Салетте.

Прихожане здесь в основном бедняки. Район, расположенный ниже Золотого Рога, промышленный, а выше, на холмах, сельский с его переплетением дорог, неевклидова геометрия которых для меня никогда не поддавалась разгадке. Здесь я замечаю группу очень смуглых детей. Патриарх горстями раздает им маленькие свечки, чтобы они зажгли их в притворе перед иконами. Их ставят в большие круглые тарелки, полные песку.

В этой скромной церкви патриарх исполняет служение не только чтеца, но и псаломщика. Его голос низок и как бы очищен возрастом от всякого личного выражения. Молитва многих поколений потоком течет через этого человека – так словно древняя хвала струится через него.

Председатель общины – человек еще молодой, худой и породистый. «Болгарин, – говорит мне патриарх, – я охотно утвердил его председателем». Что касается смуглых детей, то это арабы из Антакии, древней Антиохии, турецкой территории после 1939 года. Там существует община, организованная мирянином, врачом, достойная Книги Деяний Апостолов. «Крестьянские семьи очень бедны, – продолжает он, – чтобы помочь их детям учиться, мы забрали их в Стамбул, где у нас достаточно места». Болгарин, арабы, француз – вот подлинная вселенскость православия. Я говорю об этом патриарху, и он развивает эту тему после того, как гости отведали по традиции лукума и свежей воды. В конце беседы он говорит о готовящемся

всеpravославном соборе, который станет решающим этапом в развитии православного самосознания, служащего единству всех христиан. То один, то другой прерывает его, задает вопросы, он возвращается к прерванному разговору, объясняет, затем долго переговаривается с одной женщиной, чье лицо представляет собой как бы воплощением народной мудрости.

Рядом с нами, на почетном месте сидит человек преклонных лет, с широким невозмутимым лицом. «Это турок, мусульманин, – объясняет мне патриарх. – Он любит бывать здесь. Я его хорошо знаю и люблю». Он разговаривает с ним по-турецки. Тот отвечает ему взглядом, полным человеческой теплоты.

Какие спокойные лица у этих арабских детей, какие огромные глаза, которые стали еще больше от напряженного внимания. Когда патриарх ласкает их, все личико ребенка оказывается в его большой ладони.

Однако апостольская благодать епископа, собирающая общину в Теле Воскресшего, осуществляет себя полностью лишь при совершении Евхаристии.

Он

По правилам Константинопольской Церкви патриарх служит божественную литургию семь раз в году: четыре раза в патриаршей церкви – на Рождество, на Торжество Православия, на Пасху и в день святого Андрея, три раза за пределами собора, в большой церкви Беоглу, в одном монастыре и на Халки. Все прочие воскресенья и праздники он участвует в литургии, оставаясь «на своем троне». Семь раз – это мало. Я хотел бы служить чаще, но Синод воспротивился, настаивая на сохранении старинного обычая. Я покорился. Зачем идти на конфликт с Синодом, если нет настоятельной необходимости?

На Успение Богородины патриарх не только присутствует «на своем троне», но и принимает причастие.

Накануне после обеда, более чем скромного, Афинагор I уходит в маленькую часовню, соединенную с его комнатой. Два диакона и один митрополит читают «Последование ко святому причащению». Патриарх стоит прямо перед алтарем и простоит так в полной неподвижности до конца чтения. Он подобрал свои широкие рукава, и ничто не нарушает строгой прямоты его силуэта. И в полумраке раздаются слова раскаяния и доверия, которые должны подготовить причастника.

«Слезныя ми подаждь, капли, скверну сердца моего очищающая: яко да благою совестию очищен, верою прихожу и страхом, Владыко, ко причащению даров Твоих¹.

Приими убо и мене, Человеколюбче Господи, якоже блудницу, яко разбойника, яко мытаря и яко блудного...²

Ты бо рекл еси, Владыко мой: всяк ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне убо сей пребывает, в нем же и Аз есмь. Истинно слово всяко Владыки и Бога Моего:

божественных бо причащайся и боготворящих благодатей, не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир.

Да убо не един пребуду кроме Тебе Живодавца, ды-

1. «Последование ко святому причащению», Канон, Песнь 3. Изд. Православный Молитвослов. Изд. Московской патриархии, М., 1970.

2. Там же, Молитва Василия Великого I-ая.

хания моего, живота моего, радования моего, спасения миру. Сего ради к Тебе приступих, якоже зриши, со слезами и душою сокрушенною, избавлений моих прегрешений прошу прияти ми, и Твоих живодательных и непорочных Таинств причаститься неосужденно...¹

И дерзая Твоим богатым к нам благодеянием, радуюсь вкупе и трепеща, огневи причащаюся трава сый, и странно чудо, орошаем неопально, якоже убо купина древле неопально горящи. Ныне благодарною мыслию, благодарным же сердцем, благодарными удесы моими, души и тела моего, покланяюсь и величаю и славословлю Тя, Боже Мой, яко благословенна суща, ныне же и во веки»².

«Завтра вы будете причащаться, – сказал мне Афинагор I. – Вы гораздо достойнее меня, ведь вам повезло не быть патриархом».

И вот наступила ночь. Дабы завершить этот день, патриарх приводит меня в притвор церкви Святого Георгия. Он останавливается в саду, чтобы налюбоваться и надышаться ночью. «Как все хорошо! Как чудесно!» В притворе он зажигает свечу перед иконой Богородицы, другую перед иконой пророка Илии. Теперь ему хочется поговорить. «Илия, – рассказывает он мне, – это покровитель скорняков, корпорация которых в оттоманскую эпоху была особенно процветающей в Кастории. Это настоящий византийский город в сердце Македонии с семьюдесятью церквями,

1. Там же, Молитва св. Симеона Нового Богослова.

2. Там же.

украшенными фресками. Город построен на перешейке как бы острова, вдающегося в озеро. Скорняки его были настоящие ловкачи. Они умели употребить в дело малейший кусочек меха. На холме, возвышающемся над городом, стоит церковь святого Николая. Отсюда хорошо видно озеро с его маленьким портом и лодки, связанные по две...»

15 августа в переполненной церкви патриарх восседает на своем троне из резного дерева. Он облечен в свою большую мантию из темного пурпура, украшенную широкими золотыми полосами. Он держит свой епископский жезл, на верхнем конце которого две сцепившиеся змеи усмирены крестом. Патриарх кажется мне бледным и усталым. От долгого поста, несомненно... Он поглощен молитвой, лицо его как бы обращено внутрь. Служба идет энергично, мужественно, не увязая в длиннотах. Очищенное византийское пение – это модулированное славословие, более динамичное, чем григорианское, и точно так же лишенное всякой патетики. На «Великом входе», когда священнослужитель, несущий Святые Дары, проходит со всей сопровождающей его процессией через солею, патриарх сходит со своего трона, снимает митру и отдает низкий поклон чаше. Это процессия Грааля.

Перед самым причастием Афинагор I с особым смыслом совершает еще один литургический жест: повернувшись лицом к молящимся перед Царскими Вратами, он, отвесив еще один низкий поклон, просит прощения у народа.

После того, как верующие в конце литургии теснятся у чаши, патриарх сам раздает благословенный хлеб «антидор» (в буквальном смысле то, что заменяет дары – хлеб и вино Евхаристии) чтобы те, кто не мог причаститься, не ушли обделенными. Раздает его

полными горстями, так что каждый получает по крайней мере два больших куса этого плотного, хорошо поднявшегося хлеба с легким запахом аниса.

На паперти патриарх здоровается, вступает в непринужденную беседу, фотографируется со всяким, кто пожелает. Затем уводит до полусотни человек к себе в кабинет, бродягу вместе с дипломатом, нищего вместе с профессором университета. Ложка сахарной массы в стакане воды. И вновь неустанно звучит его примиряющее слово, вновь преподается им великая наука единства.

«БРАТОЛЮБИВЫЙ БЕДНЯК»

Фанар летом – изумительное место встреч, перекресток Церквей и народов. Патриарх принимает каждого, беседует с ним по-гречески, по-французски, или по-английски (языки, на которых он говорит свободно), но может сказать и несколько дружеских фраз по-итальянски, по-немецки, по-испански. Общение с ним исключительно непринужденно: стаканы со свежей водой, чашки с ароматным кофе передаются из рук в руки; люди вместе читают *Отче наш* и даже – когда в компании есть француз – поют *Марсельезу*, которую патриарх переделал на свой экуменический лад: «Вставайте, дети Церкви, настал день единства». Афинагор I оставляет на завтрак почетных гостей и среди них – почти всегда православных, принадлежащих к Церквам в рассеянии или к другим Церквам-сестрам. По монашеским правилам, «патриарх не может иметь цветов у себя на столе», и дамам подают всегда отдельно. Трапеза проста и проходит быстро. Все собираются в рабочем кабинете за кофе. Малыши дремлют на коленях у своих матерей – материнство гречанок отмечено каким-то царским смирением; дети возятся и шумят. Патриарх предпочитает их всем остальным, даже и отцу Бергето, обслуживающему главный католический приход Бейоглу и в каком-то смысле представляющему Павла VI неподалеку от Фанара. Элегантный, благовоспитанный, лощеный, одетый всегда в светское, этот церковный сановник напоминает дипломата высокого стиля. Патриарх взволнованно разговаривает с ним, но думает, видимо, о другом. Внезапно его лицо освещается внутренним светом: нашел! Он хватается со столика, стоящего рядом с его рабочим столом, маленького музыкального ангела из позолоченного дерева, ангела поистине в итальянском

стиле, долго роется в куче своих бумаг, находит конверт, заботливо упаковывает ангелочка и предлагает его смуглой девчущке, что, набегавшись по комнате, уселась теперь на его колени. Отец девочки – известный греческий врач из Америки, и патриарх показывает ему лекарства, которыми он пользуется. «Но разве бывает лекарство от старости?» Внезапно он встает и направляется к молодой паре, которая только что вошла вместе с маленьким мальчиком. Это православные ливанцы, члены молодежного Движения, обновившего всю христианскую жизнь в Антиохийском патриархате. Они хорошо знают патриарха, и, возвращаясь из Европы, останавливаются в Стамбуле специально, чтобы его повидать. Они молоды и хороши собой. Патриарх смотрит на них со всей сердечной теплотой старика, который, что редко бывает, не ревнует к молодости, но благословляет ее. «Какой у тебя красивый, крепкий отец, – сразу же говорит он мальчику, – тебе бы радоваться на него». Во всей этой православной сутолоке визитеры из католиков и протестантов стараются сохранить подобающий вид, жены английских священников в миниюбках благочестиво поджимают колени, патриарх щурится, супруге доктора Рамси он говорит, что она – первая дама, *the first lady* англиканской Церкви, все пространство в комнате как будто подрагивает от жары, ребенок дремлет на коленях у матери. Жара населяет своими летучими видениями красноватые холмы за Золотым Рогом. На стене – старый заслуженный солдат – генерал Севдет Сунай, президент Турецкой Республики, «в Центральном парке водятся белки, в Милуоки построена новая греческая церковь, очень красивая», на другой стороне Ататюрк гениально перевоплощается в серого тотемического волка, которому поклонялись турки у подножия Тянь-Шаня. «Мы находимся здесь уже три

тысячи лет», – говорит патриарх, над ним – икона Матери Божией, со странно закутанными руками, с отрешенным, чистым, как бы ушедшим в даль ликом – таково и тайное лицо патриарха, «отделенного от всех, единого со всеми».

«Я – гражданин мира, – говорит Афинагор I. – Я принадлежу Востоку, но я стал гражданином мира». От Эпира до Македонии, от Балкан до Соединенных Штатов, от *американской мечты* к космополитическому опыту, который приносит ему каждое лето на Фанаре, он пришел к видению той всемирной республики, чьей закваской станут христиане, и где каждый человек и каждый народ найдет свое место – видению того великого братства народов во Христе, о котором говорил Достоевский при открытии памятника Пушкину.

В Халки, куда патриарх отправляется отдохнуть после праздника Успения, он, воспользовавшись анфиладой двух гостиных, любит вечерами посмотреть австрийские кинохроники или австрийские документальные фильмы. Вот общество, сыгравшее столь активную роль в создании современного мира техники. Не утратив при этом своей утонченности и не потеснив Церкви. Вот страна, лишенная воли к власти, но сохраняющая наследство великого многонационального государства; короткая лента была, кстати, посвящена процветанию венгров и словенцев. Вот мир, свободный от страха. В 1967 году патриарх мечтал, что вселенский Собор, созыву которого он содействовал, соберется в Вене, и австрийское правительство пригласило его в этот город во время его большого путешествия по Западной Европе. Однако приглашение религиозного лидера со стороны не Церк-

130

ви, а государства, смутило турецкую сторону. И патриарх отказался от поездки в Вену.

На экране, где показывалось турне австрийского дирижера, внезапно появляется Россия. Равнина, снег. Пейзаж приобретает какую-то значительность, в нем есть что-то мягкое и одновременно тяжеловесное, и что-то незавершенное, неопределенное. Австрия – страна с былой историей, Россия – с историей будущей. Православие невидимо заквашивает это тяжелое тесто. Патриарх знает это. Грек с Балкан, где в грехах часто текла славянская кровь, – византиец, помнящий и о том, что Россия на вершинах своей мысли стала, по выражению Василия Татакиса, «Византией после Византии», православный, потрясенный мученическим русским опытом XX века, Афинагор I питает большую любовь ко «святой Руси».

Огромное дерево православия вписывается в него как крест на карте земли. Корни лежат в Иерусалиме. Патриарх дважды ездил туда, во второй раз, чтобы встретиться с папой. В Александрии и Антиохии – первые побеги, первые выражения египетского ощущения вечности и семитического ощущения истории, в Константинополе – провиденциальное горнило, где соединяется все лучшее Азии, Африки и Европы, дабы стать вместилищем Света. Легендарный маршрут апостола Андрея из святой Земли в Византию и дальше до самой Скифии обрисовывает вертикальный стержень креста. Россия на Востоке, рассеяние Европы и Америки к западу изображают две его горизонтальные прекладины.

«Все народы хороши. Я принадлежу всем народам. Закваской человеческого единства должно быть единство христиан».

Время патриарха строго распределено. В 8 часов –

утреня, до которой он работает или размышляет около часа. В 8 часов с половиной – первый небольшой завтрак. До десяти часов он принимает своих сотрудников, узнает новости, делится впечатлениями от них. От десяти до часу дня дверь его открыта для всех. После обеда (и летнего послеобеденного сна), патриарх работает в своем рабочем кабинете. Вся почта, а также и счета проходят через его руки, ибо он авторитетен и скрупулезен. В пять часов – вечерня. Затем в течение часа он подписывает бумаги. Короткий обед с одним или двумя друзьями. По вечерам чтение. Ныне патриарх не поглощает книгу за книгой, он довольствуется просмотром того, что ему посылают, рискуя задержаться лишь в том случае, если наталкивается на мысль острую, близкую к жизни. Газеты, напротив, привлекают его все больше и больше, ибо они рассказывают о текущей жизни во всех ее формах: религиозной, политической, научной. Патриарх же все больше стремится понять сегодняшних людей, чтобы на их языке передать им радость бытия Божия.

Это страстное желание познать человека так наглядно проявляет себя тогда, когда после дневного завтрака патриарху приносят почту. Он распечатывает ее сам с каким-то явным удовольствием в пальцах, не переставая между тем беседовать со своими гостями. «Уже пятьдесят восемь лет я распечатываю почту с неизменным любопытством и даже с неизменной радостью. Корреспонденция: отличное слово! Все эти послания говорят о том, что человек по сути своей природы жаждет любить и быть любимым».

Когда вечером он неторопливо едет по улицам Стамбула, то видишь его радость – радость быть человеком среди людей. Работа окончена, толпа обретает свой восточный вид, она предается ленивым развлечениям, в которых есть что-то примитивно созерцательное.

«Радость – первое право человека», – говорит тогда патриарх, сочетая таким образом «Декларацию прав» с ясновидением духа. «Радость – имя Божие». «Имя Божие – радость».

В нем ощущается необычайная потребность в деятельности, как будто он все хочет сделать сразу. Во время беседы он не только уступает искушению распечатать почту, но и тогда, когда порой ему приносят доклад, или досье, он проглядывает его на месте и кладет в стопку бумаг, которая вырастает по правую руку от его кресла, или же подписывает письмо или какое-то решение. В течение всего этого времени он полностью владеет беседой, помнит о каждом из своих собеседников, готовит подарок для ребенка или отыскивает для своего старого келейника деньги на телеграмму.

«Для меня все можно выразить одним словом: я нападаю, всегда нападаю. Но не на людей, а непосредственно на свою цель. Как только эта цель выбрана, я знаю, что нужно идти на жертвы. Я знаю также, что нужно уметь быть терпеливым. Когда я проигрываю сражение, я не застреваю на этом, не ломаю голову себе: виноват – не виноват. У меня нет такого слова: к несчастью. Я всегда атакую».

Но он умеет испытать настоящую радость и от запаха жасмина, и наблюдая за полетом птиц, когда в конце дня они уходят в открытое море, или вдруг прервав беседу в саду, чтобы понаблюдать за той сложной работой, которой заняты муравьи. В Халки он приобрел кусок земли неподалеку от школы, где находится неиссякаемый источник. Это позволило ему оросить парк, окружающий школу, и еще более украсить ее. И можно видеть, как с непокрытой головой, подоткнутым подрясником он любовно ухаживает за своим садом.

Он умеет и все разом отодвинуть, чтобы целиком отдать себя тому, кого он принимает. «Он во всем преувеличивает», – с улыбкой сказал мне один из его друзей. Он не столько преувеличивает, сколько полностью выражает себя на том языке жестов Востока, который мы настолько утратили, что нам понадобились психодрамы, хэппенинги с их сомнительными пароксизмами, чтобы мы могли осмелиться выразить ими всю нашу сущность. Патриарх идет прямо навстречу другу, целует его, прижимает его голову к своему плечу, властно берет его за руку, и тогда чувствуешь, если оставить в стороне «фрейд-марксистские» пошлости, как это хорошо – иметь отца. Посмею ли сказать? – отца и мать, ибо в патриархе есть не только отцовская мужественность, но и материнская нежность, то «благоутробное милосердие», о котором говорит Библия.

В особенности он умеет смотреть другому в глаза, и таким образом находить его или встречаться с ним вновь. Смотреть не на черты лица, но всматриваться взглядом во взгляд, в его сокровенную суть, ибо он умеет жить с радостью от присутствия другого, с радостью, возвещающей, что двое едины в Боге.

Двигаясь непрестанно вперед, он сохраняет и нерушимое, неизблемое ощущение тайны. Все представляется ему удивительным, чудесным: самые простые вещи, но в особенности чье-то лицо, чье-то присутствие. Он идет навстречу чуду. И чудо вдруг происходит. Великие дела Божии продолжаются. «Бог наш есть Бог чудес».

«И когда ситуация уже полностью не в нашей власти, нужно положиться лишь на милосердие Божие. Тогда страх исчезает. Остается лишь упование».

Каждый день он читает главу из Евангелия. Евангелие научило его тому, что непостижимый Бог – это тайный друг, и что в мире имеет смысл только любовь. Но «если все позволено, не все полезно», – говорит Апостол. Патриарх подчиняется всей строгости правил монашеского Типикона. «Я отчасти монах Халки, отчасти Афона, отчасти Мони Петраки, что в Афинах». Я наблюдал, как в течение двухнедельного Успенского поста он ел за каждой едой лишь постную тарелку супа и несколько маслин, тогда как общее меню на Фанаре включало также помидоры, картофель, фрукты. И ничего не пил, кроме воды. И не пил ничего по средам и пятницам (аскеты придают особую важность «сухому посту»). «Единственная вещь, без которой мне трудно обойтись, – признался он мне, – это растительное масло».

И при этом мирном принятии монашеских правил, которые он не налагает на других и не всегда одобряет, он стал человеком свободным и цельным.

После болезней своей молодости, он становился все здоровее и здоровее. Чем старше он становился, тем крепче себя чувствовал, говорил он мне. «Но теперь я слишком стар».

Теперь он чувствует себя всегда готовым ко сну. «Как только я кладу голову на подушку, я засыпаю». Однако он спит мало, и сон его быстро прерывается. Ночью он прохаживается по саду. Заходит в притвор храма. «Перед иконой Богоматери я зажигаю две свечи, одну за живых, другую за умерших». И он молится – «То, что я Ей говорю, то, что Она мне отвечает, какими словами это передать?»

Аскеза, не крайняя, но собранная и «средняя», согласно Типикону, молитва долгих византийских богослужений, упование и удивление соединились в нем так, что сон всегда полон сновидений. Освобожден-

ное от всех богоборческих сил, бессознательное и его образы стали вестниками Божиими. «Я вижу много снов, – сказал мне патриарх. – Каждый раз, когда меня донимает трудная проблема, решение приходит ко мне во сне». Иногда они становятся знаками предупреждения. В августе 1968 года Афинагор I страстно желал отправиться в Москву, чтобы завершить большое паломничество, посвященное православному единству, которое он предпринял осенью. Но обещанное приглашение запаздывало. «Теперь я знаю, что не поеду в Россию, – сказал он мне утром. – Мне снилось, что я приглашен туда и уже готовлю свое послание патриарху Алексию. Но внезапно все смешалось таким образом, что я понял, что ничего этого не случится». Образы, посещающие его во сне, часто открывают ему свой смысл: ему снилось, как папа и он с муками карабкались по двум склонам горы, на вершине которой находилась евхаристическая чаша, Святой Грааль.

Во всем этом патриарх до мозга костей остается греком. Греки всегда любили сны, и языческое гадание по снам нашло место и в византийском христианстве. Но следует указать и на чисто библейскую традицию сновидений. Септуагинта переводит словом «экстаз» еврейское слово, обозначающее «сон» Адама, во время которого Создатель сотворил женщину. И старые монашеские истории нередко говорят о видениях «в экстазе», т.е. сне, очищенном, пропитанном молитвой, ибо молитва должна мало-помалу проникать в него, очищать от злых сил, открывать свету: «Аз сплю, но сердце мое бдит».

Есть что-то от *старца*, от *geronda* в Афинагоре. Подобно Иоанну XXIII, он лишен романтизма и аффектации, хотя в нем есть благородство и красота, в которых выражается и как бы превосходит себя великоле-

ние Византии. Патриарх расположен ко всем, полон жизни и чувства юмора. Он обладает прозорливостью детей и мудрецов, для которых все является знаком и властью. Или, скорее, которые знают, что в Боге все – знак. Известно, что к Иоанну XXIII относили евангельские слова о Предтече: «Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн». Слова, которые тотчас приводят на память «свидетеля света». Он относит их и к нынешнему папе Павлу VI, потому что, говорит он, сегодня нужно не размышлять, но возвещать людям подлинного Христа распятого и прославленного. То, что апостолу Павлу дано было возвестить в Первом Послании к Коринфянам, ныне дано второму Павлу возвестить сегодняшним людям. Представляя мне митрополита Принцевых островов, маленького старика с живыми глазами, он добавляет: «Он сам принц, принц духа и сердца, и поистине поэт». Тот отвечает ему, что патриарх тоже поэт. И он в свою очередь: «А если не быть поэтом, как говорить с людьми?» Однажды он пустился в долгую экзегезу по поводу моего имени и фамилии, и представляя меня, прибавлял: «Вот богослов милосердия, чего так не хватает богословам!»

Всякое глубокое слово, пущенное как стрела, он окутывает юмором, он возвращается к парижской песенке, которую в 1918 году напевали в Монастире, «Что такое жизнь? Немного счастья, немного страдания...»

Он очень высок, тонок, почти худ, во всех его жестках есть что-то веселое и стремительное. В нем нет ничего застылого, расплывчатого или светского, он полон энергии – в святоотеческом смысле этого слова – действия и присутствия. Живая худоба, смуглость кожи (того цвета, каким рисуют лики на иконах), ис-

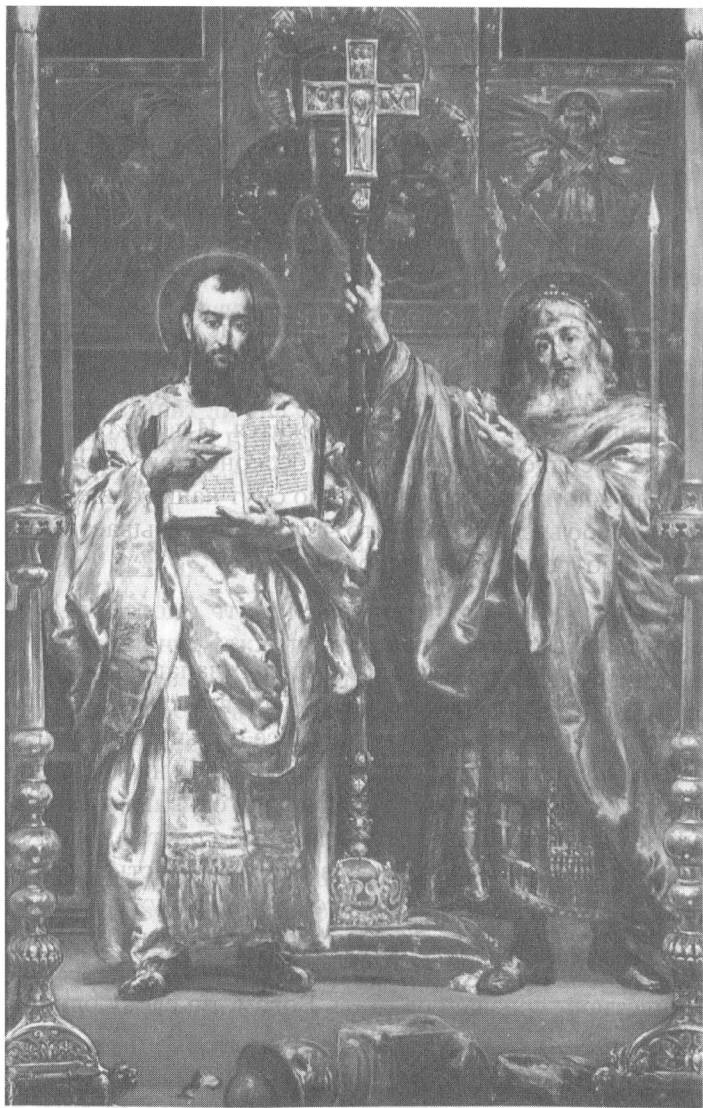
ключительная молодость взгляда в сочетании с белизной бороды и волос, все свидетельствует о победном прохождении сквозь огонь. Достаточно посмотреть на его фотографии, сделанные на Корфу и в Америке, чтобы своими глазами убедиться в действенности очищения, выразившемся в цельности и прозрачности. Некоторая тяжесть, результат усталости и старости, или величия более царственного, чем монашеское, возникает иной раз тогда, когда он расслабляется. Но достаточно пустяка, и все его существо вновь собирается, и мы как бы ощущаем его напряженность, что делает патриарха одновременно воинственным и безоружным. И возраст ныне ложится на его плечи как детская хрупкость.

У него очень черные глаза, маленькие и прищуренные в лукавстве, но серьезные и огромные в соприкосновении с великим. Борода его не столь уж густа, как можно предположить по фотографиям, скорее это длинные белые пряди, какие бывают у стариков на византийских фресках или у библейских пророков. Его жесты, его манера вытягивать тело или укутывать подрясником ноги, когда он садится, отмечены византийским или романским стилем. Нос его прям, тонок и правилен, и при царственном подергивании ноздрей он придает этому лицу классическую, истинно эллинскую красоту. Высокий лоб, побледневший от мысли и молитвы, отмечен православной аскезой, которая смягчает лицо, концентрирует его во взгляде между небом лба и землею рта, преображенной белизной бороды и усов.

Рассказывая мне о своем путешествии в Софию, где толпа окружала его с горячим почитанием, он не преминул, как и Апостол, отстраниться от него. «Я говорю не от себя. Сам по себе я ничего не значу. Скажем

так: Был человек, которого звали Афинагор». И незадолго до нашего расставания: «Что вы собираетесь сказать обо мне? К чему? Был человек по имени Афинагор. Он дожил до глубокой старости. Сам по себе он ничего не сделал. Он пытался любить людей, сам будучи лишь песчинкой среди миллиона других».

Святой Симеон Новый Богослов говорил, что человека во Христе следует называть «братолюбивым бедняком».



JAN MATEJKO (1838-1893): SV. CYRIL A METODĚJ (VELEHRAD)

Часть Вторая»

СЛОВА

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!»

Он

Человек живет в тревоге. И ничто не может утолить его беспокойства. Ничто конечное, будь то вся вселенная вплоть до самых далеких звезд. Достигая все большего, он все больше тревожится. И не находит отдыха. Сердце его создано для бесконечного, для беспредельной любви. Множество смут нашего времени можно объяснить тем, что человек отказывается от своей потребности в бесконечном.

Я

Как не вспомнить здесь о молодых западных интеллектуалах! Вот, казалось бы, баловни судьбы. Они имеют много и с каждым днем все больше и больше. Но им кажется, что у них нет ничего, ибо ни в чем они не видят смысла. И вот вслепую они отправляются на поиски обветшалых идеологий. Либо рвутся к разрушению, потому что отказываются от счастья, которое усыпляет или, как они говорят, «отчуждает» их. Да и как не быть чужим самому себе, если не обрести в Боге свое начало и свое назначение? Человек – это животное, призванное стать Богом, по слову одного Отца...

Он

Эти молодые люди брошены на произвол судьбы.

Их вопль – это плач сирот, чей бунт – это в то же время и зов. Что мы для них делаем? Пытаемся ли хотя бы понять их и преодолеть страх, разделяющий поколения? Мы все говорим и говорим, но не умеем соединять слова и поступки. И потому молодые более не доверяют нам, не верят словам, которые мы произносим. Они требовательны... Им говорят, что следует заняться устройством земли, общества, что люди будут счастливы, если забудут Бога. Это неправда. Чем больше будут удовлетворены элементарные человеческие потребности – а они должны быть удовлетворены для всех – тем настоятельней станет потребность в Боге, заявит ли она о себе явным или тайным образом, служением Богу или идолам. Прежде всего потому, что люди всегда будут умирать...

Я

... и потому что смерть – не только конец жизни, тот конец, что откладывается и будет откладываться все дальше и дальше, смерть – это определенный образ жизни без жизни, в бессознательном, в разделении и вожделении...

Он

Смерть придает жизни всю ее серьезность, преобразует ее в загадку, вопреки всему наделяя ее ощущением бесконечного. Люди будут нуждаться в Боге даже и там, где в обществе будет царить мир, потому что и жизнь, и смерть вместе хотят вечности. Жизнь в ее полноте и смерть во всей ее серьезности становятся единым знаком, указующим на непознаваемое...

Что касается других – я думаю прежде всего о тех христианах, что довольны собой и запуганы движени-

ем жизни и истории, – то они учат молодых противопоставлять христианство и гуманизм. И в этом тоже нет правды. В Боге человек находит свою подлинную человечность, тот творческий дух, который должен преобразить жизнь.

Я

Ни Бог против человека, ни человек против Бога, но тайна богочеловечности, которая есть тайна Христова – вот свидетельство, которое следует нам нести.

Он

Дабы нас несла жизнь, несла любовь, очищенная от страха. Нужно попытаться жить христианством, остальное приложится.

Я

Мне думается, что сегодня не знают, что такое христианство. Для меня, открывшего его в зрелом возрасте и ясном сознании после настойчивого вопрошания атеизма, христианство – чудо, вызывающее постоянное изумление, которое делается все более глубоким. Люди, однако, чаще всего не интересуются им, ибо думают, что оно им известно, тогда как им не известно ничего. Они путают Бога, этого великого возмутителя спокойствия, с опорой социального порядка и отжившей морали. Христианство для них – это какой-то набор гуманных добродетелей, что в ходу у людей религиозного склада. Хуже всего то, что многие из христиан, родившихся в Церкви, не знают о том, что оно есть нечто большее, и потому им скучно быть христианами...

Он

Нужно быть блудным сыном, чтобы ощутить всю любовь Отца к нам. Но, увы, многие христиане, как вы говорите, застревают на неопределенном понятии совершенствования или на добродетели как таковой. Они считают себя христианами, но по сути не встречали Христа. Однако христианство – это Христос, а Христос имеет лицо, лик Воскресшего. Только личная встреча с Воскресшим дает нам соучастие в Его жизни, ведет к восстановлению нашего утраченного подобия Творцу. Во Христе Бог становится близким, и потому ближними становятся и другие. Во Христе мы открываем, что Бог есть любовь, и любовь эта есть в то же время сила, которая движет всей вселенной, и то доверие, что сообщает человеческому взгляду его прозрачность и открытость.

Я

Для сегодняшнего человека все несомненно следует заново перевести на первозданный язык жизни, смерти, любви, которая сильнее смерти. Если Бог существует, нет ничего абсурдного, и мы не одиноки.

Он

Перевести на новый язык, но не слишком биться над словами, которыми пользуемся. Если в нас есть жизнь, то Дух жизни пошлет нам и нужные слова...

Однажды в Рождественскую ночь я ощутил себя одним из тех пастухов, что бодрствуют во тьме, охраняя свое стадо, и вот внезапно открывают Эммануила – Бога с нами.

Я

Отцы говорили, что Бог есть тот Неведомый, Неприступный, Кто остается по ту сторону любых наших образов, наших понятий, по ту сторону самого слова «Бог». И если в страхе и трепете мы преклонимся перед Его тайной, мы внезапно открываем Эммануила.

Он

Спаситель, родившийся в Вифлееме, это не Бог далекий и анонимный. Это Бог, пребывающий с нами, сосчитавший и волосы на нашей голове. Тайным образом он водительствоует всякой жизнью и всей историей, дабы войти в совершенное общение с нами.

Я

Но столько зла кругом...

Он

Столько зла... Но ведь Бог – это не абсолютный монарх и не какой-то всемогущий император, манипулирующий своими творениями как предметами. Его всемогущество – всемогущество любви. А любовь не действует принуждением. Нужно свободно обернуться к ней, свободно ей открыться, чтобы свет ее мог хлынуть в нас. Бог – абсолютный фактор энергии в истории, но энергия эта есть энергия любви, она не может давить на нас, не убивая себя.

Вот почему и жизнь отдельных людей и истории целых народов открывают нам таящиеся под спудом темные глубины, демонические силы. И это придает историческим трагедиям неожиданный размах: одна

ошибка, неверный шаг, и оттуда вырывается темная лава. И людей несет тогда как соломинки. Я наблюдал все это.

Я

И все же любовь сильнее смерти...

Он

Но сильнее по-своему, силой любви. Когда Бог стал человеком, Он смертью победил смерть.

Я

Крест – единственный ответ и ответ безмолвный на том долгом процессе о зле, что затеян современным атеизмом против Бога. Бог нисходит в ад и смерть, созданные нашей трагической свободой. Он нисходит во внутренний мой ад, в эту непроглядность тревожной тоски и мрака во мне или в это смятение лихорадочного света...

Он

И уничтожает их своим Воскресением. Бог так возлюбил человека, что вошел в непосредственный контакт, в целостное общение с ним, освобождая его энергию, которую разлагает зло, и давая ему стройно распрямиться в святости. Отныне даже сама смерть

Я

и все мертвящие ситуации нашего существования,

могут раскрыться к свету, если в нас есть вера в Воскресшего. Нет большей радости, чем радость Пасхи.

С первых же веков христиане проводили пасхальную ночь в церкви. Чаше всего она была богато убрана яркими цветами, и свет многих свечей освещал ее в ознаменование победы над «ночью», символизирующей «ночную», infernalную сторону существования.

Перед началом богослужения в церкви – тишина, сумрак, ожидание. Заутреня начинается в полночь: народ, выйдя из храма, обходит вокруг него с крестным ходом и останавливается перед главным входом. И вот священнослужители запевают «тропарь» Воскресения:

*Христос воскрес из мертвых
Смертию смерть поправ,
И сущим во гробех живот даровав!*¹

Процессия входит в храм, где разом зажигаются все свечи. Священник возглашает слова Псалма:

*Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его!
Яко исчезает дым да исчезнут, яко тает воск от лица
огня.
Сей день, его же сотвори Господь!
Возрадуемся и возвеселимся в он!*

Затем начинается пение знаменитого канона Иоанна Дамаскина, одного из высочайших творений визан-

1. Отрывки из Пасхальной Заутрени цит. по «Минее Праздничной», Изд. Московской Патриархии. М., 1970.

тийской литургической поэзии. В этом каноне темы, едва лишь намеченные, быстро сменяют друг друга. Стиль его, как и музыка, несет в себе нечто танцевальное. Он словно пронизан внезапными всплесками радости, в которой соединяются Воскресение и Парусия. И потому ликование может сказаться лишь в сжатых легких восклицаниях, не допускающих ни разъяснений, ни повторений одной и той же темы.

Самое важное дается сразу, в первой же песне:

Воскресения день! и просветимся, людие! Пасха, Господня Пасха! от смерти бо к жизни и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе, победную поюция.

Очистим чувства, и узрим неприступным светом воскресения, Христа блистающа, и радуйтесь, рекуща, ясно да услышим, победную поюще.

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное.

Множество образов, символов, тем, пересекаясь, отражаются друг в друге. Вот пустой гроб, и жены-мироносицы приносят ученикам весть о Воскресении:

Мироносицы жены, утру глубоку, представша гробу Жизнодавца, обретоша Ангела на камени сядуща, и той, провещав им, сице глаголаше: что ищите живаго с мертвыми? Что плачете Нетленного во тли? Шедше проповедите учеником Его.

Единство Креста и Воскресения, Страстей и Победы запечатлено здесь во всей полноте. Силой уничтожения Своего, Своих страстей, страдания и крестной смерти, реальность которых утверждается нисхождением во ад, – Христос открывает Себя для всей смерт-

ной тоски павшего человечества, для трагедии разделения, для ада как удела человечества, порабощенного ложью и ненавистью. Но смертная тоска, разделение, ад и смерть уничтожаются Им, ибо в Нем они не имеют места. Бездна, куда привела нас помраченная человеческая свобода, поглощается бездной любви Божией.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое поем и славим...

... се бо прииде Крестом радость всему миру; всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его, распятие бо претерпев, смертью смерть разруши.

И бесконечно прославляется победа над дьяволом, над адом и смертью.

Снисшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси веревы вечныя, содержащия связанныя, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскресл еси от гроба.

Аще и во гроб снизшел еси, Бессмертне, но адову разрушил еси силу, и воскресл еси, яко Победитель, Христе Боже, женам мироносицам вещавый: радуйтесь! и Твоим апостолам мир даруй, падшим подай воскресение.

Плотию уснув яко мертв, Царю и Господи, тридневен воскресл еси, Адама воздвиг от тли и упразднив смерть: Пасха нетления, мира спасение.

Итак, Пасха есть окончательный переход от смерти к жизни, от «тли» к «нетлению» как к жизни в Духе:

... от смерти бо к жизни и от земли к небесам Христос, Бог наш, приведе... Пасха непорочная, Пасха ве-

лика, Пасха верных, Пасха двери райския нам отверзающая, Пасха, всех освещающая верных.

«Синаксарий», резюмируя смысл праздника, объясняет нам: Слово «Пасха» означает переход от небытия к бытию, от ада к небу, от смерти и тления к воскресению. Известно, что на древне-еврейском *peschah* означает переход.

И этот переход совершается во Христе, ибо в Нем «энергетически» навсегда соединяется, сообщаясь между собой и пронизывая друг друга, человеческое и божественное, небо присутствия Божия и земли людей. «Пасха наша, Христос» (1 Кор 5.7) – это утверждение ап. Павла повторяется со всей силой:

... явися Христос; яко человек же, Агнец наречеса; непорочен же, яко невкусен скверны, наша Пасха; и яко Бог истинен, совершен речеса.

Яко единолетний агнец, благословенный нам венец Христос, волею за всех заклан бысть, Пасха чистительная, и паки из гроба красное правды нам возсия Солнце. (Песнь 4).

Как соединяются, восполняя друг друга, великие «изображения» пасхального Агнца и козла отпущения.

Тема Солнца – истинного и пресветлого «полночного Солнца» – возвещает о неодолимом вторжении света в иоанновском смысле:

Еже прежде солнца Солнце, зашедшее иногда во гроб... (Икос).

Яко воистину священная и всепразднественная сия спасительная ночь и светозарная, светоносного дне восстания сущи провозвестница, в нейже безлетный Свет из гроба плотски всем возсия (Песнь 7).

Так гробница становится брачным покоем; Воскресший – это грядущий супруг, Тот, Кого ожидают в страхе и трепете с начала недели. В силу «суда над судом», о котором говорит святой Максим Исповедник (Р G 90, col. 408 D). Судия, коль скоро собственной волею Он сделался невинно осужденным, проклятым, Судия оказывается Супругом для тех, кто принимает Его в покаянии и благодарности.

Приступим, священоснии, исходящу Христу из гроба яко жениху, и спразднуем любопытственными чинми Пасху Божию спасительную (Песнь 5).

Красуйся, ликуй и радуйся, Иерусалиме. Царя Христа узрев из гроба, яко жениха происходяща (Стихиры Пасхи).

Вся история спасения может быть описана как драма любви, как невиданная *Песнь Песней*, однако здесь не столько невеста ищет своего жениха, сколько Бог, сохраняющий верность, ищет Свой неверный народ, ищет отвернувшееся от Него человечество, дабы говорить к его сердцу и обручиться с ним в верности (см. Ос 2.14).

Пасха завершает это обручение. Весь космос и все человечество тайным образом сотворяются вновь и преображаются в Воскресшем. В божественном и потому совершенном Своем лике Христос облакает Собой всю тварь и тем самым приводит ее к воскресению.

Всю низложив смерти державу Сын Твоей, Дево, Своим воскресением, яко Бог крепкий совознесе нас и обожит... (Песнь 8).

... Совокресил еси всероднаго Адама, воскрес от гроба... (Песнь 6).

Тело Воскресшего – это чистая жизнь, а не то смешение жизни и смерти, та «мертвая жизнь», которую мы называем жизнью. Вот почему оно есть «Тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившего падшего Адама» (Икос), Тело, которое *«страстию смертное в нетления облачит благолепие...»* (Песнь 7).

Во Христе всегда живом и присутствующем в Духе, каждый из нас умирает и воскресает:

Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь воскресшу Тебе, сраспинахся Тебе вчера. Сам мя прослави, Спасе, во Царствии Твоем. (Песнь 3).

Воскресение имеет космическое значение, ибо тело тайным образом объемлет весь мир. Вот почему вся вселенная призывается к радости, пройдя через священный ужас перед Страстью и погребением своего Создателя... *«Да празднует ныне вся тварь восстание Христово, в Нем же утверждается»* (Песнь 3).

Более того: для «сердечных очей», которые суть глаза веры, Церкви, святости, все исполнено отныне жизни и света: *phos* и *zoe*. Эти два понятия иоанновского богословия для православной мысли являют собой имена Божии, энергии спасительного присутствия и обожения. Вот почему православные люди в пасхальное время любят посещать кладбища: в Воскресшем нет более разделения, смерть становится сном – экстазом, где подготавливается окончательная перемена всего. В пасхальной радости на могилах оставляют крашенные яйца, с начальными буквами слов: «Христос Воскресе». Яйца, как зерна, это всегдашние символы воскресения.

Но не только смерть, но и ад, исполнены ныне света: *«Все ныне исполнено светом: небо, земля и ад»*.

Бог стал всем во всем. «Апокатастазис» (всеобщее спасение) открыт для человечества.

И потому неудивительно, что во всех этих текстах звучит весть об окончательном завершении: пасхальный свет есть и свет второго пришествия Христова. Пророчества, касающиеся нового Иерусалима, *ныне* осуществляются:

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне и веселися, Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о восстании Рождества Твоего.

Здесь с символикой нового Иерусалима и Богородицы, вступает новая тема, тема Церкви, которая не есть Царство, но таинство Царства, т.е. мир, пребывающий на пути к обожению, по мере достижения нами святости, уподобляющей нас телу Воскресшего. Мир существует только в конкретном существовании отдельных людей: преобразование его, начавшееся во Христе, должно быть разгадано, воспринято, воссоздано и распространено повсюду общением святых, пока оно не достигнет своей «плеромы» (полноты) в меру, которая является не «объективной» мерой истории, но мерой Божией. Вот почему пасхальная радость возвещает о себе как ожидание и упование:

О, Пасха великая и священнейшая, Христе! О, Мудросте, и Слове Божий, и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего. (Песнь 9).

Но после Вознесения Воскресший останется присутствующим в Своей Церкви:

С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века, Христе; Его же вернии, утверждение надежды имуще, радуемся. (Песнь 9).

В Духе Святом пасхальный свет, жизнь Воскресшего, подается нам в Евхаристии, которая составляет Церковь, учреждает ее на «пасхальной тайне»:

Приидите, нового винограда рождения, божественного веселия, в нарочитом дни воскресения, Царствия Христова приобщимся, поюще его яко Бога во веки. (Песнь 8).

Ибо Евхаристия соединяет нас с Воскресшим, и мы понемногу, молитвой и аскезой, можем пробудиться к собственному нашему воскресению в Воскресшем, так что мы ясным взором узрим наше единство с Ним.

Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресение Христа блистающая... (Песнь 1).

Утренюем утреннюю глубоко, и вместо мира песнь принесем Владыце, и Христа узрим, Правды Солнце, всем жизнь возсияющая. (Песнь 5).

На Воскресении создается Церковь, которая передает людям жизнь Божию, саму жизнь Троицы, т.е. истину личностного существования в любви. Пасха крестит нас в Троицу:

Отче Вседержителю, и Слове, и Душе, тремя соединяемое во ипостасех естество, Пресущественне и Пребожественне, в Тя крестихомся, и Тя благословим во вся веки. (Песнь 8).

Отныне становится возможной новая форма люб-

ви, любви одновременно личностной и меняющей жизнь, преображающей всякую реальность. В конце пасхальной заутрени поется:

Пасха! Радостию друг друга обйдем! Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обйдем, рцем, братие, и ненавидящим нас, простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых...

Затем верные подходят поклоняться Евангелию, христосуются со священниками, христосуются друг с другом, восклицая: *Христос воскресе! воистину воскресе!* – так приветствуют друг друга в течение всего пасхального времени.

После лобзания мира служащий священник читает слово святого Иоанна Златоуста, которое заключает в себе самую суть христианства. Вначале святой Иоанн восхваляет безмерность прощения:

... Если кто от первого часа работал, пусть примет справедливую плату. Если кто пришел после третьего часа, пусть празднует, благодаря. Если кто поспел к шестому часу, пусть нисколько не сомневается, ибо никак не будет отвергнут. Кто опоздал к девятому часу, пусть приступит, нисколько не сомневаясь, ничего не боясь. Кто достиг одиннадцатого часа, да не устроится промедления: любвеобилен Владыка – и принимает последнего как первого... Посему войдите все в радость Господа Своего: и одни и другие принимайте награду. Богатые и убогие, ликуйте друг у друга. Воздержники и ленивые, почтите этот день. Постившиеся и не постившиеся, возвеселитесь сегодня.

Только верой, только пробуждением любви можно

ответить на бесконечную щедрость Господню. Ибо трапеза Господня, на которую нас зовут, это трапеза, приготовленная для блудного сына, это «пир веры».

Трапеза полна, все наслаждайтесь. Телец упитан, да никто не выйдет голодным. Все насладитесь пира веры...

Веры, которая ныне есть ошеломляющее, перехватывающее дыхание открытие: прощение воссияло из гроба: *Пусть никто не оплакивает грехов, ибо воссияло прощение из гроба.* Христос освобождает нас от тоскливого страха, сокрытого в нас и заставляющего нас служить идолам забот и страстей или бежать от жизни. В глубине нас самих, в том мраке, куда Он сошел и нисходит непрестанно, Он преобразует тоску в доверие, «память смертную» в память о воскресении. *Пусть никто не боится смерти, ибо освободила нас Спасова смерть.* И далее в павловских словах следует напоминание о последней победе:

Угасил ее, Держимый ею. Пленил ад, сошедый во ад. Огорчил его, вкусившего Его плоти... Принял тело – и коснулся Бога, принял землю и встретил небо... Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Воскрес Христос – и ты низвергся. Воскрес Христос – и пали демоны... Воскрес Христос – и Жизнь пребывает!

В конце пасхальной литургии благословляются для пасхальной трапезы всякого рода яства. Греки в семейном кругу едят пасхального агнца. Затем целую неделю стол открыт для всех входящих, люди приходят друг к другу, приветствуют друг друга целованием и возгласом: *Христос воскрес*, садятся за стол. Жизнь движется и множится в пасхальной радости.

Он

Все отныне тянется ко всеобщему воскресению. Какими путями – не знаем, но все обр ащено к нему. Среди всех исторических событий только Воскресение абсолютно, ибо только оно в каком-то смысле охватывает всю человеческую и всю космическую реальность. Воскресение – это как закон всемирного тяготения, который наделяет историю смыслом...

Я

И, значит, все преобразится?

Он

Все. Все, что мы когда-то любили, все, что мы создали, всякая радость и всякая красота найдут свое место в Царствии Божием.

Я

А зло?

Он

Отец зла будет побежден, зло поглощено, смерть умертвится навеки. Но опыт зла, раскаяние, повергающее нас к стопам Христовым, сознание того, что ничего, кроме бесконечной любви, не может утолить нас – все это обретает свое место в том Царстве. Радость христианина – трагическая радость, радость о воскресении, прошедшем через смерть, радость о Воскрешем, чьи руки и ноги пробиты гвоздями, чья грудь пронзена копьем, а из открытой раны истекают воды Крещения и кровь Евхаристии. И воскресшее человечество тоже будет нести на себе следы мук и борений.

Я

Сознание пробуждается страданием, говорил Достоевский.

Он

Наш взгляд всегда должен быть обращен к Воскресению Христову, дабы все принимать в его свете. Пасха означает переход. Если мы укоренены в Воскресшем, мир и история в нас начинают переходить в вечность. Жизнь наша должна быть озарена упованием — ожиданием в мире Того, Кто явится положить предел времени и судить живых и мертвых.

Я

В своих рождественских и пасхальных посланиях вы нередко говорили, что Царство Божие осуществится на земле.

Он

На земле мы подготавливаем его, и земля будет преображена. Царство Божие созревает и во всех человеческих ценностях. Культура что-то может подсказать нам о нем, о чем-то дать догадаться...

Я

Культура может стать также закрытым пространством, где она задыхается, или она может сделаться карикатурой культа, в которой цивилизация, пытающаяся забыть о смерти, тщетно ищет какого-то надежного убежища. Она может стать и строительством

Вавилонской башни, т.е. попыткой человека обоже-
ствить себя самого.

Он

Все перемешано, это неизбежно. Наша роль в том и состоит, чтобы повсюду отыскивать ростки жизни и давать им вырасти. Когда вернется Христос, и мы молитвой и деятельной любовью сумеем приблизиться и подготовить Его приход, то смерть и ложь исчезнут, но земля и культура будут преображены.

Я

Одна вещь поражает меня в последние месяцы: до какой степени воскресение может как будто мешать – не простым верующим, коль скоро у них есть какая-то вера, – но некоторым западным богословам. Я слышал, как один из них утверждал, что земное тело Христа разложилось, как и всякий труп, тогда как тело прославленное сошло с небес. Чаще всего здесь довольствуются утверждением, что Иисус всегда жив. Явления Воскресшего сводят к субъективным восприятиям апостолов, к энтузиазму первой общины, как будто не произошло ничего радикального в истории и природе. Земля во Христе не становится духовной. У людей есть как будто страх – или стыд – перед чудом.

Он

Я не мог понять этого страха. Для того, кто умеет смотреть, все – чудо, все погружено в тайну, в беско-

нечное. Любая пустяковая вещь – уже чудо. А любая встреча – тем более. Опыт говорит мне, что Бог наш есть Бог невероятного, что Он – Создатель всякого чуда. Встреча в Иерусалиме, приезд Павла VI в Стамбул – все это было пережито мною как чудо. Но и в повседневном, банальном ходе вещей уже то, что есть нечто, а не ничто, то, что есть кто-то – не кусок материи, но лицо, разве это уже не чудо?

Я

Конечно, но всегда можно сказать, что это ощущение чуда есть не более, чем субъективное удивление, ничего не меняющее в реальности, и что чудеса, о которых говорит Писание или жития святых, суть не что иное, как мифология, материализующая это ощущение тайны, мифология, от коей следует освободить нашу веру...

Он

О, мысль вечно что-то разделяет и оспаривает. Но если разделить реальность и тайну, как тогда верить во Христа? Он есть величайшее чудо и величайшая реальность. Исповедовать Христа как истинного Бога и истинного Человека и исповедовать Его воскресение – это одно и то же. В Нем свет Божий нисходит к нам и преобразует жизнь и все то, что мы называем материей. В Нем творение предстает в своей истине, прозрачной для славы Божией. Воскресение – это не оживление тела, это начало преображения земли.

Я

В целом можно сказать, что Воскресение есть исти-

на сущего и всех вещей, тогда как этот мир, погребенный в смерти, в каком-то смысле противоестественен, как говорили Отцы...

Он

Человек находит в Воскресении Христовом не только подлинную жизнь, но и способность к общению. Вот оно чудо: сделаться живым благодаря союзу с Богом. Это можно выразить лишь одним доверительным взглядом...

Я

и сердцем каменным, которое делается сердцем во плоти,

Он

или, когда «свет жизни», по слову Иоанна Богослова, переполняет до краев человеческое сердце тем или иным чудом...

Я

... которое, если я правильно понимаю, есть явление подлинного мира, мерцание Царства Божия. Нет ничего естественнее чуда, дети и поэты еще помнят об этом...

Он

Чудо в том, что Бог существует. И оттого все возможно. Ибо Он существует, Он есть и приходит к нам и делает нас Своими друзьями; мы были мертвы, и вот ожили – во Христе.

Я

Живущий же все вокруг себя делает живым.

Он

То, что жизнь и любовь, которую мы приемлем в чаше, могут преобразить историю и природу, об этом говорит нам существование святых, если мы вдумаемся в него. Ибо святые, пророки, воители Духа сохранили и в некоторые моменты озарили историю и весь мир. Если теперь нам это непонятно, если мы не делаем того же, значит в нас охладела вера и охладела любовь.

Я

Ключевые, трагические проблемы, которые встают перед сегодняшним человечеством, как связать их с чудом Воскресения?

Он

Треть человечества голодает. С голодом телесным соединяется голод душевный. Две трети населения планеты по сути и не слышали до сих пор имени Христа. В странах, которые называются христианскими, великая пропасть разделяет, с одной стороны, Евангелие, с другой, образ жизни христиан, а с третьей – жизнь общества, как оно живет и развивается по своим естественным законам.

Как соединить все это с Воскресением? Вопиющая очевидность – так называемые христиане не живут Воскресением, разве назовешь их воскресшими? Они

утратили Дух Евангелия. Они сделали из Церкви машину, из богословия псевдонауку, из христианства расплывчатую мораль. Нам нужно вернуться к богословию апостола Павла, оживить в нас его огонь: «Как Христос воскрес из мертвых, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим 6.4). Если бы те, кто верует в Воскресшего, несли в себе эту силу жизни, то нашлись бы и решения тем проблемам, которые мучают сегодня людей...

Прежде всего нужно сформировать человека изнутри, сделать его способным к творческому служению. Нам нужны люди, в которых Дух Святой созидает опыт Воскресения Христова, озаряющего космос, и раскрывающего смысл истории. От этой внутренней силы родится порыв, который придаст смысл и гуманистическим ценностям и великим социальным идеям... Суть в том, чтобы проложить в себе путь к обновленной жизни, облечь душу свою в брачные одежды. И тогда руки наши наполнятся братскими дарами для тех, кто страдает от телесного голода, да и для тех, кто страдает от голода душевного.

Я

Но где нам найти Воскресшего, чтобы соединиться с Ним, так чтобы из нас потекли реки воды живой?

Он

Христос повсюду. После Воскресения вся история человечества разворачивается в Нем, ищет Его, славит Его, борется с Ним, отвергает Его, находит снова. Его тайное присутствие, то откровение о челове-

ческой личности и любви, которое Он несет в себе, стали закваской всей жизни человечества. Вспомните двадцать пятую главу Евангелия от Матфея: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; истинно говорю вам; так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне». Комментируя этот текст, святой Иоанн Златоуст говорит нам, что бедняк – это таинство Христово, Христос воплощается в бедняке. Христос присутствует всякий раз, когда совершается подлинная встреча, всякий раз, когда любовь подает о себе какую-то весть, всякий раз, когда мы бескорыстно готовы служить правде или познанию, всякий раз, когда красота возрастает в сердце человека...

Я

Но люди не знают Его, и это нам предстоит открыть Христа в глубине их жизни.

Он

Они знают о Нем больше, чем вы предполагаете. Христиане не имеют монополии на Евангелие. Подумайте о том, что сделал Ганди, о том, что в каком-то смысле сделал Ататюрк... Конечно, присутствие Христово остается частично сокрытым, христианские ценности отделены от личности Христа, которая только и может придать им истинный смысл, ко всему примешиваются страх смерти или коллективное превозношение, и освящение не может дойти до конца...

Я

«Бог стал Человеком, чтобы человек мог стать Богом» – таким для Отцов был окончательный смысл христианства.

Он

Да, и для того, чтобы достичь этой полноты, мы должны уметь целиком соединяться со Христом, не только проявить интерес к евангельским ценностям, но соединиться со Христом, стать с Ним «единой лозой», как говорит Апостол, дабы жизнь Его текла в нас, как сок ствола течет в привитой ветви. И где найти это полное общение, как не в евхаристической чаше, в сердце Церкви?

В центре всего – Христос. В центре всего – чаша. Здесь и только здесь Христос отдает Себя полностью. Как это может быть? Как Он не сжигает меня, грешника?

В Евхаристии мы соединяемся с нашими братьями, но соединяемся лишь потому, что мы едины во Христе. Едины в реальнейшем смысле, став с Ним одной жизнью, одной кровью, одним телом. Вот почему мы поистине члены этого тела, и ничто не разделяет нас.

Именно это есть Церковь, в своей подлинной реальности. В подлинной реальности, т.е. в Евхаристии, она перестает быть этим жалким и обескураживающим обществом, откуда мы изгнали Дух Христов, она – сам Христос, она – Его воскресшее тело, через которое энергии Божии изливаются на мир и на человечество.

Я

И что нам за дело до того, «как» выражает себя это всецелое присутствие, до того «как», над которым столько мучится и ломает голову христианский Запад?

Он

Что за дело, вправду? Мы не знаем этого «как». Отцы никогда не притязали на такое ведение. Подлинное богословие здесь должно молитвенно склоняться перед тайной, а не искать объяснений. Это чудо, подобное Воскресению, ставшее реальностью в Духе Святом. Слово Божие, в Котором все пребывает, и которое все возсоздало Своим воплощением, оказывается любовью, обращенной ко всем нам, и делается нашей пищей. Мы исповедуем всецело Его присутствие.

Я

Мы не видим Его, ибо мы слепы. Но есть святые, которые Его видели. Они видели море света в евхаристической чаше. Плотские глаза, орудия науки не могут воспринять этого одухотворения материи, ее преобразования в Духе Святом. Невозможно выдумать аппарат, способный передать изображение Духа, на это способно лишь святое сердце.

Он

Мы поклоняемся чуду, мы исповедуем его: этот хлеб истинно есть Тело, это вино есть поистине Кровь Воскресшего Господа. Христос отдает Себя в хлебе и вине. В католическом причастии тоже, я в этом убежден.

Он

Христианство – это жизнь во Христе. И Христос никогда не останавливается на отрицании, на отказе. Это мы возложили на человека такое бремя! Иисус

никогда не говорит: не делай того-то, этого нельзя. Христианство не состоит из запретов: оно есть жизнь, огонь, творение, озарение. В доверии меняется сердце. И жизнь Воскресшего начинает понемногу наполнять нас.

Я

Николай Кавасила писал, что для человека важнее прежде всего не любить Бога, но знать что Бог его любит. Любовь призывает любовь и обновляет жизнь. Ибо эта самая любовь и дарует нам бытие.

Он

Вспомните: Иисус приглашен к фарисею. Приходит блудница и приносит сосуд с благовониями. Она припадает к ногам Иисуса, орошает их слезами, утирает их волосами, целует их и натирает драгоценным миром. Фарисей думает, что Иисус не пророк, иначе бы Он узнал, что женщина эта – грешница. И Иисус рассказывает ему историю о двух должниках. Один должен пятьсот динариев, другой пятьдесят. Заимодавец прощает долги обоим. Который полюбит его больше? – спрашивает Иисус. И фарисею остается только ответить: тот, которому больше прощено. Тогда Иисус указывает ему на все проявления любви этой женщины – слезы, волосы, поцелуи, благовония. И говорит в заключение: «Поэтому говорю тебе: многие грехи простились ей, потому что она возлюбила много».

«Oti igapisen poli».

Потому что она возлюбила много,

Потому что Он возлюбил много.

В этом все христианство. Вот женщина, взятая в прелюбодеянии. Иисус что-то писал на песке. Никто не осмелился бросить камень. Иди и не греши больше. Всякий, кто открывает, как Он любил, начинает избавляться от своего дурного одиночества, от своего разделения. Он не ненавидит себя более. Кто-то принял его, у него есть тайный друг. Он входит в то поле света, которое окружает Воскресшего, и понемногу его жизнь наполняется духом смирения и доверия, но не от запретительных мер, что воздействуют лишь на поверхность и зло изгоняют лишь с одного уровня на другой, но духом, исходящим от сердца, от центра... Покаяние, *metanoia* – это и есть возврат к центру, это сердце, которое, отвратившись от пустоты, с воплем веры внезапно поворачивается к Богу...

Я

Это и вопль разбойника на кресте. Христианство не противопоставляет добродетель пороку, добрых злым, но двух злодеев по обе стороны Креста, одного богохульствующего, жаждущего лишь демонстрации силы: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас», и другого умоляющего: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» И Иисус отвечает ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Он

Но что мы сделали из христианства? Религию закона и самодовольства! Подумайте хотя бы о страхе той уличенной в грехе женщины или о любви, пропитавшей собою всю христианскую психологию. Но Иисус никогда и ничего не говорил против женщины. Он вообще никогда ничего не говорил против человека, Он

любил его, Он помогал ему обрести подобие Божие, соединяющее его с Создателем. Если Он обвиняет кого, и обвиняет со всей непреклонностью, то лишь фарисеев и лицемеров. Только довольных собой, тех, кто судит и попирает других.

Ибо она возлюбила много. *Oti igapisen poli*. Какое может быть еще оправдание?

Он

Тайна Христова неисчерпаема. Она превосходит любые формулы, которые хотят ее выразить. Ее нельзя заключить в границы, ею нельзя обладать, ей можно лишь изумляться, изумлением, которое просыпается вновь и вновь.

Я

Вот почему Отцы могли говорить об этой тайне лишь в антиномиях. Нельзя уловить суть личности и прежде всего Его Личности. Личности, о которой нельзя ничего сказать, ибо все сказано. Нужно умереть для самого себя, возродиться в любви и прославить ее.

Он

Кое-что ускользнуло от внимания Отцов – непосредственная человечность Иисуса. Вспомните позавчерашнее Евангелие, где говорилось о Марфе и Марии: «Иисус любил Марфу и сестру ее, и Лазаря». Он любил отдыхать в кругу Своих друзей. Ему хотелось повидать их перед крестным Своим часом. Собственной

волей Он взошел на Крест, дабы схватиться со смертью и победить ее в космической драме – и Отцы умели поразительно говорить об этом – и в то же самое время, именно тогда Он нуждался в отдыхе среди друзей, Ему хотелось еще раз ощутить человеческую любовь...

Я

Меня всегда поражало, что Иисус, умея любить бесконечно каждого человека, имел друзей, делал различия. Розанов говорил, что всеохватывающая любовь аскетов – это «любовь стеклянная», абстрактная, безличная. Любовь Иисуса не такова, она полна силы, она светится дружеской теплотой, человеческой нежностью... Марфа, Лазарь, и в особенности Мария... И Иоанн, ученик возлюбленный, возлежащий на груди Учителя.

Он

Иоанн стоит у истоков нашего высочайшего духовного опыта. «Безмолвствующие», как и он, ведают это общение сердец: они призывают имя Иисусово и воспаляют им сердца. Так горело сердце Эммаусских путников...

Я

Поэтому вы и взяли Эммаус как символ, чтобы обозначить тот исторический путь, который вы проделали вместе с Павлом VI после встречи в Иерусалиме.

Он

Открыв для себя любовь Христа – это значит тоже

открыть, что мы братья. Но то, что у Христа были друзья, то, что для Него существовали различия между людьми, не означает, что кого-то Он любил меньше. Ибо Он каждому оказывает тайное предпочтение. На этом, мне кажется, строится и глубинный принцип духовной жизни людей – *не следует сравнивать*. Всякий человек неизмерим. Кто может измерить человека, кроме любви, которая как раз ничего не мерит? Человек несравним. Христос не сравнивает. Он безмерно любит каждого. Поучимся этому, отправляясь к людям.

Я

Я заметил: когда вы принимаете кого-то, вы как будто забываете, значит ли этот человек что-либо или не значит, чтобы принадлежать ему всецело.

Он

Не знаю. Я – человеческий атом среди тысячи других, я знаю лишь то, что каждый обладает бесконечной значимостью. Но оставим это. Вернемся к простоте Иисуса, что глубже самого глубокого богословия. Эта простота становится высочайшей в притчах. Для меня всего ближе притча о Добром Пастыре. Еще ребенком я вырезал и выделывал для игры пастушьи палки.

Я

И стали пастырем людей.

Он

Чтоб быть заступником, быть слугой. Единствен-

ный Пастырь – это Он. Только Ему открыт вход в овчарню. Он зовет Своих овец по имени. Он – Пастырь, Он же и дверь овцам. Мы входим Им, Он знает тайное имя каждого из нас.

Я

То имя, что написано на белом камне, о котором говорит Апокалипсис. Именуя нас, Он дарует нам бытие,

Он

...И мы входим и выходим, и находим пажить. Мы входим Им и находим чашу, мы выходим Им и находим ближнего.

Вот оно чудо! Непреступный Бог делается нашим другом. Вы – друзья Мои, – говорит Он нам. И эта радость неисчерпаемая!

Потому что Он возлюбил много.

Oti igapisen poli.

Однажды вечером в Фанаре патриарх знаком пригласил меня присесть у его стола. Подперев голову руками, он, казалось, целиком ушел в какие-то тягостные мысли. И вопрос, который у него вырвался, прозвучал как стон.

Он

Что мы наделали? Что натворили? Христос покинул нас. Мы прогнали Его. Гордостью, ненавистью, фарисейством мы изгнали дух Евангелия. И Христос ушел от нас.

Где Он теперь? Бродит странником, незнакомцем среди бедняков, униженных, обездоленных нашей земли? Может быть, ныне Он в Индии, в Африке? Среди тысяч одиноких людей в больших городах? Но мы-то не можем без Него жить, не можем. Нам нужно Его найти.

Я думаю о матери Марии, спасшей жизнь многих евреев и погибшей в Равенсбрюке. Молодая русская революционерка после бурной политической и личной жизни в эмиграции стала монахиней, но не для того, чтобы запереться в монастыре, а затем, чтобы отдать себя служению малым сим и конкретным их нуждам. Это были марсельские докеры, горняки пиренейских рудников, наркоманы и алкоголики, которых она находила в канавах и которым несла человеческое милосердие, затем евреи, носившие желтую звезду, и ее сокамерницы в Равенсбрюке... В поезде между двумя посещениями больных или рабочей бедноты она писала стихи. В одном из них говорится об этом уходе Христа:

*Он жил средь нас. Его печать лежала
На двадцати веках. Все было в Нем.
Вселенная Его лишь отражала.
Не так давно, спокойным, серым днем,
Ушел из храмов и домов убогих
Один, босой, с сумой, с крестом, с огнем.
Никто не крикнул вслед. Среди немногих,
Средь избранных царил такой покой,
Венцы сияли на иконах строгих.
А Он проплыл над огненной рекой
И отворил тяжелые ворота,
Ворота вечности, Своей рукой.
Ничто не изменилось...*

Я

Он – *инкогнито* на дорогах мира... Однако несмотря на наши разделения, несмотря на жестокосердие наше, Он остается верным Своей Церкви...

Он

И в этом-то заключается трагедия: мы изгнали Его как раз оттуда, где Он всецело отдает Себя в чаше. Церковь разделенная раздирает Своего Господа, тогда как вся она должна стать единой и живой чашей, из которой энергия Божия изливается на всех людей.

Но мы-то, мы-то довольны собой! Мы – чистые, истина с нами, и мы осуждаем других. Но жизнь и история рядом с нами, они стучатся в дверь Церкви, чтобы задать ей вопросы о конце мира. Все меняется. Научная революция, которая совершается в мире, изменяет не только условия жизни, но самого человека, его

воспитание, его отношения к женщине, его психологию; завтра, может быть, она изменит и его наследственность, его характер. Не в том дело, что наука и техника построят мир без Бога, как иногда говорят. Но они поставят человека перед вопросом, который будет становиться все настоятельней, о том куда все это ведет, какой смысл все это имеет, и какой смысл имеет прежде всего его собственная жизнь... Сам атеизм меняется. Он делается той атмосферой индифферентности, которая поработает массы людей. Видоизменяется и коммунизм, на свет появляются новые тенденции. То он остается или вновь становится псевдорелигией, то – не более, чем алиби для нового правящего класса, то он обмирщается и переносит упор на технику социальной организации...

Я

Теперь на Западе наблюдается возникновение подлинного мистического атеизма, который в наркотиках, трансе, эротизме или игре в революцию стремится компенсировать подлинные религиозные эмоции, отказываясь при этом от личного Бога и неотвратимо обрекая человеческую личность на разложение и распад. Этот мистический атеизм находит опору в индийской духовности, более или менее искаженной...

Он

Я наблюдаю за этим движением в современной греческой мысли. И здесь повторяется та же трагедия: если столько искателей неведомого обращается к йоге или азиатским религиям – к «святой Азии», как сказал Сикельянос, – то лишь в силу того, что христианство покидает его дух, в силу того, что оно не умеет

обращаться к человеку индустриальной цивилизации... Сегодня, однако, история не может обойти решающие вопросы. Наука, техника, возникновение планетарного человека – все это требует объяснения. Человечество всматривается в загадки вселенной и оказывается внезапно на пороге тайны – чтобы обрести Бога или развал. Распад материи и распад душ одновременно порождают ничто и бесконечное. Где же Церковь в этот решающий час? Что она делает? Каким ликом мы ее наделяем? Мы говорим: Церковь – но люди-то видят нас. И что они видят? Что они видят?

Через несколько дней в Халки патриарх возвращается к этой горестной теме. Внезапно, как это часто он делает.

Он

Людям Церкви больше всего недостает Духа Христова, смирения, самоотречения, незаинтересованного подхода, способности видеть лучшее в другом. Мы робеем, хотим сохранить то, что устарело, потому что мы привыкли к этому, мы хотим быть правыми перед лицом других. Под стереотипными формулами условного смирения мы прячем дух гордости и властолюбия. Мы остаемся в стороне от жизни.

Он встает и начинает ходить большими шагами. Голос его становится более жестким, под конец он почти кричит.

Он

Из Церкви мы сделали организацию, одну из многих других. Все силы наши ушли на то, чтобы поста-

вить ее на ноги, ныне они уходят на то, чтобы она действовала. И она действует, более или менее, скорее менее, чем более, но действует. Только (теперь он кричит – это единственный раз, когда я видел его кричащим) она работает как машина. Работает как машина, а не живет.

Я

Одна из тем, которая чаще других встречается в ваших посланиях, это различие христианства и Церкви.

Он

Я говорил вам, Христос и христианство пребывают повсюду. Христос необходим нам, без Него мы ничто. Но Он не нуждается в нас, чтобы действовать в истории. Вся история человечества, начиная со дня Воскресения, и даже со дня творения, вся история пронизана христианством.

Я

Со дня творения... Отцы говорили, что нехристианские религии во многих отношениях служат «приготовлением к Евангелию», но и они не забывали о необходимости экзорцизма. Ныне можно было бы сказать, что они подготавливают окончательное излияние Духа, которое откроет человечеству прославленный лик Христов.

Он

Ветхий Завет содержит в себе целый ряд заветов, которые и по сей день сосуществуют наравне друг с другом.

Я

Об этом с такой ясностью говорил в III веке Ириней Лионский. И святой Григорий Палама, когда он был в плену у турок, – впрочем, плену столь мягком, что он мог свободно общаться с мусульманскими учеными, – отмечал, что призвание ислама состояло в том, чтобы принести языческим народам откровение Бога Авраамова.

Он

Так завет Адама, или скорее Ноев завет, продолжает существовать в архаических религиях, прежде всего в религиях Индии с их космическим символизмом.

Я

Весь мир как богоявление, можно сказать, как радуга, ибо радуга есть знак Ноева завета. Язычество в силу своей близости к первоизданности определенным образом предвосхищает окончательное преображение всяческой жизни в Духе Святом.

Он

Но оно не ведает – оно забыло – Бога Живого; мы же знаем теперь, что свет исходит к нам от Лица. Нужен был завет с Авраамом, и он несомненно, обновлен в исламе. Завет с Моисеем сохраняется в иудаизме... Христос же заново воспроизвел все. Воплотившийся Логос, который созидает мир и открывает себя в нем, является Словом, глаголящим устами пророков, чтобы направлять историю... Вот почему я считаю, что христианство есть религия религий, порой я говорю даже, что принадлежу всем религиям.

Динамика истории, которую переживает современное человечество, считающее себя секуляризованным, вытекает из основных установок Библии. Об этом никогда не вспоминают, но именно на библейское откровение, по крайней мере в Европе, опирается объективность нашего восприятия мира. Гароди, французский философ-коммунист, охотно признает, что понятие личности имеет христианские истоки. Несколько лет назад мне приходилось встречаться с ним в связи с ситуацией христиан в СССР. Я указал ему *cum grano salis*, что он не мог бы быть материалистом без библейского откровения, придающего тварному миру устойчивую реальность и утверждающего ответственность человека по отношению к творению. В индийской традиции материя была видимостью, иллюзией, которую следует усвоить и погасить внутри себя, однако вся настоящая наука, вся техника исходят из этой внутренней основы, из глубины личности.

Для спиритуалистов Древней Греции материя была гробницей – *тело-могила* (*soma-sêma*), – говорил Платон, – от которой следовало освободиться. Я уже не говорю о манихеях...

Он

Библейское откровение открыло путь для науки и техники. Прежде всего оно наделило историю той сокрытой силой, которая оживляет ее уже две тысячи лет. Эта сила – понятие личности и свободы. В нашей православной традиции личность определяется через свободу и ответственность.

Я

Стремление к свободному и ответственному существованию личности явно становится закваской современной истории в Европе, в Америке, а ныне и в странах третьего мира.

Он

Все дело Ататюрка было насыщено этим стремлением. Посмотрите хотя бы, что он сделал для освобождения женщины здесь, в этой стране, которая теперь стала моей страной.

Я

Как странно, что это стремление так часто сталкивается с недоверием или запретами со стороны Церквей!

Он

Церкви боялись Евангелия, и страх их был вполне оправдан. Христос же остался среди людей, Он оживотворил их историю без Церквей, иной раз вопреки им... С социализмом дело обстоит так же: в той мере, в какой он стремится к бóльшей справедливости и большему соединению людей, он вырастает на евангельской закваске. Бедняк – это воплощение Христа...

Я

В последние годы некоторые французские историки-медиевисты открыли, что движения к евангельскому пауперизму в христианской Европе черпали свое вдохновение у греческих Отцов, говоривших о вопло-

щении Христа в бедняке. Движения эти существовали и в византийском мире, как скажем, движение «зилотов» в Фессалониках. Что-то подобное происходило моментами и в русской революции, по крайней мере, в народе... Великое христианское пробуждение всякий раз наступало тогда, когда преодолевался разрыв между Церковью, обладательницей евхаристической тайны, и этим евангельским *alter ego* Церкви, каким является мир, когда он оживотворен стремлением к свободе или к единению. Так было в Средние века со святым Франциском Ассизским, который обручился с госпожой Бедностью и обручился на виду у всех, как бы с вызовом богатым купцам его города, или со святым Григорием Паламой, который уже епископом Фессалоникийским возвращается к теме «зилотов», чтобы напомнить о социальной правде и заложить начало социологии духовного единения. Так было в начале нашего века с большими религиозными философами, французами и русскими, с Пеги, с Бердяевым... Затем пришел Иоанн XXIII...

Он

И Павел VI, не забудьте. Его энциклика *Populorum progressio* в моих глазах приобрела значение, которое я назвал бы «космо-историческим». Церковь и христианство должны соединиться ныне ради нового периода – славного, но требующего смирения – в истории христианства. Наука стучится в двери неизвестного, но смыслом его наделяет не она. Смысл – это Воскресение, которое таит в себе Евхаристия. Человечество ищет единства, но оно избавится от насилия и однообразия на этом пути тогда, когда станет уважать неповторимость каждой личности, оригинальность каждого народа. И примером, закваской этого

единства может быть лишь Церковь – по образу Пресвятой Троицы. Современный человек стремится к свободе и ответственности, но содержание этой свободы он обретает лишь в любви, которая, чтобы победить смерть, должна питать себя Евхаристией...

Я

Что касается социализма, Достоевский предсказывал, что он окажется куда уязвимей перед лицом искушений, отвергнутых Христом в пустыне... Ибо он захочет превратить камни в хлебы, но не хлебом единым жив человек. И это касается не только социализма, но и всей промышленной цивилизации. Однако кто еще, если не Церковь, может победить эти искушения, коль скоро она обращается к Тому, Кто сказал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит?»

Он

«Все испытывайте, хорошего держитесь», – говорит Апостол. Стремление к свободе, справедливости, братскому сотрудничеству и к миру, медленное пересоздание мира с помощью техники, постижение человека, лучшее распределение земных благ, возрождение народов и культур, долгое время подавляемых, освобождение женщины, уважение к труду – все это тайно пронизано духом Воскресения, все должно быть обращено к окончательному преображению.

Я

Но как помочь нам этому новому соединению Евангелия и Церкви, Евхаристии и бедноты?

Для этого нужно обновление, которое повсюду намечается в христианском мире. Однако я думаю, что первым, основным условием для этого может быть лишь объединение христиан, призванных вместе идти в мир, чтобы служить человеку. Христос молился о том, чтобы мы были едины, дабы мир уверовал в Него. Ныне доверие вытесняет страх и презрение, которые столь долгое время царили между Церквями, или вернее внутри Церкви Христовой, ибо есть лишь одна Церковь. В эти летние месяцы христиане всех конфессий отовсюду приезжают повидаться со мной. Мы разговариваем как братья, молимся вместе. Любовь нисходит на лицо Церкви и преображает его. Христианство и Церковь начинают соединяться в общем источнике, который есть Евангелие и Евхаристия.

В тот же день, неся в себе эти слова, я бродил по старому городу, в котором Византия скрывается под Стамбулом, как Китеж скрыт под водами озера. Внезапно передо мной вырос храм, ныне обновляемый; несмотря на протекшие века, он кажется только что возведенным, как бы незаконченным. На паперти его – три турецких археолога, и среди них – одна женщина, они старательно вымывают обломки статуй. Церковь, давно превращенная в мечеть, – Календер Джами – станет музеем христианского искусства, объясняют они мне, и с этой целью ее сейчас восстанавливают. Нынешняя секуляризация в Стамбуле возвращает нам освященные пространства, безмолвие которых свидетельствует о преображении, она освобождает от мусульманских наслоений человеческое

лицо Бога, божественное лицо человека... Чем может стать это открытие для того, кто ничего не знает о христианстве? Я думаю о словах патриарха о Христе, проходящем через историю, о том, что он говорил мне о Святой Софии, превращенной в христианский музей, и о ее мозаиках, реставрированных благодаря Ататюрку и Рузвельту, людям, которыми он не устает восхищаться.

Взять хотя бы этих молодых археологов; они выросли не в христианском, но в мусульманском мире или уже вполне секуляризованном. Сейчас любопытство, а может быть и любовь, влечет их к этим впечатляющим свидетельствам христианской веры. Инициатива исходит от западной науки, оплодотворенной христианством и ставшей общим достоянием человечества. Что могут они чувствовать?

Возможный ответ – разумеется, не единственный – явился несколькими днями позднее. В притворе церкви святого Георгия при выходе от вечерни к патриарху подошла девушка. Прекрасное лицо четкой и сильной лепки, живое, подвижное, как бы сосредоточенное в огромных темных глазах. Она была тем самым археологом и хотела получить разрешение сфотографировать византийские мозаики, которые были перевезены в Фанар. Патриарх тотчас дает свое согласие, но по своему обычаю откладывает на некоторое время беседу. Девушка-археолог спрашивает, можно ли повидать его вновь. На следующий день патриарх заговаривает со мной об этой новой встрече. «Эта девушка мусульманского происхождения, но она принадлежит к полностью «обмирщенной» среде, которая возникла в этой стране среди интеллигенции после реформ Ататюрка. Она стала археологом из любви к своему народу, своей земле, любви, не исключаящей ничего из его истории. Она страстно увлеклась

византийскими мозаиками. И мозаики открыли ей Христа. Ныне она считает себя христианкой».

– Оставаясь вне Церкви?

– Оставаясь вне Церкви. Христианство повсюду выходит за границы Церкви. К тому же тяжесть истории, этнические проблемы препятствуют обращению. Мы запрещаем себе всякий прозелитизм. Однако на днях у нас крестилось двое взрослых».

Секуляризация как бы приоткрыла двери. И Христос входит в них инкогнито, словно на время. На Бейоглу, большой артерии города, молодые люди, по всей вероятности студенты, наскоро раскладывают книги на тротуарах. Здесь основные тексты революционеров XIX и XX века. Но здесь и Достоевский. Камю сказал однажды, что наш век, как полагали, будет веком Маркса, но он оказался веком Достоевского. Или, может быть, обоих? С обновленным христианством на горизонте?

Я

Больше всего в вашем мышлении мне, наверное, нравится то, что в нем отсутствуют противопоставления. Вам свойственно и ощущение присутствия Христа во всей истории людей и одновременно самое реалистическое ощущение Его присутствия в Евхаристии. На Западе те из христиан, кому открывается действие Христа в исторических превратностях, в конце концов забывают или отрицают власть невидимого и превращают Евхаристию в простую братскую трапезу. Другие же, обращенные к жизни исключительно внутренней и к стяжанию святости, склонны видеть в

жизни мира только угрозы, знамения и тьму антихриста...

Он

Тем, кто сводит Евхаристию к братской трапезе, нужно напомнить, что эта пища, даже разделенная слюбовью, не помешает им умереть. Евхаристия – прежде всего союз с Воскресшим, который воскрешает нас, тот хлеб небесный, который уже здесь дает нам жизнь вечную. Вот почему она есть единственная всецело братская трапеза, потому что Христос делает нас членами друг друга, отождествляет нас в Своей плоти.

Что касается тех, кто испытывает страх перед историей, то им нужно напомнить, что Христос победил ад, что полнота, исходящая от чаши – для всех, что нельзя отвергать жизнь из-за того, что в ней перемешаны пшеница и плевелы, но следует различать в ней работу Господа, всех привлекающего к Своему Воскресению... *Есть только один Христос: Христа истории необходимо соединить со Христом евхаристической чаши!*

Он

Страдание, которое мы испытываем при виде множества христиан, превращающих Церковь в машину, наша мука при виде того, как раздирают тело Христово, не должны заслонять нашей любви к Церкви, нашей Матери, сосуд жизни Божией, ось истории и сердце мира.

Церковь – это Тело Христово. Ее образует не организация, а тайна Христа, Евхаристия.

Я

Тело Христово – место всегда обновляемой Пятидесятницы. Огонь Духа воспламеняет кровь чаши.

Он

Так единство Церкви слагается по образу мистического единства Божия, ибо Дух Святой через Сына общает нас к любви Отчей, к источнику. Через причащение Святыми Дарами тайна св. Троицы внедряется в основу нашей жизни. И жизнь наша преизбыточествует в ней, становится бесконечной. Всякий раз, когда, вглядываясь в лицо моего ближнего, я вижу его прозрачным и неповторимым, я соучаствую в тайне св. Троицы. Вот почему существование Церкви на земле не может иметь другого символа, кроме единства в любви, исполнение «новой заповеди», оставленной нам Господом.

Я

Парадокс Церкви заключается в том, что Господь всегда верен ей, тогда как она не всегда верна своему Господу.

Он

Мы изгоняем Христа из Церкви, но Он непрестанно отдает Себя в чаше.

Я

Некоторые Отцы называли Церковь блудницей, которую Христос омывает в Своей крови, чтобы сделать ее супругой «без порока».

Он

Вот почему Церковь живет покаянием и благодарью. Как напомнила Первая Всеправославная Конференция на Родосе, «Церковь наша построена не из камней и сушняка, но из веры и жизни». Знать это — значит сознавать свою ответственность за всех людей, рассеянных по лицу земли, но созданных по одному образу. Когда я служу Божественную литургию, в особенности на Рождество и на Пасху, я не только мистически сослужу совместно со всеми предстоятелями Церквей-сестер, но молюсь вместе с папой, с главами всех христианских конфессий, соединяюсь в молитве со всеми христианами. Тогда я могу принести бескровную жертву с молитвой о «благостоянии святых Божиих Церквей и о соединении всех», о спасении мира, о всей земле, на которую мы, как Церковь, должны непрестанно призывать мир и милосердие Христовы...

Я

«О всех любящих нас и о всех ненавидящих нас», — повторяют тексты наших служб.

Он

«А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных...»¹.

1. Мф 5.44-45

Для того, чтобы Церковь и христианство наконец соединились, нужно чтобы Церковь выглядела перед миром смиренной и неимущей. Конечно, Церковь вправе располагать какими-то небольшими средствами, и они должны быть в хороших руках. Когда я реорганизовал наши общины, прежде всего в Америке, я настаивал на денежной дисциплине. И народ давал нам необходимое, и более того. Но люди Церкви, ответственные за нее, должны научиться лишениям, явить нам пример простоты. Папа и некоторые католические епископы здесь многому могут научить нас. Сегодняшнему человеку понятны только простота и непосредственные проявления любви. За пределами храма, по крайней мере. Ну, а что касается храма, то если дело идет об украшении или служении, то пусть это будет великим празднеством, совмещающим все виды красоты.

Я думаю о самом патриархе, который иногда ездит в тесном такси и даже на общественном транспорте, так как Фанар располагает лишь одним автомобилем... Если в храмах он скрупулезно соблюдает ритуалы и принимает традиционные знаки почтения – целование рук, затем прикосновение ко лбу – то за пределами храма он находит для каждого собеседника непосредственный язык симпатии и любви.

Следует, чтобы в Церкви между служителями Христа и всем народом существовало тесное сотрудничество. Ибо этот народ – народ Божий.

Я

Когда вы посещаете какую-нибудь общину, я вижу, что вы держитесь на равных с народом и запросто устанавливаете подлинный диалог.

Он

Для представителя Церкви нет ничего важнее, чем уметь слышать таинственный голос народа. Именно народ, соединенный верой и любовью, сохраняет истину. Пастырство в Церкви означает служение, – это пастырство любви, единства и мира. Предстоятель черпает силы в ощущении ответственности: он одушевляет общение всех. Его авторитет зависит от его способности жить, сообразуясь с евангельской переоценкой ценностей: тот, кто хочет быть первым, пусть станет последним, слугой всем.

Я

Но как осуществить это сотрудничество в повседневной жизни Церкви?

Он

Возьмите наши общины. Их добрый порядок строится на повседневном сотрудничестве священника и председателя совета мирян, избираемого каждые два года собранием верующих. В Америке каждые два года созывается собрание архиепископии, принимающее основные решения, на которых делегаты мирян куда более многочисленны, чем делегаты духовенства. Мы, служители Церкви, ничего не можем без

мирян. Мы рискуем остаться замкнутыми в нашем маленьком кругу, далеко от жизни. Миряне знают жизнь, мы должны слышать их голос. Сам я, если что-то знаю о человеке, если у меня иногда бывают интуиции о судьбе Церкви и будущего христианства, то лишь благодаря тому, что пятьдесят девять лет я нахожусь в непосредственном контакте с людьми. Я – старый бюрократ на службе у народа, на ежедневной службе.

Я

В этом тесном сотрудничестве между мирянами и учительствующим клиром, какова должна быть роль тех и других при решении главных этических, социальных, политических проблем?

Он

Пусть миряне берут на себя ответственность! Моя роль не в том, чтобы налагать на них какие-то обязательства. Как это может осуществиться? Наши православные Церкви живут в столь различных условиях, одни – на Востоке, другие – на Западе, некоторые в странах третьего мира. Моя обязанность состоит в том, чтобы напоминать людям о смысле жизни, помогать им стать ответственными.

Я

В этой перспективе, что следует нам думать об энциклике *Humanae Vitae*, о которой столько говорят в настоящее время?

Все критикуют эту энциклику. Послушайте меня: папа не мог говорить иным образом. Он не мог поступить по-другому. Просто не мог. На этот счет есть традиция Ватикана, есть особый язык Ватикана. Папа не мог игнорировать их, внезапно их изменить. Нужно понять то, что он хотел сказать, прибегнув к этому языку, который не столь свойственен ему, нужно понять, какие ценности он стремился защитить: святость человеческой любви, таинство деторождения – радость, о которой говорит Евангелие, когда человек рождается в мир. Он говорил о разлагающем характере удовольствия, когда оно становится автономным, когда над ним не возвышается, не управляет и не освящает его человеческая теплота; если оно не открыто всей необъятности жизни и любви и соответствующей плодovitности. Папа хотел также защитить и права семьи против нового тоталитаризма, угрожающего некоторым странам третьего мира, тоталитаризма химического, биологического...

Вы обратили внимание? В энциклике тридцать одна страница... Здесь патетическая жажда убедить, доказать... Но есть ли в этом такая нужда? Может быть, немногих слов было бы достаточно. Но как обойтись немногими словами, когда миллионы людей ожидают точных решений! И если не повторить традиционные решения со всей ясностью, они могут подумать, что им рекомендуется противоположное!

Я

Ну, а мы, православные?

Он

У нас, к счастью, нет этой трудности и нет такой проблемы.

Мы оставляем ее на совести каждого, на усмотрение его духовника. Это не значит, что нам нечего сказать на эту тему, ничего подобного! В этой области мы прежде всего должны помочь человеку стать ответственной личностью. Нам надлежит напомнить ему о смысле любви. Любовь мужчины и женщины – это грандиозный вид христианской любви, в нем выражает себя любовь Христа к Церкви. «Тайна сия велика», – говорит Апостол. Это одновременно медленное открытие другого и всей необъятности жизни.

Я

Я думаю об аскетическом понятии целостности – его зачастую переводят как целомудрие, но здесь речь идет о целомудрии духа, о придании единства всему бытию, о том понятии, которое обретает весь свой смысл тогда, когда в глубине всякой подлинной встречи раскрывается необъятность жизни, когда страсть изнутри пронизывается нежностью. В православном таинстве брака воспоминается чудо Каны Галилейской. На этой свадьбе Христос превратил воду в вино. Человеческую любовь Он запечатлел знаком евхаристического хмеля.

Он

Вот почему сейчас более чем когда-либо, следует напоминать людям, в особенности молодым, что серьезная и благодарная любовь между двумя человеческими существами возможна и сегодня. Любовь воз-

можно и безгранична. Она требует верности и вечности...

Я

Такая любовь неизбежно становится плодотворной – пусть плодом ее станет ребенок, встреча двух существ, общее служение, общее созидание жизни...

Он

Моя роль в том, чтобы напоминать о смысле любви. В том, чтобы научить человека вниманию к другому, вниманию к жизни, помочь ему стать личностью, способной к уважению и удивлению. Личность как таковую я могу только уважать. Ее брачный покой для меня священен. Я не вхожу в него. Когда между мужчиной и женщиной царит истинная любовь, она полностью освящена...

... На папу же нападают со всех сторон. Ему тяжело и одиноко. Это человек очень восприимчивый, даже чувствительный. Не то, что старый бюрократ, вроде меня. Поэтому я должен быть на его стороне. Только что он прислал мне телеграмму в ознаменование годовщины своего визита в Стамбул; я собираюсь ему телеграфировать, что я с ним, что я понимаю его и одобряю. Одобряю глубинные его намерения. И, главное, я люблю его.

Через несколько дней патриарх принял итальянского посла в Анкаре.

Он

Я выразил ему свою симпатию к Его Святейшеству,

и сказал ему, что чувствовал себя в Риме вполне как дома. В конце концов Константинополь – это новый Рим, и византийцы называли себя ромеями. В конце концов я тоже римлянин! Посол выразил мне свою благодарность за поддержку, которую я только что оказал папе в связи с энцикликой *Humanae vitae*. «Ну а вы, православные? – спросил он меня. – Это вопрос, которым займется будущий Всеправославный Собор. – А теперь? – Мы оставляем его на совести каждого, на усмотрение его духовника. Мы не хотим принуждения. Не мое дело – издавать законы, я должен лишь напоминать о смысле жизни.

Я

Иногда я спрашиваю себя, не извратил ли принудительный целибат духовенства на Западе понимания человеческой любви, не заложил ли он в коллективную психологию ощущение своего рода несовместимости между половой жизнью и тайной христианства...

Он

Вполне возможно. – Как бы то ни было, я полагаю что существование женатого духовенства в православной Церкви – большое благо.

Я

На Первом Вселенском Соборе великий египетский аскет святой Пафнутий воспротивился введению обязательного целибата для священников во имя духовного целомудрия, которое может быть и в брачной

жизни и в монашеском состоянии. В традиции неразделенной Церкви мы видим большую аскетическую трезвость и одновременно уважение ко всем призваниям и величайшее милосердие ко всем скорбям человеческим. Целибат – же призвание монашеское...

Он

Или скорее оно лишь средство, подобное посту и другим методам аскезы. Жизненная энергия здесь должна подняться в область более высокую, она должна поднять любовь на высшую ступень.

Я

Истинный монах, как говорил Евагрий, отделен от всех и един со всеми. Сегодняшний человек более всего нуждается в этих примерах, в этой высокой школе, где учат воскресению. Психопатология открыл взаимосвязанность всех жизненных энергий, но он ничего не знает о ее высших метаморфозах. Платон уже знал, что *эрос* – желание вечности!

Он

Но речь может идти лишь о свободном призвании, о любви, обращенной непосредственно к Богу без посредников, той любви, которая впитывает в себя, в себе преображает энергию, чтобы вся она стала молитвой, объемлющей все человечество и весь мир. Но этот центр, откуда исходит благотворная энергия, может быть также и союзом мужчины и женщины; этим объясняется исключительное положение женатого священника...

Я

... и его жены, ибо она совершает подлинное служение, которое не дает ее человеческой и материнской теплоте замкнуться в семейном эгоизме, простираясь и на само совершение Евхаристии... Некоторые из лучших священников, которых я встречал, стали таковыми в зрелом возрасте под влиянием жен. А те, в свою очередь, с подлинно творческой неприметностью, умели сделать свой дом местом, где каждый чувствовал себя по-домашнему, где никто никогда не был лишним, а жизнь была в движении, в размножении...

Он

Поверьте мне, рано или поздно женатые священники будут и в католической Церкви. Однако не следует заставлять жениться священников, как не следует и запрещать этого: каждый должен располагать правом свободного выбора. Церковное безбрачие может иметь огромную апостольскую значимость, оно может означать полную самоотдачу...

Я

Материнское милосердие Церкви воспроизводит и продолжает любовь Христа, пришедшего не к здоровым, а к больным, и не отвергшего самарянки, несмотря на вереницу ее мужей. Православная Церковь почитает великих аскетов, ставших проводниками небесного света, и прославляет святость брачной жизни, рукополагая женатых людей во священники; идеалом человеческой любви для нее служит «одной жены муж», чего Апостол требует от «епископа», и каким сегодня должен быть «священник». Вот почему

наша Церковь не потворствует вторичному браку вдовцов, при венчании которых, привносит ноту покаяния. Все же, из сострадания, она допускает, или скорее констатирует, что мужчина и женщина порой не осуществляют той возможности единства во Христе, которая дается в таинстве венчания. И потому она терпит развод и повторный брак разведенных. Она не отторгает от своего общения разбитые судьбы. Но в этом нет ничего юридического. Развод и повторный брак – это не права, но исключительные проявление «икономии» милосердия. Для того, чтобы ответить тайне любви, требуется все время и вся вечность. Церковь не учит ничему иному. Но и здесь она указывает на смысл, она возбуждает жизнь, она освещает путь и не отбрасывает тех, кто идет наощупь и порой заблуждается.

Он

Подлинная позиция Церкви – не юридическая, но пастырская. Каноны – это лишь терапевтические указания, и епископ или духовник может сообразовать их с духом той или иной «икономии», о которой вы только что упомянули. Однако остерегайтесь, вы смотрите на православную Церковь слишком радужными глазами. И мы ведь возложили на людей бремена неудобноносимые, которые вовсе не вытекают из Евангелия. Так, мы рукополагаем женатого человека, но запрещаем жениться неженатому священнику. Почему?

Я

Но, я слышал в определенных православных кругах, весьма укорененных в предании...

Он

Но это вовсе не Предание! Это обычай, это дисциплина, сравнительно поздно установленная Церковью, которая может ее изменить....

Я

Конечно. Но я скажу, что я слышал в определенных православных кругах в оправдание этого обычая, оно сводится к следующему: человеческая любовь может распространиться на любовь более широкую, которая должна соединить священника – следовательно и его жену – с приходом. Но было бы немыслимо, чтобы неженатый священник, отдавший себя этой более широкой любви, внезапно заключил бы ее в скобки и сосредоточил свое внимание исключительно на одной личности.

Он

Но что значат эти количества любви? Если женщина хочет выйти замуж за священника, это означает, что она любит его именно таким и готова сознательно соединить себя с его служением, но отнюдь не умалить его... Я убежден, что священник должен иметь возможность жениться и после рукоположения. Ведь это абсурдно, что человек, когда он уясняет для себя свое священническое призвание, бывает вынужден наскоро подыскивать себе жену, порой каким-то безличным образом. В конце концов женятся не для того, чтобы просто жениться, женятся на ком-то, женятся, когда совершается подлинная встреча. Этим моментом не управляют, ибо любовь должна быть чувством испытанным, личностным. Все должно совершаться

мирно и зрело. Неженатый священник, не имея призвания к целибату и просто не встретив до своего рукоположения ту, что призвана стать его женой, должен иметь возможность жениться потом, тогда, когда эта встреча произойдет. А иначе не будет правды в Церкви. Ну, а для того, чтобы люди наконец обнаружили, что произошло примирение Церкви и христианства, в Церкви должна воцариться подлинная справедливость.

Когда я был архиепископом в Америке, я был готов предложить «съезду» поместной Церкви, реформу, позволяющую священнику жениться после рукоположения. Но тогда же я был избран патриархом, и дело осталось недовершенным. Но я собираюсь вернуться к нему на Синоде, чтобы эта проблема была включена в программу будущего Всеправославного Собора.

Я

В древней Церкви даже епископы могли быть женатыми. Один из самых замечательных Отцов, Григорий Нисский, был в течение ряда лет женатым епископом. И когда его жена умерла, один из его братьев воздал ей честь как «святой и подлинно священнической супруге». Святой Григорий Назианзин был сыном епископа. На Западе женатым епископом был святой Иларий Пиктавийский. Подобным примерам нет числа. Кажется, только в VII веке Восточная Церковь решила призывать к епископству исключительно монахов. С внешней точки зрения Церковь стала имперским учреждением, нравственный уровень духовенства оказался под угрозой, возникшей из-за смешения Царства Божия и Царства кесаря. Только монахи, как провозвестники будущего века, казалось, сохраняли духовную независимость Церкви. Отсюда ее решение

выбирать из монахов своих возглавителей. Здесь, несомненно, сказалось желание соединить в одном человеке иерарха и пророка. Даже теперь положительные изменения, происшедшие в Церкви за последние десять лет, могут быть, хотя бы частично, приписаны пророкам, оказавшимся на вершине иерархии? Я имею в виду Иоанна XXIII и Вас самого...

Он

Относительно Иоанна XXIII я уверен. Что касается меня, не знаю. Но если говорить о привлечении к епископству, то в этом отношении обстоятельства, несомненно, сильно изменились. Всеправославный Собор должен непременно заняться этим вопросом. Нет больше имперской Церкви, монашество не имеет ни той силы, ни того смысла. При этом превосходные пастыри не могут стать епископами. Очень молодые люди отделяются от других, налагают на себя целибат, чтобы сделать карьеру епископа. Почему бы епископам не быть женатыми? Такие епископы существовали в течение нескольких веков тогда, когда Церковь, малочисленная и гонимая, находилась в условиях, более близких к нашим, в каких не жила Церковь империи. Апостол Павел говорит нам, что Петр и другие апостолы имели каждый свою подругу... Человек, посвящающий себя служению Церкви, должен иметь возможность выбирать, жениться ему или нет...

Я

В древней Церкви дом епископа часто становился местом служения литургии. В основе жизни христианской общины можно было найти и молитвенное заступничество монашеского типа или проявление на-

200

стоящей любви. Бердяев говорил, что эта любовь также предвозвещает преображение мира.

Он

Надо чтобы в Церкви была справедливость. Тогда люди откроют лик «Человеколюбца», по выражению нашей литургии, лицо Бога который любит человека.

В Стамбуле есть громадные мечети, архитектура которых стремится воспроизвести и даже превзойти архитектуру Святой Софии. Пространства под их куполами полны священного покоя, который окрашен в зелень и голубизну, благодаря фаянсу, покрывающему стены и залитому светом, покой здесь источает прохладу. Пространства эти, чистые и пустые, ничего не воплощающие и не преображающие, сосредоточены в себе самих и как бы вылучены. Надписи и арабески преобразуют объем в плоские миниатюры. Это уже не архитектура, но священное писание в двух измерениях, чтобы все указывало, но не приобщало. Здесь и там человек, сидящий на пятках, тихонько покачиваясь, читает молитвы нараспев и как будто в нос, так, словно он сейчас заплачет. Несколько женщин молится по четкам. Вечерами в каждой большой мечети человек сто выстраиваются в строгий ряд. Слышится речитатив, чей-то голос взлетает, и все склоняются в глубоком поклоне, взлетает вновь, и все падают на колени, звук его достигает последней высоты и разбивается, и все простираются ниц. В неустанном прославлении Единственного душа парит в пустоте между двумя небытийственными безднами: пустотой Неприступного и пустотой этого тварного мира, который Бог каждое мгновение вызывает к жизни и волен в любой момент уничтожить. Это религия без лица, и поистине единственная религия Слова – не того Слова, Которое стало плотью, но Слова, ставшего словом – в этих обнаженных, как бы сожженных арабесках, письменах нетварной плоти Неприступного. Душа может лишь слышать Возлюбленного, она должна «угаснуть», дабы Он один мог заговорить в ней, поглотив ее собою. Религия, в которой есть лишь Он, но

не Он – Ты, Который ускользает в то мгновение, когда все указывает на Него. Кривая разрезает другую кривую, но центр этих пересечений ускользает от нас. Здесь нет абсиды, укрытия, где Слово становится плотью, но лишь плоская стена с маленькой пустой нишей, где с приходом ночи зажигается зеленый огонек. *Кибла*, обращенная в сторону Мекки, лишь обозначена, но не становится символом.

Официальные гиды, сопровождающие западных туристов, не преминут подчеркнуть дух равенства, царящий в мечети. Они пытаются пополнить достояние ислама ценностями секуляризованного общества. Однако ислам не породил этого общества, как это сделало христианство, которое может, если вновь устремится ко Христу грядущему, заменить статическую сакрализацию Средневековья движением к преображению. На земле ислама мирской дух насильно врывается извне. И все распадается. С одной стороны, есть мир вещей, которым следует овладеть, есть отдельные индивиды, которые хотят «жить своей жизнью» в этом времени и на этой земле. С другой стороны, это чистое и пустое пространство, непреодолимая граница Неприступного. С одной стороны, всецелая имманентность, а с другой – та же всецелая трансцендентность: отсутствие богочеловечности. В Топкапу Сарай можно видеть реликвии Магомета, его сандалии, его меч. Пророк хотел быть ничтожным орудием нетварного Корана. Однако он окружен любовью и почитанием, которые распространяются и на его реликвии (ныне их можно видеть издалека в витринах музея). Стоит ли за всем этим отчаянный поиск Бога Живого, заявившего о Себе в человеке?

С исламом мы сосуществуем тринадцать веков, потому что мусульмане уже в VII веке заняли Сирию, Палестину и Египет. Человеческие связи существовали, конечно, всегда, но трудно указать, какие именно. С интеллектуальной точки зрения они были менее всего интересны, хотя и здесь были настоящие встречи и собеседования, в особенности в конце византийской эпохи. Каждый хотел убедить или, скорее, победить другого, не попытавшись понять его по-настоящему. В простонародной среде сложилось то поистине библейское добрососедство, которое я знал в своем детстве. Однако можно было почувствовать и более глубокие отношения среди людей духовных: так, методы призывания имени Божия близко соприкасаются друг с другом, и некоторые дервиши действительно почитают имя Иисусово... Так произошла встреча, где ни один не должен был копировать другого – люди молитвы имеют свой способ общения, не оставляющий следов...

Я

Компаративисты остаются ни при чем. Они полагают, что исихастский «метод» заимствован у мусульманского *зикр*'а. Но он существовал еще до возникновения ислама! Дело обстоит скорее наоборот, стоит только вспомнить о том уважении, которое первые мусульмане питали к христианским созерцателям... На самом деле призывание имени Божия, соединенное с ритмами дыхания и сердца, универсально, его можно найти в Индии и даже в Японии, ибо с самого начала тело человека было сотворено для того, чтобы стать храмом Духа.

Он

Есть большое сходство между юродивыми ислама и нашими юродивыми во Христе. И там и здесь человек надевает на себя отталкивающую маску безумия, «делается поношением» (Иер 44.8) в глазах людей, чтобы смирив себя, избавиться от себя самого. И тот же пророческий дар, то же ясновидение, что внезапно прорывается в этих «безумцах»...

Я

Ныне мы ищем прежде всего понимания. И упираемся в тайну ислама, тайну его учения, возникшего несколькими веками позднее откровения Христова. Оно не проходит ни мимо завета Моисея, ни мимо завета Иисуса. Мы не можем, подобно святому Иоанну Дамаскину, видеть в исламе просто христианскую ересь. Но что такое ислам?

Он

Может быть, мы могли бы назвать Магомета ветхозаветным пророком... Он упоминает Авраама как первого мусульманина. Здесь как будто происходит возрождение веры патриархов, живших не только до Воплощения, но и до Моисеева Декалога. И для блага народов, как сказал Григорий Палама, на которого вы однажды ссылались, ислам помог переходу от языческого идолопоклонства к вере Авраама...

Я

Но ислам встретил также иудаизм и христианство, и Коран отводит важное место Моисею и Иисусу...

Он

И многие из мусульман ожидают Иисуса: Он вернется в конце времен как *махди* и как судья. Ислам справедливо упрекает Израиль в том, что Он ожидает Мессию, который родится в роде Давидовом по плоти. Он утверждает, что Он уже родился от девственной матери, Он – Иисус, «печать святости», как Магомет – «печать пророчества».

Я

Но, несмотря на все это, Иисус ислама – только пророк, занимающий положенное Ему место на ступенях пророчества. И Его исключительная святость не позволяет Ему умереть на Кресте. Две перекладины Креста символизируют союз трансцендентного и исторического: на парапете в Святой Софии, где каждая мраморная плитка отмечена изображением Креста, мусульмане стерли горизонтальную линию. Нет Бога, кроме Бога, и Он есть Бог и ничего больше!

Он

Это верно, но поскольку мусульмане любят и почитают Иисуса и всех патриархов Ветхого Завета, поскольку между ними и нами старые розни все более угасают и будут угасать в дальнейшем – нам предстоит явить собственные наши свидетельства – Библию и Евангелие. И это потребует от нас того же – чтобы и мы приняли их свидетельства всерьез!

Трудность такого диалога в Турции заключается в том, что здесь мало интеллектуально подготовленных представителей ислама. Но я готов поддержать любую инициативу в этой области, исходит ли она от Ва-

206

тикана или от Всемирного Совета Церквей. Не забывайте также и о роли, которую в этом диалоге должны сыграть православные арабы на Ближнем Востоке, которые живут в самом сердце ислама...

Множество вещей должно быть разъяснено в этом диалоге. Вы только что говорили мне о страхе мусульман перед Крестом. Однако тайна Креста хорошо знакома их мистикам. Халладж был распят за то, что говорил о своем союзе с Богом Живым. Он хотел, чтобы это прохождение через Крест было бы не только смертью для него самого, но и воскресением в Боге, уподоблением Иисусу. Меня поразило изречение одного «суфия»: как можешь ты познать Бога по ту сторону, если ты не ведаешь Его в этой жизни? И дело здесь не в мистическом эгоизме: тот, кого Бог поглощает целиком, становится могущественным заступником, одним из тех, кого называют Абдал, одним из десяти праведников, которые по молитве Авраама могли бы спасти даже Содом...

Я

Тайна Креста простирается и за видимые границы христианства. Поразительно, что еврейский народ, отвергший распятого Мессию, сам прошел через опыт стольких распятий. Еврейские мистики видели в нем коллективного Мессию, который благодаря страданиям своим несет на себе грехи мира! Они также вспоминали о десяти праведниках...

Однако в исламе и в иудаизме не произошло встречи божественного и человеческого: человек либо отделен от Бога, либо поглощен Им. Здесь нет преобразования.

По правде говоря, преобразование, когда христианский мир пытался выразить его не только личной свя-

тостью, но и запечатлеть его в культуре, было делом рискованным. Возможно, византийская империя слишком уж утвердилась в том, что уже построила Новый Иерусалим, возможно, слишком легко возомнила себя местоблюстителем присутствия Божия, заключенного под столькими куполами и в стольких образах, тогда как ее – в особенности под конец – подтачивали как суеверия, уклон к язычеству, так и социальное неравенство. Ислам пришел, чтобы разбить эти образы, написать имя Непроступного на этих куполах, напомнить о дне суда, чтобы поставить в вину христианам неосуществленное ими монашеское совершенство – *рахбанья* – знаменем чего является Иисус. Если ислам есть возрождение веры патриархов, есть в нем что-то и завершающее – как если бы он пришел для того, чтобы очистить место для Конца. Благодаря ему пространства больших константинопольских церквей и прежде всего великой Святой Софии, стало пространством Апокалипсиса, образом Небесного Иерусалима, где не будет алтаря, ибо Бог будет всем во всем...

Он

Мы молимся, обратившись к Востоку в ожидании восхода Дня Немеркнувшего. Церковь – это паломничество к небесному Иерусалиму, чей символ – Иерусалим земной...

Я

Вот почему ваша встреча с папой в Иерусалиме имела такой смысл. Также, как и ваш призыв к главам всех Церквей встретиться на Голгофе со слезами покаяния и надежды. Подобный шаг, если он когда-ни-

будь осуществится, будет значить многое и не только для христианского единства, но и для примирения всех сынов Авраамовых. Израиль и Измаил – это враги-братья. Если они так спорят об Иерусалиме – городе Мира – то потому, может быть, что христиане еще не выполнили полностью своего долга по отношению к братьям своим в Аврааме. Слишком долго они забывали прийти в Иерусалим помолиться о возвращении Господа. Между тем мусульмане всегда молились – как показывает двойная *кибла* – обратившись к Мекке и к Иерусалиму. И евреи непрестанно молили о конце своего изгнания, пока оно не прекратилось, не обратилось против Измаила, снова изгнанного в пустыню...

Он

Палестина вновь становится центром мира, местом столкновения империй и идеологий. Святая Земля испачкана кровью, как и лицо Иисуса. Мы должны молиться и бороться за то, чтобы Иерусалим стал местом диалога и мира. Чтобы вместе приготовить путь для возвращения Иисуса, *махди* ислама, Мессии Израиля, Господа нашего.

Он

Нет иного основания новой жизни, кроме Воскресения: оно созидает в нас «совершенного человека Божия, ко всякому доброму делу приготовленного» (см. 2 Тим 3.17). Внутренний человек, сокрытый человек сердца – это сознание нашего воскресения в Воскрешшем, созревшее во всем нашем существе.

Я

Сердце – как загадочно выразился Палама – это «сокровеннейшее тело в теле». Вся наша задача заключается в том, чтобы соединить разум и сердце, дабы разум перестал быть лихорадочным и расчленяющим, а сердце слепым. Человек, достигший внутреннего единства и благодати, обретает сердце «разумеющее», которое видит мерцание небесного света в глубинах тела его, привитого Крещением к светоносному телу Христову.

Он

«Сердце разумеющее» – это сердце, наделенное разумением любви. Любовь – великая сила и сила единственная, это энергия Божия, которая пронизывает все вещи и движет ими, движет всей вселенной вплоть до самых далеких туманностей. Носить в себе разумение любви – значит каждого принимать как тайну. Стареющий Иоанн Богослов мог говорить только об этом: «любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин 4.7-8).

Мне нужен другой, чтобы осознать собственное мое существование и существование Божие. Мое самосознание проходит через другого, самосознание, которое я воспринимаю от Бога как и познание моего ближнего. Мы стремимся соединить то и другое и совместно находим «центр, где сходятся все лучи».

Я

Секрет христианства, может быть, и заключается в этой неистощимой взаимосвязи одного с другим, нераздельной и неслиянной. На духовных вершинах Индии все смешивается, тогда как в иудаизме и в исламе царит разделение (которое их духовидцы преодолевают лишь за счет иной формы смешения). В христианстве, чем более мое «я» достигает единства с другим, тем более его личность предстает для меня новой и неисчерпаемой, открывающейся мне как бы впервые.

Он

То же самое и с Богом. То же бесконечное расширение души.

Я

Святой Григорий Нисский славит бесконечный полет души-голубя – «о, если бы у меня были крылья голубя» – в свете, который одновременно есть и мрак, ибо Бог скрывает Себя в Своей нескрывтости, Он неприступен в Своем присутствии. Чем более насыщает Он душу, тем более она жаждет Его, чем больше наполняет ее светом Своим, тем более устремляется она во мрак, означающий, что свет бездонен.

Он

Ближний становится ближним лишь благодаря откровению, где он открывает себя, оставаясь навсегда непостижимым.

Я

«Объект – это изгнание личности», – сказал в Упсале епископ Латтаикский Игнатий Ацим. Личность – это не объект, в том числе и не объект познания.

Он

Нужно научиться вниманию. И тогда какую радость может подарить открывающееся лицо! Мы скупы на любовь. Чтобы одарить цветами ближнего, нам нужно, чтобы он умер. Подарим же ему цветы сегодня – слово, взгляд, улыбку. Дадим ему понять, как он нужен нам.

Какая радость в том, что здесь, с нами – другой человек, что он, другой, существует. Существует столь же реально, столь же внутренне, как и я сам. Ведь раз существует Бог, существует и другой, и это чудо Божие. Человеческий взгляд – уже чудо. Какая радость – погрузиться взглядом в глаза другого, во внутренний океан его глаз...

Я

Когда я слышу эти слова, мне кажется, я говорю с самим собой. Знаете ли вы, что я стал христианином, потому что христианство предстало для меня религией лиц? В детстве я жил в атеистической среде, где никто не говорил ни о Боге, ни о Христе. «А после смер-

ти что?» – спрашивал я. «Ничего», – отвечали мне. Однако лица людей чем-то тревожили меня. Откуда они приходят, откуда исходит тот свет, что освещает их? В лице, во взгляде я угадывал что-то огромное, вторгшееся в материю. Лица и взгляды не есть ли это цветы земли? Но какое солнце взрастило их?

Однажды подростком я гулял днем по берегу моря. Была зима, и в бесконечной пустыне неба поднимались первые звезды. Может быть, они погасли уже тысячи лет назад, но их свет все еще доходил до меня. Вскоре умру и я, и немного позднее – ибо перед лицом небытия, тем более перед лицом Божиим тысячи лет как несколько дней – немного позднее, вся земля будет мертвой, а мертвые звезды всегда будут светить над ней. Оледенелый, с оледеневшим сердцем я сел в автобус, который должен был отвезти меня в город. Я решил покончить самоубийством. К чему жить и давать ничто медленно истязать себя? Так пусть же оно возьмет меня тотчас и всего целиком. И вдруг я почувствовал, что на меня смотрят. Это была маленькая девочка четырех или пяти лет. Глаза ее светились дружбой. Она улыбнулась. И я понял, что свет взгляда – внутренний океан глаз, если вспомнить ваше выражение – шире, чем это ничто, утыканное звездами, что есть обещание, и что надо жить.

Он

Любовь дает все понять: Бога и жизнь. Она делает жизнь откровением Божиим. Жизнь всего – это Христос, т.е. лицо. И взгляд Матери Божией обращен к нам с бесконечным состраданием.

Я

Христианство – это религия лиц, откровение лиц. В

церкви, полной икон, небо делается как бы другом,
лики заменяют звезды,

Он

и Христос есть «Солнце правды», которое озаряет
лика праведников...

Я

Позвольте мне поделиться еще одним воспомина-
нием. Это было в Греции. Круг лазури повис над все-
ми вещами как благословение. Я вошел в старую цер-
ковь. И тотчас купол охватил меня: в нем была та же
полнота, тот же порыв благословения, что в лазури.
Но в центре его проступало лицо, от которого исхо-
дил свет и к которому он возвращался...

Он

Любовь питает молитву, и молитва питает любовь.
Ходатайствовать и воздавать благодарность – значит
позволить Крови из чаши орошать весь мир. «За все
благодарите», – говорит Апостол. Изумитесь тому,
что Бог существует, и вы обнаружите, что все живо.
Молитва становится существованием, существовани-
ем того, кто более не замыкается в себе самом, что-
бы открыться тому, что необъятно и просто. Чистые
сердцем Бога узрят, и кроткие наследуют землю.

Я

А нищие духом?

Это те, кто уже не видит центра мира в своем «я» – будь оно индивидуальным или коллективным – дабы видеть его в Боге и в ближнем. Они лишают себя всего, и в итоге – отказываются и от себя. В каждое мгновение своего существования они воспринимают Бога как благодать.

Позвольте мне прибегнуть здесь к военной терминологии, которую я иногда предпочитаю: я воюю, нападаю и пытаюсь так жить. Но я воюю с самим собой, чтобы разоружить самого себя.

Чтобы успешно бороться против войны, против зла, нужно уметь вести войну внутри себя, победить зло изнутри. Война с самим собой – самая суровая из войн, ибо внутри нас тоже полно национализма!

В конце концов нужно разоружить самого себя.

Я вел эту войну. Вел ее годы и годы. Она была ужасной. Но ныне я безоружен. Я ничего не боюсь, ибо «любовь изгоняет страх». Я разоружил свою волю, желающую быть правой, оправдывать себя за счет других. Я уже не живу начеку, ревниво распростершись над своими богатствами. То, что мне дается, я умею и разделить. Я не слишком привязан к собственным идеям, собственным проектам. Если мне предложат лучше, я приму их без сожаления. Даже не лучшие, а просто хорошие. Знаете, я отказался от сравнительных степеней... То, что хорошо, истинно, реально где бы то ни было, для меня всегда остается лучшим. Вот почему я не боюсь. Когда ничего не имеешь, ничего не боишься. «Кто отлучит нас от любви Божией?»

Я

Я думаю об этой фразе в *Херувимской*, которую

поют в момент, предшествующий свершению таинства: «Всякое ныне житейское отложим попечение». Большинство людей живет в «попечении», может быть, ради того, чтобы забыть о смерти. Время для них соткано из попечений, соткано плотно, так что никакой свет не пробивается через эту ткань.

Он

Время жестоко.

Но если человек втайне уязвлен, это от того, что он знает, что умрет, и от того, что он нуждается в Боге. «Попечениями» он обманывает и свой страх смерти, и свою нужду в Боге. Обманывает или скорее выдает – в двух смыслах этого слова.

Я

Но человек обезоруженный, не должен ли он также избавиться от своих попечений, как от тяжелых доспехов, дабы разоблачить тоску перед смертью и преобразовать ее в упование на Христа, победителя смерти? В нашей духовной традиции – и это мне особенно дорого – «память смерти» испрашивается как благодать, дабы она преобразилась в «памятование о Боге».

Он

Время жестоко. Но каждое преходящее и тем самым убивающее мгновение, может стать, если мы приемлем его от Бога, мгновением воскресения.

Попечение приковывает нас к прошлому и к будущему. Оно мешает нам жить сегодняшним днем.

Прошлое живет в нас. Дурное прошлое, полное раз-

делений и насилия, длится в нас, питая страх и ненависть.

Вот почему Богу нужно позволить стереть наше дурное прошлое. Доброе преображается и находит свое место в Царствии Божиим: это общение святых, которое охраняет и наполняет светом наше настоящее.

Я

Уже память человеческая преображает. Можно забыть скорбь. Остается лишь опыт страдания с той новой глубиной, которую оно привнесло, остается способность пожалеть и понять. Радость и красота как бы просачиваются к нам и соединяются с вечностью, которая их вдохновляет. В истории также забывается человеческая боль и жестокость. Остаются картины, симфонии, великолепные развалины. Забываются цирковые ристалища. И Святая София соединяется со своим первообразом, Новым Иерусалимом.

Он

Однако не забывается зло, как причиненное, так и испытанное, в особенности, когда виноваты в нем люди или коллективы, которые еще существуют. Это не забывается. И это нельзя заставить забыть. Но если остаешься безоружным, неимущим, открытым к Богочеловеку, Который творит все новое, то Он стирает дурные воспоминания и возвращает нам новое время, где все делается возможным. Прощение – это Бог, Который воплощается, умирает на Кресте и воскресает. Он прощает нас и позволяет нам прощать, ибо Он – обновитель времени, даже и прошедшего. В этом заключается таинство покаяния. И это таинство должно совершиться и в отношениях между народами, но

сначала, прежде всего, оно должно совершиться в отношениях между Церквями. Ибо Церковь живет лишь прощением Божиим. Вот почему папа и я, вместе с Синодом просили Бога изгладить из памяти Церкви то дурное прошлое, которое разделило нас, драму 1054 года, ненависть, существовавшую веками...

«Итак, отправимся далее».

Однако мы не можем навязывать будущее. Оно во власти Божией. Мы знаем только, что в нашей жизни, как и в истории, Воскресение будет последним словом. Вот почему у нас нет страха; мы обращаем взгляд к Богу, возлагая на Него безграничное упование, что бы ни случилось в будущем.

Таким образом мы можем встретить настоящее и прожить его самым интенсивным образом. Каждый день я встаю с благодарностью за то, что живу, и каждый новый день принимаю как благословение. И все обетование жизни, что исходит от прошлого и обращается к будущему, коим владеет Бог, я пытаюсь возрастить сегодня, проживая каждое мгновение в его полноте.

Я

Но мгновение может быть и распинающим. Оно может быть испытанием Иова.

Он

Ничто не смущает меня. Ничто не может меня смутить. Я в руке Божией. В страданиях и превратностях нам остается одна неприкрытая вера, что Бог любит нас бесконечной любовью, нам остается Кровь Христова и теплота Пресвятой Богородицы. Вспомните все эти богородичные иконы, в особенности те, на ко-

торых Богородица прижимается ликом к лику Сына. Помните, в храме, где мы вчера были, с какой любовью там убрали цветами Ее икону. Иконы умножают Ее присутствие. И Ее вера приходит на помощь нашей в тот момент, когда мы перестаем понимать. Ее сладость стирает нашу горечь.

Мне знакомы эти мгновенья, когда ход событий уже ни в чем от меня не зависит, когда ничего уже нельзя сделать. Тогда всецело я отдаю себя, тогда все гнетущее меня бессилие я перелагаю в упование. И мир нисходит ко мне, мир, даруемый нам Господом и превосходящий всякое разумение.

Нынешним вечером, выходя из церкви после вечерни, патриарх надолго останавливается у жасмина. Медленно вдыхает он запах то одного, то другого цветка. Не торопясь, самозабвенно и благодарно, как будто принося жертву. Поза его литургична, священна. «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся»*.

Я

Замечая вашу любовь к природе, я думаю о том «созерцании природы», о котором говорят великие духовидцы христианского Востока, этом приношении Богу вещей в их подлинной сути, этом дыхании твари... Церковь, где все вещи обретают свое евхаристическое призвание, позволяет нам различать и совершать космическую литургию, и каждый на алтаре своего сердца может стать священником мира...

* Из Евхаристического канона Литургии св. Иоанна Златоуста.

Он

Природа – это утешение, которое посылает нам Бог в воспоминание о рае. Его мир, Его сила, Его мудрость, которая правит природой, укрепляет душу в неопределенности судеб, в особенности в трагические и тревожные периоды истории. Человечество становится тогда лихорадочным и безумным, но природа учит нас верности Богу, учит законам истинного плодоношения: терпению, постепенности, безмолвию.

Я

Я помню, как в тот год, когда для меня началось тяжелая разлука, присутствие глазков на дереве в начале осени успокоило и умиротворило меня. Каждая почка была средоточием будущего времени, еще до того, как началась зима, она свидетельствовала о том, что будет весна, будет лето.

Он

«Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Быт 8.22). Великие ритмы природы напоминают об обетовании и благословении Божиим. Церковь благословляет землю – вспомните о виноградных лозах, которые благословляются в праздник Преображения – она прославляет ее материнство...

Я

Когда я смотрел, как вы вдыхаете запах жасмина, когда слушал, как вы говорите об утешении, которое приносит нам природа в судорожные часы истории,

220

мне вспомнился великий роман Бориса Пастернака *Доктор Живаго*, само название которого как бы связует нас с темой жизни. На протяжении тех апокалиптических лет, когда революция с ее абстрактной волей переделывать человека ударами декретов, все более и более обращалась в пустоту, унося с собою бесчисленное количество жизней, Живаго обрел ощущение реальности, можно сказать, вернулся на землю, только благодаря созерцанию великих ритмов природы. Особенно привлекали его деревья, которые росли так незаметно, что за их ростом можно было уследить лишь через большие промежутки времени. Так происходит подлинный рост истории. Ныне мне кажется, что мы нуждаемся в людях, подобных деревьям. Считалось, что деревья не нужны, их истребляли, но потом оказалось, что без них земля перестанет быть плодородной. Люди, подобные деревьям, это святые, и Церковь в ее сути – это, может быть, безмолвный лес, растущий под дыханием Духа, так что люди не замечают этого роста. Не только ее присутствие умиротворяет и охраняет человечество, каждый день одиночки отправляются к ней, входят под ее сень и в ее безмолвие, чтобы в свою очередь стать деревьями, что оказываются целительными и плодородными для жизни. Простите меня, я запутался в метафорах, может быть, несколько нелепых.

Он

Отнюдь. Усталые люди отдыхают в тени деревьев, птицы небесные выют в них свои гнезда. И только деревья позволяют услышать пение ветра, пение Духа. Крест есть новое древо жизни, соединяющее небо и землю, живых и мертвых, людей и ангелов. В Писании есть множество символов, взятых из раститель-

ного мира. И это отнюдь не случайность, такова подлинная природа вещей. Иисус есть истинная виноградная лоза, а мы – ветви. Израиль – это хорошая маслина, к которой привиты язычники... Илия Венецис – писатель, которого я высоко ценю как художника и человека, ибо поистине это человек добра, – великолепно описал этот жизнеобмен, начинающийся с прививки деревьев...

Я отыскал этот отрывок. Вот он. Речь идет о старом крестьянине Иосифе и его разговоре с автором, тогда еще ребенком, и его сестрой: «Мы пришли. Дедушка Иосиф ставит на землю пучок прутьев. Зрение его ослабело, и потому, ощупывая дичок, он поглаживает пальцами веточки, чтобы найти подходящую сторону. Его лицо становится все более серьезным... всякая жизнь оставила его тело, только прикосновение сохранило еще силу жизни. Найдя наконец нужную сторону, он подымает глаза к солнцу. Троекратно перекрестившись, и едва шевеля губами, он начинает шептать свою сокровенную молитву. После минуты сосредоточенности он переводит взгляд к дереву, к которому предстоит сделать прививку. Твердой рукой он подрезает своим ножом прут и отделяет от того места, куда будет сделана прививка, удлиненный кусочек коры. Тем же ножом он надрезает кору дичка, вынимает ее, и на ее место прикладывает вырезанный кусочек коры. Затем крепко привязывает чужое тело к телу дерева.

Он кончил. Сильная бледность разлилась по лицу старика. Он вновь обратил взгляд к солнцу и с трепетом принялся за молитву:

Благодарю Тебя, Господи, что и в сей год Ты позволил мне прививать деревья...

Затем, обернувшись ко мне, он спокойно сказал:

– Вот, мой мальчик, дарю тебе это дерево. Полюби его так, как если бы оно посылалось тебе Богом.

В эту минуту в выражении его старческого лица было что-то религиозное, и это ощущение бессознательно передалось и нам. Но мы не понимали, отчего. Что произошло? Кусок древесной коры приклеился к дичку. И не было ничего иного.

Мы с удивлением посмотрели на старика. Как будто угадав, что происходит в нас, он сказал, повернувшись ко мне:

– Прислони ухо твое к стволу дерева.

Я прислонился головой к стволу, как он мне сказал. Он сделал то же самое и прислушался. Наши лица были рядом, почти касаясь друг друга. Его веки потихоньку отяжелели и закрылись, как будто он погрузился в экстаз.

– Слышишь что-нибудь?

– Ничего. Ничего не слышу.

– Но я-то слышу, – прошептал он.

И в его тихом голосе звенела глубокая радость.

– Но я-то слышу, – повторил он.

И он объяснил мне, что слышит ток крови дерева, у которого он взял кусок коры, слышит, как она медленно втекает в кровь ствола и смешивается с ним, и так начинается совершаться чудо преобразования дичка.

Когда ты полюбишь деревья по-настоящему, ты тоже услышишь, – сказал он мне» (Ilias Vénézis. *Terre éolienne*, tr. fr., Paris, Gallimard, 1946).

Я

К сожалению, говорят эти великие космические символы недоступны людям больших городов.

Он

Люди больших городов при первой же возможности отправляются в деревню. В Америке множество горожан живет в деревянных домах, утопающих в зелени. Техника избавляет нас от природы, грозной и принуждающей, но позволяет нам приблизиться к ней иным, бескорыстным образом. Не столько как к матери, которую мы ожидали, сколько как к невесте, за которую мы ответственны и которую со всей подобающей честью мы должны подвести к бракосочетанию Царства. Такова одна из наших задач – научить технику служить великим жизненным ритмам.

Я

Есть потаенная связующая нить между отношениями человека с природой и брачной тайной. Величие Пастернака в *Докторе Живаго* состоит в том, что он осмыслил эту связь, чего никогда не делал Достоевский, которого Пастернак продолжает и дополняет. Живаго разгадывает тайну природы в лице любимой женщины...

Он

Любовь дает понять все. Для меня тайна природы, проглядывает, может быть, через лик Матери Божией...

Я

Для древних зерно поистине умирало в земле, и Бог выращивал молодое растение. Это было чудом, чем-то подобным смерти-воскресению.

Он

Это и есть чудо. Нашей науке известны какие-то виды непрерывных рядов. Однако всякое рождение, всякий рост, что совершается в границах своей формы, никогда не нарушаемых, несет печать премудрости Божией.

Мы садимся в саду. Близится вечер. Свет становится неподвижным, как пламя в костре. Огромном голубом костре.

Он

Мы говорили о птицах. Посмотрите на чайк. Они прилетели с моря с началом дня, чтобы искать свою пищу на городских окраинах. Сейчас они снова направляются к морю.

И вправду: десятки больших птиц появились высоко в лазури. Покружив в воздухе, они устремляются на юг, к Мраморному морю.

Он

Они прощаются с днем.
Как волен их полет.
Их крылья могучи.
Они летят всегда парами.
Они знают свой путь.
Долгий путь, иной раз через все море.
Одна из них подает знак,
и все поднимаются с места.

Он также показывает мне на голубей, небольших и

темных, устраивающихся на ночь под черепицами патриаршего дома.

Он

С тех пор как я здесь, вот уж скоро двадцать лет, их всегда одно и то же число. Есть какой-то смысл в этих великих равновесиях природы.

Наступает ночь. Патриарх уводит меня в притвор храма. Он надолго останавливается на паперти, любясь ночью. «Какой покой вокруг. Как я люблю его». Он входит, зажигает две свечи, ставит их на плоский подсвечник перед иконой Богородицы. Звезды, выписанные на покрывале Пречистой, как бы служат продолжением тех, которые просыпаются на темно-синем небе. «Две свечи, одна за всех живых, другая за всех усопших», – говорит патриарх.

В машине, после своего визита к Максиму, как бы желая сбросить с себя тягостное впечатление, патриарх внезапно заводит речь о цветах.

Он

На столе в приемной Максима был большой букет цветов. В моем кабинете цветов не бывает. Я не люблю собирать их, не люблю, когда собирают другие, убывают их. У цветов своя жизнь. Они цветут для всех. Когда я вижу их живыми, я как будто беседую с ними. Беседую, порой со слезами на глазах.

В садах Фанара один куст расцветает первым, еще в феврале. И я прихожу и приветствую: добро пожаловать, куст.

В Фанаре также много птиц. И, разумеется, кошек. Один из котов поджидает меня каждый вечер, я разговариваю с ним, глажу его. Он провожает меня до верхней ступеньки лестницы.

В Халки наши беседы часто велись на садовой скамейке позади храма. Отсюда открывается море, простирающееся до самого анатолийского берега. У наших ног, у края камня копошатся муравьи. У некоторых крылья, расправлены для брачного полета. Патриарх, когда что-то в жизни природы привлекает его внимание, умолкает и весь уходит в наблюдение. И уходит надолго. Там, где человек рассеянный и поверхностный скользит взглядом, ребенок и молитвенник умеют вглядываться – по долгу.

Он

Никогда не перестаю удивляться. Удивляться этому коллективному разуму, который движет ими, удивляться их встречам, языку, их бесконечной деятельности в каком-то самозабвении или неведении. И когда один из них находит и хватает добычу, с какой же гордостью он несет ее!

Тогда я читаю патриарху заметку одного французского физика, лауреата Нобелевской премии, сделанную в «анкете о Боге», опубликованной в еженедельнике, который попался мне в Стамбуле перед нашей поездкой на острова: «Идея, что мир, материальная вселенная, возникли сами по себе, представляется мне абсурдной... Для физика один-единственный атом так сложен, так богат разумом, что материалистическая

концепция вселенной теряет всякий смысл. Наука весьма скромна. Нельзя и пытаться все объяснить с ее помощью».

Он

Вопрос атеистов, в сущности, следует обратить к ним самим. Как может существовать Бог? – говорят они. Однако следует скорее спросить: как может существовать мир? Возможно ли существование мира? Возможно ли его постижение?

Вечером он заговорил со мною о смерти. Я слушал его до конца, не прерывая. Я не искал новых импульсов для продолжения нашей беседы. Нужно было только слушать.

Он

Смерть – страшное событие. Все члены одного поколения вместе отправляются в путь. Затем один падает здесь, другой там. Теперь я остался почти один. Большинство друзей моего детства уже умерло. Большинство соучеников тоже. Когда четыре года назад я вернулся в родную деревню, я встретил только молодых. Мало, поразительно мало, стариков которых я знал.

Мне было тринадцать лет, когда умерла моя мать. И восемнадцать, когда умер отец. Благодаря усопшим, которых человек любил, которых не перестает любить, человек с годами приобретает все больше и больше корней в невидимом. Обезоружить себя – это значит стать накоротке и со смертью. Когда ты безору-

жен, и у тебя нет страха, то не боишься смерти. Тогда ты каждый день говоришь ей «да». Смерть – переход. Воскресший ведет нас от смерти к жизни. Мы были крещены в смерть, чтобы соучаствовать в Воскресении. Шаг за шагом наша жизнь свертывается, и наше крещение, и наша смерть сливаются воедино.

Силой Животворящего Креста жизнь обретает свое завершение в смерти. Без смерти жизнь не имела бы реальности. Она была бы иллюзией, сном без пробуждения.

Мне не хотелось бы умереть внезапно. Нужно проболеть несколько недель, чтобы подготовиться. Не слишком долго, чтобы не обременять других. Вот смерть отправляется в дорогу за мной. Я вижу, как она спускается с холма, поднимается по лестнице, входит в коридор. Она стучится в дверь комнаты. И у меня нет страха, я жду ее. И я говорю ей: «войди!» Но не будем сразу же трогаться с места. Ты – моя гостья, присядь на минуту. Я готов». И затем пусть она унесет меня в милосердие Божие.

Души людей – неисчислимое количество душ – где они ныне? Мы что-то знаем об их состоянии, но не об их местопребывании. Далеко ли они? На других землях, иных планетах? Но почему они покинули эту землю, которую любили, где еще живут их родные, их друзья? Эту землю, чья материя освещена светом Господним? Они здесь, совсем близко, по другую сторону видимого, в милосердии Божиим. Если мы не видим их, то это наша вина, объясняемая ограниченностью, ослеплением наших духовных способностей...

Однажды я был совсем недалеко отсюда, в церкви Николая Угодника. Я думал о всех поколениях верую-

щих, прошедших здесь за те четыре века, что стоит этот храм. Тысячи людей – где они? Где их души? Но внезапно я понял, что здесь в этом храме они молились, поклонялись иконам, разделяли здесь хлеб жизни. И здесь же они остаются, – в общении святых, в близости ко Христу. В Его любви мы не разделены. Потому что есть Бог, Он существует. Существует и вечность. И в Его любви Он хочет соединить нас всех.

При Воскресении Он станет всем во всех. Неумолимого времени, которое изнашивает и убивает, пространства, которое ущемляет и разделяет, больше не будет. Он Сам станет нашим временем и пространством.

Ибо Он существует, Он есть.

Нельзя Его объяснить. Здесь тайна веры, блаженный опыт веры.

В православной традиции, как, впрочем, и во многих других религиях, олицетворение смерти ни в коей мере не является метафорой. Многие умирающие со страхом или с упованием действительно видели ангела смерти, существо из мира духов, готовое перерезать нить жизни и принять душу в мир иной. В своем очерке, написанном по поводу кончины *старца* о. Алексия Мечева, о. Павел Флоренский подобрал ряд свидетельств об этом видении смерти. «Мне представляется совершенно бесспорною, – пишет он, – прямая зависимость бесчисленных образов искусства, древнего и нового, всех этих плясок смерти, триумфов войны и т.д. от таких видений, т.е. не только по рассказам о них, но и по прямому, хотя, может быть, и смутному опыту самого художника... Обладающие двойным зрением видят иногда смерть и саму по себе, вне угрозы

собственной их жизни; то, что называют художественной фантазией, есть на самом деле некоторая смутная степень двойного зрения. Детям весьма нередко эта способность бывает свойственна, и не раз приходилось слышать, как дети рассказывают привиденную ими «Смерть». (Цит. по книге «Отец Алексей Мечев», Париж, 1970, стр. 368-370).

Я

Нельзя говорить о смерти, не вспомнив об аде, не припомнив слов Писания о муке вечной...

Он

Вечный ад? Но какой он, какой он – ад?

И рай и ад – в нас самих.

Чистилище же для меня не имеет смысла. Что оно может означать? Бог не уготовал ничего похожего. Он принимает души в лоно Своей любви, утирает слезы, исцеляет язвы. Лаской Своей Он готовит их к Воскресению, к тому решающему мгновению, когда они погрузятся в свет.

Свет Воскресения затопит все наше существо. И если мы примем его со смирением и благодарностью, то наступит рай. Но если мы отвергнем его, если мы, погрузившись в любовь Божию, останемся отделенными от нее, связанными самими собой, то мы окажемся в аду...

Я

Об этом писал святой Исаак Сирин: «Неправда, что

грешники в аду лишены любви Божией... Но любовь действует двумя различными путями: она становится страданием для осужденных и радостью для блаженных».

Но имеем ли мы право говорить об аде для других? Только Бог вправе говорить *мне* об аде. Евангельские притчи об овцах и козлищах служат для меня прежде всего предупреждением и призывом к покаянию.

Я знаю, что Судья – это в то же время и Защитник. «Горсть песку в необъятном море – вот что такое грех всей плоти в сравнении с милосердием Божиим», – говорит святой Исаак, и единственный настоящий грех для него состоит в невнимании к Воскресению Господа, которое в силу крещения становится и нашим воскресением. Самое главное, говорит он, это прислушаться всем своим существом к «радости любви Христовой; что такое геена перед благодатью Воскресения»?

Он

Ориген считал, как вы знаете, что в самом конце, пройдя через эоны и бездны, все души обратятся к Богу. Каждая из душ познает, что самое крайнее зло не может ее насытить, ибо бесконечен лишь один Бог.

Я

Это верно, ведь во зле иногда ощущается как бы обращенный вспять поиск бесконечного.

Он

Церковь осудила Оригена. Всеобщее спасение не дается с автоматической достоверностью. Но величай-

шие святые молились о том, чтобы все были спасены. Молитве нельзя ставить границ.

Я

И это один из самых важных эпизодов в истории Церкви, оригенизм был осужден как учение и усвоен в ее духовной жизни. И это могло бы означать: к самым важным вещам богословие должно подходить не объективно умозрительно, но искать их разгадки в молитве.

Антоний Великий пожелал узнать, где пребывает он на своем духовном пути. И он спросил Христа. Но Христос, воздав ему должное, сказал, что его опередил один сапожник из Александрии. Антоний спешит в Александрию и спрашивает сапожника.

«Я не делаю ничего особенного, – отвечает тот, – все, что я зарабатываю я делю на три части: одна для бедных, другая для Церкви, третья для меня».

«Но я-то оставил все, – говорит Антоний. – Нет, здесь что-то другое. Сам Христос меня к тебе послал, так скажи мне все».

«Хорошо, – отвечает сапожник, – когда я работаю, передо мной проходит большая толпа жителей Александрии. И я молюсь: Пусть будут все спасены, один я достоин осуждения...» Некоторые монахи сохранили эту молитву, передавая ее от поколения к поколению, и она дошла до наших дней. Но рождается она произвольно в сердце, уязвленном любовью Божией. Один русский юродивый во Христе, живший в прошлом веке, умирая, отказался войти в свет и даже заспорил с Богом: «Не войду, пока Ты не обещаешь мне, что все спасутся, что вся земля будет спасена».

Уже апостол Павел хотел быть отлученным за своих братьев. Мученики молились о спасении своих папачей. И нам надлежит возвещать людям не ад, но победу Христа над адом.

Тема победного сошествия Христа в ад широко раскрыта в Писании: «Бог воскресил Его (Иисуса), разторгнув узы смерти: потому что ей невозможно было удержать Его», «Не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления» (Деян 2.24-31). «Потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу... был умерщвлен по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедовал» (1 Пет 3.18-19). «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, чтобы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» (Евр 2.14). «... и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь. И имею ключи ада и смерти» (Откр 1.18), ад уже возвращает своих узников (Мф 27.52-53). «Восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам». А «восшел» что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли» (Еф 4.8-9), т.е. что традиционно символизирует ад. «Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все» (Еф 4.10), «дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Фил 2.10).

Православие сохранило это предание, в то время как Запад его утратил, если не считать народного средневекового искусства и некоторых интуиций Лютера. Образ Искупления на Западе – прежде всего Голго-

фа. На Востоке – это сошествие Христа в ад. Христос взрывает двери здешнего существования – или скорее несуществования – «жизни мертвой», по слову святого Григория Нисского, где царит разделение и тоска, Он попирает «разделителя» и протягивает руку первому Адаму. Человечество в падшем его уделе оказывается для живых, как и для мертвых, погруженным в ад как способ существования, ад, который Богом не сотворен, но который выражает разделение, разрушающее человека. Западное богословие, как заметил Ганс Урс фон Бальтазар, упустило одну очень важную вещь, не задумавшись достаточно серьезно над тем, *от чего* Бог искупил нас. Это *от чего* для православия – попросту ад. Христос, приняв безграничное одиночество смерти, дав душу Свою пленить цепями адского опыта, когда эти цепи при соприкосновении с Его божественной природой распались, приобщил жизни и свету ту сторону существования, над которой тяготеет мрак, смерть, одиночество.

Православная Церковь поставила эту столь простую достоверность в центр своей веры, своей литургической и мистической жизни: Христос, пройдя через царство вечной смерти, победил эту смерть, уничтожил ее, и заменил вечной жизнью. Вот почему она празднует Пасху с таким ликованием. Ликованием в каком-то смысле окончательным, ибо врата ада разбиты и останутся разбитыми – какими бы ни были превратности истории – до Второго Пришествия Господня. Церковь, будучи таинством Христа, уже победившего Сатану, есть то место где врата адовы более не замкнутся за человеком.

И весть об освобождении звучит с особой силой в ночь со Страстной Пятницы на Страстную Субботу:

Егда снизшел еси к смерти, Животе Бессмертный,

тогда ад умертвил еси блистанием Божества. Егда же и умерший от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе.

Ад како стерпит, Спасе, пришествие Твое, а не па-че сокрушится омрачаем, блистания света Твоего лучами ослеплен?

.....
Якоже света светильник, ныне плоть Божия под землю яко под спуд крыется и отгоняет сущую во аде тьму.

.....
Уязвися ад в сердце, прием Уязвленного копием в ребра, и воздыхает, огнем Божественным иждиваем во спасение нас, поющих Избавителю Боже, благословен еси (песнь 7).

.....
Едино бяше неразлучное еже во аде, и во гробе, и во Едеме. Божество Христово, со Отцем и Духом, во спасение нас, поющих: Избавителю Боже, благословен еси (Песнь 7).

(Цит. по книге «Минея праздничная». Издание Московской Патриархии. М., 1970, стр. 411-432).

Он

Таким образом мы постарались наметить первые этапы того пути, который есть путь молитвы и путь любви,

Я

и также путь познания, ибо молитва и любовь обновляют наш разум. Теплота души – *katanuxis* – и пробужде-

ние – *nepsis* – обращают нас к «пламени вещей», по слову одного мистика-созерцателя, и к тайне сердец... Путь, который вы начертили передо мной, ведет от слез покаяния к слезам радости, от внутреннего разрушения к братской любви, от безусловного доверия при самых трагических обстоятельствах к миру, миру, который превосходит всякое разумение. Так неразделимыми становятся свобода и радость, ибо человек, освобожденный от своих индивидуальных ограничений, находит в Боге бесконечность своей свободы. Если Бога нет, человек – лишь какой-то кусочек материи, отданный во власть всякого рода детерминизмов природы и общества, и то, что он называет своей свободой, есть не что иное, как бегство от небытия... Но если Бог есть, он бросается в Него, чтобы стать тем, кем он стремится стать, повинаясь глубочайшему велению своего существа. Он бросается в Него как птица в небо и рыба в океан. Нет больше смерти, есть лишь свобода!

Он

Быть свободным, быть свободным в себе самом, какая ликующая радость! Нам дано умереть для лжи, для всех неправд, обитающих в маленьком, обособленном индивиде, дабы возродиться в Господе, дабы знать, что ты Им принят, Им прощен, получить от него жизнь бесконечную, где мы ни с чем не разделены, где наша сила сливается с великим дыханием Духа!

Я

Аскеты говорят здесь об освобождении от страстей. Для них страсть – это наша жизненная сила, что вздымается пред бездной небытия и ищет абсолютного там,

где его нет. Мы ожидаем спасения от женщины или от искусства, или от революции. Но вне Бога поиск абсолютного становится разрушительным. Страсть, убегая от небытия, оставляет двери открытыми для него. Ибо смерть украдкой обитает в ней. И в пределе своем она должна в конце концов умертвить свой объект, ибо это не Бог...

Он

Свобода, к которой стремятся люди, это чаще всего бессодержательное движение, отвергающее всякое принуждение, чтобы придти в конце концов к разрушению или самоубийству. Свобода *от*, свобода *против*, но не свобода *для*. Свобода сама становится рабством, если не наполняется светом и бесконечностью любви.

Я

Литургические тексты именуют Христа «освободителем», они говорят, что Страстью Своей Он позволил нам освободиться от страстей... Блуждающая энергия собирается и преобразуется в пасхальный свет. Она становится бесконечной нежностью и творческой силой. Человек, освященный ею, облегчает и умиряет существование вокруг себя, он становится творцом жизни, правды, красоты.

Он

Потоки воды живой текут из его чрева, согласно евангельскому обетованию. Такова подлинная свобода в Духе Святом. Но величайшая свобода – отдать жизнь за тех, кого любишь, за Того, Кого любишь.

Это мученичество. Помните, что дух в начале Апокалипсиса говорит Смирнской Церкви: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни».

Я

В древней Церкви христианина называли *aphoberos thanatou* – «тот, кто не боится смерти». Он царственно свободен, ибо смерть – не впереди, но позади него.

Он

Одна из главных наших задач – обновление духовного строя. Мода на психоанализ и йогу свидетельствует о каком-то отсутствии христианства в глубинах жизни. Нам не хватает духовной жизни, которая коренилась бы в нашей высочайшей молитвенной традиции, трезво сообразованной с современным человеком.

Я

Насильственная аскеза, аскеза, направленная к укрощению переизбытка жизненных биологических сил, видимо, не имеет большого смысла для человека большого города в эпоху промышленной цивилизации. Это человек, чаще всего лишенный жизненной энергии, обычно усталый, но, как правило, не способный к мобилизации всех своих резервов, ибо он живет чаще всего на нервном износе. Всеприсутствие пола – от рекламы до навязчивой идеи «вытеснения», – все, что распространяет в своих вульгаризированных формах психоанализ – мешает его самосознанию, разрушает целостность его личности. Переполненность

шумами и образами, которые во множестве изготавливаются машинами грез, низводят его к жизни поверхностной, к некоему сомнамбулизму. Ему нужно вновь обрести смысл *sophrosynè* – целостного целомудрия духа – а также *nepsis'a* – пробуждения, этого сознания в сознании... Ибо вся цивилизация ныне отдает его в рабство «исполинам забвения», о которых говорит аскетическая традиция Православия...

Он

Сегодня надо не столько порывать с обыденной жизнью или отказываться от нее, сколько вносить в нее мир и свет. Вовсе не обязательно искать мистику в сфере необычных ощущений. Самые обычные ощущения, самые банальные встречи мы можем переживать как чудо, и Лик Воскресшего может проступать для нас через лица людей и вещей. В свете этого Лица все переходит от смерти к жизни, от отсутствия к присутствию, от времени к вечности.

Я

Чтобы современному человеку обрести чувство тайны, или, если это слово ему чуждо, чувство неведомого, нужно, мне думается, вернуться к «апофатическому» мышлению Отцов. Бог, согласно их концепции, всегда пребывает по ту сторону образов, понятий и самого слова «Бог». Это не какой-то своенравный индивид, восседающий на небе, но – Непостижимый, Бездонный, это – сияющий мрак. В то же время Он есть основа, смысл. Он есть та открытость, в которой все предстает в свете. Мы принизили Бога, превратив Его в высшее существо, в опору, на которой держатся наши построения. Мы сами сделали Его смехотворно

малым. Может быть поэтому столько людей в наше время тянутся к Индии, к ее безличностной духовности, а может быть просто к горам или морю под солнцем. В одном трагическом фильме, который я видел в последние годы, рассказывается о молодом человеке, занятом отчаянными поисками бытия в его первозданной невинности, и когда он умирает, мы слышим стихи Рембо:

*Она обретена
Вечности глубина.
Полоска солнца
По морю проведена...*

Он

Чудо христианского Откровения в том, что бездонное не безлично, в безмерной его глубине нам открываются свобода и любовь, они приходят к нам, они обретают лик. Поистине Бог столь превосходит Бога, что отдает Себя нам на Кресте, что нисходит для нас в ад, что принимает наши самоубийства как вопль о помощи. Бог распятый: поистине это и есть подлинная апофатическая концепция, которая гораздо больше, чем отрицательное богословие, это откровение любви. Бог наш – Бог Живой.

«Я уже не называю вас рабами; ибо раб не знает, что делает господин его: но Я назвал вас друзьями»¹. К этому должна придти обновленная духовная жизнь. Сокровенно Бог открывается как друг, который пребывает в единении с нами всю жизнь. «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные»².

1. Ин 15.15.

2. Евр 2.14.

Прошло время рабства, когда человек принимал на себя бремена неудобноносимые из страха перед Богом-врагом. Пришло время Бога Живого и животворящего, Который вносит свет в повседневную нашу жизнь, Который усыновляет нас в Сыне Своем, и в Духе общает нас к Своей полноте. И в этой перспективе христианство должно стать подлинной «наукой жизни».

«Иисусова Молитва» или «сердечная молитва» неотъемлема от духовной жизни в Православии. Прямо или косвенно наши беседы постоянно обращались к ней. Поэтому нам кажется необходимым наметить основные черты этого «метода», засвидетельствованного уже среди древних христиан, разработанного на Афоне в конце Средних Веков, а в XIX веке пережившего обновление во всем христианском мире и принесшего свои плоды в богословии и культуре. Многие сулит обращение к нему и в наши дни поиска христианского единства, если только, возвращаясь к этому «методу», мы не отделяем интеллектуального анализа от подлинного созерцания.

«Молитва Иисусова должна совершаться лишь с дыханием твоим, и ты познаешь плод безмолвия», – писал святой Иоанн Лествичник. И не раз можно прочитывать в *Добротолубии*: «Пребуди в Имени Господа Иисуса Христа, дабы сердце твое упивалось Господом, и Господь упивался сердцем твоим, так чтобы двое стали едины».

Нерв исихазма (от греческого слова *исихия* – «молчание» и «мир» в единении с Богом), «молитва Иисусова» служит для православных не мистической достопримечательностью, но глубочайшим выражением жизни во Христе, как бы Преданием в Предании, его тайной осью.

Среди некоторых монахов, внявших призыву к непрестанной молитве и вступивших на путь «великого безмолвия», «молитва Иисусова» – это инструмент строгого «метода», «искусство искусств» и «наука наук». Но с различной интенсивностью она совершается многими верующими; в своей самой непритязатель-

ной, несистематической форме она оказывается весьма пригодной для современного человека, «не имеющего времени молиться». «Монах Восточной Церкви», отец Лев Жилле, друг вселенского патриарха и священник *Синдесмоса*, участвовавший в качестве международного координатора в движении православной молодежи, писал несколько лет тому назад: «Призывание Имени Иисусова доступно самым простым верующим, однако оно посвящает нас в глубочайшую из тайн... Оно подходит ко всем обстоятельствам времени и места: работа в поле, на заводе, в учреждении и дома совместима с ней...»

Для христианского Востока божественные энергии коренятся в глубине живых существ и вещей. Человек в силу строения и ритмов своего тела создан для того, чтобы стать «храмом Духа Святого». «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Который имеете вы от Бога...? Посему прославляйте Бога и в телах ваших...» (1 Кор 6.19-20). И в особенности ритм дыхания и «сердечное место» призваны играть важную роль в распределении благодати во всем нашем существе.

Между дыханием телесным и дыханием Божественным – ибо древнееврейское *Ruach* и греческое *Pneuma*, которые мы переводим как Дух, изначально обозначают Дыхание и Дыхание жизни – существует реальное соответствие, которое делает первое символом и промыслительным средством второго. То же самое между «сердцем», центром всего человеческого тела, солнцем тела и светом Христовым, солнечным сердцем Церкви и всего мира. С библейской темой «сердца» соединяется тема крови, которая есть первоначальная «вода», пронизанная огнем Духа, и отсюда – ее цвет и теплота. (И потому в православной Церкви

и причащаются *теплой* кровью Христовой, и для этой цели перед самым причастием в чашу вливают немного теплой воды, которая символизирует «теплоту Духа Святого»). Так складывается соотношение сердце-дыхание-Дух. Складывается, разумеется, не по канонам современной науки, науки «горизонтальной», науки причин и следствий, но по «вертикальному» ведению различных степеней тварного бытия, их аналогий, по их способам восприятия божественного света. Поэтому мы постоянно ставим кавычки: так, например, духовное сердце отождествляется с физиологическим, и в то же время отличается от него в силу различия, которое с большой тонкостью описал Паисий Величковский.

«Сердце» – орган истинного познания, которое превосходит и интегрирует все наши способности, не только интеллектуальные, но и телесные, касающиеся не только сферы эмоций, но и области «обличения вещей невидимых». «Сердце» – это духовный орган, созданный для целостного познания, не отделяющего себя от любви как начала единства. «Сердце» – это реальная метафора всего человека, пребывающего в божественном Свете. Пробуждение «сердца разумеющего» Духом, сопряженным с дыханием, возвещает, если говорить языком апостола Павла, – преобразование уже в этой жизни «тела душевного» в «тело духовное».

Начало этого преобразования сокрыто уже в сотворении человека «по образу Божию». Но образ этот, помраченный грехопадением, восстанавливается полностью лишь во Христе. В этом и заключается весь смысл призывания Имени Иисусова, приводящего нас к сознательно целостному единству с Тем, Кто вновь открывает нам путь к Богочеловечеству.

История религий говорит нам о том, что призывание Имени всегда и повсюду было особенно действен-

ным. Имя сопряжено с активным присутствием. Ветхий Завет, открывший Бога Живого в Его совершенной трансцендентности, окутывает Имя Божие благоговейным страхом. Здесь не может быть и речи об уподоблении Именуемому, но лишь об освящении себя перед Ним. Иудеи не имели права произносить этого Имени, за исключением первосвященника и лишь раз в году на празднике Судного Дня. Если оставить в стороне это единственное исключение, которое само в конце концов было окутано тайной и забвением, «тетраграмму» заменяли словом «Адонай», Господь. Для иудеев «освящение Имени» – *Kiddousch Haschem* – означает в предельном смысле мученичество. И Христос возвращается к этой теме в *Молитве Господней*: «Да святится имя Твое...».

Однако Господь пребывает за пределами всякого имени. Он Тот, Кто по экзегезе Отцов, не Существо, а Сущий, Тот, Кто назвался и отдался во Иисусе, что означает: Предвечный спасает, Предвечный освобождает, отпускает на волю. Поэтому призывание Имени Иисуса напоминает о Его животворящем присутствии, которое отныне открывается нам в Церкви как в таинстве Воскресшего.

Формула, сложившаяся в XIII веке на Афоне – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» – несет в себе и славословие, и покаяние. Мы призываем Сына, поскольку знаем Его воплощенным, знаем Его лицо, обращенное к нам. Слово «Господи» указывает на Его божественную природу, изгоняет или умаляет все силы мира сего. Исповедуемое сыновство – «Сыне Божий» и само слово «Иисусе» указывает на Отца как начало Божества.

Мессианское наименование Христа (*Христос* означает Помазанник, Мессия) сопряжено и с действием Духа, ибо, согласно Апостолу, никто не может на-

звать Иисуса Христом, кроме как Духом Святым, Который Сам будучи помазанием *Христа*, должен стать и нашим помазанием. Таким образом, призывая имя Иисусово, мы вступаем в тайну Пресвятой Троицы.

Мы читаем в *Добротолюбии*: «Слова «помилуй мя» явились впоследствии и были добавлены Отцами. Когда славословие превосходит покаяние, призывание может ограничиться первой частью: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий». Предельно от молитвы остается лишь имя «Иисус», сливающееся с дыханием. Тогда она становится молитвой единого слова, молитвой «монологической», и только она, говорит святой Иоанн Лествичник, может победить «помыслы».

Призывание Имени должно выявить прежде всего «благодать Крещения», первого посвящения в христианство. Вечная жизнь начинается здесь, на земле, и начинается она с крещения, «второго рождения», «малого воскресения». «Мы нисходим в воду как аморфная материя и одеваемся в красоту», – писал Николай Кавасила, который говорит о крещении как о подлинном «пробуждении после смерти». Однако «просвещение», воспринятое в Крещении, почти всегда растворяется в бессознательном, которое еще не есть «биографическое» подсознательное во фрейдовском смысле, но таит в себе само присутствие Божие, сообщающее человеческой личности открытость иному миру... Поэтому освящение требует все более сознательного соучастия в смерти и Воскресении Христовом, в которое мы были крещены. «... дабы как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим 6.4-5). Святость – это не только

интеллектуальное, но и преобразующее сознание нашего воскресения в Воскресшем. На христианском Востоке существует традиция называть человека духовного «воскрешенным».

«Жизнь во Христе» совпадает с тем, что святой Серафим Саровский называл «стяжанием Духа Святого». Вот почему миропомазание на христианском Востоке неотделимо от крещения, оно таинственно запечатлевает славой Духа Святого основные части нашего тела, дабы они стали вместилищем благодати, как говорит святой Серафим. Священник помазует миром лоб, глаза, нос, рот, уши, грудь, руки и ноги новокрещаемого, каждый раз произнося слова: «Печать дара Духа Святого».

И все это завершается в Евхаристии, обновляющей в самой глубине нашего существа начаток обожения, соединяя нас с Телом Христовым, местом постоянной Пятидесятницы. «Видехом Свет истинный, прияхом Духа небесного – обретохом веру истинную...», – поет хор от лица верующих после причастия.

С таинствами посвящения и самой христианской жизни соединяется также «умное» – в sacramентальном смысле – чтение Библии. В известных *Откровенных рассказах* «русский странник» рассказывает нам, что на долгих своих путях он носил с собою только две книги: Библию и *Добротолюбие*. «Евангелие – это как молитва Иисусова, ибо имя Божие Иисуса Христа заключает в себе и все истины евангельские. Отцы говорят, что молитва Иисусова – это все Евангелие вкратце». «В то время я читал также мою Библию и ощутил, что начал лучше ее понимать, я находил в ней меньше темных мест».

«А что выше, – спрашивает у «странника» его спутник, – «Иисусова молитва или Евангелие?» «Все одно и то же, что Евангелие, что Иисусова молитва; ибо

Божественное имя Иисуса Христа включает в себе все евангельские истины.

Справедливо говорят Св. Отцы, что *Добротолубие* есть ключ к открытию тайн в Священном Писании. При руководстве оным я стал понимать сокровенный смысл Слова Божия: мне начало открываться, что такое «сокровенный сердце человек» (1 Петр 3.4), «что истинная молитва, поклонение духом» (Ин 4.23), «что Царствие внутри нас» (Лк 17.21), «что неизреченное ходатайство совоздыхающего Духа Святого» (Рим 8.26), что «будете во мне» (Ин 15.4), что «даждь ми твое сердце» (Притчи 23.26), что значит «облещися во Христа» (Рим 13.14 и Гал 3.27), что значит «обручение Духа в сердцах наших», что «взывание сердечное: Авва! Отче!» (Рим 8.15) и проч. и проч. («Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», Казань, 1884).

Молитва Иисусова помогает человеку достичь постоянного литургического, евхаристического состояния. К пребыванию в молитве призывает св. Апостол Павел: «Непрестанно молитесь». «В двадцать четвертую неделю после Троицына дня, – пишет странник, – пришел я в церковь к обедне помолиться; читали Апостол из послания к Солунянам, зачало в котором сказано: *непрестанно молитесь*. Это слово особенно запечатлелось в моем уме, и я начал думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни». Неотступно преследуемый этим наказом, странник ищет того, кто мог бы помочь ему растолковать его. Долгое время он не находит удовлетворительного ответа. После года бесплодных поисков он приходит наконец к *старцу*, который дает ему ответ. «Мы вошли в келию и *старец* начал гово-

рить следующее: непрестанная внутренняя Иисусова молитва есть непрерывное, никогда непрестающее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем а ощущением Его постоянного присутствия, на всяком месте, во всяком времени, даже во сне. Она выражается в таковых словах: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Тот кто привыкнет к этому призыванию, будет ощущать великое утешение, и потребует всегда творить эту молитву; через некоторое время он не сможет обойтись без молитвы которая сама собою будет в нем изливаться».

Главное, чего требует от нас эта молитва, это – *metanoia*, покаяние. «Покаяние, – говорит святой Исаак Сириянин, – подобает всем и всегда, грешникам, как и праведникам, ищущим своего спасения. До самой смерти не должно прекращаться оно ни в продолжительности своей, ни в плодах своих». Здесь молитва Иисусова сводится к возгласу мытаря: «Боже, будь милостив ко мне грешнику». Однако покаяние в аскетическом делании – не столько моральный акт, сколько «изменение ума», который стряхивает с себя эту «дремоту..., этот сон, порождающий лживые мечты о власти, об обладании, об удовольствиях, о всех этих призраках, к которым безумно стремятся люди, ставшие жертвами своего воображения» (святой Григорий Нисский). В этом заключается «бегство от мира», если не понимать под «миром» ни творение Божие, ни ближнего нашего, но плотную сеть страстей, которые, заслоняя собой и то и другое, высасывают из них все соки. Динамика религиозного служения, жажда бесконечного, заложенные в природе человека, при отделении от Бога и замыкании на тварном, абсолютизируют относительное, обоготворяя и в то же время уничтожая его. Таковы в представлении аскетов

«страсти», и «слово мир есть имя собирательное, обнимающее собою все... страсти» (св. Исаак Сириянин, 1893, Сергиев Посад, слово 2).

Вот почему *метанойя* в основе своей несет «память смертную», которая обращается в «память Божию». «Страсти», что приковывают нас ко множеству предметов, нужно лишить их жизненной энергии, чтобы преобразить ее в личностную любовь к Богу и к ближнему. Это преобразование несет в себе настоящее умирание, которое начинается с открытия безмерности любви Божией к нам, рождающей в нашем сердце «уязвление» – *katanyxis* – «теплоту» сердечного сокрушения, охватывающего все наше существо. В своих «размышлениях», обращенных к мирянам, живущим в обществе и занятым делами, Николай Кавасила настаивает на важности этого открытия, единственного, которое может стряхнуть с нас забвение, в которое погружает человека жизненная суета. Кавасила рассказывает здесь о «безумной любви» – *manikos eros, philtron* – Бога к человеку. Бог творит человека, чтобы приобщить его к Своей жизни. Однако любовь ничего не стоит без свободы. Как «смирренный влюбленный» Бог уходит в тень, умножая в то же время сокрытые знаки Своей любви – красоту мира, тайну жизни и прежде всего сердце человеческое, «огромный лагерь, могущий вместить само бесконечное». И когда человек удаляется от Бога, замыкается в себе самом, неспособный, впрочем, никогда насытиться собой, Бог становится «просителем любви», стоящим у дверей, – вначале у дверей Своего творения, затем, когда «да будет» Богородицы позволило Ему сотворить заново нашу природу – у дверей нашего сердца. «Он нисходит и разыскивает... того, кого полюбил; Он богат, отправляется на помощь нашей нищете. Он предстает Сам, возвещает о Своей любви и молит, чтобы Ему

ответили взаимностью; Он не отступает перед отказом, не обижается на оскорбление; отвергнутый, Он продолжает ждать у дверей...» Бог, воплотившись, по мысли Кавасилы, пожелал «совлечься Своей бесстрастности» и доказать людям Свою любовь: «Тогда он избирает это унижение, когда Он нищает и становится способным переносить страдания и муки и убедить ими в Своей любви тех, ради кого Он страдал, дабы привлечь к себе людей, бежавших от безмерной благодати Божией, уверенных, что их ненавидят».

Это размышление, указывает Кавасила, не требует ни пота, ни усилия... и не ставит никакого препятствия для повседневной работы. «Чтобы призывать Его, не нужно ни особой подготовки к молитве, ни особого места...; ибо поистине Он присутствует повсюду, и невозможно, чтобы Его не было в нас, ибо с теми, кто ищет Его, Он соприкасается ближе, чем само сердце их... Будем же всецело уповать на то, что Бог благ и к тем неблагодарным и грешникам, которые взывают к Нему» (*La Vie en Jésus-Christ*, 1960, Chevetogne).

Методическая аскеза очищения у монахов или у мирян, пробуждение при внезапном зове беспредельной любви Божией к нам, все достигает своего апогея в таинстве слез, – внутреннем или явленном, – слез покаяния и удивления перед чудом, в которых плавится сердце каменное и рождается сердце во плоти, сердце живое, на котором запечатлеются «заповеди Христовы», заповеди блаженства. В этом «крещении слезном» Дух Святой начинает пробуждать в нас сознание благодати Крещения. «Источник слез после крещения больше самого крещения, – говорит святой Иоанн Лествичник, – хотя сии слова и кажутся несколько дерзкими». И еще: «кто облекся в блаженный, благодатный плач как в брачную одежду, тот познал духов-

ный смех души (т.е. радость)» («Преподобного отца нашего Иоанна Игумена Синайской горы Лествица в русском переводе». М., 1892).

Эта аскеза покаяния в самой методической своей форме требует постоянного «трезвения» (*nepsis*) «бдительного хранения сердца». Отец Станилое в своем Введении к первому тому превосходного румынского издания *Добротолюбия*, вышедшего в 1948 году, хорошо определил это «хранение». Сознание, вооружившись именем Иисусовым, бодрствует на границе с бессознательным, с «бездной сердца», откуда возникают «помыслы», первые побегии страстей. «Оно навикает внимательно вглядываться в каждый из помыслов, дабы произвольно изгнать его, если он зол, или очистить и облечь памятью, анамнезом Божией». Нужно наблюдать за «помыслами» и утром и вечером, дабы повергнуть их на усмотрение своего духовного отца, не замыкаясь при этом в себя-любивом самоанализе. Таким образом сознание делается способным отказаться от «соединения» с «помыслом», парализовать рождение «страсти», более того, преобразовать в любовь к Богу психическую энергию в самом ее истоке. Понемногу состояние бодрствования и молитвы проникает и в самый сон; в этом смысле отцы восточной аскезы комментировали строку из «Песни Песней»: «Аз сплю, а сердце мое бдит». Душа становится способной отказаться от всего хитросплетения своих мечтаний, убегающих от Бога, в которых говорят страсти, как будто индивидуальные, но по сути безликие. «Вот истинное доказательство целомудрия, – пишет святой Иоанн Лествичник, – остаться бесстрастным во сне перед сновидениями унижительными и побуждениями плоти». Сновидения, убегающие от Бога, постепенно изгоняемые, уступают место сновидениям, ниспосылаемым Богом, в то время как потребность

во сне уменьшается с возрастанием интенсивности молитвы.

Для Кавасилы «хранение сердца» должно быть сопряжено с Кровью Евхаристии, т.е. постоянным и ревностным участием в таинстве. И старец Силуан Афонский говорит: «Кто хочет непрестанно молиться, должен быть мужественным и мудрым и во всем спрашивать духовного отца. И если духовник сам не проходил опытом молитву, то все равно спроси, и за твое смирение Господь помилует тебя и сохранит от всякой неправды» (Иером. Софроний *«Старец Силуан»*, стр. 168). Смирение или сокрушение учит возвращению к единственному истоку: тайне Церкви.

Так, физическое желание, безличное и разрушительное в легкомысленной игре или в почти отчаянном самоутверждении распутника, обретает свою силу, становясь внутренним в личностном общении, прежде всего в общении с единственной личностью Христа, чей лик не искажен никакой страстью. «Да будет физическое вожделение образом твоего стремления к Богу», – пишет святой Исаак Лествичник в своей *Лествице* (30 степень, и чуть ниже: «Блажен, кто пылает такой же любовью к Богу, какой страстный влюбленный пылает к своей возлюбленной»). «Видел я нечистые души, – пишет он в другом месте, – которые до неистовства пылали плотскою любовью, но потом обратились к покаянию, и, вкусивши вожделения, обратили вожделение свое ко Господу; и, миновавши всякий страх, ненасытною любовью прилепились к Богу» (5 степень).

В сердце, составляющем, по святому Исааку, «центральный орган внутренних чувств, чувство чувств, ибо оно есть корень их», обитает божественная энергия, сообщаемая нам в крещении. И потому главное

закключается в том, чтобы освободить сознание от его иллюзорных приобретений, дабы, соединив его с сердцем, воссоздать в горниле благодати единство целостного человека, – «сердце-дух», «сердце разумеющее», истинное «место Божие» или «зерцало Божие». Поиск «сердечного места» – это также поиск самого себя в подлинности своего предназначения. И когда сердце воспламеняется, это говорит о начале нового странствования, в котором Бог то открывает Себя, то отступает, дабы человек, оставшись с одной только верой, в этих переходах по пустыне очистил в себе свою первую любовь. Ритм присутствия и отсутствия святой Иоанн Лествичник выражает, обратившись к иному образу – отеческого воспитания. «С самого начала, когда младенец начнет познавать отца своего, он весь бывает исполнен радости. Когда же отец с умыслом на время отходит и опять возвращается, тогда отрок исполняется и радости и печали; радости, потому что опять зрит вожделенного; а печали, потому что столь долгое время был лишен видения любезнейшей ему красоты» (7 степень). (Цит. по книге *Преподобного отца нашего Иоанна Игумена Синайской горы Лествица*, Москва 1892).

На этом этапе и в этом аспекте «духовного действия» и должен наступить черед технически отработанной молитвы Иисусовой, собирающей ум воедино и низводящей его в сердце. Этот метод, передаваемый из уст в уста (и остающийся таковым и поныне, приспособленный к условиям времени и отдельным людям) был разработан в XIII веке во времена духовного упадка, когда опытных учителей почти не было. Но возникнув и влившись в церковную жизнь, он привел ко всеобщему ее обновлению, породив, среди прочего, и подлинных духовных отцов. В этой связи мы хотели бы привести два текста. Первый из них принадлежит

Никифору Монаху и взят из его *Трактата о трезвении и хранении сердца*:

«Известно, что дыхание, которым дышим, через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему не хотелось. Держа его там, не оставляя его праздным, но дай ему следующие священные слова: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И пусть он повторяет их день и ночь. Попекись навыкнуть сему внутри пребыванию с означенною молитвою, и блюди, что ум твой нескоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать от такого стеснительного заключения внутрь. Зато, когда навыкнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам не захочет носиться по внешним вещам. Как человек, возвратившийся с чужой стороны в свой дом, сам себя не помнит от радости, увидев опять жену и детей: так ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной радости» (Цит. по книге *«Откровенные рассказы странника»*).

Другой текст – это отрывок из анонимного *Метода*, краткого трактата XIII века: «Сядь безмолвно и в тишине и одиночестве, преклони голову, закрой глаза, потише дыши, воображением смотри внутрь сердца. При дышании говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» тихо устами или одним умом». «Старайся отгонять помыслы, имей спокойное терпение и чаще повторяй сие занятие» (*Там же*).

Эти и другие тексты читает по совету *старца* наш странник. И когда *старец* умирает, не оставляя, однако, своего духовного сына, которому теперь «во сне» он дает главные указания, странник отправляется в дорогу. И он рассказывает о своей практике молитвы,

и возникает ощущение поразительного подобия между ее началом в первые века, ее вторым рождением в XIII веке и этим свидетельством, датируемым второй половиной прошлого столетия:

«Итак, прежде всего я приступил к отысканию места сердечного... Закрыв глаза, смотрел умом, т.е. воображением в сердце, желая представить себе, как оно есть в левой половине груди и внимательно слушал его биение. Так занимался я сперва по получасу, несколько раз в день; в начале ничего не примечал, кроме темноты; потом в скором времени начало представляться сердце и означаться движение в оном; далее я начал вводить и изводить Иисусову молитву вместе с дыханием в сердце, по наставлению святого Григория Синаита, Каллиста и Игнатия, то есть втягивая в себя воздух, с умственным смотрением в сердце, воображал и говорил: Господи Иисусе Христе, а с испущением из себя воздуха: помилуй мя. Сперва я сим занимался по часу и по два, потом чем дальше, тем чаще стал так упражняться и наконец почти целый день проводил в сем занятии. Когда нападала тягость, или леность или сомнение, я немедленно начинал читать в Добротолюбии те места, кои наставляют о сердечном делании, опять являлась охота и усердие к молитве. Недели через три начал чувствовать боль в сердце, потом некую приятнейшую теплоту в оном, отраду и спокойствие. Это возбуждало и заохочивало меня более и более с прилежностью упражняться в молитве, так что все мысли мои были сим заняты и я ощущал великую радость. С сего времени начал я чувствовать разные повременные ощущения в сердце и в уме. Иногда бывало, что как-то насладительно кипело в сердце, в нем такая легкость, свобода и утешение, что я весь изменялся и прелагался в восторг. Иногда чувствовал пламенную любовь к Иисусу Христу и ко все-

му созданию Божию. Иногда сами собою лились сладкие слезы благодарения Господу, милующему меня окаянного грешника. Иногда прежнее глупое понятие мое так уяснялось, что я легко понимал и размышлял о том, о чем прежде не мог и вздумать. Иногда сердечная сладость разливалась по всему остову моему и я умиленно чувствовал в себе всеохватывающее присутствие Божие. Иногда ощущал внутри себя величайшую радость от призывания имени Иисуса Христа и познавал, что значит сказанное им: царствие Божие внутрь вас есть».

Для Кавасилы, который дал свое истолкование «метода», с точки зрения таинств церковных, метода, пригодного для мирян, поиск «сердечного места» сопряжен с евхаристической духовной жизнью, обращенной к любви Христовой, евхаристическому «сердцу» Церкви и, стало быть, единственному истинному сердцу всякого человека. Слово Божие при своем воплощении стало нашим *alter ego* и самосознание наше проходит через Него благодаря чаше, где мы обмениваемся сердцами, так что «кровь Его преобразует то сердце, в которое она изливается, созидая в нем храм Божий прекраснее Соломонова».

Если, с другой стороны, молитва Иисусова остается как бы спонтанно соединенной с ритмом дыхания, духовные люди наших дней, (такие, как *старец* Силуан Афонский и его ученики) не рекомендуют «волюнтаристское» соединение его с ритмом сердца: нисхождение молитвы в сердце дается по благодати и как бы от избытка тому, кто молится «от всего сердца». Систематическое усилие может вызвать у нынешнего человека сердечные неполадки нервного происхождения и сделать его навсегда неспособным «ощущать свое сердце». Люди городской и промышленной цивилизации являются жертвами перенапряжения, равно

как и поверхностного и неравномерного использования их настоящих сил, так что подготовка к молитве требует от них успокоения и равновесия их телесного существования. Традиционная аскеза была действенна при избытке жизненной энергии применительно к людям, чья жизнь, пусть более короткая, была более интенсивной, более жесткой по качеству. Сегодняшняя аскеза должна, во-первых, заново перестроить и успокоить жизнь. «В нынешних условиях при перегрузке и нервном износе, меняется восприимчивость человека. Медицина защищает и продлевает жизнь, но в то же время уменьшает сопротивляемость к страданиям и лишениям. Христианская аскеза – это только метод, служащий жизни, и она должна согласовать себя с новыми нуждами... Ныне человеку не нужны дополнительные страдания..., которые могут только раздавить его. Умерщвление станет освобождением от всякой потребности в допинге: скорости, шуме, возбуждающих средствах, всех видах алкоголя. Аскеза станет скорее... дисциплиной покоя и тишины, которым человек отдает себя периодически и регулярно, когда он обретает способность останавливаться для молитвы и созерцания, пусть даже в самом водовороте всех шумов мира... Пост станет отказом от излишнего, умением делиться им с бедняками, духовной уравновешенностью с улыбкой на устах». (Paul Evdokimov, «*Les Ages de la Vie spirituelle*», Paris, 1964, p. 57).

Достигший нерушимого единства с самим собой, человек, ощущавший лишь прикосновение огня в своем сердце, приходит в конце концов к видению всем своим существом и глазами, преображенными Духом Святым, того, что Палама называл «нетварным светом». «Молитва... вначале изливает в сердце радостный огонь, а под конец рождает в нем благоуханное

сияние» (Святой Григорий Синаит). «Благодать, как только овладевает она пастбищами сердца, господствует над всеми членами и помыслами» (святой Макарий Великий). Свет, который одновременно есть объект и средство познания Бога за пределами всякого познания, никоим образом не является безличным: он озаряет лицо Воскресшего. Лик Отца, и Дух Святой соединяет нас с Ними, почти сливаясь с этим светом. Свет преображения, свет пасхальный, свет, который, как говорит нам Григорий Палама, некоторые святые видели исходящим от евхаристической чаши, подобен безбрежному океану. Поначалу человек испытывает лишь экстатические восхищения. Затем наступает умиротворенное приобщение, однако не за пределами времени, но в повседневном преображении всего, что окружает нас: людей и вещей, окутанных огромными пеленами света...

Такова стадия «спонтанной», т.е. непрерывной молитвы, слившейся с ударами сердца, позволяющей человеку предаваться своим занятиям, будучи всецело погруженным в *состояние молитвы*. «Когда Дух сотворит Свою обитель в человеке, то последний уже не может не молиться, ибо Дух не прекращает молитвы в нем. Спит ли он, бодрствует, молитва не покидает его души. Ест ли он, пьет ли, охвачен ли сном, благоухание молитвы само собою исходит от его души. Ибо отныне не молится он в какие-то установленные часы, но постоянно, все время... Движения его очищенного ума становятся немymi голосами, что тайно поют хвалебную песню Незримому» (Святой Исаак Сириянин, éd. Wensinck, XXXY).

«За актом молитвы, — пишет о. Лев Жилле, — следует состояние молитвы. Имя Иисусово, приложенное к людям и вещам, которые мы видим или о которых

260

мы думаем, становится ключом, размыкающим мир, средством тайного приношения, наложением печати Божией на все, что существует. Призывание имени Иисусова – это метод преобразования мира». Оно надеется «евхаристическим сознанием», способным различить какую-то прозрачность в глубине всех людей и вещей, некий осколок первозданности, куда оно хочет заронить свой свет. Чтобы не существовало именно это, мирское, в статическом смысле слова сознание, нужно изгнать из него и преобразить в нем все обмирщенное. Силою Имени огонь Евхаристии обладает сутью вещей, и Парусия исподволь созревает в них.

Сознание «пробужденное», говорит святой Максим Исповедник, «различает премудрость Божию, незримо пребывающую в твари. Во Христе, собирающем в Себе и воссоздающем потенциально заново мир, ему открывается видение вещей в их «сущности, обращенной к Богу». Человек освященный, микрокосм и *микротеос*, становится посредником, который «сосредоточивает в себе духовные *логосы* всех вещей», но не для того, чтобы овладеть ими, а для того, «чтобы принести их Богу как жертву творения». «Все окружающее меня представлялось мне в восхитительном виде, – рассказывает странник, – деревья, травы, птицы, земля, воздух, свет, все как будто говорило мне, что существует для человека, свидетельствует любовь Божию к человеку и все молится; все воспекает славу Богу. И я понял, что называется в Добротолюбии «видением словес твари» и увидел способ, по которому можно разговаривать с творениями Божиими». Не только райский способ существования твари открывается святому, новому Орфею, в котором, говорит Исаак Сириянин, дикие звери чуют запах Адама до его падения, но Адам становится теперь священником космической литургии. «Душа уходит в духовное созерцание при-

роды как бы в храм или в пристанище покоя, она вступает туда со Словом, и вместе с нею входит и наш первосвященник, и под руководством его она приносит мир Богу, постигая его как на алтаре» (Святой Максим Исповедник, *Тайноводство*, 2).

Человек духовный видит «огонь вещей», во Христе он открывает мир как гигантскую «неопалимую купину», и это видение действенно. «Что такое сердце милующее? – спрашивает святой Исаак Сириянин. – Возгорание сердца у человека о всем творении, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них, очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда, или малой печали, претерпеваемых тварию. А посему и о бессловесных и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были они помилованы; а также об естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу». (Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина, *Слова Подвижнические*, 1893).

И высшей точкой здесь становится подлинная любовь к ближнему, к которой только это «состояние молитвы» и делает способным. Ибо ближнего можно познать лишь благодаря подлинному откровению. В своем очерке *Из виденного и пережитого*, опубликованном в России в 1917 году, архимандрит Спиридон, бывший миссионером в Сибири, передает нам слова одного «юродивого во Христе»: «Без молитвы все добродетели точно без почвы дерева... Христос сам молился больше всего на горах, на горных вершинах,

где кроме Него одного никого не было. Христианин, друже, есть человек молитвы. Его отец, его мать, его жена, его дети, его жизнь есть один Христос. Ученик Христа должен жить только одним Христом. Когда он будет так любить Христа, тогда он обязательно будет любить и все творение Божие. Люди думают, что нужно прежде всего любить людей, а потом и Бога. Я и сам так делал, но все было бесполезно. Когда же начал любить Бога прежде, тогда я в этой любви нашел и своего ближнего, и в этой же любви к Богу всякий мой враг делается мне другом и человеком Божиим. Способ любви к Богу есть молитва». (Цит. по кн. «Христианское чтение», 1917).

А вот три основных текста о любви к ближнему как плоде молитвы, которые мы находим в Добротолубии. Первый из них принадлежит Макарию Великому, второй – Евагрию Понтийскому (известному под именем Нила Синаита), третий – Исааку Сириянину.

«Тем, кто удостоился стать чадами Божиими и родиться свыше, в Духе Святом..., иной раз случается плакать и скорбеть о всем роде человеческом; они молятся за всего Адама, проливая слезы, воспламененные духовной любовью к человечеству. Иной раз дух их воспламеняется такой радостью и такой любовью, что если бы возможно, то они заключили бы всех людей в свое сердце, не отличая добрых от злых. Иной раз в смирении духа они так уничижают себя перед каждым человеком, что считают себя последними и наименьшими из всех».

«Блажен монах, который всякого человека считает как бы богом после Бога.

Блажен монах, который смотрит, как другие достигают спасения и идут вперед, как если бы это было с ним самим.

Тот монах, кто отделившись от всех, становится единым со всеми».

*Пусть тебя гонят, ты не гони;
Пусть тебя распинают, ты не распинай;
Пусть обижают, ты не обижай;
Пусть на тебя клеветают, ты не клевети...*

Веселись с веселящимся, и плачь с плачущим, ибо это – признак чистоты. С больными болезнуй; с грешными проливай слезы; с кающимися радуйся. Будь дружен со всеми людьми, а мыслию своею пребывай один».

Любовь к ближнему, указывают эти святые, должна быть конкретной. В VI веке Варсонофий и Иоанн, «два великих старца», наделенные даром различения духов, требовали у будущего Аввы Дорофея, слишком пристрастного, по их мнению, к одиночеству и безмолвию, чтобы он основал больницу и заботился о больных. В той же перспективе Мать Мария, погибшая в 1945 году в Равенсбрюке, создала настоящую аскезу человеческого соучастия и служения: труд и трезвение в плане телесном, отказ от навязывания своего психического склада другому, сопровождаемый усилием понять его, не судя его мировоззрение; наконец в духовном плане открытость, созданная молитвой Иисусовой «принять откровение образа Божия в брате нашем». И тогда «он увидит, как этот образ Божий затуманен, искажен, исковеркан злой силой. Он увидит сердце человеческое, где диавол ведет непрестанную борьбу с Богом, и он захочет во имя образа Божьего, затемняемого диаволом, во имя пронзившей его сердце любви к этому образу Божию, начать борьбу с диаволом, стать оружием Божиим в этом страшном и сжигающем деле. Он это сможет, если все

264

его упование будет на Бога, а не на себя, он это сможет, если у него не будет ни одного самого утонченного, самого корыстного желания, если он, подобно Давиду, сложит с себя доспехи и только с именем Божиим кинется в бой с Голиафом» (Вторая заповедь).

Здесь «молитва Иисусова» изгоняет духов и приходит на помощь в трудных обстоятельствах, взывает к Богу и в особенности раскрывает ум к этим словам, коими Бог одаряет нас ради нашего ближнего, к тем «семенам жизни», которые проникают в наше сердце, чтобы встревожить его, пробудить, исцелить.

Тех, чей «дух-сердце» достиг окончательного очищения, призывание Имени ведет к таинственному познанию истоков и предназначений. Это познание обращается в видение путей Промысла как отдельного человека, так и целого народа и всего человечества. Благодаря дару, которого он не искал, *Pneumatikos* становится подлинным «духовным отцом».

Это различие «огня вещей», «иконы лика» опирается на непосредственное ощущение Бога в особой динамике, в которой внутреннее делание и общение с ближними пребывают в постоянном взаимодействии и согласии. Чем более человек наполняется нетварным светом, делающим из него бога по благодати «без начала и без конца», тем более обращается он с любовью, никогда не насыщаемой, к личностному источнику этого света.

Люди молитвы – это наставники земли.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.» Наследуют уже сейчас, когда другие думают, что ею владеют, ибо они обращают обладание, которое убивает, в литургическое служение, которое животворит, в глубине людей и вещей они умеют различить мерцание этого света, чтобы дать ему просиять для вечности и хвалы.

ПОЛИТИКА

На встрече с ливанскими друзьями патриарх упомянул о своей симпатии к арабам, о своем знании ислама, приобретенном с детства. Слово «Иерусалим» мелькнуло в его речи, но он тотчас прервал себя: «Это политический вопрос, и здесь у меня нет иных слов, кроме сострадания и молитвы». Несколькими днями позднее, на вопрос американского грека относительно войны во Вьетнаме, он отказался от какой-либо позиции, кроме сострадательной и молитвенной.

Я

Таким образом вы отказываетесь от политической точки зрения?

Он

Да. Я не занимаюсь политикой. Политика меня не интересует. Пусть ею занимаются политики и дипломаты, ведь их предостаточно. Кроме того, православные живут в самых разных политических условиях. Одни живут на Западе, многие на Востоке. Другие – в странах третьего мира. Выражение политической позиции с моей стороны могло бы поставить в неудобное положение тех или иных. И она к тому же не соответствовала бы тому чисто духовному статусу, который я занимаю здесь в согласии с законами этой страны.

Я

Это язык, который почти недоступен для Запада, где политика играет огромную роль в жизни христиан. «Отныне политика станет нашей религией», – сказал

Фейербах. И кажется, для многих христиан это стало действительно так. Возникает много всякого рода шума, в храмах раздаются призывы к революции. И все это называется профетизмом.

Он

В этой области, как и в других Церковь должна напоминать о самой сути. Предстоятели Церквей перед лицом каких-то возмутительных ситуаций должны следовать за пророками, т.е. рискуя жизнью своей нести пророческое свидетельство. Однако я не думаю, что им следует находить политические решения в точном смысле слова. Это бесполезно, это не их роль. Православная Церковь никогда не стремилась к политической власти, это одно из искушений, отвергнутых Христом в пустыне. И Церковь должна поступать так, как Он, ибо «ученик не больше своего учителя». Это не помешало нашей Церкви освятить различные культуры, благословить и воодушевить жизнь целых народов, однако все это она творила благодаря воздействию литургии, излучению святости, благодаря самому своему присутствию, изменяющему сердца. И не забывайте, в ней жила непрерывная традиция исповедников и мучеников...

Я

... пострадавших от руки сначала языческих, а затем и еретических императоров. Затем «новомучеников» мусульманской поры. И великого множества мучеников тоталитарных режимов XX века в России и в Сербии. Воистину ученик не больше учителя, и за подлинное пророчество заплачена дорогая цена.

Ислам был терпим, и турки в особенности. С ними мы сосуществуем вот уже пять столетий, и ныне, благодаря Ататюрку, мы – полноправные граждане в светском государстве. Но мы постигли на собственном опыте, что значит понапрасну смешивать религию и политику. «Великая Идея» турецких греков, эта мечта о восстановлении византийской империи, оказалась для них фатальной. Ныне то же самое смешение происходит на Кипре, где политическая и религиозная власть сосредоточена в одних руках.

Нужно заявить совершенно определенно: *византийская империя мертва*. С давних времен истинная Византия духовна...

Слишком многих страданий стоило нам это смешение политического и религиозного, чтобы заводить все это снова в другой форме.

Я

Мне часто кажется, что молодые христиане, для которых христианство – это политика прежде всего, по сути своей ретрограды, несмотря на всю свою революционную фразеологию. Они хотели бы, чтобы Церковь оставалась властью земной, какой была раньше, они хотели бы жить во времена христианских империй. Но при замене тоталитаризма Бога на тоталитаризм Истории! Однако глубинное движение библейского откровения в том и состоит, чтобы сокрушить всякий тоталитаризм, противопоставив Царство Божие и царство кесаря. Может быть, эти подростки (даже если они переживают кризис подросткового возраста в пятьдесят лет, как это нередко бывает в наши дни) никогда не страдали по-настоящему. Им не хва-

тает опыта, столь знакомого христианам Востока: быть лояльными гражданами, если за ними признают права гражданства в обществе, где христиан, лишь попросту терпят... Это происходит в мире мусульманском или в мире коммунистическом.

Он

И тогда постигают то, что составляет самую суть. И испытывают благодарность к власти имеющим за то, что они дают вам существовать.

Я

Именно это болваны на Западе называют раболепством православной Церкви. Они почти не страдали и хорошо торгуют страданиями других.

Он

Суть дела в вере. Это означает, что Церкви дана возможность существовать, преподавать таинства Христовы и возвещать Евангелие. В оттоманской империи турки сохранили нашу религиозную и гражданскую организацию, они уважали нашу веру, наши общины, наши семьи. И мы были лояльными оттоманскими гражданами, как ныне мы остаемся лояльными турецкими гражданами. В ответ на терпимость турок мы установили с ними плодотворное сотрудничество. Греческие православные дипломаты спасли оттоманскую империю в конце прошлого века, в частности на Берлинском конгрессе. Роль греков была огромной в экономической и научной жизни империи. Даже сегодня, несмотря на трудности, вызванные кипрским вопросом, греческие врачи посещают многие турецкие се-

мы. Турки им доверяют. Впрочем, эти выражения не вполне точны; ведь мы все турецкие граждане. Нашлись греки из Греции, которые упрекали меня в «туркофильстве», но я не «туркофил», говорил им я, я – турок... Да, мы должны помнить о сути прежде всего.

Я

Меня поразило, когда я увидел в музее Топкапи Сарай греческих и армянских евангелистов рядом с мусульманскими рукописями. Мало-помалу эта страна учится воспринимать себя во всем своем многообразии...

Он

Как подтверждает опыт христиан в коммунистических странах, дело не в том, чтобы «заниматься политикой», но в том, чтобы быть лояльным к государству, целиком сохраняя верность Церкви.

Я

Однако лояльность по отношению к государству и верность Церкви противоречат друг другу, коль скоро государство требует от христианина, чтобы он изменил своей вере или растоптал ее?

Он

В таком случае выходом может быть исповедничество и мученичество. Коль скоро речь идет о моей христианской совести, я отказываюсь повиноваться государству, но соглашаюсь с тем, что оно покарает мое неповиновение.

Я

Христиане первых веков, которые отказывались исповедовать Цезаря «господом», т.е. богом, в то же время молились за него и смиренно просили его лишь примириться с их существованием, которое, по их словам, может быть лишь благом для него и для империи.

Он

Молитва Церкви охраняет мир. Мы должны быть признательны всякому государству, которое дает нам возможность мирно молиться. Мы как христиане не имеем никаких особых прав, об этом заранее уже возвестил Христос в Заповедях блаженства. Но с ясным сознанием и мирным духом мы должны пользоваться теми правами, которые признаются за нами как за гражданами. Так, например, в моральном плане я осуждаю позицию архиепископа Макариоса в кипрском вопросе. Но у меня нет никаких оснований выступать против него с церковным осуждением, как того требуют здесь студенты-националисты. И если турецкое правительство захочет меня принудить, я ограничусь тем, что напому ему о его собственной конституции.

Я

Противостояние Царства Божия и царства кесаря мешает истории замкнуться на себе самой. Оно позволяет Духу оплодотворить ее, пусть даже кровью мучеников...

Он

Только благодаря крови мучеников, несмотря на тя-

жесть и мощь громадных коллективов, стало возможным существование личности и свободы. Но если личность возвышается над историей, она также несет ответственность за нее.. Я повторяю, мы, люди Церкви, предстоятели Церквей, не должны вырабатывать хороших политических рецептов, мы должны напоминать христианам об их ответственности. Перед Богом они ответственны за всех людей. Они должны знать, что молитва и Евхаристия должны раскрыть себя и в социальной жизни, что человек, напитанный кровью Христовой, должен включиться, насколько позволяет ему общество, в созидание цивилизации.

Я

Церковь действует вдохновляя, но не управляя. Она остается как бы резервом жизни, без конца питаемым таинствами, молитвой «простаков», которых мир считает бесполезными или юродивыми. Однако без них цивилизация распадается.

Он

Но Церковь может по-настоящему озарить эту жизнь, лишь соединяясь с нею. Проблема судьбы человечества встает перед нами самым острым образом: гибель душ и тел угрожает нам. Мир не терпит роскоши христианских раздоров. Ему нужен ответ. И этим ответом может быть лишь проявление единого Христа в единой Церкви.

Можем ли мы остаться равнодушными ко Христу, страдающему в миллионах душ, которые кажутся мертвыми? ко Христу, поруганному в лице тех, кто наг, голоден, унижен?

Можем ли мы пребывать в скандальном разделе-

нии, когда все – объединение планеты, покорение человеком всего сотворенного с помощью техники, наука, исследующая загадки материи и жизни – все ставит перед человеком проблему его судьбы и смысла его судьбы?

Но как можем мы свидетельствовать, когда сами разделены? Осмелимся ли говорить о любви, если любви не имеем? Это нам, предстоятелям Церквей, нам, прежде всего, нужно вместе выйти в мир и стать бедняками среди бедняков, стать странниками, как Христос, чтобы возвещать о том, что Бог существует, что Господь воскрес, что любовь может победить ненависть...

Я

Однако намечающееся единство христиан делается уже зримым, и вы много сделали для него и не раз брали в руки посох странника. Уже теперь, постоянно работая над этим объединением, которое может придать особый вес ее свидетельству, Церковь, не занимаясь политикой, призвана пробуждать людей к исполнению их обязанностей в том граде, который когда-нибудь станет всей планетой. Но как создавать их, этих людей?

Он

Прежде всего нужно, чтобы это были живые люди, а не болтуны. Живые люди, питаемые кровью Христовой, умиротворенные внутренне безмолвием и молитвой. И это воспитает в них способность к пророческому пониманию истории, в которую они вовле-

чены. И прежде всего к пониманию того, что наша эпоха есть эпоха человеческого единства. Войны, став мировыми, превратились в гражданские войны планеты. Быстрые средства сообщения дают нам возможность узнавать обо всем тотчас же, почти одновременно с тем, что происходит. И раньше в Индии был голод, но о нем не ведали. Ныне далекое становится для нас в физическом смысле близким. И нужно чтобы оно стало близким и в духовном смысле.

Я

Этим воспитанием планетарного единства вы занимаетесь каждый день. С бесчисленными посетителями, которых вы принимаете в эти летние месяцы, вы говорите на языке человеческого, «всечеловеческого» единства, как любят говорить православные. Все народы хороши, повторяете вы...

Он

Все народы хороши и все расы... Люблю это говорить.

Я

И то, что вы – гражданин мира, что вы принадлежите всем народам...

Он

Но остаюсь восточным человеком. (*Он смеется*). Вы видели, какой сыр мне нравится добавлять к пище – белый, твердый, немного вяжущий... Я принадлежу Востоку, туркам, грекам, но в то же время я – и граж-

данин мира, я чувствую себя французом с французами, немцем с немцами или же русским или же американцем. Каждому я люблю сказать несколько слов на его языке, даже если плохо его знаю... Дело не в том, чтобы все смешивать, но в том, чтобы все разделять. Родина – всегда мать, даже и тогда, когда она оказывается суровой к нам. Однако все народы должны найти место в человеческом единстве. Это давнее мое убеждение.

Я

Вы – свидетель той великой цивилизаторской работы, произведенной многонациональными государствами, что рухнули после первой мировой войны, именно в тот момент, увы, когда объединение Европы и земли могло бы принести им оправдание, обновление...

Он

Действительно, с детства, прошедшего еще в оттоманской империи, я близко соприкоснулся с братским общением народов. В моей родной деревне турки, греки, албанцы, христиане и мусульмане – все жили в добром согласии.

Тот же опыт я приобрел и в Монастире, но на этот раз он был трагически углублен войной. Тогда я окончательно понял, что хороши все народы, если мы попытаемся уважать их и любить. Это страх делает их жестокими.

Я

Слабость многонациональных государств заключалась в том, что все они опирались на господство лишь

какого-то одного народа, турецкого или австрийского. Они не сумели вовремя организовать себя на федеральной основе, до того как движение малых народов разрушило их.

Он

Здесь много преувеличений. Мы должны заново взглянуть на историю этих империй, должны их реабилитировать. До Первой мировой войны оттоманская империя двигалась к подлинному федерализму. Что касается Австрии, то на Придунайских землях она обеспечила процветание, порядок, реальную свободу, высокую культуру.

Эти империи исчезли. Однако при совершенно иных обстоятельствах аналогичный опыт разнообразия в единстве я вновь нашел в Соединенных Штатах. Наши греческие общины в этой стране, сохраняя всю свою самобытность, полностью внедрили в тамошнюю жизнь...

Я

Американцам потребовалось много времени, чтобы понять, что они уже не англосаксонская и протестантская нация, но микрокосм всего белого мира.

Он

Сегодня это уже свершившийся факт. Избрание Джона Кеннеди, католика, на пост президента как раз и выявило это новое сознание. Принятие Православия в качестве одной из «основных» религий – также важный симптом...

Я

Американцам остается разрешить проблему чернокожих. Это невозможно сделать теперь просто с помощью чистой интеграции, но лишь путем создания новой цивилизации, выросшей из многих рас и многих культур. Если Соединенным Штатам это удастся – но удастся ли? – они станут микрокосмом вселенной и одновременно осознают свою ответственность в отношении стран третьего мира.

Он

Но возникает вопрос, возможна ли столь глубокая трансформация – я не говорю только о Соединенных Штатах – без духовного обновления. Одной науки и техники недостаточно для того, чтобы возвести новую мировую цивилизацию. Цивилизация немыслима без духовной основы. Потому что без нее она будет лишь безысходной схваткой боязливого консерватизма, который может стать и удушающим, и разрушительной революцией. Но в сердце человечества, стремящегося к единству, должна находиться неразделенная Церковь. Эта обновленная Церковь ничего не будет требовать, ничего навязывать. Христианские империи мертвы, теократии исчезли с лица земли. Влияние Церкви будет подобно закваске или сиянию света: она осветит изнутри сознание, свободу, любовь, она благословит братство народов по образу Троического Единства, в Воскресении она сумеет раскрыть окончательный смысл науки и техники...

Я

Таким было видение Достоевского в конце его жизни: братство народов во Христе...

Он

И уже теперь мы должны трудиться для этого братства, повсюду, где это возможно. Вот почему мне так нравятся такие страны, как Швейцария, Ливан или (он лукаво улыбается) такие, как Канада! И даже здесь я сделал все, что мог, чтобы христианские меньшинства могли вести мирную и лояльную жизнь среди этого народа и служить ему. К тому же, невозможно, чтобы страна, какой бы она ни была, достигла полной этнической однородности. Для нее это даже нежелательно. Присутствие различных элементов вносит какой-то момент открытости, взаимодействия, полноты жизни.

Я

Ныне оба движения сосуществуют друг с другом, иногда плодотворно, иногда трагически. С одной стороны, в истории, ставшей всемирной, возникает планетарный человек. Но с другой стороны, каждый народ, может быть, ради того, чтобы избежать безликости индустриальной цивилизации, хочет отыскать свои самобытные национальные корни...

Он

Мы, христиане, должны найти свое место на перекрестке этих тенденций, чтобы привести их к гармонии... Церкви-сестры, народы-братья – вот, что должно быть нашим примером и нашей вестью.

Я

Может быть, это и есть особое призвание именно

православных? С одной стороны, Православие освятило самые различные культуры, не делая ни одну из них господствующей, с другой стороны, многие православные рассеяны сегодня по многим континентам...

Он

Все христиане причастны к этой задаче. Тем из православных, которые живут на Западе, присуще чувство исторической ответственности, которое нередко остается нам чуждым. Однако без нашего понимания духовной жизни также не обойтись. Оно может оказаться неожиданно плодоносным для этического и культурного динамизма наших католических и протестантских братьев...

Я

Достижение единства всего человеческого рода можно сопоставить с основной исихастской темой: достижение единства в самом человеке путем «нисхождения» ума в сердце. Только союз западного «разума» с восточным «сердцем», скрепленный огнем Духа Святого мог бы придать облику планетарного человека его подлинные очертания.

Он

Создать ответственных христиан – значит воспитывать в них потребность в правде – не правде, как идолу, но правде как любви. «Блаженны алчущие и жаждущие правды...»

Главная правда состоит в том, чтобы внушить человеку, научить его понять, что «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Что никакого толку не будет для него приобретать мир, если он потеряет душу свою. Однако эта душа, более ценная, чем весь мир, душа эта – в плену, и она ищет своего освобождения, но в то же время нуждается для своего тварного существования и в определенных земных условиях. Когда мы одеваем нагих, питаем голодных, находим кров для бездомных, мы делаем это для самого Христа.

Он

В этой связи мне вспоминается один отрывок. Это короткое вступление, с которого Гюго начинает свой роман *Отверженные*. Всего несколько строк, но как актуальны они сегодня. Сейчас я вам прочту:

«До той поры, покуда будет существовать социальное проклятие, опирающееся на закон и нравы, искусственно создающее ад в недрах нынешней цивилизации и роковым образом сбивающее человечество с его прекрасного пути, до той поры, покуда не будут разрешены три основные задачи нынешнего века: угнетение людей, ставших пролетариями, падение женщины из-за голода, детское истощение в ночной работе, – до тех пор перед обществом будет стоять опасность смертельного удушья в целом ряде социальных слоев; говоря другими словами и с точки зрения более обширных взглядов: пока на земле царят нищета и невежество, книги, подобные этой, не могут быть бесполезными».

Гюго несет в себе лучшие черты той республиканской и социалистической французской традиции, которая вскормлена Евангелием и сознает себя связанной корнями с движениями евангельского пауперизма Средневековья и Возрождения. Скажем, с движением гусситов, которое на свой лад пробуждается в сегодняшней Чехословакии. Мне кажется, что в истории христианского мира, в особенности в России, обобществление материальных благ, каким оно было в первоначальной Иерусалимской Церкви, оставалось идеалом в среде бедняков, образцом, образцом не экономической системы, но добровольной победы над эгоизмом и жадностью, в которой присутствовали единодушные и любовь. Греческие Отцы, прежде всего Иоанн Златоуст, но также и Отцы латинские, как святой Амвросий, подчеркивали относительный характер частной собственности; истинная милостыня, говорили они, это радость дарения неимущим.

Он

Сегодня это стремление нужнее, чем когда-либо. Оно должно иметь планетарный размах. Регионы, обреченные на социальное удушье, если говорить языком Гюго, занимают ныне более половины земли. Позорная пропасть между обеспеченными и неимущими углубляется, и это ужасно. С одной стороны, несколько богатых стран, производящих – непонятно зачем – все больше и больше, стран, где целые состояния тратятся на рекламу, зовущую вас приобретать вещи, которые вам не нужны; с другой стороны, миллионы людей, доведенных нищетой до физической и нравственной деградации, целые цивилизации, низведенные до

уровня пролетариев, «падение женщины из-за голода», «детское истощение в ночной работе»!

Я

Революционные идеологии, унаследованные от XIX века, оказались близорукими. Рабочие богатых стран стали буржуа для стран третьего мира. Техника получила невиданное развитие, не ведая никакой конечной цели, кроме себя самой. Проблема ставится на глобальном уровне, ибо духовная недоразвитость богатых обуславливает материальную недоразвитость бедняков.

Он

Вот почему внутреннее созидание человека имеет такое значение. Только сила духа может покорить технику, помочь нам найти решение двум проблемам, рожденным нашим временем: социальной проблеме в странах третьего мира и проблеме смысла жизни в процветающих странах. Не нужно противопоставлять внутреннюю жизнь и действенную любовь. Чем глубже внутренняя жизнь уходит своими корнями за пределы истории, тем более она оказывается способной породить в истории подлинное служение жизни.

Я

Важно, чтобы Церковь во всех областях культуры могла вызывать эту творческую любовь. Без ложной надежды на полный успех в истории – ибо такая надежда говорила бы о непонимании масштабов зла, – но следуя видению целостного человека, оживотворенного Духом, человека, нуждающегося как в хлебе, так

и в дружбе и красоте, человека, взыскующего бесконечного. Не следует также противопоставлять смиренное и повседневное служение ближнему реформам и преобразованиям «структур»; «структуры», в конце концов, являются только домом, одеждой, трудом, хлебом, которые мы должны дать бесчисленным «ты» наших ближних ныне уже на планетарном уровне. Святой Иоанн Златоуст, восхвалявший «таинство бедняков», предполагал осуществить в Антиохии план социальной реорганизации, который мог бы спасти ее от нищеты...

Он

Предстоятель Церкви не должен быть ни сторонником, ни противником революции. Долг его даже при самых трагических обстоятельствах – подавать сигнал тревоги и будить совесть. Так и поступил папа в своей энциклике *Populorum progressio*, которую я считаю профетическим истолкованием нашей истории. Я публично выразил ему свое одобрение. Я телеграфировал ему о своей поддержке, когда он отправился в Южную Америку, которая столь остро нуждается в социальной справедливости.

Но, знаете ли, даже в Соединенных Штатах скрываются островки невероятной бедности. Я видел там семьи с десятью детьми, ютившиеся в настоящих хижинах. Проблема стран третьего мира начинается внутри самых богатых обществ. Все связано воедино.

Я

Что вы думаете о «богословиях революции» или «насилия», о которых сегодня столько говорят на Западе?

Он

Единственная революция, которая ведома Церкви – это *метанойя*, – равно необходимая как для церковной общины, так и для отдельного человека. Что касается великих исторических перемен, то пусть каждый берет на себя свою ответственность. Церкви нечего вмешиваться в это дело, ибо не ей принадлежит власть мира сего. Она ни революционна, ни контрреволюционна. Она есть Церковь любви. Она знает, что в длительной перспективе только любовь может изменить жизнь. И что нужно начинать с самого себя, а иначе революция превращается в благовидное прикрытие. И что тот, кто хочет быть первым, должен стать последним и слугой всех. Эти парадоксальные слова Христа судят не только предстоятелей Церквей, но и вождей града земного. Увы! Людьми часто руководят инфантильные существа, чья гордость или фанатизм лишь понапрасну умножают насилия и страдания.

Я

Во Франции говорили во время майского кризиса*: если бы отцы действительно взяли на себя роль отцов, революция стала бы эволюцией. «Чтобы избежать революции, нужно захотеть свершить ее самому», – писал французский философ XVIII века.

Он

Постигнув откровение Отца, которое Христос принес на землю, мы должны еще и научиться жить этим

* Речь идет о событиях 1968 года во Франции.

откровением. Однако слишком многие христиане подобны старшему сыну из притчи.

«Духовный отец» – это вовсе не тот, кто учит, но тот, кто возрождает по образу Отца Небесного...

«Духовным отцом» становятся по избранию свыше, по харизме Духа Святого, по прямому научению Божию. Ни возраст, ни занимаемое положение не играют никакой роли. В святоотеческих *Изречениях* говорится: Авва Моисей сказал однажды брату Захарии: «Скажи мне, что я должен делать». Но тот бросился к ногам старца и сказал: «Это у меня ты вопрошаешь, отче?» Старец сказал: «Поверь мне, Захария, я видел Духа Святого, сходявшего на тебя, и с той поры это я должен вопрошать тебя...»

Первое условие для того, чтобы стать «духовным отцом» – быть самому *pneumatikos*. Святой Симеон Новый Богослов говорит: «Тот, кто еще не рожден, не может рождать и духовных детей» и добавляет: «Чтобы давать Духа Святого, нужно Его иметь». Он ссылается на слова Господа: «Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф 10.20).

Предание себя воле духовного отца служит своего рода посвящением, началом постепенного стяжания мира Божия внутри себя... Речь идет здесь о самой главной черте духовного отцовства: единственный его смысл в том, чтобы вывести человека из рабства к свободе детей Божиих...

«Один отец, – говорит Авва Пимен, – учивший душу непосредственному общению с Богом, советовал: «Никогда не повелевай, будь всем примером, но не законодателем...». Опасение повредить целостную

структуру человеческой личности влечет за собой полное самопожертвование у духовного отца. «Один молодой человек пришел к старцу с просьбой наставить его на путь совершенства, однако тот ничего не сказал ему. Юноша спросил его о причине его безмолвия: «Разве я выше тебя, чтобы тобой повелевать? – ответил ему старец, – я ничего не скажу. Делай, если можешь, то, что делаю я». С тех пор ученик во всем подражал старцу и постиг смысл безмолвия и свободного повиновения... Духовный отец никогда не созидает свое духовное чадо, он помогает родиться чаду Божию, взрослому и свободному».

(Paul Evdokimov, *La Paternité spirituelle*, Contacts. N°58, 1967, p. 100).

Он

В конце концов при всех исторических потрясениях для христиан важнее всего сохранить способность к различению и принятию обетований жизни. Каким образом? Эту способность должна питать молитва, прежде всего молитва, а также деятельное участие в жизни и смиренная любовь. Христиане должны активно нести свои гражданские обязанности, если общество допускает их к общественной жизни; или же просто исповедовать свою веру и идти на мученичество, если государство преследует Церковь и христианство. Однако нужно уметь находить семена добра даже и в крови и в грязи и помогать им расти. Дабы соединить тем или иным образом распятого Христа истории и Христа прославленного, Христа евхаристической чаши...

Я

Посмотрите на французскую революцию: она противопоставила, и была отчасти в этом права, свободу и Церковь. Она захотела «дехристианизировать» Францию во имя свободы. Однако Церковь сегодня все больше отождествляет свое дело с делом свободы. Впрочем, эти идеи свободы пришли к нам из Англии, где можно обнаружить их евангельские корни...

Он

И теперь, когда французы посещают меня, я прошу их, когда они освоятся, спеть со мной *Марсельезу*. Это песня свободы, и оттого мы любим ее. Но это и песня войны, и придет день, когда она будет вызывать улыбку у французов. Придет день, когда народы посмеются над своими гордыми агрессивными лозунгами, национальными гимнами... Слава... Какая слава? Смерть, страдания, беды человеческие...

Я

То, что постигло французскую Революцию, несомненно, постигнет и русскую. Создается впечатление, что марксизм в странах Восточной Европы перестал быть живой мыслью. Впрочем, он всегда черпал свой динамизм из источников более глубоких: в 1917 году из традиционного мессианизма русской души; во время Второй мировой войны – из почти мистической любви русских к своей земле и к своему народу, которому нацисты угрожали геноцидом. Ныне во всяком случае тамошняя официальная идеология служит

лишь непробиваемым оправданием для новой буржуазии. Интеллектуалы пытаются как-то заявить о смысле человеческой личности и свободы духа. Даже нынешняя мода на марксистскую фразеологию, распространенная среди многих христиан Запада и среди новых европейских и американских левых может означать и то, что марксизм сейчас находится в стадии ассимиляции и преодоления. Он ассимилируется в своем чисто научном аспекте, помогающем нам анализировать и рационализировать определенные стороны социальной жизни. Он преодолевается в той мере, в какой теперешний кризис носит чисто духовный характер, оспаривающий ту техницистскую антропологию, которую марксизм систематизирует.

Он

Но есть условие, к которому я неустанно возвращаюсь: Церкви должны объединиться, а христианство – обновить себя. Истинное преодоление, которое есть также и изгнание нечистых духов, достигается лишь молитвой. Незаметно для всех именно это происходит в России. Русские христиане победили тоталитаризм в своей стране. Они победили его своей верой, своей молитвой, страданиями исповедников и мучеников. Победили с помощью – как, мы узнаем лишь в будущем – того духовного и богословского пробуждения, которое происходило в России в XIX и в начале XX века. Исподволь их смирение, их любовь к своей стране, их молитвенное и деятельное подвижничество в советском обществе изнутри возобладает над темными идолопоклонническими сторонами коммунизма. Их победы пока не видно. На поверхности истории все еще действует множество тормозящих, тянущих вниз сил, тогда как в глубине перемена уже совершилась.

Я

Однако уже сейчас нельзя не заметить, что самые выдающиеся литературные произведения нашей эпохи приходят из России и напоены христианским духом. Я имею в виду *Доктора Живаго* Пастернака, некоторые мысли Синявского, в особенности же монументальное творчество Солженицына. В то время, как западная литература находит удовольствие в том, чтобы копаться в аде, лишенные всяких ухищрений голоса, которые доносятся оттуда, возвещают непостижимое воскресение.

Он

Это лишь первые проблески зари. Все, что было приобретено в бесконечном смирении и сокрытости любви, рано или поздно заявит о себе в полуденный час истории. Тогда все поймут, что русское христианство своим искупительным жертвоприношением не только защитило христиан Запада, но и оплодотворило историю кровью своих бесчисленных мучеников, повседневным терпением бесчисленных страдальцев. Тогда великий порыв к человеческому братству, лежавший у истоков русской революции, очищенный этим терпением и этой кровью ненависти и террора, соединившись со свободой духа, обретет свое подлинное место в духовной миссии России. России – или «Святой Руси».

Он

Христианство – это религия свободы. Христос, от-

вергнув превращение камней в хлебы, отказавшись сойти с Креста, пожелал окончательно утвердить нашу свободу. Свобода – это суть евангельской проповеди. Вера не только освобождает нас – от страха, от смерти, от властей и властителей мира сего – она сама является высшим актом свободы. Я иду ко Христу, потому что люблю Его. Ничто не налагает на меня никаких пут, кроме свидетельства Его любви. Но любовь не обязывает, она освобождает.

Вот почему вся жизнь Церкви должна была бы исходить из любви к свободе. Церковь не должна быть какой-то высокой инстанцией, которая разрешает или запрещает: она должна порождать свободных людей, способных свободно созидать свою жизнь в свете Духа Святого.

И свобода необходима повсюду.

Присутствие христиан в граде мирском, пусть и лояльное, должно быть пронизано свидетельством, подкрепленным, если нужно и кровью – о том, что град сей – не Бог, что Бог Живой непосредственно, лично связан с каждой душой человеческой. И тогда это присутствие несет в своей глубине и обновление истинной свободы духа.

Для людей нет ничего более ценного, чем свобода мысли и слова. Однако законно ею пользоваться можно лишь при уважении к другому, т.е. стремясь освободиться от своих собственных предрассудков, собственных своих страстей.

Я

Драма социалистической и анархической концепции свободы, концепции, столь распространенной ныне среди молодых западных революционеров, состоит в том, что они воображают, что все зло сводится толь-

ко ко злу социальному, что подспудные инстинкты человека, его жизненная сила в основе своей добры, достаточно освободить их от всякого социального принуждения, дать им свободно раскрыться, и люди сразу станут братьями. Но мы, христиане, из многовекового духовного опыта хорошо знаем, что эти инстинкты, эта жизненная сила глубоко порочны, и нужна сила незримого, нужна аскеза, – вплоть до смерти и воскресения, – чтобы вернуть людей к истинной их природе, представляющей по сути динамику свободы, где жизненная сила, озаренная изнутри, непроизвольно становится порывом к Богу и любовью к ближнему. И потому проблема заключается не в том, чтобы устранить принуждение, но заменить принуждение рабства дисциплиной внутреннего преображения. Мы должны обогатить нашу цивилизацию опытом творческого преображения эроса. С этой точки зрения на монастыри можно смотреть как на лаборатории, столь же необходимые обществу, как лаборатории научных исследований или мастерские художников! Ибо постижение воскресения есть «искусство искусств и наука наук».

Он

Но эта наука никого не обязывает верить, она довольствуется лишь тем, что порождает примеры, открывает источник энергии. Мы, христиане, свободно налагаем на себя эту животворящую дисциплину. Мы знаем, что она освобождает подспудные наши силы и позволяет раскрыться в нас большей любви. Однако нам ничего не нужно налагать на других. И чтобы самим нам освободиться от нашей самодостаточности, нашего фарисейства, нам нужна критика.

В наше время критика становится все более безжа-

лостной. Она уже ни перед чем не останавливается, даже католики не щадят порой папу Римского. И это неплохо. Мы все нуждаемся в критике.

В этом и заключается функция прессы. Критикует она меня? Хорошо. Я восстаю только против лжи.

Он

Христианство неразрывно связано с освобождением женщины. Никогда Иисус не говорил ничего против женщины, и Господь облекся плотью в жене. С этой жены началось и воскресение мертвых. И потому в христианстве женщина – уже не функция, но личность.

Нужно освободить женщину, наделить ее полной ответственностью за себя. Всякий раз, когда освобождение женщины происходит в Африке или в Азии, каким бы при этом не был политический контекст, можно сказать, что тут действует евангельская закваска.

Хуже всего, когда женщина становится объектом, коим забавляется мужчина. Худший итог нищеты – проституция.

Я

Конечно, но не приводит ли освобождение к новому превращению женщины в объект, или по крайней мере к превращению ее в женщину для мужчины, как и мужчины – в объект для женщины в этой систематической эротизации, на ниве которой «буржуазное» и «революционное» так успешно соперничают на Западе? Многие из восточных делегатов в Упсале были неприятно удивлены двусмысленным, навязчивым, духовно разлагающим характером, который приняла

сексуальность в шведской жизни... Там нет проституции, но дух проституции пронизывает все, говорили они.

Он

Что же, возможно, однако без свободы, не пройдя через опыт свободы, мы не воссоздадим ничего. По мысли Отцов, комментировавших Евангелие по наитию Духа, свобода и ответственность определяют человеческую личность. Мы должны внести в свободу не внешние ограничения, но положительное содержание. В данном случае, опыт подлинной любви. Все остальное будет сметено историей!

Я

В Библии сексуальная распущенность осуждается не с моральной точки зрения, но как бесовская пародия культа, как особого рода экстатическое состояние, пренебрегающее как личностью партнера, так и личностью Предвечного и Его верностью. И наоборот вся поэзия, все великолепие человеческой любви находит свое место в Песне Песней. Любовь становится целомудренной, когда она включается в тайну личности. Соловьев говорил, что человек испытывает жалость по отношению к тому, кто ниже его, преклоняется перед тем, кто выше его, и целомудрен в отношениях взаимного равенства. Целомудрие для него означает то, что мужчина или женщина в глубине своей хотят быть признаны как личность, как лицо. Целомудрие покрывает влекущую и безликую тайну пола, пробуждающую лишь инстинкт. Оно дает вырасти любви. И в настоящей любви, как в раю, душа облекает тело...

Целомудрие, большая и благородная любовь, истинная женственность возникнут из свободы и придадут смысл свободе, но лишь тогда, когда наконец поймут, что христианство – это не система инфантильных табу, но творческая любовь.

Уже теперь среди православных есть удивительные женщины. Даже здесь они вносят жизнь в наши приходы. И вспомните-ка о той роли, которую они сыграли и по сей день играют в России; когда смиренная вера и служение этих женщин сможет наконец выразить себя, они научат нас многому...

В августе 1968 года Стамбул стал местом встречи всякого рода «маргинальной» молодежи, прибывшей из Западной Европы и Северной Америки на «фестиваль мира», в последний момент запрещенный. Полиция вела себя снисходительно, еда была дешева, и многие из этих молодых людей не торопились уезжать. В Святой Софии, где всегда хватает места и веет свежестью, они располагались небольшими группами, сидя или лежа, и беззаботно болтали, мало обращая внимания на священное пространство, созданное как будто для собирания народа воедино и доступное сегодня лишь человеку одиночества и безмолвия.

«Мы оставили их на произвол судьбы, – сказал мне патриарх, с которым я поделился своими впечатлениями. – Мы бросили их! И вот они восстают на нас, и ничему не хотят от нас научиться. Они отвергают прошлое, которое, собственно, и не знают. Но нам не следует бояться их. У них в сущности здоровые запросы, пусть даже они не умеют их выразить. Эта мо-
294

лодежь безжалостно напоминает нам о нашей ответственности».

Я

Бунт их напоминает мне бунт подпольного человека у Достоевского. Это бунт непросветленной свободы, отвергающей насильственное счастье и отчаянно взыскующей полноты жизни. Взыскующей Бога и одновременно отвергающей Его.

Он

Потому что это Бог богословских систем, а не духовного опыта. Это Бог фарисеев, но не тайный Друг. Бог разделенных конфессий, но не Бог Церкви Христовой. Явите перед ними Церковь единую, которая станет общиной жизни. Будьте сами живыми. Мы еще будем говорить об этом.

Археологический музей неподалеку от святой Ирины: все многообразие отношений Востока и Запада представлено здесь, начиная от искусства Лидии, Финикии, Пальмиры до раннехристианского искусства, а затем и византийского синтеза. Сквозь века ощущается изумительное созревание индивида. Он рождается из юношеской красоты архаической Греции, из красоты растительного мира, возникает прекрасное человеческое древо с цветком улыбки, которая пока еще есть лишь улыбка жизни, но не личности. Движение начинается от египетского лица, ушедшего в себя, обращенного вдаль, от вас к вечности, округлой и полной, недифференцированной. Начинается оно и с этой

избыточной, поражающей жизненной мощи некоторых лиц древнего Ближнего Востока, таких, как этот колоссальный Бэс, сочетание Геракла и Гаргантюа, поднимающий льва и спокойно раздирающий его на части. Необычайно значимый этап в этой истории выявления человеческого лица – саркофаги Сидона, на которых можно видеть, как греческое лицо возникает из египетского образца. Рядом находятся другие лица, сохраняющие еще традиционный склад, и метаморфозу лица можно уловить здесь, словно мы находимся в лаборатории истории. Египетское лицо самодостаточно и замкнуто в себе, оно безмолвно как камень, с которым оно сливается. Греческое лицо отрывается от камня и обращается вовне, оно смотрит и говорит. Но от этого оно еще более мертво. Индивид рождается вместе со страхом смерти.

Он достигает своего триумфального развития в эллинистическом искусстве, становясь несколько тяжеловатым в римском обличье. Индивид отрывается от камня в древнем Египте, восходит на древо красоты юной Греции, открывает глаза, видит чувственный мир и бросается к нему. Чего он ищет здесь или, скорее, что находит?

С одной стороны, цивилизацию счастья, в которой существование все больше и больше отождествляет себя с цветением плоти и где даже лица начинают напоминать внутренности.

С другой стороны, перед ним открывается двусмысленная сакральность пола и текущего мгновения. Мы видим множество изображений андрогинов, этих юных существ с женской грудью и половыми органами мужчины. Зал Аттиса: Аттис, бесстыдный ангел, эфеб во фригийской шапочке, с крыльями ангелочка, облеченный в длинную и целомудренную тунику, с легкими очертаниями женской груди под ней, но к ни-

зу туника внезапно распахивается, открывая голый живот, а под ним встающий фаллос.

Впрочем, в соседнем зале царит благородство, целомудрие, *gravitas* древнего Рима. Однако эти качества укрываются в стоицизме, застывшем на грани отчаяния: «*Anima Blandula, animula...*».

Эта цивилизация была цивилизацией всемирной империи. О ней также можно сказать, что она была «одномерной», что без угрозы для себя, будучи вполне римской и греческой, она все в себя впитывала и даже такие восточные культы, как кровавое крещение Митры. Пройдемся по залам. Лицо индивида, едва родившегося, становится чревом или же распадается в текущем мгновении...

И внезапно, как шок, наступает пробуждение. Затеявшаяся в римской зале более поздняя статуя императора Аркадия, от которой осталась лишь голова. Лицо совершенно иное, наконец-то именно лицо в полном смысле слова. Это не эллинистический «чревный» индивид или какой-то служитель священной эротики. Не египтянин, погрузившийся в некую замкнутую полноту, как муха, утонувшая в меде. Нет, здесь мы видим личность, одновременно единственную и не разделенную, пронизанную светом, раскрывающим, но не растворяющим ее. Это тонкое лицо возвещает собой о приходе и о внедрении христианства. Без всяких революционных «ломок», если не говорить о рождении монашества, Дух победил «одномерное» общество и одарил человека лицом, через которое проступает лик Воскресшего.

Об этой великой битве, битве духовной – более суровой, чем человеческие сражения, по словам Рембо, – свидетельствует не без невольного юмора палестинская мозаика V или VI веков. Тема взята из классиче-

ской греческой культуры: Орфей, умиротворяющий хищных животных. Однако это христианская мозаика, о чем говорит не только дата, но и изображение двух святых в нимбах под основным изображением. Орфей здесь – несомненно образ Христа, ибо такое отождествление бытовало во времена катакомбной Церкви. Остальное, впрочем, не представляет особого интереса; я предпочитаю Христа в мавзолее Галла Плачида в Равенне: вот подлинный христианский Орфей, в своей юной красе Воскресшего. Интерес вызывают здесь сатир и кентавр, резвящиеся у ног музыканта. О них так и хочется сказать, что они вышли из знаменитых историй святого Иеронима. У них лица восточных монахов с длинными волосами, длинными бородами, огромными глазами. Волосы и борода растрепаны, оставлены в небрежении, как и все, что дается от природы, зато глаза их полны ненасытного огня, они как будто хмельны Богом, ибо человек освященный, по слову святого Макария, весь должен стать «одним глазом», чистым восприятием незримого. По всей очевидности, как и у Иеронима, этот сатир и кентавр – новообращенные христиане. Они хотят быть личностями, а не космическими энергиями.

В этой мозаике уже предчувствуется тот великий экзорцизм, проводимый с помощью безжалостной аскезы, коей подвергалась тогда душа мира. После этого ветхая освященная природа, как следует очищенная, даже обмирщенная, могла стать, покорным объектом нашей науки и техники. И нам осталось преобразить ее. Однако только Дух, изгоняя ли бесов, или озаряя нас, может изнутри бросить вызов «одномерной» цивилизации.

«ТЕОЛОГИЯ»

Я

О вас говорят, что вы враг богословов.

Он

Что вы хотите, я похож на своего покровителя, апологета Афинагора, кстати, не святого. Среди нас, говорил он язычникам, вы найдете немало невежд, людей ограниченных, неспособных доказать словами истину своего учения, однако стремящихся доказать ее своей жизнью. Может быть, за то, что он это говорил, Афинагор и не был канонизирован! Он писал также, что «теплота дыхания Божия» не минует ни одного человека...

Я

Ну и, наконец, эта история с Босфором?...

Он

Что за история с Босфором?

Я

Вы как будто сказали, что хотели бы утопить всех богословов в Босфоре...

Он

Никогда не говорил подобные вещи! Это легенда... Я лишь предложил собрать всех богословов на острове. И чтоб там было побольше шампанского и икры!

Я

Для того чтобы отделаться от них или дать им поработать в лучших условиях? Впрочем, у них нет обыкновения пить шампанское. Они почти не хмелеют, увы! ни от шампанского...

Он

... ни от Духа Святого! Да вы, оказывается, злее меня. Но отвечу на ваш вопрос: прежде всего я хотел бы собрать их на острове, чтобы дать им немного отдохнуть. Чтобы христиане разных исповеданий могли по-человечески запросто перезнакомиться между собой без того, чтобы им все время напоминали, что они-то правы, а другие нет, и потому им нужно крепче стоять на страже. Но теперь я думаю, что богословов следует собрать на острове, чтобы поговорить наконец по существу. Момент для этого созрел.

Я

Благодаря долгой работе экуменического движения, благодаря подлинному сближению с Римской Церковью, инициатором которого вы стали, теперь и вправду между христианами установилось глубокое доверие... Для вас, в сущности, дело богословов всегда вторично: оно выражает уже сложившуюся глобальную установку враждебности во враждебные времена, сближения, когда возвращается любовь?

Он

Именно так. Более всего отталкивает меня в богословии эта гордость от сознания своей правоты, кото-

рая из догмата, да и из Самого Бога создает оружие, которое обрушивается на головы других...

Я

За которым, впрочем, не замедлило явиться и оружие, более существенное. Тысячелетие религиозных войн породило современный атеизм.

Он

В конце концов богословие утвердилось на позиции наименее христианской: оно отказалось выйти к людям безоружным, приемлющим мир, подобно Богу, Который обезоружил Себя вплоть до крестной смерти, чтобы принять нас. Богослов – это человек, окопавшийся в обороне, осаждаемый страхом, который хочет, чтобы правда всегда была на его стороне, а не на чужой.

Я

Я знал одного епископа, кстати, и замечательного ученого. Он спрятался за своей бородой, которая, кажется, у него еще гуще, если судить по иконам, чем у святого Григория Паламы. Из-за нее он взирает на своих православных и инославных братьев и нумерует их ереси. Мир его – это пандемониум ересей. Он видит их повсюду, за исключением, разумеется, самого себя...

Он

А я не вижу их нигде! Я вижу лишь истины, частичные, урезанные, оказавшиеся иной раз не на месте и

притязающие на то, чтобы уловить и заключить в себе неисчерпаемую тайну...

Я

Но в таком случае, что такое для вас богословие? Не лучше ли вообще не говорить о нем?

Он

Им нужно жить! То есть говорить о нем так, как говорит Писание, как говорили Отцы.

Я

Что же оно такое, богословие?

Он

Подлинное богословие – это Христос. При встрече со Христом, в созерцании Его тайны – вот когда мы его обретаем. В Иисусе Бог открывает нам Свое имя. И это имя не философское понятие, оно есть слово, оно есть действие. Слово «Иисус» означает: Бог спасает, Бог освобождает, Бог отпускает на волю. И на этот жест бесконечной любви можно ответить лишь поклонением, которое имеет смиренную аналогию и в нашем отношении к ближнему. И как же Бог освобождает нас? Крестом! Ради нас Бог Сам пострадал на Кресте. Он, Бесконечный, Недоступный, до конца пережил разделение – «Эloi! Эloi! ламма савахфани...» – дабы любовь Его наполнила собою все, и ничто не могло отделить нас от Его любви.

Я

Отцы со страхом и трепетом говорили об этом пара-

доксе Бога страждущего, Носителя Жизни, умирающего на Кресте ради того, чтобы смерть победить смертью. По словам Николая Кавасилы, Бог воплотился для того, чтобы выйти из Своей бесстрастности и убедить человека в Своей любви – «любви безумной» (*manikos eros*), пострадав и умерев за него.

Он

И вот апостол Павел проповедует безумие Креста и восклицает: «Где мудрец? Где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость века сего в безумие? Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость. Потому что немудрое Божие премудрее человек, и немощее Божие сильнее человек» (1 Кор 1.20-25).

Вот настоящее богословие: проповедь Христа распятого – и воскресшего. Если я называю иногда нынешнего Папу Павлом II, то потому лишь, что хочу напомнить ему, что его миссия в том, чтобы современным языком вновь донести великое благовестие Апостола. Это и наша миссия, всех нас.

Я

Отцы IV века перед лицом рационализма Евномия, притязавшего на интеллектуальное познание самой сущности Божией, великие византийские богословы перед лицом довозрожденческого рационализма, не

желавшие видеть в свете Преображения лишь метеорологический феномен, не переставали повторять и комментировать эти слова апостола Павла о «мудрости века сего», обращенной в безумие. Так и русские религиозные философы XIX и XX веков усматривали в богословском рационализме основной источник западного нигилизма. Истинная мудрость, говорит святой Григорий Назианзин, которого Восток называет Григорием Богословом, ведет себя «по-апостольски, а не по-аристотелевски». Литургия напоминает, что Апостолы были безграмотными людьми, просвещенными Духом, дабы они свидетельствовали о Христе воскресшем, ловцы рыбы «сделались ловцами человеков». Истинное богословие – это радость Пасхи. От века к веку богословие обновляется «мужами апостольскими», которые до конца впитывают в себя опыт Церкви и научаются *видеть* Христа Воскресшего, как видел Его Павел на пути в Дамаск, или Иоанн на Патмосе. Такими были святой Серафим Саровский в XIX веке, святой Нектарий Эгинский и *старец* Силуан Афонский в наше время. На долю учителей Церкви выпадает лишь осмысление и оформление этого опыта; так, за святым Афанасием Александрийским угадываются египетские монахи, как за великими русскими мыслителями прошлого века – старцы Оптиной пустыни. Самые великие, такие, как Симеон Новый Богослов в Византии на пороге первого и второго тысячелетия, были ясновидцами, которые в интеллектуальной, но также и поэтической форме умели передать свои видения.

Он

Только Иоанна, апостола возлюбленного, Григория Назианзина и Симеона Нового Богослова Цер-

304

ковь почтила именем «богослов». Они не занимались умозрениями, но жили тайной, чтобы затем дать воспеть ее своему разуму. Они были опьянены Духом... Как Иоанн умел говорить о жизни и свете, которые суть сам Бог, ставший нашей жизнью и нашим светом! И как в то же время он умел передать человечность Иисуса, Его конкретные жесты, Его человеческие привязанности, в которых сгущается свет и жизнь. Вот опять-таки подлинное богословие: знание и любовь неразделимы. Познание в пределе своем – это безмолвное созерцание, созерцание в Духе Святом сквозь призренный лик Христов глубин Божиих – то, что Отцы именуют *Theologia* в собственном смысле.

Я

Они говорят, что *Трисвятое*, которое поется во время евхаристической литургии: «Святы́й Бо́же, Святы́й Крепкий, Святы́й Бессмертный, помилуй мя» или «Свят, Свят, Свят Госпо́дь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя» – это и есть «богословие», которому научили нас Ангелы, дабы мы достойно восславили величие Пресвятой Троицы.

Он

Слово стало плотью, и мы не только можем воспринять Его слова, но и приемлем Его как пищу. И потому только Евхаристия дает нам постичь и воспеть божественное богословие. Разум богословский может быть лишь разумом евхаристическим.

«Тайна Воплощения Слова содержит в себе значе-

ние всех символов и всех загадок Писания, равно как и сокрытый смысл всего творения, чувственного и постижимого. Но тот, кому ведомы тайны Креста и Гроба, знает также сущностные причины всех вещей. Наконец тот, кто проникает еще далее и посвящается в тайну Воскресения, постигает ту цель, ради которой Бог изначально сотворил все вещи» (святой Максим Исповедник, *Сотницы гностические*, 1.66).

Я

Для Отцов образом богослова был Моисей, проникавший в божественный мрак и видевший «задняя Божия», скрываясь на скале. Эта скала для них была ничем иным, как человеческой природой Христа. Но у великих духовидцев и богословов Византии, в особенности у Паламы, возникает другой путеводный образ – образ Матери Божией. В Ней соединяются Ветхий Завет с Новым, и Царство Божие торжествует в ней, ибо как поется в тропаре Успения, «преставилася еси к Животу, Мати сущи Живота». Она сохраняет в «сердце Своем» и созерцает в тишине «все вещи» – все Откровение Божие, которое облеклось в Ней плотью. Она служит также и образом Предания, и в особенности образом той церковной традиции, что составляет тайный стержень всего церковного Предания, традиции «исихастов», «молчальников», также стремящихся к созерцанию «всех вещей» «в сердце своем». Одно из любимых изречений их гласит: «только тот богослов, кто обрел чистую молитву», кто стал молитвой всецело.

Константинополь – город Матери Божией. Иконы Ее вы найдете во всех церквях, и сколько же из них особо чтимых! Вы видели образ, – византийскую мозаику, – который есть у нас на Фанаре, в церкви святого Георгия. Часто ночами я прихожу молиться перед ним. Это не молитва наедине, но *омилия*, беседа. То, что она, Мать Божия, говорит мне, нельзя облечь в слова, повторять... Тайна нашего богословия в том, что мы находим убежище в ее «теплоте». Вспомните о бесчисленных именах, коими мы Ее наделяем – Надежда обидимых, Источник жизни, Радость всей твари – о чем говорят иконы, ибо каждая из них, как и каждое из Ее имен, это луч света, образ Ее присутствия...

Я

Бог неисчислим в Своих энергиях, и Всесвятая, первая человеческая личность целиком обоженная, неисчислима в способах Своего заступничества. «Всесвятая – *Panhagia* – это имя делает Ее таинственно сопричастной Духу Святому – *Panhagion*. Давшая Слову собственную плоть Свою, ныне как будто становится Матерью при Его духовном рождении в человеческих душах, просвещенных благодатью Духа Святого.

Он

Песнопения, обращенные к Матери Божией, могли бы заполнить тома. В Ней человечество приняло своего Создателя. В Ней Церковь ходатайствует за всех людей.

Владимир Лосский сказал, что «да будет», произнесенное Ею, разрешило трагедию человеческой свободы. Может быть, то материнское милосердие, которое Она проявляет к самому падшему из людей, раскрывает как бы женственную сторону любви Божией. Я говорю символически: разве Библия не говорит почти в физических терминах о «милосердной утробе» Бога нашего?

Во всех древних церквах Константинополя образ Богородицы встречает нас почти у порога. В притворе Святой Софии Константин представляет Ее с омофором над городом, а Юстиниан над храмом. В приделе Карье Джамии Она изображается под куполом, который высится над всяким входящим в храм: там Мать Божия как бы служит путеводительницей к последним таинствам, изображенным на внутренней поверхности следующего купола в абсиде – Суда и Сшествия Христа в ад, символе «суда Суда», о котором говорит святой Максим. Если цвет Христа-Победителя – сверхъестественная белизна, то голубой цвет преобладает во внутренней стороне купола, на котором изображена Пресвятая Дева, и эта голубизна несет в себе ночную мягкость, когда зажигаются первые звезды, и последние птицы реют в ночи. Мария находится в центре; Она окружена сплетением цветов и ангелов, – как бы излучением Ее теплоты. Цветы переплетаются с ребрами свода. Ангелы в нишах с прекрасными и серьезными ликами облачены в туники, чей нежный цвет лишен претенциозности, а цвет крыльев слагается из различных оттенков голубизны. Все

вместе образует только что раскрывшийся цветок из голубого огня, который мягко окружает нас, ибо он уходит своими корнями в небо и обращает к нам свою чашу. Вспоминается мистический опыт, который описывает Евагрий: когда святой достигает вершины внутреннего Синая, который есть «место Божие», он видит его насыщенным излучением сапфира. Образ Моисея и образ Богородицы восполняют друг друга, ибо Она есть Синай истинный, трон Премудрости.

«Матерь Божия – это одновременно Премудрость и Красота, – сказал мне патриарх. – В ней сосредоточивается вся красота твари, чтобы причаститься красоте Божией».

Поэтому дух православного богословия – это дух не любомудрия, но добротолюбия, который взыскует красоты нового неба и новой земли, приходящих к нам в Духе Святом в момент служения литургии и раскрывающихся в ликах Пресвятой и всех святых.

В Святой Софии на возвышении, справа от центрального нефа восстановили мозаику, *деисусного чина*, т.е. заступничества Христа-Судии, Пресвятой Девы и Предтечи, Невесты и Друга Жениха. Ибо Судия открывает Себя как Жених души, которая грядет к Нему «со страхом Божиим и с верою», как говорит священник, когда он выходит к верующим с евхаристической чашей. Лик Иоанна Крестителя отмечен суровой аскезой. Лик Матери Божией светится миром и упованием. Но глаза Ее подобны глазам тех, кто пролил столько слез, что эти слезы стали слезами радости. «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе... восстану бо и прославлюся...»*. Мужественная аскеза стер-

ла черты индивидуального «я» на лице Иоанна Крестителя. «Ему должно расти, а мне умяться» (Ин 3.30). Богородица – это та, кто была «рас-творена» слезами и сотворена вновь Духом Святым.

Я

Таким образом падший разум, разделяющий и смешивающий, должен умереть в крещальной воде слез, дабы вновь ожить в недрах любящего разума Христа. «Почему, – вопрошал святой Игнатий Антиохийский, – не становимся мы мудрецами, принимая мудрость Божию, которая есть Иисус Христос» (Еф 17.2)?

Он

Почему? Я скажу вам: потому что мы захотели сделать богословие наукой точно также, как мы сделали из Церкви машину. Тогда как настоящее богословие требует преобразования всего нашего существа, оно исходит из *метанойи*, чтобы достичь своего исполнения в любви!

Я

Отцы то и дело повторяли: «Богословие бездеятельное – это богословие бесовское» (святой Макарий; и действие, *праксис*, означает покаяние, молитву и деятельную любовь. «Говорить о Боге – великое дело, но еще лучше очищать себя для Бога» (Григорий Назианзин). Цель всегда заключается в «ощущении Бога», а

* Канон Утрени Великой субботы (песнь 9) (прим. перев.).

не в умозрении о Нем, в том целостном познании, которое собирает человека в одно напряженное целое.

Он

Греческие Отцы жили своим богословием. Латинские Отцы также, в особенности блаженный Августин.

Я

Мне иногда кажется, что блаженный Августин относился к нему слишком страстно, слишком индивидуально, и что личность его наложила слишком тяжелый отпечаток на весь душевный строй западного христианства.

Он

Потому что это была громадная личность, которая после крушения западной культуры того времени, вызванного нашествиями варваров, осталась слишком одинокой. В конце концов в веках остается не столько тот или иной Отец с конкретными чертами его индивидуальности, сколько удивительное созвучие всех Отцов, собранных из разных мест и разных стран. Греки, египтяне, сирийцы, латиняне – какая это фантастическая симфония, лейтмотивом которой служит одно и то же грандиозное видение...

Я

«Бог сделался человеком, чтобы человек мог стать Богом»! (Григорий Назианзин).

Он

Вместо того, чтобы критиковать Августина, чем охотно занимаются православные, его следовало бы услышать в контексте этой симфонии, читать его вместе с греческими Отцами!

Я

Которых, как нам стало известно, он знал достаточно хорошо...

Он

Я скажу больше: святой Фома Аквинский еще не отделял богословия от глубины христианской жизни...

Я

Бесспорно, но нередко забывают о его мистической глубине, о его привязанности к Ареопагиту, и его *lectio divina* – столь традиционное размышление над Писанием. Тем не менее именно он, может быть, как раз из-за отсутствия восточного противоядия, более всех поддался этому искушению – построить богословие как некую науку. И томисты уступили этому искушению. Так распалось единство литургической жизни, жизни мистической и интеллектуальной. И богословие стало христианской оболочкой западной метафизики, которая, дабы установить подобие между понятным и божественным, начиная с Платона, противопоставляла чувственное постижимому. Однако истинная тайна возвышается как над постижимым, так и над чувственным, ибо она преображает и то и другое, тело и душу.

Он

Ах, эту механику духа – оставим-ка лучше ее инженерам! – ослабленный христианский Восток усвоил в конце концов в современную эпоху. И надо сказать, в самом убогом виде! С риском построить чисто полемическое богословие, которое заимствует у протестантов их антикатолические аргументы, а у католиков – аргументы антипротестантские.

Я

Отец Георгий Флоровский называл это «вавилонским пленением православного богословия». Но, по благодати Божией, богословие Отцов никогда не переставало питать нашу молитву, говорим ли мы о византийской литургии, созданной в патристический век и несущей в себе огромное богословское богатство, или о традиции «Добротолубия» и «молитвы Иисусовой», для которой всякое подлинное богословие – это богословие мистическое... Затем наступило возрождение XIX и XX века, в особенности «неопатристический» синтез нашей эпохи.

Он

Это возрождение имеет огромный смысл, и я содействую ему, чем могу. Несколько лет назад я основал институт патристических исследований в Фессалониках, от которого я многого жду.

«Патриарший институт патристических исследований», основанный в 1966 году во Владатонском монастыре,

тыре – древнем духовном центре Македонии, стоящем на террасах акрополя – возвышается над Фессалониками. Монастырь этот «ставропигиальный», т.е. неподвластный местному епископу и находящийся в непосредственной юрисдикции Константинополя. Во главе Института патриарх поставил молодого богослова, Стилианоса Харкинаакиса, получившего образование в Германии. Тесное сотрудничество установилось с богословским факультетом в Фессалониках, в частности с профессором Панайотисом Христу. Институт выпускает «Записки» раз в семестр с характерным названием *Klironomia* – «Наследие». Эти записки носят международный и межконфессиональный характер и включают в себя множество публикаций на западных языках. В двух письмах, опубликованных в первом выпуске, патриарх призывал к строгой научности и вместе с тем к живой открытости современной проблематике. В каждом выпуске публикуется также хроника богословского движения в греческом мире, продолжающая в этом отношении традицию журнала *Apostolos Andreas*, прекратившего свое существование в 1964 году.

Основание Института было как нельзя более своевременным. На протяжении уже двенадцати лет производилась большая работа по публикации патристических текстов, осуществляемых *Apostoliki Diakonia* (Диаконское служение), выпустившим уже тридцатую книгу. К этому времени было почти закончено издание «Греческой религиозной и моральной Энциклопедии», начавшееся в 1962 году, со множеством основательных статей, посвященных Отцам. И ныне это наследие древних, столь методически описанное греческими богословами, предстоит сделать творческим и плодотворным, соединив его с наиболее ценным из того, что дала русская религиозная мысль. Сделать

его плодотворным для времени духовного упадка и обетования, которое переживает нынешнее человечество. К этому свидетельству направлены и усилия наиболее молодых богословов. Среди них – Панайотис Неллас, специалист по Кавасиле, хорошо чувствующий великую мистическую традицию Православия; и Христос Яннарас, близко знакомый с русской философией, в том числе и той, что была создана в рассеянии. Он, помимо прочего, опубликовал исследование *Отсутствие и непознаваемость Бога у Дионисия Ареопагита и Хайдеггера*, где он показывает, как «апофатический», – т.е. негативный и антиномический – подступ к тайне может преобразовать современное невидение Бога в открытость Непознаваемому, которое познается только в Неведении.

Он

У Востока и Запада общие Отцы. Их устами выражает себя Церковь неразделенная. То общее, которое благодаря им есть у нас с христианами Запада, в особенности с католиками, это не только Писание, но определенный способ церковного богопознания, совершающегося в свете Евхаристии и святости. Нам нужно вновь отыскать как на Востоке, так и на Западе эту нить, соединяющую нас со святоотеческой традицией, дабы обрести ее обновленной.

Я

В этой перспективе нужно уделить большое место и духовной жизни Франции XVII столетия...

На Востоке Отцом Церкви был, несомненно, святой Григорий Палама. Обновление паламизма в наше время – исключительно добрый знак. Паламизм выражает реализм христианской жизни, реальное преобразование всего человека в сиянии Духа...

Я

... всего человека, а через него и всей истории вселенной, ибо человек сопричастный не отделен ни от чего. Ибо что же такое тело как не личность, вписанная во всеобщую материю, дабы преобразовать ее либо в труп, либо в Евхаристию? У Паламы есть великолепное равновесие между смыслом личности и смыслом космоса, ибо через личность вся плоть земная призвана стать «плотью Божией»... Что касается различения в Боге недоступной сущности и энергий, с которыми мы можем соединиться, то, может быть, это лучшее приближение к Богу Живому, к той жизни в Нем, которая никогда не может быть определена. Ибо это различие есть тождество: между Богом неприступным и Богом, открывающимся нам, нет никакой границы. «Бог целиком неприступен, – говорит Палама, – Бог целиком открывается нам». Он открывает Себя в безраздельном и ничем не ограниченном даре, открывает Себя бездонным, оставаясь всегда за пределами Своего откровения. Свет, реально преображающий святых, исходит изнутри личностного общения, он исходит от Лица воскресшего. И этот Лик становится наиболее близким и в то же время неизмеримым...

Он

Как и всякое лицо отныне.

Истинное богословие не противопоставляет себя любви, оно выражает ее. Что такое догматы как не символы пережитого опыта любви? В христианстве в сущности есть лишь один догмат, ибо все остальные лишь развивают его, и этот догмат есть Христос – Бог, ставший человеком, дабы человек мог воспринять в Церкви Духа жизни.

А война из-за слов не нужна. Как не нужна и словесная война.

Слова нужно погрузить в любовь, которой они должны служить, в тайну Христа, тайну Церкви.

Нужно, чтобы в словах сталкивались не окаменевшие их оболочки, но сокрытые в них ядра святости.

Там, где слова сталкиваются, святые сумеют понять друг друга...

Я

Церковь неразделенная – и в этом отношении Православие сохранило ей верность – всегда противилась догматизации. Святой Иларий Пиктавийский сетовал на то, что должен «выставлять на волю случая человеческого языка те тайны, которые следовало бы заключить в безмолвное моление душ наших». И если ему приходилось делать это, то именно для того, чтобы уберечь доступ к тайне от рациональных, односторонних и редукционистских объяснений. Церковь Семи Соборов формулировала догматы лишь повинувшись необходимости, дабы избежать худшего. И земное человеческое постижение она должна была провести через распятие путем отрицания и антиномии. Так, например, Халкидонский догмат выражает единство божественного и человеческого во Христе с помощью

целого ряда отрицательных наречий, расположенных антиномическими парами.

Он

Это распятие ограниченного разума позволяет воспринять в Любви разум безграничный. Догмат охраняет тайну, однако истинный его смысл – в изумлении перед любовью. Догмат Халкидона – это изумление пред тем, что Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного для того, чтобы мир спасен был...

Я

Точно также двумя веками ранее в Никейский символ веры понадобилось ввести философский по виду термин *homoousios*, единосущный. Ибо, если придерживаться лишь библейского словаря, нельзя было бы избежать двусмысленностей, касавшихся божественной природы Христа, то есть реальности нашего спасения. Но назвать Сына *homoousios*, т.е. тождественным по сущности Отцу, не смешивая Их при этом, затем показать, что это тождество простирается и на Дух, – не значит философствовать, но утверждать Бога как источник всякой реальности, так и всякого мышления, как совпадение абсолютного единства и абсолютного разнообразия.

Он

Это означает, что Бог есть любовь. И это открывает нам, что такое любовь.

Я

Увы, многие из протестантских богословов, а ныне и богословов католических, полагают, что догматы Семи Вселенских Соборов не имеют больше смысла для современного человека.

Он

Это почему?

Я

Потому что они вырастают из устаревшей греческой философии, в частности из статичной онтологии.

Он

Какая греческая философия? Греческая мысль, впрочем, как и латинская, не знала понятия личности. Латинская *persona*, греческая *prosôpon*, – это не личность, но маска, в лучшем случае индивид. И индивиды наслаиваются друг на друга, они, возможно, сохраняют какое-то подобие, но между ними нельзя представить истинного общения...

Я

Святой Григорий Нисский в своих небольших трактатах о Троице хорошо показывает, что по образу Тройческого Союза следует считать, что есть лишь один Человек и множество личностей. Единственный Человек, которому Христос уподобился в Телесном. И здесь святой Григорий не подразумевает подобия в философском смысле, но тождество в смысле мистическом.

Он

Огромная работа была совершена Отцами и Соборами по выработке реалистического богословия личности и любви. Чтобы произвести ее, они должны были прибегать к философской терминологии своего времени, с чудесной свободой заимствуя как у Аристотеля, так и у Платона.

Я

И нередко у стоиков...

Он

И даже из понятий обыденной жизни: «ипостась», например, означает «подставку», но это слово получает новый смысл, смысл единственного и конкретного характера каждой личности... Они переплавили греческие слова в горниле библейского Откровения.

Я

Подобно этому, отнюдь не подчиняя Бога Живого общей науке о бытии, они выработали подлинную онтологию тайны.

Он

Любовь дарует существование всему!

Но если догматы Церкви остаются вечно живыми и актуальными в опыте Церкви, то вовсе не для того, чтобы мы повторяли их как мертвые формулы. Мы должны вновь ощутить их глубинный ток, тот заряд удивления и хвалы, чтобы выразить их на языке на-

шего времени. А иначе, вместо того, чтобы будить нас безмерностью любви Божией, они будут только усыплять наш разум ощущением ложной безопасности.

Я

Мы, к примеру, вычерчиваем геометрическую Троицу в каком-то дальнем, сосланном на небеса Боге. А в действительности наше реальное существование как раз и заключено в недрах Троической тайны. Всякое познание и всяческая любовь обретает в Ней свое завершение. Вне Ее нет ничего, кроме нигилизма: либо материалистического нигилизма Запада, располагающего людей на поверхности небытия, либо мистического нигилизма Индии, поглощающего их в Безличностном абсолюте... Отец – это Исток, Сын – Лицо, Дух – Сокровенное в нас. В Духе ничто и никто не находится вне меня. В Сыне другой открывает себя как лицо, и мир становится празднеством человеческих лиц. И это безмерное движение жизни и любви, которое дарует всему существование, как вы только что сказали, обретает в Отце свой исток и свое предназначение. Можно сказать и так: то, что есть бытие, а не ничто – говорит нам об Отце. Человек *logikos* (не просто «разумный», но постигающий и славословящий бытие) говорит нам о Логосе, пронизывающем и упорядочивающем все. То, что звезды и частицы атома следуют по своим орбитам, что цветок превращается в плод, и оба они «в лепоту облечены», что мужчину и женщину влечет друг к другу, что все стремится к превращению и полноте – все это говорит нам о Дыхании, сообщающем жизнь, о Дыхании, *Pneuma*, Духе... Отец Сергей Булгаков говорит, что именно Дух Святой красит девические лица. Вот человек, который

несмотря на свои крайности, умел донести голос Отцов до современного человека.

Он

Да, богословы и религиозные мыслители XIX и начала XX века явили для нас образец мышления, свободно следующего вдохновению Отцов, верного Преданию и благодаря этому поистине творческого. Русские в наше время сыграли роль, подобную византийским гуманистам, пришедшим на Запад после падения Константинополя. Гуманисты много сделали для подъема Ренессанса, этого открытия красоты мира и творческой мощи человека, коими отчасти пренебрегало Средневековье, обращенное исключительно к Богу. Русские религиозные мыслители, рассеянные по всему Западу после Революции, были носителями великого христианского возрождения, в котором Божественное и человеческое обретало свою полноту друг в друге, и все значение которого еще не до конца открылось нам.

Я

Изучение Отцов, вновь пробудившееся на Западе, явным образом многим обязано им. Во Франции один из основателей замечательной серии памятников «Sources chrétiennes» Жан Даньелу, не скрывает, что первым, кто обратил его внимание к греческим Отцам, был Николай Бердяев. Да и эkkлeзиoлoгичecкoe oбнoвлeниe, вoзвeщeннoe Втoрым Вaтикaнским Сoбoрoм, кaк и прoбуждeниe интeрeсa к бoгocлoвию Духa Святoгo мнoгим oбязaнo учитeлям «нeoпaтpистик»: o. Гeopгию Флoрoвcкoму, Влaдимиру Лocскoму, нo прeждe вceгo eвxapистичecкoму бoгocлoвию o. Ник

колая Афанасьева. Что же касается профетического свидетельства русских религиозных мыслителей, возвращавшего христианству его космическое начало, а современной культуре – стремление к «богочеловечеству» (то, что они называли по-гречески «теандризмом»), то оно еще далеко не принесло всех своих плодов. Однако нынешняя социальная открытость западного христианства, проявившаяся, в частности, в движении персонализма, носит на себе влияние Бердяева.

Он

Эти люди посеяли семена православной мысли в Западной Европе и в Америке, и при непосредственной встрече с Западом вдохнули в него новое дыхание. Я их очень люблю. Некоторых из них я знал лично: так я встречался с отцом Сергием Булгаковым, когда он приезжал в Соединенные Штаты. Я прочел немало его книг. Это был человек творческой веры, поразительного видения...

Я

Его «софиология» дает нам картину мира, пронизанного Премудростью Божией, она сообщает Церкви ее космический характер: Бог сотворил мир, чтобы воплотиться в нем, чтобы соделать его храмом Премудрости... И сколь знаменательно, что мы вспоминаем об отце Сергии в этом городе, в сердце которого стоит Святая София, храм Премудрости Божией, той Софии, в которой Булгаков видел всеприсутствие Божие... Конечно, мысль его не всегда ясна...

Он

Потому что он был живым человеком, и не боялся пускаться в неведомое на свой страх и риск, но он искал не в пустоте, а в полноте... Не бывает плодотворного поиска без крайностей, без уклонов. И нужно не осуждать, но уравнивать видением более целостным, укрепляя завоеванные позиции. Такова роль Предания, и в Булгакове была поистине жива творческая память о нем...

Я

Предание – это Дух, Который покоится на Теле Христовом, чтобы развернуть в реальности тайну Воскресения.

Он

Русские религиозные философы умели идти на риск. Они примирили ощущение тайны со свободой, и этот путь открыт для будущего.

Я

Несомненно, что в избытке своего творчества они порой грешили против целостности великого православного Предания. Учителя неопатристики вновь нашли путеводную нить в мышлении Отцов и Паламы. К сожалению, обладая большей строгостью, чем те религиозные мыслители, с которыми они полемизировали, они не обладали их профетическим вдохновением...

Он

Вы только что определили одну из основных наших проблем: соединить строгость одних с профетическим даром других. Это нелегко. Однако некоторым это удастся. Я имею в виду среди прочих Павла Евдокимова, с которым я встречался в Женеве прошлой осенью. Вот поистине впечатляющая личность. Этот человек излучает свет вокруг себя. И я горжусь им. Большая богословская работа ведется также в Греции и в Румынии. И кроме того, многое созревает и в самой России. Обновление русской религиозной мысли помогло и поможет тамошним христианам молитвой и любовью безмолвно преодолеть темные стороны коммунизма. Что касается опыта христиан в России, который, как вы мне говорили однажды, уже сумел себя выразить в литературе, то если бы он мог заговорить собственно в религиозной мысли, то это было бы великолепно...

Я

Религиозная философия, кажется, привлекает там немало интеллектуалов. Однако идеологическая монолитность режима едва ли содействует этому поиску...

Он

Нужно уметь доверять – и ждать. Я доверяю Русской Церкви.

Доверяю настолько, что греки критикуют меня и обвиняют в «русофильстве». Но дело не в русофильстве, дело в мучениках. Кровь стольких мучеников, пролившаяся в России в XX веке, потрясла меня. Она

оплодотворила всю нашу Церковь, весь христианский мир...

Я

У этих мучеников было нечто новое, то, чего, может быть, не найдешь в древних повествованиях: это их молитва о спасении своего палача. Об этом говорят многие свидетели и тексты.

Он

«Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят».

Я

В последние годы там распространяется удивительная молитва, где говорится о том, что нужно «утешить «утешителя». Это и есть молитва за палачей...

Он

Вот вам и совершенное богословие, когда свидетель и Тот, о Ком он свидетельствует, едины*.

* Далее мы опускаем небольшую антологию из текстов русских мыслителей Сергия Булгакова (*Свет Невечерний*), Василия Розанова (*Апокалипсис нашего времени*), Владимира Соловьева (*Смысл любви*), Евгения Трубецкого (*О смысле жизни*), Павла Евдокимова (*Этапы духовной жизни*), поскольку все они, за исключением последнего, достаточно известны русскому читателю (Прим. переводчика).

Он

В Упсале много говорилось о богослужении*. Целая секция Ассамблеи занималась проблемой богослужения в секуляризованном обществе. Это вопрос, который очень меня занимает. Слишком много христиан делаются равнодушными к литургической жизни, или, что еще хуже, разочаровываются в ней. Однако именно в богослужении, конкретней в Евхаристии, Церковь обретает основу самого своего бытия, ибо именно в ней расцветает тайна Христова, приобщающая нас к Пресвятой Троице.

Я

Человек подлинный – это «человек литургический», черпающий в таинствах эту способность «о всем благодарить» (буквально: «творить Евхаристию во всех вещах»), как говорит Апостол.

Он

Дерево, которое первым, еще в феврале, расцветает в садах Фанара, преисполнено славы Божией. Океан, заключенный в человеческом взгляде, преисполнен славы Божией. Всех, будь то люди или вещи достигнутые в этой неопишуемой открытости, мы посвящаем Отцу во Христе Его в евхаристическом приношении...

1. Речь идет об Ассамблее Всемирного Совета Церквей, состоявшейся в шведском городе Упсале в 1968 году (Прим. переводчика).

Я

«Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся!»*

Он

Мы приносим также наши труды и наши скорби, все страдания и творческие свершения человечества. И все это мы выносим к сиянию великого светила Божия, выставляем на тот трисолнечный свет, который исцеляет и умиряет. И огонь нисходит в чашу. Нисходит, чтобы затем осветить и все, что вокруг нас, и это излучение беспредельно...

Я

В заключении к своим *Размышлениям о Божественной литургии* Гоголь говорит, что если общество еще не разложилось окончательно, что если люди живут еще не одной ненавистью друг к другу, то тайная причина этому – совершение Евхаристии.

Он

Она сохраняет мир и уже ныне тайно озаряет его. Человек обретает в ней утраченное им сыновство, он черпает свою жизнь в жизни Христа, тайном Друге, разделяющем с ним хлеб нужды и вино праздника. И хлеб есть Его Тело, вино есть Кровь Его, и в этом единстве ничто более не отделяет нас ни от чего на свете и ни от кого.

Что может быть больше? Это пасхальная радость, радость преображения мира.

1. Из Евхаристического Канона православной литургии св. Иоанна Златоуста. (Прим. переводчика).

И мы принимаем эту радость в общении со всеми нашими братьями, живыми и умершими, в общении со святыми и в теплоте Матери Божией.

И тогда ничто более не может внушить нам страх. Мы познали любовь, которую Бог питает к нам, и стали богами.

Все отныне обретает свой смысл.

Ты и еще раз ты, ты имеешь смысл.

Ты не умрешь.

Те, кого ты любишь, даже если считаешь их умершими, не умрут.

То, что прекрасно и живо, до последней травинки, до этого ускользающего мгновения, когда всеми своими жилами ты ощущаешь полноту существования, все останется живым, живым навсегда.

Даже страдание, даже смерть имеет смысл, ибо они становятся путями жизни.

Все живо уже теперь.

Потому, что Христос воскрес.

Есть место в этом мире, где уже не царствует разделение, где есть только любовь, великая любовь и великая радость.

И место это, Святая Чаша, Святой Грааль, в сердце Церкви. И благодаря Церкви – в твоём сердце.

Вот, что следовало бы нам сказать, вот каким должно быть богослужение.

Я

Разве оно не таково?

Он

Нет, не таково. Или скорее, более не таково.

Однако на праздник Преображения я почувствовал, что церковь, в которой я находился, пронизана молитвой и радостью. Это была большая современная церковь в самом центре нового города. Роспись ее была, скорее, посредственной. Но в ней ощущалась прежде всего эта радостная непосредственность пребывания в доме Отчем. Несколько дружеских реплик поначалу, когда утренняя шла к концу. Посередине храма, где постепенно становилось все болеелюдно, маленькая девочка лет трех или около того играла, почти пританцовывая в ритме хора. По мере того, как литургия близилась к совершению таинства, более горячей становилась молитва людей. Многие пели вместе с хором, в особенности *Кирие елейсон* на ектеньях и тропари праздника. Совершение Евхаристии поразило меня в момент Великого Входа и в особенности в момент освящения Святых Даров: древние молитвенные жесты, руки, протянутые к земле, как бы опущенные, ладони, обращенные вперед, приносящие дар...

Он

Да, в дни праздников ощущается особый накал. Но чаще всего богослужение напоминает представлениемсамбул перед уснувшей публикой. Но дело не может продолжаться таким образом, когда на службе люди застывают в неподвижных позах за своими скамьями, время от времени механически осеняя себя крестным знамением. Ни эти крещения в одиночку, ставшие просто семейными праздниками, ни эти светские венчания. Вы ведь сами, несмотря на всю вашу снисходительность, обратили внимание на вырождение сакрального искусства. Подумайте-ка о том, какой должна была бы быть литургия в Святой Софии...

... когда посланцы великого киевского князя Владимира не знали, где они находятся, на небе или на земле, говоря, что нигде в мире нельзя было найти подобной красоты!

Он

Ныне нет богослужений в Святой Софии, и все же это безмолвное пространство приобщает нас к своей полноте.

С моря Святая София представляется запечатанной как некий секрет. Духовный взгляд легко убирает эти минареты, которые упрямо пытаются указать на далекого Бога в то время, как безукоризненно очерченная пята свода купола служит лишь как будто внешней оболочкой некоего сокрытого в ней присутствия. Вблизи мы убеждаемся, что не ошиблись: Святая София как бы прячется, скрывает свой объем и никогда не открывается с фасада. Она слишком велика, чтобы глаз мог охватить ее целиком как какой-нибудь собор. Кривые линии арок и куполов не согласуются с тяжелыми контрфорсами, которые сами в свою очередь как бы увязают в массивных нижних укреплениях. Но то, что скрывается вовне, здесь как бы не хочет существовать для самого себя, даже не стремится к достойному равновесию внутреннего и внешнего, которое осуществляется в стольких благородных византийских или романских храмах. «Внешнее», как трепетно и настойчиво подсказывает вам сердце, хочет быть чуть ли не принудительным выражением

«внутреннего», оно целиком обращено в сокровенную глубину.

С южной стороны этой горы из серого камня открывается какой-то вестибюль. В глубине, на внутренней паперти, в полумраке перед нами вырисовываются очертания мозаики: Младенец в солнечном сиянии на синем фоне материнского покрывала. И в памяти всплывает рождественский тропарь, созданный Романом Сладкопевцем в то время, когда заканчивалась постройка храма:

*Дева днесь
Пресущественного рождает,
И земля вертеп
Неприступному приносит;
Ангели с пастырьми славословят,
Волсви же со звездою путешествуют;
Нас бо ради родился Отроча младо,
Превечный Бог.*

Премудрость Божия, которой была посвящена эта церковь – ибо София и означает Премудрость – она и есть тот «Отроча младо», что почти с мукой как будто собирает в себе весь свет мира. Премудрость Божия, безумие Бога Живого.

В той мере, в какой внешнее ускользает от нас, внезапно открывается внутреннее. Оно просто распахивается перед нами. Не какой-то дальний план выступает здесь из сумерек, но мир преображенный. Круг купола, подобный благословию, нисходящему с небес, соединяется с земным пространством нефа и мягко освещает его плавно струящимся светом полукуполов и парусов свода. Огромность и легкость, свет и полнота присутствуют здесь одновременно. Кажется, что главным материалом, с которым работали архи-

текторы, был свет. Свет вливается здесь потоками через гигантские, разграфленные в клетку проемы – их особенно много в западной стене – через тянущуюся вереницу сводчатых окон, и своды парят на солнце.

Не все здесь однако построено «по нисходящей». Горизонтальная ось, переносящая упор на человеческое начало, которая так сильно доминирует в храмах Западной Европы, здесь четко выделена абсидой и с одной, и с другой стороны – прямыми стенами с колоннадой. Однако купол властвует над всем остальным. Когда вглядываешься в него, собираешься и концентрируешься одновременно, и как будто внутреннее небо сердца простирает свой шатер над нами. Словно высота опрокидывается в глубину.

Мы не знаем имен византийских живописцев и создателей мозаик. Они сопричастны безымянности Духа, ибо Бог весь – это Дух. Как и Он, они как бы стерлись в прозрачности ликов. Дух есть *zoopoion*, податель жизни, они же – *zoographoi* те, кто своим искусством умеет эту жизнь воспроизвести.

Однако имена архитекторов Святой Софии известны: это Анфимий Тралльский и Исидор Милетский. Впрочем, они были не столько архитекторами, сколько инженерами или техниками, и в цивилизации, по сути, куда более «мирской», чем обычно думают, были известны именно в этом своем качестве. Анфимий, например, прославился своими опытами по сжатию пара, а Исидор дополнил Евклида. Призванные к воплощению *noetos*'а чисел и лиц в *aisthétos*'е стен и куполов, дабы чувственное и интеллигибельное служили бы символами друг друга, они создали вместе храм Премудрости. Они были инженерами Премудрости, а Премудрость для византийцев VI века означала Логос, Слово, ставшее плотью.

Святая София – это наиболее богатое выражение

той великой богословской работы, которая происходила в то же время на V Вселенском Соборе, собравшемся в Константинополе. Нужно было выразить на языке архитектуры то, что *несла в себе* эта встреча во Христе Бога и человека. И содержанием этой встречи был свет, свет обожения плоти. Такова благодать Духа Святого. Дух упраздняет все внешнее, это пленение падшим миром. И Сам Он составляет сокровенное начало всего, что существует, Жизнь жизни. Соединенные «нераздельно и неслиянно», как говорит Халкидонский Собор, небо купола и земля храма, напоенные светом, как бы проникают друг в друга. Анфимий Тралльский и Исидор Милетский, эти инженеры богочеловечества, сделали Святую Софию неким фильтром, улавливающим и «возвращающим» свет, отождествляя его со светом Фаворским так, что он перестает уже быть внешним для нас.

Только что я прогуливался по площади Янычаров перед Святой Ириной, этой древней церковью, которая носит имя Мира Божия и которую турки окружили бронзовыми пушками. Запах древнего камня и платанов, смешанный с морским ветром, навевал на меня память о Лангедоке, об Эг-Морте. Он пробудил во мне мое былое отчаянье подростка, бродившего когда-то под тем же ослепительным светом Средиземноморья, но не умевшего ощутить его в глубине своего существа, во глубине бытия... Мне нужно было дождаться и принять этого Младенца, излучающего золотой свет и окутанного безмолвием, дабы безумием Своим Он привел меня в этот храм премудрости, где свет перестает быть недостижимой возлюбленной. Купол опоясывает надпись, сохранившаяся до наших дней: «Бог есть свет неба и земли».

Святая София – давно не церковь. Бывшая некогда мечетью, теперь она стала музеем. Станным музеем,

столь пространным, что он кажется всегда пустым, и даже пустынным для одинокого посетителя. Здесь больше нет алтаря, и мусульмане попытались «переориентировать» абсиду, построив в ней своего рода платформу из темного камня, обратив ее больше на юг, к Мекке. Однако эти изменения не имеют решающего значения или, может быть, они по-своему раскрывают новый смысл, новое упование. И мы видим, что Святая София не сосредоточена в алтаре, что она не являет собой, подобно длинным западным нефам, вытянутого подступа, пути к некоему очагу, где сосредоточено присутствие Божие. *Святая София являет собой это присутствие всей совокупностью своего пространства, насыщенного светом.* Пространство это не столько сакраментально, как в других церквах, сколько «апокалиптично», оно – символ нового Иерусалима, где не будет больше ни алтаря, ни солнца, потому что Бог будет всем во всем. Суровая очистительная работа ислама преобразила этот храм Христа пришедшего в храм Христа грядущего, грядущего во славе Духа Святого.

Рождество – первый приход – имеет смысл лишь в перспективе второго.

Пасха – синтез того и другого.

Именно здесь, должно быть, впервые прозвучал гимн, созданный Юстинианом, императором-богословом, воздвигшим этот храм, гимн, который всегда поется в православных церквах в начале «литургии оглашенных»:

*Единородный Сыне и Слове Божий,
Бессмертен сый,
и изволивый спасения нашего ради
воплотиться от Святыя Богородицы и
Приснодевы Марии...*

*Христе Боже, смертью смерть поправый...
Спаси нас!*

В Святой Софии каждый час расцвечен особым пучком лучей, который, вливаясь то через одно, то через другое окно, пробуждает на мозаичных изображениях какой-нибудь лик. Среди них над вторыми трибунами я узнал святого Иоанна Златоуста по его огромному умному лбу и по взгляду, излучающему твердость и доброту. Этот патриарх со страстной горячностью и риском для жизни защищал правду и совесть перед мирской властью. Когда вспыхнул мятеж против вчерашнего фаворита, от тирании которого он сам немало потерпел, и когда тот, спасаясь от толпы, схватил руками алтарь, святой Иоанн сумел утихомирить страсти, напомнив толпе о блуднице, обнимавшей ноги Спасителя. Этот антиохиец с чисто семитским реализмом принял всерьез двадцать пятую главу Евангелия от Матфея, утверждая, что Евхаристия имеет смысл лишь тогда, когда она находит свое продолжение в «таинстве бедняка». Сегодня он, конечно бы, сказал, что таинство бедняка немного стоит без таинства Бога воплощенного, распятого и воскресшего. Ибо если Бог не стал человеком в истории, если Христос не воскрес на самом деле, то история пуста, то она – идол, который не спасет нас от небытия. И Святой Иоанн Златоуст и поныне остается тем, кто проповедовал в этом городе слово и по сей день как нельзя более живое – о непостижимом Боге...

Солнце заходит. Свет, подобно огненному потоку, проникает через огромный проем в западной стене, заливая абсиду и отчасти смягчаясь под куполом словно под небом, опрокинутым над нами, дабы утолить нашу жажду по нему. И «западный» свет становится на «восточной» раковине славой Воскресения. Закат

превращается в восход «дня незакатного», «солнца правды», Младенца на руках Матери, как изображает Их мозаика абсиды. «Пришедше на запад солнца, – говорит древний гимн, сложенный в честь Христа, – видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа Бога...».

Земля, испещренная красками, вся тварь, окутанная «светом радости» и как бы незаметно вернувшаяся в рай, в этой игре мрамора и порфира вокруг храма кажется голубой растительностью на золотом фоне, который создают лепные украшения кафедр. Современник строительства Павел Молчальник в своем *Описании Святой Софии*, говорит, что византийцы видели в этом мраморе и порфире изображение всей красоты земной: «Тот, кто обращал свой взор к этой яркой зелени мрамора, казалось, видел реки Фессалии, усеянные по берегам цветами, виноградные лозы со свежими усиками..., в другом же месте глубокая умиротворенная синева напоминала о летнем море... На капителях – словно локоны золотых волос... Порфир усеян звездами... Молоко льется на черную мякоть. Васильки вспыхивают на снежных сугробах».

Драгоценные камни давно исчезли, как и большинство ликов. Однако полихромный мрамор, расположенный широкими кладками, каждая плитка, находящаяся в живой симметрии с другой, иногда перемежающаяся с порфиром – все символизирует Новый Иерусалим, нисходящий с неба и украшенный драгоценными камнями. В естественном своем состоянии драгоценный камень соединяет величайшую плотность с величайшей прозрачностью. Это сама тяжесть, обращенная в свет. Драгоценный камень в природе – то же, что и глаз человеческий в теле. И подобно тому, говорит святой Макарий, как человек должен целиком обратиться во взгляд, так и Логос в природе де-

лает ее сочленением прозрачностей, в которых материализуется свет или материя освещается изнутри. И такой кажется Святая София по вечерам, когда свет пробуждает мрамор и порфир. Тогда от неподвижного кружения купола до тяжелой кладки – все переливается в Свет, и все переливается в Жизнь; ибо Византия, как бы по слову святого Иоанна, сочетает в себе Свет и Жизнь.

Над Фанаром, когда минуешь греческий лицей, ткань города словно расплетается. Улицы становятся дорогами. Ложбины заполняются огородами. А затем, словно возрожденный большой улицей, которая спускается с высокого холма, город возникает вновь. Я встречаю мечеть, устроенную в древней церкви – Девы *Pammacaristos* – Всеблаженной, которая после взятия Константинополя турками была резиденцией патриарха. Боковая часовня стала христианским музеем. Роспись осталась нетронутой в абсиде и в куполе. Здесь ощущаешь, какими должны были быть эти алтари, целиком облеченные в мозаику. В глубоком куполе, приподнятом тамбуром, изображен *Пантократор* или Вседержитель, как бы заключающий все бытие в этой круглой чаше и наделяющий его полнотой. Византийские Пантократоры классического периода дышат для меня чем-то ветхозаветным: здесь Сын слишком смешивается с Отцом, далеким и грозным, и этот Христос-император видится мне скорее опорой теократического порядка, нежели распятым Супругом Церкви... Однако в XIV веке (храм Всеблаженной датируется 1315 годом), когда империя рушится, и в Византии усиливается жизнь духа, *Пантократор* выражает уже не здешнюю власть с ее принуждением, но сокровенный свет жертвенной любви. В этой часовне лицо его отличается мужественной мяг-

338

костью, бесконечным благородством и двенадцать патриархов, изображенных на закраинах купола, возвещают о таинственном единстве Мужа скорбей и Царя славы. И более сокровенным образом они свидетельствуют о вечной человечности Божией...

И здесь проясняется смысл купола: небо, обращенное к нам и отданное нам – вот лицо *Вседержителя*.

В этом полудеревенском пригороде, где полно отбросов, хищные птицы кружатся и кричат над церковью. Мне вспоминаются странные слова Спасителя: «Где будет труп, там соберутся и орлы». Здесь бродят туристы, и некоторые из них, то ли сознательно, то ли нет, становятся паломниками. Другие же, подобно этим птицам, делаются стервятниками. Их спешащий куда-то взгляд только хватает и тащит к себе, а фотографическая их «добыча» лишь выражает их неспособность к созерцанию. Здесь, впрочем, они не поднимают головы ко Христу на куполе. Конечно, к концу Средних веков купол уже не имеют царственного размаха Святой Софии. Купол как будто прячется в той высоте, на которую он вознесен. *Пантократор* не нависает над вами: чтобы его увидеть, в него нужно вглядываться.

Сегодня купол Святой Софии исписан лишь мусульманскими надписями. Однако его несут ангелы. Ангел повсюду присутствует в византийском искусстве, как и в Писании. Его присутствие говорит о вечности в истории, люди и вещи выносятся им в Открытое, как говорит Рильке, напомнивший Западу, где всякий ангелизм в искусстве сделался лицемерным выражением сексуальности, что «всякий ангел грозен». Огромное крыло – это материя, которая делается более легкой на ветру и свете – *Soma pneumatikon*. Ангелы – это служители Дыхания и Света, они проносят их сквозь

тело Христово, как через «прозрачный факел». Ангелы – живые личности, но также и духовные миры, которые отражаются в устройстве кристаллов и звезд, в музыке и огне, в математической организации материи и общества, подобной танцу, подобной войску – во всякой небиологической структуре. Миры духовные, но отнюдь не нематериальные, отмечает Ареопагит, материя их прозрачна, и эта минимальная замутненность позволяет им украшать свет как радугу, придавать ему цвет и звук. Во Христе, нашем великом Первосвященнике, литургия земная соединяется с литургией ангельской, с их танцем вокруг Безмолвия. Единственная литургия, которая все еще совершается в Святой Софии, это литургия ангелов, и поскольку купол лишен Имени и Лица, то эта литургия становится литургией последнего ожидания, это безмолвие неба, о котором говорит Апокалипсис.

Ангелы Святой Софии: четыре огромных ангела на парусах свода купола – это шестикрылые серафимы. Ареопагит вслед за Библией говорит, что у них огненная природа, и этот огонь возносит души к их божественной форме. Крылья их символизируют «чудесный взлет» к «тайнствам Теархии».

В Святой Софии это лишь крылья. Лик заменен огромным золотым кабошоном, целиком абстрактным.

Это крылья из темноватого тусклого золота, где вспыхивают внезапно зеленые или синие перья. Археологи говорят, что Святая София была расписана зеленым и золотым. Ныне лишь крылья ангелов сохранили два этих цвета. Темная позолота – это корень огня. Зеленое или голубое погружают в воды тварного. Громады волн, облаков, неслышный рокот «вод великих» прозрачного океана, плавающего перед Троном Агнца.

Всеpravославный собор должен провести широкие богослужебные реформы, которые следует готовить уже сейчас. Литургия станет действием, в котором все будут участвовать, она станет той драмой смерти и любви, которая должна захватить всех. (*Не без юмора*). Я думаю о *Парсифале*, о *Борисе Годунове*. Когда я был архиепископом в Америке, я видел постановку *Бориса Годунова*: с каким же величием выходил патриарх, чтобы говорить с Борисом! Мне казалось, что это настоящий патриарх, не артист. Но будем серьезнее. Вы видели Христа Воскресшего в Карье Джамии... Представьте себе, что эта сильная и возвышенная – и в то же время литургическая – живопись раскрывает себя во всем богослужении. Вот, что нам нужно.

В приделе Карье Джамии, когда вступаешь под купол, посвященный Пресвятой Деве, ангел внезапно и резко водружает над вами небо как палатку. Он срывает покров времени, где изображены знаки Зодиака: «Времени больше не будет». Перед нами – картина Страшного Суда. Адам и Ева пребывают в молитве у пустого трона – трона неумолимой справедливости. Но вот в абсиде – как откровение сокрытого – то, что Максим Исповедник назвал «судом суда»: Христос нисходит во ад как молния, разбивает врата преисподней, освобождает из гробов растерянных Адама и Еву, освобождает из гроба все человечество. Он весь олицетворение победы, выраженной в жесте. Одна нога под разбитыми вратами ада и жалкими их побрякушками вот-вот раздавит дьявола, «разделителя». Другая – вот-вот подыметя и вступит в световое простран-

ство; однако здесь Он сам есть тот воздух, который вносит струю свежести, свет, который освобождает. Он хватает Адама и Еву не рукой, но пригоршней и выкидывает их из гробов. Византийское искусство систематически прибегало к асимметрии в симметрии, дабы симметрия была бы не мертвой геометрией, но пульсацией жизни. Асимметрия здесь несет в себе крайнее выражение полноты жизни. В символическом центре мертвых и осужденных слава, которая соединяет, заменяет тяжесть, которая разделяет: «Все исполнено света, небо, земля и самый ад». Однако асимметрия разрешается в лице, царственном и нежном, суверенно недвижимом и освобождающем вихре.

Я

Сеферис писал, что в этом жесте Христа, властно вырывающем из гроба мужчину и женщину, заключен весь эллинизм.

Он

В нем заключено все христианство. И вот именно священную драму должно актуализировать богослужение, дабы мы ощутили, что нас вырывают из гроба и бросают в полноту жизни, в полноту света.

Я

Однако эту драму нельзя ставить как пьесу перед удобно устроившимися зрителями. Когда изучаешь историю литургии, нередко возникает впечатление, что она, будучи вначале общим делом, делом народа,

что означает и само слово «литургия», стала в константиновскую эпоху своего рода спектаклем, разыгрываемым духовенством перед мирянами.

Он

Все должны соучаствовать в ней, быть внутренне потрясенными ею. Я возвращаюсь к своему примеру с театром, который не так уж плох, если мы вспомним о том, что сами истоки театра литургичны. К тому же я грек: я люблю великие античные трагедии, в особенности *Медею* и *Ифигению*. Когда видишь эти трагедии на сцене, испытываешь потрясение и на какой-то момент, даже преображение. Чувствуешь священное таким, как оно есть, как оно ослепляет тебя, как *thambos*. Поверьте мне, большинство наших верующих не испытывает ничего подобного в церкви, даже в малейшей степени. Все вместе они не испытывают восхищения перед священным, какое, помните, испытывал Петр на горе Фаворской перед преображенным Христом: Господи, *kalon estin*, хорошо, чудесно нам быть здесь! В наших церквях, увы, чаще всего царит индивидуальная набожность или что-то механическое... И при этом единственная драма, для которой все остальные служат лишь отражением, это драма жизни, страдания, смерти, любви, которая сильнее смерти, эта драма разворачивается в церкви, когда Дух являет нам Пасху Господа нашего. Все заключено здесь, все – во Христе, Альфе и Омеге, Распятом и Вседержителе, Агнце, закланном до создания мира и Его «втором, страшном и славном пришествии», о котором вспоминает священник – ибо в Господе Церковь вспоминает о будущем – возвращаясь и к Рождеству, и к проповеди Христа, и в особенности к этим трем изумительным дням, когда Бог принял страдание и

смерть в теле Своем, когда был уничтожен ад, когда мы были воскрешены. Отныне пасхальная радость царит среди нас, и она питает нас в евхаристической чаше. Вы понимаете, что я говорю о порыве, о расцвете, и что я вспоминаю эти музыкальные драмы XIX века, которые хотели вернуться к целостному искусству, где красота поэзии соединяется с красотой музыки.

Я

Поразительно, что в православных храмах музыке не дано никакой самостоятельной жизни, что только языку здесь дается возможность пробуждать все наши чувства, соединенные в каком-то порыве целостного познания. В церкви Святого Георгия византийский распев показался мне замечательным, более интенсивным, более проникновенным, чем григорианское пение, но подобно ему отказывающимся от пафоса, возвышающим душу, снимающим всякий восторг, который мог бы упиваться самим собой. Здесь взлет души всегда соединяется с мольбой, здесь слезы покаяния смешиваются со слезами радости, «скорбной радости», как говорят аскеты.

Он

Мы попытались кое-что обновить в этой области. Однако нам нужно вернуться к целостному искусству, примиряющему все творческие силы нашего времени, искусству, которое всем и во всей полноте их существа позволило бы соучаствовать в пасхальной радости, обновляющейся каждым воскресным днем... Собор должен помочь созданию исследовательских центров, изучающих литургию, музыку, архитектуру, священ-

344

ную живопись. Дело не в том, чтобы уходить в археологию и эрудицию, а в том, чтобы вернуться к живому Преданию, приобщив к этой задаче больших художников, напоив ее вдохновением людей, способных соединить созерцание и творчество, людей, столь укорененных в вере, что в избытке своем она переливается в красоту.

Я

А народ?

Он

Он должен обрести свое место, дабы он мог полностью понимать богослужение и соучаствовать в нем. Собор должен разрешить проблему ныне устаревших литургических языков и по-новому осмыслить роль священника, хора и народа.

Я

И, как мне кажется, позволить народу слышать и скреплять своим *аминь* Евхаристический канон и в особенности эпиклезис. Молитвы эти, созданные для общественного, т.е. диалогического звучания, были сокрыты в константиновскую эпоху, когда испугались, как бы их не осквернила толпа, вступавшая в церковь без истинного приобщения к ней. Но сегодня, когда Церковь и мир оказались вновь разделенными, порой трагически, верующие должны вновь обрести свое достоинство полноправных участников литургии...

Он

Вы совершенно правы, и собор должен беспрепят-

ственно вернуться в этом отношении к подлинному Преданию. Литургические исследовательские центры выясняют генезис и смысл наших богослужений, разросшихся в монастырях. Их, однако, не следует сокращать как попало, ибо самое существенное необходимо сохранить. Наши литургические тексты включают в себе безмерное литургическое богатство; зрелая мысль и созерцание соединяются в них с красотой символов и библейских «образов». Для начала представим их понятными, выявив в них их первоначальный замысел – я говорю здесь прежде всего о литургии, чья полнота легко может поразить нас, захватить красотой, заставляющей трепетать сердце. Затем мы могли бы начать и творить заново, ибо каждая эпоха, каждый народ должен сложить свое собственное славословие.

Он

Обновление богослужения должно идти рука об руку и с обновлением проповеди. Не благочестивой проповеди, не слов, которых все ждут, чтобы их не слушать, не Церкви, превращенной в синагогу, множащей перечень правил, т.е. разрешений и запретов, но проповеди евангельской, вести об евангельском перевороте ценностей моральных и... благочестивых, вести о Боге, ставшем нашим другом, дабы доверие победило в нас смятение, дабы мы хоть немного стали способны к подлинной любви...

Что касается крещения, то его торжественно нужно совершать в кругу церковного собрания. Это не какая-то семейная церемония, но рождение человека, для вечности.

В древней Церкви посвящение в христианство происходило в пасхальную ночь. Иногда я говорю себе, что если бы мы захотели вернуть крещению его смысл – того опыта смерти-воскресения во Христе, того «озарения», которое восстанавливает в нас образ Божий – мы не должны были бы крестить маленьких детей... Мне было больше тридцати, когда я принял крещение в православной Церкви, и опыт того потрясения живет во мне до сих пор... Я знаю, что значит не быть крещеным и жить лишь в мире трех измерений, и я знаю, что значит быть крещеным и ощущать, как в тебе открывается новая глубина, то новое измерение души, в котором она наконец может дышать. Кризис, который опустошает ныне христианскую мысль, представляется мне скорее неловкой реакцией на богословский инфантилизм, в котором замкнулось большинство тех, кто был крещен в раннем детстве.

Он

Я охотно верю, что те, кто проходит через обращение во взрослом возрасте, принадлежат сегодня к наиболее сознательным свидетелям христианства. Но можно также – и даже должно – обратиться и тогда, когда тебя крестили в детстве. Благодать крещения действует в нас подобно закваске. И в особенности в православной Церкви, где мы сохранили древнюю практику, не разделяющую крещения, миропомазания и Евхаристии. Дети вырастают в конкретном присутствии Христа, жизнь и любовь предшествуют у них сознанию, которое они пробуждают и питают. Для обращенного же, наоборот, сознание рождается от отсутствия любви, от недостатка воздуха вне истинной

жизни... Оба пути необходимы. Однако крещение ребенка, неотделимое от причастия, требует соучастия родителей в жизни общины. Ибо вера общины как бы возмещает сравнительную бессознательность ребенка. Самое лучшее, что имеешь, как не разделить этого со своими детьми? Они сами и с самого раннего возраста хотят, чтобы с ними поделились этим богатством. Отказать им в этом, значит навязать им пустую свободу, абстракцию свободы. Наоборот, в причастии они получают жизнь вечную, т.е. само наполнение свободы; и этой возможности свободного выбора они не смогут однажды избежать, и с бесконечным уважением нам следует вести их к нему... А пока как же радостно видеть, как эти малыши приходят или как их приносят к причастию. Ибо Господь сказал: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне».

Я

Проблема в конечном счете состоит не столько в крещении, сколько в сознательно и свободно выбранной позиции после неизбежных кризисов отрочества. Именно в этой перспективе следует представлять христианство – не как морализм с хорошими намерениями – даже если слишком узкую индивидуалистическую мораль заменить сегодня социальной и революционной! – но как жизнь одновременно открытую и требовательную. Это не категорический императив, но откровение того, чем мы должны быть. Быть в полноте, быть в вечности – *aei eu einaí*, как великолепно сказал Максим Исповедник, так хорошо знавший краткие греческие пословицы!

Он

Поэтому мы и должны подчеркивать истинный

смысл метанойи и таинства покаяния... Метанойя – это великий поворот сознания, который направляет его не на себя, но на Бога и ближнего...

Я

И тем самым осуществляется «я» истинное, подлинно личностное, т.е. сопричастное другому.

Он

Метанойя не унижает, т.е. не позорит нас, она нас освобождает, снимает тяжесть с души, она собирает и животворит нас. Она открывает в нас доступ к истинной нашей природе, к беспредельной жизни в Духе Святом. Вот почему таинство покаяния обладает таким величием: мы убоги, но вместо того, чтобы гордо замкнуться в своем убожестве, либо его отрицая, либо им похвально, мы все приносим Христу, врачу душ и телес наших. Священник присутствует при нашем покаянии для того, чтобы засвидетельствовать о прощении Божиим, чтобы даровать его нам, чтобы осеменить новую жизнь в земле сердца, а не на поверхности, не только в плане «добрых намерений», где заботы и богатства мира сего задушат его как тернии. А иначе бес, как говорит Евангелие, найдя дом выметенным, но пустым, уйдет, чтобы привести семь бесов еще более злых... Духовник должен открыть доступ свету к самому центру личности. Тогда, начиная с этих «пастбищ сердца», как говорят наши учителя духовной жизни, он охватит собою все наше существование. И постепенно человек станет изменяться, не напрягая свои ничтожные силы, но давая в себе созреть жизни Христовой.

Браку тоже следует вернуть все его церковное зна-

чение. Каждая супружеская пара должна понять, что она первая пара – Адам и Ева – но в новом Адаме, окончательно соединенном с человечеством. Тогда человеческая любовь не будет уже потерянным раем с его пронзительной ностальгией, но раем обретенным, любовью, которая уже преображает мир. Любовь жертвенна: экстаз Адама, позволяющий Богу сотворить жену, Христос возвращает нам на кресте, когда новая Ева, Церковь, истекает вместе с водой и кровью из Его пронзенного ребра. Любовь побеждает, ибо она существует объективно, помимо мужчины и женщины, она глубже, чем все перипетии их судьбы; она есть их начало, их исток и их цель, и в ней заключается тайна Христа и Церкви, которая должна стать источником, из которого будут черпать свою любовь мужчина и женщина, дабы обновилось чудо Каны Галилейской. Святой Иоанн Златоуст видел в союзе мужчины и женщины отражение тринитарного единства, а в семейном очаге – малую церковь жизни и любви. Тогда дитя появляется на свет как избыток этой любви. Таинство брака – это не только таинство Каны Галилейской, таинство воды повседневной жизни, превращенной в вино радости, оно есть также таинство плеромы* человечества. Вы – корни одного и того же ствола, говорю я обычно новобрачным, и этот ствол породит множество ветвей, цветов и плодов. Древо Иесеево на вершине своего роста породило Спасителя. Древо каждой христианской семьи возрастет до этой плеромы избранных, о которой Отцы говорят, что когда она будет достигнута, Христос вернется в славе Своей.

* Т.е., полноты.

Я

Не требует ли обновление богослужения также и обновления иконы, иконографического искусства в самом широком смысле?

Он

Конечно: икона составляет неотъемлемую часть литургии. Мы не можем представить церкви без икон. Эти серьезные и светлые лики, эти образы, через достигнутое в них подобие Божие, встречают нас любовью, влекут нас к молитве, к источнику заложенного в них света, т.е. к Лику Спасителя, иконе икон. «Видевший Меня видел Отца», – говорит Он. Потому что Бог дал узреть Себя во плоти, Он спас меня благодаря материи, и отныне материя может выразить присутствие Бога, ставшего человеком, и обоженных людей. Икона – это истинное богословие. Потому что Бог – это красота, прежде всего красота.

Я

«Красота совершенная именуется Царством», – говорит Максим Исповедник.

Он

Кто такой святой, как не человек поистине прекрасный, но обладающий не банальной и эфемерной красотой молодости, а единственной и вечной красотой, выросшей из сердца, если оно стало верным зеркалом Воскресшего. Икона должна быть подобна своему первообразу, и это подобие выявляет в себе присутствие освященной личности, которая не знает более

удаления – но она не есть портрет плотского человека, живущего на этой земле, где никогда не достигается совершенная святость, где причастность Воскресшему означает всегда и причастность Мужу скорбей. Икона открывается к Царству Божию: она представляет человека окончательно воскресшим, во всем великолепии его духовного тела, общения святых, преображения мира.

Я

Вчера в нефе Карье Джамии снимали фильм. Актеры были в средневековых костюмах. Между двумя сценами они отдыхали в притворе, курили, болтали, растянувшись на случайных подстилках. Это были молодые люди, молодые женщины, причем по-настоящему красивые. Однако в этом месте, перед этими фресками, перед Христом, который изображен в абсиде сходящим как молния, эта красота казалась тусклой и как бы личиночной. Да, они были как личинки, набухшие кровью и семенем перед этим миром озаренных тел, ставших бабочками, раскрывших все свои возможности, скажу больше, все свои телесные возможности, рядом с которым вся живость, вся веселость этих актеров казалась лишь слабым наброском или карикатурой. И там я понял павловское различие между тем, что он называет *sağ* – существование, обращенное к смерти, и *soma* – тело, предназначенное к воскресению. Выше, на этих фресках, лики оживотворяли тела, это были тела, ставшие ликами. А внизу, мне казалось, происходило как раз обратное: здесь плоть, безличностная игра плоти и крови затопила и как бы исказила эти лица...

Иконография всегда начинается с головы, и лик всегда сосредоточен во взгляде... Однако двойственность, о которой вы говорите, представляется мне чрезмерной. Если бы вы могли видеть лицо одного из этих актеров в минуту покоя или доверия, или просто в глубоком сне, вы поняли бы, что оно есть – и никогда не переставало быть – обетованием иконы.

У меня нередко возникает страх, что ныне наше иконографическое искусство среди художников и теоретиков, иной раз совершенно незаурядных, которые обновляют его и освобождают от пиетизма и медовости затянувшегося декаданса, не стало бы в силу реакции несколько застывшим, несколько иератичным, несколько подражательным по отношению к великим достижениям прошлого. С иконой дело обстоит также, как и с мышлением Отцов. Оставаясь всецело верным Преданию и основным канонам священного искусства, нужно осмелиться творить. А иначе мы не превзойдем благочестивой археологии. Основной поток жизни Предания должен принять в себя поиски нашего времени, осветить жизнь во всех ее аспектах... Как это делало не раз византийское искусство, в особенности в эпоху Палеологов. Вы говорили о Карье Джамии. Там столько свежести, столько фантазии и человечности в мозаике обоих притворов!

Карье Джамии – это церковь Спасителя *chôra*, т.е. «полей», находится внутри крепостных стен, но на окраине города. Первый притвор придает слову *chôra* неожиданное значение, по византийской склонности к символу, в данном случае к игре символических

слов, напоминающей индийскую *nirukta*. На внутреннем тимпане входа, на большом мозаичном изображении Пресвятой Девы – надпись: *hê chôro tou achôritou* – пространство того, кто превосходит всякое пространство. Напротив, на тимпане второго притвора мозаичное изображение Христа с надписью: *hê chôra tôn zôntôn* – земля живых! Этот Христос оставляет поначалу впечатление массивности. Но вскоре нам передается ощущение собранной силы, силы счастливой: этот Воскресший юн и белокур.

Мозаики обоих этих притворов поражают тем, как все стороны жизни переливаются в эту сверкающую силу. В переднем притворе множество сцен, изображающих евангельские притчи. В центральном куполе сцена брака в Кане Галилейской сразу же овладевает вашим вниманием. На переднем плане художником изображены амфоры совершенного чуда, и вогнутость свода словно увеличивает их. Их совершенство сродни древнегреческому искусству. Ощущаешь их свежесть и глубину, как будто касаешься глины, ставшей более плотной и вибрирующей от обжига, глины, таящей в себе совершившееся чудо.

Византийская мозаика – это шедевр оптической науки, она облагораживает не только зрение, но и осязание. Различные наклоны, приданные кубам, тонкая кривизна при изображении плоских поверхностей, запечатленная на теплом фоне, все сделано так, как будто художник работает не над тем, что он видит, но над тем, что должно открыться взгляду верующего. Итальянский Ренессанс распахнет из живописи окно наружу: это *pariete di verto* де Леонарда, *fenestra aperta* Альберти. Византийская мозаика или фреска, напротив, открывается пространству, расположенному перед ним, это функциональная часть священной архитектуры и литургии, которая служится здесь. Если

она есть «открытое окно», она открывается бесконечности Царства, бесконечности, обозначенной обратной перспективой, и целиком причастной к совершающемуся здесь богослужению.

На других сводах того же купола – возвращение блудного сына – сильно поврежденная фреска; здесь виден только слуга, закалывающий упитанного тельца – и два умножения хлебов. На одном из них – дети, играющие поодаль от толпы, и их группка, поглощенная игрой занимает вогнутое пространство перед амфорами Каны. Далее мы видим бегство в Египет, Иосиф несет божественного Младенца на плечах... Не упущено и трагическое: вот реалистическое, динамическое «избиение младенцев», занимающее большое место на правой стороне. Но рядом: Христос исцеляющий... Есть здесь и дьявол, но дьявол не пугающий; в сцене «искушения в пустыне», он изображен хрупким юношей, одетым по-античному, стоящим в профиль – при этом профиль здесь служит выражением полнейшего равнодушия, отказа от общения; здесь нет ни я, ни ты, но лишь он, и только это. Искушитель сведен к черной схеме, почти нитевидной, и его большие ангельские крылья также черны.

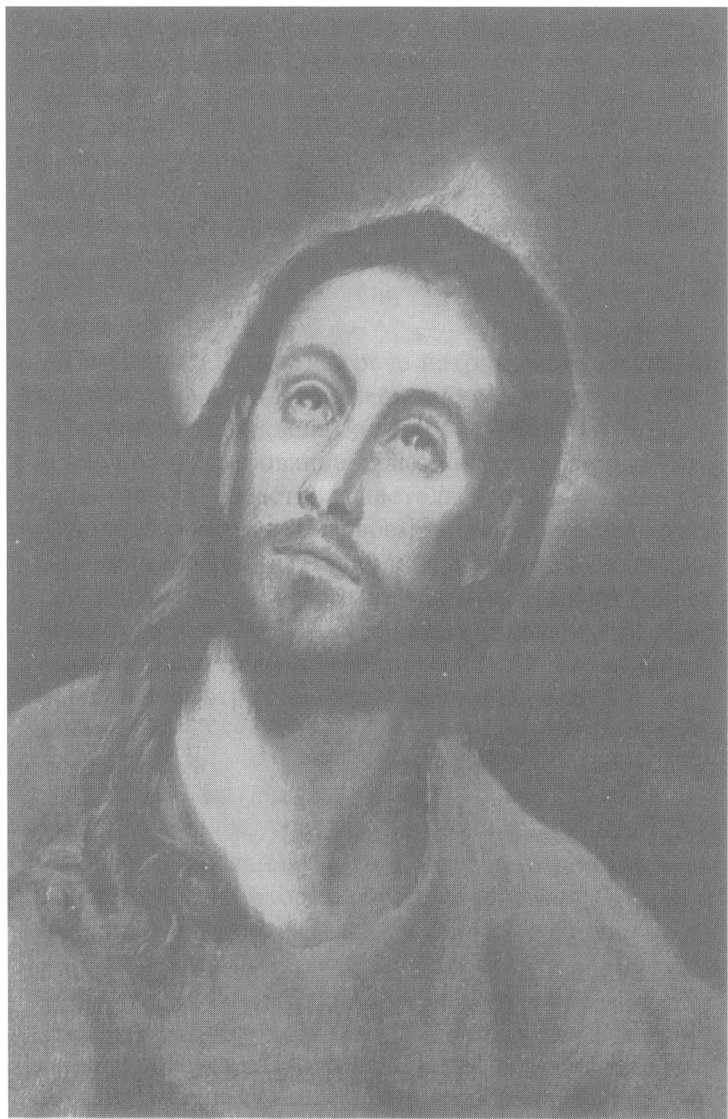
Роспись внутреннего притвора, где изображено детство Марии, дышит преображенной человечностью. Дитя делает первые шаги при помощи служанки, одетой по-античному; ее покрывало раздувается целой аркой над головой словно это убор танцовщицы. Иоаким и Анна окружают свою маленькую дочь, и мы видим как передана теплота: дитя приклоняет голову к голове отца, и легко касается лица матери, между тем родительские руки мягко обнимают ее. Чуть далее – и еще дальше во времени – встреча Иоакима и Анны; она – с лицом, полузакрытым лицом мужчины, к которому она прижимается, как будто на-

ходит защиту в открытых руках Иоакима. Надпись не говорит: встреча Иоакима и Анны, но: «зачатие Марии»... Не непорочное зачатие, но вполне человеческое в благородстве и серьезности настоящей любви, целомудренного эроса.

Таким образом игры детства, танец молодости, любовь мужчины и женщины, родительская ласка, дружба, пиршественный стол, вино, цветы – все изображено на «земле живых».

Бердяев говорил, что Средние Века возвеличивали скорее божественное начало в ущерб человеческому, затем Ренессанс и гуманизм возвеличивали человеческое в ущерб божественному, так что человеческое, оторванное от неба, истощает себя и распадается в современном мышлении и искусстве. На перекрестке этих движений он прославлял, однако, в раннем итальянском ренессансе, целиком пронизанном францисканским духом, какой-то слабый набросок богочеловеческого искусства. Что бы он сказал, если бы увидел Карье Джамби? Ренессанс Палеологов – это ренессанс преображенный, в котором божественное и человеческое соединяются «нераздельно и неслиянно».

Может быть, христианское возрождение, о котором мечтает патриарх, сделает литургию двигателем человеческой культуры: чтобы наука, техника и искусство, соединенные пасхальной верой, подготовили воскресение мертвых и преображение мира во Христе, «земле живых».



Юный Христос (Эль Греко. XVI в.).

Третья часть

ДЕЙСТВИЯ

ROMA – AMOR: АНАНКЕ*

Он

При нашей первой встрече патриарх сказал: «Обо мне говорить не стоит, это ни к чему. Говорить нужно о соединении Церквей. Соединение – это воля Божия, неодолимое требование христианского народа, это единственное средство свидетельствовать о своей вере перед Христом в наше время начинающегося объединения всей земли. Церковное единство в наше время – это *ананке*, неотвратимая судьба. Павел VI знает это. Архиепископ Кентерберийский знает это. Я не ухожу от всех трудностей и проблем. Но все изменится, если посмотреть на это в свете и перспективе единения...

Я

В ваших посланиях вы никогда не отделяли этой перспективы и от освящающего действия Церкви в истории.

Он

К этому зовет и Первосвященническая молитва Господа, которую столь часто цитировали зачинатели

* Необходимость.

экуменизма: «да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино, да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17.21). Мы разделили Христа, сохранив чашу, но утратив дух евангельский, и этот дух стал закваской истории, но за пределами Церкви, и нередко он обращается против нее...

Я

Поэтому многие христиане в наши дни полагают, что экуменизм превзойден – это уже пройденный этап, и достаточно лишь в истории служить этой евангельской закваской, быть человеком среди людей.

Он

Это одна сторона дела. Но если видеть только ее, значит утратить саму реальность христианства, пасхальную радость, силу воскресения, которую мы принимаем в таинствах Церкви...

Я

... В общем то, что Отцы называли словом, которое часто шокирует Запад: «обожение»: «Бог сделался человеком, чтобы человек мог стать Богом».

Он

В этом грандиозном утверждении нет ничего шокирующего: во Христе мы принимаем Духа усыновления, что становится самой нашей жизнью. Человек поистине человечен лишь в Боге. Вот почему тщетна мысль, что мы обретем Христа лишь в одном служении людям. Нужно черпать жизнь в евхаристической

чаше и одновременно нести в мир любовь к ближнему. Это значит, как я часто вам говорил: примирить Церковь и христианство.

Однако это примирение требует единства христиан. Разделение закрывает доступ к Богу. Вспомните упреки Павла Коринфянам: «Я разумею то, что у нас говорят: я Павлов; а я Аполосов; я Кифин; а я Христов. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор 1.12-13). Церковь, раздробленная на конфессии, не может наделять и оплодотворять историю христианскими ценностями, которые сами в конце концов иссыкают, если остаются отсеченными от чаши жизни...

Я

Это сознание разделения как трагедии и греха, это паломничество к соединению всех у единой чаши – может быть, одна из основных характерных черт XX века. История, которая, как будто, набирает скорость, должна была обрушиться на головы христиан, разделенных и враждующих, они должны были вновь стать малым стадом в объединяющемся мире, должен был возникнуть «массовый» атеизм, псевдорелигии, народы должны были пройти через смерч для того, чтобы христиане вновь ощутили себя братьями, несущими общую ответственность за духовную судьбу человечества.

Он

Все мы тем или иным путем прошли через горький опыт разделения. Когда я стал дьяконом, православные уже веками пребывали на положении меньшинства в мусульманской империи. И что делали христиа-

не западных конфессий? Они пытались воспользоваться этой ситуацией в целях своего прозелитизма...

Я

Митрополит Колонийский говорил мне, что во времена его молодости в Константинополе, когда он сталкивался с католическим священником, тот отворачивался от него с явной враждебностью.

Он

Подобные вещи часто случались и со мной во время моего пребывания в Соединенных Штатах. Однако в этой стране никогда не было однородного христианского населения, тесно соседствующего с другим. Но, когда я встречал, скажем, в одном купе в поезде католического священника или епископа, он вел себя так, как будто бы меня не было. Как все изменилось с тех пор!

Да, в Оттоманской империи, затем в Соединенных Штатах разделение ощущалось мной как тяжелое презрение, висевшее над нами, православными. И это презрение загнало нас в оборонительную позицию, также отвечающую презрением на свой лад. Однако существует и особая благодать страдания, причиняемого нашими братьями, и от нас зависит, чтобы она была и для них благодатью. Не столько индивидуальный опыт, сколько наблюдение над современным миром привело меня к мысли о настоящей необходимости соединения, о том, что единство – это ананке, предназначение, рок. Меня, как вы знаете, все интересует: человеческие радости и человеческие открытия, но также и человеческие тревоги. Я не стараюсь быть человеком среди людей, я являюсь таковым...

Я

Но вы – и пастырь, служитель алтаря, человек молитвы.

Он

Человек молитвы? Может быть, не знаю. Во всяком случае следует знать, о ком молишься... Между тем я принимаю многих посетителей, читаю газеты, получаю много писем.

Я

Будь я непочтителен...

Он

Будьте непочтительны! Вы живете здесь, в моем монастыре. Вы должны мне повиноваться: будьте непочтительны!

Я

Тогда я сказал бы, что в вашем отношении к людям есть какой-то момент гурманства. Достаточно посмотреть, как вы распечатываете почту... Или наблюдаете за людьми, что прогуливаются вечерами по главной улице Перы... Здесь, впрочем, не чувствуется никакого гурманства, но кажется, что вы благословляете их.

Он

Не знаю. Знаю только, что я не церковник, замкнув-

шийся в церковной среде. Я люблю людей, я слежу за историей. Поверьте мне: прежде у людей не было такой потребности в понимании смысла жизни. Все меняется с сумасшедшей скоростью, и заставляет человека задуматься: почему? зачем? Сегодняшний человек голодает: в странах третьего мира ему не хватает хлеба, но повсюду ему не хватает любви и смысла жизни. Миру угрожает исчезновение – и не только в атомной войне, но и в бессмыслице, скуке, безнадежности. И он не найдет ответа ни в наркотиках, ни в эротизме, ни в политических религиях, которые потерпели крах именно там, где как будто одержали верх. Есть лишь один ответ: Единый Христос, явленный Единой Церковью. И этого явления Христа нельзя более ждать. Дух не терпит роскоши христианских разделений, роскоши боязливых или гордых расчетов, ни к чему не обязывающих рассуждений, где чувствуют себя столь привольно... Мы должны ответить. И ответить мы можем только все вместе.

Я

Знаки времени – увещевания Духа. Они неразделимы.

Он

Нужно быть просто христианином, вот и все! Быть христианином – и прежде всего среди христиан! Мы стоим перед судом. Нас судит духовная нищета наших современников, но также и Крест Сына Божия, на Который Его возвела любовь. Попытаемся ли и мы обезоружить себя по образу Его или же останемся удовлетворенными добродетелями наших отцов и нашим полемическим богословием? За последние двадцать лет экуменическое движение, Второй Ватиканский

362

Собор, Всеправославные Конференции, встречи предстоятелей Церквей обнажили перед глазами всех кровающую язву разделения. Отныне становится уже невозможным, чтобы поместная Церковь, предстоятель или иерарх, христианский мыслитель, сознающий свою ответственность учителя, не понимал необходимости соединения, не думал и не действовал бы в этом направлении...

Я

Соединение – это долг, но видите ли вы его как историческую возможность или как чудо, которое произойдет в конце времен?

Он

Соединение будет чудом, но чудом, свершившимся в истории. Впрочем, начиная со дня Пятидесятницы, мы пребываем в конце времен...

Каждую ночь, как вы знаете, иногда в полночь, иногда в четыре утра, я выхожу в сад и вхожу в притвор церкви. Я зажигаю две свечи перед иконой Богородицы и молюсь о единстве. Когда оно произойдет? Когда Христа спросили о конце мира, Он исповедал свое человеческое неведение; лишь Отец, сказал Он, знает времена и сроки. И с соединением Церквей обстоит точно так же. Будущее в руках Божиих. Воля Божия покоится в вечности. Она внедряется во время, когда время созревает, и раскрывает себя для нее. Наша задача – содействовать созреванию времени. Столько вещей произошло, которые казались невозможными!... встреча в Иерусалиме, папа в Константинополе, мое паломничество в Рим... Единство настанет. И будет чудом. Новым чудом в истории... Когда?

Мы знать не можем. Но мы должны готовиться к нему. Ибо чудо подобно Богу – оно неотвратимо.

Он

Ныне любовь нисходит на лицо Церкви и преображает его. Ветер дружбы проносится не где-то над нашими головами, но в наших сердцах. Христиане всех конфессий приезжают повидаться со мной. И они уже живут чудом единства. Только что была группа немцев, протестантов и католиков. Мы вместе читали *Отче наш...*

Я

Однако остается много проблем. Конечно, развал закрытых христианских обществ, православное рассеяние на Западе, близкое соседство христиан различных конфессий в молодых странах понемногу устранили преграды, связанные с историей, с культурой, с психологией времени и места. Все мы возвращаемся к «единому на потребу». Но когда снимаются поверхностные напластования, разве не обнажаются реальные проблемы, касающиеся как структуры Церкви, так и смысла христианской жизни...

Он

Я не отрицаю этих различий, я говорю лишь, что их нужно рассматривать в ином ключе. Ключ лежит в психологической или скорее духовной проблеме. Собеседования между богословами велись веками, и привели они только к взаимному ужесточению позиций.

У меня есть целая библиотека на эту тему. Почему это произошло? Потому что людьми руководили чувства вызова или страха, воля защитить себя или покорить другого. Богословие не было бескорыстным служением тайне, оно становилось оружием. Сам Бог стал оружием!

Я

Несомненно, диалог между христианским Западом и христианским Востоком никогда не был дружеским и бескорыстным, или вернее, не был до конца XIX века. В Лионе в 1274 году, как и во Флоренции в 1438 году, Запад явным образом хотел использовать политические невзгоды Византии, чтобы навязать свои условия. Византийцы отвечали хитростью или же, как святой Марк Эфесский во Флоренции, мужественным и резким исповеданием своей традиции, но без всякой попытки действительно понять проблемы своих партнеров. И все же вплоть до самого конца Средних веков и на Западе и на Востоке все еще жило ощущение принадлежности к единой Церкви, и сохранялась надежда достигнуть взаимного признания этой принадлежности путем обсуждения самых существенных вопросов в рамках подлинного вселенского собора. Однако с началом современной эпохи христианский Запад, пользуясь своим политическим и культурным превосходством, переходит в наступление. Католики стремятся аннексировать куски православного мира – такова была фатальная политика униатства. Протестанты со своей стороны, начиная с XVII века, пытаются наложить руку на сам вселенский патриархат; в этом отношении всем памятна безнадёжная история такого большого и запутавшегося человека, каким был патриарх Кирилл Лукарис, история, приведшая его к

столкновению с Церковью. Православие заразилось тогда страхом, перешло к самозащите. В XIX веке, когда Пий IX и Лев XIII обращались к Востоку, то лишь для того, чтобы призвать его к подчинению, ко всеобщему униатству. Православные ответы от 1848 и 1894 годов выдержаны в том же духе: они обвиняют, выставляют свой список ересей. Впрочем, и на самом Западе, как мы знаем, богословская мысль могла быть глубоко деформирована многовековой полемикой между Реформацией и Контрреформацией...

Он

Потому-то мы и должны изменить метод. Повторяю, я не отворачиваюсь от трудностей. Но пытаюсь преобразить духовный климат. Восстановление любви дает нам возможность ставить проблему совершенно в ином свете. Истину, которая близка нам – ибо она охраняет и выявляет собою безмерность жизни во Христе – мы должны выразить не для того, чтобы ударить ею по другому и заставить его признать себя побежденным, но для того, чтобы разделить ее с ним. Мы должны выражать ее ради нее самой, ради ее красоты, ибо она должна быть торжеством, на которое мы приглашаем наших братьев. И точно так же мы должны быть готовы выслушать другого. Для христиан истина не противостоит ни жизни, ни любви, она выражает их полноту. Подлинное богословие передает опыт духа. Но слова, слова, к сожалению, сталкиваются друг с другом. Нам прежде всего нужно освободиться от дурного прошлого, от всякого вида политической, этнической, культурной или иной ненависти, с Христом ничего общего не имеющей. Затем мы должны окунуться в глубину жизни Церкви, в тот опыт Воскресения, коему должны служить наши сло-

366

ва. Слова эти следует взвешивать на весах жизни, смерти, Воскресения. И сопоставлять их с опытом, который должен через них сказаться.

Те, кто обвиняют меня в том, что я жертвую Православием во имя слепого наваждения любви, имеют весьма скудное представление об истине. Они превращают ее в систему, обладая которой, они чувствуют себя в безопасности. Однако истина, открытая риску творческой жизни, это живое прославление Бога Живого. Богом не обладают, это Он обладает нами, это Он наполняет нас Своим присутствием в меру нашего смирения и нашей любви. Славить можно лишь любовью Божией, славить можно лишь даря и разделяя, и если нужно, жертвуя собой, подобно Господу, который ради нашего спасения принес Себя в жертву и принял за нас смерть, смерть на Кресте.

Я готов идти дальше: те, кто упрекает меня в том, что я жертвую истиной ради любви, не верят в саму истину. Они замыкают ее, запирают ее в темницу, как неверную жену. Я же говорю, что истина – это истина, и за нее не нужно бояться: отдадим ее, разделим ее, явим в ней полноту, примем все, что напоено жизнью и любовью в опыте наших братьев. Если мы пребудем в этом стоянии за истину, она сама явит свою очевидность, сама изнутри, исходя из общей тайны Церкви, поможет преодолеть наши недостатки и ограничения. Раскроем сердца: «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Фил 2.41). У нас есть надежный критерий – жизнь во Христе. Перед лицом частичного выражения истины, спросим себя, в какой мере оно выражает жизнь во Христе, в какой мере, наоборот, оно рискует ее скомпрометировать... И будем вести наш диалог в любви, чтобы дать сказаться в нем сиянию истины Христовой...

Я

В общем, единство нужно не осуществлять, а показывать?

Он

Именно так. И я вкладываю в это слово весь его смысл, хотя обычно говорю скорее о союзе. Единство – это не человеческая реальность, но реальность богочеловеческая, его сущность пребывает в Боге. Это само единство Воскресшего, Тело Которого – Церковь. Это единство самой Троицы, образом которого служит Церковь. Христос молился о том, чтобы мы соучаствовали в любви, которая уподобляет Его Отцу. Эта молитва – «да будет все едино, как Мы едины» – преодолевая время, влечет нас к тринитарной любви. В Теле Христовом и в Его молитве сохраняется нерушимое единство Церкви, и мы знаем, что врага адовы не одолеют ее.

Я

По сути, когда мы говорим о многих Церквах – многих не в географическом, но в конфессиональном смысле – мы злоупотребляем языком. Или скорее остаемся на поверхности истории. В согласии с волей и любовью Божией, присутствием и молитвой Христа, может существовать лишь одна Церковь.

Он

Церковь и существует лишь одна. Вот это и следует понять христианскому народу в его различных исторических конфессиях. И от всех трудных моментов в

ней вовсе не нужно бежать, нужно видеть их внутри этой Церкви. В конце концов, разнообразие, даже и несогласие, и весьма значительное, существовало и среди самих апостолов и не прекратилось и в последующие века. Но эти различные, иной раз, по человеческому разумению, даже противоречивые трактовки неисчерпаемой истины, пребывали внутри единой Церкви, и свет разделенной по-братски Евхаристии в конце концов все освещал и примирял собою. Затем наступил период, когда это разнообразие вызвало – или оправдало – расчленение Церкви на различные конфессии. Пожелали достичь единства ценой единообразия, тогда как плюрализм, в том числе и плюрализм богословский, процветал в древней Церкви. Разрыв в общении сделал различия непреодолимыми. Они были систематизированы, иной раз, увы, даже и догматизированы... Но ныне мы вступаем в третий период в истории Церкви, период любви, взаимного уважения, примирения, пока Господь не пожелает соединить нас у Его чаши, в причастии святейшему Его Телу и Крови.. И тогда благодаря великим усилиям любви и великим трудам наши различия не будут уже стоять на пути к общению, но будут, напротив, взывать к нему. Наши различные подходы к истине станут не исключать, но взаимно дополнять друг друга, как это было в первые века... Близится час, когда в сложном нашем наследии любовь похоронит то, что отжило, и освободит то, что живо, что ищет сближения. Тогда само разделение окажется промыслительным, ибо оно породило такое цветущее богатство поисков и находок, привело к более тонкому и более трепетному осознанию тайны...

Ваши слова о разнообразии в единстве в апостольскую эпоху падают мне прямо в сердце... Ныне некоторые протестантские богословы, как скажем Кэзemann, выпячивают видимую неоднородность Нового Завета в подтверждение своего тезиса, что единства Церкви никогда не существовало. Мне кажется, что вы говорите нечто едва ли не противоположное: разнообразие было исключительным, но оно сохранялось внутри Церкви. Экзегеза не освобождает нас от обязанности заново созидать христианское единство. Именно тайна Церкви, как вы сказали, средоточие которой лежит в Евхаристии, позволяет разнообразию быть плодотворным. И потому весьма важно, чтобы христиане на пути к своему единству как можно полнее черпали из тысячелетнего опыта неразделенной Церкви. Мы понимаем сегодня, что единство невозможно обосновать только на Библии. На первый план вышли проблемы интерпретации и герменевтики. Однако подлинно насыщающее, подлинно освящающее толкование Писания может дать только Дух через жизнь самой Церкви, через ее опыт, ее святость. Экзегеза научила нас тому, что Писание – это не только откровение, но и церковное усвоение его, и конечно же, свидетельство апостолов, но свидетельство, озаренное Пятидесятницей внутри первых христианских общин. В Церкви как жилище постоянно обновляемой Пятидесятницы Иисус истории и Христос веры совпадают, потому что вера есть такое познание смысла истории, которое Дух открывает Церкви, такое познание тайны Иисуса, где соединяются время и вечность. Если большое число христиан будет сообща владеть не только Библией, но и разделять духовный опыт постижения Библии в неразде-

ленной Церкви, это станет важным моментом на нашем пути к единству.

Он

Постепенно повсюду, в особенности в Церкви Римской, но также и среди англикан и протестантов, оставшихся верными первоначальному замыслу реформаторов, уже ощущается ностальгия по возвращению к неразделенной Церкви, Церкви апостолов, мучеников, Отцов и Семи Вселенских Соборов. Папа Римский и архиепископ Кентерберийский согласны в том, что в наше время следует вернуться к живому Преданию первого тысячелетия...

Я

На этом пути к единству какую роль надлежит сыграть Православию?

Он

Православие, если оно будет питаться своим великим преданием, станет смиренным и верным свидетелем неразделенной Церкви. Православные Церкви, собранные и связанные взаимным уважением, явят христианскому миру пример и концепцию братства и свободного общения между Церквями-сестрами, объединенными одними таинствами и одной верой. Что касается православной веры, сосредоточенной всецело на литургическом прославлении и святости, она внесет в экуменический диалог тот критерий духовного опыта, который должен помочь освободить

от их ограничений частичные истины, дабы примирить их в высшей полноте... Однако мы, православные, достойны ли мы своего Православия? Если оставить в стороне шаги самого последнего времени, какой пример подавали наши Церкви, объединенные в вере и чаше, но ставшие чужими друг другу, иной раз соперничающими? А великое наше предание, предание Отцов, Паламы, Добротолубия, остается ли оно в нас творческим и живым? Если мы довольствуемся тем, что повторяем некие формулы, ужесточая их против наших христианских братьев, наше наследие становится мертвым. Соучастие, смирение, примирение делают нас в подлинном смысле православными, православными не для нас самих, что было бы лишь еще одним утверждением исторической конфессии, но ради союза со всеми, бескорыстными свидетелями неразделенной Церкви...

Я

Православие и вправду, если освободится от всех видов этнического или конфессионального партикуляризма, может при встрече Церквей внести ту глубину, которую оно еще далеко не осознает в себе. Ему не ведомы разделения, поразившие историю христианского Запада: разделение власти и свободы, священства и мирян, личности и общины, богословия и мистики, Писания и Предания, сакраментального реализма и пророчества. Впрочем, его «апофатический» подход к тайне, его ощущение целостности человека и мира, бесконечные возможности, которые оно открывает перед нами в перспективе «обожения», все это может быть бесценным свидетельством о сегодняшнем Христе. Великие расколы западного христианства, а шире – западной души, произошли при отсут-

ствии или, может быть, из-за отсутствия Православия. Кто знает, не сумеет ли намечающееся единство между христианским Западом и Востоком преодолеть их? Точно так же, может быть, станет возможным преодоление разрыва, который пока только увеличивается, между теми, кто растворяет христианство в революции, и теми, кто, отвернувшись от мира, живет лишь во всецелом сосредоточении на тайне, ставя себя под угрозу внутреннего раскола. Христианский Восток и христианский Запад должны снова встретиться и узнать друг друга, дабы явить тайну, которая только и может озарить жизнь!

Но если Православие может помочь Западу преодолеть его разрывы, оно само нуждается в нем для того, чтобы освободиться от собственных исторических грехов, сделать свою мысль динамичной, сознательно и смиренно свидетельствовать о неразделенной Церкви. Пророческая глубина Православия пробуждается при встрече с Западом...

Он

Вот почему рассеяние наших дней несет в себе какой-то шанс для Православия. При непосредственном дружеском контакте с другими исповеданиями оно может сделаться одним из тех мест, где Церковь неразделенная начинает осознавать самое себя. Мы же, члены древних Восточных Церквей, должны вместить и в сердце и в разум всю совокупность православных общин любой расы, любого народа и языка, рассеянных по всему миру. Ибо они отстаивают себя в единстве веры в смысле «единого на потребу», дабы принести Христу новое свидетельство, которое послужит примирению всех христиан.

Я

Не вы ли говорили однажды, что XX век будет веком Православия?

Он

Да, но лишь в той мере, в какой Православие перешагнет через свои исторические ограничения ради христианского единства. XX век будет веком обновленного христианства.

Я

Если взглянуть на три исторические ветви христианства – Православие, Католичество и Протестантство, нельзя не подметить связующей их сложной диалектики, отводящей каждой из ветвей в определенном смысле ключевую роль. Весь опыт моей веры говорит мне, что осью окончательной интеграции станет Православие, потому что это духовная ось. Православие роднит с Римом ощущение тайны Церкви, хотя вслед за протестантами оно взыскует свободы в Духе Святом. Однако оно не противопоставляет профетизм институциональному сакраментализму, но укореняет его в нем, дабы очистить его в таинствах. Потому что Дух покоится на Теле Христовом.

Обратимся теперь к движению протестантизма: оно составляет в каком-то смысле профетическую ось Церкви. Реформаторы не хотели расколоть Западную Церковь. Они хотели ее реформировать. Будучи отвергнутыми – да и могло ли быть иначе при отсутствии духовной «православной» оси – они словно раскрыли исторические скобки которые закроются, когда Рим, вернувшись к своим «восточным» корням,

сможет ответить на их запросы, при этом не растворяя в них тайны Церкви. Но пока этот момент не наступил, они остаются для Рима, как и для Православия, профетическим раздражителем, препятствующим обрядовому и психологическому окостенению.

Что касается Рима, он является осью исторического воплощения Церкви вселенской. Только он может помешать Протестантизму раствориться в истории и Православию окаменеть за пределами истории. Но он нуждается в духовной «православной» оси, дабы ответить на требования Реформы, не «протестантизируя» себя в дурном смысле слова. И Православие нуждается в нем, чтобы найти пространство для воплощения...

Константинопольский Патриархат призван к тому, чтобы следить как за вселенским характером Православия, так и за его открытостью к экуменизму. В 1902 году патриарх Иоаким III опубликовал энциклику, призывающую одновременно к собиранию Церквей-сестер и к сближению Православия с другими христианскими исповеданиями. Вот как официальный журнал патриархата представил этот текст, к которому принадлежит особое место среди всех первых экуменических инициатив: «Мы ищем согласия всех православных Церквей в том, что касается столь желанного сближения всех тех, кто верует в истинного Бога Троицы, дабы непостижимым произволением Господним наступил наконец день долгожданного единства». В отличие от православных документов XIX столетия и даже от письма патриархов от 1894 года, сухо отвечавшего Льву XIII, который обращался к Востоку с призывом «вернуться» к «апостольскому Престолу»,

энциклика 1902 года выдержана в совершенно ином тоне, тоне доверия и спокойствия, предвещающем дух экуменизма. «Угодно Богу и сообразно Евангелию обращаться за советом к святейшим автокефальным Церквам по поводу наших нынешних и будущих отношений с двумя великими ответвлениями христианства – Церковью Запада и Церковью протестантской. Как невозможное человекам возможно Богу, так и мы можем уповать, что единство всех может произойти по внушению и с помощью благодати Божией в тот день, когда люди вступят на путь евангельской любви и мира. Следует рассмотреть и изучить, как можно разровнять дорогу, ныне неровную, которая ведет к этой цели. Каким образом можем мы отыскать место встречи или установить контакты, или сделать друг другу законные уступки в ожидании того времени, когда полностью завершится начатое дело, что исполнится для пользы и радости всех слово Господа нашего Иисуса Христа, Бога и Спасителя об одном стаде и об одном пастыре. Вот почему, убежденные, что наши святейшие собратья охотно примут предложение на эту тему, мы с доверием обращаем к ним эту братскую просьбу: не настал ли благоприятный момент для предварительного изучения вопроса в целях приготовления удобного пространства для дружеского и взаимного сближения? Мы полагаем..., что эти взаимные связи... явят миру новое свидетельство великой духовной силы, которой обладает православная Церковь Христова, силы, основа которой заключается в неколебимой верности истине». В своих ответах автокефальные Церкви обошли стороной предложения вселенского патриархата. Уверенные в том, что обладают истиной, они не хотели выйти из своей изоляции. 25 мая 1904 года Иоаким III в послании, направленном этим Церквам, сумел извлечь урок

из этого и назначил встречу, оставив дверь открытой для будущего: «Забота о наших верных не должна помешать нам видеть других христиан. Молясь от всего сердца о единстве всех, мы не позволим трудностям победить нас. Остережемся считать эту задачу недостойной размышления или неразрешимой. Как раз напротив, мы всем сердцем готовы принять все возможные меры, дабы содействовать этому богоугодному христианскому единству, сохраняя в наших отношениях с разделенными братьями благоразумие и дух кротости, помня, что сами они, веруя в Пресвятую Троицу и призывая имя Господа нашего Иисуса Христа, уповают получить спасение благодатью Божией».

Первая мировая война, повлекшая за собой падение русской Империи и раздробившая страны, населенные православными, поставила их перед новым сознанием вселенскости. Занятие Константинополя союзными войсками предоставило вселенскому патриархату возможность новых инициатив, которые прежде всего привели к укреплению его связей с англиканской Церковью, все более решительно становившейся на путь экуменизма. Уже в 1919 году Дорофей, митрополит Брусский и местоблюститель патриарха, утверждал на Синоде, что «пришел момент... со всем вниманием отнестись к проблеме единства христианских Церквей... Следует, чтобы призыв..., касающийся изучения возможностей сближения различных исповеданий для подготовки всеобщего единства, исходил из великой Константинопольской Церкви». Комиссия, составленная из епископов и богослов-мирян, принялась за работу, и вселенский патриархат в январе 1920 года разослал всем христианским Церквям послание, предлагавшее им искать единство в широком сотрудничестве, т.е. истинном «союзе». Вот важный

текст, к коему с тех пор обращаются все православные, которые будут участвовать в экуменическом движении. Читая его, мы открываем, что Православие предваряло экуменические инициативы англикан и протестантов, и что Константинопольский патриархат первым призвал к созданию организации наподобие «общества Церквей», что представляет собой изначальную идею нынешнего Всемирного Совета Церквей.

«Постоянно любите друг друга от чистого сердца» (I Пет 1.22).

«Церковь Константинопольская не может допустить, чтобы расхождения, по определенным догматическим вопросам разделяющие христианские Церкви, вызывали неизбежный провал всякой инициативы, направленной на установление более тесного союза между ними.

Убежденная в обратном – в том, что сближение даст преимущества каждой из Церквей и всему народу христианскому, она полагает, что нынешнее время благоприятствует обмену мнениями по этому важному вопросу, решение которого, может быть, приведет с помощью Божией к окончательному союзу христиан в будущем.

Прежде всего мы должны приложить усилия, чтобы устранить взаимные разногласия, вызванные тенденцией к прозелитизму, к сожалению преобладающей в некоторых кругах. Бесполезно упорствовать в том, что идет всегда в ущерб внутреннему миру Церквей – в особенности восточных – чьи пастыри повседневно подвергаются мучительным испытаниям.

Как только мы восстановим взаимное доверие, то

вслед за этим инициатива великодушия должна победить то недоверие, которое постепенно овладело христианскими исповеданиями, заставив их смотреть друг на друга как на чужих и, пребывая в изоляции, осуждать друг друга. Мы должны пробудить и усилить ныне угасшую любовь и вернуть Церквам сознание той тесной связи, которая соединяет их и делает их «сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования его во Христе Иисусе посредством благовествования» (Еф 3.6).

Если они будут следовать в своих отношениях и в тех суждениях, которые они будут выносить друг о друге, поучениям христианской любви, они увидят, как постепенно развеются все недоразумения. Разве не позволено нам дожидаться ради славы Церквей прославления имени христианина, наступления единства, нового понимания их отношений, которые приведут различные исповедания к взаимному познанию их веры и к взаимной поддержке в невзгодах и бедствиях?

Братство и солидарность, о которых мы говорили, могут проявиться и при заключении ряда соглашений, касающихся следующих вопросов:

1/ Единство календаря, позволяющее всем христианам праздновать одновременно великие христианские праздники.

2/ Обмен братскими посланиями по случаю главных праздников церковного года или при других исключительных обстоятельствах.

3/ Установление постоянных отношений между представителями различных Церквей, находящихся в одном месте.

4/ Отношения между различными богословскими школами или между отдельными богословами и обмен журналами и другими религиозными публикациями.

5/ Открытие церковных школ и семинарий для молодых людей разных исповеданий.

6/ Созыв всехристианских съездов для изучения вопросов, представляющих общий интерес.

7/ Беспристрастное исследование догматических противоречий, а также изложение их в богословских курсах и трактатах по преимуществу с исторической точки зрения.

8/ Взаимное уважение обычаев и обрядов, установленных в различных Церквях.

.....

10/ Урегулирование проблемы смешанных браков.

11/ Взаимопомощь во всех религиозных начинаниях, ставящих своей целью укрепление веры и социальное служение.

.....

Только что закончившаяся война обнажила глубокие язвы, коими затронуто христианское общество, и обнаружила абсолютное презрение к самым элементарным принципам права и человечности... Эти беды должны привлечь внимание... всякой церковной власти..., они ставят все Церкви перед необходимостью тесного сотрудничества.

.....

Таковы суждения, которые Константинопольский патриархат полагает своим долгом представить на рассмотрение других Церквей; мы надеемся, что они разделят с нами убеждение о все более настоятельной необходимости наметить пусть хотя бы только первые очертания грядущего единства, и мы молим их о том, чтобы они откликнулись на наш призыв. И пусть их отклики уверят нас в том, что предложения, сформу-

лированные нами, из области пожеланий смогут в скором времени перейти в область фактов, дабы мы «истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос» (Еф 4.15).

Православие обладает обостренным ощущением тайны. Однако Церковь существует благодаря Евхаристии, а Евхаристия существует благодаря эпиклезису. Эпиклезис означает призывание. В основе свершения Евхаристии лежит призывание священником и народом сошествия Духа Святого «на ны и на предлагающая Дары сия», дабы включить церковное собрание в Тело Воскресшего. Церковь ведь не обладает своим Господом, а лишь принимает Его в призывании. Подобно этому общение всех поместных Церквей, всех евхаристических общин должно быть запечатлено молитвой «о благостоянии всех Божиих Церквей и о соединении всех». Единство веры наконец сохраняется свободным согласием в любви. До совместного чтения Символа веры должно непременно следовать целование мира: «Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы – Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

И потому Православная Церковь существует соответственно верности Божией лишь в силу непрерывного течения молитвы и проявления любви. Вот почему, обладая столь же живым чувством сакраментальной реальности Церкви, как и ее католические собратья, она в отличие от последних, смогла с самого начала участвовать в экуменическом движении, и даже играть в нем ключевую роль. Без нее это движение было бы внутренним делом протестантского мира, имев-

шим какое бы то ни было значение лишь в его границах. Экуменическое движение в том, что оно несет в себе подлинно профетического и духовного в собственном смысле, есть по сути эпиклезис, призывание т.е. усилие всех христианских сообществ войти внутрь общения любви и молитвы, дабы Дух Святой мог однажды явить в этом общении единую Церковь.

И потому единственный титул, коим наделяет себя Афинагор I, подписывая некоторые свои послания – «ревностный богомолец о всех вас».

Он

К соединению нужно идти, нельзя останавливаться на достигнутом. Миряне повсюду хотят единства. Они объединятся без нас, без иерархии, если мы ничего не сделаем.

Я

Но в таком случае они могут утратить самую тайну Церкви...

Он

Или по крайней мере ее скомпрометировать. Потому-то неуправляемое это стремление к единству среди мирян, в особенности среди молодежи, люди, стоящие у кормила, должны ощутить как веление, как безотлагательную необходимость. Я размышлял об этом дни и годы в полном одиночестве. И понял, что те, кто управляет Церквами, должны подать личный пример, должны сойти со своих тронов, чтобы самим

382

сказать какие-то слова, совершить какие-то дела, которые опрокинут стену разделения и освободят Дух, дадут Ему больше места...

Я

И вы сказали эти слова, сделали эти шаги... Мне кажется все сдвинулось с места в 1959 году...

Он

Да. До этого времени мы прилежно сотрудничали с экуменическим движением в перспективе Послания 1920 года. В 1948 году мы приняли участие в организации Всемирного Совета Церквей. Сам же я сделал все возможное, чтобы все православные Церкви вошли в Совет...

Я

Однако этот Совет совместно с большинством православных Церквей объединяет различные сообщества протестантского мира. Но если сотрудничество легко дается в моральном и социальном плане, как вы неоднократно подчеркивали, подлинно глубокий диалог ставит проблемы. Я думаю, по той простой причине, что протестантские сообщества в духовном плане не существуют сами по себе, их существование связано с Церковью Запада, которую они хотят реформировать. Православие может сыграть свою примиряющую роль лишь на встрече с западным христианством как единым целым; даже если это целое расколото. Глубокий диалог с реформированными Церквами требует одновременно и предварительного глубокого диалога с Римом.

Он

Вот почему произошло нечто новое, когда Иоанн XXIII стал папой. С первых же его слов я понял, что он несет в себе то же страдание и то же упование, что и я.

Я

Иоанн XXIII был одновременно предстоятелем Церкви и человеком Духа Святого, своего рода юродивым во Христе и, несомненно, пророком. Это страдание и это профетическое упование ощущается и в вас. В этой внутренней близости людей, облеченных самой высокой ответственностью, и наделенных личной харизмой, я вижу один из даров нашего времени.

Он

Что касается меня, не знаю. Я не в счет. Но Иоанн XXIII, несомненно, нес в себе этот профетический дар. И нес совершенно просто, благодаря огромной доброте и большому чувству юмора...

Я

В своем Рождественском послании 1958 года он призвал христиан к единству со смирением, бескорыстием, в совершенно новой тональности. И вы восприняли его буквально, ответив на него новым посланием, где как бы предвосхищается будущее. Вы предложили организовать встречу глав Церквей. И для этой встречи вы прикровенными и символическими словами указали на Восток, где «явил Себя Господь». То есть указали на Святую Землю...

Он

... куда я отправился в паломничество в том же 1959 году, чтобы одновременно посетить православных патриархов Ближнего Востока и помолиться о единстве у самого истока Церкви. У Гроба Господня я ощутил, что разделение христиан раздирает Самого Христа и раздирает меня. Я услышал, как звучит Первосвященническая молитва Господня, где Он просит Отца сохранить едиными не только его учеников, но и всех, кто уверует по слову их. И все произошло здесь, по милости, дарованной Иерусалиму: здесь Господь пролил Кровь Свою за нас, здесь Дух сошел на общину Апостолов, здесь возникла Матерь всех Церквей... Вслед за мной последовало паломничество Алексия, патриарха Московского, который на обратном пути остановился в Константинополе и отслужил со мной Рождественскую литургию. В тот же год и архиепископ Кентерберийский, это был Джеффри Фишер, отправился в Святую Землю, и на обратном пути посетил меня, а затем и Иоанна XXIII.

Я

Так был расчищен путь для событий 1964 года.

Он

Когда я узнал о предстоящем паломничестве нового папы, я был потрясен. Если Римская Церковь в лице своего главы находится более не в Риме, но в Иерусалиме, если она отправляется туда в паломничество с чувством покаяния и смирения, тогда все Церкви могут стать сестрами...

Необходимо привести несколько выдержек из годового послания патриарха Афинагора папе Иоанну XXIII, в 1959 году, так как оно в значительной мере способствовало первому сдвигу. «Подобный призыв был направлен и предстоятелям других Церквей. К Рождеству 1959 года вселенский патриарх мог писать: «С тех пор как патриархат... год тому назад, призывал к единству всех христиан на земле, начались последовательные контакты и взаимные визиты, среди тех, кто облечен верховной ответственностью в Поместных Церквях... Это прямые и косвенные контакты и переговоры показывают, что Церкви уже начинают сближаться друг с другом, как Церкви-сестры».

Мы приведем основные положения послания 1959 года. Надо отметить, что патриарх, хотя и подчеркивает необходимость тесного сотрудничества духовных сил для созидания мировой культуры, прямо утверждает, что нельзя сводить христианство на уровень социальной этики, поскольку оно прежде всего сила освящения. Отметим также призыв к действию, к личной вовлеченности ответственных лиц.

«Наша общая обязательность, долг религиозных предводителей, заключается в том, чтобы возвестить миру, что технические успехи науки, сами по себе не давляют для созидания новой мировой культуры, по той простой причине, что цивилизация не мыслима без духовных основ... Только Христос делает любовь, мир и справедливость доступными для человечества.

«Поэтому, вполне сознавая, в чем состоит наш долг, мы заявляем об искреннем желании Православной Церкви продолжить молитву о мире во всем мире и войти в положительное и прагматическое сотрудничество для продвижения христианского единства.

«Мы будем счастливы сотрудничать со всеми. Мы

уже участвуем в больших межцерковных организациях и полностью расположены войти в контакт с древней Римской Церковью, чтобы облегчить «уныние и недоумение народов... от страха и чаяния грядущих на вселенную» (Лука 21.25-26).

«Поэтому мы считаем самым главным, при настоящем бедственном положении, в котором находится человечество, чтобы те, кто призван Богом... ежедневно нести тяготы Церквей (2 Кор 11.28) – встречались и вместе размышляли об основных и неотложных нуждах миллионов верующих наших Церквей, с тем чтобы найти разрешение, или по крайней мере облегчение насущных проблем.

«В эти праздничные дни, когда наше сознание было постоянно занято подобными размышлениями, до нас косвенно доходит весть о новом призыве Его Святейшества, предстоятеля Римской Церкви, к единению Церквей. Мы воспринимаем этот призыв в духе братства, ибо рассматриваем его как осознание того, что духовные силы – полнота и мощь которых проявляются только в идеальном единстве, которое Господь доверил Своей Церкви – действительно должны вновь соединиться. Но такое единение еще не возможно ввиду разделений и вековых противостояний, существующих и по сей день.

«Кроме того мы воспринимаем призыв рождественского послания Его Святейшества как проявление подлинного смысла Рождества, не в каком-то расплывчатом понимании усовершенствования или христианской добродетели вообще, но в силе позволяющей человеку вновь обрести утраченное подобие своего всесвятого Творца...

«Вот почему мы абсолютно уверены в том, что любой призыв к единению, должен обязательно сопровождаться фактами и действиями, способными дока-

зять, что наши слова и наши действия находятся в полном согласии...

«Во время праздников, посвященных Богоявлению Господа Нашего и Спасителя Иисуса Христа, Который явился на Востоке, мы считаем возможным надеяться и молиться в том, чтобы, когда взоры всех христиан устремлены к Востоку, откуда пришел «Отец вечности, Князь мира» (Ис 9.5), святая Римская Церковь также обратилась в духе братства к Востоку... Это не только наше пожелание – это ожидание всех христиан...»

Я

Чем больше мы размышляем о разделении христианского Востока и Запада, тем более представляется оно нам великой трагедией в истории христианства. Оно наложило свою печать на последующие века, в которых происходило рождение современного мира. Православие и западное христианство превратились в два замкнутых мира, все более враждебных друг другу. И Запад, когда он стал тем, что он есть, игнорировал жизненные ценности и «целостное» познание Востока. Если он бросался к нему, то лишь за тем, чтобы завоевать, не понимая; о православном мире можно сказать, что он был первой жертвой колониальной экспансии Запада. Взятие Константинополя в 1204 году, эксплуатация его последних богатств купеческими итальянскими республиками послужили в конечном счете тому, что мусульманская Азия дошла до самой Вены. И при всех этих громадных событиях Православие оставалось неуловимым для Запада, если говорить о его духовной реальности, а не о внешних проявлениях, которые Запад воспринимал в презрительном и карикатурном свете. Может быть, это неведение стоит у истоков великих расколов самого Запада: расколов между свободой в Духе Святом и причастием в сакраментальном смысле – такова драма Реформации и Контрреформации; расколом между началом божественным и человеческим – отсюда начинается развитие современного гуманизма, приведшее его к нынешнему истощению; раскол между природой и благодатью – и техника овладевает пустыней, вымершим безжизненным миром... Со своей стороны Православие неимоверно пострадало от этого удаления: ему стало

трудно выражать свой опыт и обрести свое творческое выражение в истории. Можно лишь мечтать о том, чем могли бы стать взаимодополняющие отношения между ними, о том, чем Православие могло бы оживотворить западный поиск, пройдя в свою очередь через очищение им: причастие как содержание свободы, богочеловечность, оплодотворяющая гуманизм, божественные энергии, озаряющие землю на путях научного поиска...

Он

То, о чем вы говорите, – не предмет сожалений, это наше будущее! Церковь, став нераздельной, озарит своим светом научную цивилизацию на уровне планеты. Уже годы я думаю только об этом. И после Иерусалимской встречи Бог сотворил для нас чудеса.

То, что экуменическое движение началось со сближения протестантов и православных, я думаю, в порядке вещей. Между нами не было исторических споров. С Римом дело обстояло иначе.

Я

Церковный колониализм принес горькие плоды. Иной раз он сопутствовал колониализму политическому, как было, скажем, при захвате Италией Додеканеза вплоть до 1945 года. В течение Второй мировой войны некоторые хорваты, примешавшие свое католичество крестоносцев к своей национальной ненависти, вырезали десятки, может быть, сотни тысяч сербов... Многие священники и епископы были убиты. Католические монахи-фанатики врывались в деревню, чтобы предложить православным выбор между крещением в Римской Церкви или смертью. Во всех

390

случаях, это была смерть. *Magnum crimen*, как назвал свой труд югославский историк, рассказавший об этих событиях... Но униатство могло бы породить страх и злобу, ибо католические миссионеры говорили православным в Греции и на Балканах, что турецкое нашествие было для них наказанием Божиим за ересь... Вспомним и о безжалостном давлении австрийской монархии или Польской «республики», не говоря уже об использовании дипломатии и культурного престижа Великих Держав на Ближнем Востоке... На другой день после окончания Второй мировой войны эта ситуация частично обратилась в прямо противоположную. В некоторых странах Восточной Европы – на Украине, в Чехословакии, в Румынии униатство было ликвидировано, частично под влиянием патриотизма и искреннего порыва к Православию, но по большей части под давлением гражданских властей, которые безжалостно арестовывали и высылали тех, кто сопротивлялся... Все эти трагедии оставили следы. И все же...

Он

И все же Рим изменился и не перестает меняться. Иоанн XXIII, Собор, Павел VI и вся встряска, начавшаяся после Собора... Это невероятная мутация, чреватая огромным риском, огромным упованием. Все были охвачены недоверием, не решались сделать что-то позитивное. Говорили по-старому: Рим не изменится, он не может меняться, он хочет лишь покорить православный Восток. И все же Рим изменился и будет продолжать меняться. Восточные Церкви, принадлежащие Риму, также изменились. Патриарх Максим IV и его богословы сделали свою Церковь связующим звеном между христианским Востоком и Западом. За-

частую на Соборе они отстаивали православные позиции. Я сказал это Максиму IV, когда он приезжал на Фанар в июне 1964 года, в его лице я приветствовал «поборника открытости между Западом и Востоком».

Я

В то же время конвульсии и промыслительные судьбы истории – русская революция, уход греков из Азии, исход в западное полушарие, вызванный экономическими причинами, – привели на Запад миллионы православных. Православная *диаспора*, с одной стороны, эволюция восточных католиков, с другой, породили что-то вроде взаимопроникновения двух Церквей...

Если великие религиозные и, очевидно, не только религиозные расколы Запада проистекают из изначального разрыва между ним и христианским Востоком, то лечить нужно самый корень этого зла и поставить проблему отношений между католичеством и православием. Именно это дело вы и предприняли.

Он

Все есть дело Божие. «Ибо любовь Христова объемлет нас», – говорит апостол Павел (2 Кор 5.14), и нас сближает объятие Христово. Сближает в особенности тогда, когда мы воспринимаем эту любовь из тайны Церкви, и прежде всего из Евхаристии.

Я

Несмотря на разделение и полемику, ни православные, ни католики так и не дошли до уверенного отрицания друг у друга действенности Евхаристии, а, сле-

довательно, и священства, которое неразрывно соединено с Евхаристией. Конечно, мы можем думать, что способность к полному причастию жизни Божией, которую дарует нам чаша, ограничена некоторыми догматическими формулировками. Однако эти различия не достигают глубины сакраментальной реальности Церкви...

Он

Вот почему католики и православные вместе должны выявить эту глубину. Посмотрите на святых Востока и Запада. Они объаты той же любовью ко Христу, они напитаны той же кровью Христовой. Ничто не разделяет их.

Я

Иоанн Мосх в *Луге духовном* рассказывает, что был в монастыре один монах по имени Стефан, глубокий старец и святой человек. Молодые монахи вошли однажды в его келию за духовным советом, но он не обратил внимания на их присутствие. Несколько раз они тщетно говорили ему: «Вот мы пришли, Отче, скажи нам спасительное слово». Наконец он услышал и, взглянув на них, ответил: «Что мне сказать вам? Лишь одно: все время, пока вы были в моей келье, я не мог отвести глаз духа моего от Иисуса Христа, распятого на Кресте».

И нечто, почти тождественное этому, мы слышим из уст святого Франциска. Во время болезни, от которой он должен был умереть, святой Франциск Ассизский из-за болезни глаз не мог читать. А он очень любил читать Евангелие. Один из братьев предложил почитать ему. «Не стоит, чтобы ты читал мне, сын мой,

– сказал святой. – Теперь я ни в чем не нуждаюсь. Я знаю Христа, бедняка распятого». Конечно, Запад делал больший упор на Муже скорбей, а Восток – на Преображенном. Но сам Крест есть «крест света», и «смертью» Христос «попрал смерть». С большой грустью я думаю о тех фанатических православных, что усматривают в стигматах святого Франциска «издержки» его святости. словно он не был преображен благодаря этим стигматам! Впрочем, восточная традиция, которая прежде всего подчеркивает озарение всего человека Духом Святым, вовсе не является целиком и полностью чуждой стигматизации. По преданию коптский авва Макарий – Макарий – «духоносец» – удостоился посещения огненного серафима, как и святой Франциск. Серафим распял его на земле и сказал: «Ты будешь распят со Христом и соединишься с Ним на кресте в красоте добродетелей и их благоухании» – благоухании, которое нередко было благоуханием крови великих западных стигматиков, вплоть до нашего современника падре Пио. Муж Скорбей и Воскресший – один и Тот же, и об этом знали великие монахи, которые по образу Его были «ставрофорами» и «пневматофорами», «крестоносцами» и «духоносцами»!

Он

Святые связуют нас. И связуют не за пределами Церкви, но актуализируя ее тайну. Богословы же зачастую касаются лишь внешних вещей: они выражают то, что уже кристаллизовалось на поверхности истории. Вот почему они в конце концов смогли выразить лишь разделение. Схемы их никогда нельзя будет окончательно подогнать друг к другу. Нужно рыть глубже, вплоть до той питательной почвы, которая является общей для всех. Жестами, делами, действен-

394

ными символами нужно обновить саму природу богословия. Для того, чтобы начать этот великий переворот, возврат, нужно было, чтобы человек, свободный от умственных схем и юридических уз оказался во главе католической Церкви. Это был Иоанн XXIII. С первых же его слов, с первых же жестов я ощутил в нем пророка. И я отнес к нему евангельский текст: «Был человек посланный от Бога, имя ему Иоанн».

Я

Эта фраза стала крылатой. С нее начал свое похвальное слово Иоанну XXIII в соборе Святого Петра кардинал Суэненс. Был Иоанн XXIII, но есть и Афинагор I. И встреча их была промыслительной. Иоанн XXIII, в то время монсиньор Ронкалли, долгое время был апостолическим делегатом в Турции. В 1939 году он уведомил письмом Вселенского патриарха об избрании Пия XII. Это был первый жест, служивший обновлению отношений доверия между Римом и Константинополем после веков молчания. Его пребывание на Востоке позволило затем Иоанну XXIII отнестись со вниманием к патриаршему посланию 1920 года, которое наиболее авторитетная католическая пресса приняла в то время с невозмутимым презрением. Занятие Константинополя в 1922 году турками, враждебными ко всякой международной активности патриархата, помешало этому посланию принести хоть какие-то плоды... Однако в своем Рождественском послании 1958 года Иоанн XXIII коснулся этого текста: «Мы храним живое воспоминание о том, как несколько десятилетий назад ряд предстоятелей православных Церквей..., озабоченных стремлением к единству цивилизованных стран, начал свой поиск согласия между различными христианскими исповеданиями. К не-

счастью, преобладание более настоятельных и конкретных нужд и националистических интересов сделали бесплодными эти намерения, которые сами по себе были хорошими и достойными уважения. И животрепещущая проблема расколотого наследия Христова по-прежнему вызывает тревогу... Сожаление, которое вызывает эта горестная констатация, не останавливает и не остановит – и все упование наше мы возлагаем здесь на Бога – наших усилий ответить на призыв, полный любви и исходящий от наших разделенных братьев, также носящих на челе имя Христова...»

В целом устами Иоанна XXIII Римская Церковь ответила на призыв Церкви Константинопольской от 1920 года.

Это послание несло в себе весть, которую вы приняли буквально в своем новогоднем обращении на 1959 год.

Он

Более того. Я передал Иоанну XXIII, коль скоро он проявил внимание к нашему проекту от 1920 года, что ему надлежит созвать вселенский, всехристианский собор. И, возможно, его первоначальным намерением и был созыв такого собора. Но время еще не созрело для этого. Он довольствовался созывом Собора Римско-католической Церкви, имея замысел направить ее по пути к единству. Однако этот собор положил начало той глубокой мутации, соучаствовать в которой нам надлежит всем вместе. Я близко следил за ходом Собора, этого великого Собора, который благодаря роли, отводившейся на нем наблюдателям, иногда принимал черты подлинного всехристианского собора. Самое важное, что через все поиски наши ка-

396

толические собратья вновь вернулись к Церкви как к евхаристической тайне, как к организму любви. Это провиденциальное приближение к православной экклезиологии, сближение, обновляющее подход к доктринальным проблемам. Любовь становится нашим общим критерием.

Первоначальная Церковь определяла себя как *koinonía* (по-гречески) и как *communio* (по-латыни) или как *agapê* (по-гречески) или *caritas* (по-латыни). Два последних термина означают любовь не в аффективном, но в онтологическом смысле, они указывают на Церковь в ее соучастии в тринитарной любви, истоке всяческого общения. «О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами; а наше общение – с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом» (1 Ин 1.3).

Тексты, выработанные на Соборе – мы имеем в виду декрет *Об экуменизме* и конституции *О Церкви* и *О Божественной Литургии* – частично вернулись к этой экклезиологии соборности, соединив ее, не без некоторых неувязок, с юридической и авторитарной экклезиологией, унаследованной от контрреформации. Роль Духа Святого в окончательном тексте была подчеркнута более энергично, чем в первых редакциях (как скажем, в одиннадцатом параграфе декрета *Об экуменизме*). Была сделана попытка ввести «юридическое» в «сакраментальное». Структура священнического служения вновь соединялась с совершением таинств. В первых главах конституции *О Церкви* Церковь являла себя тайной спасения и народом Божиим, пребывающим на пути к Царству, а священники – свидетелями и служителями его общения в таинствах. Конкретно это общение связывается с местной общиной, совершающей Евхаристию в силу апостольского

свидетельства епископа. Епископская коллегиальность выражает единство этих общин. Фактически, конституция о Литургии и о Церкви без оговорок утверждают, что совершение Евхаристии общиной, собранной вокруг своего епископа, составляет основу любой экклезиологии.

Следует подчеркнуть это стремление, направленное на преодоление постоянно усиливающегося разногласия между католичеством и православием. Это разногласие достигло своей кульминации на Первом Ватиканском Соборе, предоставившем папе – что едва ли может быть понято Востоком – «непосредственную и подлинно епископскую юрисдикцию над всеми верующими». Для Православия же роль Рима во времена неразделенной Церкви интегрировалась в общении множества Церквей-сестер. Каждая из них образует совокупность евхаристических общин, объединяясь друг с другом узами взаимной любви и согласия, наиболее ощутимым проявлением которого, начиная с апостольских времен, были соборные послания и вписывания в диптихи. Вскоре после своего избрания патриарх рассылает главам Церквей-сестер исповедание веры, составленное на том же синоде, где происходят и выборы, и отсюда его наименование *synodica*. Они отвечают, одобряя исповедание веры своего корреспондента. Таким образом устанавливается общение с новоизбранным патриархом, имя его вписывается в «диптихи», перечень живых, поминаемых во время принесения бескровной жертвы. Это вписывание свидетельствует об общении веры, позволяющем осуществить полноту общения в таинствах... Послания апостола Павла, затем Игнатия Антиохийского представляют собой проявления такого рода общения, предназначенного поддержать «единство веры и узы мира».

Послание 1920 года рекомендовало обмен «братски-

ми письмами» между главами Церквей. Нужно постоянно помнить об этих трех древних обычаях, сохранивших свою жизненность в православии, чтобы оценить ряд шагов патриарха Афинагора, о которых мы поговорим позднее.

Несколько раз в течение 1959 и 1960 годов патриарх утверждал необходимость установления между православными и католиками того, что он называл «единством», т.е. практического сотрудничества в конкретном социальном служении. «Единство» должно открыть пути к «диалогу любви», а затем к диалогу богословскому в собственном смысле слова, целью которого должно стать «соединение», установление сакраментального общения во вновь найденном тождестве веры. Афинагор I объявил, что готов встретиться с папой. Иоанн XXIII со своей стороны в одной загадочной фразе, произнесенной при открытии подготовительных работ ко Второму Ватиканскому Собору, упомянул об «интеллектуальных, сердечных и духовных контактах, на коих мог бы почить Дух Господень...» Но как осуществить подобную встречу? Папа был, видимо, не в состоянии покинуть Рим. Но для того, чтобы патриарх отправился в Ватикан, как указал Афинагор в 1962 году греческой газете *To Vima*, «требуется предварительное согласие всех православных Церквей, одобряющих этот шаг, а также, чтобы и папа, со своей стороны, нанес визит Вселенскому патриарху в его резиденции на Фанаре». Однако, согласно традиционному римскому протоколу, папа не наносит визитов...

И все же, невзирая на эти трудности, Иоанн XXIII сделал два важных жеста. Летом 1961 года он послал патриарху двух эмиссаров, членов конгрегации восточных Церквей: монсиньора Тесту и отца Альфонса

Раеса, председателя Папского Восточного института. Патриарх принимал их дважды, и они передали ему всю информацию, касающуюся Собора. Немного позднее, и этот шаг очень важен, папа создал «Секретариат христианского единства», который должен был заниматься отношениями католической Церкви с другими исповеданиями. Этот орган, возглавлявшийся кардиналом Беа, включал в себя искренних и бескорыстных друзей Православия, таких, как секретарь кардинала монсеньор Виллебрандс и помощник секретаря отец Дюпрей. Ибо отныне именно на секретариат христианского единства, а не на конгрегацию восточных Церквей, исторически связанную с политикой униатства возлагались отношения с православными. Это означало переход от проблематики завоевания к проблематике диалога. Рим встал на путь признания православной Церкви как таковой, тогда как прежде в ходу был скорее термин «Восточные Церкви», объединявший содружество «греко-славянских» Церквей с несторианскими и нехалкидонскими общинами Африки и Азии. В отношениях между католиками и православными существовала одна специфическая трудность, которой не было в отношениях между католиками и протестантами. Речь идет о признании другого таким, каким он определяет сам себя. Решение этого «предварительного условия», типичного, прямо скажем, для периода колонизации, должно быть поставлено в заслугу Иоанну XXIII. Вековые привычки, разумеется, не исчезают в один день, и деяния или, во всяком случае, словарь конгрегации Восточных Церквей наложили свою печать на некоторые соборные документы и причинили патриарху Афинагору ряд неожиданных трудностей.

Перед лицом католичества, вернувшегося к соборному пониманию Церкви, необходимо, чтобы процесс сближения произошел в самом Православии. Православие едино в вере и в таинствах, но так мало едино в действии! Вот почему, после консультаций со всеми главами Церквей-сестер и с их согласия, я созвал Первую Всеправославную конференцию на Родосе. На этой конференции начался процесс, который должен привести к большому собору всех православных Церквей. И она позволила всем автокефальным Церквам по-настоящему обратиться к подлинным проблемам экуменизма.

Конференция 1961 года проявила сдержанность в том, что касается отношений с Римом. Это произошло в особенности под влиянием Церквей, расположенных на границах католического мира; некоторые из них, как Церковь Чехословакии и Церковь Румынии, опасались, что сближение с Римом вызовет пробуждение униатства, «ликвидированного» после Второй мировой войны на условиях, достаточно хорошо известных, другие, как Церковь Сербская, были травмированы гигантской Варфоломеевской ночью, которая стала возможной из-за войны... Поэтому конференция ограничилась упоминанием в качестве программы будущего предсоборного совещания «изучения позитивных и негативных моментов в отношении между двумя Церквами», делая особый упор на проблемах, вызванных «пропагандой, прозелитизмом, униатством...» Правда, по просьбе вселенского патриархата было также упомянуто «развитие отношений

в духе христианской любви в перспективе взглядов, изложенных в патриаршем послании 1920 года».

Несмотря на эту холодность, многие на Родосе ощутили духовное родство двух Церквей. Официально там не было католических наблюдателей, хотя были обозреватели от других конфессий, что само по себе красноречиво, если учесть исполненное страха и подозрений прошлое. Несколько католических представителей получили просто частное приглашение. Им, однако, всегда предоставлялись первые места. Так завязывались некоторые личные контакты.

В этом медленном умиротворении, в этом медленном разоружении Церкви, столь долгое время униженной и истерзанной, патриарх Афинагор столкнулся не только с недоверием многих православных в отношении «римлян» и их унитарной организации, в которых привыкли видеть завоевателей. Он столкнулся также с недоверчивым отстаиванием своей независимости со стороны Церквей-сестер и прежде всего самой сильной из них – Церкви Русской перед лицом Константинопольской кафедры. Это было хорошо видно в поведении православных наблюдателей на Втором Ватиканском Соборе.

На Родосе было решено, что в этом вопросе православные Церкви будут занимать единую позицию. Вселенский патриарх в силу своего права на инициативу и председательство, подтвержденного Всеправославной Конференцией, полагал, что ему подобает после получения приглашения разослать его Церквам-сестрам, затем собрать их ответы и выработать с ними общую позицию. Патриарх Московский в процессе последовавших сложных переговоров, напротив, дал понять

Ватикану, что приглашение, ввиду равенства и независимости автокефальных Церквей, должно быть направлено каждой из них в отдельности. В конце концов, тогда как холодность ряда православных Церквей и прежде всего Церкви Греческой, привели патриарха к решению – в согласии с принципом единодушия, как было решено на Родосе – не посылать наблюдателей, стало известно, что Москва посылает двоих... Задержка в обмене телеграммами ввиду общего решения могли бы объяснить этот «промах», который огорчил, но не обескуражил патриарха. Во всяком случае на двух первых сессиях Собора в 1962 и 1963 годах единственными православными наблюдателями были представители Московского патриархата.

В 1963 году, как того хотел патриарх, стали одновременно более тесными контакты, с одной стороны, между католичеством и православием, с другой – между самими православными Церквями. В то время, как в июле католическая делегация принимала участие в полувековом юбилее епископского служения патриарха Алексия, в июне празднование тысячелетия монашества на Афоне позволило православным Церквям собраться там под председательством Афинагора I на уровне, не имевшем себе равных в современную эпоху. И немало представителей было приглашено Фанаром, организатором этих празднеств: были представлены большие монашеские ордена Запада, в особенности бенедиктинцы, пославшие своего аббата-примаса (нужно ли напоминать, что Амальфийские бенедиктинцы имели свой монастырь на Афоне вплоть до XIII века?). Присутствовали также католические сторонники экуменического сближения с Пра-

вославием, такие, как отец Дюмон, директор центра *Истина* в Париже и дон Оливье Руссо из Шевтоня. Патриарх Афинагор публично указал на пример того духовного мужества и смирения, которое великие монашеские ордена демонстрируют поборникам единства.

Он

Свою экуменическую деятельность я взялся объяснить афонским монахам, самым жестким защитникам Православия. Я сделал это один перед собранием монахов. Им сказали, что я собираюсь продавать Православие протестантам и католикам. В Средние Века, во времена латинской империи, или тогда, когда византийские императоры хотели навязать унию, чтобы получить от Запада помощь против турок, Афон отстаивал Православие с бескомпромиссной ревностью, вплоть до мученичества. Свои действия я хотел объяснить по существу этим монахам, сохраняющим в этом священном месте духовное достояние, которое драгоценно для всего Православия, для всего христианского мира. Мы говорили более двух часов. И в конце концов они одобрили меня. Позднее из-за некоторых фанатиков из греческой Церкви дела вновь пошли хуже, но тогда, в условиях полной откровенности, они меня поняли. Запись нашей беседы, которую я сохранил, может подтвердить это.

Я

Конечно, очень важно, что в центре Церкви высится этот молитвенный столп, что есть место, где осуществляется самое высокое призвание христианина — обожение человека, вышедшего навстречу Христу грядущему. Место, где не «демифологизируют» демо-

404

нологию, но ведут против бесов безжалостную борьбу! Однако не является ли знаком упадка то, что глубина выражается узостью? Не должно ли Православие превзойти безысходное шатание между глубиной, оборачивающейся агрессивностью, и открытостью, вырождающейся в поверхностную гуманность? На Афоне некоторые, возможно, начинают понимать это... Пусть вспомнят они, что Святая Гора в те моменты, когда она принималась за осмысление своего глубочайшего опыта, не колеблясь, обращалась к духовной жизни Запада, дабы почерпнуть в ней свою творческую силу. В XIV веке святой Григорий Палама ссылается на святого Бенедикта, который, по словам Григория Великого, «весь мир видел как пылинку в луче света Божия». И если мне возразят сомневающиеся в том, что видение святого Бенедикта принадлежит опыту неразделенной Церкви, я укажу на составителя *Добротолюбия* святого Никодима Святогорца, который в конце XVIII века без колебаний включил в свой труд и плоды католической духовной жизни в ее самой современной форме. (Я имею в виду *упражнения* святого Игнатия Лойолы или *Невидимую брань* Скуполи)...

И это говорит нам о роли монаха, который своим существованием выражает не умозрительное богословие, но глубинную тайну Церкви, опыт воскресения в Воскресшем.

В начале сентября 1963 года христианский Запад пожелал в свою очередь почтить Святую Гору. Научный конгресс, посвященный тысячелетию афонского монашества, состоялся в Венеции под председательством кардинала Урбани. Патриарх Афинагор был представлен на нем отцом Андреем Скрима, передавшим

Ассамблее патриаршее послание с приветствием и благословением.

Отец Скрима, коего патриарх вскоре возвел в сан архимандрита и сделал своим личным представителем на Втором Ватиканском Соборе, был одним из тех редких людей, которые в эти решающие годы сумели понять и постичь дух патриарха, остававшегося одиноким, и сделаться его помощником. Молодой румынский интеллигент с широкой культурой, научной и философской, сразу же после окончания Второй мировой войны принял участие в том возрождении исихазма, которое совершалось в то время в Румынии. Это был процесс безмолвного углубления веры перед метаниями истории. Неожиданными путями молодой монах перенимает традиции русского *старчества*. Как лицо, близко стоявшее к Румынскому патриарху, он встречается на одном из официальных приемов вице-президента Индийского союза, который, пораженный его знаниями индийской духовной жизни, приглашает его на два года в университет Бенареса. После своего возвращения из Индии он вносит исихастскую традицию в один монастырь, только что основанный в Деир-ель-Харфе в окрестностях Бейрута, затем поступает в распоряжение вселенского патриарха. Его длительные поездки во Францию дали ему возможность проложить путь к экуменизму созерцательных орденов, что незримо содействует сближению между католичеством и православием. О скольких славных людях можно было бы вспомнить здесь! – но они принадлежат истории, которая не объективируется. Пусть же сияние их останется безмолвным. И пусть отец Андрей Скрима простит нашу нескромность. Нельзя было не упомянуть о нем, ибо в его лице высочайшая духовная традиция Православия пришла на помощь начинаниям патриарха.

С 26 по 28 сентября 1963 года проходила Вторая Всеправославная Конференция на Родосе. Она была короткой, но действенной. Дело с наблюдателями было улажено в соответствии с пожеланиями русской стороны: инициатива была предоставлена каждой Церкви в отдельности. Афинагор I знал, что его путь — это путь отречений, и для него было существенно лишь самое важное. Однако и в области существенного был сделан решающий шаг: единогласно Конференция приняла резолюцию, говорившую о *необходимости начать с католической Церковью диалог «на началах равенства»*, диалог, возложенный как с одной, так и с другой стороны на лица равного сана, который должен будет стать делом всего Православия.

Только Греческая Церковь отказалась принять участие в этой Конференции. Ее иерархия, и в особенности ее первоиерарх, архиепископ Хризостом, заняли непримиримую антикатолическую позицию, одобренную некоторыми монашескими кругами и частью верующего народа, травмированного трагической историей и в страсти своей неспособного проводить различие между диалогом и предательством истины. Под давлением наиболее просвещенной части христианской общественности, в особенности некоторых видных епископов и профессоров богословских факультетов, Синод Греческой Церкви одобрил 15 октября решения Конференции. Однако некоторые круги по-прежнему оставались жестко непримиримыми, не оказывая патриарху ни малейшей поддержки во время наиболее плодотворных его действий. Эти интегрисы были зачастую людьми духовными, чей мир был столь же замкнут, как и полон. У них было неоодоли-

мое недоверие к Западу, проблемы которого были им неведомы. Для них не существовало ничего промежуточного между буквальной защитой истины и релятивизмом, предающим Православие. Из-за них путь патриарха стал не только путем отрицания, но и путем крестным.

Решение начать диалог с Римом «на началах равенства» вызвал настоящее смещение «центра экуменической тяжести»; до сих пор он находился внутри христианского Запада, отныне этот центр, оказавшись между Западом и Православием, поставил проблему того изначального раскола, который породил все остальное.

Встреча обеих Церквей «на началах равенства» прежде всего означает, что они признают друг друга Церквами. Это значит, что они подтверждают подлинность апостольского преемства их иерархии, действительность таинств и предание первого тысячелетия, заключающее в себе основные тринитарные и христологические догматы. Эта подлинность обеих Церквей никоим образом не скрывает серьезных богословских проблем. Будучи разделенными, они признают себя Церковью, и это ставит их перед необходимостью плодотворного и взаимного испытания самих себя. Каждая по сути считает, что исторически именно она явила собой средоточие тайны. Для католиков средоточие церковности – это Дух Святой, заявляющий о Себе в последней инстанции устами Римского епископа; для православных – это Дух Святой, заявляющий Себя в «евхаристическом» общении всех поместных Церквей и сознании всех верующих. Католическая Церковь, со времен Контрреформации стремится вы-

408

разить единство Церкви прежде всего в юридических терминах. Православие по традиции предпочитает выражать его в терминах сакраментальных и пророческих. Возвращение Второго Ватиканского Собора к экклесиологии общения и «диалогу любви», завязавшемуся между православными и католиками благодаря инициативе патриарха, движется постепенно к решению того парадокса, что обе Церкви признают друг друга единой Церковью, но при этом не могут составить единственной Церкви. Здесь «диалог любви» полон богословской значимости. Он стремится противопоставление обратить в разнообразие. Не отрицая при этом Римского первенства, но помещая его в Церкви в лоно или, скорее, в центр экклесиологии общения.

Павел VI был избран в тот момент, когда Православие отмечало тысячелетие афонского монашества. Патриарх через митрополита Максима Сардского послал свои пожелания новому папе. 20 сентября в ответном письме Павел VI уверил своего корреспондента в том, что «его пожелания нашли глубокий отзвук в (его) сердце», вернувшись к павловской формуле Писания, столь близкой патриарху: «Предоставив прошлое милосердию Божию, послушаем апостольский совет: «Заднее забывая и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания во Христе Иисусе». Этой почестью наделены мы благодаря Евангелию спасения, благодаря одному и тому же священству, совершению Евхаристии, единственной жертвы единственного Господа Церкви». Таким образом энергичным образом подчеркивалась подлинность обеих Церквей.

«И мы также, – отвечал 23 ноября патриарх, – призванные Господом к дружеским отношениям друг с другом, как и подобает членам этого святого Тела, которое есть Церковь, и имея лишь одного Господа и Спасителя, Коего мы члены и благодаря Которому мы общаемся в таинствах, полагаем, что не можем принести друг другу ничего более драгоценного, чем бескровную жертву в общении любви, которая, по Апостолу, «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (I Кор 13.6), общении, сложившемся некогда в узах мира между нашими святыми Церквями, и которое обновляется ныне благодатью Господа, «в похвалу славы Его» (Еф. 1.14). Служители Христовы, домостроители тайн Божиих в наших святых Церквях (I Кор 4.1), посмотрим с высоты любви сокрушенным сердцем и простым оком на волю Божию и предадим сами себя и друг друга и всю жизнь нашу служению Ему, дабы обрести благодать и дабы сошло на лице земли Царство Божие...» Этот прекрасный текст вдохновлен литургическим славословием, с павловских цитат и до заключительной формулы, которой завершается дьяконская ектенья в византийском обряде: «Сами себя и друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу предадим».

В таинстве Евхаристии есть два аспекта: дар Божий и благодарное приятие его людьми. Именно на эту благодарность указывает и греческое слово «евхаристия» (в современном греческом *eucharisto* значит: спасибо). Жест патриарха может быть назван «евхаристическим» именно в этом точном и конкретном смысле. Христиане и прежде всего те, кто стоит во главе двух великих Церквей, черпающие из полноты таинств, должны приобрести общее «евхаристическое» сознание в этой «бескровной жертве, приносимой в общении любви», которое позволит им однажды совместно

воспринять дар Божий. Когда любовь, оплодотворив богословский диалог в собственном смысле, сделает возможным общую «евхаристию понимания», потому что за чтением символа веры следует тотчас же лобзание мира...

После веков молчания, веков полемики это письмо вновь вернулось к традиции братских писем – посланий глав Церквей. Характерно, что эта переписка между папой и патриархом была опубликована в официальном органе Фанара *Apostolos Andréas* под названием «Две сестры...»

Два основных догмата, служащих ключом к православной антропологии на основе эkkлeзиoлoгии – это догмат о богочеловечности Христа и догмат о Троице.

По учению апостола Павла, развитому и уточненному Отцами и византийской мыслью, дело Христа состоит в подлинном и потенциальном сотворении человека заново вместе с космосом, составляющим тело его благодаря единству человечества с Богом. Во Христе совершенное единство человеческой и божественной природы вызывает их взаимопроникновение в плане энергий: жизнь Божия, Дух Божий, Который есть Сам Бог, по воле Своей делается нам доступным, пронизывает человеческого Христа, т.е. все человечество во Христе, озаряя и преображая его как огонь переплавляет железо. «Ибо в Нем (Христе) обитает вся полнота Божества телесно» (Кол 2.9). С Вознесения прославленное тело Господа, Тело, сотканное из нашей плоти и плоти всей земли, пребывает в недрах самой Пресвятой Троицы. Вместе с Пятидесятницей – событием, которое завершается лишь со Вторым Пришествием Христовым, – это богочеловечество, это «духоносное» Тело, которое уже является прославлением творения, приходит к нам в таинствах Церкви – Церкви как таинства Христа, таинства Царства. Дух Святой, призываемый не только на Святые Дары, но и на все собрание верных, «включает» нас в это «тело Божие» (св. Григорий Палама).

Однако энергия Божия, сообщаемая нам Духом во Христе, есть не что иное, как тринитарная жизнь. Для Православия догмат о Троице составляет основу антропологии, потому что человек запечатлен образом Божиим и призван к «подобию» в причастности Ему. Речь не идет о том, чтобы объяснить Троицу, – это

есть изначальная, нераспечатанная тайна, которая одна может все осветить собою. То, что наши философы называют личностью, – это всегда лишь индивид или в лучшем случае некто, чье существование нельзя свести к научным и концептуальным редукциям. Было бы лучше в связи с Троицей и антропологией, ею проясняемой, предположить, что мы не знаем и не можем узнать без откровения, что такое личность, и потому только троичный догмат обозначает личность как сверхрациональное совпадение абсолютно-го единства и абсолютного разнообразия. Троичность порождает не изоляцию, не противопоставление и дурную множественность, но полноту разнообразия в тождестве. «Диада превзойдена..., и триада утверждает себя в полноте», – писал святой Григорий Богослов. В самом Боге открывается тайна другого, и в глубине вечности Отец всегда существует вместе с Сыном, но при этом преодоление их двоичности осуществляется в Духе Святом, Который исходит от Одного и почитает на Другом.

В Духе Троица в Единице выходит за границы математики, она означает завершение личностного существования в тождестве равночестных Лиц. Индивид разделяет природу, коей является представителем. Он есть следствие ее греховной атомизации. В Троице нет ничего подобного, каждая ипостась в Ней воспринимает единую сущность, символический характер которой обозначен в негативном богословии с помощью приставки *hyper-(hyperousia)*, сверхсущность). Троица таким образом указывает на несказанное единство и неисчерпаемое содержание ипостасей, которые, по выражению святого Иоанна Дамаскина, «едины не ради смешения, но ради взаимного наполнения друг друга». Индивиды стремятся к тому, чтобы стать подобными и враждебными, личности же бесконечно раз-

личны и бесконечно едины. Каждая существует, лишь отдавая себя другой, но и этой сущностью личность не обладает, точнее, обладает лишь в меру своей любви; так Отец, единственный источник Божественного начала, разделяет его всецело и вечно с Сыном и Духом без малейшей субординации; в ином случае Он не был бы Отцом.

Тройческое откровение превосходит все ущербные отношения нашего падшего удела. Дух восполняет ипостасное существование как различие, которое не противопоставляет, но полагает Себя, полагая других. В Духе мы открываем отношение между Отцом и Сыном, которое никоим образом не укладывается в отношения психоаналитического, эдиповского, равно как гегельянско-марксистского толка, т.е. отношения господина и раба, и составляет одно для другого единственную возможность исцеления. Однако богочеловеческое двуединство, восстановленное во Христе, позволяет Духу создать из тройческого едино-многообразия саму структуру человечества, возрождающегося из зерна таинств.

Таким образом наше причастие «духовному телу» Христа, лику Отца и Помазаннику Духа открывает нам доступ к самой реальности Троицы. В Церкви Троица уже недалеко от нас, ибо сама антропология становится тринитарной. Христианская духовность – это духовность личности, кому-то сопричастной; она противоположна как западному индивидуализму, так и восточной «уединенности» в себе самом, которую столько людей на Западе, жаждущих выхода за пределы этого мира, ищут сегодня в наркотиках. (В опыте с мескалином, как его описывали Хаксли и Мишо, блаженство требует полного одиночества, все чужеродное вызывает невыносимую боль). В духе, в энергии обожения,

мы можем говорить (и жить) «по образу»: подобно тому, как есть единственный Бог в «трех» ипостасях, существует и единственный человек во множестве ипостасей. Исходя из этого «подобия» может быть изложена вся история, и в этом ключе мыслили о ней Отцы. Сам Бог сделался человеком, чтобы собрать разрозненные члены первого Адама.

Воплощение «воспроизвело» человеческое единство, так что человечество с этих пор представляет собой не что иное, как Тело Христово, и Церковь есть то историческое и духовное пристанище, где это обновленное человечество осмысливает свое бытие и свое призвание, где люди открывают и исповедуют то, что они – члены одного тела. Двойная единосущность Христа – Отцу и нам – делает нас единосущными друг другу (и потому призванными стать Им, по новозаветному выражению). Мы читаем у святого Афанасия Александрийского в его медитациях о Троице: «Мы суть целостные части друг друга, потому что мы все тождественны один другому и всем вместе» («Второе послание к Серапиону»). Святой Григорий Нисский, указывая на единичность личности, утверждает, «что во всех людях пребывает один человек, и что Адам живет в нас». В наше время о. Сергей Булгаков говорил о «всечеловечности каждого человека» (*Невеста Агнца*), и о. Павел Флоренский настаивает на онтологическом характере, а не просто метафорическом или моральном, этой человеческой тождественности. Именно в этом автор *Столпа и Утверждения Истины* видит основное различие между метафизической установкой западной и православной мысли. Западная мысль, говорит он, это философия понятия, то есть философия овеществляющая, которая не может превзойти закона тождества, это мысль «омиусианская» (как известно, для смягченного арианства Хрис-

тос был *homoiousios* Отцу, подобен, но не тождествен), которая в лучшем случае утверждает психологическое подобие и моральное подобие между людьми. «Напротив, христианская философия, т.е. философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига, опирается еще раз на возможность преодоления закона тождества и может быть охарактеризована как философия «омоусианская»¹, где речь идет не о подобии, но о тождестве.

Это тождество по тринитарной аналогии неотделимо от разнообразия. Во Христе мы составляем одно тело, но Христос есть также лицо, целиком обращенное ко всякому человеческому лицу, и эта встреча пробуждает каждого к его личностному призванию. Иисус существует в нас в той мере, в какой мы именуем Его. Мария узнает Воскресшего тогда, когда Он зовет ее. Во Христе мы «единокровны», но евхаристическая Кровь неотделима от Огня, и она открывает нам Пятидесятницу, когда пламенные языки Духа разделяются, чтобы снизойти на каждого христианина в отдельности, озарив неразложимую и сокровенную суть его личности. Но эти языки нисходят на собрание, на всех христиан, они увенчивают их общение и сопричастность друг другу.

И потому единство Церкви есть единство человеческой природы, восстановленной во Христе, освобожденной Им от ее греховного расчленения. Он создал «в Себе Самом одного нового человека... и в одном теле» (Еф 2.15-16), «целостного Христа в голове и в теле» (блаженный Августин). «Между телом и главою нет места и для малейшего промежутка, ибо всякий промежуток привел бы нас к смерти» (святой Иоанн Златоуст). «Все воспринимают единственную природу, которую невозможно разрушить..., все находят,

так сказать, основу друг в друге» (святой Максим Исповедник). Церковь есть Тело Христово, и, как известно, этот термин Тело – *Soma* – у апостола Павла имеет евхаристическое основание. Единство предлагается всем, оно охватывает нас в Евхаристии, созидающей Церковь таинством Царства. Евхаристия – это акт, коим вечно осуществляется Церковь как Тело Христово, акт, коим Бог собирает нас в Теле Христовом (Николай Афанасьев). Тогда верующие становятся «причастниками Христу» (Евр 3.14), они «переплавлены в одно тело во Христе, питаясь одной плотью» (святой Кирилл Александрийский). «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (I Кор 10.17).

Таким образом, православная экклезиология – это прежде всего экклезиология причастия, она выражает причастие «Святым Дарам», т.е. «единому святому» Иисусу Христу, чье присутствие в таинствах даруется нам Духом Святым. Евхаристия составляет сердце Церкви, ее центр пасхальный и вместе с тем эсхатологический (воскресенье, день евхаристический прежде всего, символизирует Пасху и одновременно День Восьмой, тот День, когда все время без остатка перейдет в вечность). Епископ (или священник, который его представляет) возглавляет евхаристическое собрание, являя собой образ Господа, он несет апостольское свидетельство о верности Божией, ибо для «таинства нет никакого различия между временами Апостолов и временем Церкви» (Оскар Кульман). Отсюда проясняется и пастырский аспект священнического служения и его харизма истины, ибо проповедание Слова неотделимо от преподания Таинств, от Евхаристии. Так догмат, который есть евхаристия разума, означает сакраментальное присутствие, и только сердцу разумеющему, насыщенному кровью Евха-

ристии, доступно постижение догмата. Авторитет – или скорее жертвенное служение иерархии – это не власть над Церковью, но выражение в Теле Христовом и ради него служения любви единственного Главы, Христа, единственного «Первосвященника» Нового Завета.

Власть епископа может проявиться лишь в общине или во имя общины, которую он возглавляет и создает телом евхаристическим. Эти почти супружеские узы, связующие епископа с его народом, – «епископ в Церкви и Церковь в епископе» (святой Киприан, письмо 69) – проявлялись в древней Церкви в избрании – не в смысле голосования, как оно понимается в наше время, но как неудержимый порыв, как всеобщий энтузиазм, обращенный к выявлению «достойнейшего». Такой тип избрания сохраняется и по сей день в своеобразной форме и в некоторых православных Церквях, в частности на Кипре и в Антиохийском патриархате. Московский Собор 1917-1918 годов принял его и для Русской Церкви и отчасти для русского рассеяния в Западной Европе и в Северной Америке. В 1961 году Первая Всеправославная Конференция на Родосе заявила, что она желает «возвращения к преданию в том, что касается избрания епископов».

В силу этой «евхаристической экклезиологии», самоочевидной в доникейской Церкви и ставшей предметом интенсивных поисков в наше время, поместная Церковь не является каким-то куском, частью вселенской Церкви, она несет в своей полноте единую Церковь, Церковь Божию, находящуюся в Коринфе или в Риме, как писал апостол Павел.

Однако поместная Церковь может проявить эту полноту лишь в меру своего общения со всеми другими поместными Церквями. Это общение Церквей в Церкви не есть уподобление, оно определяет себя не-

изменно в духе тринитарной аналогии, в понятиях единосущности и тождества. Церкви отождествляются в Теле Христовом, которое каждая из них являет собою; любая из них и все вместе они суть единая Церковь. Евхаристическая единосущность обусловлена тождеством их веры. Каждая из них ответственна за других, «принимает» их свидетельства и разделяет с ними свой опыт. Благодаря действию центров согласия и сложной иерархии соборной жизни, Церкви должны свидетельствовать о том, что они едины в вере и в жизни. Каждый епископ, находящийся в общении с другими, ответственен за всю Церковь.

То, что в православной традиции более всего соответствует понятию коллегиальности, выработанному на Втором Ватиканском Соборе, это в конкретном плане общение поместных Церквей, выражающее себя в общении их епископов. Апостольское преемство епископа запечатлено образом святого Петра; оно построено по архетипу возглавления им первоначальной Иерусалимской общины. Епископская коллегиальность или, по выражению более традиционному, сущностное и непрерываемое общение епископов, указывает на тождество поместных Церквей в единой Церкви и свидетельствует миру о Церкви вселенской.

Повторяем: евхаристическая экклезиология служит опорой для вселенскости конкретной и соборной; общение епископов выражается в проявлениях соборности, формы которой непрестанно менялись на протяжении истории: двухгодичные соборы в рамках одной митрополии, спонтанно возникшие в доникейской Церкви и канонически утвержденные на Первом Вселенском Соборе; синоды автокефальных Церквей; встречи, происходящие от случая к случаю для разрешения назревших кризисов, от вселенских Соборов

(т.е. собиравшихся в рамках империи-эйкумены первого тысячелетия) до общих или поместных Соборов, чьи решения затем «принимались» совокупностью Церквей, и современных попыток выразить православную «вселенскость» на «всеправославных совещаниях». Принятие епископатом с согласия всего народа Божия той или иной поместной инициативы или решения является наиболее частым выражением этой постоянной соборности, как циркуляции жизни во всей Церкви. Речь не идет о какой-то коллегиальной власти над Церковью, что придавало бы последней абстрактную всеобщность, управляемую чем-то вроде сената, но об общении в таинствах, выражающем собой многообразное единство Церкви.

И если единство требует отцовства, которое является не господством, но соучастием, взаимообменом «вечного движения любви» то подобно этому и соборность организуется вокруг «центров согласия», соответствующих общности судьбы. Центры эти, иерархически организованные, носят не столько национальный, сколько территориальный характер. Они, как подчеркнул Константинопольский Собор 1872 года, ни в коей мере не должны быть националистическими, ибо национализм – это псевдорелигиозное изобретение XIX века. В каждом центре согласия «первый епископ», назначенный как братьями по епископату, так и собранием духовенства и мирян, пользуется определенным первенством; его санкция необходима при епископских посвящениях, когда требуется неременное участие нескольких епископов, что выражает соборность Церкви. Цель этой системы согласия на многих уровнях заключается в сохранении и выражении единства веры и жизни поместных Церквей, которое не дает им зачахнуть в изоляции. Однако не следует забывать, что все епископы равны по благодати, и что

forma Petri, как писал святой папа Лев, присутствует во всякой поместной Церкви, и что высшая власть в Церкви принадлежит не лицам, управляющим ею (будь они даже патриархами), но соборам.

В этой соборной перспективе, которой всегда жил христианский Восток, Православию следует богословски осмыслить в наше время роль первого всеобщего епископа, очага согласия для всех Церквей и всех епископов, являющего собой «председательство в любви», венчающее всякую иерархию «председательств в любви». Для православного Предания, как мы сказали, все епископы – каждый в отдельности и все вместе – представляют собой преемников Петра, и отношение между Петром и первым епископом строится только по аналогии, как указывали византийские богословы; аналогии, которая в большей мере, чем тождество, открывает простор для общения.

Однако всякое «председательство в любви» и в особенности первое по рангу делает особый упор на символике отца, образ которого запечатлевает епископское служение. Однако образ отца в собственном смысле, связующий нас как с тайной Троицы, так и с откровением Отца в жертвенной любви Сына и созидательной любви Духа, неотделим от взаимозависимости при равном достоинстве. Наша эпоха устала от всех форм «патерналистской» власти, которая в истории христианства представляла, возможно, отход к монотеизму Ветхого Завета и явно содействовала поддержанию «эдипова комплекса», не нашедшего своего разрешения, как о том свидетельствует желание стать «взрослым», появляющееся у стольких современных мирян. Единственное отцовство – Божие и человеческое – которое могут принять современные люди, более того, которого они втайне желают – это отцов-

ство тринитарного типа, это жертвенное служение, без затхлости субординации.

Однако следует и указать, что эта тринитарная аналогия не может быть непосредственно перенесена в область проблем, касающихся первого епископа. Если Отец – это поистине *archè* (начало) Троицы, то Петр есть только *protos* (первый) среди Апостолов, и сам он относит ко Христу имя Пастыреначальника (*archipoi-men*) (I Петр 5.4). *Archè* означает по сути исток, принцип, тогда как *protos* – тот, кто исповедует за всех, икона и образ их единства, и по аналогии этот порядок должен сохраняться для первого епископа, пребывающего в общении с другими. Если католичество склонно определять церковность епископа и его общины, исходя из его общения с первым епископом, православие скорее подчиняет церковность первого епископа его общению со всеми другими в рамках единства Народа Божия. Второй Ватиканский Собор явным образом содействовал сближению в этой области католической и православной точек зрения, однако для преодоления остающихся разногласий очень важно найти общую глубину в свете опыта первого тысячелетия экклезиологии общения.

«При наступлении дня Пятидесятницы они все были единомысленно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...» (Деян 2.1-4). Так возникает Церковь *koínoia*, о которой говорил святой Иоанн. Причащение Святым Дарам служит основой общения святых. Ибо, как пишет святой Киприан, «верховное жертвоприношение для

422

Бога – это мир наш и наше братское согласие. Это весь народ, собранный в единстве Отца и Сына и Святого Духа» («Комментарий на Отче Наш»). Аналогия между братским общением и тринитарным едино-многообразием энергичным образом провозглашается и в литургии святого Иоанна Златоуста: «Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную».

Всякий член народа – *laos* – Βοῖq̃, qvlqetsq *laikos* – каким бы ни было его место в иерархии, «духоносцем». Евхаристия – это причастие одновременно и Христу и Духу Святому. «Прияхом Духа Небесного», – поет хор от лица причастников. Таинство миропомазания, соединенное с крещением, по традиции неразделенной Церкви, составляет таинство всеобщего священства. Помазание святым миром главных жизненных точек тела символизирует огненные языки Пятидесятницы. Во Христе, при помазании Духом, крещенные образуют «род избранный, царственное священство», как говорит Петр, повторяя слова Божии Моисею: «вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх 19.6). К этой теме возвращается Апокалипсис: «Ты соделал нас царями и священниками Богу нашему и мы будем царствовать на земле» (Откр 5.10). Всякий крещеный, запечатленный Духом, есть царь, священник и пророк в единстве народа Божия.

Крещение-миропомазание и Евхаристия наделяют всех членов Церкви равным священническим достоинством, при той же освящающей благодати, которая имеет решающее значение. В лоне этого равенства некоторые отбираются для установленного священства, которое Бог даровал Своей Церкви, чтобы вести ее в ее странствовании, потому что Пасха и Парусия пока еще не слились воедино. «Это различие

функционально и не производит никакого онтологического различия», – отмечает Павел Евдокимов. Народ Божий – это не миряне, противопоставленные клиру, это совокупность Тела Христова, где все – миряне и священники, и где Дух распределяет харизмы служения. Архимандрит Феодор Бухарев писал, что он поднялся к различным ступеням священства, чтобы осуществить и оживить в своем приходе благодать царственного священства. «Таков смысл моего служения, когда я преподаю таинства или проповедую слово Божие» (Ф. Бухарев, *Письмо протоиерею Валериану Лавескому*).

В процессе богослужения *аминь* заключающее молитвы, выражает соучастие. В евхаристической литургии всякий мирянин становится сослужителем, таким образом служащий и собрание молящихся образуют целостное единство.

Во-вторых, весь Народ Божий призван к сохранению Истины. «У нас, – говорится в Послании восточных патриархов 1848 года, – хранение религии возложено на все тело Церкви, т.е. на сам народ, который хочет сохранить свою веру неповрежденной. Миряне не «судьи» – *kriteis* – веры, ибо издание вероучительных определений требует специального дара, коим наделяется епископат, они ее защитники. При обучении богословию преподавателями нередко становятся миряне, это характерно для Православия. Некоторые из крупнейших православных богословов, как скажем, Николай Кавасила, Хомяков, Лосский, Евдокимов были мирянами. Служение слова соединяется с харизмой священства, но епископы порой дают мирянам возможность учить и проповедовать в Церкви, не просто в случае необходимости, но в качестве «помазанников Духа». Нам известны беседы Николая Кавасилы. В современной Греции миряне, посланные Си-

нодом с апостольской миссией, проповедуют в храмах или перед ними. В период между двумя войнами во Франции митрополит Евлогий, экзарх вселенского патриарха, дал женщине, матери Марии, разрешение произносить назидательные слова в храмах.

В высшем своем выражении исключительно личное посланничество состоит в том, что «духовный», будь он монах (но не обязательно священник) или «просто» мирянин, после долгих лет лишений, труда и безмолвной аскезы, получает непосредственно от Бога повеление идти в мир. Бог посылает его, потому что душа его стала апостольской (известно, что слово «апостол» означает «посланный»). Он обретает способность различать духов, исцелять, пророчествовать, быть настоящим духовным отцом, духовником.

Народ называет этих духовных людей «Божьи люди», «юродивые» безумцы во Христе или просто «старцы», «старики» в том смысле, что православие ассоциирует духовную старость и красоту (*kalogéros*) в очищенном собирании периодов жизни: борода и седые волосы (здесь белизна символизирует свет преображения) и глаза ребенка или подростка. Здесь подлинное христианское отцовство – которое берет на себя другого, чтобы родить для свободы – более не символ, а действительность и авторитет «Божиих людей» огромен. Это служение чисто духовное – иоаннов и павлов аспект апостольства – никогда не прекратится в Церкви, уравнивая и очищая своей пророческой силой служения, отождествляясь с ним, если возможно, но в особенности давая возможность Духу дышать, где Он хочет, так чтобы в конечном итоге не было различия Церковь учительную и учащую. (cf. Khomiakov, *L'Eglise latine et le protestantisme du point de vue de l'Eglise d'Orient*, Lausanne, 1872, p. 51).

Истина становится в нашем духе, пронизанном Духом Святым, внутренней самоочевидностью, самоочевидностью веры и любви, и она несет в себе свой собственный признак. Но ее осмысление, благодаря структурам общения, церковно. Если признак Истины не принадлежит власти, действующей *ex sese*, он также не принадлежит ни индивиду, ни сумме индивидов. «Кафолическое» сознание не индивидуально, но личностно, т.е. церковно. Оно дается не индивиду, раздробляющему человечество и в силу этого становящемуся непроницаемым для троической любви, но личности, раскрывающей в Духе Святом свою евхаристическую «единосущность» со всеми другими. Это познание «в причастии» – в общении. Освобождаясь от своей индивидуальной ограниченности, мы в каком-то смысле становимся подобными губке, впитывающей Дух, расширяя свою жизнь в единстве Тела и «теряя» ее в любви ко Христу и к братьям. Взаимная любовь христиан, таинственное согласие их душ, преодолевающее время и пространство, образует церковную икону Троицы: Богу-Троице соответствует человек-Церковь. «Церковь, – пишет Самарин, – есть живой организм, организм истины и любви, или, точнее: истина и любовь как организм» (цит. по А.С. Хомяков, Собр. соч. т. II, Предисловие, стр. XXI).

С этим утверждением согласуется удивительная мысль Хомякова о том, что любовь – это не долг, но дар Божий, наделяющий людей знанием абсолютной истины. И коль скоро это так, то лишь в силу того, что христианская истина – откровение Троицы, иными словами, личности и любви, – принесена Духом «Жизнеподателем», Который одновременно собирает и объединяет суть человека и людей между собою. Кафолическое сознание не индивидуально, и в то же время не исключительно эмоционально или интеллек-

426

туально: оно выражает целостного человека, умершего для «плоти и крови», но воскресшего в «целомудренной» полноте духа, соединенного с сердцем. Человек, включенный во Христа, а потому соединенный и с братьями, в глубине своего существа принимает огонь, расплавляющий в нем сердце каменное и делающий это сердце плотным, сердцем разумеющим, ибо оно стало «евхаристическим».

Эта открытость к Истине сердца разумеющего не является ни автоматической, ни однозначной. В истории Церкви преобладает не мнение большинства, но благодатью Духа, самое вдохновенное свидетельство, исповедание тех, кто, «живя вселенскою жизнью любви и единства, то есть жизнью Церкви» (Хомяков), открывает истину как жизнь более сильную, чем гонения и смерть. «Живые истины, – писал Киреевский, – это истины, которые сообщают огонь душе», так выражается и «патристически» передается католическое сознание.

Установление правил веры принадлежит учительной власти. Однако эта власть не может сделать ничего иного, кроме признания и сохранения в кризисной ситуации той истины, которой уже жила Церковь. Однако грех человеческий может на какое-то время затмить разум и у епископов. Только Церковь во всей своей полноте может утвердить, что их учение истинно. Конечно, всякий собор утверждает себя таковым – «угодно Святому Духу и нам» (Деян 15.28) – и принимает решения, обязательные для верных. Последние должны полагать, что учительная власть нашла правильное выражение истины. Однако их подчинение не может быть автоматическим, ибо они воспринимают лишь изъясненное выражение той истины, которую уже познали в жизни.

Вот почему согласие Церкви необходимо. В этом

нет ничего юридического, количественного и ничего общего с понятием о демократии. В исключительных обстоятельствах случалось так, и случается по сей день, что несколько человек, наделенных пророческим даром, отстаивают истину против всего или какой-то части епископата. В период иконоборческого кризиса св. Феодор Студит, преследуемый епископами и патриархом, утверждал, что при таких обстоятельствах «трое верных, единых в православной вере, составляют Церковь». В XVI и XVII веках братства мирян, невзирая на отступления епископов, спасли Православие в восточной Польше. В Православии неизблемо сохраняется вера в то, что Дух Святой не оставит своей Церкви, и пророки будут рано или поздно услышаны учительной властью. Этот *consensus* Церкви не имеет и не может иметь канонической формы. Это развивающийся в истории процесс распространения, усвоения, согласия. Иногда оно достигается быстро и единодушно. Иногда требует долгой борьбы, как было в то шестидесятилетие, которое следовало за Первым Вселенским Собором. Иногда возникают неудержимые протесты, Церковь потрясают яростные или подспудные смуты, связанные с обстоятельствами истории, и наконец собор отвергается как псевдо-собор, но это отвержение требует нового проявления учительной власти.

Таким образом «ответственный христианин», как любят теперь говорить, должен в случае серьезных разногласий требовать нового суждения со стороны учительной власти. Это суждение Церковь должна одобрить своим «аминь», аналогичным тому, которое она произносит после призывания Святого Духа. Свобода в Церкви – не право, но долг. Однако цель протеста может заключаться лишь в том, чтобы сделать общение более ясным.

ИЕРУСАЛИМ

Вторая сессия Ватиканского Собора осенью 1963 года ознаменовалась первым несмелым появлением «восточных» тем. Была попытка осмыслить юридическую сущность Церкви в перспективе тайны, точнее же, во взаимосвязи всего епископата с Римской кафедрой. Сам Павел VI, выступая перед членами курии, говорил о глубоких реформах в центральном управлении Церковью.

И вот, 4 декабря раздается удар грома: папа объявляет Собору о своем предстоящем паломничестве в Святую Землю.

Он

Сам я был потрясен этой новостью. Итак, Римский папа собирается покинуть Рим! Покинуть для того, чтобы отправиться смиренным паломником в Иерусалим, где сама земля освящена кровью Христовой, где Дух Святой снизошел на первоначальную Церковь. Где между пустым гробом и горой Вознесения столь явственно ощущается вся власть Воскресения, так что Иерусалим земной становится символом Иерусалима небесного, которого мы ожидаем...

Я

... и который мы готовим, который мы познаем уже здесь, в момент радости.

Он

Иерусалим, Мать Церквей...

Первообраз Церкви – это, несомненно, община Двенадцати, существовавшая до рассеяния апостолов. Петр пребывает среди других, первый в этом апостольском кругу, являющимся также и евхаристической общиной, общиной жизни и даже общиной имущества. Конечно, Иерусалим вскоре утратит свою исключительную роль и даже всякое первенство, как будто ради того, чтобы указать на то, что Иерусалим небесный отныне нисходит к нам в Евхаристии, там, где она совершается. Когда Павел, во исполнение пророчеств, принес в дар Иерусалимской Церкви языческие народы, она была всего лишь первой общиной среди множества окружавших ее поместных Церквей. Уход христианской общины, когда римляне овладели городом и разрушили Храм в 70 году, и упадок иудео-христианства показывают, что для христиан присутствие Божие, отныне неотделимое от сакраментальной человеческой природы Христа, будет раскрывать себя по всей земле. Восстановленная в V веке Иерусалимская Церковь становится патриархатом скромных размеров, последней в ряду «пентархии», после Рима, Константинополя, Антиохии и Александрии. Однако есть тайна географии, как есть и тайна истории. В Иерусалиме пустой гроб как бы негативно свидетельствует о том, что история не может более замыкаться на себе самой, что вечность посетила ее, оставив в ней свой огонь, который в конце концов преобразит ее. Этот огонь, говорят, сам зажигает в Пасхальную ночь свечу православного патриарха Иерусалима... Правда это или нет, в строго материальном смысле, не знаю, но каков символ! Начало и завершение Церкви – Церкви как вселенной на пути к преображению – таинственно завязываются в Иерусалиме.

Он

Вот почему паломничество туда столь важно для христиан. Оно традиционно среди православных, это главное их паломничество. В первые века паломники принесли христианскому миру литургию тех праздников, которые совершались в Иерусалиме в тех самых местах, которые упоминаются ими...

Я

Как трогательны эти восточные паломники, простые люди, крестьяне, старики, которые всю свою жизнь экономили, чтобы совершить это путешествие. Западные паломники – конечно не надо обобщать и смешивать их с туристами – это скорее интеллектуалы, занятые археологией и научными «доказательствами» Воскресения. Люди Востока не ставят вопросов, им достаточно того, что видят, к чему прикасаются. Они поклоняются святыне.

Он

Какое еще может быть отношение? Когда мы поклоняемся святыне, Дух Святой помогает нам постичь Воскресение. Поклонение и покаяние привели меня в Иерусалим в 1959 году. Большинство восточных патриархов имеет обыкновение совершать личные паломничества как бы от лица своих народов. По сути, история Церкви есть не что иное как длительное паломничество к новому Иерусалиму. И пастыри, когда они поклоняются в Иерусалиме, свидетельствуют о том, что Христос – единственный Пастырь. Патриарх Московский Алексей дважды побывал в Иерусалиме...

Я

Я вспоминаю о необычной фотографии, которую я видел в одной белградской церкви в начале 60^х годов. На ней изображен патриарх Сербской Церкви, несущий тяжелый крест во время своего паломничества на Святую Землю.

Он

Идти шаг за шагом по пути Христа, всем существом понять Его страдания, то есть Его любовь, броситься к Его ногам в порыве покаяния и благодарности, поверьте мне, все это осуществил Павел VI во время своего паломничества. И вы поймете мое потрясение 4 декабря 1963 года: Католическая Церковь, сосредоточившись на Иерусалиме, не только оказывается в паломничестве, но целиком переносится в тайну Христову. Все приходит в движение, дышит свободой. Папа более не одинок, он может найти себе спутников.

Тогда, двумя днями позднее, я предложил, всем главам Церквей Востока и Запада, в связи с путешествием Павла VI, встретиться в святом граде Сиона...

Это было в церкви св. Николая Чудотворца, куда я отправился в связи с праздником этого святого... Я объявил народу о паломничестве папы. Я сказал, что это решение было внушено Богом. И предложил, чтобы все предстоятели христианских Церквей направились бы в Иерусалим, не для того чтобы спорить, но для того чтобы молиться, «дабы испросить в усердной общей молитве... на коленях – со слезами на глазах и в духе единства, на Голгофе, которая была орошена святейшей кровью Христовой и перед Его гробом, откуда воссияло примирение и покаяние, – чтобы открылся, для славы святого Имени Христова и для бла-

432

га всего человечества, путь к восстановлению полного христианского единства согласно святой воле Господней».

Может быть, чудо могло бы и произойти. Нужно всегда рассчитывать на чудо.

Но вскоре, после нескольких телеграмм из Ватикана, выяснилось, что подобный проект в данный момент неосуществим. В Риме люди, считавшие себя хорошо осведомленными, говорили, что любая встреча невозможна. Однако 10 декабря кардинал Беа послал ко мне отца Дюпре: папа соглашался на нашу встречу в Иерусалиме...

Я

Оставили вы тогда идею всехристианского собрания в духе Послания 1920 года?

Он

Нисколько. Но сначала нужно было, чтобы встретились те, кто стоит ближе друг к другу, и чье разделение вызвало другие расколы. Их сближение явилось бы благом для всех. Впрочем, когда митрополит Фиатирский отправился в Рим в последних числах декабря, чтобы уточнить протокольные моменты нашей встречи, я попросил его предложить папе выступить в будущем с инициативой созыва Всехристианской Конференции, с согласия других патриархов и предстоятелей Церквей...

«Кажется, – сказал папе митрополит, прибегая к образу, навеянному Афинагором I, – вы призваны, чтобы подняться на ту же самую гору, на гору Господню. Ваше Святейшество поднимется с одной сторо-

ны, а вселенский патриарх – с другой. Те, кому понятен смысл этого отважного начинания, молят Бога о том, чтобы вы встретились на вершине, на земле, освященной нашим общим Искупителем, возле Креста, возле пустого гроба, и чтобы оттуда вы шли уже вместе, пытаясь под Крестом восстановить разрушенные мосты... Может быть, Вашему Святейшеству как первому епископу Церкви, с согласия патриархов и предстоятелей других Церквей Востока и Запада, предназначено созвать представителей христианских Церквей на Всехристианскую Конференцию...».

Несколько митрополитов и архиепископов сопровождали патриарха: четыре митрополита из его Синода, митрополиты Крита и Родоса (присоединенные к Греции в более позднее время, они остались в юрисдикции Константинополя) и три экзарха греческих Церквей Америки, Англии и Австралии. Ибо первоиерарх тесно связан со своим епископатом.

В воскресенье вечером, 5 января, папа принимает патриарха в Апостолической Делегации. На пороге они обнимают друг друга.

«Мы обнялись один раз, другой раз, а затем еще и еще. Как два брата, которые встречаются после долгой разлуки».

Затем короткая беседа с глазу-на-глаз. Предусмотренные десять минут длятся полчаса. Затем вводятся обе делегации. На греческом и на латинском языке читается семнадцатая глава Евангелия от Иоанна, затем совместное чтение Молитвы Господней. Папа дарит патриарху чашу. Патриарх произносит короткую речь:

«Находясь по благодати Божией на этой земле, освященной стопами Господа, мы прославляем Бога, святую Троицу, за то что Запад и Восток приведены сю-

да и призваны... встретиться во Имя святое Его... Мы желаем от всего сердца..., чтобы эта благословенная встреча, это объятие душ, стали прелюдией к нашему взаимному общению и к более полному подчинению святой воле Божией... как бы в ответ на требования нынешней эпохи.

«Уже века христианский мир живет в ночи разделения. Глаза его устали от мрака. Может быть, эта встреча станет рассветом сияющего и благословенного дня, когда будущие поколения, причащаясь из одной чаши святого Тела и честной Крови Христовой, восхвалят и прославят в любви, мире и единстве Единого Господа и Спасителя мира.

«Святейший брат во Христе, соединяясь друг с другом, мы вместе обретаем Господа. Последуем же святым путем, открывающимся перед нами. Он сам достигнет нас на этом пути, как нагнал Он когда-то двух Своих учеников, шедших в Эммаус, и укажет нам путь, коим подобает нам идти, ускорив стопы наши к цели, к которой мы стремимся...»

В понедельник 6 января, в день Богоявления, после возвращения из Вифлеема, Павел VI наносит ответный визит Афинагору, этим жестом порывая с традиционным римским протоколом. Это происходит около десяти часов утра в православном патриархате Иерусалима на Елеонской горе. Зимний свет прозрачен и чист в саду из сосен и пальм. Папа отвечает на слова, произнесенные накануне патриархом:

«... Древнее христианское предание всегда усматривало «центр мира» в том месте, где был воздвигнут славный крест нашего Спасителя и где, «вознесенный от земли, Он всех привлекает к Себе». Промыслу Божию было угодно, чтобы в этом навеки благословенном и освященном месте паломники Рима и Константинополя могли встретиться и соединиться в общей

молитве...». Каковы бы ни были трудности, «не служит ли добрым предзнаменованием уже то, что эта встреча происходит на той земле, где Христос основал Свою Церковь и пролил Свою кровь ради нее?» Разногласия должны быть изучены в свое время, в духе «верности истине и взаимопонимания в любви». Отныне должна возрасти любовь. И потому папа не прощается, но говорит «до свиданья», надеясь на новые и плодотворные встречи *во имя Господне*.

Патриарх дарит папе свой епископский *енколпий* – нагрудный медальон с изображением Матери Божией «Всесвятой» – *Панагии*. Павел VI надевает на себя панагию при помощи Афинагора I. В то время как православные участники собрания восклицают, как при епископской хиротонии: *Axios! Axios!* (Достоин! Достоин!) – традиционная формула избрания народом Божиим.

На сей раз оба первоиерарха сами читают Первосвященническую молитву, перемежая стих по-гречески и стих по-латыни:

– *Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но, чтобы сохранил их от зла...*

– *Освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина.*

– *Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их.*

– *Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино – да уверует мир, что Ты послал Меня (Ин 17.15-21)...*

В конце молитвы *Отче Наш* православные останавливаются на латинский манер в ожидании *Ател*. Но Павел VI и сопровождающие его католики оканчивают молитву согласно восточному обычаю: «Яко Твое

есть Царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, *аминь*», – призыванием св. Троицы, царствующей в сиянии Своих энергий.

Наконец Павел VI и Афинагор I вместе преподают последнее благословение и еще раз обмениваются лобзанием мира.

В тот же день произошла еще одна непредвиденная встреча на улицах Иерусалима, она дала этим двум людям еще одну возможность поговорить в течение десяти минут...

В совместной декларации выражается благодарность за все происшедшее. «Два паломника, взирая на Христа, созидającego вместе с Отцом единство и мир, молят Бога, чтобы эта встреча стала знамением и началом грядущих событий во славу Божию и для просвещения народа верных...».

Перед своим путешествием в Святую Землю патриарх провел консультации со всеми православными Церквями. Все они, за исключением Церкви Элладской, отказавшейся принять какую-либо позицию, одобрили его инициативу. Патриарх Московский добавил, что он присоединился бы к паломничеству, если бы ему позволили возраст и здоровье. Однако он подчеркнул, что речь идет в данном случае о личном шаге Афинагора I, но не о «диалоге на началах равенства» между всей католической Церковью и полнотой Православия.

Патриарх Иерусалимский Венедикт проявил вначале сдержанность, затем попытался разубедить Вселенского патриарха, а затем заявил устами одного из своих епископов, что «общая молитва» Павла VI и Афинагора I «была бы невозможна и немыслима», ибо «каноническое право и положение одного из соборов фор-

мально противоречит этому... Идея, разумеется, прекрасная, но время для нее, видимо, еще не созрело». (Заявление Архиепископа Иорданского Василия, от имени Иерусалимского патриархата).

Иерусалим – это место, где более всего раздирается Тело Христово. Главные святилища – начиная со Святого Гроба – тщательным образом распределены между греками, латинянами и армянами, которые беспрестанно грызутся из-за свечей, перегородок, переходов. Встреча папы и Вселенского патриарха могла бы нарушить все правила игры.

Патриарх Венедикт получил необходимые заверения. Общего богослужения не будет и ему как правящему патриарху принадлежит право принять папу в Иерусалиме. Патриарх Афинагор, который должен был прибыть 3 января, отсрочил приезд на сорок восемь часов. Таким образом, 4 января Павел VI смог принять патриарха Иерусалимского первым из представителей Православия, затем в свою очередь нанести ему ответный визит. Эти встречи, начиная с первого вечера, покорили или по крайней мере разоружили патриарха Венедикта...

Для Афинагора I самой мучительной была реакция со стороны Элладской Церкви. Когда стало известно о предстоящей встрече в Иерусалиме, Синод разделился и отказался вынести свое решение, тогда как архиепископ Афинский, более непримиримый, чем когда-либо, потребовал у священников «разъяснить верующим истинные цели папизма». От монастыря Петраки в Афинах, до монастыря Лонговарда на Паросе, монахи и верующие молились о провале встречи. «Паписты хотят подкопаться под Православие при посредничестве униатов», – заявил игумен Петраки. Тягостное бремя того, что патриарх называет «дурным прошлым».

Как ни странно, но следы этого прошлого проскользнули и в некоторые выступления Павла VI, как будто некоторые ментальные установки латинской традиции, вопреки всему совершившемуся, время от времени брали реванш. В своей речи, произнесенной 6 января в Вифлееме, папа вернулся к проблематике «возвращения»: «... Дверь овчарни открыта... Места хватит для всех... Мы с любовью ожидаем, что этот шаг будет сделан... Мы ожидаем этого блаженного часа». И папа добавил, как бы позабыв, что накануне он вместе с патриархом читал *Отче Наш* и будет вновь читать через несколько часов, что «молитва с разделенными братьями... пока не является общей, но может быть, по крайней мере, одновременной». Вероятно, эти тексты, подготовленные до поездки, также несли на себе бремя прошлого. Следует признать, что один патриарх Афинагор и в слове и в деле остался на уровне события.

Прежде всего, это событие несло в себе освобождение от векового отчуждения и самодовольства. Встреча, превосходя всякую «установку», произошла ни «на Востоке», ни «на Западе» в историческом смысле этих слов, но в символическом центре, связанном с Воскресением Господним и Его возвращением. Встретились два паломника в обнажении, очищающем сердца, у подножия Креста, где сам Бог пострадал и принял смерть во плоти. Здесь слезы наворачиваются на глаза, в них растворяется окаменелость истории и обновляются коренные воды крещения, свободно открытые Духу.

Папа и патриарх, и все свидетели их встречи, почувствовали, несмотря на недомолвки и предрассудки,

всю значимость этого события. Они почувствовали, что Бог творит Свою правду, что Он движет людьми, что возрождается «народ Божий», следуя местной библейской традиции. Когда папа и патриарх обнялись, ощущение присутствия и прозрачности передалось всем, почувствовавшим атмосферу Пятидесятницы.

Эта первая встреча оставила след чего-то безвозмездного. Дело было не в споре: два живых человека, несущих дух своих Церквей, соединились в общей молитве, отложив всякую богословскую спекуляцию и показную шумиху. По точной интуиции патриарха все обратилось в жесты, символы, служение.

Общая тайна, которой живут две Церкви, проявилась в братстве, исполнившем и превзошедшем то «равенство», которого требовала Вторая Конференция на Родосе. Папа и патриарх молились вместе и читали *Отче наш*, молитву покаяния и прощения – «и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим», молитву евхаристическую, которая просит о «насушном хлебе», молитву эсхатологическую – «да приидет Царствие Твое», молитву братства – общему Отцу «нашему», молитву служения всем нашим существом, а если надо, то и мученичеством – «да святится Имя Твое». Евхаристическая тема то и дело всплывала в их общении: тайна единства при сохраняющихся различиях, мешающая пока их соединению в таинстве. Папа подарил патриарху золотую чашу для совершения Евхаристии, а патриарх открыто заявил журналистам, что всем сердцем хотел бы увидеть тот день, когда он сможет смешать в этой чаше вино и воду вместе с епископом Римским. Неделей позднее он прислал Павлу VI для его личного служения три сосуда с вином из Патмоса. Папа поблагодарил за этот жест, который «символизирует неизменность единой

жертвы Христовой и соучастие в едином священстве и в едином таинстве».

Братское лобзание, коим обменялись папа с патриархом и имеющее такое значение в «экзистенциальном языке» патриарха, символизировало общение, которое следовало установить прежде всего в любви. «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом своим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф 5.23-24). И папа с патриархом часто обращались к этому тексту. Однако лобзание мира имеет и другие приложения чисто богословского характера. В восточном обряде оно происходит после «литургии слова», когда начинается «литургия таинства». Им обмениваются только сослужащие, однако в древней Церкви все давали целование друг другу, как это происходит в наше время только в пасхальную ночь. И в момент целования священник провозглашает: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» и народ, (или хор, который его представляет) отвечает: «Отца и Сына и Святого Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную». Так община, скрепленная взаимной любовью, становится в каком-то смысле иконой Троицыного Бога, иконой Бога Живого, Который есть любовь. Тогда эта община может исповедовать истину, – не как систему, но как откровение троической жизни, которая даруется в хлебе и вине, ставшими Телом и Кровью Воскресшего.

Лобзание мира в православной традиции не чисто аффективный жест, ибо в нем выражает себя литургическое богословие. Это жест сердца, которое в исихастском понимании есть орган целостного познания. Лобзание мира, коим обменялись в Иерусалиме, включает в себе глубокий смысл: оно служит конкрет-

нейшим выражением тайны св. Троицы, которая облекает нас и позволяет любить. Одновременно оно свидетельствует о богословии соборности. И все разгадывается в Первосвященнической молитве Христовой, совместно прочитанной папой и патриархом. Для православного она имеет не только экуменическую, но и чисто еkkлeзиoлoгичeскую значимость. Тринитарная любовь, переданная Христом человечеству, непрестанно созидает Церковь, которая воспринимает ее в молитве, сливающейся с молитвой ее Основателя. Дух не назван, однако в словах «Я в них и Ты во Мне» можно сказать, что предлог «в» указывает на присутствие и действие Утешителя, ипостаси любви и жизни, заключенной в сокровенной сопряженности одной Личности с Другой... Какая сильная радость для патриарха, представляющего Церковь, традиция которой золотой и кровавой нитью вьется вокруг Иоаннова свидетельства: прочитать этот текст вместе с представителем Церкви-сестры, наделенной харизмой Петра. По видению молодого Афинагора, лодка Иоанна и лодка Петра приходят на помощь друг другу.

Евангелие от Иоанна раскрывает нам церковную тайну, согласно которой Дух осуществляет таинственное присутствие Воскресшего, а оно, в свою очередь, становится источником жизни в Духе Святом. Преодолевая западные противопоставления, само таинство порождает Дух пророчества и свободы. Таким образом Петр входит в полноту Двенадцати. И если он их видимое средоточие, не является ли Иоанн их таинственной серединой? Будучи носителем их слова, не может ли Иоанн стать носителем Духа, «великим духоносцем»? Таким образом Папа, не говоря о проблемах, возникающих из современного выражения примата, снова входит в полноту сопричастия. Возглас *Аксиос*, подтверждающий избрание народа Божия,

442

при возложении панагии, подаренной Патриархом, является как бы новой инвеститурой, через вселенскую духовность тех дней, когда на время, чудесным образом, обновляется братство Церкви Двенадцати. Тогда мир, осуществляемый в любви, может быть передан, и Папа с Патриархом единым жестом преподают благословение.

Конечно, только временно. Но семя посеяно и будет возрастать согласно своим ритмам, в Духе терпения и молчания. Доверие заменило страх и презрение. Впредь каждый будет действовать как бы в присутствии другого. В начале сентября 1963 года, когда о. Андрей Скрима, в качестве представителя Патриарха, приехал в Венецию на конгресс изучения Афона, Павел VI поручил ему передать Афинагору I медаль своей коронации с личным изображением. Патриарх сохранил эту медаль и показал ее Папе в Иерусалиме, сказав: «Вы всегда со мной».

Он

После стольких веков мы были снова вместе со слезами на глазах, одни перед тем же Богом, тем же Христом, той же Девой Марией и теми же мучениками, в необъяснимом обоюдном доверии. Это была встреча двух братьев. Папа – человек большого сердца, почти болезненной доброй воли. Он внушает глубокую симпатию.

Я верю в искренность Павла VI, в его желание единства. Я люблю его, ценю, восхищаюсь им. Он это знает.

В нем есть что-то напряженное, волевое и патетическое одновременно. Позднее, когда мы познакоми-

лись поближе, я сказал ему: «Мне говорят, что вы мало спите, едва прикасаетесь к еде и постоянно работаете, так что у вас даже нет времени пройтись по саду. Я старый человек, позвольте мне дать вам совет: вам нужно побольше спать, побольше есть, поменьше работать, иногда гулять по саду и несмотря ни на что улыбаться...».

Но папа прежде всего одинок. Мы все нуждаемся в братьях. Поэтому я хотел бы, чтобы он принял меня как брата, пусть и убогого, последнего среди всех остальных, но все же брата.

Я

После паломничества в Иерусалим, вы заказали икону встречи, изображающую объятие апостолов Петра и Андрея.

Он

Да. Святой Андрей – покровитель Константинопольской Церкви, может быть, ее основатель. Но прежде всего: Петр и Андрей были братьями! Андрей был «первозванным», ибо это он позвал своего брата. И рассказывает об этом Иоанн!

«Одним из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит «Христос». И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит «камень» (Петр)». (Ин I,40-42).

Описания и фотографии паломничества Павла VI и Афинагора I в Святую Землю затопили средства массовой информации. Многочисленные иллюстрированные журналы и телевидение донесли облик патриарха до самых скромных домов. Символическое объятие было распространено – благодаря фотографиям, порой уподобляемым иконам – по всем континентам. Патриарх инстинктивно включился в культуру массовой информации, в которой преобладают образы и символы и о которой говорит Мак Лухан. Ажиотаж, поднятый журналистами вокруг путешествия папы, невольно придал некоторым жестам, требовавшим уединения и тайны – в особенности в момент молитвы – двусмысленность подготовленной постановки. Однако журналисты, которые имеют особое чутье и на хорошее и на дурное, подсознательно с особой силой, выделили встречу в Иерусалиме, потому что они ощутили власть некоторых образов.

Во-первых, многие западные католики обнаружили, что латинская Церковь не единственная на свете с сакраментальным пониманием слова Церковь. До сих пор, в силу обманчивого опыта экуменизма, другой христианин для них был неизменно протестантом: брат не только во Христе, но и западный брат, обладающий тем же культурным багажом для укоренения веры в Библии, но не уделяющий большого внимания сакраментальному аспекту Церкви, представляющемуся естественной монополией Римской Церкви. И вот внезапно появляются иные Церкви, обладающие тем же наследием, Церкви, занимающие многие апостольские кафедры, имеющие о себе больше свидетельств в Писании, чем кафедра Римская. Есть даже Иерусалимский патриархат! А то, что Рим – мать Церквей – только относительная истина. Иерусалим-

ские образы паломничества послужили введением в плюрализм для христианского народа Запада, откровением того, что самая глубокая тайна Церкви может выражаться в многообразии.

Вообще, говоря языком Юнга, эти образы пробудили впечатляющие архетипы в коллективном подсознании Запада. Не только у верующих, но и у равнодушных и особенно у маловерующих, которых теперь так много. Особенно провиденциально сочетались два архетипа: «центр мира» и «старый мудрец».

Традиционные космологии человечества, которые всегда символичны, образуются вокруг «центра» или «оси», представляющих присутствие или действие трансцендентного в существовании мира. В конечном итоге это лишь «сердце» человека, но чтобы вполне осознать этот «центральный очаг (выражение принадлежит Юнгу), человеку необходимо символически вписать его в пространстве: солнце в природе, очаг в доме, алтарь в храме – места, отмеченные особым проявлением божественного. Паломничество в «центр мира» соединяется таким образом с внутренним паломничеством к «сердцу», где возникает то же присутствие. Если мы вернемся к проблематике Юнга, но с обратной стороны, человеческое «Я» возникает из подсознания, соединяя и умиротворяя все в человеке, ибо он «образ Божий».

Библейское откровение, и особенно христианство сделали относительным пространственный и безличный символ «центра», заменяя его личностными историческими темами Слова и Лица. Во Христе Бог становится лицом, а в Духе Он открывает нам загадку лиц... Однако христианство не отказывается от архаичных подходов к тайне: оно включает их в личное сообщество, содержание которого они определяют. Времена рациональности окончательно освободили

личность от сети символов и мифов, которые пытались растворить ее в глубине священного космоса.

Отныне, несмотря на множество отступлений, не космос служит проводником тайны, но личность – личность Бога, ставшего человеком, и личность человека, который в Духе становится Богом. Но человек – не только владыка над всем существующим, он должен быть также его священником, способным различать таинственную сущность вещей, дабы приносить ее Богу и наполнять ее Богом. В его желании сделаться царем, не будучи священником, овладеть миром, не принося его Богу, заключается искушение христианской эпохи: человек превращает землю в пустыню и открывает пустыни на луне. Но отсутствие вызывает к Присутствию. Чтобы открыть всеприсутствие Воскресшего и космос как «неопалимую купину», христианство должно «воспроизвести» в себе старые символы. Тогда Иерусалим соединит в себе, для последних свершений, мессианское устремление и «пространственный» архетип «центра мира».

Иерусалим занимает центральное место в уповании авраамовых религий. Он вновь становится центром в работе по собиранию и преобразению христианства, которая придает такое значение Духу Святому.

Иудеи называют его «матерью» и «градом Божиим», где «Господь в переписи народов напишет: «такой-то родился там» (Пс 86). Мусульмане, когда наступит Конец, повернутся не к Мекке, но к Иерусалиму. Он станет для них городом последней эгиры, когда страницы Корана побелеют, и Иисус явится вновь. В Иерусалиме сталкиваются мятежный Израиль и покоренный Измаил. Один требует от Бога правды на земле. Другой простирается перед Ним в ожидании неминуемого суда. Искушение первого – мессианизм националистического толка, который делает из взыс-

куемой справедливости справедливость лишь для одного народа, отвергавшуюся столько веков. Другой ожесточается в неудаче, рискуя позабыть своего Бога, увязнуть в погоне за материальными благами, или поставить Его на службу мщению. Между ними двумя, как сказал мне патриарх, христиане еще не явили своего свидетельства и своего служения, они не показали мятежному народу правду, распятую ради любви ко всем народам, они не показали покоренному, что верность присутствию Божию открывает перед человеком всю безмерность творческой свободы. Двойное паломничество 1964 года несло в себе обетование этого свидетельства, ибо христианский Запад нуждался в Православии, и в особенности в православных арабах, чей молитвенный язык сохраняет неразрывную связь с пророчествами Библии и Корана.

«Центральное» место Иерусалима оказывается тем самым более изначальным и всеобщим. В Иерусалиме Авраам встретил Мельхиседека, священника Бога Всевышнего, таинственное изображение Слова, присутствующего во всех народах, во всех религиях. Наконец иудейское предание доносит до нас, что на Голгофе, т.е. на «лобном месте» был погребен череп Адама. Это предание воспроизводится в христианской иконографии Креста: кровь, истекшая из пронзенного бока Иисуса, излившись на череп первого Адама, возвращает его к жизни. Крест – это новое древо жизни, окончательное выявление оси мира.

Таким образом, первый архетип, пробуждаемый встречей в Иерусалиме, это архетип центра, связанный библейским откровением с упованием на преобразование истории и всего мира.

Веками Запад испытывал мощное влияние этого центра. Только в XVI веке в католическом сознании Рим по своему значению возвышается над Иерусали-

мом, и Игнатий Лойола, отказавшись от плана путешествия в Святую Землю, посвящает себя непосредственному служению папе. Однако на Западе приверженность одних к Риму оплачивается уходом других. Секрет единства остается в Иерусалиме.

Поток паломников с Запада в Святую Землю достиг своего апогея в конце XI века, когда паломничество превратилось в Крестовый поход. В изначальном своем порыве крестовый поход – это гигантское движение, где тесно переплетены, оплодотворяя друг друга, все возможности будущего: Церковь sacramентальная и иерархическая образует собой почву для мощных пророческих движений, во главе которых нередко стоят миряне, и для широкого, почти революционного напора евангельского пауперизма. Затем все распадается. Из иерархической Церкви пророчество уходит в Реформу, а евангельский пауперизм – в разновидности современного социализма... В то же время Восток стремится к тому, чтобы свободу пророков и ревность праведников укоренить в sacramентальном теле Христовом. Но Запад, даже и тогда, когда был способен к восприятию Иоаннова света, искал встречи с Востоком только для того, чтобы завоевать его. В этом смысле паломничество Павла VI знаменует собой конец крестовых походов, конец определенного западного империализма, пусть и духовного. Это жест смирения и исправления. Но в западной душе ностальгия по центру повела далее – к примирению Церкви с пророками и бедняками – не через отказ от глубины жизни, но через еще большее углубление ее. Уже те, кто следил за ходом работ Собора, заметили, что выступления Максима IV были отмечены этим двойным смыслом – открытости и глубины. И вот рядом с Павлом VI возник высокий силуэт Афинагора I.

Сегодняшний человек не обладает более центром, где он был бы одновременно самим собою и в общении с другими; где он находил бы судьбу, преображающую течение времени в созревание, а смерть в метаморфозу. Поэтому старость больше не имеет для него смысла. Она просто угасание, которое как бы пытаясь, продвигает к смерти, пародируя молодость в одиночестве, доходящем до эфтаназии, которая низвергает в ничто. Однако, в плененной душе человека к теме центра и осмысления прибавляется тема «мудрой старости», где полностью развитая жизнь умиротворяется и очищается, где отцовство становится бескорыстным и освобождающим. Юнг показал важность первообразов «мудрого старца» и «старого мудреца» в коллективном подсознании. Можно сказать, что Патриарх Афинагор во время Иерусалимской встречи воплотил этот первообраз для западных толп, так глубоко осиротевших. Сам он, не зная того, был носителем всей восточной традиции «прекрасных старцев», *калогерой*, старцев, полных духовной красоты, которая проясняет лоб, смягчает лицо и придает взору молодость. Апостол Иоанн, бывший самым молодым, стал самым старым из Апостолов. Он вероятно является первым из тех старцев, в которых мудрость превращается в красоту. Род духоносцев и провидцев, род великих епископов, которые были отцами для своего народа, отблесками божественного отцовства, начало, которое позволяет существовать в жертвенности, род великих епископов, прототипом которых мог бы быть святитель Николай, бесчисленные иконы которого запечатлены в православной душе.

Быть восточным патриархом и называться Афинагором. Библейская это реминисценция или нет, само слово патриарх указывает на достойное отцовство, на изначальное отцовство, именно то, которое сегодня-

шний человек игнорирует или ненавидит. Восток и Константинополь вызывают в глубинных грезах западной души все, что превосходит рациональное и утилитарное человечество: от плотской посяторонности до мистической потусторонности. Наконец, Афинагор – имя которого напоминает богиню мудрости Афину, приводит к первообразу «старого мудреца» восточного типа. Таким образом осуществилось в понятии многих зрителей как бы отождествление старого патриарха с таинственным и целостным образом Божиим, путь к которому казался потерянным.

Вглядимся внимательнее – как умеет смотреть подсознательное – в эту «сизигию», составленную папой и патриархом. Прежде всего их двое, соединенных вместе, и это может означать (если говорить языком символов), что в «центре мира» находится лобзание мира, т.е. любовь. В «центре мира», в глубине вещей лежит не процесс технического завоевания земли, как этого хочет Маркс, не слепое *либидо*, ищущее лишь своего удовлетворения, как говорит Фрейд, не стяжание власти на фоне небытия, как учит Ницше, не безжалостная победа смерти, как знают все и в то же время не хотят знать. Нет, в «центре мира» лежит любовь и вечность.

Посмотрим теперь на каждого из этих людей. Лицо папы тонко высечено, выбрито, отчеканено. Он соткан из воли, ясности разума. Это лицо дневное, отвергшее ночь, поборовшее ее: следы ее присутствия можно заметить лишь в плотности рта – лицо, которое свидетельствует о глубине исключительной ясностью глаз. Этот человек сознательно отдается служению Богу. Но за этим сознанием и служением стоит чувство долга, которое не дается без боя.

Лицо патриарха отличается не то чтобы неопределенностью, но в нем как будто нет четких границ, о

чем говорит белизна его бороды и длинные, скромно заплетенные волосы. Через это лицо говорит не противопоставление и не ликование, оно светится изнутри. День и ночь гармонизированы в нем. Светлой бородой (которая когда-то была очень черной) соответствуют большие ночные глаза, несущие в себе какой-то невидимый свет. Можно предположить, что этому человеку нечего желать (или скорее в нем нет желания воли, столь присущего Западу) – ему достаточно лишь быть. Сознание и подсознательное в нем сообщаются друг с другом, возникает объединяющий «образ»; этого человека посещают сны, которые сняты детям, животным, растениям, ибо он причастен той безмерной и незримо текущей жизни, которая выражает себя в молитвенном созерцании, питающем его.

Папа отточен, хрупок, невысок. Его движения живы, стремительны. Он часто поднимает руки для благословения или хвалы.

Патриарх высок, на нем черный подрясник с широкими свободными рукавами, но сам он совершенно прям. В нем есть неподвижность дерева.

Папа символизирует разум и волю Запада.

Патриарх символизирует онтологическую мудрость Востока.

Первый мыслит и опять-таки мыслит противопоставлениями.

Второй ощущает и тем самым мыслит целостно.

Первый – это я – настороженное, структурированное, воспитанное на добротной гуманистической культуре; это я, обращенное к Богу в патетическом напряжении, подстегивающем его сознание и волю.

Второй – это себя долго колеблющееся и нередко двойственное, которое, сосредоточившись, дает свету Божию проникнуть в глубины жизни и космоса. Не

тянущийся к Богу, но мирно насыщенный Его присутствием.

Папа знает, что он – первый. Патриарх без слов приемлет, по крайней мере в традиционном смысле, это притязание. Но он выше, старше, его обнимающие руки подобны темным крыльям, он выражает то, что лежит в глубине.

Один не может обойтись без другого.

СНЯТИЕ АНАФЕМ

«Будущее – в руках Божиих», – сказал патриарх после своего возвращения из Иерусалима.

Вслед за тем Стамбул посетил мелкитский патриарх Максим IV. Афинагор уже встречался с ним во время паломничества в Иерусалим. И тот, несмотря на свой преклонный возраст – тогда ему было восемьдесят шесть лет – решил нанести ответный визит.

Греческая мелкитская Церковь возникла в эпоху, когда Рим стремился присоединить к себе куски христианского Востока. В начале XVIII века часть духовенства и мирян Антиохийского патриархата приняла унию и с согласия Рима образовала новый патриархат.

С той поры отношения между «православными» и «униатами» оставались откровенно плохими. Так было до тех пор, пока Максим IV не положил конец латинизации умов под «восточными формами», став инициатором бескорыстного сотрудничества с Православием. При нем мелкитская Церковь в лоне католицизма сделалась носительницей духовного и церковного предания Востока.

31 мая 1964 года Максим прибывает в древнюю Антиохию – Антакию – которая с 1939 года находится на турецкой территории и подчинена Вселенскому патриархату. Большинство проживающих здесь христиан – арабы, местная община которых возглавляется мирянином-врачом, одним из тех наделенных пророческим даром людей, которых нетрудно встретить на Ближнем Востоке. Евангельская простота и горячность отличают его. Во времена Отцов, Антиохия сыграла решающую роль в истории христианской мысли, сделав упор – в противовес александрийскому символизму – на конкретной человечности Иисуса. Город был разрушен при монгольском нашествии в XIII веке, и

патриарх в конце концов обосновался в Дамаске. Возрождение города началось несколько лет тому назад: теперь это был уже не мертвый поселок, но молодой и процветающий город.

Вечером 31 мая Максим и сопровождающие его лица под звон колоколов были приняты православным духовенством и мирянами в церкви святых Петра и Павла. Они участвовали в богослужении, причем служащий священник помянул «отца нашего патриарха Максима». В конце вечерни все верующие приложились к руке патриарха и просили его благословения. И все провожали его до самой резиденции.

2 июня Максима IV принимает на Фанаре Вселенский патриарх. «Иоанн XXIII открыл окно для диалога, Павел VI открыл обе створки двери», – говорит Афинагор. «Дверь открыта и никто более не сможет ее закрыть», – отвечает Максим.

В конце трапезы, полной уважения и взаимной симпатии, Максим IV обращается к хозяину: «Ваше Святейшество, думая о Боге, блаженный Августин говорил: «Слишком поздно узнал я Тебя, слишком поздно полюбил я Тебя!» Позвольте и мне, Ваше Святейшество, повторить вам те же слова: «Слишком поздно узнал я Вас, слишком поздно полюбил!»

4 июня в Халки – куда еще допускались студенты, не имевшие турецкого гражданства, и где находились православные черные из Уганды и Сироливанцы – Максим IV после приветственного слова, обращенного к преподавателям и студентам, попросил всех спеть вместе с ним пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

Всю атмосферу этой встречи пронизывала необыкновенная сердечность и простота. Максим IV отказался остановиться в «Хилтоне», где Фанар забронировал

для него престижную сюиту, и предпочел остановиться в скромной резиденции. Когда Афинагор I приехал, чтобы проститься со своим гостем, он оставляет единственную машину патриархата, чтобы довезти гостя до аэропорта. Сам же, по своему обыкновению, и не обращая внимания на протест Максима, возвращается на Фанар на такси.

Эта встреча произошла как бы сама собой в русле Иерусалимской встречи. Однако нелегкие проблемы ожидали тогда патриарха. «В мире спустившись с Елеонской горы, – говорил он впоследствии папе, – и направившись в Эммаус, странствуя вместе с Господом и помышляя о преломлении хлеба, мы продолжили наш путь, беседуя в духе любви. Сердца наши горели, и Господь не оставлял нас. «Се, Я с вами до скончания века» (Мф 28.20)... Он поставил нас перед скорбными знаками нашей общей судьбы. Эти «скорбные знаки» вскоре проявились на Третьей сессии Собора и на Третьей Всеправославной Конференции.

Почти у двух тысяч участников, составлявших большинство на Соборе, третья сессия Собора (14 сентября – 21 ноября 1964 года) оставила ощущение горечи. В чем-то она несколько разочаровала и встревожила православных (Константинополь наконец послал своих наблюдателей, и патриарх назначил отца архимандрита Андрея Скриму своим личным представителем на Соборе). Конечно, важен позитивный итог. Соборная Конституция «О Церкви» делает упор на евхаристической экклезиологии, четко устанавливает sacramентальный и коллегиальный характер епископата, напоминает о всеобщем священстве мирян и о *sensus ecclesiae*, который Дух дарует всему народу Божию

456

для сохранения истины. Собор рекомендует широкую реорганизацию церквей по патриаршему типу, а дискуссии по проекту постановления *De episcoporum tu-
lige* позволяют предвидеть организацию епископских конференций в рамках определенной страны или целого континента. И в силу этих положений в католичестве оживает великое предание нераздельной Церкви.

Однако в других местах конституции *О церкви*, и даже в некоторых выступлениях папы, желавшего успокоить меньшинство, чувствуется, что экклезиологии соборности еще не удалось полностью переработать структуры, унаследованные от Контрреформации и кристаллизированные в догмате 1870 года. В этих текстах проступает то, что мелкиты называли «одержимостью папства». С прежней, если не с большей решительностью, вновь подтверждается непогрешимость папы, как бы подразумевавшаяся во всех выступлениях Римского Первосвященника, в том числе и тех, которые не провозглашались *ex cathedra*. В третьей главе Конституции *О церкви* юридическая проблематика возвращается в силу. Коллегия епископов сохраняет лишь сравнительную *plenitudo potestatis* (полнота власти), имеющую силу только с согласия папы, тогда как тот обладает всей *plenitudo potestatis*, которая достаточна сама по себе и не зависит от согласия коллегии епископов и всей Церкви. Нотификация, добавленная 16 ноября, скрупулезно уточняет этот односторонний характер взаимозависимости между папой и епископами. Провозглашение Павлом VI Марии «Матерью Церкви», отвергнутое богословской комиссией Собора, еще более усилило тягостное чувство. Что касается постановления о Восточных Церк-
вах, то здесь можно найти все «скорбные знаки» прошлого. «Униатские» церкви призываются к «исполнению задачи, которая возлагается на них с новой апо-

стольской силой». Правила, способствующие переходу в эти Церкви, носят на себе отпечаток политики прозелитизма. Что касается возможностей *communicatio in sacris* (общения в таинствах) между католиками и православными, то оно – в сложной обстановке Ближнего Востока послужит скорее замешательству или, как опасаются многие православные, незаконному расширению «униатских» общин. Добавим, что этот текст надменно игнорирует само понятие Православной Церкви, упоминая лишь о «Восточных Церквях».

В такой ситуации, когда тревога смешивалась с надеждой, с 1 по 15 ноября 1964 года на Родосе собралась Третья Всеправославная Конференция.

Идея созыва этой Конференции возникла у патриарха Афинагора в середине февраля; он хотел, чтобы все Православие включилось в диалог с Римом, как это предусматривалось Второй Родосской Конференцией, в сентябре 1963 года, и чему в значительной мере, как еще казалось, содействовала встреча в Иерусалиме.

В действительности, сама возможность и способы проведения этого диалога заняли исключительное внимание православных делегатов. Богословские собеседования с англиканами и старо-католиками, т.е. Церквями, подобно православным, уже вошедшими во Всемирный Совет Церквей, были решены без проблем и страстей. Всем хотелось иметь чистую совесть после стольких бесплодных дебатов о диалоге с Римом!

Мнение Афинагора I было представлено на первом же заседании митрополитом Гелиопольским Мелито-

ном, который председательствовал на нем от лица Вселенского патриарха. «Мы должны рассеять мрак и предрассудки нетерпимости, мы должны выйти из нашей самодостаточности, из нашего гетто, из наших пристрастий... Мы призваны к покаянию, дабы взаимно испросить прощения друг у друга за наши заблуждения; мы, разделенные христиане, призваны к тому, чтобы увидеть в лице другого лицо брата, за которого был заклан Христос. Сознывая всю протяженность пути, который открывается перед нами, и те трудности, которые нам встретятся, мы не должны терять мужества. Напротив, мы должны вооружиться любовью, терпением, смирением и благоразумием и твердо пройти этот путь, поделив его на этапы, и сохранив убеждение, что, несмотря на наши разногласия, мы обладаем общим святым наследием веры и предания: священным сокровищем сакраментальной жизни Церкви, жизни воскресшего Тела Христова. При этом начинании в нашем распоряжении столько общих богатств: слово Священного Писания, благословение святых Апостолов, наше общее и святое Предание, Предание Отцов, Вселенских Соборов неразделенной Церкви...» Таким образом обозначился так называемый «проект Афинагора», ратующий за установление прямого богословского диалога с Римом.

На этом заседании, где каждая сторона излагала свои взгляды, представители Русской Церкви заняли умеренную позицию, которая однако, угрожала налаженному ритму сближения. Прежде чем приступить к самому диалогу, говорили они, следует подождать до конца Собора, ибо для того, чтобы диалог был плодотворен, он нуждается в длительной взаимной подготовке.

«Скорбные знаки» прошлого дали себя знать в достойном и серьезном выступлении представителя Серб-

ской Церкви. Сербский народ, напомнил он, много пострадал от католиков за последнюю войну. Он не склонен ни к какому сближению. Нужно длительное воспитание, чтобы у людей открылись сердца. Потому что ничего нельзя сделать без народа, который, по понятиям Православной Церкви, является хранителем истины...

И вновь кровавые призраки прошлого, казалось, заслонили собой горизонт.

И тогда еще раз произошло чудо. На этот раз инициатива исходила от папы. Павел VI отправляет послание на Всеправославную Конференцию. Оно пришло совершенно неожиданно и когда в конце заседания, открывающего Конференцию, был зачитан его текст, он вызвал настоящее изумление. Папа обращается к православным епископам как к своим братьям, он устанавливает связь между Конференцией и Собором и призывает к взаимным молитвам. Со времени разделения Церквей ничего подобного еще не случилось.

«Ваши Преосвященства, дорогие братья во Христе, От всего сердца посылаем вам наше братское приветствие. В то время, как ваши братья Римско-Католической Церкви, собравшись на Собор, исследуют пути, коими следует идти, дабы со всей верностью служить замыслам Божиим и Его Церкви, в эпоху столь богатую возможностями и в то же время полную искушений и испытаний, вы собрались, чтобы заняться решением тех же проблем, чтобы лучше ответить Воле Господней.

Убежденные во всей важности этого distinguished собрания, мы усердной молитвой призываем на него свет Духа Святого.

Примите уверения в том, что мы сами с ныне собравшимся Собором и со всей Католической Церковью с

особым интересом следим за вашими трудами, соединяя их в горячей молитве с той работой, которая сейчас проводилась у гробницы апостола Петра, всецело уповая на то, что благодать Господня будет столь же обильной для одних, как и для других, и что общая любовь станет вдохновительницей этой общей молитвы.

Вспоминая завет апостола Павла: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов», мы смеем надеяться также и на ваши молитвы, Ваши Преосвященства и дорогие братья во Христе, дабы Господь даровал нам благодать, необходимую для завершения наших работ, к чему мы призваны не-исповедимым Его промыслом.

Пусть Всесвятая Мать Божия, наша общая Мать, Которую мы молим и Которую почитаем с одинаковой ревностью, удостоит нас Своего заступничества, дабы мы всегда возрастали в любви Сына Ее, нашего единственного Господа и Спасителя. И пусть любовь, вскормленная трапезой Господней, сделает нас поборниками «единства Духа в союзе мира» (Еф 4.3).

Послание завершается прекрасным очерком эkkлeзиологии нераздельной Церкви. Формула «единство духа в союзе мира» употреблялась на Первой Конференции на Родосе, когда вырабатывалась православная концепция Церкви. Первенство «Римского епископа» – такова подпись – представлено как служение, закрепленное молитвой всего епископата, как Восточного, так и Западного.

Это послание помешало Конференции занять негативную позицию в отношении диалога с Римом. Споры на эту тему были долгими, трудными, зачастую бесплодными. Без конца изучали мелочи церковного протокола, чтобы решить, кому следует передать в Рим предложение о диалоге и кому следует его вручить. Колебания Ватикана вселяли беспокойство. Схе-

ма о Восточных Церквах и проявления прозелитизма повлияли на румын, позиция которых стала более жесткой. Они воспользовались униатской одержимостью, чтобы в последнюю минуту провалить резолюцию, относительно которой соглашение было достигнуто и которая предвидела образование смешанной богословской комиссии между православными и католиками.

Однако в окончательном решении Православные Церкви подтверждали свое «однажды уже выраженное пожелание... диалога с Римско-Католической Церковью на равных началах». Говорилось также о необходимости «подобающей подготовки и создании благоприятных условий» для того, чтобы мог развиваться «плодотворный и поистине богословский диалог». В промежуточный период, каждая православная Церковь – и это весьма существенное уточнение – «получает свободу выражения своей собственной инициативы для развития братских отношений с Римско-Католической Церковью, ибо таким путем трудности, до сих пор существующие между нами, смогут быть постепенно устранены». Конечно, эти отношения не будут устанавливаться «от имени всего Православия», но достигнутые результаты будут сообщены Церквам-сестрам и будут содействовать созданию «благоприятных условий» для всеобщего диалога.

Таким образом, патриарх Афинагор мог идти далее. Чтобы не наносить ущерба единству Православия, достигнутому за последние дни Конференции, он отказался от своего намерения лично посетить Рим и передать папе предложение о начале диалога и способах его проведения. Было решено, что такое предложение будет сделано одним из членов его Синода, желательно председателем Комиссии по делам всехристианского единства, и что оно будет передано кардиналу

Беа, председателю Секретариата по вопросам единства.

Но все же, если общий итог Третьей Родосской Конференции был положительным, надо признать это произошло благодаря посланию Павла VI. Инициатива встречи в Иерусалиме принадлежала патриарху. На этот раз освобождающий жест исходил от папы. Отныне инициативы обоих предстоятелей стали поочередными, и Павел VI необратимо вошел в братское общение.

15 февраля 1965 года митрополиты Гелиопольский Мелитон и Мирский Хризостом были посланы патриархом в Рим, чтобы оповестить Ватикан о решениях, принятых на Всеправославной Конференции. Если в Иерусалиме речь шла о пророческой, но личной инициативе патриарха, то в Риме Константинопольская делегация действовала по мандату всех Православных Церквей. Оба митрополита были прежде всего приняты папой. Они кратко изложили ему этапы, предусмотренные Родосской Конференцией, «дабы в соответствующее время начать плодотворный богословский диалог между двумя нашими Церквями». Павел VI ответил, что сама сегодняшняя встреча – уже счастливое событие. «В будущем можно будет сказать: здесь кончается многовековая история и начинается новый этап отношений между католической Церковью и православным Востоком. Момент весьма торжественный...». И Павел VI одобрил «мудрость и реализм основных направлений программы, создающей в жизни Церкви такой климат, в котором становится возможным и начало подлинного богословского диалога».

Затем оба митрополита вручили официальную ко-

пию документов, принятых на Родосе, кардиналу Беа, и в долгих беседах с членами Секретариата по вопросам единства передали всю необходимую информацию. А затем отправились в собор святого Петра, чтобы усердно помолиться у могилы Иоанна XXIII.

В начале апреля кардинал Беа в свою очередь посетил Стамбул, чтобы официально уведомить о положительном ответе Рима. Было воскресенье, и кардинал был торжественно встречен в церкви Святого Георгия. Здесь он воочию столкнулся с литургической и народной действительностью Православия. В храме рядом с православными было много католиков, и кардинал мог сказать: «Мы видели, что верующие обеих наших Церквей во время этой литургии были верующими единой Церквью». При выходе из храма он был встречен долгими аплодисментами. Затем все, как обычно, собрались в кабинете патриарха: самые убогие верующие вместе с официальными лицами...

В понедельник ранним утром кардинал поехал в Святую Софию. Он направился прямо к месту древнего алтаря, на который папские легаты в 1054 году положили акт отлучения патриарха Михаила Керулария. Здесь кардинал молча погрузился в молитву. «Это долг, который нужно было исполнить, и я его исполнил». Может быть, он вспомнил слово одного великого румынского старца, о котором рассказывал отец Андрей Скрима: «Пока братья наши не сняли своего проклятия, нам остается лишь страдать за них».

В конце первого тысячелетия христианский Восток и Запад с чувством какого-то безразличия далеко отошли друг от друга. Папство переживало тогда самый

глубокий упадок в своей истории, а византийская империя – последний всплеск своего могущества. Византийские императоры потеснили арабов, вернули Антиохию, византийская миссия успешно действовала в славянских и кавказских землях, античный гуманизм в лице Михаила Пселла переживал свой ренессанс, духовная жизнь процветала, и святой Симеон Новый Богослов, чуть-чуть затемняя роль иерархии, говорил о личностном опыте света. Возникновение германской империи на Западе ускорило раскол. Перед лицом Византии новая империя заявляла себя «римской» и универсальной. Вслед за Каролингами Оттоны настаивали на «ереси» греков. Дух Святой «исходит от Отца», говорит Христос в Евангелии от Иоанна, и эта формула была закреплена в Никео-Константинопольском Символе веры, выработанном на первых двух Вселенских Соборах. Блаженный Августин путем сложных конструкций, в которых психологические образы и философские умозрения, видимо, возобладали над созерцательным богословием, предложил такую формулу: Дух Святой исходит от Отца и Сына (*filioque*). Эта формула, в неопределенном варианте, распространилась на Западе, но не была рассмотрена ни на одном из Вселенских Соборов. Карл Великий на этом основании хотел даже обвинить греков в ереси, но папа Лев III отказался уступить ему и повелел торжественно выбить на стенах Латеранского собора традиционный текст Символа веры. Подобным образом в 880 году, после столкновения папы Николая I и патриарха Фотия, было достигнуто соглашение о единстве на основе прежнего Символа без *filioque*. Оттоны были более удачливы, ибо в то время на их стороне уже был Римский Престол. После своего коронавания в Риме, Генрих II навязал папе Бенедикту VIII употребление Символа веры с *filioque*. Эта проблема

«узурпации имперских прав», повлекла за собой прекращение поминовения имени папы в диптихах Святой Софии, что осталось почти незамеченным. Казалось, что Запад пребывает в сумерках варварства. То был полумрак не сумерек, а утренней зари.

Новая Европа рождалась во взаимодействии латинского и германского миров, на землях Бургундии и Лотарингии, простиравшихся до рейнских ворот новой империи. Мощные монашеские реформаторские движения, в особенности движение Ключнийских монахов, стремились вырвать Церковь из-под опеки императоров и феодалов, делая ставку на свободное и освобождающее папство. Искушением этой эпохи с ее целостным средневековым мирозерцанием было установление действенной папской теократии.

В 1048 году реформаторам удалось возвести на папский престол одного из своих сторонников, епископа Тульского, принявшего имя Льва IX. Избрание произошло с согласия императора, уставшего от феодальных ссор в Риме, вскоре направленных против него самого. Рядом с новым папой оказался горячий и прямолинейный новатор Гумберт де Мойенмутье, ставший кардиналом Сильвы Кандиды. В то время стремились вернуть чистоту в жизнь итальянского духовенства, как это было сделано на землях франков. Прежде всего ему хотели навязать целибат, руководствуясь, с одной стороны, отвращением к плоти, а с другой – желанием оградить структуру Церкви и ее вотчины, которые, став наследственными, могли сделаться феодальными поместьями. К несчастью, недавнее расширение византийской империи привело к присоединению к Константинополю Южной Италии – этого перекрестка народов, где столь многочисленны были греки и балканцы и где итало-греческие священники жили не в сожительстве, но в законном браке. В то время нор-

466

маны, эти завоеватели морей, обосновались в Сицилии и прилегающих к ней землях. Они пошатнули господство византийцев, и папа воспользовался этим в целях латинизации итало-греков. Сумеречный Запад становится завоевателем, Византия переходит к обороне, которая дается ей все труднее и труднее. Ситуация становится столь критической, что византийский правитель Италии Аргирос избирается среди ломбардцев латинского обряда, чтобы содействовать сближению Рима и германского императора, поскольку Константинополь находится достаточно далеко.

Латинский напор и двойственная позиция местных властей раздражают Константинопольского патриарха Михаила Керулария. Этот крутой человек стремится отстоять независимость Церкви от происков *василевса*. Но он – представитель Средневековья, не умеющий отделить существенное от второстепенного и придающий каждой детали почти магическое значение – а в Константинополе тогда было столько «современных» людей. У него не было ощущения того, что целый мир рождается на Западе.

Ввиду того, что женатое духовенство преследуется в Италии и что многие латиняне отказываются причащаться у священников византийского обряда, Михаил Керуларий решает реформировать латинские церкви, находящиеся в Константинополе и в некоторых портах или монастырях греческого мира. В этих церквях не употребляли *filioque* (остававшегося на втором плане в чисто византийской, а не вселенской озабоченности Керулария), но постились по субботам, причащались опресноками и пели *Аллилуйя* на Пасху, что возмущало благочестивый народ точно также, как бороды греческих священников возмущали латинян в Италии. Патриарх решает навязать византийский обычай во всех этих спорных делах. Но встретив со-

противление, он закрывает латинские церкви в Константинополе.

В 1053 году события в Италии делают ситуацию благоприятной для большой коалиции против норманов, к которой стремятся Аргирос и *Василевс*. Папа щадил норманов, пока они занимались только Византией. Но вот внезапно они нападают на вотчину Святого Петра и берут в плен Льва IX. Рим делает ряд шагов к союзу с Аргиросом. Теперь, однако, требуется возобновление канонических отношений. По просьбе императора Михаил Керуларий пишет папе письмо с выражением доброй воли, с предложением союза, ибо Римский Первосвященник сохраняет в плену определенную свободу действий, без права, однако, подписывать официальные бумаги. Лев IX посылает легатов в Константинополь. Кардинал Гумберт знает греческий – весьма редкий случай на Западе – он возглавляет это посольство. Легаты везут письма императору и патриарху, однако эти письма, поскольку папа в плену, написаны самим Гумбертом. Его мало интересует предание неразделенной Церкви, которому оставался верен Восток; больший папист, чем сам папа, Гумберт как на Западе, так и на Востоке стремится навязать принципы римской теократии. Перед дорогой он подолгу беседует с Аргиросом. И Аргирос советует ему делать ставку на императора против патриарха.

В Константинополе *Василевс* принимает легатов со всей подобающей им честью, но патриарх держится с ними сдержанно. Стиль и содержание папских посланий внушает ему сомнение в их подлинности, ведь Лев IX известен как человек, ратующий за мир. Он опасается, что легаты являются крестами Аргироса. Вскоре он получает известие о смерти папы, трон которого остается на долгие месяцы незамещенным.

Михаил Керуларий прекращает все контакты с легатами.

Гумберт надеется, что император заставит патриарха уступить. В ожидании этого он до хрипоты спорит с византийскими богословами. Главный его противник – Никита Стифат, ученик Симеона Нового Богослова, доводящий до крайности суждения своего учителя. Перед лицом человека, представляющего в Церкви иерархию, централизацию, римский порядок, он превозносит свободу в Духе Святом и чисто личный авторитет духовных наставников. Спор идет также об отношении Духа к Сыну, в связи со странной проблемой состояния Христа умершего и погребенного в Страстную Пятницу. Тело Его, говорит Никита, остается «духовным», пронизанным энергиями Духа Святого. Но кардинал, основываясь на солидной рациональной аргументации, поднимает на смех своего оппонента. Спор идет также и о женатом духовенстве. Никита защищает его в силу более древнего предания. Гумберт вскипает: как может служить священник, «запахавшийся от похоти»? С его точки зрения, человека с горячей кровью, но имеющего призвание к целибату, женатые люди проводят время в удовлетворении самых низких страстей.

Недели проходят за неделями, а патриарх, несмотря на все давление императора, так и не уступает. Гумберт пишет письма, угрожает анафемой (в одном из таких писем говорится, что отвергнутые Римом, являются «синагогой Сатаны»), а затем решает нанести решающий удар. 15 июля 1054 года в начале литургии он кладет на престол Святой Софии акт об отлучении Михаила Керулария и «его сторонников». Патриарх обвиняется в десяти ересях, самые серьезные из которых – допущение женатого духовенства и опущение *filioque* в Символе веры. Легаты при этом не премину-

ли уточнить, что они не посягают ни на императора, ни на духовенство в целом, ни на «христианнейший и православный город Константинополь». Они ожидают, что их жест повлечет за собой падение и замену патриарха и победу *Василевса*, которая станет и их победой. Но вмешательство народа срывает их расчеты. Против легатов назревает мятеж. Им приходится бежать без надежды на возвращение. Таким образом события, связанные с обстоятельствами времени и места, становятся по-своему определяющими.

Четыре дня спустя, 20 июля, решением Синода, проведенным несмотря на последние попытки вмешательства со стороны императора, патриарх в свою очередь отлучает «Гумберта и его сообщников». Он четко указывает, что это осуждение не затрагивает Римской кафедры, в то время вакантной, ни конкретно Льва IX, именем которого злоупотребили легаты. Однако в своем осуждении «латинских заблуждений» патриарх ставит на один уровень такие разные проблемы, как *filioque*, преследование женатых священников, употребление опресноков, отказ причащаться у священников, носящих бороду.

Керуларий, не откладывая, ставит об этом в известность восточных патриархов. Самый видный из них, Петр III Антиохийский, под юрисдикцией которого находится сто девяносто две епископские кафедры, далеко выходящие за восточные границы империи, отвечает ему письмом, являющим подлинное «ощущение Церкви»: «Если латиняне согласятся устранить из Символа веры их добавление, я не потребую от них ничего более, полагая, что все остальное – дело не столь уж и важное». Но и эта серьезная проблема, уточняет он, должна рассматриваться в рамках сохраненной общности, ибо все должно выясняться на основе единства Церкви. В особенности следует остере-

гаться того, чтобы порвавшийся нешвенный хитон Христов не раздирался далее и окончательно.

Увы, разделение станет окончательным, и 1054 год приобретет символическое значение. Если восточные патриархи сохраняли частичное общение с «франками», если латинские монастыри и храмы какое-то время еще существовали на Афоне и в Константинополе, то крестовые походы трагическим образом завершили дело раскола. В этих походах Запад утверждает свою военную, а вскоре и коммерческую мощь, тогда как Византия, оказавшись в положении постоянно уменьшающейся шагреновой кожи, защищается на манер слабых – либо хитростью либо внезапной вспышкой насилия, рождающегося от чрезмерного унижения (какой была резня латинских купцов в Фессалониках в 1181 году). В ответ растет ненависть против греков – несходных, утонченных, владеющих сокровищами, накопленными в прошлом и заново обедневших, обложенных налогами, поверженных, но остающихся наследниками древнейшей империи, мошенников, еретиков, идолопоклонников – ибо западная толпа в своей массе была настроена иконоборчески. В начале XII века норманы требуют крестового похода против греческой империи. Второй крестовый поход начинается с натиска на Византию, на которую «поход немцев» в 1195-1198 нацелен почти также, как и на Святую Землю. Все достигает своей кульминации в Четвертом крестовом походе, когда венецианцы повернули к Константинополю и устроили неслыханное разграбление города 13 августа 1204 года. Под звуки труб латиняне грабят дома и церкви, насилуют монахинь, истребляют священников, разбивают иконы, выбрасывают мощи в нужники (вскоре, однако, они станут успешно торговать ими), проливают Святые Дары, чокаются чашами и напиваются литургическим ви-

ном, посадив при этом на патриарший трон проститутку, распеваящую похабные песни. Летописец, повествующий об этих фактах, проводит горькую параллель между крестоносцами и мусульманами: «Те, по крайней мере, не насиловали наших женщин, не отнимали у жителей последнее, не срывали с них одежду, чтобы нагишом заставить гулять по улицам, не доводили их до гибели голодом и огнем... Вот как обращались с нами эти христианские народы, идущие в поход во имя Господне и исповедующие с нами одну религию. Город, бывший сиянием мира, мать Церквей, источник веры, хранитель правоверия, очаг учености, ты испил чашу гнева». (Никита Хониат).

Папа Иннокентий III, узнав об этих насилиях, гневно осудит их. Но первой его реакцией была песнь триумфа, – письмо *Legimus in Daniele*, обращенное к духовенству и ко всему христианскому воинству. Бог пожелал, чтобы Константинопольская империя была передана «от мятежников сынам, от схизматиков католикам, от греков латинянам». Крестоносцы восполнили тайну единства, и отныне будет лишь одно стадо и один пастырь.

Папа утверждает назначение латинского патриарха Константинополя. В 1205 году в циркулярном письме, разосланном архиепископам и религиозным орденам Франции, он призывает к латинизации: пусть латинские монахи заменят на Востоке монахов греческих, пусть парижские учителя и школяры принесут на греческую землю «науку письмен».

Венеция удерживает за собой четвертую часть империи.

Начинается культурная и экономическая колонизация православного мира.

Однако в письме, адресованном позднее западным епископам новой латинской империи Константинопо-

ля, тот же Иннокентий III напоминает о том, что тайна апостола Иоанна остается связанной с «народом греков».

Это воспоминание о прошлом, как горькое очищение, нужно было нам для того, чтобы понять, что реально произошло 7 декабря 1965 года.

Он

Прошлое живет в нас. Вот почему мы должны стереть дурное прошлое или, скорее, позволить Богу стереть его, ибо оно вызывает в нас ненависть. В конце концов мы привыкли думать, что уже не принадлежим к одной Церкви, даже к одной религии! На Западе дело дошло до того, что православных уже не считали христианами!

Вот почему нужно очистить от дурного прошлого память Церкви. Очистить для того, чтобы открыть будущее замыслам Божиим.

Инициатива исходила целиком от патриарха. В день Пятидесятницы, 6 июня 1965 года, его представитель в Великобритании митрополит Фиатирский Афинагор, выступая в Вестминстерском аббатстве, коснулся, пока лишь как бы вопрошая, проблемы взаимного снятия анафем.

«Было ли бы абсурдом надеяться, что патриарх Константинопольский отменит отлучение папских легатов патриархом Керуларием в 1054 году? Так ли немислимо ожидать от Ватикана, что он отменит отлучение того же патриарха, положенное кардиналом

Гумбертом на алтарь Святой Софии? Эти два отлучения положили начало расколу Востока и Запада... История подтверждает, что кардинал Гумберт действовал с неподобающей поспешностью и без согласия папы, который умер прежде прибытия легатов в Константинополь. Это роковое деяние неделикатного представителя папы, вызвало возмущение патриарха и всей Восточной Церкви и привело к отлучению папских послов. Разве отмена обоих этих актов не будет сообразна духу любви? Подобный жест оказал бы большое влияние на процесс сближения обеих Церквей, а также исключительно врачующее действие на исцеление шестой язвы на Теле Христовом, все еще открытой и кровоточащей...»

Патриарх представил папе свое предложение. Папа принял эту идею. Параллельно в Риме и в Константинополе изучались возможности осуществления этого плана. Константинополь уже сделал шаги в этом направлении, образовав для изучения этого вопроса «большую» комиссию, в состав которой входят члены двух постоянных комиссий, занимающихся первая – всеправославными, а вторая – общехристианскими делами. Патриарх лично принимал участие во всех работах, вносил предложения, изучал документы того времени, интересуясь в особенности позицией патриарха Петра Антиохийского, которую он сделал своей.

Он

Это письмо Петра Антиохийского Михаилу Керулариию мне особенно по душе. Я не знал о нем и обнаружил его тогда, когда стал заниматься проблемой снятия анафем. Петр объясняет, что латиняне тоже православны, что речь идет об одной Церкви. Все различия в обрядах – опресноки, пост по субботам, бороды – не имеют, говорил он, ни малейшего значения.

«Оставим бороды брадобреям!», – восклицает он.

Он

Единственная серьезная проблема для Петра Антиохийского – это исхождение Духа Святого. Однако он полагает, что из-за нее не следует порывать общения с Римом, напротив ее следует изучить в свете общения. Сам он в 1053 году после своего избрания отослал синодальные послания папе...

Я переписал несколько отрывков из этого письма для нынешнего патриарха Антиохийского, которого очень люблю. Я напомнил ему по этому случаю, что дорожу его советами, так как должен бы был дорожить советами его предшественника и мой предшественник в 1054 году.

Позднее подобная комиссия была создана и в Риме. Она подготовила проект общей Декларации и в конце концов отправилась в Стамбул, образовав там смешанную комиссию с православными, которая работала с 22 по 24 ноября и справилась почти со всеми трудностями.

Нужно было примирить две весьма различные точки зрения. Для Запада, четко ограничивающего с исторической и канонической точки зрения акт, свершившийся в прошлом – отлучение как целебно-карательная мера – теряет смысл вместе со смертью того, кого он затрагивал. И потому спустя девять веков не может быть никакого «снятия отлучений». Восток, напротив, остается чувствительным к постоянно тяготивше-

му его — и в богословском и в экзистенциальном плане — воспоминанию об этих анафемах. Было достигнуто согласие о том, чтобы «устранить из памяти и церковной среды эти акты отлучения, воспоминание о которых и до наших дней служит препятствием к сближению в духе любви, дабы предать их забвению».

Однако такая Декларация не имела канонической силы. По этой причине православные представили католикам проект Томоса, который должен быть утвержден Святейшим Синодом в Константинополе, с пожеланием, чтобы подобный проект был опубликован и с Римской стороны. Католическая делегация не была уполномочена принимать решения. Она вернулась в Рим и представила папе документы по этому делу. Павел VI одобрил Совместную Декларацию и решил опубликовать папскую грамоту. Было условлено, что оба текста будут торжественно обнародованы и прочитаны 7 декабря, в день памяти святого Амвросия Медиоланского, св. Отца обеих Церквей. Отца латинского, который, однако все больше раскрывается нам как вскормленный христианским эллинизмом.

Во вторник 7 декабря собор святого Георгия в Константинополе был переполнен, толпа теснилась в притворе и на паперти. Патриарх восседает на своем троне, по левую сторону от него стоят члены Синода. Он принимает католическую делегацию и приглашает кардинала Шехана, архиепископа Балтиморского, который ее возглавляет, занять место по правую сторону от себя. Диакон поднимается на высокую кафедру, что вдалеке от иконостаса нависает над верующими. После Евангелия он торжественно читает по-гречески Совместную Декларацию, в тот самый момент,

476

когда в соборе Святого Петра кардинал Виллебрандс читает ее по-французски.

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПО СЛУЧАЮ СНЯТИЯ АНАФЕМ

1. Благодарные Богу за то, что по благодати и милосердию Своему Он дал им встретиться на той священной земле, где смерть и воскресение Господа Иисуса завершили тайну нашего спасения, и где излияние Духа Святого породило Церковь, папа Павел VI и патриарх Афинагор I, твердо решили не упускать ни одной возможности к проявлению жестов, вдохновленных любовью, которые могли бы содействовать развитию уже начавшихся братских отношений между Римско-Католической Церковью и Константинопольской Православной Церковью. Они убеждены, что отвечают таким образом на призыв благодати Божией, ведущей ныне как Церковь Римско-Католическую и Церковь Православную, так и всех христиан к преодолению разногласий, дабы они вновь стали «едиными», как просил о них Господь Иисус совего Отца.

2. Среди препятствий, которые находятся на пути к братским отношениям доверия и уважения следует называть прежде всего воспоминание о достойных сожаления решениях, поступках и инцидентах, приведших в 1054 году к отлучению патриарха Михаила Керулария и двух других лиц легатами Римского Престола, возглавляемыми кардиналом Гумбертом, подвергшимся в свою очередь подобному отлучению со стороны Константинопольского патриарха и Синода.

3. В тот беспокойный период истории события эти не могли быть иными. Но сегодня, когда возможно вынести о них более здоровое и уравновешенное суждение, необходимо признать, что чрезмерное значе-

ние, которое они приобрели позднее, было чревато последствиями, которые, насколько мы можем судить, далеко вышли за пределы намерений и предвидений зачинщиков, чьи запретные меры касались лишь определенных лиц, но не Церквей и не были направлены на прекращение церковного общения между кафедрами Римской и Константинопольской.

4. Вот почему папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом, убежденные в том, что выражают общее стремление к правде и единодушное чувство любви своих верующих, напоминают завет Господень: «Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф 5.23-24) – и по обоюдному согласию заявляют:

а/ что они сожалеют об оскорбительных словах, о необоснованных упреках и осудительных жестах, которые как с одной, так и с другой стороны окрасили собою печальные события того времени или сопровождали им;

б/ что они равным образом сожалеют и желают изъять из памяти и среды церковной акты отлучения, которые затем последовали и воспоминание о которых до наших дней служит препятствием к сближению в духе любви, и предать их забвению;

в/ что они скорбят о том, что дурные прецеденты и последующие события под влиянием различных факторов, прежде всего взаимного непонимания и недоверия, в конце концов привели к реальному разрыву церковного общения.

5. Папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим Синодом сознают, что этот жест справедливости и взаимного прощения недостаточен для того, чтобы

положить конец разногласиям, как древним, так и недавним, все еще остающимся между Римско-Католической Церковью и Церковью Православной, и которые будут преодолены действием Духа Святого, благодаря очищению сердец наших, благодаря раскаянию в исторических ошибках и деятельной воле к достижению понимания и совместному выражению апостольской веры и ее требований.

Совершая подобный жест они уповают на то, что он будет угоден Богу, готовому прощать нас, когда и мы прощаем друг друга, и оценен всем христианским миром и в особенности всей Римско-Католической Церковью и Православной Церковью, как выражение искренней взаимной воли к примирению, как побуждение к продолжению в духе взаимного уважения, доверия и любви, диалога, который к великой пользе для душ приведет с помощью Божией к обновлению жизни, наступлению Царства Божия в полном общении веры, в братском согласии и участии в таинствах, соединявших нас в течение первого тысячелетия жизни Церкви.

Павел VI, папа

Афинагор I, патриарх

В конце литургии патриарх сам твердым голосом читает греческий текст синодального Томоса. Введение, отличающееся особой красотой, выражает весь размах и постоянство видения Афинагора:

«Во имя Пресвятой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троицы». «Бог есть любовь» (I Ин 4.8): любовь должна быть знаком, даруемым Богом ученикам Христовым, она есть сила, собирающая в единство Церковь Его, начало мира, согласия и гармонии как постоянное и небывалое проявление в Церкви Духа Святого».

Затем излагается содержание Совместной Декларации, завершающееся следующим утверждением: «Мы решили устранить из памяти и жизни Церкви анафему, произнесенную патриархом Михаилом Керулларием и его Синодом».

При выходе из храма толпа аплодирует. Вокруг католических епископов слышатся возгласы *Axii, Axii*, достойны, достойны! – формула народного избрания, прозвучавшая в Иерусалиме перед папой. Патриарх берет кардинала за руку, они пересекают двор, сад и поднимаются по лестнице, ведущей в патриаршие покои. На верху ее они поворачиваются к народу и под приветственные возгласы несколько раз обнимают друг друга. Обстановка здесь не столь грандиозная как в Риме, но действия иерархии отмечены *согласием Церкви*, горячим участием верующего народа.

В Риме завершается четвертая и последняя сессия Собора. В разработке конституций относительно религиозной свободы и соотношения Церкви с миром *Gaudium et spes* (Радость и надежда) не была учтена православная точка зрения. Мелхиты и наблюдатели добились некоторых поправок, что значительно усложнило текст, в корне не изменив его. Как замечает архимандрит Андрей Скрима (в статьях французского журнала *La Croix*), «свобода тесно связана с истиной, но ее связь с эклезииологией не так ясна». В конституции *Радость и надежда* мистический реализм и его преобразующая сила также не нашли места. «Наше человечество разрастается, – добавляет архимандрит, – оно может быть находится на пороге безграничной космической экспансии, но глубинное преодоление одиночества – ибо можно оставаться совершенно одиноким, силясь завоевать внешнюю бесконечность –

достигается иначе: приобщением к бесконечности Бога».

7 декабря 1965 года на последнем публичном заседании Второго Ватиканского Собора Константинопольская делегация, возглавляемая митрополитом Мелитоном, занимает место в нефе собора Святого Петра. До начала мессы и принятия последних соборных документов кардинал Виллебрандс читает совместную Декларацию. Затем кардинал Беа читает папскую грамоту Павла VI, которая также начинается призывом к любви: «Живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас» (Еф 5.2), «Мы хотим устранить из памяти и жизни Церкви произнесенный тогда акт отлучения, дабы предать его забвению». Затем митрополит Мелитон у подножия алтаря получает грамоту из рук папы. В нескольких фразах он указывает на значение совершающегося события: «Тот, Который есть и был и грядет» (Откр 1.4), Господь истории, пребывающий над историей и искупающий ее, Тот, Кто вернется во славе, дабы повторить ее в Себе и завершить ее, сподобил нас жить в этот священный момент... Мы объявляем вам, как и всему святому Собору, собравшемуся вокруг вас, что в этот момент ваш собрат патриарх Афинагор I, действуя в том же духе, устраняет из памяти и жизни Церкви анафему, произнесенную патриархом Михаилом Керуларием в 1054 году. Выражая всеправославное чувство любви и мира, прозвучавшее на Третьей Конференции на Родосе, он возвещает об этом с кафедры святого Иоанна Златоуста – Отца, принадлежащего неразделенной Церкви. В этот момент совершается Божественная Литургия, составленная этим св. Отцом, в честь и память Отца нашего святого Амвросия, Вашего предшественника на Миланской кафедре...

«Два апостольских престола древнего и нового Рима, суждениями, ведомыми Господу, связавшие прошлое, теперь развязывают настоящее и открывают будущее, разрушая в Совместной Декларации и во взаимном церковном акте анафему – ими же наложенный символ схизмы, и утверждая вместо нее любовь – символ их новой встречи».

«Хотя разногласия в области учения канонического права и культа остаются на лицо, и несмотря на то, что евхаристическое общение еще не было достигнуто, основная предпосылка для прогрессивного разрешения несогласий между первыми престолами Запада и Востока – братская любовь – на сегодняшний день уже установлена официально в церковном понятии».

После речи митрополита он и папа дружески обнимаются в знак примирения. Здесь тоже звучат аплодисменты, как говорят, самые продолжительные за все время работы Собора.

В связи с существующей системой автокефалий, снятие анафем с православной стороны касается лишь Церкви Константинопольской, которая была также и единственной участницей события – 1054 года, события символического, хотя и имеющего свои границы. Впрочем, патриарх информировал о своем шаге всех предстоятелей Церквей-сестер, которые отнеслись к нему благожелательно. Митрополит Никодим, возглавлявший Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата, прибыл в Рим, чтобы присутствовать при закрытии Собора. Он имел продолжительную беседу с митрополитом Мелитоном и заявил, что отмена анафем является положительным жестом, содействующим улучшению отношений между

Римско-Католической Церковью и всем Православи-
ем в целом.

Впрочем, как Совместная Декларация, так сино-
дальный *Томос* и слово митрополита Мелитона, не-
двусмысленно указывают на границы происшедшего.
Константинополь отнюдь не собирается превысить
права, которые закрепляет за ним православное пре-
дание, подтвержденное вновь Родосскими Конферен-
циями. В интересах развития диалога, и Вселенский
патриарх и папа придают особое значение внутренним
связям, которые должны существовать между Церк-
вами-сестрами внутри Православия. Это открытие и
это уважение православного единства, в соответствии
с его собственным статусом, составляет один из наи-
более важных аспектов нового отношения Рима. На-
помним, что веками Рим не желал видеть в Восточной
Европе и на Ближнем Востоке ничего, кроме бессиль-
ного и экзотического конгломерата «Восточных Церк-
вей», халкидонских и нехалкидонских. Церквей, ко-
торые следует привлекать к себе одну за другой, или
по частям, оставляя все внешние атрибуты и латини-
зируя их изнутри. Отныне Рим признает другую сто-
рону такой, какой она сама себя представляет. После
некоторых колебаний Собора и противоречий в этом
вопросе между Конгрегацией по восточным обрядам
и Секретариатом по вопросам единства, акт, приня-
тый в декабре 1965 года, знаменует собой окончатель-
ное признание Православия Католичеством.

Я

Я читаю в пятом параграфе Совместной Деклара-
ции: «Папа Павел VI и патриарх Афинагор I со своим

Синодом сознают, что этот жест справедливости и взаимного прощения не может положить конец разногласиям как древним, так и недавним, все еще остающимся между Римско-Католической Церковью и Церковью Православной...». Это означает, что снятие анафем просто указывает – и это «просто» имеет огромное значение – на прогресс в «диалоге любви». У нас впечатление, что изменился климат, что чудесное событие в Иерусалиме продолжает приносить свои плоды доверия и мира. Но нет ли здесь другого, того, что не умеют видеть богословы и специалисты по каноническому праву, потому что они остаются лишь при концептуальных схемах и социологических структурах Церкви?

Он

Да, есть нечто другое. Деятельная любовь, вдохновенная Духом Христовым, всегда несет в себе множество обетований богословского обновления. Только после снятия анафем я осознал, что оно в себе несет. Мне показалось тогда, что за пределами человеческих действий, за пределами того, на что мы надеялись, даже за пределами любви, сам Дух Святой водил нашими мыслями и нашими перьями, направляя нас к новому творческому богословию. Снятие анафем явилось образцовым актом нового подхода к единению. Прежде всего, оно выявилось в постоянно ведущемся диалоге «на началах равенства», оно уже теперь выражает опыт братства. Затем совместная Декларация ясно определяет направление богословского поиска, который мы должны вести вместе: речь идет о различии, постижении, выражении или скорее о том, чему мы даем выразить себя – о пылающей тайне Церкви, которая сохраняется в глубине обеих Церквей-се-

484

стер. Здесь покаяние соединяется со славословием, дабы постепенно осуществился союз в плюрализме, чтобы явить Церковь неразделенную, не утратив ничего положительного приобретенного обеими Церквями во время разделения.

Я

... Декларация указывает на общий критерий: эkkлeзиологию первого тысячелетия. В ней раскрывается возможность нового единства, не путем социологического расчленения или концептуального уточнения, где всегда находятся непреодолимые препятствия, а сначала путем творческого обретения живого ощущения единой Церкви в разнообразии ее традиций.

ОТ НОВОГО РИМА К ДРЕВНЕМУ

После снятия анафем изменяется и смелеет язык посланий Афинагора I, почти превращаясь в поэзию, в богослужение. Вот как, например, завершается его Рождественское послание 1965 года:

«Возрадуйтесь, пророки, непреложно возвестившие о приходе Князя мира и правды.

Возрадуйтесь, апостолы, поведавшие миру Евангелие милости.

Возрадуйтесь, святые, соделавшие христианство подлинной наукой жизни.

Возрадуйтесь, святейшие и достопочтенные братья, служащие ныне патриархи, предстоятели Церквей, епископы, вожди народа, богословы, насельники Святой горы Афонской и все монашествующие, и вы, служители пера, и весь христианский мир, и вы, дорогие спутники, столько лет шедшие по пути примирения.

Возрадуйся и ты, святейший и досточтимый брат из древнего Рима, что нам одновременно удалось достичь того, о чем мы с любовью говорили друг другу два года назад, близ Вифлеемской пещеры...».

Из радости рождается серьезное раздумье, которое рождает мало-помалу «новую творческую перспективу», открытую деянием 7 декабря. В связи с годовщиной этого события патриарх пишет: «Отныне, следуя представлениям всего Православия, сотканным из любви, мира, послушания воле Господней, касающейся единства святой Церкви, мы заявляем, что со всем смирением готовы служить истине неразделенной Церкви, что мы готовы к новым церковным актам любви вослед тому, который был совершен 7 декабря 1965 года, предоставляя место свободному проявле-

486

нию Духа Святого». Этот текст говорит о вселенской роли Православия: оно не одна из конфессий, но смиренное свидетельство Церкви неразделенной, творческое свидетельство, не прикованное исключительно к прошлому, но обращенное к тому вольному пространству, где Дух может свободно раскрыть Себя.

В своих посланиях 1966 и 1967 годов патриарх в суровом и пророческом тоне постоянно говорит о требованиях истории, о нищете стран третьего мира, о духовной пустоте общества потребления, о проблеме предела и конечности развития науки. Он видит, что мир – под угрозой гибели, пусть даже и чисто духовной. «Вот почему, – неустанно повторяет он, – обе наши древние Церкви, Римско-Католическая Церковь Запада и Православная Церковь Востока несут на себе огромную ответственность и должны смело двигаться к единству» (послание 7 декабря 1966 года).

В то же время патриарх поддерживает выступление Павла VI в ООН и официально одобряет энциклику *Populorum progressio*, являющую собой столь высокое понимание знамений и нужд нашего времени.

Все больше он призывает к проявлению личной доброй воли со стороны тех, кто несет самую высокую ответственность в Церкви. Он зовет их «выйти в мир» на служение человеку и на служение делу единства. В 1967 году Пасху праздновали в один и тот же день на Востоке и на Западе. Для патриарха это было добрым знамением, так как он сам желал, чтобы все христиане каждый год вместе праздновали день Воскресения (он сделал конкретное предложение в 1969 г.). «Мы, главы различных Церквей, – пишет он в пасхальном послании 1967 года, – сойдем с наших престолов, задумавшись всерьез над нашим долгом и нашей ответственностью, и в братском пастырском сотрудничестве откроем третий период в истории Церкви, период

любви и примирения, единства и сосуществования в равенстве, пока Господь не объединит нас вновь – как это было до 1054 года, несмотря на существующие различия, – у святой чаши Пречистого Тела и Честной Крови Христовой».

Но что делать дальше? Мечта восьмидесятилетнего Афинагора стать самому паломником единства постепенно становится реальной. Он хотел лично посетить православные Церкви, в которых еще не был: в России и соседних странах, затем в Сербии, Румынии и Болгарии; мобилизовать эти Церкви ради единства православных и диалога с Римом. Затем с их согласия отправиться в Рим, в Женеву (где находится Всемирный Совет Церквей) и в Лондон, центр англиканской общины. Таким образом, в обозримые сроки подготовить всеправославный Собор и богословский диалог по существу между Православием и Католичеством и содействовать вступлению Католической Церкви во Всемирный Совет Церквей, который сделался бы инструментом всехристианского и всечеловеческого служения. В более отдаленном будущем подготовить соединение Православной и Католической Церквей, чтобы избавить христианский мир от самой глубокой раны и позволить начать на Западе процесс реинтеграции, который помог бы закрыть «исторические скобки» Реформы и Контрреформации.

Для того, чтобы начать этот процесс, нехватало символического события, некоего знака, некоего «таинства» (как говорил патриарх в своем Рождественском послании от 1965 года по поводу встречи в Иерусалиме). Начиная с марта, патриарх стремится к новой встрече с Павлом VI. Но поездка в Рим была бы воспринята многими православными как жест подчинения, ибо образ папской власти, захватившей мирскую власть в свои руки, остается слишком укорененным в

народной психологии христианского Востока. Если бы можно было надеяться на ответный жест, но как вообразить, что папа когда-нибудь посетит в Стамбул?

И тогда Павел VI вновь берет инициативу на себя. Совсем неожиданно он объявляет, что 25 июля 1967 года, он посетит Стамбул.

Он

Да, Бог творит чудеса. Папа решился сделать то, на что я не мог и надеяться. Решение его было столь живым, спонтанным, продиктованным поистине братским смирением. Мне нужно было трижды прочитать и перечитать письмо Павла VI, чтобы убедиться, что это не сон!

Такая инициатива говорит о духовном величии папы, это акт несравненного христианского мужества. И он принес куда больше плодов, чем многотомные богословские дискуссии! Исключительная доброта и простота, с которой наш старший брат из Рима прибыл к нам, изумила нас до глубины сердец: с той поры мы живем под впечатлением духовного обаяния, которое произвел на нас этот исполненный веры человек. Всякий раз, когда я вхожу в церковь святого Георгия, память моя возвращается к нашей общей братской молитве перед священным престолом.

Стамбульская встреча между папой и патриархом, паломничество папы к местам первых Вселенских Соборов и Церквам Апокалипсиса, подобно встрече в Иерусалиме и паломничеству в Святую Землю, были полны символизма и динамизма святости, который водительствоует людьми и возвышается над ними.

От Иерусалима к Стамбулу история Церкви повторяет себя. В Стамбуле папа, видимо, живее почувствовал, что именно здесь, по обе стороны Босфора, строго и в то же время трепетно были сформулированы тайны Воплощения и св. Троицы. В самом Константинополе на Втором Вселенском Соборе «встретились Отцы наши по вере, дабы единым сердцем исповедать Троицу святую, единосущную и нераздельную». Уже Первый Вселенский Собор утвердил в Никее, «городе победы» – на восточном берегу пролива – Отца и Сына единосущными и одновременно отличными друг от друга, выразив этим парадокс личности и любви. Позднее в Халкидоне, азиатском пригороде Константинополя, Четвертый Вселенский Собор благодаря чудесному единодушию Запада и Востока провозгласил союз божественной и человеческой природы Христа «нераздельными и неслиянными» в единственной личности Воплощенного Слова. Немного дальше к югу, на эгейском побережье теперешней Турции, находится Эфес, куда папа приехал 26 июля. Здесь, Третий Вселенский Собор, подчеркивая, что сам Бог родился во плоти, закрепил за Марией имя «Богородицы» *Theotokos* – причем население города, собравшееся вокруг Отцов, утвердило это решение мощным возгласом ликования.

На общей аудиенции 2 августа в Кастель Гандольфо папа подвел итог этих первых Соборов: «Они выявили и возвестили основные догматы нашей веры в Пресвятую Троицу, в Иисуса Христа, в Пресвятую Деву.

Они вывели христианство на путь мышления по примеру Апостолов, они привели человеческую мысль к осмыслению той богословской реальности истины, которая была открыта в Евангелии; они обогатили язык веры незыблемыми и четкими формулировками... «В этой области, – добавил папа, – Восток является учителем», ибо «он учит нас, что верующий призван к осмыслению истины, данной в Откровении». «Мы хотели засвидетельствовать нашей поездкой, что вера, сформулированная на Соборах этой благословенной земли, представляет собой широкую и прочную почву для начала изысканий, ведущих к полному восстановлению христианского общения между Католической Церковью и Церковью Православной».

Согласно западной традиции, восходящей еще к неразделенной Церкви, папа говорил лишь о первых четырех Соборах – Первом Никейском, Первом Константинопольском, Эфесском и Халкидонском. Православие же скорее настаивает на семи Вселенских Соборах, из коих три последних – Второй и Третий Константинопольский и Второй Никейский – также полностью принимаются Западом. Конечно Пятый Вселенский (Второй Константинопольский) Собор вызывал некоторое время противление на Западе и был причиной насильственного задержания папы Вигилия в Константинополе, где император держал его просто под арестом. Но последующий – Третий – Константинопольский Собор явился великолепным плодом VII века, века, известного столь плодотворными связями христианского Запада и христианского Востока, запечатленного мученичеством папы Мартина I и великого византийского богослова Максима Исповедника.

ведника. Это был образцовый Собор, проходивший под председательством римских легатов, позволивший всем направлениям выразить себя в ходе долгих дискуссий и споров... Что касается Седьмого Вселенского (Второго Никейского) Собора, посвященного иконопочитанию, то он обладает огромной значимостью, ибо он веками вдохновлял и по сей день вдохновляет священное искусство. Принятие его не составило проблемы для Рима, хотя весьма скверный латинский перевод итоговых документов и связанные с этим искажения вызвали споры среди богословов Карла Великого.

То что папа не упомянул этих трех Соборов объясняется тем, что христианский Запад, вполне принимая их, все еще не почувствовал всей их важности. Он усматривает в них лишь несколько витиеватый комментарий к предыдущим Соборам. В действительности же Пятый и Шестой Соборы заложили основу для энергетической христологии, обращенной на «обожение» человека при полном раскрытии его человеческой природы. Седьмой Собор показал, что Воплощение, проникая в материю, преображает ее в сиянии освященной личности...

Поэтому встреча Востока и Запада могла бы позволить последнему найти обновленную широту, касающуюся самих основ христианства.

Возвращаясь к временам еще более отдаленным, папа посетил места, связанные с Церквями апостольских времен, где особо хранится память об апостолах Павле и Иоанне. Семь Церквей Апокалипсиса: Эфесская, Смирнская, Пергамская, Фиатирская, Сардийская, Филадельфийская, Лаодикийская, находились

на западе Малой Азии, вплоть до самого обмена населением 1922 года. Присутствие Иоанна особенно ощущается в Эфесе, где на горизонте вырисовывается Патмос. Так, послания семи Церквам, открывающие Апокалипсис, заключают в себе целую эkkлeзиoлoгию. Эkkлeзиoлoгию различия: каждая поместная церковь есть Церковь, и общение всех совершается в деснице Воскресшего, где звезды являют собой их небесные корни. Эkkлeзиoлoгию покаяния, ибо Церкви угрожает неверность, и Дух призывает покаяться: «Имеющий уши да слышит, что Дух говорит Церквам».

Наконец в сердце этого паломничества папы – Константинополь, заключающий в себе огромную духовную традицию, освобожденную от мирской власти, но тем более властную. Однако Константинополь – это Рим, перенесенный обращенным Константином с еще языческих берегов Тибра на берега Босфора, где он может более свободно соединиться с Иерусалимом и символизировать его. Этот новый Рим стал, подобно старому, матерью Церквей, так что Тойнби, например, мог говорить о двух Европах: той, чьи корни протягиваются к Риму, и другой – укорененной в Константинополе. Этот новый Рим, подобно старому, быть может, еще в большей степени, стал горнилом христианского гуманизма, тайна которого явила себя из глубины – тайна света и Духа Святого; на основе ее Симеон Новый Богослов и Григорий Палама создали синтез, еще ожидающий своего раскрытия в культуре.

Старый Рим воплощает собой историческую непрерывность западного христианства; сталь плуга долгое время была имперской выплавки, что было чревато

безжалостными противоречиями, но борозды были проведены, и почва подготовлена для евангельского сева.

Новый Рим мог бы воплощать собой историческую прерывность восточного христианства, его смерть-воскресение, его назначение изнутри насыщать культуру или же верно хранить «под снегом» враждебной истории зерно окончательного преображения.

Два Рима: две Церкви-матери, связанные узами не-легкого братства и ныне рассеянной драмой 1054 года. Их схожесть сохраняется даже в наименованиях: византийцы называли себя «римлянами». От послания папы Льва Халкидонскому Собору до послания папы Агафона Третьему Собору в Константинополе, сохранялось промыслительное сотрудничество двух Римов. А если их тайное родство, пробуждаясь сегодня, позволит духовному зерну, сбереженному одним, оплодотворить собою борозды, проведенные сильной рукой другого? Каким может быть значение восточного ощущения бытия и Света, сегодня, когда Запад овладевает космосом, не умея, однако, любить его?

И вот в эти июльские дни 1967 года все было сделано папой и патриархом, чтобы выявить это вновь обретенное братство.

Выявить – прежде всего языком жестов. Павел VI на этот раз прошел до конца путь, начатый кардиналом Беа. В Святой Софии на месте главного алтаря он преклонил колени для молитвы, спросив предварительно разрешения у турецкого министра, который сопровождал его. Это был мужественный жест со стороны человека, который хотел придать своему путешествию также значение дружеского сближения с на-

494

родом в большей части мусульманским. В турецкой прессе раздалось несколько протестующих голосов, студенты-националисты пришли в Святую Софию, чтобы совершить демонстративные поклоны по мусульманскому обряду... Но факт остается фактом: в 1967 году сам папа на коленях молился там, где в 1054 году папские легаты оставили ложь и проклятие. Ибо вопреки тому, что думают большинство наших современников и, увы! столько христиан, нет ничего более обязывающего, чем молитва.

Для выражения братской любви личные жесты соединились с литургическими. Здесь главная роль принадлежала патриарху.

Утром 25 июля в церкви Святого Георгия в Фанаре впервые после девяти веков имя папы появилось в православной ектенье: «Еще молим Тя, Господи, о его Святейшестве папе Римском и об Архиепископе нашем Афинагоре». Это прошение было повторено на богослужении в Риме, 26 октября 1967 года. То же самое при пении многолетия. Когда патриарх вручает папе *омофор* с изображением двенадцати Апостолов, раздается возглас народа: *Axios! Axios! Axios!* (Достоин! Достоин! Достоин!). В Иерусалиме только несколько голосов подтвердили это «избрание» – в Стамбуле то был единодушный голос народа. «Вы вернули папу Церкви», – сказал патриарху вечером того дня один православный свидетель происшедшего.

Наконец обмен приветствиями и торжественная хартия, врученная Павлом VI Афиногору I за богослужением, в католическом соборе Святого Духа, говорили о несомненном продвижении к богословскому диалогу при помощи выражения общего опыта двух Церквей.

И одна и другая сторона сразу же коснулись «тайнства таинств» – Евхаристии. «Через Крещение, – ска-

зал папа, – «все мы одно во Христе» (ср. Гал 3.28). Благодаря апостольскому преемству, священство и Евхаристия соединяют нас еще теснее. Таково глубокое и таинственное общение, существующее между нами: причащаясь Святым Дарам в Церкви Божией, мы вступаем в общение с Отцом через Сына в Духе Святом. Усыновленные в Сыне, мы таинственно и реально стали братьями друг для друга». Нельзя с большей ясностью выразить тринитарную основу церковного общения. Дополняя слова папы, патриарх Афинагор говорил об «уповании на Того, Кто придет завершить время и историю для суда над живыми и мертвыми».

Одновременно внимание сосредоточивается на принципах богословского диалога, общности веры, для преодоления оставшихся разногласий. Общность, о которой говорил папа – это вера апостолов, св. Отцов и великих Вселенских Соборов. Что же касается принципов диалога, по словам папы – в первую очередь обновлении мысли через «любовь ко Христу и взаимную любовь братьев». Во-вторых, верность духу Отцов, умевших возвышаться над сталкивающимися формулировками и проникать в невыразимое. Папа напомнил об Иларию и Афанасию, «признававших единство веры несмотря на различие в терминах в те времена, когда серьезные трудности разделяли христианский епископат». Так, в великих богословских спорах IV века о божественной природе Сына латиняне продолжали переводить словом «субстанция» греческое слово *hypostasis*, тогда как на Востоке его стали понимать как «личность»... Павел VI напомнил также о «святом Василии Великом, который, следуя своей пастырской любви и отстаивая в то же время истинную веру в Духа Святого, избегал употребления некоторых слов, как бы точны они ни были, если они могли стать предметом ссоры для какой-то части христианского народа».

Святой Василий, действительно, желая убедить тех, кто сомневался в божественной природе Святого Духа, приводил их к осознанию «равенства чести», придаваемой Утешителю Писанием и Литургией... «Святой Кирилл Александрийский, – продолжал папа, – согласился оставить в 433 году свою великолепную богословскую систему, ради примирения с Иоанном Антиохийским, после того как уверился в том, что при различных выражениях, их вера была тождественной» Александрия придавала большое значение всецелому обожению человеческой природы Христа, иной раз забывая его конкретную человеческую личность. Антиохия же настаивала на этой личности, иной раз как бы заслоняя ею личность воплощенного Слова, в которую облекся человек... Однако прекрасное определение 433 года, подлинный богословский вывод Третьего Вселенского Собора, показал взаимодополняющий характер этих двух взглядов на Христа.

Вернуться к духу Отцов – это значит сознавать относительную значимость понятий и систем перед лицом не вмещимой реальности тайны, созерцаемой в глубинах Церкви.

Исходя из этого формулируется другой принцип – принцип уважения плюрализма и свободного исследования, причем не релятивизируется существенное, которое остается объединяющей силой этой симфонии, как бы суммой частичных выражений. Хартия, врученная папой патриарху, говорит о важности «знания друг друга и взаимного уважения при законном разнообразии литургических, духовных, канонических, научных и богословских традиций». Обратившись с речью к молящимся в храме Святого Георгия, Павел VI говорил, что он молится о том, «чтобы Господь... даровал нам живое ощущение единого на потребу, которому все остальное может быть подчинено или прине-

сено в жертву». Патриарх проводит сближение между разнообразием эпох и пространств с требованиями верной и творческой мысли: «Будем вести, – говорит он, – наш богословский диалог на основе полноты общения в том, что являет собою суть нашей веры и свободу мысли, духовной, богословской и творческой, мысли, вдохновленной общими Отцами, с учетом разнообразия местных обычаев, допускавших Церковь с самого начала ее существования». Как же выделить существенное? – спрашивает Павел VI. – Обнаруживая в разных культурах и эпохах то, что не взирая на разность терминологии остается «всегда равным самому себе». Здесь речь идет о знаменитом каноне святого Викентия Леринского, которого придерживаются православные: принимать за правило веры то, «во что верили все, всегда и повсюду». Это относится не к какому-то немислимому и механическому единообразию, но к «ощущению Церкви», в котором – через пространство и время – слагается таинственное созвучие (в музыкальном смысле) умов и сердец.

Главное достижение этой встречи – открытое признание папой эkkлeзиoлoгии соборности. Признание, богословски обоснованное на языке, который можно назвать «православным», ибо его главные понятия – евхаристическая община и Церковь-сестра. «В каждой поместной Церкви, – сказал Павел VI, – совершается тайна любви Божией, и не потому ли мы сохранили столь прекрасное традиционное наименование для этих Церквей, желавших называться Церквями-сестрами...» И в церкви Святого Георгия, касаясь ответственности предстоятелей Церквей, папа уточняет: «Они должны уважать и признавать друг друга пасты-
498

рями той части стада Христова, которая им доверена». Эта формула была употреблена в послании к патриарху Московскому, в котором Павел VI выражает благопожелания «той части стада Христова, которая была Вам вверена».

Иоанн XXIII считал себя Римским епископом. Павел VI открывает себя Западным патриархом. Это не отрицает его вселенского примата, но приводит его к главному. А главное облакает в слова патриарх Афинагор: «И вот, вопреки всем человеческим ожиданиям, среди нас находится епископ Римский, первый по чести среди нас», «тот, кто председательствует в любви» (Игнатий Антиохийский). Эти слова – призыв к православным вновь обдумать проблему римского примата в перспективе неразделенной Церкви...

В течение своей поездки Павел VI послал телеграммы всем главам православных Церквей. Он непосредственно обратился к ним 26 июля в Эфесе: «Это паломничество к благословенным местам апостольской проповеди и трудов Отцов Вселенских Соборов позволяет нам лучше понять глубокое единство в вере, проповеданной и провозглашавшейся пастырями и учителями, которая остается для нас общей верой, несмотря на разделяющие нас разногласия. Мы обменялись с Его Святейшеством Вселенским патриархом Афинагором I святым целованием мира. И вам также, дорогие братья во Христе, мы хотим выразить наше почтение и нашу братскую любовь. С полным уважением к вашим обычаям и законным традициям мы, с нашей стороны, хотели бы заявить о нашей воле продолжать диалог в истине и любви. Пусть по ходатайству Святых Отцов Церкви преемники апостолов дождутся

того долгожданного дня, когда все мы соединимся в совершении Евхаристии единственного Господа нашего».

В «Хартии единства», торжественно врученной Павлом VI Афинагору I..., говорится о «решительном желании Католической Церкви «ускорить приближение того дня, когда между Западной Церковью и Восточной будет восстановлено полное евхаристическое общение для восстановления единства между всеми христианами».

На этот раз другие православные Церкви не могли остаться наблюдателями. Нужно было отвечать. Их ответ должен был быть только соборным.

В начале августа, по пути на собрание Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей, митрополит Никодим остановился в Риме. Папа принял его в частной аудиенции в Кастель Гандольфо. Патриарх Алексий заявил корреспонденту агентства ТАСС, что он радуется Стамбульской встрече, которая «содействует установлению братских отношений между православной и католической Церквами», но что проблема единства этих Церквей может быть «решена не иначе, как на Соборе, который соберет все православные Церкви». Новый первоиерарх Элладской Церкви митрополит Иероним высказался в том же духе.

Поэтому Афинагор I решает отправиться в Рим осенью того же года, предварительно посетив несколько православных Церквей.

В 1959 году он посетил ближневосточные патриархаты, в 1963 году после Афонских празднеств Элладскую Церковь. Осенью 1967 года он хотел отправиться в Москву, но Советский Союз праздновал 50-летие 500

революции, и патриарх должен был отложить свой визит. Поэтому он отправился в Сербию, Румынию и Болгарию. В том, что касалось диалога с Римом, на который он должен был получить их согласие, наиболее горячую поддержку патриарх получил в Софии. Напротив, в Белграде и Бухаресте возникли проблемы, которые Павел VI и Афинагор I должны были учесть на своей новой встрече в Риме.

Однако, в Сербии, атмосфера сильно переменилась; Сербская Церковь послала наблюдателей на последние сессии Второго Ватиканского Собора, загребский кардинал Шепер получил важный пост в Ватикане и перед отъездом имел дружескую беседу с Сербским патриархом. Сам Павел VI в 1965 году послал значительный дар для восстановления православного храма в Банья Лука, одного из трехсот православных храмов, разрушенных во время войны. «Величайшая радость для христианина – это прощать обиды», – заявил тогда Сербский патриарх Герман. Он подтвердил Афинагору, что православный народ Югославии согласится на диалог с Римом, если он своими действиями подтвердит перемену. Однако диалог должен был быть методически подготовлен на всеправославной основе, принимая во внимание антиномичное утверждение: Римская Церковь является для православных одновременно «Кафолической Церковью Христа» и «схизматическим патриархатом». Во время своего пребывания в Риме, Вселенский патриарх должен был быть весьма осмотрительным, во всем, что касается церковных таинств, чтобы ясно показать, что несмотря на снятие анафем между двумя Церквями пока не может быть евхаристического общения.

В Бухаресте, центре мощной Румынской Церкви, роль которой, прежде всего в интеллектуальном плане, непрерывно возрастает в современном Правосла-

вии, на первый план вышла проблема унии, одинаково затрагивающая интересы государства и Церкви, конституционально не вполне разделенные. «Униатский» епископ Василь Крестеа, посвященный в Риме в 1960 году, участвовал в церемонии закрытия первой сессии Второго Ватиканского Собора, и поэтому Румынская Православная Церковь не послала туда своих наблюдателей. Сейчас монсиньор Крестеа стремится к возрождению униатской Церкви в Румынии. Однако политические и религиозные руководители страны опасаются того, что Рим реально все еще не отказался от теории «двух мечей», что он остается идеологической и политической державой, чьи приверженцы образуют как бы государство в государстве. Продолжение межгосударственных сношений Ватикана с другими странами явным образом подтверждает эти опасения, заявил Румынский патриарх Юстиниан.

Афинагор I и сопровождающий его митрополит Мелитон отвечают, что они обратились к Риму с просьбой «вновь внимательно изучить проблему унии».

Кроме этого горячего, хотя и местного и отчасти политического вопроса, патриарх Юстиниан и его богословы представили Вселенскому патриарху острый и строгий анализ положения Католической Церкви с точки зрения возможного диалога с ней.

Они с удовлетворением отметили стремление Собора «очеловечить» примат, преобразовав его в пастырское «служение» и примат «любви». Однако они обеспокоены новыми формулировками, касающимися папской непогрешимости. Организация Синода епископов кажется им положительным шагом, однако следует, чтобы из консультативного он стал «совещательным» органом, преобразуясь вместе с папой в «орган управления», который мог бы исправить неприемлемые положения соборных документов или энциклики

Ecclesiam suam и окончательно преодолеть проблему унии.

В том, что касается богословского диалога, то, по мнению патриарха Юстиниана, обе Церкви должны начать его с того момента, когда они расстались. «Вернувшись к этому моменту, пусть они вместе изучат тот вклад, который сделала каждая из них в выявлении основных христианских доктрин, пусть они удержат то, что полезно для обеих Церквей, и устранят то, что остается земным и противоречащим Священному Писанию и Преданию».

В ожидании того, когда диалог любви воплотится в «диалог служения», который возможен, в рамках Всемирного Совета Церквей, к которому, к удовлетворению румын, Католическая Церковь приближается все ближе и ближе.

В Белграде, как и в Бухаресте, Афинагор I выслушал всех с глубоким вниманием. «Мы подошли к тому моменту, – сказал он, – когда Рим способен все это выслушать».

С учетом всех этих проблем Герман Сербский и Юстиниан Румынский одобрили предстоящую встречу в Риме. Кроме того Румынский патриарх одобряет возникновение поместных автономий в рамках Католической Церкви и устанавливает непосредственные контакты с ними. Так, он пригласил на вторую половину ноября кардинала Кенига в качестве предстоятеля Австрийской Церкви.

В Риме Павел VI и Афинагор I сделают невозможное, чтобы успокоить тревоги и сделать проблемы открытыми для будущих решений. Слова и жесты свидетельствуют о столь глубоком изменении Католической Церкви, что они заслуживают детального рассмотрения. Но сначала нужно воздать должное памяти Иоанна XXIII.

В марте 1926 года, монсиньор Ронкалли, в ту пору апостолический визитатор в Болгарии, нанес визит Вселенскому патриарху Василию III, который заявил, что готов, несмотря на свой возраст, отправиться в Рим и попросить папу собрать собор для изучения проблемы единства.

Потребовалось почти сорок лет, чтобы тот же монсиньор Ронкалли, ставший папой Иоанном XXIII, разбил неподвижные структуры, потребовалось терпение и ощущение чуда, присущее Афинагору I, чтобы это событие стало возможным. Вот почему 27 октября 1967 года патриарх Афинагор предался сосредоточенной молитве на гробнице Иоанна XXIII, положив на нее три золотых колоса с евангельской надписью: «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». В ней символизируется жизнь служения и вольно жертвенная смерть.

Во время поездки Афинагора в Рим тайна Церквей-сестер находит свое выражение в человеческой дружбе, которая обретает конкретные формы. Здесь как будто понемногу осуществилось патетическое желание патриарха: «Папа столь одинок. Я хотел бы дать ему почувствовать, что у него есть брат. Брат убогий, недостойный, но все же брат». Смирение Афинагора I, который в июле пришел в Стамбульский аэропорт вместе со всей толпой встречать папу, инициатива последнего, первым нанесшего визит, дабы преодолеть столько накопившихся трудностей – все это облегчило новую встречу. Павел VI, больной в то время, сделал все возможное, чтобы это событие стало как можно более значимым. 27 октября папа и патриарх могли

504

провести более часа, беседуя с глазу-на-глаз, по-французски без переводчика в личной библиотеке папы. И патриарх вновь говорит о «духовном обаянии», которое излучает личность папы Павла VI.

Ответы на вопросы, поставленные ранее его православными собеседниками, были даны. Павел VI вынес, за пределы всякой политики, вопрос о сближении двух Церквей. «Наши действия, – сказал он, – свободны от всякого иного умысла, кроме единственной цели служения Христу и Его Церкви». И об общем свидетельстве, которое дано будет лишь смиренной и жертвенной вере: «Не является ли неверие многих из наших современников голосом, коим Дух говорит Церквам, приводя их к новому сознанию завета Христа, умершего, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать воедино?» Это общее свидетельство, единое и многообразное, проистекающее из любви и сияющего упования, не есть ли то, что Дух требует прежде всего от Церквей сегодня?»

Что касается проблем, связанных с *унией* и прозелитизмом, столь беспокоивших румын, то, следуя Совместной Декларации, в которой говорится о «взаимном уважении и верности тех и других своим Церквам», Католическая Церковь и Вселенский патриархат выразили готовность к изучению конкретных пастырских проблем, в особенности тех, которые касаются браков между католиками и православными». Патриарх в своем выступлении 26 октября подчеркнул необходимость «очистить себя любовью от всех отрицательных элементов, унаследованных нами от прошлого... установить полностью взаимное братское доверие..., ведущее к прочному и надежному единству наших Церквей...»

Ни папа, ни патриарх не скрывали остающихся трудностей. Патриарх, упомянув о «длительности пути»,

указал на необходимость не только любви, но и «усердного труда» в молитве и терпении. Патриарх Юстиниан выразил пожелание, чтобы на этом пути до богословских переговоров был обсужден вопрос о «диалоге служения». Именно это и предусматривалось Совместной Декларацией: «Диалог любви должен принести безкорыстные плоды в программе общей работы на пастырском, социальном, интеллектуальном уровне... Римская католическая Церковь и вселенский патриархат... желают лучшего сотрудничества в делах служения для помощи беженцам и тем, кто страдает, чтобы способствовать установлению справедливости и мира в мире».

Нужно отметить, что «столь богатое общение..., соединяющее нас в тайне Церкви», остается, по словам папы, «все еще неполным», и что «Дух Святой заставляет нас всем существом стремиться к полноте этого общения». Православные собеседники патриарха, прежде всего сербы, особенно настаивали на том, чтобы избежать всякой неясности в этой области.

Общее достояние, его границы, нетерпение перейти эти границы, вылившееся в покаяние и молитву — все это выразилось со всей строгостью и глубиной в богослужении, имевшем место в соборе Святого Петра 26 октября.

Это богослужение было составлено на основе римской мессы, но без всякого евхаристического элемента. Было прочитано Послание апостола Павла к Филиппийцам (2.2-11), где говорится об самоуничижении Христа, принявшего образ раба и смирившего Себя, послушного «даже до смерти, и смерти крестной». «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Иисусе Христе». Здесь прозвучали и слова, особен-

но близкие святому Косме Этойлийцу и патриарху: «Пусть каждый заботится не о себе только, но и о других». Еще более значимым было чтение отрывка из Евангелия от Иоанна (13.1-15), повествующего об умовении ног: «Вы называете меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам». В отличие от синоптиков, Иоанн не рассказывает о Тайной Вечере, но заменяет ее этим рассказом, как будто ради того, чтобы показать взаимосвязь между Евхаристией и «таинством братства». Вот почему после евангельского чтения вместо евхаристического канона, пока невозможного, была прочитана большая молитва покаяния и прощения:

«Все мы едины в проповеди одного и того же Евангелия, в одном Крещении, мы соучаствуем в одних и тех же таинствах и наделены одними дарами, мы вместе взываем к ходатайству Марии Девы, Пресвятой Матери Божией, наставленные примером апостолов и святых, мы испытываем исключительную скорбь от того, что уже века мы удалены друг от друга бичом разделения и потому не можем иметь общения полного и должного.

Воззри на нас, Твоих служителей, просвещенных благодатью Духа Святого и ведомых братской любовью; сожалея о грехах против единства Церкви, мы смиренно испрашиваем прощения у Тебя и у братьев наших и единым голосом молим Тебя даровать совершенное единство всем, кто верует в Тебя...

... Сделай так, чтобы, различая знамения времени и исправляя заблуждения прошлого, неустанным самоотречением мы удостоились столь долгожданного часа полного общения...».

Затем после чтения всем собранием *Отче наш*, вместо причащения, последовала церемония взаимного прощения. Стоя у алтаря, папа и патриарх обменялись целованием мира под приветственные возгласы народа, которые не умолкали во все время, пока мир («рах» лат.) не был передан четверем кардиналам, окружавшим папу, и четверем митрополитам, окружавшим патриарха, а затем всем епископам католического Синода, собравшимся в нефе. Как и в Иерусалиме, свидетели говорили, что они ощутили ошеломляющее присутствие Святого Духа.

Подводя итог этому богослужению, патриарх сказал: «Сердцем и духом мы готовим себя к тому, чтобы идти к общей Евхаристии, разделяя чувства Господа, умывавшего ноги Своим апостолам...»

Богослужения такого рода, с обостренным ощущением тайны, молитвы и любви, должны бы стать уроком для католиков и православных, и для христиан всех конфессий. Став более частыми, они содействовали бы единству Церквей в большей степени, чем некоторые опыты евхаристического общения.

Патриарху это паломничество позволило взглянуть на тайну и славу Рима в перспективе неразделенной Церкви. Эта Церковь, как мы говорили, ощущала свое единство как широкое общение Церквей-сестер. Однако некоторые из Церквей пользовались бóльшим авторитетом, их мнения по тому или иному вопросу служили критерием для вселенской Церкви и становились для нее *matrices fidei*. Это была отнюдь не юридическая власть, но излияние духовного света, которому соборы придавали каноническое содержание. Вскоре после того как Иерусалим отошел в тень, са-

508

мой видной Церковью стала Церковь Римская. Ибо она находилась в столице мира, как знаменье Благой Вести, донесенной до его сердца по образу Христа, как бы сошедшего в ад, в этот «великий город Вавилон», где цезарь требовал для себя божеских почестей и где кровь мучеников запечатлела непорочную верность Супруги. Римская Церковь – как писал во втором веке святой Ириней – была «великой Церковью, учрежденной апостолами Петром и Павлом» и освященной их кровью, Церковью, выросшей у их могил, их мощей и в силу этого ставшей главным местом их пребывания, а потому и мощным центром паломничества. Феодорит Кирский писал папе Льву, что Рим «владеет гробницами Петра и Павла, наших общих Отцов, учителей истины, гробницами, которые озаряют души верных».

Именно христианское величие Рима хотел подчеркнуть патриарх своими действиями и словами. «В эту святую минуту до нас доносится голос крови апостолов Петра и Павла, крови мучеников Колизея», – воскликнул он в соборе Святого Петра. И в согласии с Преданием он назвал Церковь Рима «местопребыванием корифеев апостолов Петра и Павла». Утром 26 октября он молился на гробнице Святого Петра, а во второй половине дня он был в соборе Святого Павла-за-стенами (San Paolo fuori le mura), зажигая у каждой гробницы особый, светильник. 27 октября он посетил соборы Святого Иоанна Латеранского и Святой Марии Великой. Он был поражен сходством мозаик с теми, которые позднее достигли расцвета в византийском искусстве. В Колизее он пропел византийский тропарь мученикам, «уязвленным любовью Божией». На следующий день он посетил катакомбы Святой Присциллы и ее *capella greca*.

Всего важнее то, что первоиерарх Православной

Церкви столь торжественно напомнил о равном достоинстве и нерасторжимом единстве в первохристианском Риме обоих апостолов, Петра и Павла. Ибо вся история христианского Запада отмечена знаком их разделения: Римский епископ отождествлял себя только с Петром, тогда как Реформация помнила, казалось, лишь о внезапном избрании Павла и о силе его противостояния...

В этой перспективе римская встреча, происшедшая после Собора и в тот момент, когда проходил первый епископский Синод католической Церкви, позволила Православию заново осмыслить римский примат: в неразрывности с неразделенной Церковью и в надежде на единство.

Патриарх, напомнив, что единство обеих Церквей осуществляется «во Христе Иисусе, Который есть Глава Церкви», призвал в свидетели «достопочтенного епископа Римского, носителя апостольской благодати и преемника сонма людей святых и мудрых, прославивших эту кафедру, первую по чести и порядку в организме многих христианских Церквей, и чья святость, мудрость и мужество в отстаивании общей веры неразделенной Церкви является нерасточимым достоянием и сокровищем для всего христианского мира». Афинагор I видит папу в центре церковного общения, а не над ним: «Мы приветствуем Ваше Святейшество и достопочтенный Синод, окружающий Вас, иерархию рассеянную по всему миру, святой клир, религиозные ордена и всех, столь дорогих нам верующих святой Римско-Католической Церкви».

В ответ, Павел VI еще более четко отмечает сопричастное видение, принеся благодарность за «глубо-

510

кую радость быть всем вместе среди наших братьев епископов, на могиле первоверховного апостола, прославляющего Римскую Церковь и ее благочестивый народ, который нас окружает, разделяя нашу духовную радость и нашу молитву...» Согласно понятиям древней Церкви, Петр пребывает здесь благодаря мощам, освящающим это место и «прославляющим» его. И первый епископ является таковым лишь «вместе» с другими патриархами, «посреди» своих братьев по епископскому служению, «окруженным» народом, «соучаствующим» в его радости и молитве.

Для того, чтобы определить роль Рима, папа возвращается к формуле святого Игнатия Антиохийского, которую привел патриарх во время стамбульской встречи. «Синод епископов, – сказал Павел VI, – обеспечивает в новых формах лучшее сотрудничество Поместных Церквей с Церковью Римской, председательствующей в любви».

То, что примат находит смысл лишь во вновь обретенном братстве, доказывает и вновь открытое Римом призвание патриаршества. В своем послании от 6 октября, где Афинагор сообщает папе о своем желании посетить Рим, он называет его не только «епископом Римским» и «папой», но и «патриархом Запада». В соборе Святого Петра, средоточии церковного протокола, соблюдалось абсолютное равенство между двумя патриархами: их одинаковые троны стояли на одном и то же возвышении. Чтобы почтить «униатских» патриархов, Папа VI ввел их в изначально и преимущественно римский круг кардиналов. Кардиналу-старейшине Священной Коллегии было поручено открывать дверцу машины Афинагора I всякий раз, когда он садился в машину или выходил из нее. В Совместной Декларации папа и патриарх выражали радость по поводу того, что «их Церкви все более раскрывают

друг друга как Церкви-сестры». Папа указал на послание апостола Петра Церквам «в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии» (I Пет 1.1), чье предание представляет Вселенский патриарх, как на пример отношений, которые должны связывать первую кафедру с другими патриархами. «Это послание вместе с учением и увещанием, которые оно содержит, несет этим Церквам приветствие от Римской Церкви. Это первое свидетельство тех отношений, которые столь плодотворным образом развивались в течение последующих веков, хотя и тогда было достаточно столкновений и недоразумений». Критерий древности здесь уже служит признаком новых отношений, плодотворных, хотя и не лишенных напряженности, согласно которым сам Рим, как поместная Церковь – не дает распоряжений – но учительное наставление и увещания...

Здесь также последнее слово остается за патриархом. Касаясь роли папы в предвидении единства, он говорил о нем как о «старшем брате».

В связи с приездом патриарха новый облик Церкви, пока явленный лишь в обетовании, яснее выступает благодаря реальности Синода и присутствию народа.

Патриарх по обычаю был окружен четырьмя членами своего Синода. Папа же выразил желание, чтобы его встреча с патриархом произошла в присутствии первого епископского Синода католической Церкви, чтобы показать православным, что «древний институт Синода» не забыт и в Западной Церкви и в настоящее время восстанавливается в ней.

Таким образом, встреча двух Церквей-сестер приняла в Риме коллегиальный характер. Все синодаль-

ные епископы соучаствовали в богослужении прощения и мира, совершавшемся в соборе Святого Петра 26 октября. В тот же вечер патриарх был гостем торжественного собрания Синода. Он говорил, что испытывает «переполняющее его чувство братства», не как нечто случайное или сентиментальное, но как ощущение «истинного братства в Духе Святом». Он говорил о «бесценной жемчужине апостольского преемства, непрерывно передающегося всем нам путем наложения рук», и закончил надеждой на приход той «великой и святой минуты, когда епископы Запада и Востока, сослужащие у одного алтаря, поднимут чашу Господню, во единой Евхаристии». Видение поистине вселенского Собора, который мог бы стать последним действенным средством перед лицом некоторых формул, догматизированных в одностороннем порядке во времена разделения и ставших камнем преткновения между двумя Церквями.

Присутствие Синода соединилось с не менее традиционным участием народа. «Наибольшее впечатление в Риме, – сказал мне патриарх, – произвела на меня столь положительная и сердечная реакция верующих. Она говорит о том, что потребность в единстве глубоко укоренена в душе народа».

В соборе Святого Петра 26 октября толпа аплодирует при появлении патриарха и встречает взрывом приветствий целование мира.

В соборе Святого Павла-за-стенами, во второй половине дня состоялась встреча с римской молодежью. Силы порядка были не в состоянии сдержать толпу, устроившую патриарху невероятную овацию. Афинагор I нередко рассказывает об этом эпизоде. Мне самому привелось встретить в Фанаре группу молодых итальянцев, пораженных этой встречей и приехавших туда специально, чтобы вновь повидать мудрого ста-

рика, вернувшего христианству, как бесценную жемчужину его восточный облик.

Принципы богословского диалога, ясно сформулированные в Стамбуле, были вновь подтверждены и получили более конкретные направления для своего развития.

«Общий путь» обеих Церквей, – сказал патриарх, – должен быть путем к истине, к тому, во что верили все, всегда и повсюду». Это полная цитата правила св. Викентия Леринского, на которое папа ссылался в Стамбуле. «Истинно богословский диалог, – продолжал он, – должен привести, с одной стороны – к истолкованию того, что уже было сообща пережито в Церкви, с другой – к исследованию истины в духе любви и созерцания и к выражению ее в духе служения». Совместная Декларация говорит о «верности преданиям Отцов и внушениям Духа Святого».

Что касается конкретных возможностей проведения такого диалога, то Декларация уточняет:

«Для того, чтобы плодотворные контакты между Римско-Католической и Православной Церквями могли быть подготовлены, папа и патриарх дают свое благословение и свою пастырскую поддержку всякому стремлению к сотрудничеству между католическими и православными исследователями в области изучения истории и предания Церквей, патристики, литургики и изложения Евангелия, которое отвечало бы одновременно подлинной Благой вести и потребностям современного мира. Дух, который должен вдохновлять эти усилия – дух верности истине и взаимного уважения, желает избежать злопамятства прошлого и всякого вида духовного или интеллектуального господства».

Среди начинаний, которые уже осуществляются, можно назвать работу Института Святого Григория Паламы в Милане, в котором сотрудничают некоторые из лучших греческих богословов; или работу Института экуменических исследований в Париже, где братски сотрудничают католики, протестанты и православные. Благодаря отцу Ле Гийу, директору Института, он стал излюбленным местом встречи между Востоком и Западом.

Если глубочайшей причиной раскола было некоторое умаление на Западе лица и значения Святого Духа, то, надо сказать, что сам Павел VI в своем ответе патриарху 26 октября 1967 года в римском соборе Святого Петра, сделал решительный шаг в сторону исцеления. Он признал, что слова Апокалипсиса, «Имеющий уши да слышит, что Дух говорит Церквам», глубоко потрясли его в Смирне и в Эфесе.

Затем он воспел настоящий гимн Духу, «Который дал нам узнать Христа, сохранить достояние, врученное Церкви, проникнуть в тайну Божию и в истину Его, которая есть жизнь и внутреннее преображение». Дух «творит чудеса в самых разных дарах Его, распределяет всяческую благодать... и созидает единство; Он пребывает во всех верующих, Он наполняет Церковь и полностью управляет ею». Здесь папа возвращается к пониманию – близкому некоторым современным православным богословам – касающемуся взаимоотношения между Сыном и Духом, между сакраментальным и иерархическим аспектом Церкви и всеобщим священством и пророческой свободой в Духе Святом. Немного позднее, цитируя отца Конгара, одного из католических богословов, наиболее глубоко

ко осмысливших древнюю и современную православную эkkлeзиологию, Павел VI скажет, что две главные силы Церкви суть иерархия и Святой Дух – хотя между ними нельзя устанавливать ни малейшего равенства, ибо таинство и установленное священство были даны Духом Святым. Вникнув в эти слова, православные должны спросить себя, не находится ли давняя и болезненная тяжба об исхождении Святого Духа на пути к разрешению.

Именно папа упомянул о народе – «духоносце», в котором свободно процветает множество даров Духа Святого; а патриарх, обращаясь к Синоду, – о пятидесятилетнем характере иерархии: Дух «пребывает в епископах как в скудельных сосудах».

Roma-Amor. Владимир Соловьев позволил себе эту игру слов, чтобы напомнить о призвании и указать на надежду. Игра слов мало-помалу становится реальностью перед нашим слишком невнимательным взглядом. Есть задержки, судорожные движения, болезненные нащупывания пути. Однако само движение кажется необратимым. Среди тех, кто видит это преобразование и всем своим существом содействует ему, на первом месте стоит патриарх Афинагор.

Весной 1968 года казалось, что с православной стороны дело идет, если не к учреждению смешанной богословской комиссии с участием католиков, то по

крайней мере к образованию всеправославной богословской комиссии, которая должна будет подготовить диалог. Собор сербских епископов в мае потребовал собрать представителей всего православного мира. В июне, когда неподалеку от Женевы открылась Четвертая Всеправославная Конференция, патриарх Афинагор сделал через своего посланника митрополита Мелитона следующее предложение: «... Поскольку в «диалоге любви» мы уже сталкиваемся с богословскими темами, которых видимо будет все больше, рассмотрим в плане координированных отношений между православными церквями тематику богословского диалога с Римско-Католической Церковью, путем создания специальной межправославной комиссии. Эта комиссия подготовит содержание и методику богословского диалога и в подходящий момент начнет диалог с подобной римско-католической комиссией».

Однако неожиданный поворот трагической истории униатства еще раз отсрочил уже почти принятое решение.

В 1950 году в Чехословакии по приказу советского правительства униатские епархии Прешова и Михайлова были включены в Православную Церковь. Эти Церкви присоединились к Риму в 1649 году под давлением австрийского правительства, которое, уничтожив чешскую независимость, проводило тогда настоящий крестовый поход Контрреформации. Но три века не прошли бесследно. Присоединение 1950 года было насильственным, вызвавшим сопротивление, и многие епископы и священники попали в тюрьмы. Весной 1968 года правительство Дубчека освободило

выживших и позволило провести в приходах нечто вроде референдума: 204 из 246 приходов потребовали присоединения к Риму. Но дело не обошлось без сведения счетов и нового насилия. В некоторых районах Словакии, о чем совершенно не ведает Запад, разразилась своего рода религиозная война, направленная против православных. Местная католическая иерархия, смущенная драматическим поворотом событий, вызванным этим актом справедливости, сохраняла молчание. Рим втайне искал разрешения проблемы, но лишь весной 1969 года православные и униатские представители должны были образовать смешанную комиссию для мирного разрешения проблем.

Притесняемые православные, молчание Рима, чешские и словацкие делегаты, задержанные на родине ввиду серьезности происшедших событий – таковы были новости, которые в июне 1968 года доходили на Всеправославную Конференцию. Пробудились давние страхи, и было решено пока не создавать всеправославной богословской комиссии для диалога с Римом. Однако самые сознательные сохранили решения предыдущей комиссии и подчеркнули необходимость вести подготовку диалога.

Мы закончим эту главу выдержкой из решений Четвертой Всеправославной Конференции, дополнив ее посланием Афинагора I Павлу VI. Первый текст говорит *Роме*, второй *Аморе*. Кто прав или, вернее, кто окажется прав?

РЕШЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ
ВСЕПРАВΟΣЛАВНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
состоявшейся с 8 по 15 июня в Шамбези (отрывок):

Что касается диалога с Римско-Католической Церковью, то:

а/ пусть продолжаются контакты и проявления братской любви и взаимного уважения между поместными православными Церквами и Римско-Католической Церковью, дабы окончательно преодолеть существующие трудности в том, что касается плодотворного богословского и теоретического диалога;

б/ пусть отдельные православные Церкви продолжают систематическую подготовку к богословскому диалогу с Римско-Католической Церковью и

в/ пусть изучение различных точек зрения в этом диалоге происходит в каждой Православной Церкви средствами и методами, наиболее соответствующими богословскому труду, и пусть Церкви продолжают обмениваться результатами этих исследований, как и всей информацией в этом отношении.

ПОСЛАНИЕ
ЕГО СЯТЕЙШЕСТВА АФИНАГОРА I
ПАПЕ ПАВЛУ VI
ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕСТВА 1968 ГОДА (отрывок):

Павлу, блаженному и святейшему папе старого Рима, приветствие о Господе.

Обращаясь мысленно к Вифлеему и поклоняясь нашему Спасителю и Господу, ставшему Человеком, мы созерцаем вновь тайну Воплощения Божия и проистекающую из этого Воплощения богочеловеческую тайну Церкви. В этом созерцании мы яснее постигаем волю Божию и глубже прозреваем подсказаную нам временем необходимость того, чтобы слава Тела Христова явила себя в единстве.

Движимые этими побуждениями, мы вновь спешим на духовную встречу с Вашим Святейшеством, в общении мира и любви, чтобы вместе с Вами помолиться Господу Нашему о Церкви и о мире...

Мы страстно желаем явить это общение в сослуже-

нии Божественной Евхаристии, дабы прославился Господь, дабы украсилась Церковь, дабы уверовал мир, дабы непостижимым провидением Божиим не дарованное нам сегодня было даровано в будущем...

... Мы уверяем Ваше многоуважаемое Святейшество, что духом находимся подле Вас каждое мгновение во всех добрых намерениях, страдаем и радуемся вместе с Вами, стоя на твердой почве любви Христовой, для созидания Царства Божия на земле. И здесь во всем Ваше Святейшество найдет в моем лице смиренного брата, который пойдет вместе с Вами и готов открыть вместе с Вами новые тропы, ведущие к совершенному исполнению воли Господней...

БУДУЩЕЕ

Я

Жесты, сделанные Павлом VI и вами, диалог, начатый в «духе любви», понемногу сглаживают раскол, поразивший человеческие сердца. Целование мира знаменует уже сакраментальное присутствие Христа, чаша, подаренная вам папой в Иерусалиме, указывает на равночестность священства и Евхаристии в обеих наших Церквах. И вы сами возложили на Павла VI *энколпий*, отличительный знак епископского сана, что означает признание полноты апостольской преемственности в Римской Церкви. Эти символические жесты как бы указывают на взаимную имманентность обеих Церквей, понемногу открывающих себя в качестве двух частей Церкви. Они подготавливают богословский диалог, который должен начаться, как мне кажется, с осмысления того, что мы уже разделяем в жизни, осмысления одной и той же тайны Церкви...

Он

Нельзя противопоставлять, не оказавшись в плену самого дурного богословия, диалог любви – богословскому диалогу. Диалог любви – это уже богословский диалог, потому что Бог есть любовь, потому что в древней Церкви каждую христианскую общину называли *агапе* – любовь! Что касается раскола, то не забывайте, что он никогда не был провозглашен, и единственное его выражение, имеющее лишь местное значение – я говорю об анафемах 1054 года – мы изъяли из памяти Церкви. Ныне нужно работать для того, чтобы вновь вернуться к ситуации первого тысячелетия, когда различия становились плодотворным раз-

нообразием, в единстве общей чаши... Любовью мы победили это «вчера», все еще слишком близкое, все еще перегруженное противостояниями. Но воздадим славу Господу, творцу дня «сегодняшнего»! Ныне мы заново открываем твердую почву древнего братства, и возвращение любви позволяет нам вновь взглянуть на наши различия умиротворенным взглядом. И со мной случилось то, что произошло со святым Космой Этолийцем, когда он вышел на проповедь, отказавшись от того созерцательного пути, на который вступил вначале. Мое сердце сжалось от тех же слов апостола: «Не о себе каждый заботься, но каждый и о других» (Фил 2.4)... С этого времени наше богословие должно быть проникнуто любовью. Гордыня разъединила нас, любовь же соединит.

Я

Однако мы не можем не признавать серьезности проблем, не решенных нами... В разделении Востока и Запада играли роль не только культурные факторы, сегодня уже устаревшие, но и духовные ориентации...

Он

Я знаю и это. И верую, что наша православная Церковь – это неповрежденная и святая свидетельница Церкви неразделенной. Однако собственно богословский диалог, который мы собираемся начать, должен естественно родиться из недр диалога любви, из недр тайны Церкви, которая в основе своей у нас общая. Посвятив себя этой работе, мы должны полностью отдать себя Духу Святому, и испросить ходатайства общих наших мучеников, отцов и святых... И поверьте мне, если Бог в неисследимой мудрости Своей попус-

тил разделение, то лишь ради того, чтобы оно принесло благо.

Я

Сознание рождается из страдания...

Он

Мы, монахи, много размышляли о глубине, открываемой страданием, «*ropos*»... И то, что истинно в жизни человека, окажется истинным также и в истории христианства. Мы вновь вернемся к неразделенной Церкви, но наше сознание станет глубже. Ибо Восток за это второе тысячелетие углубил ощущение тайны, а Запад – ощущение истории. Соединение их, может быть, поможет тайне воплотиться в истории и содействовать невиданному возрождению христианства...

Я

И, может быть, тогда отсутствие Бога, которое сушит и лихорадит сегодняшний Запад и постепенно заражает все человечество, обратится в познание Бога Живого через незнание Его, и «все есть ничто» преобразится во «все есть Бог», как говорил Соловьев... Но какие пути к этому вы видите в ближайшем будущем?

Он

Сейчас нужно прежде всего поощрять повсюду, а в рассеянии в особенности, проявление всяческих инициатив, конкретных и частных, в которых католики и православные вместе будут искать и углублять живое Предание Церкви. В перспективе не умозрительной, но созерцательной, чтобы лучше понять тайну

Церкви и то, что означает жизнь во Христе и стяжание Духа Святого. С другой стороны, мы на официальном уровне должны создать смешанную православно-католическую комиссию, где с православной стороны будут представлены все Церкви, в особенности Русская, имеющая крупных и реалистически мыслящих богословов. Конференция в Шамбези не могла принять решения о создании такой комиссии по причине тягостных настроений в Центральной Европе. Но дух братства, воля к сотрудничеству столь ярко проявились там, что, можно надеяться, что в последующие годы такая комиссия будет создана, и это отвечает также желаниям папы, он мне дважды говорил об этом. В своей работе комиссия должна стремиться к принятию конкретных решений, которые она представит Риму и различным православным Церквям... Время от времени, по мере того как будут продвигаться ее труды, следует публиковать статьи в прессе и в журналах, предназначенных для подготовленного читателя, не имеющего, однако, специально богословского образования. Очень важно пробудить общественное мнение, затронуть мирян, подключить их к этой работе. Я уверен, что в наше время богословие, если оно выражает себя на непосредственном языке созерцания, может заинтересовать широкую публику. Работа смешанной комиссии будет лишь тогда плодотворной, когда она направляется, побуждается заинтересованностью и интуицией христианского народа, людей доброй воли, берущих на себя инициативу совместного познания и обретения неразделенной Церкви... В то же время комиссия должна выпускать издания более солидные, посвященные основным этапам ее работы, издания, открытые для любых поисков, для столкновения всех мнений, для всех свидетельств, несущих в себе созревающее единство...

Я

Для этого диалога католики и православные имеют теперь общий язык – язык Библии в церковном истолковании Отцов и, осмелюсь сказать, в опытном истолковании людей духовных. В этой перспективе истина возникает как наименее искаженный образ нашего интеллектуального соучастия в божественном Свете. Заблуждение же – как ограничение, повреждение, и может быть отказ от этого опыта, нераздельно личностного и церковного.

Он

Мы можем также различать основные истины веры, которых мы должны держаться вместе, от прочих моментов в жизни Церквей, являющих для каждой из них особый расцвет общей веры. Риза Премудрости «многоразлична», говорит апостол Павел! В силу этого совпадения в главном и уважения к разнообразию, проблемы, разделяющие нас, перестанут существовать сами в себе, как замкнутые пространства наших богословских схваток, они будут объаты, и может быть, разрешены органичным возрастанием единства. Когда всходят посевы, хорошо видно, что цветет, а что засыхает. Итак, дадим взойти этим посевам. И увидим, что взойдет.

Я думаю прежде всего о проблеме непогрешимости папы и о проблеме *filioque*. Только они и важны.

Я

Мы не приемлем также чистилища, основанного на юридическом понятии удовлетворения. Но кто еще защищает это понятие в католической Церкви? Наши

полемисты, пожалуй, слишком много сражались с этими ветряными мельницами прошлого... Что касается Непорочного Зачатия, то мы вместе должны обдумать наши взаимные представления о грехе. В этой области мы даже в точности не знаем, где находятся наши католические братья. Некоторые из их экзегетов так легко отделались от девственного рождения Христа, что позволительно спросить у них, что для них означает непорочное зачатие Девы Марии!

Он

Мы будем разговаривать с серьезными богословами, которые не вычеркивают росчерком пера двухтысячелетний опыт Церкви в угоду сциентистским предрассудкам, выдержанным в духе XIX века. И мы будем говорить с ними в духе Петра Антиохийского, когда он писал Михаилу Керуларию после драмы 1054 года. Он объясняет, что латиняне – тоже православные, что речь идет об одной и той же Церкви, что различия не имеют никакого значения, за исключением добавления к символу веры, т.е. проблемы исхождения Святого Духа.

Я

Петр Антиохийский был восприимчив к новому пониманию Церкви, проявившемуся в Риме. Он писал патриарху Венецианскому: «Глава единой Церкви, блаженный папа Римский, более не довольствуется согласием с другими патриархами по поводу таинств... он предпочитает чтобы торжествовала одна лишь личная его воля».

Он

Непогрешимость – но в каком-то смысле, почему бы и нет? (Он улыбается). В сущности все мы непогрешимы! И каждый непогрешим в своем деле... Когда кухарка растирает зерна перца, попробуйте сказать ей, что она не непогрешима. И вы, когда читаете курс богословия...

Я

О, знаете, во Франции после недавних трудностей, более не любят учительных лекций, имеющих вид непогрешимости...

Он

Но речь не идет о том, чтобы иметь непогрешимый вид! Когда вы читаете курс богословия, стремясь выразить на свой лад то, что вам не принадлежит – то, что относится к живому преданию Церкви – я хорошо понимаю, вы будете стремиться не к тому, чтобы иметь вид непогрешимости, но пребывать в ней! В единстве со всеми, в любви, человеческая личность непогрешима. Каждый непогрешим в своем единственном призвании, в своем личностном сознании члена Тела Христова, в Котором пребывает Дух Господень.

Я

И все же для наших католических братьев непогрешимость папы есть нечто иное: преемник Петра и викарий Христа, папа, когда он говорит *ex cathedra*, непогрешимо выражает, благодаря особому соучастию Святого Духа, непогрешимую истину, созидающую Церковь...

Он

Ну что же, нужно вернуть непогрешимость папы в контекст непогрешимости Церкви и непогрешимость Церкви в контекст непогрешимости истины! Конечно, формулы XIX столетия слишком тяжеловесны – и мы не можем принять их – но Второй Ватиканский Собор и нынешние поиски возродили «ощущение Церкви» в христианском народе и ответственность епископата. Организация епископских конференций и периодический созыв Синода тяготеют к реальной взаимозависимости между папой и епископами, которые сами, в свою очередь, стремятся завязать отношения нового типа со своими священниками и народом...

Я

Можно сказать, что после *Humanae Vitae* католическая Церковь переживает опыт «принятия» в православном смысле слова. Это вызывает некоторые трения, как и все новое.

Он

То там, то здесь будут судорожные движения, ведь люди Запада склонны к противопоставлениям!

Я

Только англосаксоны воспринимают без драм напряженные ситуации. Они даже имеют склонность систематически организовывать такие ситуации с целью избежать тирании либо определенной личности, либо какого-то большинства. К сожалению, они скорее протестанты!

Тем не менее католическая Церковь меняется. И в конце концов в обретенном вновь общении поместных Церквей и мыслящих личностей Рим, может быть, станет вновь, как в неразделенной Церкви, той Церковью, о которой говорил Игнатий Богоносец: Церковью, что «председательствует в любви». В этой области не следует забывать о значении жестов. Паломничество папы в Иерусалим – Павел VI неоднократно говорил об этом – означало также покаяние всей Церкви, от ее главы до рядовых членов. И приезд папы в Стамбул показал, что Рим возвращается к понятию Церкви-сестры...

Я

И сейчас важно, чтобы, столкнувшись с этой эволюцией, православная мысль уточнила свое понимание преемника Петра и вселенского первенства. Не с полемической целью, но с желанием понять и верно воспринять весь опыт первого тысячелетия. Я говорю «весь опыт» – как делали Отцы Седьмого Вселенского Собора, которые называли Собор именно вселенским, так как все его решения венчались «утверждением папы» (они употребляли греческое слово *kano-nisein*), «согласием патриархов» и «общим интересом Церкви», в чем мы вправе видеть согласие всего народа Божия.

Восток всегда был озабочен тем, чтобы избежать возобладания юридической власти центра над сакраментальной миссией епископа, ибо последний наделяется той же полнотой священнического служения, над свидетельством пророков, людей духовных, чьим словам дана сила и власть; подобно апостолу Павлу, они мо-

гли говорить, что слышали небывалые, невыразимые вещи... Всемирная апостоличность Церкви не зависит исключительно от апостольского преемства, но от апостольской вести, хранимой и переживаемой всем народом. Этот опыт воскресения сосредотачивается в каком-то смысле в опыте духоносцев, которых православная традиция столь характерно именует «мужами апостольскими». Это налагает на апостольство, запечатленное служением Петра, еще и печать служения Иоанна и Павла. И Павел однажды противостоял Петру как равный равному...

Он

Если мы достигнем единства, то Римский епископ будет несомненно первым по чести и по порядку во всемирном организме Церквей. Он будет находиться в средоточии Церквей, но отнюдь не над ними, в сердце их братского общения, наблюдая за жизнью этого общения, защищая вселенскость Церкви против угрожающего ей провинциализма всякого рода. Поистине председательствуя в любви.

Я

Византийские богословы допускали, что епископ Римский должен быть среди других епископов «подобием» того, чем был Петр среди других апостолов. Но они не забывали и того, что, согласно Отцам, каждый епископ и все епископы вместе занимают «кафедре Петра» (*forma Petri* присутствует во всякой провинции, говорил святой папа Лев), ни того, что всякий крещеный, когда он исповедует веру Петра, также является Петром на уровне свидетельства. Именно в этом контексте следует заново осмыслить формулу

Первого Ватиканского Собора относительно определений, которые, будучи произнесенными папой *ex cathedra*, становятся непогрешимыми «сами по себе, без согласия Церкви».

Он

Можно было бы сказать, что папа, когда он говорит *ex cathedra*, выражает мысль всей Церкви, которая вся целиком ведома Духом Святым, и что, следовательно, определения, которые он произносит, не подлежат никакой демократической проверке именно потому, что они сосредоточивают в себе «ощущение Церкви», выношенное всем народом Божиим, чьим выразителем призван стать папа, но лишь в той мере, в какой он пребывает в полном общении, в полном сотрудничестве с коллегией епископов и со всеми верующими...

Ах, мы должны глубже задуматься над судьбой Петра в Евангелии. Петр, писал святой Григорий Палама, это образец нового человека, т.е. прощенного грешника. Христос дает ему обетования, касающиеся тайны Церкви, которую не одолеют врата адовы. Но Петр не допускает что Мессия, Которого он исповедовал, станет Мессией распятым. И Господь обращается к нему со всей суровостью: «Отойди от меня, Сатана! ты Мне соблазн; потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф 16.23). И когда Христос обещает Петру прийти на помощь его вере, чтобы он сам утвердил в ней братьев своих, Петр отрекается от Него. И вот поет петух. Петр раскаивается и плачет горько. И Воскресший прощает его: «Любишь ли ты Меня?» и возвращает ему первое место среди апостолов, каким показывает его книга Деяний Апостольских. Но Христос еще раз предупрежда-

ет его, Он не обещает ему ничего другого, кроме мученичества – «другой тебя препояшет»... Иоанн же, ученик возлюбленный, знающий тайны сердца своего Учителя, кому Распятый доверил Свою Мать, Иоанн – тот, «кто пребудет»... Если есть в Церкви епископ, который служит «подобием» Петра, то как далеки мы от власти и славы: он остается здесь лишь для того, чтобы напомнить, что Церковь живет прощением Божиим и силой Крестной... Если Петр забывает, что главное его свидетельство – свидетельство прощеного грешника, тогда приходят пророки, как это было в XVI веке на Западе, чтобы «противостать ему, потому что он подвергался нареканию» (Гал 2.11), по образу Павла в Антиохии.

Иоанн же остается тем, «кто пребудет».

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди его, сказал: «Господи, кто предаст Тебя?» Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною» (Ин 21.20-22).

Я

Равновесие между апостолами и пророками, которое после стольких тяжких препираний установилось в нашей Церкви – между апостольским преемством и «мужами апостольскими», между таинством и свободой – это равновесие, мне думается, удалось сохранить

потому, что сама Церковь причастна тринитарному общению и мы в конечном счете едва ли не обязаны этим нашему богословию св. Троицы. Я говорю об изначальном равновесии между Сыном и Духом, «двумя десницами Божиими», как любил говорить святой Ириней, ... о том равновесии, которое молитвенно открывает наша богословская мысль. Ибо Отец – это единственный исток, единственное начало Божества... В средневековом латинском богословии, напротив, личностное существование Духа вытекает как будто из существования личности Сына. Не здесь ли таится причина, в силу которой различные проявления Святого Духа в Церкви – личная свобода, пророчество, всеобщее священство – были подчинены сакраментальному присутствию Христа и тем, кто служит его поручителями, т.е. иерархии? В латинской проблематике Средневековья (ужесточившейся в понятийных схемах, которые стали более гибкими в настоящее время) Дух по-прежнему исходит от Сына (пресловутое *filioque*) потому и пророчество должно исходить из сакраментализма и подчиняться иерархии, имеющей монопольное право на него. Предельно, в духе интегристской интерпретации догмата 1870 года, существует лишь один пророк – папа, ибо он – викарий Христа...

Он

Здесь нужно остерегаться блестящих, но поспешных и слишком систематических конструкций... Прежде всего не забывайте, что не только формула *filioque*, но и богословие связанное с ним, было уже со всей ясностью изложено блаженным Августином, и что аналогичный подход можно найти у Каппадокийских и Александрийских Отцов. Церковь оставалась единой

шесть или семь веков, несмотря на существование этого августиновского богословия, которое понемногу распространялось на Западе...

Я

Несомненно. Но достойно сожаления, что оно не получило того равновесия на Западе, какое было достигнуто на Востоке, начиная от Феодорита Кирского и до Григория Паламы. Святость и божественный дух, говорил последний, в смысле энергетического разли­тия божественной сущности, святой и духоносной уже по определению (как и все остальное, в том числе и дух тварный, относящийся к материальному миру!), святость и божественный Дух нисходят к нам от Отца через Сына в Духе Святом или, если угодно, от Отца и Сына... Но Дух Святой, это Анонимное Лицо, Которое уходит в тень, чтобы наделить нас жизнью, пребывает в отношении к Сыну в односторонней зависимости; зависимость остается взаимной. Если Сын нисходит, чтобы мы могли во Имя Его, в Теле Его восприять Духа, то Дух извечно покоится на Сыне. Он «покрывает» первоначальные воды, чтобы сделать их податливыми для творящего Слова, Он нисходит на Марию, чтобы позволить Слову воплотиться в Ней, Он есть мессианское помазание Иисуса и сила Его воскресения, Он нисходит на Церковь как на новую тварь, дабы отныне Слово духовно рождалось в сердцах, дабы Богочеловек стал Богочеловечеством и Богоселенной. Что такое мир и история для христианина, как не совершающееся под победным знаком Креста гигантское Воплощение, слитое с гигантской Пятидесятницей?

Я не маньяк *filioque*. Но я думаю, что Православие придавало большее значение Духу – дающему жизнь,

мудрость, красоту – Который становится областью существования христианина, ибо «рожденное от Духа есть дух» (Ин 3.6). Евхаристия основана на эпиклезисе, так что, причащаясь Тела и Крови Христовой, мы вступаем в область обновленной Пятидесятницы. В духовной жизни, в особенности начиная с XIV столетия, главное внимание уделялось прежде всего преображению целостного человека Духом Святым. Наконец в экклезиологии, как о том напомнили восточные патриархи в своем послании 1848 года, сохранение истины доверено всему народу, как народу «духоносцев».

Что касается Запада, я не говорю что средневековые формулы ложны, я говорю что они односторонни. Отсюда все ереси Духа Святого, начиная от Средних Веков, затем Реформации, потому что Реформация остается пленницей аналогичной проблематики, ее постоянный уклон влево, во всякого рода харизматические секты, вплоть до сегодняшнего подъема пятидесятничества. Отсюда происходит и немецкий идеализм с его поиском абсолютного Духа, поиском, приведшим к тоталитарному потоку. Отсюда и современное требование – столь неистово антиримское – свободы и творчества, требование, которое бурлит ныне в недрах самой католической Церкви, где все еще не удалось найти ему противовеса...

Он

Может быть, вы и правы. Но в таком случае под каким страшным судом стоим мы, православные. Ибо коль скоро все в нашей Церкви – таинства, учение, духовный уклад, структуры – все создано для принятия Духа, мы делаем все это объектом спекуляции и полемики, оружием, чтобы унижить наших братьев! Нель-

зя говорить о Духе каким угодно образом. Вода жизни сама обновляется в руке, которая погружается в сосуд и приближается к губам брата. Она убегает из руки сомкнутой, зажатой.

Послушайте: не можем ли мы сказать, что Дух, Который дается нам Христом, исходит от Отца «через Сына» *dia Uioi, per Filium*, ибо Дух, Который есть любовь, может ли оставаться чужим, внешним Сыну?

Я

Да, мы можем сказать так, если не придавать *per Filium* (через Сына) смысла причины, как это делали латиняне на Флорентийском Соборе. Да, мы можем сказать вместе со святым папой Дионисием, что Дух исходит в Сыне и восходит вместе с Ним к Отцу. Разве на великой вечерне св. Пятидесятницы мы не поем, что Дух «исходит от Отца и покоится в Сыне»?

Меня беспокоит не столько *filioque*, сколько односторонняя зависимость, как будто установившаяся у Духа в Его отношении к Сыну. Следует настаивать на взаимозависимости, на отношениях взаимности.

Он

Мне нравится эта идея взаимности. Она прилагает любовь к любви. Мы не скажем нашим католическим братьям: вы ошибаетесь, мы скажем: любовь больше, чем вы думаете. Вы знаете, что Сын присутствует тогда, когда Отец дает появиться Духу. Добавим к этому, что Дух присутствует тогда, когда Отец порождает Сына. Все Трое присутствуют при этом, вместе пребывая в единстве. Вот оно чудо.

Приидите людие, триипостасному Божеству поклонимся: Сыну во Отце, со Святым Духом: Отец бо безчетно роди Сына соприсносушна и сопрестольна и Дух Святый бе во Отце с Сыном прославляем: едина Сила, едино Существо, едино Божество, Ему же покланяющесе вси глаголем: Святый Боже, вся содеявый Сыном, содействием Святаго Духа: Святый Крепкий, имже Отца познахом, и дух Святый прииде в мир: Святый Бессмертный, Утешительный душе, от Отца исходяй, и в Сыне почиваяй: Троице Святая, слава Тебе.

Я

На Пятидесятницу 1968 года, в Париже, в разгар острейшего кризиса нашей цивилизации, группа из шестидесяти человек, католиков и протестантов, священников, пасторов и мирян совершали екуменическое богослужение с общим причастием. Они хотели противопоставить нечто пророческое окружавшему их духовному хаосу. Они также хотели подчеркнуть, что их революционное братство, их битва более справедливый за град берет свое начало в новом излиянии Духа. В действительности же этот жест вовсе не был таким исключительным. В Западной Европе, как и в Северной Америке, возникает все больше и больше небольших групп, в стороне от Церквей, групп «подпольных» как они говорят, которые постоянно прибегают к общению в таинствах, полагая, что в этом более нет никакой проблемы. Для этих групп характерна неожиданная ревность и жизненность, отличающие их от больших приходов традиционных Церквей (я не говорю о франкоязычных православных приходах в Па-

риже, которые в основном тоже являются небольшими группами...). Уже годами некоторые члены Всемирного Совета Церквей, в особенности среди молодежи, всеми своими силами стремятся к общению в таинствах. Католики придерживаются различного мнения по этому вопросу. Иерархия иногда принимает если не общение в таинствах», то открытое причастие, к которому допускаются протестанты... С другой стороны, Второй Ватиканский Собор выступил поборником *communicatio in sacris* (общение в таинствах) между православными и католиками, допускавшегося до сих пор лишь в исключительных случаях.

В этом общем стремлении к общению в таинствах, мы, православные, проявляем большую сдержанность. Мы полагаем, что все содержится в Церкви, что Евхаристия – это не средство достижения единства, но увенчание этого единства, ибо все дано в Евхаристии. Мы полагаем, что исповедание веры – евхаристия разума – неотделима от причастия Телу и Крови Христовой. У нас весьма реалистическое представление о нашем соединении с Воскресшим, и мы замечаем, что развитию общения в таинствах часто сопутствует менее ревностный подход к богословию Евхаристии. Это богословие, в пределе своем, становится знаменем братства, оно сливается с тем богословием, для которого Христос существует лишь в глубине человеческих отношений и в конце концов растворяется в движении истории. Оно соединяется с тем видом экзегезы, которая разделяет Иисуса истории и Христа веры, чтобы отрицать преобразование материи в Воскресшем, выливаясь в новый вид посредственного спиритуализма, как бы живого, но развоплощенного Христа. Иными словами, общение в таинствах распространяется, но причастие лишается своего мистического значения.

Вот почему православный отказ от общения в таинствах несет по своему свидетельство о более глубоком ощущении Евхаристии, братской трапезе, но лишь в той мере, в какой она есть «закваска бессмертия», «передача энергии обожения». Мы отвергаем интеллектуальную лень, которая здесь больше не видит проблемы и которая приходит к практике общения в таинствах в неведении «Божественных, Святых, Пречистых, Бессмертных, Небесных и Животворящих, *Страшных* Христовых Таин», как именует их литургия святого Иоанна Златоуста...

Но есть и нечто другое: для нас Евхаристия неотделима от исповедания истины, собственно созидающей Церковь. Это – не учреждение и не книга, но прежде всего единство веры и любви, строящееся на Евхаристии. Вот почему всякое покушение на нее, ее «релятивизация» или «спиритуализация», сколь бы ничтожной она не была, означает для православных разрушение Церкви – Церкви в ее наиболее жизненной реальности как Тела Христова, где в Духе Святом совершается освящение человека.

Если эта проблема почти не возникает в стране с населением, как правило, православным, то движение к общению в таинствах может породить много путаницы, например, на Ближнем Востоке, где православные и «униаты» соседствуют друг с другом; или же в рассеянии, где наши малые общины находятся под угрозой растворения в католической или протестантской массе. Мне думается, именно поэтому Вы опубликовали послание от 14 марта 1967 года, напоминающее о том, что хотя православные в Рассеянии, для служения Литургии, иногда принуждены использовать культовые здания католиков и протестантов, «это не означает, что они могут прибегать к благодати таинств, принимаемых от неправославного священника,

поскольку Церковь еще не приняла здесь никакого решения, и общения в таинствах между православной Церковью и другими Церквями пока не существует».

Однако наша позиция в этой области сводится к самодовольному консерватизму. Наши богословы отрицают общение в таинствах с такой уверенностью, что она мне кажется чуть-чуть фарисейской. Наша позиция столь статична, что ее глубокий смысл остается непонятым, и на Западе видят в ней лишь какой-то экзотический вывих. Однажды в маленьком франкоязычном приходе византийского обряда, который я посещаю в Париже, молодая девушка, католичка, подошла с желанием причаститься. Перед чашей священник, задав ей вопрос, отстранил ее. Конечно меня попросили объяснить ей. Она была в слезах. Она говорила: «Я верую так же, как вы, я исповедую все, что произносилось за этой Литургией. Значит вы не считаете причастие братской трапезой?» И я ей ничего не объяснил, по крайней мере в тот момент. В тот тяжелый момент, когда человека отстранили, трудно сказать что-либо существенное. Мне было просто неловко и стыдно, вот и все.

Он

В этом вопросе найдется что сказать и богословам. Но есть что сказать и народу. В инстинктивном чувствовании народа Божия есть нечто глубоко верное. Я не богослов, я вслушиваюсь, страстно вслушиваюсь в этот голос народный. Тысячи мужчин и женщин стекаются ко мне со всего мира. И я могу сказать вам: за исключением некоторых кругов, представляющих лишь прошлое, народ хочет общения в таинствах, молодежь желает его. Это стремление неодолимо. Оно существует даже и в православных странах, которые,

540

казалось бы, пребывают в стороне от него. Оно существует и в странах, наиболее пострадавших от государственного атеизма, люди не торопятся сказать: я православный, но говорят попросту: я христианин. Нужно вслушаться в стенания Духа. Только единство чаши сделает нас способными нести свидетельство о Воскресшем. «Да будут все едино, как Мы едино». Как может эта молитва объять собою человечество, когда мы не можем объять ею Церковь Христову, не можем разрушить в ней наши перегородки? Веками православные и католики спорили о том, можно ли употреблять для Евхаристии квасный хлеб или нет. И вот теперь, когда все человечество забродило гигантским брожением, мы все еще, но уже в иных областях продолжаем спорить о квасном хлебе. Потому-то молодежь не следует за нами. Часто она бывает склонна многое упрощать. На нас она смотрит со стороны, жестко-придирчивым взглядом. Ее осудительный взгляд должен вразумить нас: мы говорим о любви, но не живем любовью; мы притязаем на то, что обладаем величайшей любовью, но она не владеет нами. Ах, как хотелось бы мне, чтобы нетерпение молодежи передалось богословам, взирающим друг на друга неумолимым взглядом. Пусть они увидят, отстранившись от своих споров о квасном хлебе, что миллионы душ умирают в это время от голода, и доходят до такой бесчувственности, что считают нормой голод, убивающий миллионы.

Я говорю это не для того, чтобы богословы и главы Церквей наскоро справились со своими спорами в ущерб тайне. Но я вовсе не уверен, что потребность общения в таинствах непременно сопровождается забвением истинного смысла Евхаристии. Тысячи мужчин и женщин, которые приходят поговорить со мной, вовсе не ищут какого-то маленького общего знамена-

теля. Они ищут Христа. Они вместе хотят черпать свою жизнь из жизни Христовой, чтобы научиться любить ближнего, служить людям. Различия между ними, больше их не интересуют. Они не ведают современной экзегезы и не задаются вопросом о папской непогрешимости. Они веруют во Христа Воскресшего, они ожидают от Него подлинной жизни и знают, что могут получить полноту ее лишь тогда, когда воспримут ее все вместе.

Нужно, чтобы богословы и главы Церквей договорились между собой. Нужно, чтобы слезы девушки, отторгнутой от чаши, жгли их сердца. И тогда, всматриваясь с горящими сердцами, они увидят проблемы иначе и сумеют разрешить их.

Горе, горе богословам и главам Церквей, если единство осуществится без них, осуществится против них, если молодежь, наиболее ревностная, будет разделять хлеб и вино «подпольно», вне Церкви. Тогда жизнь отделится от ее истока, любовь не отыщет более вечности, братство и отцовство пойдут войной друг на друга. Там, где преемники апостолов возвещают о даре Божиим, не будет никого, кто мог бы воспринять его. Там, где братья сошлись на празднество встречи, они более не найдут закваски вечности. Какое раздробление в Церкви, и насколько серьезней, чем все границы, сегодня разделяющие конфессии!

Он

Что мы, православные, можем сделать в ближайшем будущем? Общение в таинствах католиков и протестантов представляется нам двойственным обетованием: мы видим в нем пророческий порыв, но в то же

время опасаемся, что таким путем католики воспринимает не лучшую часть Реформации, – не любовь к Библии, не чувство свободы, но то понятие о Церкви и Евхаристии, которое не запечатлено полным соединением с Воскресшим. Поэтому я думаю, что только общение в таинствах католиков и православных может уравновесить эту эволюцию, уделив больше места в католичестве живому Преданию, которое позволит ему воспринять и лучшую часть в протестантизме...

Я

Однако не лучше ли говорить не об общении в таинствах католиков и православных, понятии новом и более дипломатическом, чем собственно церковном, но о полном общении, когда по существу будет достигнуто согласие? Это согласие станет исторической возможностью, если мы сумеем вникнуть в преобразование, ныне переживаемое Римской Церковью, и воспринять его.

Он

Я думаю что следует сохранить понятие общения в таинствах. Католики и православные разделяют единое таинство Церкви. Они должны теперь вступить в богословский диалог по существу, не вслед за диалогом любви, но внутри него. Вполне мыслимо, что совпадения в самом главном станут столь явными, что можно или скорее должно было бы установить *de facto* общение в таинствах, как переворот любви, так что в свете его все остальное будет дано нам как бы от избытка.

Самая моя горячая молитва – разделить однажды святую чашу с папой...

Да, единство сегодня – это историческая возможность. Я не указываю точной даты. Я надеюсь. И борюсь. Единство может быть достигнуто неожиданным образом, как и все великое. Как может произойти возвращение Христа, Который сказал, что придет как тать. Католичество теперь оказалось в вихре. Все возможно.

Я

Создается впечатление, что католичество повторяет в этот момент духовную историю Запада после раскола, что теперь оно несет в себе Реформацию, французскую Революцию, социализм, но все это наслоения в разрывающих поляризациях. В нем как будто предчувствуется интеграция, преобразование, к которому само по себе оно оказывается неспособным...

Он

Вот почему лодка Иоанна должна приблизиться ныне к лодке Петра, а иначе порвется сеть Церкви. Ныне Рим нуждается в Православии, чтобы открыть себя для свободы и для жизни, не теряя ощущения тайны. Если мы не согласимся на эту роль, к которой Бог призывает нас, мы превратимся в секту староверов, вытесненных из истории, а западное христианство расколется еще раз и, может быть, непоправимо. Если же мы сумеем ответить на призыв Божий, то католичество, соединившееся с православием, сможет включить в себя без опасности разложения лучшую сторону протестантизма, и свободы, и справедливости. Человеческая история обретет свой смысл и свое будущее в этом великом богочеловеческом средоточии.

Я

Можно ли предвидеть *de facto* общение в таинствах также и с протестантами?

Он

Это совершенно иная проблема. Здесь следует отдельно заняться англиканами и говорить скорее об открытом причастии. Для Реформации церковным центром остается Рим.

Я

Как могло бы осуществиться конкретно единство между католичеством и православием? У нас общая вера великих Соборов. Тринитарные и основные христологические определения, относительно которых нужно было принимать столько предосторожностей в спорах и определениях во Всемирном Совете Церквей, являются, наоборот, нашим общим достоянием. *Filioque* существовало задолго до раскола, и, мне думается, мы разделяем с католиками богословие и опыт Духа Святого, и потому сумеем найти формулы преодоления раскола. Учение о таинствах, если мы поместим его в тайну Церкви, не представит больших трудностей. Остаются догматические определения XIX века, в особенности же Первого Ватиканского Собора, касающиеся папской непогрешимости, с непосредственной и подлинно епископской юрисдикции папы над всеми верующими. Здесь, с человеческой точки зрения, препятствия кажутся непреодолимыми...

Он

Почему же? Эти определения были в односторон-

нем порядке установлены Западной Церковью, они должны стать объектом общего изучения в рамках подлинно Вселенского Собора, который соберет епископов католических и епископов православных, и будет как бы образом божественного и апостольского основания наших Церквей... Поскольку, апостоличность Церкви не сводится лишь к апостольскому преемству, но ко всей полноте апостольского благовестия, другие конфессии смогут послать представителей. Это будет подлинно всехристианский собор. Все принесут покаяние, все призовут Духа Святого. И Святой Дух просветит нас...

При каких обстоятельствах все это может произойти? Мы этого не можем знать. Единство пребывает в воле Божией. В наше время все меняется очень быстро. Западное христианство переживает большие трудности, многие из православных прошли через тяжелые испытания. Появятся новые искушения, может быть, более изощренные. Но и новые возможности. Единство возникает скорее всего сгорячее. Ведь Дух — не только свет, Он и огонь.

Я

Для широкой общественности ваша экуменическая деятельность сводится к сближению с Римом. Мне думается однако, что по примеру ваших предшественников и вслед за Окружным Посланием 1920 года Вас никогда не покидает мысль о «всехристианстве». После Вашего большого паломничества, в 1967 году, посвященного единству, Вы побывали не только в Риме, но и в Женеве, и в Лондоне.

Он

Да, и когда мне пришла мысль встретиться с папой в Иерусалиме, я предложил предстоятелям всех Церквей собраться на Голгофе, чтобы молить Бога об установлении единства. Константинопольский патриарх был одним из зачинщиков экуменического Движения, в первые десятилетия нынешнего века. Сам я сделал все возможное, чтобы все православные Церкви вошли во Всемирный Совет Церквей. Теперь мне бы хотелось, чтобы и католическая Церковь как можно больше сотрудничала с Советом. Если бы она вступила в него, осуществилось бы то, что я называю «единством» Церквей.

Я

«Единство», в смысле единства действий на благо общего служения людям...

* «Пусть выслушают и третью сторону».

Он

Вместе выйти в мир, чтобы служить человеку... В этой области мы многому можем поучиться у протестантов. Однако евангельское служение Христа в истории будет плодотворным лишь в том случае, если его будет питать целостное присутствие Христа в Евхаристии. Здесь речь не идет уже о единстве, но о том, что я называю «союзом» в сакраментальном смысле, т.е. о полноте общения в единой вере и в единой чаше. Но если Всемирный Совет Церквей и являет собой провиденциальное орудие «единства», то динамизм «союза» я усматриваю в нашем сближении с Римом. Если католическая Церковь войдет в Совет, он будет содействовать этому движению, которое до сей поры ей трудно начать.

Я

Почему?

Он

Потому что при отсутствии католиков мы, православные, едва ли можем начать с протестантами диалог о самом существенном. Реформа – это внутренняя драма в истории западного христианства. Православные прижигают самые корни этой драмы, идя на сближение с Римом и содействуя его преобразению...

Я

Минуя Рим, встреча православных и протестантов становится психологически нетрудной, однако ей будет недоставать духовной плодотворности. Между

православными и протестантами нет той исторической тяжбы, которая столь трагически обременяет наши отношения с Римом. Во Франции, например, протестанты приняли православных и помогли им с таким великодушием и бескорыстием, за которые мы никогда не сумеем отблагодарить их сполна. Однако встреча духовная – это труднее. Она не обходится без недоумений. Слова не имеют одного и того же смысла. Например, с одной и с другой стороны охотно делают упор на свободу в Святом Духе. И многие из наших протестантских братьев бывают согласны с нами, когда мы объясняем им, что для нас эта свобода не только утверждение самости обособленного индивида, но общение личностей...

Он

Подлинная свобода – это любовь. А любовь, сила которая преподается нам в Евхаристии...

Я

Именно здесь слова перестают означать одно и то же. Нам близок богословский экзистенциализм протестантов, и мы находим подобный подход у Отцов и у религиозных философов. Однако в Православии мы вскоре открываем, что этот экзистенциализм упирается в сакраментальный реализм и в реализм мистический. Когда мы говорим, что свет Божий пронизывает все существо человека и весь мир, когда мы говорим о нашем единстве, о нашем тождестве в Теле Христовом, это отнюдь не образы, но реальность. И тогда мы открываем, что в духовном пространстве между нами и протестантами чего-то не хватает.

И это что-то есть Рим.

Я

Это Рим, в котором реформа должна обрести свое служение и свою церковную укорененность. Без Рима наш диалог с протестантами или останется поверхностным, с риском стать определенной антиримской демагогией, или может привести к нелепости. Когда лютеранские богословы в XVI веке захотели завязать контакт с Константинопольским патриархатом, им не удалось найти греческих выражений для перевода их проблематики оправдания. Они начали с того, что заговорили о воскресении и новой жизни, тем самым возвращаясь к мистическим истокам молодого Лютера. К сожалению, перевод Аугсбургского Исповедания, отосланный в 1555 году Меланхтоном, так никогда и не прибыл в Константинополь. Только через 20 лет лютеране смогли вступить в переговоры с православными греками. Между тем их общины должны были найти свое место за пределами Римской Церкви и, поскольку им грозила опасность со стороны иллюминизма, переносившего основной упор на внутренний свет и Христа, вечно живущего в человеке, но отвергавшего всякую видимую организацию Церкви, они в конце концов пришли к объективации оправдания в юридических категориях. Для православных сама Церковь есть тайна. А для протестантов тайна и мистика стали синонимами либо монашеской гордыни, либо индивидуализма с претензиями на особое вдохновение и потому по сути разрушительного. Они не смогли создать прочную организацию, выражающую, как им казалось, чистую веру – *sola fides* (только верой) на юри-

550

дическом языке. Вот почему переговоры 1574 года между Тюбингскими учеными и патриархом Иеремией II быстро закончились провалом.

Он

Нужно было вернуться к блаженному Августину и показать, каким образом у него учение об оправдании, даже при всех его крайностях, целиком вписывается в тайну Церкви.

Я

Меланхтон из своей оппозиции к Риму сделал нечто противоположное, он изолировал и превознес у Августина концепцию *justitia aliena*, вложенную в человека извне действием благодати, что похоже на произвол. Вот почему он столкнулся со столькими трудностями, чтобы перевести на греческий *Confessio augustini*.

Он

Нередко говорят, что христианский Запад, и в особенности Запад протестантский, воспринимает отношение между Богом и человеком в юридической перспективе, вытекающей из Послания к Римлянам, тогда как Восток склоняется к перспективе жизненной – нового рождения и обожения. Это так, но не следует забывать, что у апостола Павла все концепции сосуществовали вместе и дополняли друг друга так же, как и у Отцов. Многие Отцы комментировали Послание к Римлянам, начиная со святого Иоанна Златоуста, который часто касается темы оправдания. И блаженный Августин здесь также выступает свидетелем не-

разделенной Церкви. Но важнее всего то, что все эти толкования, символические сами по себе, складываются вокруг тайны, не притязая на то, чтобы овладеть ею. Ибо тайна превосходит их все.

Я

В нашей традиции меня восхищает то равновесие, которое установилось между реализмом тайны и свободой внутренней жизни. Церковь основана на скале Воскресшего, Духом являемого нам в таинствах. Здесь есть нечто объективное не потому, что речь идет о каком-то объекте, но о Том, Кто отдает нам Себя, и эта полнота открывается нам и становится святостью Церкви. Но эта жизнь, с другой стороны, должна стать нашей жизнью. И в этом заключена наша внутренняя свобода, полнота церковности становится самым личностным опытом...

Мне думается иногда, что великие реформаторы XVI столетия и в особенности их последователи, не сумев сохранить – поскольку они были отсечены Римом – укорененность в церковной жизни, были склонны придавать субъективный аспект этой открывающейся полноте. В то же время они делали упор на объективацию того, что оставалось от внутренней свободы, возражая анабаптизму и иллюминизму. Евхаристический реализм они заменили субъективным утверждением веры. Тайну безвозмездной любви Божией они возвели в систему в виде двойной предестинации. Великий еkkлeзиолог, Кальвин, насыщенный святым Иоанном Златоустом, никогда не осмеливался проповедовать перед народом идею двойной предестинации. Однако, став в оборонительную позицию к Риму, он

не заметил того, что вся Церковь предопределена, предопределено все человечество во Христе, и личный наш ответ на это предопределение и есть тайна любви, которую можно выразить лишь поклонением и молитвой.

Он

Молитвой о том, чтобы все были спасены!

Я

И наоборот, в XVIII столетии, когда духовная жизнь православия проникает в немецкое лютеранство, и Готтфрид Арнольд переводит проповеди, приписываемые святому Макарию, которые почитаются как один из основных текстов восточной мистики, то в результате – из-за отсутствия достаточно объективной церковной почвы – возникает пиетизм, подлинное духовное углубление, которое, однако, не способно было растворить субъективное начало в реальной евхаристической общине.

Нужно было дожить до немецкого идеализма и романтизма, чтобы благодаря Священному Союзу возникли какие-то зачатки экуменизма. У Священного Союза дурная репутация, потому что его связывают с союзом четырех антифранцузских контрреформационных сил Меттерниха. Александр I, напротив, хотел соединить лучшее, что было в революции, с лучшим, что было в традиции. Весной 1814 года, когда его войска после упорных боев оккупировали Париж, парижане опасались, как бы он не отомстил за пожар Москвы, но в качестве единственной репарации он попросил о том, чтобы православная пасхальная литургия была отслужена на месте теперешней площади

Согласия, на том самом месте, где был казнен Людовик XVI. Под его влиянием оживились отношения между Церквями. Приблизительно тогда же Франц фон Баадер, баварский католик, но враг ультрамонтанов, ставший почти протестантом, обрел православную Церковь и отправился в путешествие по России. Около 1840 года он написал свою знаменитую статью *Audiatur et tertia pars* – «пусть выслушают и третью сторону», третьего свидетеля, то есть Православие. Для него православная Церковь, поскольку она осталась верна духу первоначального христианства, хотя и с опасностью некоторой неподвижности, обладает той основой неразделенной Церкви, в которой могут встретиться и соединиться католичество и протестантизм. С той поры он посвятил себя различению «внутренних фундаментальных соотношений» между «католичеством восточным» и «католичеством западным», из которого, по его мысли, нельзя исключить и протестантизма. Он хотел, чтобы между двумя этими видами «католичества» возникли отношения не подчинения одного другому, но координации, взаимной интеграции, способствующей общему исцелению раны XVI века.

Любопытный это был человек. Он думал, что Православие, которое не подчиняет разум философской системе, но оплодотворяет его тайной, в свете Логоса открывает ему бесконечные возможности. Если бы пробудившись, оно сумело открыть собственные богатства, оно могло бы помочь христианскому миру преодолеть бессмысленное противопоставление религии и науки. И с этой целью он хотел основать институт в Москве! Но интересно, что именно читая Баадера, Соловьев и Бердяев открыли для себя великого лютеранского мистика Якова Беме, его опыт света, его динамического и патетического Бога!

Как важны эти отношения между православием и лютеранством! В XX веке именно лютеранство дало в значительной степени импульс тому, что привело к рождению экуменического Движения. Почти одновременно вышли в свет призыв Упсальского архиепископа, великого Натана Зедерблома, и патриаршее послание 1920 года. Натан Зедерблом выступал за обновленное понимание православия, и лучшие немецкие богословы поддержали его.

В рождении экуменизма, наряду с лютеранством следует подчеркнуть огромную роль англикан. По правде говоря, англиканская Церковь, хотя она и испытала множество протестантских влияний, сохранила глубокую связь с Церковью неразделенной. Богословам и вправду следует многое сказать и многое повторить, и мы должны предоставить им слово, поскольку мы готовимся к систематическому диалогу с англиканством. Но лично меня больше всего интересует жизнь. Впервые я приехал в Англию в 1930 году. Я входил в состав первой православной делегации, которая была приглашена на Ламбетские конференции, где периодически собирались представители всей англиканской общины. Прежде всего меня поразило литургическое благочестие Высокой Церкви (*High Church*) и то дыхание неразделенной Церкви, которое чувствуется в их богослужении *worship* и в их духовной жизни, которая связана с ним. Путеводную нить истории англиканства составляет именно это глубокое течение, по-раз-

ному проявлявшееся в различные эпохи, течение, которое жило Писанием Отцов Церкви, воспринимаемым через экзегетику.

Возможно это внутреннее познание, в котором эрудиция сливается с потаенной любовью к Отцам Церкви, в особенности к Отцам греческим. Это склонность к духовному опыту, который, как и в Православии, тесно связан с литургическим участием в тайнах Христовых. В диалоге с англиканами нам следует исходить именно из этого *worship*, из этой жизненной действительности. Д-р Рэмси согласен с папой и со мной в том, что нам нужно вернуться к союзу на основе первого тысячелетия.

Я

Англиканская Церковь дает сосуществовать в своем лоне тенденциям, которые решительно разделены. В ней есть католическая сторона и сторона протестантская. Но мне думается, она скорее совмещает их ценно доктринального компромисса, нежели соединяет воедино. Несомненно, ей следует довести до конца диалектику Запада, чтобы на своей собственной духовной почве выявить настоящее Предание неразделенной Церкви. Не ностальгическое, но творческое предание. Православие в рамках глобального сближения между христианским Востоком и христианским Западом может сыграть роль катализатора.

Я

В традиции неразделенной Церкви мы находим одновременно сакраментальный смысл Церкви и значе-

ние личностной свободы в Духе Святом. И в то же время апостольское преемство «мужей апостольских». Апостольство охватывает всю жизнь Церкви, достигая высшего своего проявления в людях духоносных. Я задаюсь вопросом: не следует ли здесь искать перспективу, способную превзойти оппозицию между так называемой «католической», или «горизонтальной», концепцией апостольского преемства и так называемой концепцией «протестантской», или «вертикальной», концепцией.

Он

Для этого нам нужны будут богословы, более мистические, и мистики, более открытые экуменизму! Возложение рук указывает на «горизонтальную» непрерывность, но рукополагающие смиренно призывают к «вертикальному» сошествию Святого Духа. Дух «восходит» из глубин народных в приветственном возгласе избрания *Axios! Axios!* – достоин! Для нас эта оппозиция горизонтального и вертикального маловразумительна, тем более что духоносцы у нас разрушают все системы и оказываются в непосредственной близости к сокрытому Богу, превосходящему все богословские формулы, также как и Его Церковь, которая превосходит все богословские формулы. Сам я знавал, знаю и сегодня *pneumatikoi* (духовных)...

Я

В вас самом есть юмор, простота и свобода подобного духоносца.

Он

Оставьте! я всего лишь старый бюрократ... Но не

обманывайтесь, наши духоносцы, даже если они говорят о необходимом опыте крещения Духом...

Я

... как и пятидесятники!

Он

В конце концов пятидесятникам безусловно есть что сказать высохшему христианскому миру... Наши духоносцы не разрушают устроения Церкви, они его утверждают и очищают. Только они знают по опыту, что это устроение является не механизмом, но передачей жизни, и что жизнь истекает из чаши.

Я

Для толкователей Писания в бультмановском духе, Церковь всякий раз возникает вновь в том личностном решении, которое связывает каждого верующего с Крестом Христовым. Здесь экзистенциализм протестантской мысли достигает своего апогея, отбрасывая всякую историческую и общинную преемственность. Мы не отрицаем этой связи веры, которая может сотворить из каждого мгновения верховный момент суда и прощения. Но мы думаем, что Дух, Который пробуждает веру, покоится на Телѣ Христовом. Он пропитывает сакраментальное Тело Христа, пропитывает постоянно и освящает человека, члена этого Тела. Мне нравится этот почти грубый образ пропитывания, он заставляет меня вспомнить о елее, который играет столь важную роль в наших обрядах и литургической практике. Чем грубее образ, тем он сочнее, мудрее...

А в ином случае какое одиночество, какая пустота! Иногда меня ужас берет, когда я думаю, что реформа, оправданная в первых своих требованиях, в конце концов отвергла все проявления конкретного присутствия, которые соединяют нас с Богом Живым, т.е. иконы, почитание святых и Богородицы, всю эту сакраментальную сторону Церкви... Остается одна чистая героическая вера, великолепное знание Библии, личная и социальная этика, через которую, наш современный мир стал более обитаемым.

Я

Старые кальвинисты обладали почти иконографическим ощущением Библии! У нас венчающейся паре дарят икону, у них – Библию. Раньше давали огромные Библии, которые много весили, ими пользоваться можно было лишь с литургической серьезностью. Одиноким старец, читающий Библию – какой прекрасный образ, достойный последних картин Рембрандта. Нужно, чтобы *Roma* снова превратилась в *Амстердам* и чтобы одновременно народ Библии встретился с народом иконы!

У некоторых интеллектуалов, к сожалению, почти ничего не остается от этого народа. Есть лишь много мозгового возбуждения и страх перед вещами. Один из них, как помнится, сказал мне с невыразимым отвращением: «Так вы, после того, как причастились, что-то тянете за собой». Я спокойно объяснил ему, что речь идет о Чьей-то жизни. Я был не прав. Все больше и больше я люблю вещи, пропитанные Богом.

Он

Человеку нужно найти в Доме Отца теплоту, радость, красоту. И многих братьев, многих друзей. И мать. Во время первых экуменических контактов отец Сергей Булгаков говорил, что его миссия заключается, возможно, в том, чтобы помочь открыть протестантам лик Матери Божией. Христианство без Матери Божией, говорил он, это не христианство. Он был прав. Ни Богородица, ни святые не отделяют верующего от его Господа. Они обращают его к Нему, они несут нас в своей молитве, в своей любви. Они свидетельствуют о том, что Воплощение озарило всю жизнь вплоть до самого корня жизни, который есть любовь матери к своему ребенку.

Я

По правде говоря, вырождение культа святых и Богородицы в конце западного средневековья объясняет протестантскую реакцию. Тогда испытывали страх перед Богом, страх перед Христом, тогда искали посредников более близких, понятных... И учение о сокровище добрых дел – такое банковское по своей сути! – и юридическая концепция заслуг придавали этому посредничеству святых своего рода собственную сущность помимо единого Посредника.

В перспективе более широкой, при отсутствии Востока упор был перенесен на дела, на сакраментализм слегка механический, на иерархию, на власть ключей, на два меча. Отсюда протестантская реакция.

Он

Да, Павел противостоял Петру...

Я

... муж апостольский, представителю апостольского преемства...

Он

Но в первые века Рим почитался одинаково в лице двух апостольских корифеев – Петра и Павла. Это то, что позволило сблизить Католичество и Православие.

Я

Вот почему мне кажется, что православная оценка Церквей, вышедших из реформы, должна быть глобальной и динамической. Мы признаем их церковность. Но, думаю, было бы весьма тщетным делом нам ее дозировать. Тем более, что церковная суть Реформы исходит, осмелюсь сказать, от Святого Духа, то есть от Того, Кто, по определению, измерен быть не может. Вместо того, чтобы замораживать эти Церкви в тех границах, в которых им пришлось оказаться, нам следовало бы внести обновленное видение истории христианства. В этой перспективе Реформа не является несчастным случаем, вызванным случайным упадком, как часто думают католики, как не является она и новой Пятидесятницей, явившейся после более чем тысячелетней «дыры в памяти», как говорит фон Альмен, доводя до карикатуры обычную протестантскую концепцию. Нет, она явилась, скорее, в качестве следствия – но и жертвы – великого и основополагающего разделения между христианским Востоком и христианским Западом. Реформаторы искали полноты Духа Святого, но искали в рамках той же менталь-

ности, что и их противники. И вот здесь структурализм был бы весьма полезен. Происходит противопоставление, но при этом не ставится под вопрос то «немыслимое», что является определенной «археологией» богословского мышления.

Тем не менее все это помешало Реформации обогатить какими-то новыми плодами Предание. Она заставляет нас вернуться к библейской и экзистенциальной глубине святоотеческой мысли, в отношении таинств – подчеркнуть важность призывания Духа Святого, вернуться к общинному характеру Евхаристии – словом, активизировать «духовный» аспект Церкви в смысле открытости и послушания Святому Духу. Я уверен, что протестантизм будет развиваться в тех православных странах, где Церковь не хочет или не может предоставить место Духу. Нынешний подъем баптизма в России дает в этом смысле пищу для размышлений.

Но Православие, в свою очередь, должно будет призвать протестантов к большей серьезности в понимании двух взаимодополняющих аспектов Церкви, таинства – в том смысле, что Церковь в Духе есть таинство Воскресшего, – и мистики, которая слагается не из индивидуальных и необычных опытов, но из того преобразующего сознания, что мы можем жить не только перед Христом, но и в Нем Самом...

Он

Свидетельство неразделенной Церкви, благодаря Православию и сакраментальной близости Православия и Католичества, должно постепенно привести протестантов к открытию их собственных церковных корней. Протестантские общины когда-нибудь увидят, что таинственным образом они живут в лоне все-

ленской Церкви, исторической осью которой служит структура таинств, не человеком изобретенная, но вызванная к жизни и подготовленная Христом, а затем наполненная благодатью Пятидесятницы...

Я

Так уже сейчас начинают разрешаться старые дилеммы...

Он

Скажем, дилеммы веры и дел. Я восхищен книгой Ганса Кюнга об оправдании.

Я

Или же дилемма Писания и Церкви, Слова Божия и Предания. Помимо всех вспомогательных наук или скорее через них, цель христианской экзегезы – духовное понимание Писания «в согласии с евхаристией», как говорил Иринеи Лионский. Предание по отношению к Писанию есть то же, что эпиклезис по отношению к евхаристии: озарение духа, без которого история оставалась бы непостижимой, а Писание мертвой буквой. Предание – это сама жизнь апостольской вести, пронесенная через историю, чтобы возвестить и приготовить второе пришествие Христово. Библия – это Его голос в сознании многих людей, который делает необходимой также научную дешифровку, «историю форм». Без этой жизни Библия никогда не была бы написана, а в наши дни оставалась бы запечатанной. Но без Библии эта непрерывная жизнь стала бы немой или безумной. Предание проверяется Библией «по Писанию», как говорит Символ веры, и Библия свой смысл раскрывает в Предании.

Духовный смысл Писания – это святые, которые познают его. Демифологизация? Да, конечно, и Отцы учили нас различению буквы и духа, но по критериям ясновидцев, а не слепых. По критериям святости...

Уже в XIX столетии Вселенский патриархат завязал с англиканской Церковью контакты, которые в 1864 году привели к основанию *Ассоциации англиканских и восточных Церквей*. Затем последовали Послания 1902 и 1920 гг. Последнее, обращаясь к Церквам «повсюду», содержало фразу, которая в тот предэкumenический период звучала пророчески: «Нужно пробудить и усилить христианскую любовь между Церквями, чтобы они более не считали другие Церкви чуждыми, но близкими и родственными, принадлежащими во Христе одной и той же семье, сонаследницами, членами одного Тела, причастного одному и тому же обетованию во Христе Иисусе». Как раз в 1920 году по инициативе, исходящей от протестантов и англикан, стали создаваться два органа, которые, соединившись впоследствии, привели к появлению «Всемирного Совета Церквей». Это «Вера и Устройство» – организация, занятая исследованиями в области богословия и экклезиологии, и «Жизнь и Действие», которую называли тогда «практическим христианством», стремящимся к соединению христиан для социального служения. Константинополь посылает делегацию в Женеву, где намечается создание «Веры и Устройство»; он держится в стороне, не желая делать священное достояние веры предметом дискуссии. Туда же прибы-

вает и доктор Натан Зедерблом, который из Упсалы обращается с призывом, подобным призыву Священного Синода в Константинополе. Зедерблом с текстом Послания в руке сердечно встречает митрополита Германа, декана богословской школы в Халки и председателя православной делегации. На этот раз тот безоговорочно присоединяется к движению «Жизнь и Действие».

В 1925 году в Стокгольме, где англикане, протестанты и православные впервые заседают вместе, тот же митрополит Герман, декан Халки, став одним из пионеров экуменизма, объясняет, что существует единство более тесное – единство тех, кто находится в полном общении между собой, и единство более широкое – «единство всех крещенных во имя Троицы, признающих Иисуса Христа Господом и Спасителем»...

В период между двумя войнами большая часть православных Церквей на различном уровне участвует в экуменическом движении. Только Русская Церковь, преследуемая и обуреваемая расколами, полностью остается в стороне. Однако присутствие русской мысли ощущается благодаря потоку эмиграции, которая в Западной Европе оказалась под временным покровительством Константинополя. В это время Свято-Сергиево подворье в Париже собирает в себе лучшие богословские умы того времени. Православное участие остается полноправным в движении «Жизнь и Действие», но только частичным в «Вере и Устройстве», где православные представлены как наблюдатели или советники, без права голоса; их роль состоит в том, чтобы напомнить не без некоторого величия, что единственным возможным основанием единства является учение неразделенной Церкви.

Сразу же после Второй мировой войны, в 1948 году, на ассамблее в Амстердаме две организации объединились во Всемирный Совет Церквей. Тогда православное участие в Совете переживало кризис. Проблема заключалась не в том, могла ли автокефальная Церковь время от времени посылать свои делегации, но в том, могла ли она войти в Совет в качестве Церкви. Было ли это возможно без подспудного приятия протестантской экклезиологии, поскольку протестантское присутствие было подавляющим. Православие было представлено не как таковое, но в виде участия отдельных православных Церквей, которые рассматривались в качестве «деноминаций». Однако Православие незыблемо в своей вере в то, что оно является не «деноминацией» или неким официальным множеством «деноминаций» в ряду других, а – не по своим заслугам, но милостью Божией – смиренным и верным свидетелем единственной Церкви, Церкви неразделенной. Такая Церковь, разумеется, превосходит все частичные и исторические границы христианского Востока, питая таинственным образом другие Церкви и пребывая в Православии, не омраченном никаким ложным учением, никакой чисто человеческой структурой.

После Амстердама Элладская Церковь заняла очень сдержанную позицию. Что касается Русской Церкви, то она, переживая свое послевоенное возрождение, оказалась в вынужденном союзе с советским государством. Обвиняя Всемирный Совет Церквей в том, что он является инструментом американской политики, она не только отказалась в него войти, но и убедила многие Церкви, оказавшиеся по ту сторону железного занавеса, держаться в стороне от всех экуменических организаций.

Таким было положение вещей, когда Афинагор I

566

был избран патриархом. В своем послании от 21 января 1952 года, опубликованном за несколько месяцев до открытия конференции «Вера и Устройство» в Лунде, патриарх с большой твердостью призвал православных к сотрудничеству с экуменическим движением, уточнив при этом с исключительной осторожностью возможности их участия.

В послании сразу подчеркивалась духовная необходимость и промыслительное призвание Всемирного Совета Церквей: «... работа по сближению и сотрудничеству всех христианских конфессий и организаций есть священная обязанность, святой долг... Поскольку Всемирный Совет Церквей, согласно своему статусу, стремится к общецерковному делу путем сотрудничества и укрепления христианского духа, стремится к усилению экуменического сознания у членов различных Церквей, к распространению Евангелия, к спасению и обновлению духовных ценностей человека в христианской перспективе, то очевидно, что основная его цель является практической, что его задача в том, чтобы видеть Церкви Христа занятыми общим делом и разрешением основных проблем, стоящих перед человечеством».

«Участвуя во Всемирном Совете Церквей, православная Церковь стремится в основном передать неправославным богатства своей веры, своего богослужения, своей церковной организации, своего духовного и аскетического опыта, и сама обогащается новыми методами и понятиями о церковной жизни, активностью и теми драгоценными началами, которые православная Церковь не могла развить в себе ввиду особых условий, в которых она оказалась. Вот почему участие православной Церкви в экуменическом движении и сотрудничество с ним имеет несомненное будущее».

Послание выдвигает несколько принципов такого участия. Оно предлагает совместную работу, но весьма сдержанно относится к поискам единства посредством догматических дискуссий между представителями Церквей, глубоко разделенных. Поскольку православные составляют меньшинство, подобные дискуссии могут только скомпрометировать их свидетельство, навязав им чуждую для них проблематику. Послание рекомендует также ознакомливаться с православной верой посредством печатных текстов. В Лунде, в Торонто, и особенно на Генеральной Ассамблее в Эванстоне в 1954 году, православные делегаты, хотя и участвуя в дискуссиях относительно вероучения, отказывались подписывать резолюции, которые казались им двусмысленными, и составляли собственную православную декларацию без всяких компромиссов. В Торонто они добились ясного заявления, что Совет – это не сверхцерковь и что Церковь может войти в него, не умаляя своей убежденности в том, что она остается *ipsa sancta*... Это условие позволяет сегодня католической Церкви более близко сотрудничать со Всемирным Советом Церквей.

В послании выражалось пожелание, чтобы все православные Церкви, участвующие во Всемирном Совете, выработали общую позицию, «дабы Православие могло быть представлено в нем со всею силой и авторитетом, присущим его особому месту и исторической миссии в христианском мире».

Третья Генеральная Ассамблея Совета собралась в Нью-Дели в 1961 году. Здесь, благодаря обстоятельствам и совместным усилиям, экуменическая политика Афинагора принесла некоторые плоды.

С одной стороны, почти все православные Церкви Востока, начиная с Русской Церкви, заявили о своем желании войти в Совет и были им приняты. Коммунистические правительства, видимо, обнаружили, что Всемирный Совет Церквей, где христиане из стран третьего мира играют возрастающую роль (о чем уже свидетельствует выбор Нью-Дели), не является инструментом западной политики и что делегаты Церквей Востока будут отстаивать концепцию «мирного сосуществования». Для этих Церквей это было возможностью вдохнуть воздух всемирности, заявить о своей глубокой верности Евангелию и может быть в свое время разделить духовный опыт друг с другом... Некоторые руководители Всемирного Совета Церквей опасались того, что делегаты с Востока будут инструментами пропаганды. Афинагор, который интуитивно ощущал, что на Востоке созревает глубокая и скорбная христианская жизнь, постарался рассеять эти опасения. Как он мне говорил, он выступил личным гарантом относительно Русской Церкви и, при всевозможных оговорках, он, как показал опыт, был глубоко прав.

Другой успех был чисто духовным. Православные в Нью-Дели добились принятия нового определения «основы» для Совета, той самой, которую митрополит Герман предлагал в 1925 году, когда он говорил «о крещеных во имя Троицы, признающих Иисуса Христа Господом и Спасителем». В 1948 году, во избежание догматических разногласий, все удовлетвоались принятием исповедания веры ИМКА (У.М.С.А.) и постановили, что «Всемирный Совет Церквей является братским содружеством Церквей, исповедующих Господа Иисуса Христа Богом и Спасителем». В Нью-Дели было внесено уточнение: «... которые исповедуют Иисуса Христа Богом и Спасителем по Писанию и пы-

таются совместно ответить их общему призванию во славу Единого Бога Отца, Сына и Святого Духа». Как известно, тайна св. Троицы занимает особое место в православной духовности, экклезиологии и антропологии...

Конечно, в Нью-Дели преобладала в основном протестантская проблематика, отмеченная сильным стремлением к общению в таинствах и попытке замены в богословском мышлении созерцания – социологией и освящения мира – социальным служением Церкви. Однако православные, которые были более многочисленны и уверены в себе, впервые согласились присоединиться к решениям, принятым ассамблеей, даже тогда, когда они касались веры. Они выработали сумму принципов, в которой православная позиция была выражена со всей силой и полнотой. В ее составлении принимали участие митрополиты Хризостом и Мелитон из Константинопольского Синода, а также греческие, русские и румынские делегаты. Эта работа носит отпечаток участия крупного русского богослова о. Георгия Флоровского, входившего в Нью-Дели в делегацию Вселенского патриархата. О. Георгий Флоровский был преподавателем в Свято-Сергиевском Институте в Париже. Затем он обосновался в Соединенных Штатах и был принят в греческий экзархат. Американскому Архиепископу Иакову, одному из шести президентов ВСЦ, удалось – не без трудностей – опубликовать этот документ в официальных Актах Ассамблеи.

«Экуменическая проблема, так, как она рассматривается в экуменическом движении, это прежде всего

проблема протестантского мира. Главным вопросом в этом контексте служит вопрос о «деноминации». Проблема христианского единства или соединения христиан рассматривается в понятиях союза и примирения между христианами, в понятиях союза и примирения между «деноминациями». Если для протестантизма этот подход к разрешению проблем совершенно естественен, то для православных он едва ли приемлем. Основной экуменической проблемой для них является проблема *раскола*.

«... Единство было расколото и должно быть восстановлено. Православная Церковь – это не конфессия или «деноминация» среди других. Для православных Церковь православная и есть в точном смысле Церковь. Православная Церковь исповедует тождество своей внутренней структуры и своего вероучения с апостольской проповедью и преданием неразделенной первоначальной Церкви. Она сознает в себе ничем не прерванное священство, непрерывность sacramентальной жизни и веры. Поистине для православных апостольское преемство епископата и sacramентального священства представляет собой один из основополагающих и потому обязательных элементов для самого существования Церкви.

«Православная Церковь, по своему внутреннему убеждению и сознанию, занимает особое, исключительное место в разделенном христианстве, как носительница и свидетельница первоначальной неразделенной Церкви, из которой в процессе обеднения и отделения, произошли все существующие «деноминации». С православной точки зрения, нынешняя экуменическая деятельность может быть охарактеризована как *«пространственный экуменизм»*, направленный на соглашение между различными «деноминациями», существующими в настоящий момент. С православной

точки зрения эта деятельность представляется совершенно неадекватной и неполной.

«Общая почва или, скорее, общий фон существующих «деноминаций» может быть найден и должен разыскиваться в прошлом, в их общей истории, общем древнем и апостольском предании, откуда вытекает само их существование. Такого рода экуменическая деятельность может быть точно определена как «*экуменизм во времени*». Доклад «Веры и Устройства» напоминает, что согласие (в вере) во все времена является одним из основных требований единства. Православные богословы выдвигают этот новый метод, который может послужить экуменическому поиску, как «*царственный критерий*», как великолепный пробный камень, в надежде, что единство будет достигнуто разделенными «деноминациями» благодаря *возвращению* к их общему прошлому. Таким образом «деноминации» могут обрести единство в своем общем предании.

«Православная Церковь желает соучаствовать в этом общем деле как свидетель, сохранивший неповрежденным все достояние апостольской веры и апостольского предания. Следует стремиться не к статической реставрации древних форм, но скорее к динамическому обретению постоянства бытия (постоянного этоса), единственно способного обеспечить подлинное согласие «всех времен». Но, здесь не должно быть жесткого однообразия, поскольку одна и та же вера, таинственная в своей сути, не могущая быть исчерпана никакими формулировками человеческого разума, может быть адекватно выражена разными способами. По православному пониманию, целью экуменического поиска является реинтеграция христианского духа, восстановление апостольского предания, полнота видения и веры в согласии со всеми эпохами».

Слабость этого превосходного текста заключается в том, что он лишь негативным образом определяет отношения неправославных конфессий и неразделенной Церкви. Все это может почти не иметь смысла для общин, порожденных Реформацией, поскольку от Церкви православной они никогда не отделялись. Молодой и смелый греческий богослов Никос Ниссиотис, в то время помощник директора экуменического Института в Боссе, близ Женевы, ставший затем директором, хотел исправить несколько негативную и «пассеистскую» сторону этого заявления.

«Отнюдь не православно, – говорил он, – пользоваться такими формулами, как «вернитесь к нам» или «вернемся к первым восьми векам», как бы предлагая другому отвергнуть его собственные традиции. Подобное отношение отрицает действие Духа Святого в христианах, крещенных за долгие века истории Церкви. Гораздо сильнее для Православия было бы сказать так: присутствие православных Церквей, их свидетельство о непрерывном православном предании может помочь всем другим историческим Церквям обрести их собственную настоящую жизнь. В силу своего открытого и восприимчивого характера Православие динамично, и потому восточные Церкви могли бы стать стержнем в нынешнем движении к единству... Православное свидетельство в его служении единству может путем жертвы вновь ввести в единую Церковь все разделенные общины и поделить с ними славу Божию. Практически это означает, что православная Церковь должна отойти от оборонительной позиции своей конфессиональной апологетики и во славе Духа Святого стать мощным потоком жизни, заполняя прорехи, уравнивая противоположности, преодолевая несогласие и направляя к союзу».

В совокуплении этих двух подходов намечается ви-

дение патриарха. Однако он идет дальше, чем о. Георгий Флоровский и Никос Ниссиотис, указывая на то, что динамика союза требует соучастия Рима.

За годы, прошедшие от Третьей до Четвертой Генеральной Ассамблеи Совета, возросло участие в нем православных автокефальных Церквей. Структура «деноминаций» постепенно отодвигалась в сторону в пользу глобального диалога между христианским Востоком и христианским Западом, и в это же время шло сближение между католической Церковью и Всемирным Советом Церквей.

В начале 1965 года в Совет вошла последняя автокефальная Церковь, остававшаяся до сих пор в стороне. Это была Сербская Церковь. Ее патриарх был избран со-президентом в 1968 году. Русская Церковь упорно участвовала в работе Совета и неоднократно принимала его представителей у себя. В феврале 1964 года годовая сессия исполнительного комитета состоялась в Одессе. Она провозгласила с большой твердостью принцип религиозной свободы в секуляризованном обществе. «Свобода религии и убеждений касается всех членов общества, являются ли они атеистами или приверженцами другой религии... Все люди имеют право не только сохранить свои религиозные убеждения или менять их, но также и выражать их публично. Все религии и все убеждения должны сосуществовать друг с другом, чтобы иметь возможность мирно соревноваться друг с другом... Законы, юридические акты и обычаи должны гарантировать свободу религиозной пропаганды, так же как и свободу антирелигиозной пропаганды». Этот текст особенно важен для страны, конституция которой предусматривает сво-

боду антирелигиозной пропаганды, но лишь отправление религиозного культа при полной невозможности достать Библию или провести катехизацию. Этот текст способствовал упразднению «ильичовщины» по имени партийного идеолога Ильичова, который, при поддержке Хрущева и при нарушении теоретического отделения Государства и партии, старался навязать беспощадный государственный атеизм. С 1959 по 1964 ему удалось закрыть почти половину действующих храмов.

Кроме того, была предпринята попытка завязать глобальный диалог между христианским Востоком и христианским Западом. В Боссе, в августе 1962 года, Никос Ниссиотис организует встречу, где широко участвуют и католики, посвященную духовной жизни двух половин христианского мира. В Монреале в 1963 году конференции «Веры и Устройства» предшествует предварительная консультация между православными и протестантами, которые совместно изучают проблему непрерывного существования Церкви и авторитета в постбиблейские времена...

Наконец, при постоянной поддержке православных устанавливается сотрудничество между Всемирным Советом Церквей и католической Церковью. На конференции в Монреале происходит фактическое вступление Рима в комиссию «Вера и Устройство»: сорок католических богословов участвуют в его работе.

В Монреале православные покончили с концепцией, согласно которой Всемирный Совет Церквей, не притязая быть сверхцерковью, мог в некоторых обстоятельствах выполнять миссию вселенской Церкви. Таким образом, дверь осталась открытой для достойного участия самого православия и возможного вступления в Совет Римской католической Церкви...

В 1965 году Всемирный Совет Церквей и Римская

Церковь учреждают смешанную рабочую группу, где совместно заседают католические, протестантские и православные богословы. Эта смешанная группа, весьма немногочисленная и состоящая из специалистов, провела духовную работу по темам кафоличности и апостольства Церкви.

Католическое сотрудничество проявило себя также в социальной или, скорее, в геосоциальной области, недавно учредив другой смешанный орган – «Комиссию по исследованию общества, развития и мира», которую в самой Женеве возглавляет иезуит о. Дюн.

В целом, православное участие, несмотря на свой ограниченный характер, содействовало сохранению в рамках Всемирного Совета Церквей равновесия между служением людям и ощущением тайны, столь важного для патриарха Афинагора.

Продолжая посещения экуменического характера, после Рима патриарх направился в Женеву. 6 ноября 1967 года его принял во Всемирном Совете Церквей генеральный секретарь Совета пастор Карсон-Блэйк. С большим благородством патриарх выразил благодарность Совету: «Мы прибыли сюда, чтобы заявить, что наш патриархат сознает, сколь многим он обязан Всемирному Совету Церквей, как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Сказать об этом вынуждает нас долг справедливости, ибо деятельность Совета направлена прежде всего против греха разделения внутри Церкви Христовой».

Патриарх напомнил, что с молитвы «о мире всего мира, о благостоянии святых Божиих Церквей и о соединении их всех» начинается всякая православная служба; экуменическая деятельность в каком-то смысле служит лишь продолжением этой молитвы.

Он указал на диалектику, по которой экуменическое призвание соединяется с уверенностью, что только в Православии сохранилась вся полнота истины: «Никакая христианская Церковь не имеет права на изоляцию, на уверенность в том, что ей не нужны контакты с другими христианскими братьями. Ни одна Церковь не вправе сказать, что те, кто живет за ее пределами, лишены всякой связи с Христом. Напротив, чем более она сознает себя единственной хранительницей истины, верной словам Христа, преданию и миссии древней, единой и неразделенной Церкви, тем более она должна стремиться к диалогу и сотрудничеству с другими христианскими деноминациями. Она должна делать это в духе любви, смирения, по примеру самого Христа, дабы содействовать победе истины и созиданию Тела Христова». Православное участие

во Всемирном Совете Церквей направлено к осмыслению общего служения миру, страждущему в муках рождения; оно ищет общего, хотя и свободного от компромиссов, богословского обоснования этого служения. Слова патриарха в данном случае звучали в согласии с традиционной позицией Константинополя, в частности, с Посланием 1952 года: «Сотрудничая со Всемирным Советом Церквей, мы никоим образом не стремимся к тому, чтобы оставить в стороне наши богословские трудности, мы не ищем какого-то поверхностного и равнодушного согласия в том, что нас разделяет. Мы ставим себе целью прежде всего достижение искреннего взаимопонимания в подлинном Духе Христовом, чтобы содействуя Ему, все члены Тела Христова причастились от одного хлеба и от одной чаши».

В рамках православного участия во Всемирном Совете Церквей патриарх возвращается к тем инициативам, которые были им предприняты в деле сближения православия и католичества. «Вселенский патриархат предпринял шаги, содействующие христианскому единству. Прежде всего мы имеем в виду новую эру в отношениях между Римско-Католической Церковью и Православной Церковью и установление отношений сотрудничества с Его Святейшеством папой Павлом VI. Следуя по этому пути, Вселенский патриархат твердо убежден, что он лишь содействует работе Всемирного Совета Церквей. Вот почему мы искренне радуемся, когда видим, как растет общение и сотрудничество между Всемирным Советом и великой Римско-Католической Церковью».

Патриарх рассматривает как единое целое диалог между Православием и западным христианством. Участие Православия в этом диалоге действует умиротворяюще и бескорыстно. Оно способствует сбли-

жению Рима и Реформации, ведя диалог одновременно на разных, но взаимодополняющих уровнях.

«Мы прежде всего рассматриваем ваш визит, – сказал д-р Карсон-Блэйк, – как визит хозяина дома, впервые совершенный лично». Но вскоре с прямолинейной откровенностью протестанта и человека крайне западного, он перешел непосредственно к основным проблемам, начиная полемику и втягивая в нее своего собеседника. Он признал, что православные Церкви не чувствуют себя вполне у себя «в этом доме, который принадлежит им, несмотря на то, что до настоящего времени слишком большое число его архитекторов были людьми западными и, по традиции, протестантами». Система «деноминации» объединяет два десятка православных Церквей, независимых друг от друга, и приблизительно две сотни протестантских конфессий, некоторые из которых насчитывают лишь десять тысяч членов, необходимых для вступления в ВСЦ. Обязательное участие всех Церквей в ассамблеях и органах Совета ставит православные Церкви в положение меньшинства, тогда как они представляют собой почти половину всех верующих, входящих во Всемирный Совет Церквей. И представляют совершенно особый духовный мир православия. Доктор Блэйк признал необходимость большего представительства для православных Церквей и восстановления равновесия. В более широком плане он упомянул о необходимости сделать Всемирный Совет еще более всемирным в конфессиональном отношении, имея в виду также сотрудничество и с Римско-Католической Церковью.

Теперь, в свою очередь, сами православные стали

спорной проблемой. «Однако у меня есть одно предупреждение, – сказал доктор Блейк, – изменение конституции и правил окажется недостаточным, если православные Церкви не сумеют посылать способных представителей для регулярного участия во всех важных собраниях, где принимаются решения Совета». Это вопрос деликатный и болезненный для тех, кто знает историю Православия и его нынешнюю ситуацию. Православие обладает неисчерпаемыми духовными богатствами, но в настоящее время оно не способно провести их в жизнь в интеллектуальном и социальном плане. Оно насчитывает немало замечательных мыслителей и богословов. Но это отдельные личности. Ему не хватает прежде всего широкой христианской интеллектуальной среды, где мог бы сформироваться круг людей, способных к работе на всемирном уровне. Оно нуждается в мыслителях и богословах, чтобы найти свое место в трудной, порой трагической истории: для свидетельства в условиях коммунистического мира,... для укоренения в арабском мире на Ближнем Востоке, для преобразования *диаспоры* в поместные и многонациональные общины... Действенное участие в работе Всемирного Совета Церквей – это роскошь для Православия, которую оно, едва ли может себе позволить, когда надо решать вопросы жизни и смерти. Конечно, предупреждение д-ра Блэйка было полезным: в Православии слишком много «восточной» инерции, слишком много разделений, много бессознательной лжи во спасение, в рассеянии же – слишком много ностальгии. Антиохийский патриархат, насчитывающий лишь несколько сот тысяч верующих, но имеющий свое собственное движение православной молодежи, интересующейся литургической и мистической традицией Востока, и революционными движениями в странах третьего мира, при-

обрел во Всемирном Совете Церквей значение, далеко выходящее за пределы своей арифметической значимости. Предупреждение было целесообразно, хотя у Православия следовало просить все же чего-то иного.

Об этом ином на свой лад засвидетельствовал сам д-р Блэйк, его слова прозвучали в удивительном согласии со словами патриарха, пожелавшего сближения Римской Церкви и Всемирного Совета Церквей. «Позвольте мне прежде всего рассказать о том влиянии, которое участие православных во Всемирном Совете Церквей уже оказало на меня, начиная с его истоков в 1948 году. Это влияние исходило в основном от Вселенского патриархата. Как известно Вашему Святейшеству, я принадлежу к реформированной Церкви. Я не скрываю своего замешательства, признаваясь в моем невежестве и предрассудках относительно православных и католиков, которые были во мне, когда я начал посещать заседания Всемирного Совета Церквей в 1954 году. Надеюсь, что в настоящее время я избавился от большей части предрассудков, но боюсь что во мне осталось еще много невежества. Я хотел бы сказать Вашему Святейшеству, что благодаря терпеливому и сердечному свидетельству православных представителей, многие из которых находятся непосредственно под вашей юрисдикцией, мое мышление и сердце открылись сокровищам православного и католического христианства, которые оставались мне неизвестны в рамках моей собственной конфессии. Я буду вечно благодарен за это обогащение моей веры и за все, что оно дало мне для подготовки к несению теперешних моих обязанностей, причем не только в отношении православных Церквей, но и в отношении Римско-Католической Церкви.

После Женева – Лондон: пребывание патриарха Афинагора в Англии в ноябре 1967 года явилось завершением весьма длительного диалога. Менее, чем через век после Реформации, архиепископ Кентерберийский уже посылал английских клириков к Вселенскому патриарху. В XIX веке Оксфордское Движение, которое привело Ньюмена к католичеству, обратило к православию других англикан, стремящихся вернуться к истокам. Друг Ньюмена, Пальмер, долго переписывался с крупным русским светским богословом Хомяковым в то время, как Константинополь и восточные патриархи участвовали в 1864 году в основании «Ассоциации англиканских и восточных Церквей»*. В 1869 году архиепископ Тиноса посетил Англию, где он вступил в контакт с англиканскими богословами, после чего представил Вселенскому патриарху весьма дружелюбную памятную записку. В начале XX столетия Константинополь сделал настоятеля греческого собора в Лондоне своим представителем (апокрисарием) при архиепископе Кентерберийском. В ноябре 1921 года вселенский патриарх Мелетий IV выразил горячее желание содействовать сближению между православной Церковью и Церквями англиканских общин, уточнив при этом «условия общения в таинствах». Он установил Фиатирскую кафедру с постоянной резиденцией в Лондоне, на которую он назначил митрополита Германа, первопроходца православного экуменизма.

Диалог между православными и англиканами сосредоточивается в основном на проблеме признания англиканских рукоположений, которая не переставала занимать первое место на всех переговорах между англиканами, с одной стороны, и православными и ка-

1. Anglican and Eastern Churches Association.

толиками, с другой. В 1922 году более 3000 членов англиканского клира, куда входила и шестая часть епископата, подписали декларацию веры в ответ на «условия», поставленные Вселенским патриархом и сообщили ее ему. В этом исповедании выразилась скорее «англо-католическая» тенденция, представители которой полагали, что епископат включает в себе всю структуру Церкви. Эта декларация была рассмотрена Константинопольским Синодом, и 22 июля 1922 года вселенский патриарх заявил, что «он признает в рукоположениях англиканского епископского исповедания благодатные моменты подлинного священства, вытекающие из апостольского преемства». Это решение, вынесенное лишь константинопольской Церковью может быть принято лишь при согласии всех других православных Церквей. В 1923 году подобное признание последовало со стороны Иерусалимской и затем Сербской Церквей, а в 1930 году со стороны Александрийского патриархата. Между тем в 1925 году празднование 1600-летия первого Вселенского Собора в Вестминстере дало новый толчок сношениям между англиканами и православными. На этом празднестве присутствовали два патриарха, Иерусалимский и Александрийский, и представители всех православных Церквей, за исключением русской, епископы которой не получили права на выезд из страны. Православная делегация была приглашена на седьмую Ламбетскую конференцию (с 4 по 18 июня 1930 года), она возглавлялась бывшим патриархом Константинопольским Мелетием IV Метаксисом, ставшим патриархом Александрийским Мелетием II, и в число своих членов включала нынешнего патриарха Афинагора. Она сделала возможным созыв в Лондоне с 14 по 20 октября 1931 года первой смешанной англикано-православной комиссии, занимавшейся, в основном, той же про-

блемой рукоположений. Эта проблема была выдвинута Церковью Румынской, придавшей ей настоящую глубину. «Только во всей органической целостности вероучения можно рассматривать ее исторические, канонические и догматические аспекты, – заявил в 1933 году патриарх Мирон. – Ибо в этой области, более чем в какой-либо другой, различные аспекты церковного вероучения глубоко взаимосвязаны».

Хорошо подготовленная англикано-православная конференция собралась в Бухаресте в июне 1935 года; она была посвящена самым существенным проблемам и привела к целому ряду соглашений относительно таинства рукоположения, Евхаристии, связи Писания и Предания, оправдания, законности англиканских рукоположений. Она позволила выработать терминологию и богословскую основу для диалога. В своей резолюции от 19 марта 1936 года Синод Румынской Церкви официально ратифицировал эти соглашения и признал англиканские рукоположения. Переговоры возобновились в 1940 году в Софии и в Афинах, и Элладская Церковь, также по соображениям «икономии», признала англиканские рукоположения в том смысле, что англиканский священнослужитель не должен снова рукополагаться, чтобы перейти в Православную Церковь. Вопрос о действительности таинств, совершаемых в англиканской Церкви, не был затронут.

В 1948 году Всеправославная Конференция в Москве явила победу наиболее непримиримой Русской Церкви, для которой эти признания были лишь обособленными актами, ничуть не затрагивающими всю совокупность Православия. Вскоре, однако, были установлены прямые отношения между англиканами и Московским патриархатом, имевшим в XIX веке столь богатую традицию диалога с христианами Ан-

584

глии. Знаменитый Филарет, митрополит Московский, занял открытую позицию в своем исследовании о «непрерывности епископского рукоположения в англиканской Церкви». Он писал, что православный христианин с радостью и с любовью находит следы благодати и за пределами православия. *Следы Церкви!* В пятидесятых годах нашего столетия эта линия мысли была продолжена англикано-православным братством *святого Албания и святого Сергия*, обретя своего богослова в лице Владимира Лосского, учителя неопатристики. Будучи парижанином и членом Московского патриархата, он каждое лето принимал участие во встречах, организованных этим братством. Великолепный знаток мысли средневекового Запада, получивший профессиональную подготовку под руководством Этьена Жильсона, Лосский активно участвует в диалоге между англиканами и православными. Его интеллектуальные построения, его мысль, строгая – в смысле отсечения и основания – оказывает свое неодолимое воздействие на женственную и несколько лабильную природу англиканского богословия (предоставленное самому себе, оно пришло сегодня к своего рода «атеологии»). Учение Лосского способствует возникновению в среде молодых англиканских богословов небольшого, но глубокого течения, которое можно назвать англо-православием. На этих встречах активную роль играл нынешний архиепископ Кентерберийский д-р Рэмси, в то время профессор богословия в Кембридже. Став архиепископом Йоркским, а затем Кентерберийским, он сохранил к ним свое расположение. Его большая работа о преображении многим обязана православной мысли, он сумел увидеть ее библийскую основу.

В 1956 году произошли новые богословские встречи, правда обособленные, в Фанаре и в Москве. Одна-

ко в то же время англиканская Церковь укрепляет свои связи с протестантским миром. В Южной Индии она входит в общение с неепископскими общинами, чьи пасторы даже не были рукоположены, оговорив лишь, что их преемники получают законное англиканское рукоположение. Она устанавливает общение в таинствах с весьма либеральными протестантскими центрами в Скандинавии, продолжает переговоры с методистами и некоторыми реформаторами, как будто заботясь прежде всего о том, чтобы влить в себя свежую кровь. Она видит свое призвание в том, чтоб служить своего рода «мостом» между Церквями, обладающими католической структурой, и Церквями протестантскими. В своей экуменической деятельности она не хотела бы жертвовать ни теми, ни другими.

В 1960 году престарелый д-р Фишер посещает Фанар и Ватикан и укрепляет Афинагора I и Иоанна XXIII в их стремлении к сближению.

В мае 1962 года д-р Рэмси, ставший в свою очередь «лидером» Англиканской общины, отправляется в Афины и в Стамбул, а в следующем году встречается с патриархом Московским. Англиканская Церковь, заявляет он, хочет оставаться в русле «древней и неразделенной Церкви» и пребывать в «Предании, как в неиссякаемом потоке жизни Божией». Но она хочет соединить эту верность с «признанием благодати Божией, явленной в протестантских общинах...»

По просьбе Вселенского патриархата, Третья Конференция в Родосе в 1964 г. решила организовать всеправославный богословский комитет, чтобы подготовить открытие богословских собеседований с англиканами. Таким образом, впервые было вынесено решение, вести диалог на всеправославном уровне.

Эта богословская комиссия заседала с 1 по 15 сентября 1966 года в Белграде. Лондонский Митрополит

586

Афинагор настаивал на том, чтобы выявить положительные аспекты англиканства, которые православие должно поддерживать. Он поставил решающий вопрос: «Возможно ли для нас, применяя каноны в духе воспитательной «икономии», установить общение в таинствах с неправославными Церквями, дабы достичь столь желанного единства и восполнить их собственную полноту, целостность их веры? Этот вопрос требует от нас... тщательного исследования, которое могло бы подготовить его обсуждение на Всеправославном Соборе. Ибо поистине он возникает перед нами и как веление времени и как результат внутреннего импульса, исходящего в Церкви от Утешителя». Русские и греческие делегаты подошли совершенно иным образом к анализу англиканства. Они настаивали на отсутствии единства и текучем характере англиканской веры, на «всеядности», выражающейся в том, что у англичан называется *comprehensiveness* (способность все включать в себя), на ослабление англо-католичества за счет модернистских течений, наконец, на отсутствие в англиканской общине органа, способного ограждать веру от ереси. Некоторые греки, как например профессор Трембелас, представлявший Иерусалимский патриархат, были беспощадны. С суровым величием, граничащим с фанатизмом, они противопоставили англиканской «*comprehensiveness*» православную исключительность, провозгласив, что «нет таинств за пределами Церкви», т.е. Церкви православной. В этих мужах с патриархального Востока ощущался какой-то инстинктивный ужас перед Церковью, находящейся в общении со скандинавами, дошедшими в своем бесстыдстве до рукоположения женщин... Это был инстинктивный и в то же время вполне осмысленный отказ от современной вялости, не умеющей сказать «нет»; от того, что Гобино называл

«всесмешением», от этой свободы без содержания, где все неуверено, даже пол. Русские были столь же непреклонны, но их подход был более тонким. Вслед за митрополитом Филаретом они признавали *следы Церкви*, но различия казались им столь значительными, что признание англиканских рукоположений было для них невозможно. На это митрополит Афинагор ответил, что не отрицает эти различия, однако англиканам нужно помочь преодолеть их с помощью признания, предложенного уже рядом православных Церквей. Это был неразрешимый конфликт между «реалистами» и «оптимистами».

Более умеренные предложения, способные примирить несогласные стороны, не посрамляя ни одну из них, внесли румыны, болгары и сербы, играющие примирительную роль в современной Православии. Они напомнили о том, что Конференция созвана не для суда над англиканами, проходящего в их отсутствии, но для установления диалога, который, как и всякий диалог, подразумевает известное количество спорных проблем. Их «методология» заключалась в том, чтобы вернуться к решениям 1935-1936 годов, выработанным в Бухаресте и принятым официально некоторыми православными Церквями, относительно общих точек зрения с англиканами. Следует прежде всего исходить из этих решений, и румыны, в частности, не ставят под сомнение то, что было утверждено их Синодом после обмена визитами д-ра Рэмси и патриарха Юстиниана в 1965 и 1966 годах.

Конференция в конце концов решила, что «предметы, о которых достигнуто согласие между англиканами и некоторыми православными Церквями», не будут подвергнуты пересмотру, в частности, вопрос о признании англиканских рукоположений. Конференция заняла открытую позицию в отношении англикан-

ства и подтвердила желание Православия вести с ним диалог на основе общего достояния неразделенной Церкви.

«Общая дискуссия выявила всю важность диалога с англиканами. Неоднократно он обсуждался некоторыми поместными Православными Церквями, хотя и не всей полнотой Православия. Со своей стороны Англиканская Церковь стремится к лучшему познанию жизни и учения православной Церкви и к сближению с Правослаviем.

Комиссия полагает нашим христианским долгом ответить на глубокое желание англикан и на их стремление приобщиться к нашей вере и к нашему церковному строю, существовавшим в единой и неразделенной, апостольской и кафолической Церкви и сохранившимся неизменными в Церкви Православной».

Наконец Конференция утвердила ясный и скоординированный список тем, которые должен затронуть этот диалог, разделив «предметы, о которых уже была достигнута договоренность между англиканами и некоторыми поместными Православными Церквями», предметы обсуждавшиеся, но о которых договоренность еще не была достигнута, «предметы, недостаточно изученные», и «те, которыми нужно заняться в первую очередь, с самого начала диалога с англиканами».

Четвертая Всеправославная Конференция, собравшаяся в Шамбези в июне 1968 года, утвердила решения Белграда. Она решила пополнить богословскую комиссию специалистами, с тем чтобы этот подготовительный орган впоследствии приступил к осуществлению диалога с англиканами в рамках совместных консультаций с англиканской комиссией. С другой стороны, преодолевая сложности, возникшие в Белграде, было решено, что все темы, даже те, по кото-

рым была достигнута договоренность между англиканами и некоторыми поместными Церквями, войдут в состав изучений на всеправославном уровне.

Несмотря на все трудности, Белградская конференция имела большое значение: все участники братски согласились, что существует тесная взаимосвязь между евхаристией, священством и Церковью, и подчеркнули сакраментальный характер Церкви, оказав при этом большую услугу современному экуменическому движению. Совмещение позиций тех кто защищает «верность истине», и тех, кто предпочитает «открытость в диалоге», может привести к творческим решениям, если, как предлагает Афинагор I, частный вопрос англиканства внедрить в динамику более общего сближения христиан Востока и Запада.

В самой Англии непосредственное присутствие Православия ощущается весьма сильно. От Вселенского патриархата зависит православная греческая община приблизительно в три тысячи человек, большинство из которых – киприоты, а также многонациональная монашеская община, основанная близ Лондона учеником *старца* Силуана, отцом Софронием, одним из крупнейших современных наследников исихастской традиции. Англичанин из обращенных и ставший священником в Константинопольской юрисдикции Тимоти Уэр (Ware), преподает в Оксфорде историю и духовную жизнь Православия. Общину православных русского происхождения с несколькими обращенными англичанами возглавляет митрополит Антоний Блум (Московский патриархат), человек духа, умеющий находить общий язык с людьми нашей эпохи, за пределами христианских кругов, в особенности с мо-

590

лодежью, ставший известным всей стране благодаря своим проповедям по радио и по телевидению.

Афинагор I прибыл в Лондон вечером 9 ноября 1967 года. Его встречал д-р Рэмси при торжественном молебном пении «*Тебе Бога хвалим*» в часовне Ламбетского дворца. Утром 10 ноября он был принят за завтраком королевой в Букингемском дворце. На последующих встречах архиепископ и патриарх обменялись чашами в знак того, что, по выражению д-ра Рэмси, «придет день, когда мы все будем пить от одной чаши». Он приветствовал в лице Афинагора I не только Вселенского патриарха, но «отца, руководителя, друга, наделенного мужеством, любовью и пророческим видением». Ибо и на самом деле взаимная симпатия установилась между этими двумя людьми после пребывания д-ра Рэмси в Фанаре в 1962 году.

В праздник св. Мартина Турского 11 ноября Афинагор посетил Кентербери, где д-р Рэмси совершал Евхаристию в чаше, подаренной ему патриархом. Они обменялись целованием мира. Вечером была торжественная служба в переполненном кафедральном соборе. Она закончилась пением «*Тебе Бога хвалим*», когда архиепископ подвел патриарха к древней кафедре св. Августина Кентерберийского, апостола Англии, и пригласил его воссесть на нее: «Вот, – сказал он, – трон, где были интронизированы все преемники св. Августина». Затем Афинагор I побывал в аббатстве англиканских бенедиктинок в Вест-Меллинге.

В воскресенье 12 ноября архиепископ был, в свою очередь, принят патриархом за богослужением в греческом соборе св. Софии. Патриарх обратился с волнующим словом к православному рассеянию, а затем более двух часов благословлял народ.

Утром 13 ноября, в день памяти св. Иоанна Златоуста, Божественную литургию в часовне Ламбетского дворца служил митрополит Фиатирский, в присутствии Патриарха и Архиепископа. Это была первая православная литургия в Ламбетском дворце. Митрополит употребил чашу, подаренную патриарху Архиепископом Кентерберийским. Затем Афинагор I посещает церковь братства св. Дэнстана, где есть православная часовня, с прекрасным иконостасом, привезенным из Бухареста патриархом Юстинианом. Единственный пример в Англии, храма, посвященного христианскому единству, где в алтаре рядом стоят два престола, один православный, а другой англиканский.

Визит Афинагора в Англию завершился приемом у Лондонского епископа в соборе св. Павла.

Богослужение стояло на первом месте во время этого визита. Патриарх и архиепископ ощутили, что единство обеих Церквей, их общая укорененность в почве неразделенной Церкви проявляется прежде всего в богослужении. Выступления архиепископа были выражены ритмом литургических формул; они были насыщены тринитарными и пасхальными славословиями, упоминаниями об ангелах и о святых. Было всеобщее ощущение, что наш мир в трех измерениях в действительности погружен в незримое, и что эта прозрачность литургична. Вечером 9 ноября архиепископ встречает патриарха словами: «Ваше Святейшество, дорогой во Христе брат, Господь наш Иисус Христос воскрес из мертвых, и вместе мы пребываем в радости Его Воскресения». И на следующий день: «Бог, славный во святых Его, придите, поклонимся Ему». 11 ноября он молится в соборе: «Посреди испытаний мира

592

сего, давайте вспомним, что мы пребываем рядом со святыми на небесах и в общении с ними, в радости Воскресения, и воздадим хвалу Богу, Кому подобает всякая честь и слава и поклонение, единому в трех Лицах, Отцу, Сыну и Святому Духу». И в воскресение: «В божественной литургии мы приближаемся к небесной радости».

То была атмосфера, чрезвычайно близкая православному сердцу. Вот почему патриарх в своем ответе 10 ноября смог воспользоваться мистическим изречением, которое произносят сослужащие во время целования мира в византийской литургии: «Ваша милость, возлюбленный во Христе брат, Христос посреди нас, есть и будет».

Литургия – это сила освящения. Потому д-р Рэмси непрестанно обращался к теме святости. Идея эта столь близка православной традиции, для которой истинное богословие неотделимо от духовного опыта, что свойственно также и англиканской традиции. Научные испытания в Англии развились вслед за испытаниями духовными, так что даже антирелигиозный сциентизм оставался неведомым вплоть до распространения венского нео-позитивизма – знак странного высыхания глубинной жизни...

«Мы молимся сегодня о единстве всех христиан в истине и святости», – сказал архиепископ 10 ноября. И двумя днями позднее: «Мы призваны к святости, согласно блаженному Павлу, и каждый из нас, кто носит имя Христово, призван следовать по пути святости вместе с блаженной Девой Марией, Матерью Господа нашего и со всеми святыми, прославленными на небесах». Патриарх со свойственной ему убежденностью продолжил эту тему: «Человек несет в себе самом драматическую вселенную. Пусть же в Церкви найдет он

истинное свое место вблизи Бога, пусть научится он осуществлять с Богом синергию, творческую аскезу, способную породить подлинную культуру, овладеть жизнью, наполняя ее духом... Более, чем в чем-либо ином, человек нуждается в Церкви и в литургии... Он нуждается в том, чтобы ощущать Христа в себе, чтобы за пределами храма быть свидетелем Христа... Он нуждается в том, чтобы непрестанное желание преображения обладало им, порождая в нем тягу к обновленному миру... Мы открываем здесь значение святейшего алтаря, ибо он созидает из богословия повседневный опыт, он освящает и озаряет любовь нерушимым образом».

Эти дни проходили под знаком ностальгии о неразделенной Церкви, с желанием выявить то присутствие, которое соединяет и создает общую почву под ногами. «Ваше прибытие сюда, – сказал архиепископ патриарху 10 ноября, – возвращает нашу память к тем связям, которые соединяют христианский мир Востока с христианством Запада; они куда древнее, чем несчастные наши разделения... Когда святой Августин принес начатки веры на берега Англии, традиции Востока и Запада еще не имели тех различий, и мы с радостью вспоминаем, что один из великих наших Кентерберийских архиепископов Феодор Тарский был греком». Поэтому патриарху было предложено занять трон святого Августина, и потому был отслужен молебен Мартину Турскому и Иоанну Златоусту, святым неразделенной Церкви. Завершая свой визит, патриарх сказал: «Девять веков бесконечных споров в конце концов оледенили любовь в наших сердцах и затемнили сознание единства Церкви. В древней неразделен-

ной Церкви существовали определенные различия в истолковании самых основ веры... Тем не менее, общение между Церквями не прерывалось».

Четвертая генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей собралась в Упсале, в Швеции с 4 по 19 июля 1968 года. Она включала в себя паломничество к могиле Натана Зёдерблома, стоявшего у истоков движения *Life and Action*, которое в рамках Совета стало носить имя *Faith and Order*.

Православные были здесь в меньшинстве, ибо Церковь Греции по политическим мотивам не послала своих представителей, однако присутствие их было достаточно активным. Были широко представлены Церкви Восточной Европы, Ближнего Востока и Америки, и среди их участников были известные богословы, люди Духа, епископы посвятившие себя смиренному служению Евангелию. Были, разумеется, и церковные «аппаратчики» со всей присущей им помпезностью, то унылой, то уморительно нелепой, но и они не угашали Духа. В целом православное свидетельство помогло ассамблее не поддаваться искушению заменить христианство революционным гуманизмом. Многие христиане Запада, будучи в плену политики, хотели преобразовать Церковь из силы консервативной в силу оппозиционную, что только перелицевало, но не преодолело бы пороки традиционного христианского общества, находящегося в стадии распада. Православные же, напротив, настаивали на том, что присутствие Церкви в обществе должно быть принципиально иным: она должна вдохновлять и освящать, но никому ничего не навязывать. Перед напором прагматизма, или скорее политического мессианизма Запада,

они делали упор на богомыслии и изменении «сердца». Церковь, ставшая местом встречи делегатов с Запада, коммунистических стран и стран третьего мира, противопоставила своего рода «утробному» протесту с Запада «оппозицию куда более уравновешенную, но и более глубокую, укорененную в ценностях прошлого, в истории и традиции, более близкую материнской земле, т.е. небу» (впечатление Раймона Ризка, представлявшего Движение православной молодежи Антиохийского патриархата).

Выступления православных делегатов были наиболее значительными в вероучительной области, когда речь шла о познании Бога или о тайне Церкви. Многие из текстов были улучшены, и много было посеяно добрых семян, в особенности когда шла речь о великой проблеме «Кафоличности и Святого Духа», над которой работала особая секция. Значение этих решений проявлялось, когда политическая пена Упсалы развеялась ветрами истории. В этом духовном углублении, перед лицом богословия «смерти Бога» и намерения превратить христианскую веру в псевдо-гегельянство, католики и православные должны были проявить более высокую степень сотрудничества.

В конце концов всем стало ясно, что никакую проблему не удастся разрешить без участия Рима. Более тридцати католических наблюдателей, гостей и представителей молодежных движений, приняли полноценное участие в работах ассамблеи, где было принято решение, что отныне Римско-Католическая Церковь будет иметь регулярное и официальное представительство в комиссии «Вера и Устройство». Туда было избрано девять католических богословов. «Смешанная комиссия по вопросам развития и мира» получила от ассамблеи трехгодичный мандат.

Более устойчивое сотрудничество с Римом, в соеди-

нении с православным давлением в самом Совете, привело ассамблею к необходимости поставить вопрос о новых структурах, где «большие конфессиональные семьи» могли бы встречаться и высказывать свои взгляды. Уже Альянс реформатских Церквей и Лютеранская Федерация установили собственные отношения со Всемирным Советом, назначив постоянного «связного» и разослав «братские делегации» в ассамблеи и комитеты. Ассамблея выразила также открытое пожелание, чтобы понятие «конфессиональной семьи» распространялось на Православие и на Римско-Католическую Церковь.

В Упсале, наконец, основное внимание экуменического Движения было сосредоточено на проблеме человека, *humanum*, как говорили, прибегая к выражению Эмиля Бруннера. Вся работа Совета на ближайшие годы ориентирована в этом направлении. «Вера и Устройство» должна изучать человека в природе и в истории. Основные темы работы: «Антропологическая революция и ее значение для христианского богословия и миссии Церкви, Существует ли специфический христианский взгляд на человека? В каком смысле Иисус Христос является истинным откровением подлинной человечности? Каковы особенности «нового человека во Христе» и нового человечества, Церкви? Какие философии человека несут в себе современные науки, светские идеологии и нехристианские религии? Как Церкви могут начать диалог с ними?» (Предложения по изучению человека).

Я

Кое-кто видимо хочет заменить богословие антро-

пологией. Это цена, которую приходится платить за лозунг Реформации «Единому Богу слава», уступающий сегодня место лозунгу «единому человеку слава!» Здесь забывают, что христианство – это не религия человека против Бога, как и не религия Бога против человека. Русские религиозные философы, которых вы любите, не раз говорили: христианство «теандрично», оно несет в себе полноту богочеловечества. Бердяев, возвращаясь к изречению Отцов о том, что Бог стал человеком для того, чтобы человек мог стать Богом, показывает, как человек черплет в Духе силу, чтобы победить объективацию и пространство своей творческой свободой. Ибо Бог, говорит он, ожидает свободного ответа от человека, и в эпоху Духа должно быть не только откровение Бога человеку, но и откровение человека Богу. Я бы хотел, чтобы это движение к *humanum* Всемирного Совета Церквей, соединилось с движением наших религиозных философов. Пастор Карсон-Блейк ссылался на Бердяева как на одного из «Отцов Востока и Запада». Он принимал в качестве отправной точки редукцию человека только к человеку, редукцию, которую хотели осуществить Фейербах, Маркс и Ницше. Но при этом на страницах, написанных кровью, как сказал бы Ницше, он показывал, что редукция эта, определяемая как «смерть Бога», неизбежно приводит и к смерти человека. Или-или, на краю удивительного и трагического, стремясь изменить не структуры общества, но личности или, скорее, в своем стремлении поклониться Высшему, расправляясь со всякими структурами, человек обнаруживает, что он не сводим к самому себе. На основе этой несводимости возникает «мистический реализм», образ Бога в человеке, Который отстраняется, чтобы открылась бездна свободы. И бездна вызывает к бездне.

И все же эти религиозные философы были слишком насыщены Православием, чтобы даже в своем постижении человека не ощущать смысла и хмеля Бытия. Между тем, слишком многие богословы в наши дни, говорящие о *humanum*, надеются найти откровение в науках о человеке. И вновь христиане, обманутые модой, считают себя в авангарде, тогда как они тащатся в хвосте! Они собираются заниматься чистой социологией в то время, когда самая отточенная мысль на Западе – бесшумно, конечно, но для таких вещей нужен тончайший слух – отворачивается от человека, открываясь Бытию...

Он

От нас зависит, чтобы путь, на который мы вступили в Упсале, стал плодотворным. Богословие должно стать бого-антропологией. Церковь должна понять, что цель ее существования – это человек, или скорее метаморфоза человека в Духе Святом. Нам необходимо показать, что период от экклезиологии к человеку означает переход от того, что постепенно, к тому, что фундаментально. Что только поиск Духа Святого способен оживотворить все. Вдумайтесь в то, что сказал на Ассамблее владыка Хацим. Он сказал все, что следовало сказать.

Работу ассамблеи открыл православный митрополит Латтакийский Игнатий Хацим*, своим комментарием на слова, которые должны были стать для нее путеводной нитью: «Се, творю все новое» (Откр 21.5).

* Ныне – Патриарх Антиохийский (прим. перев.)

Выпускник Свято-Сергиева Подворья в Париже, зачинатель Молодежного Движения Антиохийского патриархата, митрополит Хацим с корнями в семитическом христианстве, столь близком к библейским истокам, сказал, может быть, единственно существенные слова, которые услышала ассамблея. Мне хотелось бы привести несколько отрывков из этого поистине пророческого текста:

«Тупик всех установившихся систем и революций – морализирование. Нет, «се, творю все новое» – это не программа, но событие, может быть, единственное Событие в истории. Небо и земля прейдут, всякая вещь обветшает, но Слово Бога Живого, т.е. Событие новизны, не пройдет. Мы не будем ни археологами былого христианства, ни социологами революционной Церкви. Мы будем пророками Новизны, тайновидцами Христа Восресшего (...)

Объект – это изгнание личности. Потребители или революционеры, технократы или только пытающиеся стать ими, мы все хотим свести к объекту, даже глубину человека. Но мы ищем объект и находим абсурд. Ибо все тогда становится необратимо мертвым – и мир, и человек, и Бог. Все ветшает, как только лишается корней, личностной Новизны. «Меня, источник воды живой, оставили» (Иер 2.13). (...)

Структура этого мира не только диалогична, одушевлена даром Логоса, но и демонологична, пронизана дьяволом... Событие Новизны «возникает» в истории как битва против смерти. Новизна может быть лишь пасхальной драмой... Пасха Иисуса есть событие Новизны... Отныне структура истории становится пасхальной в подлинно богословском смысле слова «перехода» от этого мира к новому творению, отныне она – уже парусия как присутствие Бога-с-людьми (...).

Этот Бог «приходит» в мир, как бы выходя навстречу. Он перед ним, Он зовет, подгоняет, посылает, дает ему расти и освобождает. Всякий иной бог – бог ложный, идол, и давно пора нашему современному сознанию похоронить его. Этот многообразный Бог, обитающий в «ветхом» сознании человека, по сути, находится позади человека как причина; он повелевает, организует, заставляет человека отступить, и, в конце концов, отчуждает его. Он не имеет ничего пророческого, напротив, он является всегда как последнее объяснение необъяснимому или последнее убежище для безответственности... Этот Бог, в сущности, умер...

Крест – это момент Новизны: эсхатон, будущий век, который входит в наше время и взрывает наши могилы. Эта смерть есть наше Воскресение. «Се бо приидет радость всему миру...» – говорится о Кресте в Воскресном тропаре.

Событие Пасхи становится событием нашего существования благодаря тому, Кто творит его от начала и в полноте времен. Дух Святой... Без Него Бог всегда пребывает где-то вдали от нас, а Христос в прошлом. Евангелие – мертвая буква, Церковь – простая организация, авторитет означает господство, миссия – пропаганду, культ – заклинание, путь христианина – рабскую мораль. Но в Нем и в неразрывной синергии космос восстанавливается, в муках рождая Царство... в Нем Христос воскресает, Церковь означает тринитарное общение. Евангелие становится жизненной силой, авторитет – освобождающим служением, миссия – Пятидесятницей, литургия – воспоминанием и предвосхищением, человеческие дела наполняются энергией обожения...

Апокалипсис и человеческая драма, которую он открывает, разворачиваются на уровне двух реально-

стей: реальности феноменов и реальности Тайны. Один план – это план каузального, детерминированного, оструктурированного мира, где алхимия культуры и экономики может лишь обратить одну смерть в другую. Другой план – это Тайна, где после Даниила возникает видение Сына Человеческого, который «творит все новое» и приходит, чтобы вырвать нас из-под власти смерти...

Теперь от нас зависит, исчезнет ли эта Новизна или потеряет всякое значение, или она обожит человека и преобразит мир (...)

Богословие не разрушает и не пренебрегает человеческой психикой, но заглядывает в ее исток и освобождает: Дух Святой – это не сверхпсихология, Он – Жизнь целостной личности. Точно также богословие не делает излишним непосредственное познание структур на уровне человеческого опыта, но утверждает и преобразует ценности, которые взаимодействуют со структурами (...).

Если мы не несем откровение для братьев наших, которое может удивить или оттолкнуть как знак «падения или восстания», значит внутренняя очевидность покинула нас. В таком случае мы не более, чем теисты, и к чему удивляться, что мы породили атеизм? Первый вопрос нашего мира соединяется и с первой достоверностью нашей веры. Мы не спрашиваем: «Существует ли Бог?» или даже «Что такое человек?» но: «Как человек может победить смерть?», т.е. «Воистину ли воскрес Христос?» (...)

«Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доньне» (Рим 8.22), – как говорит апостол Павел. Ведаем ли мы это, как предполагает апостол Павел? Ощущаем ли мы это в опыте труда, денег, материи, космоса? Культура в свете Парусии – это подлинная иконография, творение Духа Святого, создаваемое

Христом, новая Вселенная, начавшаяся с первого творения (...).

«Се, творю все новое» – не означает deus ex machina, при котором падает, исчезая, одеяние нашего космоса, но прорыв литургии таинств в Литургию вечную. Исчезнет не мир, это чудо, сотворенное Словом Божиим, исчезнет смерть. Труд многих поколений людей не уничтожится, но войдет в окончательное Преображение. И вот ради этого последнего эпиклезиса Дух Святой созвал нас сегодня.*

* Эпиклезис, призывание Святого Духа – важнейший момент Евхаристического Канона в православной литургии, когда, по молитве священника и всей Церкви, освящаются Святые Дары, лежащие на престоле. (прим. перев.).

Он

Когда я занял патриарший трон в начале 1949 года, я застал православные Церкви в полной изоляции друг от друга. Между ними существовало всецелое единство в вероучительном смысле и в евхаристическом общении, но не было никакого единения. Патриархи лишь обменивались приветственными посланиями трижды в год: на Рождество, на Пасху и на день именин каждого из них. А поскольку именин у меня не было, то мне писали лишь дважды. И из-за отсутствия братских отношений между нами за долгую историю накопилось столько трагических недоразумений.

Я попытался радикально изменить эту ситуацию. Я стал регулярно писать патриархам, стал посылать к ним делегации. Затем я решил повидать их лично. В 1959 году я впервые посетил Святую Землю и пожелал встретиться с патриархами Александрии, Антиохии и Иерусалима. В 1960 году патриарх Алексей, на обратном пути из Св. Земли, остановился в Стамбуле, и мы сослужили с ним на Рождество. Он настроился на весьма суровый прием. Но все уладилось между нами быстро и по-дружески, в течение получасовой беседы. Я вспоминаю, как он был удивлен. Время ссор, однако, прошло. Главное – это единство Православия. Затем были собраны три Всеправославные Конференции на Родосе и большая встреча, посвященная тысячелетию Афона. Тогда нужно было добиться не столько конкретного результата, сколько внести закваску братства. В 1967 году, я посетил Югославию, Румынию и Болгарию. Затем состоялась новая Всеправославная Конференция в Женеве, где решился вопрос о Всеправославном Соборе.

В начале был союз, но не было единства. Сейчас есть союз и единство, понемногу возникает общая позиция по многим вопросам.

Сначала другие патриархи писали мне два раза в год, а я им три. Сейчас мы переписываемся часто и регулярно. Я пишу каждому с одинаковым почтением и самому молодому, должно быть, Герману Сербскому или, скорее, Юстиниану Румынскому, и самому пожилому – Алексию Московскому. После него я старше всех. Я их выслушиваю, проявляю к ним интерес, стараюсь их укрепить и, если нужно, утешить.

Я содействовал также тому, чтобы все православные Церкви вошли во Всемирный Совет Церквей. Я лично поручился за Русскую Церковь. С этой Церковью, важнейшей среди Церквей-сестер, я разрешил болезненные проблемы, которые разделяли нас. Сейчас она участвует в великом деле собирания всех православных, неотделимого от дела соединения всех христиан.

Как и в отношении с Римом, все проявляли недоверие. Все боялись, не решались сделать и шага. Мне говорили: если вы соберете Всеправославную Конференцию, русские и другие восточно-европейские Церкви окажутся в большинстве, они будут задавать там тон. Но мы уже собрали четыре Всеправославные Конференции и одну богословскую конференцию в Белграде, и русские не стремились на них к превосходству, которого, впрочем, они и не могли бы иметь. Неверно представлять себе ситуацию Православия в виде полярности Константинополя и Москвы. Это ложно с исторической точки зрения: Церковь Румынская, Сербская, Болгарская, Ближневосточные патриархаты имеют собственное место в мире. Румыны, сербы, болгары все более прислушиваются к собственному внутреннему голосу. Этот голос исходит из

Византии, из Византии духовной, принесшей им семена света. Ложно и в духовном плане, ибо во всех своих действиях я пытаюсь быть тем, кто служит только любовью. Любовь не знает двух полюсов, любовь не отвечает противодействием на противодействие. Вспомните, что говорит Апостол: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует,... не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...» (1 Кор 13.4-7)

Я

Церковь с самого начала имела вселенский центр согласия и гармонии – поместную церковь, которая «председательствует в любви». В Деяниях Апостолов эту роль играл Иерусалим: там вокруг апостола Иакова собрался Собор, уладивший спор между Петром и Павлом. Затем эта роль перешла в Рим, тогда как Константинополь занял второе место в общении Церквей, образующих «пентархию», т.е. согласие Церкви-Матери и четырех других великих патриархатов. После раскола привилегии, признанные Соборами за «новым Римом», отдали вселенскому патриарху первенство чести в православной Церкви. Система пентархии возобновилась после учреждения патриаршества в Русской Церкви. Проблема заключается в том, что структура нашей Церкви фактически сильно изменилась в современную эпоху. В древней Церкви общение поместных Церквей, на основе их евхаристического общения, осуществлялось сложной иерархией центров согласия. В каждой гражданской провинции первоиерархом был епископ митрополии, митрополит, который в силу пятого Никейского канона, должен был собирать дважды в год, весной и осенью, всех

606

епископов провинции и ничего не делать без их согласия.

Позднее, в более широких культурных рамках, которые часто, но не всегда соответствовали различным частям империи, возникли объединявшие эти митрополии патриархаты. Рим собрал вокруг себя латинский мир, Константинополь – греческий, Александрия – коптский, Антиохия – сирийский... Сюда присоединяется также и Иерусалим, который, несмотря на то, что он был единственной матерью Церквей, оказался только на пятом месте, как бы для того, чтобы напомнить, что Иерусалим Небесный достижим отныне везде, где совершается Евхаристия. Эти патриархаты делаются «столпами» епископата, в том смысле, в каком апостол Павел говорил о «столпах» собрания апостолов, Иакове, Петре и Иоанне... Наконец Рим сделался центром вселенского согласия, не над всеми, но в центре патриаршей «пентархии» и коллегии епископов. Дух этой живой иерархии центров согласия выражается в 34 апостольском правиле: «... что епископы признают первенство за главой и не делают ничего, что выходит за границы их собственной власти, без его совета. Но чтобы и первоиерарх не делал ничего без совета всех, так чтобы они пребывали в согласии, дабы прославился Бог (Отец) Господом (Иисусом Христом) в Духе Святом». Показательно, что этот текст завершается прославлением св. Троицы, основы всякого общения.

Он

Именно синодальный принцип составляет основу нашей Церкви. Вы знаете, что я ничего не могу сделать без согласия моего Синода. То же самое можно сказать и о других православных патриархах. Когда я

был архиепископом в Америке, я организовал митрополию в духе Никейских канонов, с регулярными синодами, *conventions*, как говорят по-английски, на которых принимали участие не только епископы, но и священники и миряне...

Я

И все же кажется, что мы отошли от экклезиологии соборности как на Востоке, так и на Западе. Разумеется, в противоположных направлениях, и с той разницей, что католичество догматизировало то, чего не коснулось православие. На Западе упор был поставлен на единство вселенской Церкви в ущерб разнообразию. Юридическая власть Рима возобладала над сакраментальным авторитетом и коллегиальным общением епископов. Эта эволюция привела к Первому Ватиканскому Собору, давшему Римскому епископу «непосредственную и поистине епископскую» юрисдикцию над паствой других епископов. На Востоке миф о Москве-Третьем Риме, трудное и потому столь страстное обретение народами Юго-Восточной Европы своей национальной независимости, изменили институт патриаршества и привели его к самоотождествлению с национальной Церковью. Эта тенденция была усилена применением понятия автокефалии только к национальной Церкви. Первоначально автокефалия относилась прежде всего к митрополии и носила относительный характер. В национальных границах она стала абсолютной. Одновременно автономия митрополичьих провинций исчезла в большинстве из этих национальных Церквей, где епископы стали чиновниками, которых центр смещает по своему усмотрению. В итоге этой эволюции автокефальные Церкви стали считать себя совершенно независимыми,

определяя Православие как федерацию, следовало бы сказать, конфедерацию Церквей-сестер. Приведу один пример: в то время, когда традиционная система патриаршества, назовем ее «пентархической», преобладала в Православии, тогда без колебаний каждая поместная Церковь могла обращаться к великим кафедрам вселенской Церкви и прежде всего к первой из этих кафедр. В XVII веке, например, патриарх Московский мог представить решение русских епископов на суд Константинополя. Еще сегодня Элладская или Кипрская Церковь иногда обращаются с апелляцией к Вселенскому Патриархату. Но подобная апелляция стала немыслимой в Церквях национальных – следовало бы сказать националистических!

Триумф национализма в православии сопутствует во времени триумфу римского централизма в католичестве. Первый Ватиканский Собор собрался в 1870 году. А в 1872 году можно констатировать смерть Пентархии, когда восточные патриархи со своими Синодами в последний раз собрались вокруг Вселенского Патриарха в Константинополе ради доброго и одновременно дурного дела. Они хотели осудить церковный национализм, и это было благом. Но в то же время они хотели сохранить старую систему и помешать балканским народам добиться церковного совершенства, что не было справедливо.

Сегодня православная Церковь должна разрешить проблему, противоположную той, которая стоит перед католичеством. Как конкретно выразить единство и универсальность Церкви? Церкви-сестры проявляют опасливую недоверчивость во всем, что касается их независимости, как бы из страха перед «папизмом», но также из национальной гордости. Так, некоторые русские, в частности, считают, что их Церковь, как более многочисленная, должна играть ведущую роль

в православии, и первенство Вселенского патриархата сводится к «первенству чести» без всякого реального содержания...

Он

Русская Церковь никогда не стремилась лишить «права старшинства» ни восточных патриархов, ни Церковь-мать, передавшую ей свет Христов.

Я

Однако у них никогда не было недостатка в желании добиться этого! В 1652 году патриарх Никон в своем монастыре «Новый Иерусалим» установил пять алтарей по образу «святой Пентархии», но под главенством Москвы! Для него право старшинства отступало перед божественным избранием: диалектика, напоминающая рассуждение Лютера об Исаве и Иакове. Потому что на самом деле для многих русских того времени доказательство божественного избрания заключалось в том, что православная империя перешла из Византии в Москву. Третий Рим означал и Третью Империю, священное, мессианское Царство. Разочарование наступило очень быстро. Все развалилось через несколько лет после того, как Никон стал выдавать себя за первое лицо в государстве. Он должен был осудить староверов, сторонников сакраментализованного царства, и сам оказался жертвой своих теократических амбиций, ибо он мечтал, и это был уникальный случай в истории православия, соединить в своих руках два меча, меч власти духовной и меч власти мирской...

Все это полно своего смысла. Противостояние между Богом и кесарем непреодолимо. Когда примат Ри-

ма был утвержден на Первом Вселенском Соборе, то Рим лишился империи. И Византия, унаследовав первенство стала призрачной империей, а затем исчезла совсем. Знак божественного избрания не в силе, а, скорее, в некоторой исторической слабости...

Он

Я знаю все это. Но я знаю и то, что духовное отцовство остается вписанным в память Церкви.

Первенство чести Вселенского патриархата выражается в двойном служении: председательствовании, с одной стороны, инициативы – с другой. И это двойное служение постоянно требует согласия Церквей-сестер, оно испрашивает его и его охраняет. Первенство дается как награда в силу творческого самоотречения. Оно неким образом становится частью церковной структуры. Первенство, не принадлежит ни одной из национальных Церквей, оно свободно от этнических ограничений, от национальной гордости, которая, даже когда она вполне оправданна, сужает горизонт. Миссия его в сохранении вселенского характера Православия, что подчеркивается словом «вселенский». Ему надлежит поддерживать связи между Церквями-сестрами, противодействовать их тенденции к изоляции, соединять их в совместном труде и свидетельстве. Оно является также прибежищем для тех общин, которые находятся в исключительных обстоятельствах. Оно не оспаривает инициатив, предпринимаемых Церквями-сестрами, но поощряет их, координируя их друг с другом. После падения Византийской империи именно Вселенскому патриархату принадлежит первенство чести созыва – после консультации со всеми Церквями – Всеправославных Конференций и Соборов и руководства их работой. Первенство – это

служение любви. Оно берет свое начало в постоянном попечении о других пастырях и о всей Церкви. Первый епископ должен непременно обращаться к главам поместных Церквей во имя Церкви вселенской. Не ради того, чтобы господствовать над ними, но для того, чтобы служить полноте всякой поместной Церкви, напоминая ей о ее ответственности перед Православием в целом.

Я

Есть тайна Константинополя.

Константин пожелал основать здесь *altera Roma*, не просто какой-то новый Рим, но именно *другой* Рим. После его обращения, высшее римское общество, еще очень привязанное к своим языческим традициям, на него надулось. Он пожелал создать новый Рим, который стал бы восприемником христианства, заставил бы греко-латинский гуманизм служить ему. Он захотел перенести на христианскую почву священные корни старого Рима, ибо он не собирался порывать с ними, но обратить их тайну, их изначальную силу – ко Христу. Вот почему он дал этому городу мистическое имя древнего Рима, Флора, по-гречески Анфуса. Он перенес туда старый талисман Трои, Палладиум, деревянную статую Афины-Паллады, о которой говорили, что она упала с неба. Новый город также располагался на семи холмах, один из которых назывался Капитолием. Туда постарались привлечь родовитые сенаторские семьи, чтобы создать начаток нового *populus romanus*. Самые прославленные произведения искусства из греческих городов были воздвигнуты в общественных местах, дабы новый Рим, ближе стояв-

ший к греческим истокам, стал более удачным, чем первый – синтез Запада.

Таким было вместилище, которое Константин приготовил для христианства, ибо честь и слава народов, говорит Апокалипсис вслед за пророками, войдут в новый Иерусалим.

Не раз я проходил вдоль древней римской стены или взбирался на нее. Она огромна, она тянется от холма к холму, теряясь на горизонте. Я думал о Великой Китайской Стене. Внезапно я понял, в чем их сходство: это не просто крепостной вал, это граница цивилизации. Это была, скажем, защита сердца цивилизации, которое в перспективе античного города, универсализированного Римом, – город городов, город совершенный, *Urbs, Polis*. Здесь происходит пересечение с библейской темой последнего града, нисходящего с неба, чтобы преобразить землю. Китайская Стена, возможно, но ограничивающая от моря до моря колоссальное пространство совершенного города, всецелого, вбирающего в себя все. Византийские историографы видели в самом существовании этого города «стену Александра», которая сдерживала орды Гога и Магога, силы хаоса – в смысле историческом, но прежде всего духовном...

Эта стена, об этом никогда не следует забывать, оградила Европу, дала ей возможность расцвести. Дважды она была покорена: Западом в 1204 году и Востоком в 1453 году. Запад, где все более утверждалась независимость человеческого и рационального, и мусульманский Восток, утверждавший, напротив, только божественное и трансцендентное, без воплощения – невольно объединились против богочеловеческого начала Византии.

Сегодня этот вал кажется прихотью природы, раселиной в скалах, горной складкой. Башни, потрес-

кавшиеся от земетрясений, понемногу обваливаются, дети протоптали свои тропинки... Византийской империи больше нет, она умерла.

Он

Несомненно, она должна была умереть для того, чтобы лик Вселенского патриархата стал иным, более чистым, более духовным, чтобы он оставался в центре Православия не в силу своей имперской мощи, но благодаря своему служению. Он сохранил нерушимой веру Семи Вселенских Соборов, три из которых состоялись в Константинополе. Это священное наследие веры он передал другим, осветив его лучами всю Центральную и Восточную Европу: славянским народам Балкан, румынам, всему пространству от Словакии до Кавказа и великому русскому народу. Так Константинополь стал Матерью Церквей. Свое наследие Вселенский патриархат сумел пронести через все оттоманское владычество, сделав Церковь ковчегом, спасшим язык и культуру христианского народа, регулярно собирая Соборы, отстоявшим между Реформацией и Римом уникальность Православия.

Я

В течение оттоманского периода Вселенский патриарх был одновременно духовным вождем и земным защитником перед лицом завоевателя христианских народов империи. Это происходило не без определенного отождествления патриархата с христианским эллинизмом, часто поощряемого в ущерб православным славянам. И не без некоторого смешения религиозного и политического: и когда турки в 1821 году казнили патриарха Григория V, они сочли его ответственным

за восстание этнической общины разных частях империи.

Но Господь освободил патриархат от этих сомнительных привилегий. Ныне патриарх уже не второе лицо в государстве, как это было в византийской империи; он не «этнарх», несущий политико-религиозную ответственность за православный народ. Он – Вселенский патриарх, бескорыстно служащий единству всех православных и единству всех христиан.

Он

Византийская и Оттоманская империи умерли. Благодаря революции Ататюрка мы живем в светском государстве. Потому я выразил желание, чтобы трагические врата Фанара* были открыты, чтобы показать, что и эта страница окончательно перевернута.

В византийскую эпоху Константинопольская Церковь выработала и углубила правила веры. В оттоманскую эпоху она сохранила и передала последующим поколениям это наследие, порой задумываясь и находя новые определения, как в 1848 году, для тайн Церкви. Ныне роль его заключается в том, чтобы нести жизнь и разделять ее с другими, чтобы помочь всему православию нести живое свидетельство о неразделенной Церкви ради единства всех.

Я

Единственный раз, когда после эпохи патристике вера действительно обрела новую подлинную глуби—

1. Ворота, на которых в 1821 году был повешен патриарх Григорий V, и которые с тех пор оставались закрытыми

ну, был период паламитского синтеза XIV века, провозглашенный и утвержденный соборами 1341 и 1351 годов. Это выражение имманентности и трансцендентности, это мышление, которое подобно сейсмографу сумело уловить глубиннейшие движения духа, эта онтология тайны, эта встреча в божественных энергиях личного и космического – во всем этом чувствуется интимное сходство с главной озабоченностью нашей эпохи (я не говорю о богословах, что в стороне от истории занимаются игрой в социологию или экзегетику). Все это было передано как тайный огонь – и союз между Востоком и Западом, которого вы добиваетесь сегодня, возможно придаст этому огню его историческое и даже космическое пространство!

Он

Империи умирают, но святые всегда живы. Они образуют небесные корни этой Церкви... Скромная община, основанная апостолом Андреем в первоначальной Византии, по Промыслу Божию вдруг стала Вселенским престолом, омытым и освященным кровью мучеников – пролитой двумя империями. Она стала столицей, где звучали вдохновенные проповеди Отцов: Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Паламы. Она стала местом духовных подвигов великих монахов, как Симеон Новый Богослов, или служения блаженной памяти патриархов, сыгравших важную роль в борьбе за укрепление веры. Мы должны помнить, что во все эпохи здесь были действительно великие патриархи, хотя о них и не знают на Западе – от Иеремии II в XVI веке до Каллиника VI и Иоакима II в XIX и XX веках...

Я

Вы вспомнили об апостольском основании вашей кафедры. Однако в то время, как роль Рима или Антиохии была связана одновременно и с их историческим значением и апостольским основанием, в Константинополе именно историческая значимость – впрочем, полная духовного смысла – постепенно вызвала память о возможном апостольском основании... Что никоим образом не помешало апостолу Андрею стать покровителем этого города!

Он

Андрей Первозванный, брат Петра... Братство Петра и Андрея, Рима и Константинополя, позволило дать определение веры на Семи Вселенских Соборах, и позволит завтра вновь обрести разнообразие неразделенной Церкви...

Я

Сегодня Андрей Первозванный, полностью посвятив себя собиранию изолированных друг от друга православных Церквей, чтобы их соседство стало доброй разностью, вновь призывает Симона Петра войти в широкое и симфоническое общение Церквей-сестер. Чтобы возглавить его, чтобы вновь обрести в нем первое место. Все, что сделано в Православии для определения истинного смысла примата, готовит место для Рима во вновь восстановленном единстве Востока и Запада. В этой перспективе современная роль нового Рима остается жертвенной.

Константинополь – это прежде всего город Матери Божией. Не счесть алтарей, песнопений, и икон, которые ей были посвящены. В византийскую эпоху, вплоть до разграбления 1204 года, Константинополь был огромным собранием реликвий. Самой драгоценной, подлинным Палладиумом города, ибо старый был давным давно забыт, была риза Богородицы во Влахернском храме.

Как часто Матерь Божия спасала город. В 626 году, например, когда император сражался с персами на Кавказе, натиск аварцев был отражен заступничеством Пречистой. В ту ночь, во Влахернском храме, народ Константинополя, собравшись вокруг патриарха Сергия, непрестанно воспевал благодарственный акафист Матери Божией:

*Взбранной Воеводе победительная, якоже избавль-
шися от злых, благодарственная восписуем Ти раби
Твои, Богородице: но яко имущая державу непобеди-
мую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: Радуйся,
Невесто невестная.*

*Ангель предстатель с небесе послан бысть рещи Бо-
городице: радуйся! И со бесплотным гласом воплоща-
ема Тя зря, Господи, ужасашеся, и стоявше, зовый к
Ней таковая:*

Радуйся, Еюже радость возсияет:

Радуйся, Еюже клятва исчезнет.

Радуйся, падшего Адама воззвание:

Радуйся, слез Евиных избавление.

*Радуйся, высоту, неудобовосходящая чело-
веческими помысли:*

*Радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими
очима.*

Радуйся, яко еси Царево седалище:

Радуйся, яко носиши Носящего вся.

Радуйся, звездо, являющая солнце:

Радуйся, утробо божественного воплощения.

Радуйся, Еюже обновляется тварь:

Радуйся, Еюже поклоняемся Творцу.

Радуйся, Невеста невестная.*

Он

В том же Влахернском храме в Рождественскую ночь Святой Андрей, Христа ради юродивый, увидел Богородицу, простиравшую над Своим народом Свой покров. Сегодня Влахернской церкви больше нет, риза была украдена, город захвачен. Но мы по-прежнему сохраняем и почитаем «агиазму», святой источник. И Матерь Божия по-прежнему простирает Свой покров над Византией мистической, Византией истоков.

Я

Здесь раскрывается самая глубокая тайна Константинополя – тайна Нового Иерусалима. Ее символизирует Святая София. Начиная от Храма Премудрости, этот символ распространился на весь город, воспроизводивший в себе все великолепие земли, чтобы соткать из него брачную ризу Супруги, Которая вместе с Духом взывает: «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр 22.20). Он грядет уже сегодня, и уже сегодня Город

* В этом гимне 24 строфы, инициалы которых составляют греч. алфавит. Приводим большую часть первой строфы.

предображает собою «святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному» (Откр 21.10-11).

Вот почему Матерь Божия была Владычицей города, ибо Она собирает в себе всю красоту земли, как говорит Палама, и красоту эту переносит в вечность.

Вот почему Константинополь стал огромным собранием реликвий, ибо они суть часть материи, уже освященной, напоенной светом грядущего Царства.

Вот почему Константинополь таил в самом городе такое множество монастырей, где люди, облеченные в ангельский образ, граждане нового Иерусалима, творили непрерывную молитву. Эти общины, запечатленные образом изначальной общины – и в каком-то смысле последней – общины иерусалимской, несли в себе свидетельство активной любви и посвящали себя служению бедным. Социальная их роль была огромна. Были и чистые созерцатели, пронизанные светом последнего Преображения. Таковы в Студийском монастыре Симеон Древний и его ученик Симеон Новый Богослов.

Свидетельство монашествующих всегда сохраняло новый Рим открытым к новому Иерусалиму. Молитва их всегда жива. Я побывал на развалинах Студийского монастыря. От него осталась только церковь, посвященная Иоанну Крестителю, человеку пустыни, аскезы, другу Жениха. Крыша обвалилась. Продолговатый неф, типа базилики, завершается абсидой. Или скорее облик абсиды вырисовывается, но центр и крыша исчезли, осталось только два изогнутых крыла, охватывающих пространство и преобразующих в абсиду само небо. Никогда я не ощущал сильнее, чем перед этой преображенной раной, полной неба, что храм создается не только из камня, но и из молитвы.

Здесь храм, воздвигнутый из камня, частично обрушился, но храм, воздвигнутый молитвой, сохранился. Он был построен «асеметами», «бессонными», которые сменяли друг друга, чтобы псалмопение не прерывалось. Построен исповедниками веры во времена борьбы за иконопочитание. Построен двумя Симео-нами, свидетелями Света.

От того костра остался один верный огонек. К развалинам монастыря примыкает церковь святых Константина и Елены, куда мы отправились перед Успением Богородицы на *paraclisis*. Это современный храм, но со множеством камней, оставшихся от Студийского монастыря и вправленных в стены. Богослужение здесь напоминает не столько имперские празднества, сколько пронизанную мистическим духом безыскусность монахов, когда-то создавших его: именно студиты принесли в Византию творения палестинцев из монастыря Святого Саввы, близ Иерусалима.

Для меня тайна Константинополя, скорее, тайна нового Иерусалима, чем тайна нового Рима: символ тем более полон смысла, что земное очертание его разрушено. Ислам упрятал Византию как жену, как слишком красивую, но неверную какому-то более высокому своему предназначению, он упрятал ее под покрывалом Недоступного. Святая София, святая Ирина, оставшись без алтарей, стали, благодаря лишь присносущему свету, еще более пронзительным образом Нового Иерусалима, где не будет алтаря, ибо Бог будет повсюду. Однако вблизи святых источников, в скромных храмах, где сохранилось несколько икон Пречистой, по-прежнему возносятся верующим народом молитвы, сложенные монахами, пророками нового Иерусалима.

Византия, чтобы стать центром молитвенного подвига и служения, каким она является вместе с вами се-

годня, должна была прейти, подобно избранному народу Ветхого Завета, в силу Божественной педагогики, попускающей земное ради возрастания в Духе.

Он

Вот почему надо оставаться в Византии. Патриархату здесь слишком тесно. Он мог бы обосноваться в новом городе, где церковь св.Троицы располагает большими владениями. Можно было бы переместиться на берега Босфора, в Арнавут-Кой. Но мы должны оставаться в Византии. Если надо, мы пожертвуем садами Фанара. Но место наше здесь, где звучат мистические голоса, где новый Рим славою и крестом стал смиренным знаком нового Иерусалима.

ПОСЛАНИЕ ЕГО СЯТЕЙШЕСТВА
ПАТРИАРХА АФИНАГОРА
ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА ПРАВОСЛАВИА
В 1950 ГОДУ.

Этот праздник вспоминает прежде всего восстановление почитания святых икон... В течение веков он стал любимым праздником всей православной Церкви..., и прежде всего нашей святой и великой Церкви Христовой, Вселенского патриархата. Вселенский патриархат, со времени своего основания и на протяжении разных моментов своей истории, оставался непоколебимой твердыней Православия, скалой, вознесенной Господом, о которую разбивались все, кто хотел исказить или опорочить веру, переданную апостолами. Мы почитаем и прославляем блаженной памяти православных патриархов, епископов, священников и монахов и всех тех, знаемых и незнаемых в духо-

венстве и народе, кто засвидетельствовал ревность, полученную от Отцов; мы почитаем и прославляем тех, кто отстаивал эту веру; среди них великие защитники Вселенского Престола занимают первое место. Они сохранили незапятнанной и неповрежденной веру Семи Вселенских Соборов и девяти первых веков христианства, они оставались бодрствующими у руля всякий раз, когда бури обрушивались на Церковь. С ревностью к Богу и любовью к ближнему они передали эту веру ближним и дальним, открыв путь к мистической жертве и трапезе бессмертия народам, не ведавшим прежде Бога, принеся им вместе с тем и культуру. И вправду, история этой досточтимой кафедры столь связана с историей подлинного православного христианства, святыми Вселенскими Соборами и борьбой за сохранение веры..., что ее свидетельство сделало из истории православной Церкви неразрывную цепь, из выкованных звеньев, хорошо прилаженных друг к другу. Церковь Святого Андрея Первозванного, не имеющая ни многих чад, ни славного происхождения, сумела внезапно вырасти и, возвысившись до Вселенской кафедры, стать центром, к которому устремляются взоры в Богом очерченном кругу, который есть Церковь. Вокруг этого центра собрались и объединились все православные Церкви, рассеянные по разным странам и весям и которые в согласии с каноническим порядком, являются сегодня независимыми и автокефальными. Согласием этих Церквей создается единое и неделимое тело. Эта Церковь берет на себя попечение о Церквах-сестрах всякий раз, когда особые обстоятельства мешают им подобающим образом осуществлять постоянное пастырское руководство над христианским народом. В целом же именно она выражает и в общении с нею проявляется, единство поместных Церквей в теле Церкви право-

славной, единой, святой, кафолической и апостольской, глава которой никто иной, как Иисус Христос, единственный Глава ее, в Коем восполняется вера...

Любите же все эту духовную Мать и ковчег благодати...

епископ Константинополя
печальник перед Богом за вас всех
АФИНАГОР.

Система «пентархии», как мы видели, действовала более или менее нормально вплоть до середины XIX века. Вселенский патриарх регулярно собирал восточных патриархов, их синоды, а зачастую и многих епископов, на настоящие общие соборы. Члены пентархии участвовали в общей жизни Церкви, выступали на поместных соборах. В 1620 году, например, после того, как некоторые епископы подписали унию с Римом, патриарх Иерусалимский восстановил в Киеве православную иерархию. В 1666 году восточные патриархи участвовали в большом соборе в Москве. К Русской Церкви, вошедшей в систему пентархии в 1589 году и занявшей в ней пятое место, продолжали обращаться и после отмены патриаршества Петром I в 1721 году. В 1848 году, когда Вселенский патриарх собрал в Константинополе восточных патриархов вместе с их синодами, чтобы выработать ответ Риму, стремящемуся в своей эkkлeзиологии к догмату о непогрешимости, он также заботился о том, чтобы получить согласие Священного Синода Русской Церкви, где митрополит Филарет Московский, не имевший титула патриарха, фактически играл его роль. Из этих консультаций, как и из соборного совещания в Константинополе, возник один из основных документов, выражавших православное понимание Церкви, знаменитое послание 1848 года, где говорилось, что «у нас все тело церковное сохраняет истину».

Стало быть, не было ничего более далекого от истины, чем повторять, как это делала западная пресса по поводу конференции на Родосе, что православные Церкви не собирались более тысячелетия. Даже если оставить в стороне соборы, которые состоялись в Киеве, Яссах, Москве, Вифлееме и Иерусалиме, напомним

ним, что только в Константинополе соборы собирались в 1285, 1341, 1351, 1454, 1484, 1589, 1638, 1672, 1691, 1735, 1842 и 1872 годах, среди которых наиболее важными были соборы XIV века, посвященные учению о Святом Духе и о благодати; в XVII веке – отношению Православия к Реформации, в XIX веке – пониманию Церкви.

Только с середины прошлого века, когда появилось множество новых автокефальных Церквей в Юго-Восточной Европе, система пентархии стала устаревать. Но если Константинополь пытался затормозить процесс получения новых автокефалий, Русская Церковь, пользовавшаяся поддержкой могущественной империи, которая в своей балканской политике стремилась к защите православия и славянских народов, поощряла их экклезиологическую «эмансипацию». Так, например, в 1872 году, вопреки мнению Церкви-Матери и того, что оставалось от пентархии, она признала болгарскую автокефалию.

Константинополь понял, что православный мир организуется по-новому и что в новой системе национальные Церкви будут уже представлять лишь самих себя. В 1902 году Иоаким III, в том же послании, где он призывал к сближению между христианами, предлагал Церквам-сестрам консультироваться друг с другом каждые два года. Однако потребовалось потрясение, вызванное Первой мировой войной и Русской Революцией, чтобы Церкви расстались со своей инерцией. Патриарх Мелетий IV собрал в 1923 году в Константинополе Первую Всеправославную Конференцию, на которой по случаю 1600-летия Никейского Собора решено было созвать собор в 1925 году. Но политические обстоятельства вынудили отложить собор, а затем и отменить его. Предварительная конференция, состоявшаяся на Афоне в июне 1930, решила созвать

предсоборное совещание в 1932 году. Но и это намерение не увенчалось успехом, однако оно сделало возможным проведение в Афинах, в 1936 году, Всеправославной богословской Конференции. Общая слабость всех этих конференций заключалась в том, что Русская Церковь не могла в них участвовать, ввиду ее трагической ситуации и раздиравших ее расколов.

Вторая мировая война вынудила советский режим к поиску «морального единства» русского народа, что позволило реорганизовать Московский патриархат и справиться с расколами. Восстановление единой и весомой Русской Церкви, многие руководители которой, вслед за режимом и народом, были приверженцами ревнивого патриотизма, как бы оживило старую тему Третьего Рима и поставило Православие в затруднительное положение. Так сложилось «православие Востока», координируемое Московским патриархатом, настаивавшим на независимости и полном равенстве всех «автокефалий», отказывавшим Константинополю в какой-либо прерогативе, кроме первенства чести и, наконец, считавшим Всемирный Совет Церквей, основанный в 1948 году, инструментом западного империализма. С другой стороны, существовало «православие Запада», признававшее, правда, не без оговорок, ту роль «центра согласия», которая принадлежала Константинополю, и продолжавшее участвовать в экуменическом движении.

Москва реорганизовала по-своему Церкви Польши и Чехословакии, которым Константинополь, ссылаясь на свою всеправославную ответственность в исключительных условиях – в промежутке между двумя войнами – предоставил Автономию. Москва отказалась признать аналогичную автономию, которую Фанар предоставил Финской Церкви. Она не согласилась признать для наиболее многочисленной русской эми-

грации в Западной Европе и создание в 1932 году «русского экзархата» Константинопольской Церкви. Это попечение считалось «временным», оно дало возможность свободно развиваться русской религиозной философии, принесшей тогда свои наиболее зрелые плоды, и внести свой вклад в рождение экуменического движения. Однако возражение Москвы было обоснованным: как можно называться «русским православным» за пределами Русской патриаршей Церкви, не отмечая ее по политическим мотивам?

Сталкивались два понимания Церкви: с одной стороны – современная концепция полной независимости Церквей-сестер, с другой – традиционное понятие о первенстве, не в плане юрисдикции, а как попечительной заботы об их общении в Церкви вселенской.

Избрание Афинагора I только усугубило эту ситуацию. Новый патриарх прожил шестнадцать лет в Соединенных Штатах, он стал американским гражданином и не скрывал дружеских связей с президентом Труманом. Его послание 1950 года по случаю Торжества Православия было очень недоброжелательно воспринято Церквями на Востоке, где поднялся крик о неопапизме. Вселенский патриарх признал в 1945 году болгарскую автокефалию. В 1953 году глава этой Церкви, носивший титул экзарха, был возведен в сан патриарха без всякой консультации с Константинополем, однако при полном одобрении Москвы. Константинополь выразил свое удивление. Но все так и осталось.

Дата 1953 года имеет особое значение: Афинагор I решил положить конец процессу, который грозил привести к расчленению Православия. Здесь сказалось подлинное его величие: этот человек любил Соединенные Штаты, где процветала греческая диаспора, само избрание его произошло отчасти в рамках политики «сдерживания» советского напора, он рассчитывал на

американскую поддержку в деле примирения греков и турок и соблюдения интересов православного меньшинства в Константинополе. И в то же время, будучи верен своему призванию «председательствовать в любви», он понял, что Православие возвышается над идеологическими границами, что не может произойти сплочения Православия без русских или против них.

Он

Действовать без Русской Церкви было и всегда будет чревато расколом. Чтобы избежать этого, нужно было не только бескорыстно, но и через тяжкие жертвы, вовлечь эту Церковь в процесс православного объединения и движения к единству всех христиан, что значило сделать этот процесс, в котором должны участвовать все Церкви-сестры, необратимым. Русская Церковь, несмотря на все превратности и искушения, бывшие в ее истории, всегда сохраняла связи с Константинополем, от которого Россия восприняла христианство. Русская душа остается озаренной тем видением божественной красоты, которая коснулась посланцев великого князя Владимира в храме Святой Софии. Святой Григорий Палама был богословом света, но только русский, Андрей Рублев, сумел выразить этот свет в живописи. Вплоть до XIX века русская православная мысль питалась греческой мыслью, но так было, пока русские сами не стали первыми в богословии и религиозной философии. Вспомните о роли Максима Грека в XVI веке, о братьях Ликудях в XVII, о «Добротолубии» святого Никодима Святгорца в XVIII и XIX веках... Даже после пробуждения

великой русской мысли, Хомяков с энтузиазмом встретил послание 1848 года, найдя в нем импульс и питательную среду для своей идеи свободного церковного общения. В течение всего оттоманского периода русские с неиссякаемой щедростью помогали нашему патриархату. Со своей стороны Константинополь помог братствам мирян успешно сопротивляться натиску униатов в западно-русских землях, когда они находились в руках Польши. Русский народ мечтал о «Царьграде», его паломники и монахи веками наполняли Афон. А на юге России были и еще остаются многочисленные и процветающие греческие колонии.

Греки, как я вам говорил, нередко относятся критически к моей любви к русским. Но я люблю Святую Русь, которая сегодня остается потаенной, но которая когда-нибудь вернется к своей духовной миссии на исторической сцене. Я люблю ее за ее святых, за ее богословскую мысль, но в особенности за ее мучеников... Вот почему нужно, чтобы Русская Церковь была с нами.

Я

Но можно ли доверять тем, кто руководит ею, решив спасти то, что можно спасти в рамках системы, которая методически стремится превратить христианство в суеверие для того, чтобы удобнее было расправиться с ним.

Он

Я знаю, что есть проблемы и внутри Русской Церкви. Но будьте уверены, большинство русских епископов думает прежде всего о том, как лучше служить Церкви. Я вам уже говорил: для меня, русские христиа-

630

не уже победили коммунизм в своей стране. Я говорю не о социальной системе, ибо Церкви нечего говорить на эту тему, но об атеистическом тоталитаризме. Они победили его своим страданием, своим умением страдать. Внешне этого пока не видно. Но атеистическая идеология смертельно ранена, и потому сильные мира сего упорно защищают свою власть и ищут козлов отпущения: интеллигентов, евреев, может быть христиан! В этой труднейшей переходной ситуации некоторым людям на вершине Русской Церкви приходится приносить себя в жертву. Поверьте мне, мучеников в России предостаточно.

В 1951 году в послании, адресованном Церквям-сестрам, патриарх выразил желание собрать общий собор. Однако ему пришлось ждать до 1959 года, чтобы предложить предварительное совещание. Чтобы лучше подготовить его, он решил отправиться в паломничество по различным православным Церквям. Он начал с апостольских патриархатов Ближнего Востока, древнейших свидетелей пентархии.

В ноябре 1959 года впервые за несколько веков Вселенский патриарх покидает Фанар. 17 числа его принимают в Алепе городские власти и Архиепископ. По дороге на юг он с совершеннейшей простотой посещает деревни с православным населением. Тысячи верующих встречают его в Омсе, древнем Эмесе.

Перед Дамаском навстречу ему выезжает патриарх Феодосий Антиохийский и министры сирийской провинции (Сирия в то время была частью Объединенной Арабской Республики), христианские и мусульманские религиозные деятели. В своей речи на патриаршем соборе он говорит о славном прошлом Антио-

хийской Церкви и тесном сотрудничестве между двумя кафедрами:

«Наш Вселенский и апостольский Престол на основе исторических связей, соединяющих его с Антиохийской кафедрой, придает самое большое значение общему поиску в разрешении проблем, которые волнуют православную Церковь и мир в целом, и которые от всех требуют изучения и пристального внимания. Проблемы эти стояли на повестке дня предсоборного совещания; оно не смогло состояться ввиду тех условий, в которых находятся автокефальные Церкви, но его созыв стал необходим и безотлагателен. Сегодня эти проблемы могут стать предметом особого изучения на конференции, которая должна собрать прежде всего православные Церкви».

На следующий день Афинагор I принимает представителей различных конфессий и религиозных учреждений, а затем отправляется для молитвы в монастырь Рождества Богородицы в Сайдная, одно из наиболее почитаемых мест христианской Сирии. В воскресенье 22 ноября он сослужит с патриархом Феодосием и другими антиохийскими епископами. Он принимает представителей движения православной молодежи, выразив при этой встрече надежду, что из среды Движения выйдут молодые епископы, которые сохранят контакт с молодежью. Он объявляет о созыве съезда православной молодежи. Подобные съезды собираются с тех пор регулярно в рамках *Синдесмоса*, т.е. «связи», существующей между различными православными молодежными движениями в разных странах*.

23 ноября Афинагор отправляется в Иерусалим, где

* Поскольку подобных движений не существует в странах Восточной Европы, на эти съезды обычно приглашаются представители Духовных Академий.

патриарх Венедикт принимает его у Гроба Господня. Он посещает Иерихон, берега Иордана, Вифлеем, мечеть Омара.

Ближневосточные христиане, которые совершили паломничество к Иордану, обновив свое крещение в водах, куда погружался Христос, носят титул *хаджи* подобно мусульманам, совершившим паломничество в Мекку. Этот титул служит как бы объективным свидетельством о святости...

2 декабря Афинагор прибывает в Александрию, где в церкви Благовещения его встречает патриарх Христофор. Здесь Афинагор вспоминает о том, чем обязано христианство Александрийской мысли. 7 декабря он посещает Синай и монастырь Святой Екатерины, самую маленькую, но одну из самых почитаемых православных Церквей. 10 декабря Вселенский патриарх в Каире, где устанавливает, как мы говорили, рабочие контакты с коптской Церковью. 11 декабря он в Бейруте, где после встреч с президентом Республики, главами Церквей, членами дипломатического корпуса, представителями православных организаций, он встречается с представителями православной молодежи, а также посещает больницу и разговаривает с каждым больным в отдельности...

Его паломничество, даже в наиболее официальной своей части никогда не напоминало визиты по протоколу. Патриарх непрестанно проповедует объединение православных и единство всех христиан, единство, которое может легко осуществиться прежде всего в отношении нехалкидонских Церквей. Повсюду он говорит о непобедимости любви. О. Георгий Ходр, генеральный секретарь Движения православной молодежи и, наверное, самая яркая личность арабского Православия, сказал о нем так: «У каждого, с кем он вступал в контакт, патриарх оставлял впечатление чело-

века смиренного и простого, «владыки, не утратившего души пастыря». Мы убедились, что в Константинополе царит сегодня подлинно экуменическая атмосфера, далекая от всякой политики. Новым ветром повеяло над этим древним христианским народом».

Если проект Всеправославной Конференции не смог осуществиться в 1960 году из-за уклончивых ответов некоторых Церквей, к концу года ситуация изменилась в лучшую сторону. Патриарх Алексий Московский, на обратном пути из Святой Земли, останавливается в Стамбуле и сослужит Рождественскую литургию вместе с патриархом Афинагором. Он получает заверения в том, что решения Всеправославной Конференции будут свободны от всякого антикоммунизма и что спорные вопросы между Москвой и Константинополем мало-помалу разрешатся. Москва признает независимость Финской Церкви в юрисдикции Вселенского патриархата, который, со своей стороны, признает Болгарский патриархат. В 1966 году Константинополь упраздняет временный экзархат для русских приходов в Западной Европе.

Со своей стороны патриарх Афинагор получает обещание, что Восточноевропейские Церкви будут участвовать в конференции с согласия своих правительств, но без слишком сильного политического давления с их стороны. В то время коммунистические правительства, не оставляя своих усилий к удушению Церкви изнутри (в особенности в течение всего периода правления Хрущева), предоставляли им больше свободы на международной арене в рамках политики «мирного сосуществования». Таким образом, было решено, что Всеправославная Конференция сможет

собраться. Несколькими неделями позднее, на ассамблее в Нью-Дели, православные Церкви Восточной Европы вступят во Всемирный Совет Церквей.

Успех второго созыва конференции в 1961 году вознаграждает упорство и самоотверженность Афинагора. Подготовка и проведение конференции показывают, что может значить примат, ставящий себя на служение единству всех. Патриарх лишь предлагал, никогда ничего не навязывая, принимал решения, но лишь с согласия всех Церквей-сестер и всегда преследуя общие интересы, и тем самым побеждал недоверие. Вселенский патриарх созвал конференцию по своей инициативе, разослал приглашения, составил ее программу, установил распорядок, председательствовал на сессиях, и все это без всякого давления авторитета, но лишь после консультации с Церквами-сестрами, как бы выражая их согласие.

«Впервые, – говорит заключительное послание, после длительного периода, Православие собирается на конференцию, в которой выражается вся его полнота». Или, если сказать точнее, впервые православное единство проявляет себя в новых структурах, которые выявились в современном Православии, в особенности в XIX веке, в связи с движением национальностей. Что бы ни было, сам факт этого собрания остается решающим.

В состав делегации каждой Церкви, состоявшей из шести или семи человек, входили три епископа автокефальных Церквей (два для автономных Церквей), два богослова (священника или мирянина), чаще всего профессора Духовной Академии, и два советника (священника или мирянина). Следует отметить подчеркнутое присутствие мирян.

Делегаты прибыли на Родос без спешки, как паломники, посетив сначала остров Тинос, где находится одна из почитаемых святынь, посвященных Богородице, и остров Патмос, отмеченный памятью об Иоанне Богослове. На Родосе публичные заседания происходили в большой церкви Благовещения, построенной во времена итальянской оккупации и после освобождения украшенной великолепными фресками в византийском стиле, созданными Фотием Контоглу, который обновил священную живопись в современной Греции. Заседания при закрытых дверях происходили в самой малой из церквей митрополии, комиссии работали в административном корпусе митрополита, находящемся в непосредственном подчинении у Константинополя. Три официальных языка были греческий, русский и арабский.

Сильные и лукавые мира сего были на страже. Для них Восток и Запад должны были непременно еще раз столкнуться. Сразу после конференции, которая рекомендовала паломничества к самым чтимым святыням Православия, греческое правительство под предлогом избирательной кампании, воспротивилось паломничеству на Афон, к которому стремилась русская делегация с благословения Вселенского патриарха. Политики умеют убедить самих себя в обоснованности своих страхов. Однако энергичные протесты Вселенского патриархата и Греческой Церкви показали, что произошло нечто, чего не ожидали политики.

Это «нечто» было тем, что митрополит Митиленский Иаков назвал «чудом единства». Начиная с того момента, когда главы всех делегаций сослужили по обычаю древних соборов великую вечерню св. Пятидесятницы, «любовь изгнала страх», по выражению Писания, которое так нравилось Вселенскому патриарху, и получила свое окончательное выражение в 636

итоговом послании. Национальные и политические проблемы, противостояние Востока и Запада, не исчезнув окончательно, были в достаточной мере релятивизированы. Политические проблемы ни разу не оказывались в центре внимания. Разумеется, недоверие играло свою роль. Но оно не помешало всем работать вместе.

Великой загадкой на этой конференции была позиция, занятая митрополитом Никодимом, председателем Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата и главой русской делегации. Он показал себя прежде всего человеком Церкви: сговорчивым, способным к уступкам, как и молодой и напористый представитель Константинополя, митрополит Хризостом Константиnidис. Конечно, на первом заседании владыка Никодим выступил с заявлением в строго советском духе – о мире, разоружении, колониализме. Но этим он и ограничился, и в итоговом документе конференции говорилось лишь о «мире Христовом, о мире Господа нашего».

Но если политические соображения сыграли в конечном итоге лишь второстепенную роль, проблемы эклезиологические вызвали серьезные дискуссии на первых же заседаниях при закрытых дверях. Константинополь, проявивший инициативу созыва конференции, стремился, в силу своих прерогатив, к председательству на конференции. Русские и румыны, напротив, считали, что каждая из поместных Церквей должна председательствовать в течение одного дня. Возникла опасность обычного противостояния двух концепций – единства, основывающегося на некоторой дисциплине, и слишком ревностной приверженности к многообразию. Синтез был обретен благодаря умеренности Вселенского патриарха: Константинополь

будет председательствовать. Но при его представителе учреждается коллегия из шести членов, в которую входят представители старых восточных патриархатов и двух автокефальных Церквей, которые следуют по старшинству за древними патриаршими кафедрами: Церковь Русская и Церковь Сербская... Итоговый документ был выработан Константинополем, но затем подвергся переработке на коллегии и конференции.

Работа конференции заключалась в выработке «повестки дня» для предсоборного совещания. Греки в целом проявили себя консерваторами. Они удалили из этой повестки упоминание о возможности вступления в брак священникам после рукоположения, на чем особенно настаивал патриарх Афинагор, не считавший себя, однако, побежденным. Некоторые из греческих делегатов не решались даже прикоснуться к догматическим проблемам, ибо в этой области все уже было сказано... Владыка Никодим, консерватор в литургической области, проявил открытость в других областях. Вселенский патриархат стремился к открытию новых путей и к творческому обновлению святого Предания.

В том, что касалось собственно жизни православной Церкви, конференция провела важную работу по осмыслению и уточнению ее принципов с опорой на библейские истоки, святоотеческое наследие и традиционную еkkлeзиологию. Мы, разумеется, не можем воспроизвести здесь перечень обсуждавшихся вопросов. Отметим, что комиссия «Вера, догмат и богослужение» подчеркнула, что Писание – это выражение Откровения, и что необходимо отличать Предание

(как живое восприятие истины в Духе Святом) от имеющих различную значимость церковных традиций. Конференция решительно высказалась за осуществление научного издания византийского текста Нового Завета. Она высказалась за то, чтобы Библия чаще и вразумительнее звучала во время богослужения, чтобы евангельские чтения были лучше распределены, а также за введение регулярных ветхозаветных чтений (эти чтения, столь распространенные в древней Церкви, были оттеснены на задний план из-за расцвета гимнографии). Наконец она поставила проблему возврата к более широкому участию мирян и в литургической жизни и вообще во всей Церковной жизни.

Комиссии, работавшие над проблемами «церковного управления и устройства» и «взаимоотношений православных Церквей между собой», выразили пожелание, чтобы избрание епископов и предстоятелей вновь совершалось в большей согласии с преданием, и чтобы поместные Церкви согласовывали свои действия с Церковью вселенской. Они коснулись важнейших проблем: о церковных провинциях, автокефальных Церквях и об «отношениях автокефальных Церквей между собой и с Вселенским патриархатом в согласии с канонами и историей».

Другая часть работы конференции, если оставить в стороне экуменические отношения, о которых говорилось в предыдущих главах, была посвящена отношениям Православия с современным миром (комиссия «Православие и мир»). Здесь опасались столкновений между Церквями, находящимися по разные стороны железного занавеса. Но ничего подобного не

произошло. В программу предсоборного совещания, составленную Вселенским патриархатом, русские добавили упоминание о «вкладе Церкви в укрепление идеалов мира и братства народов», о «Православии и расовой дискриминации» и о «долге христиан в развивающихся странах». Они заменили «развитие миссий» на «распространение евангельского учения», ибо слово «миссия», по их словам, устарело в силу «колониалистического» злоупотребления в прошлом. Наконец после упорной борьбы они заменили формулировку «методы борьбы против атеизма» на слова «методы распространения православия в мире». Это удачное выражение означало изменение оборонительной позиции на положительное утверждение веры.

Конференция выявила искреннее и единодушное желание начать процесс подготовки к Собору, первым этапом которого должно стать предсоборное совещание. Итоговый документ, где так чувствуется влияние Вселенского патриарха, открывается прославлением св. Троицы, ибо Церковь есть «единство любви при исполнении нового закона», созданная «по образу единства св. Троицы». «Церковь наша создана не из стен и крыш, но из веры и жизни». Она молится «о людях», сотворенных «от одной крови», и обо всех христианах, «дабы они были едины». Послание завершается Иоанновым благословением: «Да будет с вами благодать, милость, мир от Бога Отца и от Господа Иисуса Христа, Сына Отчего, в истине и любви» (2 Ин 3).

Тысячелетие первого монастыря на Афоне, Великой Лавры, основанной в 963 году, позволило патриарху Афинагору возрастить на этой судьбоносной земле плоды обновленного православного братства.

После падения Византийской империи Афон принял на себя духовное служение единству и свидетельство о вселенскости Церкви. Монахи непрестанно притекали сюда со всех концов православного мира, куда в свою очередь отправлялись афонские миссионеры, носители Духа, и цивилизации. Только революции XX века, в 1917 году в России, после окончания Второй мировой войны в Юго-Восточной Европе, смогли прервать этот двойной поток.

Восток, как мы говорили, выразил институциональные черты монашества, в меньшей степени, чем Запад. На Востоке с большей свободой раскрылись различные грани единого духовного пути, начиная с общинной жизни, слагающейся из псалмопения, «любви апостольской», социального служения, вплоть до подвига неизвестного отшельника, молитва которого обнимает собою весь мир, а Господь иногда посылает его людям, чтобы нести послушание духовного отцовства и различия духов.

Самое важное, что Афон стал местом пророческого служения монахов, местом, где Дух не знает национальных границ: очагом православного единства. Вплоть до XIV века *Protos* (первый), пожизненный председатель исполнительного комитета, избранного монахами, назначался императором: символ культуры, не замыкавшейся в себе самой и не утверждавшейся ни в чем человеческом. Начиная с XIV века *Protos* назначается Вселенским патриархом, вместе с которым Афон несет свидетельство вселенскости. Однако

непредвиденным образом он становится также закваской культуры (ибо история оплодотворяется иногда теми, кто отрицает ее ради вечности) и ковчегом Преемства.

Сегодня монашеская жизнь в Православии переживает кризис. В Греции и на Ближнем Востоке упадок монашеских призваний вызван прежде всего трудной исторической мутацией. Традиционные формы монашества были всегда связаны с сельской цивилизацией, находящейся сегодня на грани исчезновения. В эпоху иностранного владычества монастыри были последними убежищами для общества, находившегося под угрозой. Они едва ли могли ответить на вызов современного мира, который в восточном Средиземноморье расценивается как привнесенный извне, а не как результат нормальной эволюции структур и умов, как на Западе. В Восточной Европе ситуация еще более сложная из-за официального атеизма и агрессивного секуляризма властей. Однако вызов технической цивилизации, выродившейся в тоталитарную систему, поставил людей перед необходимостью осмыслить самое существенное. В России, как и в Румынии, в годы после Второй мировой войны произошло обновление монашеской жизни, захватывавшей часто слои интеллигентной молодежи. Встревоженные власти реагировали самым суровым образом: в Румынии реакция проявилась в 1958 году, в России на год позже. Лишь менее заметный подъем женского монашества в Сербии смог осуществиться безболезненно. Ныне мы видим знаки некоторого оживления монашества. Созерцание «в сердце масс» набирает силу в России, где еще существуют немногочисленные монашеские общины.

Многое удалось сохранить в Румынии, где монастырская реформа, осуществленная патриархом Юстинианом в 1953 году, начинает приносить свои плоды. Многочисленные молодые общины сплетаются с новыми структурами, и монахи, согласно уставу, составленному патриархом, должны участвовать в экономическом строительстве «в перспективе преобразования», с молитвой о тех, «кто не умеет и не хочет молиться и никогда не делал этого».

В Греции трудные отношения существуют между «монашествующими» ревнителями традиционных форм монашеской жизни и ненавистниками всего современного и «мирянствующими» братствами, которые иногда соблазняются чисто внешним деланием. Несколько в стороне от этого соперничества стоят молодые христианские интеллигенты, которые стремятся сами найти дух Предания, чтобы выработать ответ на чаяния и тревоги современного мира. Некоторые из них избирают «путь Алеши Карамазова» — молитвенный, исполненный любви и присутствия среди людей, другие отправляются на Афон с той же жаждой внутреннего обновления. На Ближнем Востоке подобные проблемы близки к разрешению. В Молодежном движении Антиохийского патриархата пробудилось призывание к созерцательной жизни, неподалеку от Триполи недавно возникла женская община под духовным водительством о. Георгия Ходра; мужская община последователей традиции исихазма, принесенной сюда о. Андреем Скрима, обосновалась в горах, над Бейрутом. В Диаспоре существует значительный разрыв между отдельными монашескими обителями, в основном женскими, чьи насельницы вышли по большей части из ностальгических к прошлому и наименее просвещенных кругов русской эмиграции — и скорее интеллектуальным, чем духовным осмысле-

нием Православия. Попытки обновления монашеской жизни в монастырях, типа *Tolleshunt Knights* под руководством ученика старца Силуана, остаются достаточно обособленным явлением.

Афон как бы концентрирует в себе этот кризис. Значительное поредение числа его насельников объясняется прежде всего прекращением пополнения из России: в 1900 году русский Свято-Пантелеимонов монастырь насчитывал 2500 монахов, а сегодня их осталось всего лишь три десятка. Ситуация, однако, вовсе не безнадежна, на Афоне остается еще тысячи полторы монахов, и в некоторых греческих общинах происходит прилив новых сил. Отшельники в южных «пустыньках» по-прежнему поддерживают живое и горячее пламя высочайшей монашеской традиции. Но есть и другая сторона кризиса: она выражается в категориях страха перед современным миром, нежеланием его знать, мнительности и проклятия...

В то же время обновление Афона требует открытости по отношению к православной или просто христианской экуменичности. Афинагор I, организуя празднества тысячелетия афонского монашества, несмотря на недовольство некоторых монахов, опасавшихся беспокойства и общественного шума, стремился содействовать двойному процессу обновления и открытости. Собрать на Афоне все православные Церкви, в лице их предстоятелей, значило не только напомнить им об их единстве, но и о долге, вытекающем из этого единства, чтобы вызвать приток новых сил на Святую Гору, а духовной жизни «молчальников» вернуть ее творческое измерение.

Успения при Богородицы. Он должен был петь Девятую песнь Канона, неизменно посвященную Божией Матери изначально включавшую лишь «*Magnificat*» (Величит душа моя Господа), когда появился «незнакомец», Ангел легенды, на самом деле видение. И «незнакомец» предварил песнь словами: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова родшую, сущую Богородицу Тя величаем». Эта молитва, включенная сегодня во множество богослужений, стала одной из излюбленных молитв православного мира. Встрешенный монах не сумел запомнить слова, однако «незнакомец» пальцем записал их на камне. В то же самое время иконы Богородицы и Спасителя в иконостасе поменялись местами, так что Богородица оказалась справа от царских врат. Символ обожения и «таинственного первенства» в конце времен, «смысла божественного материнства», – пишет о. Андрей Скрима.

Икона по-прежнему существует в церкви *Protaton* в Карее. Торжественная процессия пронесла ее через всю Грецию за месяц, который предшествовал праздникам, посвященным тысячелетию.

Отсроченные из-за болезни Павла I, короля Греции, празднества начались 22 июня 1963 года. Толпа паломников и посетителей была огромной, она еще увеличилась на второй день, так что все заранее подготовленные места были переполнены, и праздник вылился в нечто хаотичное, огромное и необыкновенно радостное, как это нередко бывает с религиозными праздниками на Востоке. Патриархи Венедикт Иеру-

салимский, Герман Сербский, Юстиниан Румынский, Кирилл Болгарский, архиепископ Хризостом, предстоятель Церкви Греческой, архиепископ Порфирий из Синая, и глава Финской Церкви Павел прибыли лично. Александрийский и Московский патриархи, а также архиепископ Кипра были представлены на высшем уровне. Русскую делегацию возглавлял митрополит Никодим. В ознаменование единства православного мира, главы поместных Церквей были помянуты за божественной литургией, которую соборно служили в воскресенье 23 июня в Карее.

Вечером того же дня православные делегации и представители различных христианских конфессий посетили Великую Лавру, где был отслужен благодарственный молебен на могиле ее основателя, святого Афанасия Афонского. Вечером, в трапезной, под аскетическими фресками Феофана Критского, братия была столь многочисленна, что всем желавшим не хватило места. Невозмутимый среди всеобщего оживления монах читал «житие иже во святых отца нашего Афанасия Сятогорца».

Посещением Великой Лавры завершились официальные празднества. Однако русская, сербская, румынская и болгарская делегации задержались на некоторое время на Афоне, чтобы установить контакты с монастырями своих стран и с Вселенским патриархом. Впервые за десятки лет официально возобновились отношения между негреческими монастырями Афона и их Церквями. Благодаря упорству патриарха Афинагора было получено разрешение на приезд славянских и румынских монахов...

Межправославная встреча в Великой Лавре после завершения празднеств, стала важным поводом для осмысления Церкви, для преодоления слишком радикального понимания автокефалии, без впадения в

чрезмерно юридическую централизацию, чуждую православной традиции. Сам пример афонского монашества показывает, насколько общины, которые стремятся к независимости, могут добровольно отдать себя под власть общего авторитета, служащего благу всех. Двадцать больших афонских монастырей вполне независимы, равны в правах и обязанностях. Их представители образуют «святую общину», которая каждый год назначает исполнительный комитет из четырех членов «еписстасис», президент, которой «Протос», получает утверждение Вселенского патриарха. В целом, это соборная система, находящая действенное выражение в постоянном синоде. В такой перспективе, румынская делегация на конференции на Афоне в 1930 году, предложила учреждение постоянного всеправославного синода при Вселенском патриархе. Это предложение, которое не было осуществлено, было вновь выдвинуто в 1963 году патриархом Юстинианом. Он предложил создать при Вселенском Престоле постоянно действующую комиссию, состоящую из представителей Церквей-сестер – епископов и преподавателей богословия – чтобы подготовить созыв предсоборного совещания или собора. На этот раз идея получила принципиальное одобрение. С началом соборного процесса она должна в конце концов осуществиться.

30 июня патриарх Афинагор прибыл в Пирей. Принятый с почестями, подобающими главе государства, он совершил официальный визит в Грецию, посетив при этом свою родную деревню. Повсюду он встречал сердечный прием в народе. «Элладская Церковь в лице некоторых ее руководителей часто была враждеб-

на Вселенскому патриарху, – сказал он мне. – Но народ за меня, он поддерживает мои усилия, что я глубоко ощутил в ходе этой поездки...».

Созревание православного единства, проявившее себя на Афоне, хотя и не пришло еще к созданию постоянного синода, тем не менее сделало возможным созыв еще двух Всеправославных Конференций на Родосе в сентябре 1963 и в ноябре 1964 года. Конференция 1963 года решила наконец проблему православных наблюдателей на Втором Ватиканском Соборе и сформулировала принцип диалога «на равных началах» с Римско-католической Церковью. Главным событием Конференции 1964 года, которая должна была уточнить календарь и условия этого диалога, было неожиданное проявление великолепного единства. Днем ее открытия – 1 ноября – было воскресенье. Торжественное сослужение епископов за божественной литургией – по одному от каждой из делегаций – объединенных вокруг митрополита Вселенского патриархата. Евхаристия объединила всех. Как подчеркнул западный свидетель, Дом Оливье Руссо, «Евхаристия объединяет в большей мере, когда в остальном проявляется некоторая независимость». Он добавил, что католики, которые достигают сплоченности в Церкви другими способами, «не так остро ощущают единство в евхаристическом общении». Православный отказ от юридического проявления единства, который ему так дорого обходится, ограничивает это проявление только таинством. Великая вечерня св. Пятидесятницы, с проявлением удивительной языковой симфонии всех сослужащих, еще усилила впечатление конкретной всеобщности в таинственном Теле Христо-

648

вом, на которое снисходят множество огненных языков св. Духа.

Однако сама Конференция – что свидетельствует о том, что тайна нуждается в конкретном воплощении в церковных структурах – увязла в мелочных дискуссиях на тему, вправе ли Вселенский патриарх лично сообщить папе решения, принятые всеми православными Церквями. Этот был тупик, и Афинагор, ради сохранения единства со всеми, должен был отказаться от встречи с папой, которая была ему столь дорога. Было решено послать одного из митрополитов патриархата с сообщением главе секретариата по делам единства. Этот пример показывает что патриарху еще раз пришлось проявить терпение и самоотречение, чтобы сохранить единство действия в Православии.

... Чтобы начать подготовку к будущему Всеправославному Собору и придать новое дыхание своим экуменическим инициативам, Афинагор I решает посетить Россию, Сербию, Румынию, Болгарию и, возможно, Грецию. Визит в Грецию был отменен, чтобы избежать неверных толкований, связанных с Кипром. Визит в Россию пришлось отложить, чтобы избежать совпадения с торжествами, организованными режимом, по случаю пятидесятилетия революции. Потому патриарх направился прежде всего в Юго-Восточную Европу, за помощью и советом, перед своим продолжительным визитом на Запад.

Последовательность визитов соответствовала порядку патриарших кафедр; после древних и прославленных апостольских столиц она определялась временем получения патриаршества: 1922 год для Сербской Церкви, 1925 – для Румынской, 1961 – для Болгарской. Канонически патриаршество могло быть даровано лишь Вселенским Престолом, тем более что Константинополь является «матерью» этих Церквей... Поэтому Афинагор I отправился сначала в Белград (11-16 октября 1967 года), затем в Бухарест (16-21 октября) и наконец в Софию (20-24 октября). Всякий раз он напоминал, что начал свои визиты с древних патриархов Востока несколько лет тому назад, и что в силу обстоятельств не смог посетить Москву до своего визита на Балканы. В этом умении совместить самую смелую инициативу со строгим послушанием традиции – одна из разгадок его духовного обаяния.

1. Эта глава переведена с сокращениями.

Всякий раз Афинагор (неизменно сопровождаемый четырьмя митрополитами из Синода) обращался с приветствием любви и мира к патриарху поместной Церкви, ее иерархии, духовенству, верующим, а также и к светским властям каждой страны, от имени Константинопольской Матери-Церкви. Всякий раз в манере, столь характерно православной, он благословлял поместную Церковь в ее миссии, миссии смиренного служения народу в тех условиях, в которых она оказалась, т.е. в социалистическом обществе, в условиях «народной демократии». Церковь – это не государство в государстве, она соединяет себя с судьбой каждого народа, пытаясь лишь одним своим безвозмездным присутствием исполнить «миссию освящения» (это выражение патриарха), состоящую в утешении и просвещении сердец. Ничего не требуя, лишь благодаря за то, что ей позволяют существовать. В каждой столице Вселенский патриарх пожелал освятить эту позицию поместной Церкви.

В Белграде, где патриарх Гавриил бывший узник Дахау, во время Второй мировой войны, был подлинной совестью народа, патриарх Афинагор заявил: «Всем сердцем мы радуемся, Ваше Блаженство, видя как прекрасно организована Ваша Церковь..., видя благочестие и твердость православного народа в этой великой стране... Мы молимся о здравии и многолетии ее руководителей, о мире и процветании всей республики Югославии, в которой Сербская Церковь-сестра в единомыслии и твердости несет свою миссию освящения...»

Каждый раз патриарх напоминает, что братские связи, соединяющие Церкви, вырастают из Евхарис-

тии. «Сердца наши начинают биться сильнее, когда мы, рядом друг с другом, вместе преломляем хлеб Евхаристии и вместе причащаемся из чаши благословения, встречаем друг друга как братья» (Сербскому патриарху Герману).

В то же время он всюду осторожно напоминает, что Вселенский патриархат несет в православной Церкви, как он выразился в отношении папы, служение «старшего брата»: «Константинополь – это Мать, которая дала жизнь этим Церквям и которая сегодня советуется с ними, выслушивает их, напоминает им о долге объединения, чтобы лучше служить Православию и делиться своими сокровищами со всем христианским миром».

В Белграде патриарх вспоминает «об общем историческом прошлом, об общих надеждах». Он говорит о святом Савве, стоящем у истоков Сербской Церкви, который в начале XIII века «после долгой аскезы на горе Афон в Свято-Пантелеймоновом и Ватопедском монастырях, где он получил монашеский постриг, был рукоположен патриархом Эммануилом I и утвержден Печьским архиепископом». В XIII веке, который так трагически начался разграблением Константинополя, молодая Сербская Церковь сохраняет православие на Балканах, и в своей живописи, преобразившей западный гуманизм, она достигает вершины христианского и мирового искусства, в котором человеческое начало не отделяется от божественного, но находит в нем свою полноту. Упомянув о первом расцвете Сербской Церкви в Средние Века, патриарх говорит о ее связях с Вселенским престолом, в османскую эпоху, вплоть до XIX века, когда Сербская Церковь была провозглашена автокефальной. (Церковь королевства Сербии, автономная с 1832 года, стала автокефальной в 1879 году, ее предстоятель получает сан па-

триарха в 1922 году). Урок этой продолжительной истории, несмотря на тяжкие испытания, заключается в «согласии» и в «сотрудничестве».

В Бухаресте патриарх Афинагор обращается к новому истолкованию духовной истории страны. Он напоминает о первой евангелизации страны, еще в римскую эпоху исходящей из «христианских центров на Юге». О возникновении в Средние Века митрополий Венгро-Валахии и Молдавии (поначалу автономных, как и сербское архиепископство Печа). Эти связи, «укорененные в самой глубине истории, способствовали стремлению Константинопольских патриархов, относившихся с сочувствием и помогавших святейшей Румынской Церкви в эти мрачные дни, сохранить Православие на этой земле в XVI и XVII веках. «Румынские княжества имели в Османской империи особый статус: там нельзя было строить мечетей, и правители их всегда были христианами. В XVI и в XVII веках «господарями» здесь были константинопольские греки. В силу связей, сохранявшихся между Вселенским патриархатом и православными общинами этих районов, а также благодаря особому статусу внутренней автономии, здесь было возможно печатать христианские книги, сохранять православную веру, проводить важные соборы, в частности собор в Яссах в 1642 году, издавать «символические» документы, разъяснявшие традиционную веру перед лицом Реформации и Контрреформации. На рубеже XVIII и XIX веков румынские земли сумели принять от греческого мира *Добротолубие*, и передать его в Россию. Ибо призвание христианской Румынии словно заключается в том, чтобы служить местом необходимой встречи – между греками и славянами, между Востоком и Западом – что невозможно без разъяснительной работы.

Так была «соткана великолепная общая история, прославляющая нашу святую веру».

В Софии, городе носящем имя Премудрости Божией, патриарх обратился к общим истокам веры, культуры и народа: «Пытаясь различить в истории святые и нерасторжимые связи, соединяющие болгарский народ с нашей константинопольской Церковью-Матерью, уже начиная с самого далекого прошлого, мы видим, как этот народ в течение веков, «живет и ест с нами», говоря словами святейшего Фотия. Он родился во Христе Иисусе в нашей Церкви, обновился в крестильнице Православия, стал народом, получившим от Церкви-Матери священников, пастырей и учителей и принявшим из ее рук свою историю и культуру». Несмотря на трагические столкновения с Византийской империей, чья столица была слишком близко, именно Церковь Константинополя с участием Фотия, а затем и учеников великих славянских миссионеров Кирилла и Мефодия, не только евангелизировала болгарский народ, но снабдила его алфавитом, построила его язык и в силу постоянного взаимообмена дала ему основы христианской культуры, которая впоследствии была передана России в конце первого тысячелетия. Она также передала славянским народам исихастскую реформу в XIV веке...

Как возврат к истокам, это путешествие может иметь большое значение для истинной истории нашей эпохи – истории *медленной*. Оно совпадает с еще весьма робким возрождением народов – и Церквей – Юго-Восточной Европы и отмечает новый более сложный и многосоставный облик Православия. Балканские Церкви, которые не следуют более за Москвой, обра-

654

зуют нечто третье – достаточно крепкое, если мы вспомним, например, сколь значительна в численном интеллектуальном плане Румынская Церковь, – и решительным образом ослабляет противостояния Второго и Третьего Рима... Их позиция зачастую оригинальна: так, Румынская Церковь, всецело настаивая, как и Московский патриархат, на равенстве и свободной инициативе каждой Церкви-сестры, в то же время постоянно выдвигает предложение о создании постоянного всеправославного Синода при Вселенском Престоле, что отвечает и желанию патриарха Афинагора. Что позиция этих Церквей частично зависит от политической незavisимости, которой достигли или которой добиваются правительства их стран, несомненно, но это не объясняет всего. Болгария, например, остается послушной страной «народной демократии». Однако именно ее Церковь оказала Вселенскому патриарху наиболее сердечный прием.

Во всех трех столицах Афинагор прилагал усилия к оживлению процесса подготовки Всеправославного Собора и к пробуждению экуменического призвания в православном сознании. «Мы прибыли сюда, – сказал он в Белграде Сербскому патриарху, – прежде всего с тем, чтобы завязать контакт с Вашим Блаженством и его иерархией и вместе обсудить проблемы, касающиеся сегодня всей православной Церкви и требующие неотложного изучения и решения. С одной стороны, внутриправославные проблемы, большинство из которых включено в программу будущего великого Всеправославного Собора, где они должны найти свое решение. С другой стороны, православная Церковь оказывается сегодня перед задачей, касаю-

щейся всего христианского мира в целом, и потому она должна участвовать в движении к христианскому единству. Христианские конфессии были парализованы противостоянием и полемикой, что породило ненависть и привело к отчуждению. Сегодня они выходят из тех укрытий, в которых окопались, и начинают искать встреч и экуменического диалога. Такова самая поразительная реальность этого века, возникшая в ответ на вопросы и ожидания наших дней. И поскольку ощущение, что наша православная Церковь сохранила неповрежденной христианскую веру в согласии с апостольской традицией живо для всех, мы видим всеобщее желание встреч и сотрудничества с ней для восстановления древней неразделенной Церкви и возвращения к наследию Отцов.»

Подобные речи патриарх произносил и в Бухаресте. В Болгарии его экуменический призыв наполняется новым содержанием: «Здесь мы касаемся важнейшей проблемы нашего времени, проблемы христианского единства,... которая затрагивает более общую проблему мира и лучшего устройства нашей планеты. Мы официально провозглашаем, что наша святая православная Церковь совершает служение (диаконию), полное высокой ответственности, в ответ на требования нынешней эпохи, и предпринимает шаги, ведущие к этой цели. Наша святая православная Церковь не должна прятать сокровища своей веры, ни богатства своего предания. Напротив, она должна открывать себя миру в духе диаконии, стремясь к преображению мира во Христе Иисусе. С этой священной целью, православная Церковь призвана идти по тому единственному пути, который допускает откровение истины наряду с достижением единства, – по пути любви. На этом пути, по словам святого Фотия, «те, кто разделены – встречаются, те, кто сражаются – обретают мир,

656

более тесными становятся узы родства». Ибо только в любви мы, христиане, можем встретиться, когда Господь соединит нас у единой чаши святой Евхаристии. Таково наше общее ожидание, общее упование».

Он

После посещения Церквей Сербии, Румынии и Болгарии самым горячим моим желанием было посетить Москву. Мы договорились с патриархом Алексием встретиться в пасхальный период 1968 года. Но когда я написал патриарху, чтобы напомнить о нашей близящейся встрече, – это было по случаю его именин, и я написал ему особенно сердечное письмо – он ответил мне, что слишком стар, слишком утомлен для такой встречи и что лучше отложить ее на неопределенное время.

Мне, однако, хотелось завершить свое путешествие по православному миру, посетив Русскую Церковь, а вместе с нею Церкви Грузинскую, Финскую, Польскую и Чехословацкую. Я молюсь о том, чтобы мне была дана возможность побывать в Москве и сказать тамошним христианам: «Вы – Церковь новомучеников!» Чтобы сказать русскому народу, что он – великий народ, показать ему мою любовь, мое восхищение. Пусть это будет замолчено печатью, все равно это должно быть сказано. И подобно тому, как я говорил светским властям в Белграде, Бухаресте, Софии, я скажу и там: «Спасибо вам за этот народ, спасибо вам за таких христиан!»

Но я не смог поехать в Москву и сомневаюсь, что когда-нибудь смогу это сделать. И в этом моя боль.

Однако Женевская конференция в июне этого года* увенчалась настоящим успехом. Никогда дух братства и желание сотрудничества не проявлялись с такой силой.

* 1968.

«Межправославная комиссия», которую Вселенский патриарх провозгласил по просьбе участников «Четвертой Всеправославной Конференцией», соби-ралась в Шамбези, в предместьях Женевы, 8-16 июня 1968 года. Инициатива исходила от Афинагора, кото-рый в своем послании от 17 февраля говорил о необ-ходимости созыва конференции с целью подготовки к большому Всеправославному Собору. Местом встре-чи было выбрано Шамбези, в десяти километрах от Женевы, где находится «Православный Центр», от-крытый патриархом в ноябре 1967 года во время его поездки на Запад. На холме, откуда открывается вид на Женеву, стоит двухэтажный дом, окруженный са-дом, а чуть ниже, под холмом – церковь. В этом «Пра-вославном Центре Вселенского патриархата» проис-ходят встречи, съезды, конференции. Поскольку в Турции действия патриарха должны были ограничи-ваться рамками этой страны, ему потребовалось мес-то для развития всеправославной деятельности. Же-нева имела двойное преимущество: это «нейтральная территория», расположенная вне пределов любой на-циональной Церкви, что как раз соответствовало пра-вославной экуменичности патриархата; с другой сто-роны, все Церкви-сестры уже имеют представителей во Всемирном Совете Церквей в Женеве, что облегча-ло проведение всеправославных консультаций. Афи-нагор I предпочел бы Вену, столь удобно расположен-ную географически и к которой он имел особое рас-положение. Однако он был вынужден отменить свой визит в Вену по просьбе турецких властей. Дело в том, что приглашение исходило от австрийского прави-тельства, тогда как по турецкому закону деятельность патриарха должна была оставаться исключительно религиозной.

9 июня, в праздник Пятидесятницы, торжественная утренняя и литургия были отслужены в Православном Центре. Поскольку алтарь был невелик, богослужение совершили только три митрополита: Мелитон, возглавлявший делегацию Константинополя, Никодим, митрополит Ленинградский, и Илия Алепский от Антиохийского патриархата. Этой «триархией», наметившейся еще в сентябре 1966 года в Белграде, подчеркивалась древность и особая значимость, которую приобретает сейчас арабское Православие.

Митрополит Мелитон призвал к метанойе (покаянию, перемене ума) в экуменических отношениях и к обновлению Пятидесятницы. Коснувшись кризиса, который потрясал в то время Францию, он отметил, что этот кризис полон духовного вопрошания, безнадёжного и трагического, которое он не может выразить и на которое не в силах ответить. Митрополит молитвенно призывает стремительное действие Святого Духа, которое вдохновляет истинное творчество. «Дух Святой возвращается в виде огненных языков, Он сжигает и очищает. Обновление и единство – такова воля Божия... Это будет ответом Церкви на тревоги нашего мира. Будем же молиться, чтобы Дух Святой еще раз сошел на нас. Чтобы Он соединил всех христиан и всех людей, и чтобы пришло Царство Божие».

Во второй половине дня состоялись открытие конференции и ее первое рабочее заседание. Митрополит Мелитон вел его от имени Вселенского патриарха, и на этот раз проблема председательства не возникла. В пространным вступительном докладе митрополит предложил отказаться от понятия «предсобора» («просинода»), неизвестного в истории Церкви и чуждого каноническому сознанию Православия. Он предложил сразу приняться за утверждение координирующих органов и предварительных консультаций,

660

которые послужат подготовкой к Собору. Он говорил о необходимости завязать глубокий, подлинный диалог с англиканами и старо-католиками, но также и, может быть, прежде всего с нехалкидонскими Церквями и с римо-католиками.

На следующий день происходило обсуждение доклада. Предложения, касающиеся экуменической открытости в отношении Рима, столкнулись, как мы видели, с серьезными возражениями. Однако согласие было быстро достигнуто относительно необходимости начать подготовку к собору, который, как подчеркивали многие участники, должен стать подлинно «экуменичным». Затем подвели итог работе, проделанной в этом направлении. От имени Элладской Церкви, выступил профессор Кармирис за «внутреннее восстановление православной кафелической Церкви» на основе святоотеческой традиции. От имени Вселенского патриархата выступали профессор Иставридис и митрополит Эмилианос, представитель Вселенского патриарха при Всемирном Совете Церквей (митрополит Эмилианос опубликовал в журнале *«Ekklesia»*, в 1967 и 1968 годах, большую серию статей – «В предвидении собора» – касающихся прежде всего литургических и пастырских проблем). Румынские богословы подвергли полному и основательному исследованию проблемы, обсуждавшиеся на Родосе. Подобная работа была осуществлена и в России, где даже была образована специальная «Родосская комиссия».

Во вторник было создано четыре комиссии: три для экуменических сношений; первая же, и самая важная, для подготовки собора. Эта первая комиссия была составлена из всех глав делегаций, на основе коллегиального принципа.

На пленарном заседании 14 июня предложения, выработанные первой комиссией, были сообщены всем

членам конференции. «Отныне православная Церковь», говорится в них, «видит свою цель в созыве в ближайшие годы «святого и великого собора». Вместо «предсобора» будет созван ряд подготовительных конференций на основе «повестки дня», согласованной на Родосе. Вся работа в целом будет координироваться «всеправославной комиссией для подготовки к собору», в которую будет входить епископ и советник (чаще всего светский богослов) от каждой Церкви-сестры. Комиссия распределит между Церквями рабочие темы, выбранные из «повестки дня», для их изучения и доработки. Затем она разошлет всему Православию результативные документы и доклады, для изучения и поправок. Как только эта работа будет закончена, Вселенский патриархат, после консультации с Церквями-сестрами, созовет подготовительную конференцию, которая, в свою очередь, выдвинет новый список тем для последующего этапа. Когда вся повестка дня, выработанная на Родосе, будет исчерпана, должен быть созван собор.

Для первого этапа были отобраны следующие темы:

1. Из главы «Вера и Догмат», источники божественного откровения
 - а) Священное Писание. Его богодухновенный характер. Авторитет второканонических книг Ветхого Завета. Научное издание византийского текста Нового Завета;
 - б) Священное Предание. Его понятие и границы.
2. Из главы «Литургия». О большем участии верующих в литургической и иной жизни Церкви.
3. Из главы «Управление и устройство в Церкви». Приспособление правил поста к требованиям нынешней эпохи.
4. Препятствия к браку.

5. Проблема календаря. Изучение этой проблемы в контексте Решения Первого Вселенского Собора, касающегося даты Пасхи, и поиск к утверждению средств взаимопонимания между Церквями в этом вопросе.
6. Из главы «Икономия в православной Церкви».
 - а) Точный смысл терминов «акривия» и «икономия» («акривия» – буквальное, строгое применение канонических правил; «икономия» – применение канонических правил с учетом конкретных ситуаций и проявлением любви и уважения к личности, принимая в расчет судьбы и жизненные ситуации);
 - б) икономия: *в таинствах* (внутри и вне Церкви); в приеме еретиков, схизматиков и отделившихся братьев (через крещение, миропомазание или исповедание веры); *в литургии*.

«Изучение этих тем было распределено следующим образом: первая возлагалась на Константинополь, вторая – на Болгарскую Церковь, третья – на Сербскую, четвертая и пятая – на Русскую и Элладскую одновременно, шестая – на Румынскую Церковь».

Первая тема имеет основное значение для современного разъяснения веры. Четыре последующих имеют большое пастырское значение. Последняя включает в себе проблематику экуменизма, ибо косвенным образом затрагивает вопрос о действительности таинств, совершаемых в других христианских конфессиях.

Многие члены конференции, в частности греческие богословы Трембелас и Кармирис, выразили сомнения относительно столь обширной программы. Она казалась им неосуществимой без длительной подготовки.

Один из членов русской делегации, владыка Василий Кривошеин, архиепископ Брюссельский и Бельгийский, который за последние годы имел большое влияние на межправославных конференциях благодаря своей эрудиции – в настоящее время это лучший специалист по Симеону Новому Богослову – и сравнительной умеренности, выступил с вдохновенными словами, которые избавили прения от затора. Он напомнил, что многие Вселенские Соборы собирались в прошлом почти без подготовки. Арий, сказал он, начал распространять свою ересь в 323 году, а Никейский Собор собрался уже в 325; точно также Собор в Эфесе был созван, менее чем через два года после сомнительных утверждений Нестория. «Я не хочу сказать, что созыв Собора, в особенности в наше время не требует предварительной богословской работы, но Церковь собирает Соборы не тогда, когда она богословски готова к этому, но когда этого требует необходимость, когда это нужно самой жизни Церкви. Так ставится вопрос и сегодня: если жизнь Церкви требует созыва Собора, он должен быть и будет созван. В противном случае никакая богословская подготовка ничего не даст». «Нужно, чтобы дух Отцов вернулся к нам вместе со словами этого века, – сказал владыка в заключение. – Собор не административный акт, он принадлежит самой жизни Церкви и должен быть собран именно как таковой». Тогда предложения первой комиссии были единодушно приняты конференцией.

Также были утверждены решения, предложенные другими комиссиями, регулирующие принципы относительно диалога Православия с другими христианскими конфессиями. Было решено, что соглашения, заключаемые лишь одной из Поместных Церквей, как это было с давних пор в случае с англиканством, больше не будут иметь места. Вступать в диалог долж-

на будет лишь всеправославная комиссия. Румыны согласились с решением, по которому соглашения, достигнутые между ними и англиканами, должны стать предметом общего рассмотрения. С другой стороны, хотя комиссии и конференции соборного (синодального) типа будут проходить под председательством представителя Вселенского патриарха, чисто богословские комиссии смогут свободно избирать председателя и секретаря из своей среды, исключительно в целях бóльшей эффективности. Таким образом, проблема, затронутая в Белграде в 1966 году, была благополучно разрешена.

В целом конференция в Шамбези была исключительно плодотворна для единения Православия. Терпеливые усилия патриарха Афинагора наконец пробудили старую Церковь, освободив ее от инерции. Серьезнейшие проблемы, связанные с особым положением Церквей в Восточной Европе, недугами *диаспоры*, и с глубоким конфликтом между единством и разнообразием, казалось, были полностью разрешены. Дух братства и действенного сотрудничества явил себя в полной мере. Патриарх был прав в своем предвидении: стоит «забродить закваске братства», как даже без стремления к конкретным результатам, укрепляются связи, возникают навыки общей работы, и литургия в соборном сослужении дает ощутить то единство, которое выражает себя и в истории.

Он

Великий собор, который мы готовим, позволит народу нашей Церкви лучше понять свою веру. Его целью будет не только приспособление нашего Преда-

ния к ситуации современного человека, но и открытие в самом Предании истока новой жизни. Тем самым собор станет также и экуменическим служением. Потому что новую жизнь нельзя не разделить с другими, она не отделима от единства.

Я

Не имеет ли смысл создать при Вселенском Престоле постоянный всеправославный Синод, который мог бы выработать и подготовить предложения с целью богословского и пастырского обновления и развития экуменических отношений?

Он

Конечно. Я внес предложение о создании подобного организма еще на Первой Конференции на Родосе и вернулся к нему во время переговоров, которые состоялись после празднования тысячелетия монашества на Афоне. По сути, всеправославная комиссия, которая будет сформирована для подготовки собора, осуществит этот проект. После нескольких лет ее работы она, по всей видимости, станет постоянной и переживет собор. Православный центр в Шамбези, по моему убеждению, должен будет стать постоянным местом работы этого всеправославного синода.

Прежде всего собор должен стать началом духовного обновления, которое соединит созерцание, богослужение, богословскую мысль и действенную любовь. Безусловно он явится и богословским обновлением. Ибо подлинное богословие не имеет иной цели, кроме как сделать христианство истинной наукой жизни.

Я

Я думаю о словах Павла Евдокимова в его большом труде *Православие*: «Открытие Отцов не должно растворяться в «неопатристическом» богословии, которое просто приходит на смену богословию неосхоластическому... Вместе со словами Отцов надо вернуть их творческой дух...».

Я

А диаспора? Она как будто отсутствует в предсоборных перспективах...

Он

Нисколько. Не забывайте, что шесть тем, отобранных в Шамбези, касаются подготовки не только непосредственно самого собора, но и первой предварительной конференции. Все темы, намеченные на Родосе, будут изучаться одна за другой, и среди них находится проблема диаспоры.

Вы знаете, насколько я верю в то, что рассеяние миллионов православных по всему миру промыслительно и для самого Православия, и для христианского единства...

Я

Иногда я говорю себе, что православная Церковь повсюду находится в *диаспоре*, будь то на Западе, будь то в коммунистических странах, будь то в мусульманском мире, который сам секуляризируется. Даже в

Греции движение к секуляризации кажется необратимым, и пытаться остановить его силой – значит только вызвать реакцию антиклерикализма, до сей поры достаточно редкого...

Если Православие повсюду осознает себя находящимся в *диаспоре*, на пути к небесному Иерусалиму, оно легко избавится от церковного национализма, заложенного в то время, когда Церковь и государство были неразделимы. Но как организовать диаспору, чтобы она избежала этнической чересполосицы и юрисдикционных споров? Для нее это вопрос жизни и смерти. В слове *диаспора* есть слово спора, т.е. семя. Если семя не прорастет в земле, в которой оно находится, если оно не умрет для своих исторических ограничений, чтобы плодоносить в местных общинах, оно останется бесплодным и ветер истории иссушит и унесет его.

Он

Следует создать структуры более гибкие, приспособленные к различным ситуациям. С федеральными или конфедеративными структурами, подобными конференции канонических епископов в Соединенных Штатах или межепископскому комитету во Франции, которые собираются под председательством нашего экзарха. Некоторые православные, которые живут далеко от родины, хотят сохранить ей верность. У них должна быть такая возможность в рамках экзархатов их Церквей. Другие начинают образовывать местные общины, с корнями в той или иной стране, используя ее язык в литургии или в проповеди. Они должны найти автономную организационную структуру в настоящий момент «экуменического ожидания», ориентированную на диалог и на открытость в отношении бра-

668

тьев-христиан тех стран, где они живут. Они могут рассчитывать на помощь экзархов Вселенского Престола, которые не только греческие епископы, но и представители первой кафедры, которая будучи свободной от национальных перегородок, несет ответственность за универсальность Православия. И в этой области такая организация требует братского сотрудничества всех автокефальных Церквей, которые сделали много для свидетельства о Православии. Диаспора не должна быть ставкой, которую оспаривают между собой восточные Церкви, но пространством их деятельного сотрудничества. Здесь также права Вселенского Престола, для меня, неотделимы от двойного долга инициативы и сотрудничества. Однако наши экзархи могут договориться официально лишь с теми частями диаспоры, которые сохраняют или желают установить дружеские связи с Церквями, из которых они вышли, или с теми, чьи епископы имеют каноническую хиротонию от Вселенского Престола. В этом залог успеха православного объединения, которое я предпринял.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга, куда вписана судьба человека, живого и творческого, не завершается. Все продолжается: соби́рание Православия и его пробуждение к экуменизму, сближение с Римом, синтез истории и тайны.

Осуществятся ли желания Афинагора I? Увидит ли он Вселенский собор Православия, для подготовки которого он столько сделал? Причастится ли он вместе с папой из одной чаши благословения? Или же убедится еще раз, по выражению Бердяева, что «высшее иерархическое служение в мире – это быть распятым за истину»?

Главное, однако, уже достигнуто: ничто не помешает отныне уверенному, хотя и не всегда явному, сближению христианского Востока и христианского Запада. Для того, чтобы христианство вновь стало «наукой жизни».

Эта книга должна завершиться живым словом того, чей портрет она пыталась обрисовать. Вот два недавних заявления патриарха. Первое из них – его Рождественское послание 1968 года. Это взрыв духовной силы, где видение славы Грааля чередуется с суровыми предупреждениями. Второе – непринужденная беседа с журналистами. Отрывок, который я выбрал, заканчивается словом «рождаться». Только старый мудрец знает, что в истории, как и в человеке, то сокровенное, что мы все ищем, заключается в рождении.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ 1968 ГОДА ПАТРИАРХА АФИНАГОРА.

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11.12).

Вот Рождественское послание этого года. Оно не

ново, оно не от сегодняшнего дня. Ветхозаветные пророки – Ангел Благовещения – Иоанн Креститель – Голгофа – Святой Гроб Господень – апостолы, как молнии, проливающие свет с Востока до Запада – пещеры Кесарии – Римские катакомбы – золотой век единой Церкви – свет первого богословия – подвижники и мученики – Вселенские Соборы – жизнь первых веков, всецело исполненная общей чашей – таковы выражения Богоявления, проявления в мире Господа нашего.

Но как скоро любовь между братьями исчезла – ненависть заняла ее место. Лик Церкви – который Христос желал видеть прославленным, без пятна, без морщины, святым и беспорочным – исказился.

Ныне беспрецедентный кризис разразился в мире. И этот кризис опасно сотрясает Церковь – великий ковчег, которому два тысячелетия и который несет в себе просвещение Востока и Запада.

Люди, чтобы вырвать тайны у бесконечного, отправляются в космическое пространство. Однако на земле молодежь подымается как бурное море, готовое разнести все.

Мы продолжаем спорить о «неквасном хлебе» тогда, когда целые народы охвачены трагическим брожением.

Наука трудится над продлением жизни, но смерть ничем не стесненная, безжалостно топчет жизнь в Азии и в Африке.

Где же Христос-Спаситель? Мы изгнали Его нашими разделениями. Отсюда все невиданные наши несчастья.

И что делают Церкви? Торгуют бесценным. Отсюда их печальная раздробленность.

«Но там, где умножился грех, стала преизобильно благодать».

Таким образом, история нашей эпохи, придавая всю

ценность истине дел, призывает предстоятелей Церквей и иерархию направить богословие на служение тому, чтобы единственной целью нашего существования и нашей миссии стал человек, ради которого Бог стал Человеком, и которому мы должны нести нашу помощь в эти тяжкие времена.

Тем самым, трудясь над обновлением Церквей, сохраняя достояние нашей веры, мы общими усилиями пролагаем путь к объединению.

Наш девиз – любовь, безусловная и безграничная, наша сила – воля Всевышнего.

Путь этот далек, говорят одни, и кто способен увидеть его конец? Однако часть пути уже пройдена.

Дорога трудна и крута, говорят другие. Однако путь к ней открыт и доступен.

Как могло быть иначе? Великие события в жизни Церкви в течение шести последних лет, в особенности наши три последовательные встречи с Его Святейшеством Павлом VI, папой Римским, его последнее послание о том, что «никакой голос не должен молчать в этом бесконечном концерте Церквей и всего мира» сумели преодолеть расстояния и разделения, выстроить мост над пропастью.

Во время наших встреч мы обменялись крестом и чашей и молились о том, чтобы Господь милосердия даровал как можно скорее нашим святым Церквам Востока и Запада благодать общего служения и совершения святой Евхаристии, сподобил нас вновь причаститься Его Пречистых Таин из общей чаши.

Так неизменно и непрерывно было до 1054 года, так должно быть и теперь, конечно же, после тщательной работы, проделанной предварительно и сообща, после всей подготовки, которой требует наша совесть.

Общая чаша в ее сиянии открывается нам на горизонте Церкви.

Вот наше спасение!

Народы Христовы – наши спутники. Ничуть не озабоченные догматическими различиями, они узнают друг в друге братьев во Христе.

Они ждут с нетерпением единства, не как отдаленного мифа, но как интенсивнейшую внутреннюю реальность.

Вот доказательство Рождества Христова!

Но горе нам, если народы достигнут когда-нибудь единства за пределами Церкви, ее структур и ее богословия!

Вот почему единение не должно быть более объектом «торговли» или бесплодных, не имеющих под собой почвы, богословских диалогов. Оно станет созданием жизни, в котором соучаствуют те, «кто борется в любви и мире».

Поистине «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

«О бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» Воля Его непоколебима. Она ведет Церкви и народы к единству, она творит все новое, чтобы дать им это в общее наследие.

Придите же, братья, возрадуемся о Господе, восславим сегодняшнюю тайну. Ибо Христос рождается. И любовь простирается над землей, дабы человек стал смиренным, исполненным мужества и радости. (...)

Благодать Слова, ставшего плотью – ему же слава в веках – буди со всеми вами.

*Патриарх Константинопольский АФИНАГОР,
истовый молитвенник перед Богом о всех вас.*

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАТРИАРХА АФИНАГОРА
КОРРЕСПОНДЕНТАМ ИТАЛЬЯНСКОГО ЖУРНАЛА
«АВВЕНИРЕ» (12 ЯНВАРЯ 1969).

(...) Мир сегодня переживает момент, когда все его ценности подвергаются испытанию. Новые открытия и огромный технический прогресс, полет человека в космическое пространство, быстрые социальные изменения, великое духовное смятение, конфликт поколений (...) создают неведомое доселе замешательство. И это замешательство нередко искушает нас упадком духа и пессимизмом. Но мы не должны уступать искушению, ни на мгновение не должны поддаваться отчаянию. Сегодняшний мир переживает муки рождения, а рождению всегда сопутствует надежда. Мы наблюдаем на нынешнюю ситуацию с огромной христианской надеждой и с глубоким чувством ответственности за тот мир, каким он выйдет из сегодняшних родов. Настал час Церкви: Церкви единой, которая должна дать новые христианские ориентиры обновленному миру, который рождается (...).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ко второму изданию (1976)

К западу, в сторону Европы, проходим через старые византийские стены, пересекаем оглушительную автостраду и вдруг вступаем в сады упокоения: кладбища без оград, стелы среди сосен и кипарисов, узенькие дорожки из камня и пыли... Большинство кладбищ мусульманские, но есть и христианские. Но вот внизу, невидный и словно укрывшийся в безмолвии, монастырь Пресвятой Богородицы, «Живоносный источник». Входим во двор, вымощенный могильными плитами; здесь похоронен скромный люд, среди них много ремесленников, о чем говорят инструменты, выгравированные на их надгробиях. В глубине, направо, маленький храм, ушедший в землю; входим, спускаемся на несколько ступенек и под широким сводом видим воду бесконечно прозрачную, воду материнскую и девственную одновременно. То же впечатление, что и в гроте Лурда: земля, ставшая прозрачной благодаря Деве-Матери, «источнику жизни».

В мусульманском и обмирщенном Стамбуле православная Церковь теперь почти невидима, оттеснена на окраины жизни. Но она хранит в себе скрытые истоки в самом центре своего бытия, остающиеся в рассеянии, но, более чем когда-либо, указывающие на окончательное Преображение.

Перед *агиязмой* – святым источником – небольшое кладбище патриархов. Здесь находится белый саркофаг, где теперь покоится Афинагор. Здесь он навсегда «рядом с Матерью». Лишившись земной матери в 13 лет, он всегда любил молиться пред иконами Пресвятой Богородицы. Могила патриарха вся в цветах, сказали мне. В те зимние дни, когда я ее посетил, в Стамбул привозят нарциссы целыми грузовиками. Их

белый запах, чувственный и чистый, поднимается с городских площадей, как и с этой могилы. Могилы живого.

Митрополит Мелитон, который в конце жизни патриарха был его ближайшим другом, рассказал мне о его последних часах. Он умер ночью с 6 на 7 июля в палате №12 греко-православной больницы Балукли. Я посетил ее с молитвой и нашел обыкновенную палату, такую же, как и все прочие, отмеченную народной простотой, свойственной православному быту. Патриарх понимал, что он умирает. Когда митрополит стал говорить ему о поездке в Вену, где его здоровьем могли бы заняться лучшие врачи, он сказал: «Нет, я знаю, что не поеду в Вену. Мне нужно подготовиться к другой дороге». Наступил последний вечер. Изможденное тело уже погружалось в смерть, но дух оставался сильным и ясным. Патриарх захотел исповедаться, он медленно прочел все подготовительные молитвы, молитвы покаяния, веры и любви. Затем, полный мира и радости, он приобщился из рук митрополита Мелитона. После этого он отказался от всякой пищи и попросил оставить его одного. С полдороги он вернул митрополита, чтобы поблагодарить его. Затем остался один, чтобы умереть. Один на Один: он был монахом.

Удалось ли Афинагору I лишь преобразить недоверие в дружбу, оставив своему преемнику заботу о более глубоком богословском обосновании, которое только и может сохраниться? Утверждать это, значит

676

забыть о весьма значительном достижении в экклезиологической области. Достаточно заглянуть в *Tomos Agapês* (Книга любви), опубликованную в 1971 году одновременно Фанаром и Ватиканом, которая содержит полный отчет о встречах и переписке между Афинагором I и Павлом VI. Это подлинно «богословское средоточие», к которому должна будет часто возвращаться богословская мысль. Папа и патриарх сумели восстановить между Церквями общий язык, язык Священного Писания в свете Отцов, в духе верности дыханию жизни, язык, не покинувший Церкви. Поэтому диалог должен соответствовать «традициям Отцов и внушениям Духа». Эта формула несет в себе понятие об истинном Предании в его творческой, эсхатологической непрерывности. В силу взаимообмена, когда противостояния начинают восполнять друг друга, мы видим в *Tomos Agapês*, что Павел VI настаивает на сущности любой поместной церкви как евхаристической общины, тогда как Афинагор I подчеркивает, что факт римского первенства нисколько не оспаривается православными, за исключением некоторых форм, догматизированных в 1870 году. Патриарх, с одобрения папы, возвращается к выражению Игнатия Антиохийского (стало быть, отсылающего нас в истории Церкви к самым истокам учреждения епископата) о первенстве Рима как «председательства в любви», как диаконии, призванной поощрять общение между всеми поместными Церквями.

Пора завершить эту встречу, которая сама по себе остается нескончаемой. У патриарха было острое ощущение того, что мы переживаем своего рода апокалипсис в истории, когда слова «Восток» и «Запад» приоб-

ретают новый смысл, который уводит нас от географии: символический смысл происхождения и предела. Ибо земля кругла, и солнце восходит и садится повсюду. Запад не может быть определен (или определен *исключительно*) развитыми культурами латинской или германской Европы, запечатленными гением Рима или Реформы. Он становится планетарной «акультурой», которая благодаря своей технике и своей идеологии, в силу духовных притязаний, которые они в себе таят, и опустошению души, которое они несут, ставят человечество перед последними вопросами. Вспомним, что говорил патриарх: «История сегодня уже не может избежать уклонения от последних вопросов. Наука, техника, появление планетарного человека требуют осмысления. Наука исследует секреты вселенной и натывается на дверь, скрывающую от нас тайну, за которой Бог – или гибель всего».

Константинопольский патриархат не оставил этой темы и после смерти Афинагора, о чем говорит, в частности, послание Димитрия I по случаю двадцать пятой годовщины Всемирного Совета Церквей: «Думая о том, как решить человеческие проблемы, мы не должны забывать самого главного: сегодня человек страстно ищет ответ на неустрашимый вопрос, который встанет перед ним в социополитических проблемах и за их пределами: в чем смысл существования человека, человека живого, духовной личности (...), обращенной к последней реальности?»

На этот вопрос, для Афинагора как и для его преемника, может дать ответ только христианство, вновь обретшее свое единство и творческую духовность неразделенной Церкви. Христианский Восток, также на свой лад захваченный планетарной «акультурой», в особенности в «западном его изгнании» (говоря словами иранской мистики), призван нести отныне чело-

вечеству, мятущемуся перед последними загадками, смиренное и стойкое свидетельство об изначальном, чтобы стать более глубокой памятью для Запада, низвергающего всю землю в беспмятство истории. Смиренное и стойкое свидетельство о Христе торжествующем над смертью и над адом, который мы отчаянно отталкиваем от себя, о Христе воскресшем, несущем людям Духа Животворящего, т.е. жизнь и свободу. Свидетельство это, как повторял Афинагор в конце своей жизни, не принадлежит ни православным, ни христианам, но затрагивает всех людей, ибо все воскрешены во Христе. Это сознание нужно донести до них, и освободить в них силу очеловечения и обожения, взятые вместе. Последние времена, говорил Франциск Сальский, будут временами *decatenatio sanctorum*!

Чтобы осуществить эту встречу, чтобы разделить этот опыт, это свидетельство, необходимо, думал патриарх, чтобы христианский Восток преодолел свои исторические ограничения, свои страхи, свои недоверия, свой тысячелетний комплекс неполноценности-превосходства по отношению к «гниющему», но влекущему Западу, чтобы, оторвавшись от симметричных искушений релятивизма или ухода в себя, научиться диалогу, который не *против* другого, но *вместе* с ним, диалогу, в котором становятся полностью собой, принимая другого и даруя себя ему: «Наша святейшая православная Церковь не должна и не может скрывать сокровища своей веры и богатство своего предания. Она должна открыть их миру в духе смиренного служения, ради преобразования мира во Христе».

Афинагор I: 1886- 1972.

Молитва Церкви предает его «вечной памяти» Бога, теперь мы должны воспринимать его в вечности. Стараясь это выполнить, я имею смелость написать: Афинагор I, блаженной памяти.

26 марта 1976 года, Собор архангела Гавриила.

I

«Беседы с патриархом Афинагором» Оливье Клемана происходили, записывались, а затем были опубликованы приблизительно четверть века назад. Четверть века – почти вчерашний день для истории христианства и, может быть, еще не заверченный сегоднешний. Что-то, однако, изменилось к концу этого дня; уже последние годы жизни Константинопольского патриарха стали для него, по словам Клемана, «часом испытаний». Время «Бесед» обещало стать как будто поворотным во взаимоотношениях Церквей Востока и Запада. Встреча Павла VI и Афинагора I в Иерусалиме, снятие анафем, наложенных в 1054 году, завязавшиеся богословские контакты с протестантским миром, подготовка к будущему всеправославному Собору, казавшемуся таким близким, – все эти события были как будто явными знаками близящегося единства, «увещаниями», коими «Дух говорит Церквям».

Но прошло время, и «увещеванья» словно приумолкли или перестали доходить до нашего слуха, знаки потеряли силу и убедительность. Всеправославный Собор так и не состоялся. Все реже и реже вспоминают о нем православные Церкви, в особенности те из них, кто после многолетнего разоренья занят залечиванием ран или поисками твердой национальной почвы под ногами. Контакты с протестантским миром остались не более, чем контактами, ибо миры эти движутся в разных направлениях: православие все более уходит к своему прошлому, протестантизм все более освобождается от своего. Торжественная отмена анафем, когда-то прозвучавшая одновременно в Риме и в

Константинополе, как будто ничего существенного не изменила в отношениях между православием и католичеством. И она сегодня – где-то полузабытое прошлое времен высадки первого человека на Луне.

Означает ли это, что все, чем жил, все, что созидал патриарх Афинагор, в конце концов потерпело крах? На это можно ответить прежде всего словами Апостола, которые и поныне, остаются неколебимым основанием для всякого «домостроительства» христианского единства: «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор 12.3). Имя Господа Иисуса – тот камень, на котором строилось дело покойного патриарха, оно – вечное начало того единения или братства в Духе Святом, которое не может быть абстракцией, словом без соли и смысла. Все усилия Афинагора были направлены к тому, чтобы вернуть Дух этому единению, внять «ходатайствам» Духа о примирении с Богом и братьями в тайне Христовой.

Все, к чему когда-либо прикасался Дух Божий, не исчезнет из памяти Церкви. Память ее может всегда обновиться как потускневшая икона.

Такой потускневшей иконой представляется мне сегодня духовное наследие патриарха Афинагора.

II

Начав работать над переводом этой книги (работа эта по разным обстоятельствам затянулась надолго), я прежде всего заметил, сколь неисправимой дальнорзоркостью отличается наш взор, простирающийся из российской культурной ойкумены. Все-то у нас только «Россия и Европа», «мы и Запад», то ли с контекстом, что «два Рима пали, а четвертому не бывать», то ли, напротив, с текстом, что пишется в пику тому

682

контексту. Между тем рядом с нами живет, движется мир, который и для Запада как бы еще не Европа, и для нас как бы еще не Запад, и потому ему суждено оставаться всегда на краю наших горизонтов.

Это Балканы, Греция, Турция, для русского православия – «Ближнее зарубежье». Но этот «ближний» греческий мир, по сути, оставался для нас дальше классического. Наша первая благодарность Оливье Клеману – за краткое знакомство с этим миром, веками сохранявшим свое «тепло» (язык, обычаи, веру) «под снегом» оттоманского владычества. Во времена детства будущего патриарха христиане и мусульмане жили еще в добром согласии, словно ощущая себя детьми одного отца, Авраама. Затем наступает XX век, взрыв национализма, современная история с ее бесконечными кровопролитиями, этническими чистками и дележами территорий, и все это с особой плотностью сгущается (и все никак не может разрядиться) именно на этом уголке земли. Но рядом с историей – жизнь самой земли, великие ритмы расцвета и увядания, всегдашнее соседство моря, что ночью сливается со звездами («восклицающими от радости», вспоминает Клеман Книгу Иова), красноватый цвет почвы и сосен на острове Халки, птичьи гнезда на Фанаре, ликование и томление твари повсюду – все это повинуетя какому-то промыслительному разуму и «движется любовью», которая проходит и через сердце Афинагора.

Его духовная биография как будто вбирает в себя опыт двух недавних святых – Космы Этолийца († 1779), учившего, что для спасения нам нужно стяжать «обе любви» – и к Богу и к ближнему, и Нектария Эгинского († 1920), аскета, молитвенника, «духовидца», благословлявшего весь мир, искавшего единства среди христиан и ожидавшего святости отовсюду, даже и от

самой современной демократии. Но корни Афинагора уходят дальше – к Византии. В его облике мы наконец видим Византию без «византинизма», без исторической тяжести, сохранившуюся лишь в предании и литургии, целиком переплавленную в духовный опыт. Константинополь давно перестал быть ее столицей, но для патриарха он остается городом Матери Божией. Для Оливье Клемана он несет в себе загадку Нового Иерусалима, тем более полную смысла, что земное основание его разрушено. Символ Нового Иерусалима – Святая София, о которой он говорит, что она «являет собой присутствие Божие всей совокупностью своего пространства, насыщенного светом».

«Пространство, насыщенное светом» – в этом есть какая-то аналогия не только с Византией и ее Церковью, но и с верой самого Афинагора.

III

Эта книга – одно из лучших «введений» в православное христианство, которое мне приходилось читать.

Нетрудно показать, *во что* верят христиане. Для этого существует апологетика, догматика, катехизис, религиозная философия, наконец проповедь. Гораздо труднее показать, *как* они верят, доказать содержание веры живым исповеданием ее. Все это мы находим в книге Оливье Клемана. «Для меня, открывшего его в зрелом возрасте и ясном сознании, после настойчивого вопрошания атеизма, – говорит он, – христианство – чудо, вызывающее постоянное изумление, которое делается все более глубоким».

Таким изумлением пронизаны здесь не только «Беседы», но и вся жизнь, вся личность Константинопольского патриарха. В его вере нет никакой давящей авторитарной жесткости, иногда делающей христиан-

684

ство «бременем неудобноносимым» для других. В ней есть легкость, свежесть и древность, легкость и свежесть тех времен, когда она была еще совсем юной и ошеломляющей. Тогда она могла уложиться в одну фразу: «Иисус есть Господь», и в ней заключалась уже вся тайна Пресвятой Троицы, вся мудрость богословия и все упование.

«Христианство – это Христос, а Христос имеет лицо, лик Воскресшего, – говорит Афинагор. – Только личная встреча с Воскресшим дает нам соучастие в Его жизни, ведет к восстановлению нашего утраченного подобия Творцу. Во Христе Бог становится близким, и потому ближними становятся все другие...»

Афинагор – человек, носивший эту встречу в себе, живший той встречей, но не в качестве обращения, случившегося однажды, но постоянной обращенности. Она была в нем как со-бытиё со Христом, Которого он находит и ощущает повсюду, лик Которого он видит во всяком человеческом лице. Есть вера – исполнение закона, внешнего или «вложенного в сердце», вера как трепет или как суд и всегдашнее ожидание гнева Божия, есть вера – такова она у большинства – как присутствие чего-то Непостижимого, глубоко интимного и вместе с тем далеко трансцендентного, что никак не вмещивается в наши земные дела. Вера патриарха Афинагора – это прежде всего изумление и радость при встрече с Личностью. Личностью, в Которой преображается и воскресает мир.

«Все отныне (т.е. после явления Христа) тянется ко всеобщему воскресению, – говорит он. – Какими путями мы не знаем, но все обращено к нему. Среди всех исторических событий только Воскресение абсолютно, ибо только оно в каком-то смысле охватывает всю человеческую и космическую реальность. Воскресе-

ние – это как закон всемирного тяготения, что наделяет историю смыслом...

– И потому все преобразится?

– Все. Все, что мы когда-то любили, все, что мы создали, всякая радость и красота найдут свое место в Царствии Божием».

IV

Но это отнюдь не «розовое» христианство. Это христианство отвоеванное, выросшее из молитвенного и литургического опыта, прошедшее «через огонь». Сам патриарх говорит о годах жестокой внутренней борьбы, через которую ему пришлось пройти, чтобы стать наконец «безоружным», стать тем, кем он призван был стать.

Из этой «безоружности» перед миром, как и видения мира в тайне Христовой, берут свое начало две темы, которые становятся определяющими во всех делах и помыслах Афинагора. Речь идет о примирении христианских Церквей между собою, но также и о примирении Церкви и христианства.

Можно ли носить в душе свет Воскресения и ничего не видеть вокруг себя, кроме тления, «багряных» грехов и черноты ересей? Можно ли любить ближних, «полагая душу свою за овцы», глядя на них лишь как на будущие поленья в огне неугасимом? «Экуменизм» патриарха Афинагора, стоивший ему доброго имени во многих православных кругах (даже и до сего дня), был прежде всего ощущением близости, человечности и вселенскости тайны Христовой.

«Тайна Христа неисчерпаема, – говорит он. Она превосходит любые формулы, которые хотят ее выразить. Ее нельзя заключить в границы, ею нельзя обладать, ей можно только изумляться тем изумлением, которое просыпается вновь и вновь».

Из изумления вырастает великодушие, из великодушия – способность заглянуть в веру другого. Изумиться тайне Христовой в этой вере – вот единственная формула экуменизма (вселенскости), вне которой он становится лишь церковной или богословской дипломатией. Лишь изнутри этой тайны можно вести диалог и искать единства с другими исповеданиями.

В готовности к такому диалогу, который открывает нас самих для веры другого, нет ни малейшего отступления от собственной веры или равнодушия к той Церкви, которая продолжает питать нас таинствами и молитвами. Опыт патриарха Афинагора говорит о том, что если мы носим Христа в себе, мы можем встретить Его повсюду.

Отсюда – столь нечастое соединение молитвенной, монашеской глубины в нем с христианской широтой и экуменичностью. Отсюда – его умение видеть только истину, иногда искаженную и неполную, и все же истину, укорененную в Господе Иисусе.

Эта истина должна наконец вернуться в Церковь, но не для того только, чтобы быть в ней неподвижно и вечно хранимой, но для того, чтобы стать началом преобразования внутри ее самой. В православии, о котором говорит Афинагор, мир должен наконец увидеть Христа, но не как-то умозрительно, через богословие, а житейски, реально, увидеть в людях, увидеть в жестах. Это отнюдь не означает какого-то опрощения или «удешевления» церковности, но как раз возвращение к самым истокам ее – Слову Божию, Духу Предания, огню Евхаристии. Соединению Церквей только предшествовать соединению каждой из них с духом и буквой Евангелия. Да, собственно, может ли быть иная основа для церковного единства?

Возвращение христианства в Церковь, как об этом говорил покойный патриарх, это прежде всего новое

раскрытие ее святости. Той святости, которая должна сделать видимым, осязаемым в Церкви присутствие Божие.

У него было предчувствие, что все это должно начаться в пробуждающейся России.

Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

BIBLIOGRAPHIE SOMMAIRE

I. LE CONTEXTE ORTHODOXE

Olivier CLEMENT, *L'Eglise orthodoxe*, Paris, 1965².

Paul EVDOKIMOV, *L'Orthodoxie*, Paris-Neuchatel, 1959.

Vladimir LOSSKY, *Essai sur la théologie mystique de l'Eglise d'Orient*, Paris, 1944.

Jean MEYENDORFF, *L'Eglise orthodoxe hier et aujourd'hui*, Paris, 1969².

Petite Philocalie de la prière du coeur, trad. et intr. de Jean GOUIL-LARD, Paris, 1968².

Timothy WARE, *L'Orthodoxie, l'Eglise des sept conciles oecuméniques*, Paris, 1968.

II. CONSTANTINOPLE

Louis BREHIER, *La civilisation byzantine*, Paris, 1950.

André GRABAR, *La peinture byzantine*, Genève, 1964.

Id. *L'âge d'or de Justinien*, Paris, 1966.

Olivier CLEMENT, *L'essor du christianisme oriental*, Paris, 1964.

Id. *Byzance et le christianisme*, Paris, 1964.

Elie MASTROIANNOPOULOS, *Byzance, un univers d'esprit et d'amour* (en grec), Athènes, 1967.

Gervase MATHEW, *Byzantine Aesthetics*, Londres, 1963.

Georges OSTROGORSKY, *Histoire de l'Etat byzantin*, Paris, 1956.

Steven RUNCIMAN, *La civilisation byzantine*, Paris, 1952.

Id. *La chute de Constantinople*, 1453, Paris, 1965.

Philip SHERRARD, *Constantinople, Iconography of a sacred city*, Oxford, 1965.

David TALBOT RICE, *Constantinople, Byzance, Istanbul*, Paris, 1965.

Paul A. UNDERWOOD, *The Kariye Djami*, 3 vol., New York, 1966.

Spéros VRYONIS, *Le rôle de Byzance*, Paris, 1968.

III. LE PATRIARCAT OECUMENIQUE (ET L'EGLISE GRECQUE) A L'EPOQUE OTTOMANE ET AU XX^e SIECLE

Asterios ARGYRIOU, *Spirituels néo-grecs* (XV-XX siècles), Namur, 1967.

Friedrich-Wilhelm FERNAU, *Patriarchen am Goldenen Horn. Gegenwart und Tradition des orthodoxen Orients*, Opladen, 1967.

Ambroise FONTRIER, *Saint Nectaire d'Egine*, Paris, s.d.
 Bernard LEWIS, *The Emergence of modern Turkey*, Oxford, 1961.
 Geoffrey LEWIS, *La Turquie, du déclin de l'Empire à la République moderne*, Verviers, 1965.
 Steven RUNCIMAN, *The Great Church in captivity. A study of the Patriarchate of Constantinople from the eve of the Turkish conquest to the Greek war of independence*, Cambridge, 1968.
 Nicolas SVORONOS, *Histoire de la Grèce moderne*, Paris, 1953.
 Dans la revue SYNORO, N°40, Athènes, hiver 1966-1967, l'introduction de Christos YANNARAS au thème du numéro, *Orthodoxie et politique*, et l'article de Ph. SHERRARD et J. CAMPBELL, *L'émergence historique du nouvel Etat grec* (en grec).

IV. BIO-BIBLIOGRAPHIE

DU PATRIARCHE ATHENAGORAS I^{er}

Stélios CASTANOS DE MEDICIS, *Athénagoras I^{er}, l'apport de l'Orthodoxie à l'oecuménisme*, Lausanne, 1968 (Introduction biographique et recueil des messages patriarcaux).
 Bernard OHSE, *Der Patriarch Athenagoras von Konstantinopel. Ein ökumenischer Visionär*, Göttingen, 1968.

V. L'ORTHODOXIE ET L'OECUMENISME

Ernst BENZ, *Luther et l'Eglise orthodoxe*, dans *Irénikon*, 4^e trimestre 1955.
 Id. *La Confession d'Augsbourg et Byzance au XVI^e siècle*, dans *Irénikon*, 4^e trimestre 1956.
 V. GAMBOSO, *L'Abbraccio tra la chiesa d'Oriente et d'Occidente*, Padoue, 1968.
 Georges FLOROVSKY, *The Orthodox Churches and the Ecumenical Movement prior to 1910*, in *A History of the Ecumenical Movement (1517-1948)*, edited by Ruth Rouse and Stephen C. Neill, Londres, 1954.
 Alexis STAWROWSKY, *Essai de théologie irénique, l'Orthodoxie et le catholicisme*, Madrid, 1966.
 Wilhelm DE VRIES, *Orthodoxie et catholicisme*, Paris, 1967.
 Léon ZANDER, *Vision and Action*, Londres, 1952.
 Nicolas ZERNOV, *The Eastern Churches and the Ecumenical Movement in the twentieth century*, in *A History of the Ecumenical Movement*, op. cit.

VI. PERIODIQUES

Une étude d'«histoire actuelle» exige le dépouillement de nombreux périodiques. A la bibliothèque du Phanar, j'ai consulté la collection d'*Apostolos Andreas*, publié à Istanbul entre 1951 et 1964, et celle d'*Ekklesia*, qui paraît à Athènes. En français, trois périodiques m'ont été particulièrement utiles: la revue *Istina* et le bulletin *Vers l'unité chrétienne*, publiés l'un et l'autre à Paris par le centre d'études «Istina»; et la revue *Irénikon*, éditée par les Bénédictins de Chevetogne, en Belgique, et dont la «chronique religieuse» fait autorité. J'ai utilisé les *Informations catholiques internationales*, Paris, et le bulletin du *Service oecuménique de Presse et d'Information*, Genève. Les commentaires du P. Wenger et du P. Scrima dans *la Croix* et *le Monde* m'ont beaucoup aidé pour l'interprétation des événements. J'ai puisé dans les longues chroniques que Mgr Basile Krivochéine a consacrées aux conférences pan-orthodoxes, dans *le Messager de l'exarchat du patriarche russe en Europe occidentale*, publié à Paris, conférences que j'avais moi-même présentées dans l'hebdomadaire *Réforme*, à Paris. *Contacts, revue française de l'Orthodoxie*, qui paraît à Paris, a donné plusieurs chroniques sur ces événements, et reproduit en particulier une étude du P. Georges Khodre sur le voyage d'Athénagoras I^{er} au Proche-Orient en 1959. *Al Montada*, publié à Beyrouth, donne, entre autres, le point de vue (très éclairant sur Upsal) du Mouvement de Jeunesse orthodoxe du Patriarcat d'Antioche. En roumain, *Biserica Ortodoxa Româna* a donné en 1967 un procès-verbal détaillé de la rencontre, à Bucarest, du patriarche Athénagoras et du patriarche Justinien. Le P. Jean Meyendorff, dans le *St. Vladimir's Seminary Quarterly*, Crestwood, Tuckahoe (New-York) a publié une excellente mise au point du dialogue entre l'Orthodoxie et les Eglises non-chalcédoines.

Enfin le Phanar a mis obligeamment à ma disposition le texte grec encore inédit des déclarations faites par le patriarche oecuménique durant son voyage dans les Balkans, en octobre 1967.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	I-VIII
<i>Введение</i>	IX-XIII

Часть первая

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗОВУТ АФИНАГОР

Фанар	1
Что такое православная Церковь?	5
«Под снегом»	22
Халки	37
Монастир	48
Афон	55
«Защитник города»	65
«Америка, Америка»	76
Византия, Константинополь, Стамбул	89
Шестое сентября	107
«Епископ в Церкви и Церковь в епископе»	118
«Братолюбивый бедняк»	128

Часть вторая

СЛОВА

«Христос воскрес!»	140
Церковь и христианство	172
Ислам	202
Наука жизни	210
Иисусова молитва	243
Политика	266
«Теология»	299
«Литургия»	327

Часть третья ДЕЙСТВИЯ

<i>Roma Amor: Ананке</i>	357
«Две сестры»	389
Экклезиология соборности	412
Иерусалим	429
Снятие анафем	454
От нового Рима к древнему	486
Будущее	521
«Audiatur et tertia pars»	547
Женева, Лондон, Упсала	577
Новый Рим, новый Иерусалим	604
Родос	625
Тысячелетие	641
Белград, Бухарест, София	650
Шамбези	658
 <i>Заключение</i>	 670
<i>Послесловие</i>	675
<i>Наследие Патриарха Афинагора</i>	681
<i>Библиография</i>	689